

ЛИНГВИСТИКА ДЛЯ ВСЕХ

Летние лингвистические школы
2007 и 2008

Москва
Издательство МЦНМО
2009

УДК 81
ББК 74.200.58:81.2.
Л59

Проведение летних лингвистических школ и издание их материалов поддержано Департаментом образования г. Москвы, а также компаниями Яндекс и АBBY.

Учебное издание

Л59 **Лингвистика для всех.** Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / Ред.-сост. Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева. — М.: МЦНМО, 2009. — 440 с. — ISBN 978–5–94057–521–4.

Сборник содержит материалы двух летних лингвистических школ для школьников и студентов, проведённых в 2007 и 2008 году.

Для педагогов, школьников, студентов, а также всех, кто занимается и интересуется лингвистикой.

ББК 74.200.58:81.2

Оригинал-макет подготовлен в ООО "Издательстве МБА"

© МЦНМО, 2009.

© Авторский коллектив, 2009.

ISBN 978–5–94057–521–4

Введение

В настоящем сборнике собраны материалы двух Летних лингвистических школ (ЛЛШ): девятой, проходившей с 9 по 18 июля 2007 года, и десятой, проходившей с 8 по 18 июля 2008 года. Обе школы были проведены в санатории-профилактории «Ратмино» Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ, город Дубна).

Авторы проекта Лингвистической школы и сопредседатели оргкомитета — М. А. Кронгауз и Е. В. Муравенко. В оргкомитет также входили Б. Л. Иомдин, Н. С. Медякин, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева. Обе школы проводились при поддержке Московского центра непрерывного математического образования (МЦНМО, директор И. В. Яценко), постоянную организационную помощь оказывали заместитель директора Центра В. Д. Арнольд и сотрудники центра А. К. Кулыгин и С. Е. Дубов. Кроме того, поддержку школе оказывали компания АБВУУ (руководитель проекта В. П. Селегей) и компания «Яндекс».

В 2007 году в ЛЛШ приняли участие более сорока школьников, более десяти студентов и более тридцати преподавателей; в 2008 году школьников было более пятидесяти, студентов — более двадцати, а число преподавателей вплотную приблизилось к сорока. Некоторые преподаватели приезжали с лекциями на два-три дня. Особо знаменательными событиями девятой и десятой Летних лингвистических школ были лекции известнейших лингвистов акад. А. А. Зализняка и проф. Е. В. Падучевой, которые специально приезжали из Москвы на один день, чтобы выступить перед школьниками.

Распорядок дня в обеих школах был примерно одинаков: после завтрака — две часовые лекции, после обеда — три или четыре семинара. Для школьников обязательным было участие в каких-либо двух семинарах, но

многие стремились ничего не пропускать и посещали все занятия. После ужина — интеллектуальные игры и другие развлечения

Обо всём этом подробнее можно прочитать в нашем сборнике¹. И не только прочитать. Можно порешать задачи, поучаствовать в разных конкурсах, включиться в игру, а также привлечь к этому своих друзей... Чтобы сориентироваться, внимательно посмотрите на программы обеих школ и начните с того, что вам кажется самым интересным.

¹ А о предыдущих лингвистических школах можно прочитать в публикациях:

Кронгауз М. А., Муравенко Е. В. Летняя гуманитарная (лингвистическая) школа. — М.: МИПКРО, 1996. 22 с., илл.

Кронгауз М. А., Муравенко Е. В. Школа в каникулы // Новый педагогический журнал. 1997. № 3. С-Пб. С. 64–72.

Лингвистика для всех: Зимняя лингвистическая школа — 2004 / Ред.-сост. Е. С. Абелюк, Е. В. Муравенко. — М.: Деп. образования г. Москвы, НИИРО, 2004. 256 с.

Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006 / Ред.-сост. Е. В. Муравенко, О. Ю. Шеманаева — М.: МЦНМО, 2008. 440 с.

http://il.rsuh.ru/school_llsh.html

<http://www.llsh.ru>

ПРОГРАММА
IX ЛЕТНЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (2007 г.)

Лекции

- Абелюк Е. С.*
Откуда у Пушкина Анакреонт: один маленький комментарий
- Алпатов В. М.*
Фердинанд де Соссюр
- Беликов В. И.*
Конвергенция в языковой истории
- Брагина Н. Г.*
Речевые фразеологизмы как объект культурного комментирования
- Бурлак С. А.*
Историческая фонетика
- Гершензон Л. М.*
Лингвистика для поиска в Интернете
- Держанский И. А.*
Системы письма
- Зализняк А. А.*
Новгородские берестяные грамоты
- Иомдин Л. Л.*
Лингвистика и машинный перевод
- Крейдлин Г. Е.*
Невербальные приветствия и прощания в разных культурах
- Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И.*
Тело в русском языке и в русской культуре (проект Института лингвистики)
- Кронгауз М. А.*
Что в имени тебе моём?..
- Падучева Е. В.*
Стратегии повествования
- Селегей В. П.*
Компьютерная лингвистика — занятие для лингвистов?
- Успенский В. А.*
Один простой пример формальной семантики
- Циммерлинг А. В.*
Личные имена и прозвища

Шабат Г. Б.

О языке стрелок

Шаронов И. А.

Как сказать «да» и «нет» в русском языке

Щербакова Е. Ю.

О сказках

Янко Т. Е.

Ягодки-цветочки (об уникальных синтаксических конструкциях русского языка)

Семинары

Абелюк Е. С.

«Ода на победу» Марка Тарловского: комментарий (1 занятие)

Андреев Н. Н.

Математические этюды (1 занятие)

Беликов В. И.

О работе над словарём русских регионализмов (1 занятие)

Бешенкова Е. В.

Лаборатория орфографии (3 занятия)

Держанский И. А.

Венгерский языковой конкурс (1 занятие)

Иомдин Б. Л.

Толковый словарь как система (3 занятия)

Котов А. А.

Как устроена эмоциональная речь (3 занятия)

Рубинштейн М. Л.

Грамматические заимствования (3 занятия)

Файер В. В.

Введение в этрускологию (3 занятия)

Шапиро Н. А.

Читательские ожидания и авторская позиция (2 занятия)

Щербакова Е. Ю.

Венгерский язык (3 занятия)

АВВУУ (Фрид М. Е., Грунтова Е. С., Хорошкина А. С.)

Компьютерная лингвистика — занятие для лингвистов?

Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры и развлечения

XXXVII,5 Лингвистическая олимпиада (председатель оргкомитета
И. Б. Иткин)

Интеллектуальный фейерверк (И. А. Леенсон)

Литературная игра «Травести» (Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева)

Игры с английским языком (О. И. Виноградова, О. Ю. Шеманаева)

Турнир по поиску в интернете (Яндекс: Н. А. Осташева, Л. М. Гершензон)

Конкурс языковых головоломок «Ярмарка слов» (Е. В. Муравенко)

«Что? Где? Когда?» (И. Б. Иткин)

«Эрудит-квартет» (И. Б. Иткин)

Казино «Максим» (М. А. Кронгауз, О. Ю. Шеманаева, Б. Л. Иомдин)

Кино про эмоциональных роботов (А. А. Котов)

ПРОГРАММА X ЛЕТНЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (2008 г.)

Лекции

Алпатов В. М.

Женские и мужские языки

Апресян В. Ю.

Нейропсихология глазами лингвиста

Беликов В. И.

Стереотипные представления о литературной норме

Брагина Н. Г.

Языковые образы памяти

Бурлак С. А.

Язык человека и «языки» животных

Зализняк А. А.

О Велесовой книге

Иомдин Л. Л.

Компьютерная лингвистика как источник знаний о языке

- Иткин И. Б.*
Ударение и как с ним бороться, или Введение в акцентологию
- Крейдлиг Г. Е.*
Слухи, сплетни и молва — гармония и беспорядок
- Кронгауз М. А.*
Языковая игра как способ освоения слова
- Муравенко Е. В.*
Послелогои в русском языке
- Падучева Е. В.*
Метонимия и смежные явления
- Переверзева С. И.*
Язык жестов (вводная лекция с иллюстрациями)
- Плунгян В. А.*
Языки Океании: общий взгляд
- Подлеская В. И.*
«Если бы да кабы» или «не знаешь — научим» (о слове ЕСЛИ и других способах выражения условия)
- Рахилина Е. В.*
Лексическая типология: зона звуков
- Рукодельникова М. Б.*
Китайская языковая картина мира
- Селегей В. П.*
Компьютерная, электронная и интернет-лексикография
- Циммерлинг А. В.*
Норма и синтаксические ошибки
- Шабат Г. Б.*
О естественном языке в математике и физике
- Шаронов И. А.*
Ирония и антонимия
- Янко Т. Е.*
Обращения в русском языке

Семинары

- Абелюк Е. С.*
Комментарий как коллективный проект (2 занятия)
- Аркадьев П. М.*
Падежи в языках мира (3 занятия)
- Беликов В. И.*
Русские городские диалекты (1 занятие)

Бешенкова Е. В.

Лаборатория орфографии (2 занятия)

Бронников Г. К.

Что значит иметь мнение? (1 занятие)

Иомдин Б. Л.

Корпус текстов как лингвистический Клондайк. Разработка семантических приисков (2 занятия)

Котов А. А.

Лингвистическое конструирование шуток и рекламы (3 занятия)

Рубинштейн М. Л., Кузнецова Ю. Л.

Что такое конструкции и как их выделять (2 занятия)

Русакова М. В.

Решение задач по русскому языку (1 занятие)

Файер В. В.

Определение авторства и измерение стиля (3 занятия)

Шапиро Н. А.

Стилистический анализ художественного текста (на примерах литературы XX века) (2 занятия)

Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры и развлечения

XXXVIII,5 Лингвистическая олимпиада (председатель оргкомитета И. Б. Иткин)

Интеллектуальный фейерверк (И. А. Леенсон)

Игра «Словарь» (Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева)

Литературная игра «Травести» (Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева)

Игры с английским языком (О. И. Виноградова, О. Ю. Шеманаева)

«Что? Где? Когда?» (И. Б. Иткин)

«Эрудит-квартет» (И. Б. Иткин, С. А. Бурлак)

Казино «Максим» (М. А. Кронгауз, О. Ю. Шеманаева, Б. Л. Иомдин, А. Ч. Пиперски)

Римский пир (идейный вдохновитель В. В. Файер)

Авторский вечер поэта Тимура Кибирова

Поэтический вечер «Свечка» (И. Б. Иткин)

**Список преподавателей IX и X Летних
лингвистических школ**

Абелюк Евгения Семёновна, заслуженный учитель РФ, методист Интернет-школы «Просвещение.РУ», учитель литературы лицея № 1525 «Воробьёвы горы»

Алпатов Владимир Михайлович, член-корр. РАН, доктор филол. наук, профессор, зам. директора Института востоковедения РАН

Апресян Валентина Юрьевна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Аркадьев Пётр Михайлович, канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Андреев Николай Николаевич, канд. физ.-мат. наук, научный сотрудник Математического института им. В. А. Стеклова РАН

Беликов Владимир Иванович, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доцент филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова

Бешенкова Елена Виленовна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Брагина Наталья Георгиевна, доктор филол. наук, профессор Института русского языка им. А. С. Пушкина

Бронников Георгий Кириллович, аспирант Техасского университета (г. Остин)

Бурлак Светлана Анатольевна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения РАН, ст. научный сотрудник филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова

Виноградова Ольга Ильинична, канд. филол. наук, учитель гимназии №1567, доцент Института бизнеса и экономики

Гершензон Лев Михайлович, руководитель группы лингвистических проектов, Yandex

Грунтова Елена Семёновна, сотрудник лингвистического отдела компании АBBYY

Держанский Иван Александрович, доктор, ст. научный сотрудник Института математики и информатики Болгарской АН

Зализняк Андрей Анатольевич, действительный член РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Иомдин Борис Леонидович, канд. филол. наук, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, ст. преподаватель Института лингвистики РГГУ

Иомдин Леонид Лейбович, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник, ИО зав. лабораторией компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН

Иткин Илья Борисович, канд. филол. наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, учитель литературы школы «Муми-Тролль»

Котов Артемий Александрович, канд. филол. наук, ст. преподаватель Института лингвистики РГГУ

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филол. наук, профессор Института лингвистики РГГУ

Кронгауз Максим Анисимович, доктор филол. наук, профессор, директор Института лингвистики РГГУ

Кузнецова Юлия Львовна, аспирант университета Тромсё (Норвегия)

Леенсон Илья Абрамович, канд. хим. наук, доцент химического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова

Муравенко Елена Владимировна, канд. филол. наук, доцент Института лингвистики РГГУ

Осташева Наталья Алексеевна, руководитель отдела спецпроектов, Yandex

Падучева Елена Викторовна, доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник ВИНТИ РАН

Переверзева Светлана Игоревна, аспирант Института лингвистики РГГУ

Плунгян Владимир Александрович, доктор филол. наук, профессор, зав. сектором Института языкознания РАН

Подлеская Вера Исааковна, доктор филол. наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики РГГУ

Рахилина Екатерина Владимировна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, профессор Института лингвистики РГГУ

Рубинштейн Мария Львовна, редактор газеты «Другой взгляд»

Рукодильникова Мария Борисовна, канд. филол. наук, зав. кафедрой восточных языков Института лингвистики РГГУ

Русакова Марина Валентиновна, доктор филол. наук, ст. преподаватель Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Селегей Владимир Павлович, директор по лингвистическим исследованиям компании АВВУУ

Успенский Владимир Андреевич, доктор физ.-мат. наук, профессор механико-математического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой математической логики и теории алгоритмов

Файер Владимир Владимирович, канд. филол. наук, преподаватель Института лингвистики РГГУ, учитель латинского языка школы № 57

Фрид Мария Ефимовна, сотрудник лингвистического отдела компании АВВУУ

Хорошикина Анна Сергеевна, сотрудник лингвистического отдела компании АВВУУ

Циммерлинг Антон Владимирович, доктор филол. наук, профессор Московского государственного открытого педагогического университета

Шабат Георгий Борисович, доктор физ.-мат. наук, профессор Института лингвистики РГГУ

Шапиро Надежда Ароновна, отличник народного образования, учитель школы № 57

Шаронов Игорь Алексеевич, канд. филол. наук, доцент, декан факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ

Шеманаева Ольга Юрьевна, канд. филол. наук, мл. научный сотрудник Института проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН

Щербакова Елена Юрьевна, доцент Института лингвистики РГГУ

Янко Татьяна Евгеньевна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор Института лингвистики РГГУ

ЛЕКЦИИ И СЕМИНАРЫ

Из опыта коллективного чтения
«Оды на победу» М. Тарловского
(Вокруг одной записи М. Л. Гаспарова)

Е. С. Абелюк

О Марке Тарловском: биографическая справка

Поэт Марк Ариевич Тарловский родился 20 июля (2 августа) 1902 года, он почти ровесник Э. Багрицкого, Ю. Олеши, В. Кагаева, с которыми сблизился, пока жил в Одессе. В начале двадцатых Тарловский оказался в Москве, учился на историко-филологическом факультете 1-го МГУ, посещал семинар специалиста по древнерусской литературе проф. Александра Сергеевича Орлова, заинтересовался «Словом о полку Игореве», выполнил его поэтическое переложение¹, которое было опубликовано в 1938 году. Кроме университетских, у Тарловского были и другие учителя — прежде всего, поэт и стиховед Георгий Аркадьевич Шенгели.

Тарловский был одарённым человеком, а оригинального, по-настоящему своего, оставил после себя немного. Издал три поэтических книги, но удавшейся можно считать только первую — «Иронический сад» (1928). Сразу после публикации она подверглась рапповской критике — за «формализм» и «гумилёвщину». Вторая книга поэта «Почтовый голубь» (1929) вовсе не прошла цензуру и потом переделывалась автором в соответствии с идеологическими требованиями советского государства; вышла под названием «Бумеранг» (1931). В том же духе создавались им и более поздние стихи. Особенно показателен в этом смысле сборник «Рождение Родины» (1935). Со временем Тарловский стал меньше писать, больше переводить. В очень значитель-

¹ М. Тарловский. Речь о конном походе Игоря, Игоря Святославовича, внука Олега / Слово о плъку Игоревѣ. Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов XIX-го и XX-го вв. Л., 1938. С. 289–308. См. <http://feb-web.ru/feb/slovo/trans/s67/s67-409-.htm>.

ной части — это переводы с языков народов СССР: казахского, узбекского, башкирского, чувашского и др. Впрочем, иногда это не переводы, а, как определял сам Тарловский, «полупереводы» — стилизации то под одного, то под другого советского «акына», написанные в духе служения родной коммунистической партии. До сих пор в РГАЛИ в фонде Тарловского хранится рукописный сборник таких сочинений, озаглавленный: «Поэты сталинской эпохи».

Умер Тарловский рано, около двух недель не дожив до своего пятидесятилетнего юбилея. Это произошло 15 июля 1952 года.

С поэтическим и переводческим творчеством Марка Тарловского знакомы немногие. Но одно стихотворение Тарловского — «Ода на победу» (1945) — в последнее время получило широкую известность. Произошло это благодаря М. Л. Гаспарову, поместившему «Оду...» в своих «Записях и выписках».² Эту публикацию учёный сопроводил таким комментарием: «Марк Тарловский, упражнение на тройные рифмы, ради которых он совместил несовместимое: октавы с пародией на Державина. Вот истинная преданность поэзии: ради красного словца он не пощадил не то что родного отца, но и себя, потому что не мог не понимать, что хотя бы от 10-й строфы уже вела прямая дорога к стенке. А был, говорят, большой трус».

Это заметка, сделанная для себя. Мысль в ней «свёрнута» и требует «разворачивания».

В торжественной «Оде на победу», посвящённой восхвалению Сталина, М. Л. Гаспаров видит не значимое художественное высказывание, а поэтический экзерсис, своеобразное стихотворное упражнение на тройные рифмы, для которого автор избрал форму восьмистишия типа АБАБАБВВ, или октаву. Вместе с тем «Ода...» превратилась для Тарловского и в упражнение стилистического характера. О последнем М. Л. Гаспаров не говорит специально, но, безусловно, имеет это в виду. Об этом свидетельствует его замечание о несоответствии архаического стиля стихотворения форме строфы. Архаизация стиля должна была потребовать от автора немалого труда, тем более что в оде стилизован язык ещё более архаичный, чем державинский. В неопубликованном послесловии к стихотворению М. Тарловский признавался читателю: «Я даже самого Державина несколько архаизировал <нрзб.>, стараясь обобщить весь опыт нашей одической поэзии 18-го³ века»; стихотворение написано так, как его «написал бы поэт, уснувший в 18-м веке, где-

² М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 31. См. также: Вадим Перельмутер. Торжественная песнь скворца, ода, ставшая сатирой // Вопросы литературы, 2003, № 6.

³ Здесь и далее орфография и синтаксис М. Тарловского переданы без изменений.

то между Третьяковским и Державиным, и проснувшийся совсем недавно»⁴. Такой стиль и в самом деле не соответствует октаве, которая, как известно, попала в русскую поэзию «...через байроновского “Дон-Жуана” и пушкинский “Домик в Коломне”»⁵, а также благодаря популярному «Освобождённому Иерусалиму» Торквато Тассо⁶, и распространилась здесь в XIX веке⁷.

Стихотворение имеет подзаголовок «Подражание Державину», и именно задача создания стилизации имела огромную важность для М. Тарловского — конечно, вслед за задачей создания панегирика. В сохранившейся в РГАЛИ и уже цитированной авторской записке к «Оде...» читаем: «У меня была неодолимая потребность написать по поводу нашей победы, написать патетически, в одическом плане. Я не чувствовал себя в силах сделать это средствами современного стиха... <...> Монументальность события подтолкнула меня на поиски монументальных средств выражения. Я их нашёл, как уже выше сказано, в формах 18-го века. Почему бы нам не возрождать в редких, конечно, случаях архаику литературную, если у нас так широко возрождается архаика архитектурная, живописная <нрзб.>, театральная (эллинизм, <нрзб.> и прочее), если даже, наконец, в самой литературе есть неприкосновенный и общепризнанный уголок, где принципиально занимаются архаизированием современности?»⁸.

Говоря об архаизации, Тарловский имел в виду именно язык: «И если меня спросят, почему я не обратился с этой целью к временам еще более отдалённым, то я скажу, что сделал бы и это, если бы вторая половина 18-го века не была в смысле развития нашего литературного языка тем рубежом, по ту сторону которого язык становится уже слишком мало понятен для современного читателя, в чём легко убедиться на примере такой стилизации, как “Восковая персона” Ю. Тынянова»⁹. О причинах, заставивших его избрать форму октавы, Тарловский умалчивает.

Но вернёмся к комментарию М. Л. Гаспарова. При всей своей лаконичности он содержит ещё несколько соображений, также касающихся стиля «Оды...». Они связаны с тем, что в торжественной оде, автор которой ставил перед собой задачу восхваления Сталина, в какой-то момент возникает комический эффект, и связан этот эффект с тем образом вождя, который здесь создаётся. Только так можно понимать слова учёного, что результатом стихотворения могла стать «прямая дорога к стенке». Заметим также,

⁴ Ода на победу. От автора. РГАЛИ. Ф. 2180, оп.1, ед. хр. 51. Л. 106.

⁵ М. Л. Гаспаров. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. — М.: Высшая школа, 1993. С. 161.

⁶ Как писал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»: «...И нас пленяли вдалеке / Рожок и песня удалая... / Но слаще, средь ночных забав, / Напев Торкватовых октав!».

⁷ Для XVIII века Национальный корпус русского языка (www.ruscorgo.ru, далее везде НКРЯ) предлагает один пример использования октавы: это стихотворение И. Ф. Богдановича «Понеже» («Понеже говорят подьячие в приказе...»), 1761.

⁸ Ода на победу. От автора. РГАЛИ. Ф. 2180, оп.1, ед. хр. 51. Л. 106.

⁹ Там же.

что М. Л. Гаспаров говорит не о подражании Державину, а о пародировании Державина.

Чтобы разобраться в этом суждении, сначала нужно прочитать «Оду...». Сделать это — пробраться к смыслу через архаический стиль — не так уж и просто. Не всякий читатель разглядит в «Оде...» и те намеренные стилистические диссонансы, которые делают Сталина не только героем торжественной оды, но и, возможно, объектом иронии. Словом, эти стихи нуждаются в комментарии. А вместе с тем эта ода, задающая читателям столько загадок, может стать учебным материалом для начинающих филологов.

Вот почему, будучи, во-первых, филологом, а во-вторых, педагогом, я решила, что к работе стоит привлечь читателей самого разного уровня — от увлечённых филологией школьников и студентов до учёных-профессионалов. Такая возможность представилась мне на Летней лингвистической школе — её ежегодно проводят преподаватели Института лингвистики РГГУ¹⁰ при поддержке Московского центра непрерывного математического образования. В июле 2008 года в учебную программу школы был включён мой семинар «Комментарий как коллективный проект».

Готовясь к этому семинару, я сверила текст «Оды...», опубликованный М. Л. Гаспаровым, с рукописью стихотворения, хранящейся в РГАЛИ в фонде М. А. Тарловского¹¹. К моему удивлению выяснилось, что в первой публикации текста имеется ряд неточностей. В настоящей статье они устранены. Внесённая правка выделена полужирным шрифтом.

В работе над «коллективным комментарием» использовались черновые варианты нескольких строф оды, также сохранившихся в РГАЛИ, и уже цитированное развёрнутое авторское послесловие к ней.

Ниже помещён текст «Оды...», в подстрочных примечаниях к которому дан лингвистический и историко-культурный комментарий к некоторым словам и выражениям. Для удобства работы отдельные стихи и строфы оды пронумерованы. Завершается статья комментарием к «Оде...» в целом.

Лингвистический комментарий к тексту выполнен под руководством научного сотрудника Института востоковедения РАН И. Б. Иткина.

В работе приняли участие школьники О. С. Волков, А. И. Головлёв, М. В. Калинин, Т. О. Омельченко, Е. С. Парушина, А. В. Сачкова, А. Г. Хитров; студент филологического факультета МГУ А. Ч. Пиперски и студент Института филологии и истории РГГУ А. А. Скулачёв; учитель московской школы № 57 Н. А. Шапиро, научный сотрудник института славяноведения РАН П. М. Аркадьев, ст. преподаватель Института лингвистики РГГУ М. А. Гистер.

¹⁰ Авторы идеи и руководители — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Е. В. Муравенко и доктор филол. наук, профессор, директор Института лингвистики РГГУ М. А. Кронгауз.

¹¹ Стихотворения Тарловского Марка Ариевича за 1942–1949. РГАЛИ. Ф. 2180, оп. 1, ед. хр. 51. ЛЛ. 6–12.

**Ода на победу¹².
(Подражание Державину)**

I		
	Лениноравный маршал Сталин! ¹³	(1)
	Се твой превыспре ^в ый ¹⁴ глагол	(2)
	Мы емлем ¹⁵ в шелестах читален,	(3)
	Во пчельной ¹⁶ сутолке школ,	(4)
	Под сводами исповедален ¹⁷ ,	(5)
	Сквозь волны, что колеблют мол ¹⁸ .	(6)
	Се — глас, в явлениях вселенной	(7)
	За грани сущего продленный ^{19,20} .	(8)

¹²Здесь и далее полужирным шрифтом выделены расхождения текста, опубликованного М. Л. Гаспаровым, с белой рукописью М. Тарловского, хранящейся в РГАЛИ.

¹³**Лениноравный маршал** — в качестве модели использовано обращение «Богоподобная царевна...» из оды Г. Р. Державина «Фелица».

¹⁴Неправильная форма. Это либо ложный архаизм, либо описка: возможно, автор хотел написать «превыспренний» («превыспренный»), но ошибся, повторив уже встретившееся ранее сочетание букв «превы» (Комментарий А. Ч. Пиперски).

¹⁵**Емлем** — от устар. *имати* (брат). Ср. у В. К. Тредиаковского: «За любовь (не будь дивно) / Не емлем, что противно» (В. К. Тредиаковский. «Прощение любви», 1730?). Зд.: в значении 'воспринимаем'.

¹⁶**Пчельный** — от *пчела*, вместо совр. *пчелиный*, связанный с разведением пчёл. См. Господь — ученикам: «Имеете ли что съестное здесь, они же подали Ему рыбы жареной часть, и от пчельного сота, и прияв, пред ними ел». (Лук. 24: 41–43). Встречается в русской поэзии XVIII в.; непосредственно у Державина не обнаружено.

¹⁷В процессе обсуждения было высказано предположение, что *исповедальни* упоминаются в связи с конкретным фактом биографии героя оды — его обучением в семинарии (Комментарий М. А. Гистер). Говорилось и о том, что *исповедальни* могут быть интерпретированы как 'застенки НКВД' (Комментарий В. А. Успенского).

¹⁸Возможно, шум прибора, который не может заглушить голос Сталина; впрочем, не исключено, что речь идёт о радиоволнах.

¹⁹Напрашивается параллель с образом другого советского вождя — Ленина, героя поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: «Он земной, / но не из тех, / кто глазом / упирается / в своё корыто. / Землю / всю / охватывая разом, / видел / то, / что временем закрыто». Однако у Маяковского далее: «Он, / как вы / и я, / совсем такой же, / только, / может быть, / у самых глаз / мысли / больше нашего / морщият кожу, / да насмешливей / и тверже губы, / чем у нас».

²⁰В I строфе многократная аллитерация на «ле» подчёркивает ключевое слово «ЛЕНИНОравный».

II

Тобой поверженный тевтон ²¹	(9)
Уже не огонь, а слезы мечет,	(10)
Зане ²² Берлин, срамной притон,	(11)
Возжен, чадящ и головещат ^{23,24}	(12)
Зане, в избыве ²⁵ от препон,	(13)
Тебе Природа дланьми плещет.	(14)
О! сколь тьмократна ²⁶ гроздь ракет	(15)
Свой перлов благовест лиет ²⁷ !	(16)

²¹Слово *тевтоны* (от лат. Teutones) как обозначение германских племён пришло в русский язык, вероятно, достаточно поздно. У Державина и более ранних поэтов не встречается и появляется в стихах, по-видимому, в 1810-е гг.: см., напр., К. Н. Батюшков. «Переход через Рейн, 1814» («Меж тем как воины вдоль идут по полям...»), 1816–1817) (НКРЯ).

²²**Зане** (церк.-книж.) — ибо, так как. «И всё божественное лето, / Которое из рода в род / Как драгоценность перейдёт, / **Зане** Языковым воспето». Н. М. Языков. «П. А. Осиповой» (Толковый словарь русского языка Ушакова — далее везде Ушаков). Встречается и в поэзии XX в., ср. «Для него / сейчас важней замкнуться в скорлупе / болезней, снов, отсрочки перевода / на службу в Метрополию. **Зане** / он знает, что для праздника толпе / совсем не обязательна свобода; / по этой же причине и жене / он позволяет изменять» (И. Бродский. «Anno Domini», 1968).

²³**Головещат** — прил., от *головешка*. Неологизм Тарловского, явно построенный по модели *веснушка* — *веснуцатый* (написание последнего слова через “ц”, в отличие от современного *веснучатый*, во времена Тарловского было нормой).

²⁴В стихах 11–12 можно увидеть аллюзии на Апокалипсис, которые будут развиваться в «Оде...» и далее. См.: «...горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришёл суд твой» (Откр. 18:10) (Комментарий П. М. Аркадьева).

²⁵**В избыве** — форма, образованная автором от *избывать*. *В избыве от препон* — в значении ‘избавленная от препятствий’.

²⁶**Тьмократна** — от *тьма*; в старинном русском счёте *тьма* — 10 тыс.; *тьма тем* — 100 млн.; в переносном значении «неисчислимое множество» — Большая Советская Энциклопедия; зд. в значении ‘неисчислимая’. См. «Тьмократно увещевает её Горланицус склониться на мои желанья; но она, для отдаления сего вожделенного брака, даёт мне задачи многотрудные» (В. Т. Нарезный. «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814).

²⁷«...гроздь ракет / Свой перлов благовест лиет...» — метонимическое описание салюта: **лиет** — от *лити*; в значении ‘льёт’; *благовест* — вид звона, представляющий собой мерные, то есть равно длительные удары в один из больших колоколов.

III

За подвиг свой людской Осанной	(17)
Ты зиждим ²⁸ присно и вовек ²⁹ ,	(18)
О Муж, пред коим змий поправный ³⁰	(19)
Толиким ³¹ ядом преистек,	(20)
Сколь несть ³² и в скрыне ³³ злоуханной ³⁴ ,	(21)
В отравном зелье ипотек ³⁵ !	(22)

²⁸**Зиждим** — от *зиждить*, т. е. основывать, создавать. См. «Если не рачить о ней, то развращение сердца скоро преселится в поведение, и тогда одни развалины **зиждимы** бывають». (Д. И. Фонвизин. «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию», 1779) (НКРЯ). У Тарловского в выражении «За подвиг свой людской Осанной / Ты зиждим...» Сталин оказывается не творцом, *зиждителем*, а *зиждимым*. Использование формы краткого страдательного причастия *зиждим* по отношению к Сталину воспринимается или как неправильное, или как ироничное.

²⁹**Присно** (книж.-церк.), нареч. — *всегда* (Ушаков). *Присно и вовек* — цитируется песнопение «*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу — ныне и присно, во веки веков...*».

³⁰**Змий поправный** — образ врага в облике змея, восходящий к мифической и фольклорной, а также библейской традиции (см. Откр. 12:9, 20:2–3), постоянно встречался в поэзии XVIII в. Ср. «*Со Курбским на холме бьющийся герой / В изгибах ратничьих подобен змию зрится; / Чем больше есть упорств, тем больше он ярится*» (М. М. Херасков. «Россиада. Поэма эпическая», 1771–1779); «*Греми, рази ехидн / Илектра на волнах, / Освободи Берлин, / Лежащий во змиях, / Обвивших вокруг его все тело*» (Г. Р. Державин. «На выступление корпуса гвардии в поход») (НКРЯ).

³¹**Толикый** (старин.) — *столь многий, великий* (Ушаков). Можно рассматривать как «державинизм», так как особенно часто встречается в стихах поэта. См., напр., «*Хор смолк. / Монарх челом своим с одра склонился / И, благовенья полн, во помыслах молился / Толикых множества Создателю чудес*» (Г. Р. Державин «Целение Саула», 1809); «*Насекома мелка тварь, / Хоть ничтожный прах Комар; / Но по подвигах толикых, / На крылах своих великих, / Не прославлен ли войной?*» (Г. Р. Державин. «Похвала комару», 1807) (НКРЯ).

³²**Несть** (устар.) — от *не есть*; в значении ‘нет’ в некоторых поговорочных выражениях. «*И начнётся у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям*». (А. Н. Островский. «Гроза», 1859) (Ушаков).

³³**Скрыня** — в значении ‘ларец, короб’. Ср. «*И после в скрынке / Богатства у него великая река, / Или, ясней сказать, и Волга и Ока*» (А. П. Сумароков. «Осел во Львовой коже», 1760?) (НКРЯ).

³⁴**Злоуханный** — форма, образованная автором по аналогии с *благоуханный*. Впрочем, эта форма, по-видимому, изобреталась разными писателями неоднократно; она встречается, например, в повести Аркадия Стругацкого «Экспедиция в преисподнюю» (Комментарий И. Б. Иткина).

³⁵Смысл выражения «**В отравном зелье ипотек**» не ясен. Объяснить его могло бы предположение, что автор ошибочно (или намеренно) записал *ипотек* вместо *аптек*, то есть ‘аптек’ (Комментарий В. В. Файера). Однако смущает последовательное написание *ипотек* во всех рукописных вариантах «Оды...».

Отсель ³⁶ бурлить престанут тигли,	(23)
Что чернокнижники воздвигли ³⁷ .	(24)
IV	
Се — на графленом чертеже ³⁸	(25)
Мы зрим Кавказ, где бродят вины ³⁹ ,	(26)
Где у Европы на меже	(27)
Гремят Азийские ⁴⁰ лавины:	(28)
Сих гор не минем мы, ниже ⁴¹	(29)
Не минет чадо пуповины;	(30)
Здесь ты, о Вождь, у скал нагих	(31)
Повит ⁴² , как в яслях ⁴³ , в лоне их.	(32)

³⁶Здесь наречие *отсель* используется во временном значении.

³⁷ «Отсель бурлить престанут тигли, / Что чернокнижники воздвигли». И *тигли*, и *чернокнижники* в сознании русского читателя соотносятся с Германией благодаря народной книге о докторе Фаусте. Полное её название — «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и **чернокнижнике**». Немецкое происхождение имеет и слово *тигель* (Tiegel), употребляемое в значении ‘сосуд из огнеупорного материала для прокаливания’: Фауст, перед тем, как подписать кровью договор с дьяволом, выпускает её в тигель и раскаляет его. Заметим также, что строка «Отсель бурлить престанут тигли» эквиритмична и синтаксически близка к «Отсель грозить мы будем шведу» (А. С. Пушкин. «Медный всадник», 1833) (Комментарий М. А. Гистер).

³⁸Имеется в виду географическая карта.

³⁹**Вины** — от *вино*; форма мн. ч. существительных ср. р. на *-ы* вместо нормативного *-а* чрезвычайно характерна для поэзии XVIII в., в том числе для Державина, ср., например: «Дурачества сквозь пальцы видишь...»; «Ты ведаешь, Фелица! Правы / И человек и царей», «Да, их простря сафирны крылы, / Невидимо тебя хранят...» (Г. Р. Державин. «Фелица», 1782). Интересно, однако, что именно форма *вины* у Державина не встречается, ср.: «...Подносят вина чередой...» («К первому соседу», 1780).

⁴⁰**Азийский** (поэт., устар.) — азиатский (Ушаков). Ср. «Он сильны Орды пхнул ногою, / Края Азийски потряслись...» (Г. Р. Державин. «На взятие Измаила», 1790–1791) (НКРЯ).

⁴¹**Ниже** — архаичный союз, употреблявшийся в значении ‘ни даже’: «Ноги моей в поползновенье / **Ниже** в малейшее смятенье, / Он не допустит и хранит». (Г. Р. Державин. «Помощь Божия», 1793) (НКРЯ). У Тарловского союз употреблён, скорее, в сравнительном значении — ‘подобно тому, как...’, которое в НКРЯ не встречается (Комментарий П. М. Аркадьева).

⁴²**Повит** — от *повить* (обвить, обмотать), в значении ‘пеленать’.

⁴³**Ясли** — буквально стойло для скота; в повествовании о рождестве Иисуса — огороженное место хлева, в котором помещался рогатый скот. См., напр., Лук. 2:12 (Библейская энциклопедия).

V

Восшелкан певчим знаменитым	(33)
Единый куст ⁴⁴ , вельми ⁴⁵ духмян ⁴⁶ ;	(34)
Единой девы льнет к ланитам	(35)
Пиита ⁴⁷ , чувствием пьян;	(36)
А мы, влеченны, как магнитом,	(37)
Сладчайшим изо всех имян ⁴⁸ ,	(38)
Что чтим, чрез метры ⁴⁹ и чрез прозу,	(39)
Как Хлою ⁵⁰ бард, как птаха розу.	(40)

VI

О твердь, где, зрея, Вождь обрел ⁵¹	(41)
--	------

⁴⁴Имеется в виду широко распространённый поэтический сюжет о соловье и розе, по-видимому, пришедший в европейскую поэзию из арабской. (См., напр., «Надменность твоей красы / Ужели, о роза, не даст / Одно словечко сказать / Соловью, чьи так жалобны трели?» (Хафиз. «О, ветер утра, скажи...»); «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей, / Поет над розою восточный соловей. / Но роза милая не чувствует, не внемлет / И под влюбленный гимн колеблется, и дремлет» (А. С. Пушкин. «Соловей и роза», 1827).

⁴⁵**Вельми** (церк.) — очень, весьма (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля — везде далее Даль). Ср. «Наконец, подготовив манифест о созыве депутатов со всей империи, дабы лучше опознать каждой округи состояние, съехались оные к Москве в 1767 году, где, быв в Коломенском дворце, назначила я разных персон, **вельми** разномыслящих, дабы выслушать заготовленный Наказ Комиссии Уложения» (Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения, 1767); «Сеточка тонка **вельми**» (В. К. Тредиаковский. «Феоптия. Эпистола IV», 1750–1754) (НКРЯ).

⁴⁶**Духмян, духмянный** — от дух (запах) в значении ‘душистый, пахучий’, с помехой «псковское» (Даль).

⁴⁷**Пиита** (старин.) — форма сущ. м.р. I скл., употреблённая не в род. ед., а в им.; характерна для поэзии XVIII в.: «Что слух внял восхищенной, / Что зрел прельщенный взор, / То юность вся твердила / И по домам своим, / По тем стезям ходила, / Что пел **Пиита** им / И что гремел их хор» (Г. Р. Державин. «Описание торжества, бывшего в доме князя Потемкина», 1791) (НКРЯ).

⁴⁸**Имян** (церк.-книж. устар.). «Имя Дарьино милее / Всех Гомеровых **имян**» (Н. М. Карамзин. «Куплеты», 1800).

⁴⁹**Метры** — в значении ‘стихи’.

⁵⁰В поэзии XVIII в. и пушкинского времени постоянно использовались условные имена литературных героев: см., напр.: «Да кто же? Глицера ль, Хлоя, Лиля? — О, нет!» (А. С. Пушкин. «Она», 1817). Хлоя среди них — самое распространённое; восходит к роману Лонга «Дафнис и Хлоя» (II–III вв. н. э.). См., напр., стихотворения Г. Р. Державина: «Мщенье» (1805), «Распускающаяся роза» (1807), «Веер» (1807?) и др.

⁵¹Глагол читается об[р’е]л, а не об[р’о]л — ещё один признак архаизации (Комментарий П. М. Аркадьева).

Орлину мощь в растворе крылий,	(42)
Где вял он трепет скифских стрел,	(43)
С Колхидой сливши дух ковылий,	(44)
Где с Промефеем ⁵² сам горел	(45)
На поприще творимых былей,	(46)
Где сребрян Терека чекан	(47)
Виется, жребием взалкан ⁵³ !	(48)

VII

В дни оны ⁵⁴ сын Виссарионов ⁵⁵	(49)
Изыдет ведать Росску ⁵⁶ ширь,	(50)

⁵²Написания *Прометей*, *Промифей* и *Промефей*, по-видимому, долго существовали параллельно. В сер. XIX в. *Промифей* или *Промефей* можно встретить чаще, чем *Прометей*: см., напр., «Когда дух зависти, несчастным овладея, / Терзает грудь его, как вран у **Промефея**?» (И. И. Дмитриев. Филемон и Бавкида. Вольный перевод из Лафонтена, 1805?) (НКРЯ); «Как **Промифей**, он пламень похищал, / Как **Промифей**, он был терзаем враном...» (Ап. Григорьев. «Была пора: театра зала...», 1858); «Прочь, прочь ты, кориун **Прометей**, Прочь, злая память...» (Ап. Григорьев. «Вверх по Волге», 1862) (НКРЯ). Вместе с тем принято считать, что одна форма последовательно сменила другую, а именно более ранней считают форму *Промифей* (*Промефей*), более поздней — *Прометей*. См., например, ст. В. Н. Ярхо «Возможно ли единообразие в транслитерации древнегреческих имён?» (<http://ancientrome.ru/public/yaaho/yaaho02/htm>).

⁵³«...**жребием взалкан**» — на первый взгляд, это словосочетание, состоящее из двух слов с книжными устаревшими значениями, воспринимается как имеющее высокий поэтический смысл: жребием — форма твор. ед. от *жребий* в значении ‘судьба, участь, доля’ (Ушаков). Взалкан — от *взалкать*; 1. захотеть есть. 2. почувствовать страстное желание чего-нибудь (поэт.). (Ушаков). В таком словоупотреблении словосочетание получает значение ‘возжелан судьбой’. Однако *жребием* можно рассматривать как форму твор. ед. от *жребие* (от ст.-сл. *жрѣбѣ*), собир. суц. от того же корня, что *жеребец*, то есть в значении ‘жеребцами’. При таком понимании слова *жребием* словосочетание получает прямой смысл: ‘лакаемый конскими стадами’ (Комментарий А. Ч. Пиперски).

⁵⁴**Оный** (книж. устар.) — тот, тот самый. *Во дни оны* — когда-то давно, некогда. (Ушаков). Однако Тарловский, нарушая традицию, употребляет это местоимение в сочетании с глаголом будущего времени: «*В дни оны ... изыдет ведать росску ширь...*».

⁵⁵**Сын Виссарионов** — Сталин, названный так по отцу: имя отца Иосифа Джугашвили — Виссарион. Ср. «*Мы славу дочери зрим Петровой*» (М. В. Ломоносов. «Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации», 1742).

⁵⁶**Росску** — т. е. Российскойскую, ср. «*Герои росски всколебались*» (Г. Р. Державин. «На взятие Варшавы», 1794).

Дворцову младость лампионов ⁵⁷ ,	(51)
Трикрагы стужену Сибирь,	(52)
Дым самодвижных фаэтонов ⁵⁸	(53)
И тяготу оковных гирь ⁵⁹ ,	(54)
Дабы, восстав на колеснице,	(55)
Викторны ⁶⁰ громы сжать в деснице ⁶¹ .	(56)

VIII

Рассудку не простреться ⁶² лъзя ль ⁶³	(57)
На дней Октябrevых перуны ⁶⁴ ,	(58)
Забвенны ль вымпельна пищаль ⁶⁵ ,	(59)
Разряженна в залог Коммуны,	(60)
Иль перст, браздивший, как скрижаль,	(61)

⁵⁷**Лампион** (от франц. *lampeion*) — фонарик из цветной бумаги или стекла, использовавшийся для иллюминации. Ранее 20-х гг. XX в. слово не встречается. Начиная с этого времени часто использовалось для придания повествованию исторической достоверности или в стилизациях, напр. «*А за окном в глуши времён / Блестал на мачте лампион*» (Н. А. Заболоцкий. «Вечерний бар», 1926); «*Из амбара носят в больших корзинах шкалики, плошки, лампионы, шары, кубастики — всех цветов*» (И. С. Шмелёв. «Лето Господне», 1933–1948); его можно встретить в романе О. Форш «Радищев» (Ч.1, 1932), у М. Зощенко в «Голубой книге» (1935), в романе А. Н. Толстого «Пётр I» (1945) и др.

⁵⁸По-видимому, речь идёт о паровозах.

⁵⁹«**Трикрагы стужену Сибирь... И тяготу оковных гирь**». Намёк на неоднократные ссылки Сталина в Сибирь.

⁶⁰**Викторны** — образовано автором от *виктория*, т. е. 'победа', по аналогии с *победы*. В НКРЯ не встречается. (Комментарий П. М. Аркадьева).

⁶¹«**...громы сжать в деснице**». Ср. «*Сидевша об руку царя / Через поприще на колеснице, / Державшего в своей деснице / С оливой гром*» (Г. Р. Державин. «Афинейскому витязю», 1796) (Комментарий П.М. Аркадьева).

⁶²**Простреться, простреться** (арх.) — распространиться, занять собой какое-либо пространство.

⁶³**Лъзя**, нареч. — можно, легко, удобно; дозволено, не запрещено; противоположно *нельзя* (Даль). «*...Но лъзя ль не заблуждаться / Нам, слабым смертным, в сем пути...*» (Г. Р. Державин. «Фелица», 1782).

⁶⁴**Перуны** (книж. поэт. устар.) — громы и молнии (часто перен.). «*Боюся я, чтоб персты, падише на струны, не пробудили вновь перуны, в которых спит судьба моя*». (Е. А. Баратынский. «Люблю я вас, богини пенья...»). Метать перуны (книж. ритор.) — гневаться, сердиться (Ушаков). У Тарловского, видимо, подразумевается пушечная пальба (Комментарий И. Б. Иткина).

⁶⁵«**...вымпельна пищаль, разряженна...**» — имеется в виду оружейный выстрел с крейсера «Аврора». *Пищаль* — в значении 'пушка'; *вымпельный* — прил. от *вымпел* — флаг, поднимаемый на мачте военного судна.

Брегов Царицыновых дюны?	(62)
Нет! Ленин рек, очьми ⁶⁶ грозя:	(63)
«Где ступит Сталин, там стезя!»	(64)

IX

Кто вздул горнила для плавилен,	(65)
Кто вдвиг в пласты ребро мотык ⁶⁷ ,	(66)
Кем злак класится, изобилен,	(67)
С кем стал гражданствовать мужик,	(68)
При ком, избавлясь подзатылин ⁶⁸ ,	(69)
Слиян с языками язык?	(70)
За плавный взлет твоих ступеней	(71)
Чти Сталинский, Отчизна, гений!	(72)

X

Что́ зрим на утре дней благих?	(73)
Ужели в ноши персть ⁶⁹ потопла?	(74)
Глянь в Апокалипсис, о мних ⁷⁰ !	(75)
Озорно чудище и обло! ⁷¹	(76)

⁶⁶**Очьми** — тв. пад. от *очи*. Форма *очьми* изредка встречается в поэзии XVIII–XIX вв., ср., например: «*Стой, стой, он гаркает сверкаячи очьми...*» (И. И. Дмитриев. «Причудница», 1792).

⁶⁷**Мотыка** — правильная старая форма, вытесненная более новым *мотыга* (Комментарий И. Б. Иткина). «*А я ударился было за Лукою на мост, но гляжу, сам Лука уже навстречу мне бежит, а за ним вся наша артель, все вскрамолились, и кто с чем на работе был, кто с ломом, кто с мотыкою, все бегут свою святыню оберегать*» (Н. С. Лесков. «Запечатленный ангел», 1873) (НКРЯ).

⁶⁸Словари и НКРЯ не дают слова *подзатылина*.

⁶⁹**Персть** — в значении 'земной прах, пыль'. Ср. «*Фидия Дий? — Прах и персть. — Где Илион, Тир и Пелла?*» (Г. Р. Державин. «Издателю моих песней», 1808) (НКРЯ).

⁷⁰**Мних** (от др.-верхне-нем. *munich*, от греч. *monachos*) (старин.) — монах (Ушаков). Обращение к монаху — мниху — оказывается в одном ряду с упоминанием Апокалипсиса. Как-то иначе объяснить появление этого образа затруднительно.

⁷¹**«Озорно чудище и обло»**. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй...» — одна из самых знаменитых в XX веке фраз XVIII века, отсылающая сразу к двум фигурам — В. К. Третьяковскому («Тилемахида», 1766) и А. Н. Радищеву («Путешествие из Петербурга в Москву», 1790). Третьяковский характеризовал его Цербера; Радищев — крепостное право; Тарловский — фашизм, который он уподобил мифологическому чудовищу, обладающему гипертрофированными и неопреде-

Не зевы табельных шутих –	(77)
Фугасных кар ⁷² отверсты сопла!	(78)
Но вострел ⁷³ Геенну ⁷⁴ Сталин сам	(79)
В слезах, струимых по усам.	(80)
XI	
Три лета супостат шебаршил ⁷⁵	(81)
И се, близь пятого ⁷⁶ , издох.	(82)
В те дни от почвы вешний пар шел,	(83)
И мир полол чертополох,	(84)
И нам возздравил ⁷⁷ тихий маршал	(85)
В зачине лучшей из эпох.	(86)

лённо большими размерами и формой (обло — округло), нахальством (озорно), несущему угрозу (лай — лающее) и, наконец, чрезвычайно прожорливому (стоzeвно). (Комментарий И. Б. Иткина). Возникает и ассоциация со Зверем из Апокалипсиса, который (Апокалипсис) здесь прямо упомянут. Ср. библейские мотивы выше.

⁷²**Фугасные кары** — образ, возможно, связан с тем, что название ракеты *Фау*, созданной в Германии и впервые применённой против Великобритании в 1944–1945 гг., восходит к немецкому *Vergeltungswaffe*, что значит ‘оружие возмездия’. Словосочетание *фугасные кары* может также ассоциироваться с библейским выражением *кара небесная* (Комментарий И. Б. Иткина).

⁷³От древнерусского *въсьръѣсти* ‘встретить’ (Словарь др.-рус. языка XI–XIV вв., Вып. 2, 1989, С. 224) или, скорее, от просторечного *встренуть*.

⁷⁴**Геенна** — зд. в значении ‘враг’, может быть истолковано двояко: 1) в его обычном значении ‘ад’; 2) как фонетический образ гиены. Ср. «*С кем мы пойдем войной на Гиену?*» (Г. Р. Державин. «Снигирь», 1800).

⁷⁵**Шебаршил** — от *шебаршитъ* (или *шабаршитъ*): 1. Шуршать, шелестеть (обл.). 2. *перен.* Суетиться, пустословить (простореч.). || Шуметь, ворчать, выражать недовольство, протест (простореч.) (Ушаков).

⁷⁶То есть незадолго до начала пятого года войны.

⁷⁷Вариант в рукописи: «*И нас поздравил тихий маршал...*». Характеристика «тихий маршал» используется Тарловским также в стихотворении «Крымская конференция» (13 апреля 1945): «*Посмотрите, как текла беседа / О разгроме армий душегуба, / За безуглым (но не для обеда, / А для вечности) столом из дуба, / Как не льнула к пенному бурнусу / По морям рассеянная хмара, / Как служили тройственному вкусу / Папираса, трубка и сигара... / <...> / Как мудрей, чем сто Наполеонов, / Разрешивший в корне все вопросы, / Тихий маршал ладил, ус свой тронув, / Связь сигары, трубки, папирасы...*» (РГАЛИ. Ф. 2180, оп.1, ед.хр. 51. Л. 15).

У глав Кремля, в глуши Елатьмы⁷⁸ (87)
 Вострубим всюду исполать⁷⁹ мы. (88)

XII

Коль спросить, завидна ль нам (89)
 Отживших доля поколений, (90)
 Что прочили⁸⁰ Сионов храм⁸¹, (91)
 Иль были плотью римских теней, (92)
 Иль зря в Полтаве Карлов срам, (93)
 Прещедрой наслаждались пеней⁸², — (94)
 Салют Вождя у Кремлих⁸³ стен (95)
 Всем лаврам будет предпочтен. (96)

XIII

Нас не прельстит позднейшей датой (97)
 Веков грядущих сибарит, (98)
 Когда, свершений соглядатай, (99)
 Он все недуги истребит (100)
 И прошмыгнет звездой хвостатой (101)
 В поля заоблачных орбит! (102)
 Мы здесь ответствовали б то же: (103)
 Жить яко Сталин, нам дороже. (104)

⁷⁸**Елатьма** — посёлок в Касимовском районе Рязанской области. Приходится признать, что Тарловским упомянут «для рифмы».

⁷⁹**Исполать** (ритор. устар.), междом. (от греч. eis polla etē — на многие лета; употр. в церковной службе для приветствования архиерея) — хвала, слава (употр. в восклицательном обращении). «*Исполать вам, доблестные воины!*» (Ушаков).

⁸⁰**Прочили** — в значении ‘ставили, строили, делали прочным’.

⁸¹**Сионов храм** — имеется в виду Первый Иерусалимский храм, или Храм царя Соломона, возведённый в Иерусалиме на Храмовой горе и разрушенный вавилонянами ок. 600 г. до н. э.

⁸²По Ништадскому мирному договору от 30 августа 1721 г. Россия получала земли Лифляндии (вошла в Латвию и Эстонию), Эстляндии (северн. часть Эстонии), Ингерманландии (Приневский край), части Карелии и других территорий.

⁸³**Кремлих** — такая форма прилагательного от *кремль* не могла быть образована; ложный архаизм.

XIV

Итак, ликуючи бразды	(105)
Вкрест, о прожекторы, нацельте,	(106)
Лобзайте Сталински следы ⁸⁴	(107)
У Волжских круч и в Невской дельте,	(108)
Гласите, славя их труды,	(109)
О Чурчилле и Розевельте ⁸⁵ ,	(110)
Да досягнет под Сахалин	(111)
Лучьми ⁸⁶ державный исполин ⁸⁷ !	(112)

XV

В укор нейтральным простофилям	(113)
Триумф союзничьих укреп ⁸⁸ .	(114)
Мы знаем — Сагану осилим,	(115)
Гниющ анафемский вертёп.	(116)

⁸⁴Ср. «Полки различных слуг, пред тем отдав поклон, / Без вздохов не могли оттуда выйти вон, / И даже за дверьми, не быв тогда в услуге, / Охотно след ее лобзали на досуге». (И. Ф. Богданович. Душенька / Книга вторая, 1775–1782) (Комментарий П. М. Аркадьева).

⁸⁵Чурчилль и Розевельт (англ. Churchill, Roosevelt, т. е. Черчилль, Рузвельт) — имитация характерных для XVIII века транслитераций. Ср. Дидерот (с фр. Diderot), т. е. Дидро: «Пасторов хвалим мы, профессоров чужих, / Не вспомня никогда наставников своих. / Всю подноготную Лафатерову знаем; / Недельные листы им наполняем, / И с Дидеротом мы его равняем, / Хоть тем с Лафатером лишь сходен Дидерот, / Что видел у него я в том же месте рот» (А. А. Палицын. «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени», 1807) (НКРЯ).

⁸⁶Неправильная форма, как и очьми (63). Ср. «Сам Фебов блеск в круге вседневном расширился / И, новыми лучьми блистая, просветился». (М. Н. Муравьев. «Петрония Арбитра гражданская брань», 1773).

⁸⁷Ср. «Ряды осыпаны пальбой / Окрестность вспыхнула пожаром; / И он, державный исполин, / Уже блеснул победными лучами» (В. Г. Бенедиктов. «Ватерлоо» / «Но взор к востоку: там денница...», 1836) (Комментарий П. М. Аркадьева).

⁸⁸Укреп — форма прошедшего времени от глагола укрепнуть, т. е. «укрепиться», «упрочиться». Однако следует заметить, что это, по-видимому, авторский неологизм, который не засвидетельствован ни словарями, ни НКРЯ. Грамматически непротиворечиво также понимание этого слова как формы род. мн. от укрепа — «укрепление», зд. в значении «прочный договор (между союзниками)», ср. «Огромны храмы и палаты, / Оружие и весь снаряд, / Прегорды башни и раскаты / Твои на воздух полетят; / Не сильны все твои укрепы, / Разверзет ад свои заклепы, / Им гордость будет пожрана; / Рога луны твоей затмятся, / На всех валах твоих явятся / Полков орлиных знамена». (В. И. Майков. «Ода ее величеству Екатерине Второй на взятие Бендер войсками под предводительством генерала графа Панина», 1770 года, сентября дня», 1770).

Да брызжет одописным штилем	(117)
Злачена стилоса расщеп ⁸⁹ ,	(118)
Понеже ⁹⁰ здесь — прости, Державин! ⁹¹ —	(119)
Вся росность пращурских купавен!	(120)

9–13 мая 1945

Мы попытались разобраться в значениях архаических слов и выражений и прокомментировать их, отметили некоторые цитаты и аллюзии, но стихотворение в целом мы не прочитали; во многом оно осталось непонятным. Здесь снова хочется вспомнить М. Л. Гаспарова, писавшего, что стихи, начиная с XX века, требуют комментария нового типа, отвечающего «на вопрос, который естественно первым возникает перед такими текстами (но которого обычно стыдятся): “о чём, собственно, здесь говорится?”»⁹². Попробуем прочитать «Оду...» именно в таком духе, строфа за строфой.

I. Свою торжественную хвалебную песнь, сложенную по поводу великого события — победы над фашистской Германией — М. Тарловский целиком посвящает Сталину. Эпитетом «лениноравный», параллелью с «богоподобной» Фелицей Г. Р. Державина, самой формой панегирического обращения автор уже в первом стихе ставит Сталина в ряд крупных исторических фигур. В следующих стихах масштаб героя ещё более возрастает и приобретает космическое значение: слову Сталина внимают везде — и в читальнях, и в исповедальнях; голос вождя оказывается в одном ряду с «явлениями вселенной» (7)⁹³; значение его выходит за пределы земного мира, мира «сущего». В последующих строфах мысль об исключительности героя будет оставаться центральной, а сам он будет уподобляться мифическим и библейским персонажам. Напротив, роль автора, в отличие от традиции державинской оды, в рассматриваемой строфе и далее максимально редуцирована. В пространстве стихотворения автор словно не оставляет для себя места и присоединяется к безличному «мы»: «Мы емлем в шелестах читален...» (3), «Мы зрим Кавказ, где бродят вины...» (26), «Мы знаем: Сатану осилим, гниющ анафемский вертеп...» (116) и т. д.

II. Строфа рассказывает о «подвиге» Сталина — о поверженном им враге, представленном в образе тевтона / змея, который «уже не огонь, а слезы ме-

⁸⁹По-видимому, описано позолоченное вечное перо, появившееся в конце XIX в.

⁹⁰**Понеже**, союз (старин. канц.) — потому что, так как (Ушаков).

⁹¹Аллюзия на пушкинские строки: «Шишков, прости. / Не знаю, как перевести».

⁹²М. Л. Гаспаров, К. М. Поливанов. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 3.

⁹³Здесь и далее цифрами в скобках указаны порядковые номера стихотворных строк.

щёт», о разорённом логове противника. Так «лениноравный вождь» оказывается в роли мифического героя-змееборца (Архангела Михаила, или Георгия Победоносца, или даже Ангела из Апокалипсиса), а конфликт России с Германией воплощается в образе его поединка с исполинским змеем, подобным Сатане.

Речь идёт и о радости Природы, которая герою «дланьми плещет», и о праздничном салюте. Благодаря использованию архаической и церковной лексики праздничный фейерверк подаётся как высокое зрелище: «...гроздь ракет / Свой перлов блавест лиет!» (15–16), что снова возвращает нас к традиции оды XVIII века, когда иллюминациям и фейерверкам, и вообще государственным торжествам, непременно посвящались оды. Мотив праздничного салюта будет звучать в «Оде...» и далее.

III. В этой строфе значительность масштаба змееборца подчёркивается масштабностью его врага, «змия попрянного» и обильно «преистекшего ядом». Автор говорит о том, что зло искоренено навечно и подвиг Сталина — это подвиг «на века»; человечество славит его и будет славить всегда. Благодаря нагромождению книжно-церковных слов и выражений — «людской Осанной / Ты зиждим присно и вовек...» (17–18) — фигура Сталина почти уподобляется божеству.

IV. С этой строфы автор рассказывает мифологизированную биографию Сталина-вождя. Рассказ начинается не с момента рождения Иосифа Джугашвили, а с описания той точки мирового пространства, в которой тот появился на свет. Перед нами карта; на ней — Кавказ, о котором говорится как о границе Европы и Азии, и в результате пространство стихотворения расширяется. Скалы, где «повит» младенец, сравниваются с яслями, возникает параллель между Сталиным и Христом (впрочем, можно считать, что она возникает и раньше, при первом же появлении апокалиптических аллюзий), которая будет развиваться и далее.

V. Точно так же, как соловей поёт про свой розовый куст, а поэт — про любимую деву, в стихах и в прозе поэты воспевают Сталина.

VI. В этой строфе речь идёт о том, что вождь вырос в древнем краю на перекрестии культур — греческой, скифской, кавказской (грузинской); именно так следует понимать строки «Где вял он трепет скифских стрел, / С Колхидой сливши дух ковылий / Где с Промефеем сам горел / На поприще творимых былей» (43–44). Сталин уподобляется орлу-Зевсу и одновременно сближается с героическим образом Прометея, антагониста Зевса.

VII. Речь идёт о начале политической биографии Сталина как о начале пути к славе. Она подаётся в самом общем виде. В этой строфе (единственный раз в «Оде») Сталин называется прямо: «сын Виссарионов» (ранее — «лениноравный маршал», «муж», «Вождь»). Но именование «сын Виссарионов» тоже мифологизировано, так как восходит к библейской форме имени (например, сын Давидов). Путь Сталина уподобляется пути великих импера-

торов — от Петра Великого («Изыдет ведать... Дворцову младость лампионов...») до римских императоров-триумфаторов («Дабы, восстав на колеснице, / Викторны громы сжать в деснице»).

VIII. Продолжается рассказ о событиях биографии Сталина, которая приравнивается к биографии страны: это и дни Октябрьской революции, и выстрел с крейсера «Аврора», и деятельность вождя в Царицыне⁹⁴.

IX. Автор, следуя каноническому мифологизированному изображению жизни Сталина, продолжает перечислять его основные «заслуги» перед советским обществом: это индустриализация, коллективизация, «мудрая» национальная политика.

X. Первая строка «Что зрим на утре дней благих?» (73) напоминает пушкинские стихи: «...Дней Александровых прекрасное начало» («Послание цензору», 1826) и его же «Начало славных дней Петра...» («Стансы», 1826). С этими стихами (прежде всего, со «Стансами») соотносили своё трагическое восприятие настоящего и свои надежды на будущее современники М. Тарловского — Б. Пастернак и О. Мандельштам. Стихотворение Б. Пастернака «Столетье с лишним — не вчера...» (1931) М. Тарловскому, скорее всего, было известно; «Стансы» О. Мандельштама он знать не мог. Отголоски пушкинской темы примирения с властителем в стихах Пастернака и Мандельштама очевидны читателю. Пушкин — по меткому замечанию И. Сурат — помогал (речь идёт о Мандельштаме) определиться в своих отношениях с современностью⁹⁵.

Далее Тарловский говорит о том, что мир не погрузился в ночь благодаря Сталину, который встретил врага, уподобленного и самому аду — Геенне. Вождю оставлена здесь одна роль, героическая. Тем более неожиданным оказывается последний стих: сталинские слёзы, «струимые по усам...», противоречат тому героическому образу, который пытается создать автор. Кроме того, эти сталинские слёзы могут напомнить о недостойном поведении

⁹⁴Сталин был направлен в Царицын в июне 1918 в качестве чрезвычайного уполномоченного по продовольствию. В письмах Ленину из Царицына Сталин постоянно сообщал о слабости и ненадёжности военного командования. В результате на него была возложена задача «наведения порядка», которая выполнялась самыми жестокими методами. В мифологизированной сталинской биографии царицынская страница была одной из важнейших. О ней рассказывали многочисленные конъюнктурные литературные произведения, в том числе повесть А. Н. Толстого «Хлеб (Оборона Царицына)». В поэме ашуга Верди «Царицынская битва» все события гражданской войны были сведены в одну битву, в которой одновременно участвовали Ворошилов, «Будённый с силой Конной», Фрунзе «грозный», Чапаев «молниекрылый», Киров «отважный», Серго — «твердокаменный исполин», Щорс — «бесстрашный воин». А их противниками выступали одновременно все враги, с которыми в разное время и на многих фронтах билась Красная Армия. О Сталине здесь говорилось так: «Ленин услышал, — / К Сталину вышел, / Молвил: “Цека и я это дело, / Сталин, тебе поручаю всецело. / Собери войска, Ударь на врага”».

⁹⁵И. Сурат. Опыты о Мандельштаме. М.: Intrada, 2005. С. 60.

Сталина в момент объявления войны⁹⁶. Понятны ощущения М. Л. Гаспарова, писавшего, что «хотя бы от 10-й строфы уже вела прямая дорога к стенке».

XI. Три лета бесчинствовал враг и незадолго до завершения четвёртого года войны «издох». Эти весенние дни автор описывает поэтично, без излишней приподнятости; фоника стиха создаёт ощущение, что звуки войны словно поглощены шипящими; при этом Тарловский включает в описание паронимию: «В те дни от почвы вешний пар шел, / И мир ПОЛОл черто-ПОЛОх» (83–84). Сталин поздравляет народ с началом «лучшей из эпох», с эпохой мира. Он именуется «тихим маршалом», т. е. маршалом, даровавшим тишину, что отсылает нас к образу «возлюбленной тишины», наступившей после победы, из оды М. В. Ломоносова: «Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина, / Блаженство сел, градов ограда, / Коль ты полезна и красна!» («Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»)⁹⁷. А также у Державина: стихотворение «Радуга» завершается политической аллегорией: «Светлая чтоб радуга мира, / В небе явясь в цвете зарей, / Стала в залог тихих дней мира, / К счастью всех царств и Царей. / Он всех их один просветит, / Примирит»⁹⁸. В оде «На взятие Измаила» (1791), Державин пишет: «Война — как северно сиянье, / Лишь удивляет чернь одну: / Как светлой радуги блистанье, / Всяк мудрый любит тишину». Это свойственная времени аллегорическая интерпретация.

Народ же повсеместно поёт Сталину хвалу.

XII. Работу над «Одой...» М. Тарловский завершает 13 мая 1945, через несколько дней, 24 мая, в Москве состоится парад Победы. Как утверждает автор, сталинский салют Победы у стен Кремля дороже любых лавров. А судьба современников выше судьбы любого поколения победителей прошлого: строителей Иерусалимского храма, его разрушителей или русской армии, выигравшей войну у Карла XII. Впрочем, возможно, автор говорит не только о военных «лаврах»: под поколением тех, кто стал «плотью римских теней», он мог также иметь в виду деятелей эпохи Возрождения, которые стремились возродить всё римское⁹⁹.

⁹⁶Известно, что 22 июня 1941 года по советскому радио с объявлением о нападении Германии выступил не И. В. Сталин, а В. М. Молотов. Речь верховного главнокомандующего прозвучала только 1 июля. См., напр., Р. А. Медведев. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны. // Новая и новейшая история, 2002, № 2; К. Плешаков. Ошибка Сталина. Первые 10 дней войны. Пер. с англ. А. К. Ефремова. М., 2006.

⁹⁷Комментарий М. А. Гистер.

⁹⁸Ещё очевиднее в первой редакции державинской «Радуги»: «И светлая б радуга мира, / Возстав над Европою всей, / Залогом спокойствия, мира, / Была всех народов, царей».

⁹⁹Комментарий А. Ч. Пиперски.

XIII. Автор перечисляет приметы утопического, коммунистического будущего, когда человек (по-видимому, так следует понимать слова о «веков грядущих сибарите») истребит все болезни и запустит космические корабли, и говорит о том, что и самое замечательное будущее не покажется привлекательнее сегодняшнего дня. И добавляет: «жить яко Сталин нам дороже». Это можно понять и как «в эпоху Сталина».

XIV. В высоком панегирическом стиле автор призывает современников боготворить деяния Сталина: «Лобзайте Сталински следы / У Волжских круч и в Невской дельте» (107–108). В последнем из двух процитированных стихов содержится перифраза: «У Волжских круч и в Невской дельте» можно соответственно прочесть как «под СТАЛИНградом и ЛЕНИНградом»¹⁰⁰. Таким образом, читателю сообщается, что «следами» Сталина отмечены территории, на которых шли жесточайшие бои. Кроме того, города не случайно получили свои названия в честь вождей — это реальные места их славы. Автор предлагает славить и Черчилля и Рузвельта как союзников Сталина. Последнее двустопное «Да достигнет под Сахалин / Лучьми державный исполин!» (111–112) можно прочесть двояко. С одной стороны, «державный исполин» — это ещё одно наименование Сталина. С другой, в этом словосочетании можно расслышать имя «Державин»¹⁰¹.

XV. Речь идёт о том, что триумф союзников послужит укором странам, сохранявшим во время Второй мировой войны нейтралитет. Участники антигитлеровской коалиции уверены в победе над врагом — «Сатаной» и его логовом. Эту победу должно воспеть высоким одическим стилем. И заканчивает автор строфу и стихотворение в целом тем, что просит прощения у Державина за то, что стихи, написанные в подражание ему, стилизуют разных поэтов XVIII в. Метафора, содержащаяся в стихе «Росность прашурских купавен» (т. е. влага прашурских купален), поддерживает этот смысл и означает, что из-под пера автора выходит стихотворение, вобравшее в себя то изобилие, которое было присуще «прашурским» стихам (или даже уже: всё изобилие архаичной лексики)¹⁰².

Впрочем, если извлечь это обращение к Державину из контекста строфы и прочесть в контексте стихотворения в целом, его можно истолковать и иначе. «Прости, Державин» за то, что высокий одический язык утрачен — современной эпохе присущ специфический поэтический язык советского времени. О том, что это за язык, автор говорит, объясняясь с гипотетическим критиком «Оды...» в послесловии к ней. «Выгораживая» свою «Оду...», он пишет: «...и чтобы совсем недалеко ходить за примерами [стихотворений, написанных высоким стилем и воспевающих победу и Сталина как творца этой победы], достаточно сослаться на «Сказ о победе» Марфы Крюковой, напе-

¹⁰⁰ Комментарий И. Б. Иткина.

¹⁰¹ Комментарий И. Б. Иткина.

¹⁰² Комментарий А. Ч. Пиперски.

чтаннный в «Правде» 14 мая 1945 г.»¹⁰³. Беломорская сказительница Марфа Крюкова (1876 — 1952), наряду с народными былинами, исполняла «былины нового времени», или новины, в которых в форме былинной стилизации прославляла руководителей партии: «...Тут поднялся на резвы ноги / Сильный могучий молодец, / Богатырь Иосиф свет Виссарионович, / Стал по палатам похаживать, / Стал он кудри свои поглаживать, / И усы свои позакручивать, / Стал он трубочку покуривать» (Марфа Крюкова. «Слава Сталину будет вечная...», 1937).

Несовместимость языка Державина и Марфы Крюковой, Державина и советских акынов и ашугов, «творчество» которых М. Тарловский не только переводил, но фактически создавал на русском языке, он не мог не чувствовать.

Читая «Оду...», мы пытались понять её, исходя из лексических значений слов, а также предполагаемого нами смысла некоторых достаточно тёмных образов. При этом мы исходили из того, что за задачу прославления Сталина автор взялся с той серьёзностью, с какой это мог сделать поэт, с готовностью служивший советскому государству и ещё в 1927 году написавший об отношениях вождя и народа такие строки:

...Я знаю — наступит минута,
Когда остановится смута,
Когда, как покорные звери,
Мы сядем у дома того,
Кто в новой поднимется вере,
Кто, в знак небывалой затеи,
Пылающий факел идеи
Над голой взовьёт мостовой.

Еще не означенный точно
В своей колыбели восточной,
Но жаркий, глухой и победный,
Не он ли в Кремле воспален, —
И ночью к пещере заветной
Не крадутся ль дикие звери
Отвесить у яростной двери
Глубокий и мрачный поклон?

«Огонь» (сб. «Иронический сад»)

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 2180, оп.1, ед. хр. 51. Л. 107.

Однако, несмотря на панегирическое содержание, «Ода...» воспринимается как стихотворение смешное, почти сатирическое (снова прав М. Л. Гаспаров!). Понимал это и сам М. Тарловский. Уже цитированное его послесловие к «Оде...» строится как ответ воображаемому критику и начинается так: «Когда собираешься опубликовать новое произведение, в голову часто лезут неприятные мысли. Ведь никогда не знаешь, насколько угодишь читателю. Так и тут: воображение уже рисует ехидные, и даже гневные, вопросы, задаваемые по поводу «оды на победу»¹⁰⁴: Это что? — Забава? — Уже как бы слышится мне, ~~юродство, пародия или паясничанье~~ упражнение? Но уместно ли упражнение вокруг грандиозной темы?».

Ясно, что М. Тарловский пишет это потому, что предвидит возможность негативных последствий для себя. Зачёркнутые в рукописи слова как раз и выражают те вероятные жёсткие упрёки современного критика, которые, в конце концов, могли бы привести автора «к стенке». Словно направляя ход мыслей будущего критика, М. Тарловский подыскивает более приемлемые, более безопасные возражения, для чего и заменяет «юродство» или «паясничанье» на слово нейтрального стиля: «упражнение».

А в результате и «Ода...», и послесловие к ней так и остались неопубликованными — по-видимому, благодаря комическому эффекту, очевидному для автора, их публикация показалась ему слишком опасной.

Конечно, интересно бы разобраться в том, насколько сознательно создавался поэтом этот комический эффект, понять, можно ли считать «Оду...» пародией. Ответить на оба эти вопроса однозначно непросто — прежде всего потому, что сведений о М. Тарловском у нас недостаточно. Так что не ставя перед собой задачи рассмотреть их всесторонне, сделаем несколько попутных замечаний.

Известно, что форма октавы в русском читательском сознании связалась с пародийным, бурлескным содержанием. Как писал М. И. Шапир, «Байрон и Пушкин создают бурлескные пародии на жанр эпической поэмы, одной из примет которой является форма октавы. Оба автора “выворачивают наизнанку” условную поэтическую мифологию, погружают её в быт, соединяя канонизированные поэтизмы с “прозаической” лексикой и фразеологией. Так же, как “Беппо” и “Дон-Жуан”, “Домик в Коломне” пародирует традиционную эпическую тематику (война, странствия и любовь)»¹⁰⁵.

В «Оде...» М. Тарловского изысканная форма октавы не противоречит задаче воспеть победу. Не противоречит, несмотря на «несовместимое»¹⁰⁶

¹⁰⁴ Здесь и далее сохранены не только орфография рукописи, но и зачёркивания.

¹⁰⁵ М. И. Шапир. Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров) // Philologica № 8, 2003/2005. См. http://www.rvb.ru/philologica/08rus/08rus_shapir.htm.

¹⁰⁶ Напомним: это определение М. Л. Гаспарова.

соединение октавы, одического содержания и архаического стиля. В скобках заметим, что поэт вообще тяготел к изысканной строфике, например к форме онегинской строфы. И хотя с середины XIX века онегинская строфа использовалась почти исключительно в пародиях, у Тарловского она выражает совершенно серьёзное содержание¹⁰⁷.

Однако образ победы у Тарловского замещается образом Сталина. Задаче посмеяться над Сталиным выбранная форма строфы, пожалуй, противоречит. Но ставил ли Тарловский перед собой такую задачу? Всё-таки перед нами ода на победу, написанная в торжественные для СССР и мира дни, сразу по следам событий.

И всё же комический эффект налицо. Его истоки нужно искать, прежде всего, в особенностях языка и стиля «Оды...».

Подзаголовком «Подражание Державину» автор предлагал воспринимать стихотворение как стилизацию. М. Л. Гаспаров прямо говорил о пародии на Державина; в завуалированном виде — о снижении фигуры Сталина.

«При стилизации языковое сознание стилизатора работает исключительно на материале стилизуемого языка <...>. Стилизация как таковая должна быть выдержана до конца. Если же современный языковой материал (слово, форма, оборот и т.п.) проник в стилизацию, — это её недостаток, ошибка: анахронизм, модернизм», — так писал М. М. Бахтин¹⁰⁸.

Это рассуждение стоило бы уточнить: для того чтобы стилизацию выдержать, нужно в совершенстве владеть литературным языком эпохи, автора, жанра, в случае Тарловского — владеть одическим стилем XVIII века. Ровно выдержать архаическую стилизацию и не сделать ошибок трудно, быть может, невозможно. Более того, для того чтобы стилизация состоялась, т. е. была воспринята читателем как стилизация, это и необязательно. Можно, например, архаический стиль дополнить вновь изобретёнными словами и формами, выдержанными в архаическом ключе, т. е. ложными архаизмами, и этого будет достаточно. Однако любое ошибочное или неудачное конструирование «под архаику», заметное слуху и глазу читателя, может создавать комический и даже пародийный эффект.

В «Оде...» М. Тарловского встречаются как реально существовавшие и использовавшиеся одописцами XVIII века архаические слова, выражения и конструкции, так и ложные архаизмы: «превыспревший» (если это не описка),

¹⁰⁷ Так, частное стихотворное послание, любовное по своему содержанию, написано им в форме онегинской строфы: *«И вот — опять перед глазами / Бумага, и перо в руке, / И рифмы прочными узлами / Спешат повиснуть на строке; / Опять, розарий оглашая, / Заимствованная, чуждая, / Пременный тенькает рефрен / Строфа в четырнадцать колен; / Опять мигрирующей птицей / Пиррихий правит свой полёт / Во ржавь штампованных болот, / Во мхи онегинских традиций, / И много Вам знакомых черт / Объемлет вежливый конверт»* (М. Тарловский. «Частное письмо», 1947. РГАЛИ, Ф. 2180, оп.1, ед.хр. 51, л. 16).

¹⁰⁸ Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 175.

«головешат», «Кремлих», «злоуханный», «в избыве», «викторны» и др. Некоторые из этих слов и форм явно обращают на себя внимание как комичные.

И всё же если ложные архаизмы Тарловского и создают комический эффект, то он не очень значителен. Другое дело — намеренное введение в стилизацию чужеродных для данного стиля вкраплений, демонстративно противопоставленных ему.

На комический эффект «работает» у Тарловского приём обмана читательского ожидания, когда слово «жребием» используется не в своём высоком книжном значении (от «жребий» в значении «судьба, участь, доля»), а в бытовом (твор. пад., ед. ч. от «жребие» в значении «жеребцы»). В связи с этим в стихе «Где сребрян Терека чекан / Виется, жребием взалкан» (47–48) снижается традиционно высокий романтический образ Терека. Получается почти как у Маяковского: «...от этого Терека / в поэтах / истерика...» («Тамара и Демон», 1924).

Трудно отделаться от ощущения намеренной иронии, когда описание сияющего салюта — «О! сколь тьмократна гроздь ракет / Свой перлов благовест лиет!» (15–16) — даётся через слово «тьма»¹⁰⁹, которое (как часть слова «тьмократна») неожиданно оказывается характеристикой света¹¹⁰.

Рядом с многочисленными реальными и мнимыми архаизмами и церковнославянизмами в «Оде...» можно встретить просторечные и диалектные слова, такие, как «прошмыгнет» или «шебаршить». Конечно, можно расценить их появление как следствие стилизации или пародирования поэзии Державина, для которой естественны резкие стилистические контрасты. И всё же задача подражания — стилизации или пародирования предшественника — не была для Тарловского доминирующей. Главным объектом изображения в «Оде...» стал не стиль Державина или — шире — оды XVIII столетия, а Сталин.

Неслучайно в «Оде...» совсем немного прямых цитат или реминисценций из Державина, аллюзий на него. А между тем, чтобы стилизация и тем более пародия достигли желаемого эффекта, пародируемые тексты должны легко узнаваться, иначе смешно не будет — не случайно шуточно-сатирическое стихотворение А. С. Пушкина «Тень Фонвизина», в которую включена пародия на Державина, насыщено легко узнаваемыми державинскими строчками.

Комичные стилевые эффекты служат в «Оде...» комическому изображению героя, а не державинского стиля. Вот и остановивший наше внимание глагол «шебаршил» поставлен у Тарловского в сильную позицию на конце стиха и рифмуется со словом «маршал» — этим сопоставлением автор снижает образ Сталина.

Такое снижение появляется во многих строчках. Например, «В дни оны сын Виссарионов / Изыдет ведать Росску ширь...» (49–50). Глагол «изыдет»

¹⁰⁹ Комментарий И. Б. Иткина.

¹¹⁰ Ср. у А. Н. Радищева «Во свет рабствá тьму претвори» («Вольность», ок. 1781–1783), где «тьма» прямо противопоставлена «свету».

в сознании современного носителя языка обычно ассоциируется не с Богом, а с совсем другим персонажем, обычно с его антиподом, или, по крайней мере, с отрицательным героем¹¹¹. Обращённая к Сталину фраза «За подвиг свой людской Осанной / Ты зиждим...» (17–18) только кажется значительной — благодаря краткому страдательному причастию «зиждим» и она выглядит ироничной, так как получается, что не Сталин — создатель, творец, а Сталин кем-то создан, основан — «зиждим». Ряд подобных примеров можно продолжить. Но, пожалуй, самым смешным действительно является стих, рисующий Сталина «...в слезах, струимых по усам». Комичность героя подчёркивается возникающей внутри «Оды...» аналогией с образом тевтона / змея, который «уже не огонь, а слезы мечет» (10), а также ассоциацией с ироничной сказочной присказкой «По усам текло, а в рот не попало». Всему этому сопутствует чрезмерность панегирических определений, уподоблений, риторических фигур. В результате преувеличенная похвала воспринимается как насмешка, а всё вместе создаёт эффект несоответствия формы и содержания и комической дискредитации персонажа. Сталин как объект оды кажется недостойным апологетической интонации, что может и не противоречить субъективной установке М. Тарловского на создание торжественной, а не бурлескной оды. Является ли создание комического эффекта и снижение образа героя сознательной установкой автора или возникает подспудно, так и остаётся неясным.

POST SCRIPTUM¹¹²

Почему же, работая в фондах архива, перебирая папки со стихами самых разных поэтов и дойдя до М. Тарловского, М. Л. Гаспаров выписал это стихотворение? Можно даже представить себе, как он наткнулся на «Оду...» — и не смог пройти мимо. Благодаря формуляру известен даже день, когда это было: 11 апреля 1989. Что «зацепило» его? Странные «несоответствия»: языка и строфики, архаической лексики и просторечных вкраплений в неё? Художественный эффект этих противоречий? «Зазор» между замыслом и результатом?

Размышляя над этими вопросами, стоит иметь в виду, что книга М. Л. Гаспарова не есть простая сумма записей и выписок. Она представляет собой некое целостное единство. Более того, о «Записях и выписках» М. Л. Гаспарова говорят как о художественном произведении, рассчитанном на читателя. С таким взглядом на книгу трудно не согласиться — в противном случае, откуда здесь столько тончайшей иронии? Как «пробралась» сюда литературная

¹¹¹ См., например: «Изыдет Блудный сын похмелен, слуги различна утешают; он обнищает» (Симеон Полоцкий. «Комедия притчи о блудном сыне», 1670–1680). Вместе с тем глагол не всегда был маркирован стилистически: «Воссел, и тихое / Благоговейное молчанье / Торжественной предтеча / Зиждительного слова) / Повсюду было / Ко бытию готова вся. / Се творчее изыде слово» (А. Н. Радищев. «Песни петые на состязаниях в честь древним славянским божествам», 1800–1802) (НКРЯ).

¹¹² В POST SCRIPTUM изложены соображения А. А. Скулачёва.

мистификация — стихи под псевдонимом Клары Лемминг, принадлежащие самому М. Л. Гаспарову? Можно было бы приводить и другие аргументы.

Предисловие к книге начинается так: «У меня плохая память. Поэтому, когда мне хочется что-то запомнить, я стараюсь это записать. Запомнить мне обычно хочется то же, что и старинным книжникам, которых я люблю: Элиану, Плутарху или Авлу Геллию, — интересные словесные выражения или интересные случаи из прошлого. Иногда дословно, иногда в пересказе; иногда с сокращенной ссылкой на источник, иногда — без».

Как видим, М. Л. Гаспаров отсылает нас к своим литературным предтечам и показывает жанровые истоки книги. Предупреждает о том, что чужие тексты могут даваться им «в пересказе».

В предисловии к книге можно увидеть и ключ к её замыслу. Так, ссылку на плохую память можно воспринять и как авторское лукавство, и как указание на центральный лирический мотив — разорванности связей, потери прошлого, беспамятства... Немаловажен и мотив поиска языка: неслучайно автор спешит объявить нам, что стремился записывать «интересные словесные выражения».

Взгляд на эту книгу как на целое заставляет задуматься над её композицией. Н. В. Брагинская пишет: «Я думаю, что связь “Записей и выписок”, во всяком случае, с Элианом, возможно, и с Авлом Геллием, не так “простодушна”: мол, те записывали всякое, и я тоже. Интерес М. Л. к прихотливой и неочевидной композиции реализовался не аналитически — в исследовании структуры античного сборника, а творчески — в создании водоворотной композиции собственной книги»¹¹³. Чтение и толкование этой «водоворотной композиции» — дело будущего. Наши микронаблюдения связаны только с чтением «Оды...» М. Тарловского.

Выписка «Оды...» и запись про неё следуют за записью:

«Курганова письмовник»¹¹⁴ — «Фразы, которых я не мог разьяснить И. К. “Мне любезнее отказаться от всего аристократического трибала, нежели подумать открыть столь важную тайну... Я нахожусь, как Андрюфес, в сладчайших созерцаниях толиких дивных изрядств... Он говорил по-гречески, по-латыне или по-маргажетски...”»¹¹⁵

Речь здесь идёт о невнятном тексте, который так и не удалось прочитать. Иначе дело обстоит с Тарловским, которому посвящена следующая запись — его текст воспринимается как сложный, но прочитывается. Такое соположение записей вполне отвечает научным взглядам М. Л. Гаспарова, рассматривающего филологию как науку понимания¹¹⁶.

¹¹³ Ваш М. Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. — М.: Новое издательство, 2008. С. 23 (комментарий к письму Б4 [16 марта 1980 года, Москва, машинопись]).

¹¹⁴ «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769) — хрестоматия для чтения, одна из самых распространённых книг XVIII века.

¹¹⁵ М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 31.

¹¹⁶ М. Л. Гаспаров. Филология как нравственность // Гаспаров М. Л. Записи и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 98–100.

В первой части «Записей и выписок», включающей «Оду...», много о пародии — и иронического: «Полежаев — пародия на Овидия, как Николай I пародия на Августа»¹¹⁷, и серьёзного: «А. Платонов в некрологе Архангельскому писал, что пародия — это путь к обновлению языка. Не ключ ли это к стилистике Платонова?»¹¹⁸. В стихотворении М. Тарловского М. Л. Гаспаров тоже мог видеть путь к поиску своего языка в безъязыкую эпоху. В таком случае в гаспаровском определении «Оды...» («это не более чем упражнение на рифмы») тоже можно было бы увидеть не прямое высказывание, а иронию, игру с читателем.

Есть и ещё одна особенность в записи «Оды...», которая может быть вызвана собственными научными и писательскими интересами М. Л. Гаспарова. Если сравнить запись «Оды...», приведённую М. Л. Гаспаровым, и рукописный текст М. Тарловского, можно увидеть, что первый иногда даже превосходит поэта в смысле выдерживания архаического стиля. У Гаспарова — «превыспренный» (а не «превыспревый», как у Тарловского), «нейтральный» (а не «нейтральный», как у Тарловского). Как объяснить эти расхождения?

Быть может, делая в архиве рабочие выписки, М. Л. Гаспаров сокращал слова, а когда расшифровывал свою рабочую запись и восстанавливал текст, делал это последовательнее, чем было в оригинале; форма «нейтральный» у него соответствует другим, использованным в тексте «Оды...» транслитерациям, таким, как «Чурчилль» и «Розевельт»? Есть и другие многочисленные несовпадения в первых буквах слов: у Тарловского не «Победа», а «победа», не «Вселенная», а «вселенная»; зато не «природа», а «Природа», не «муж», а «Муж» и т. п. Откуда они, если ясно, что М. Л. Гаспаров цитировал тот же текст, какой цитируем мы? И как вообще могло случиться, что в выписке человека, работающего с такой научной скрупулёзностью, столько неточностей? Зачем он «пересказывал» Тарловского? Он словно отчуждал этот текст от автора. Делал его примером того, как произведение может перерастать самоё себя и создавать новые пути к обновлению языка. Возможно, именно потому М. Тарловский и был интересен М. Л. Гаспарову.

¹¹⁷ М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 47.

¹¹⁸ Там же. С. 47.

Фердинанд де Соссюр

В. М. Алпатов

В ноябре 2007 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Фердинанда де Соссюра (1857–1913), учёного, которого многие считают основоположником современной науки о языке.

Жизнь знаменитого швейцарца небогата внешними событиями и обычна для учёного той эпохи. Он родился и умер в Женеве, принадлежал к семье, давшей миру несколько видных людей науки, учился в 1875–1876 гг. в Женеве и в 1876–1878 гг. в Лейпциге, стажировался в Берлине и в 1880 г. защитил в Лейпциге диссертацию, в 1880–1891 г. жил в Париже и преподавал в Сорбонне, а с 1891 г. до конца жизни вновь работал в Женеве, где с 1896 г. был ординарным профессором. Но внутренне драматична его научная судьба. Его после смерти сравнивали и сравнивают с Коперником и Кантом, а в 1916 г., когда вышел его «Курс общей лингвистики», считают годом переворота в мировой науке, хотя к концу жизни Соссюра все считали неудачником; вероятно, так думал и он сам. Заявив о себе уже в 21 год книгой, не принятой научным сообществом, но всё-таки обратившей на себя внимание, он после этого печатался крайне мало и был почти забыт. Тихий, скромный профессор боялся публично высказывать свои идеи, а вошёл в историю науки как великий революционер. А бессмертившую его имя книгу Соссюр никогда не писал и не собирался писать, издана же она была его соперником. Сплошные парадоксы!

В годы, когда работал Соссюр, языковедение считалось «немецкой наукой», а тон в нём задавала немецкая школа младограмматиков. Они продолжали традиции, сложившиеся ещё в начале XIX в.: языковедение — историческая наука, а основная область деятельности лингвистов — индоевропеистика. Профессора и приват-доценты реконструировали праязыки и восстанавливали историю языков по письменным памятникам. Но если основоположники индоевропеистики (Ф. Бопп, А. Шлейхер и др.) ставили широкомасштабные проблемы, то теперь при гораздо более аккуратном обращении с конкретным материалом и лучшим знании источников младограмматики сужали проблематику, изгоняя из науки «метафизику». Господ-

ствовало «преклонение перед “фактом”, понятным... как что-то неизбежное и устойчивое», о выражении противника такого подхода В. Н. Волошинова. Как напишет уже в 30-е гг. XX в. наш замечательный учёный В. И. Абаев, «при всех своих заблуждениях “старика” обладали достаточной широтой и глубиной философской мысли ... Они не боялись ставить “основные” вопросы, когда их приводил к этому ход исследования. Младogramматики же попросту испугались трудностей, и, чтобы избежать их, они заявили, что фундаментальные вопросы, над которыми вдумчиво и смело работала мысль основоположников, вовсе не существуют или, во всяком случае, не являются предметом лингвистики». Впрочем, в странах французского языка «фундаментальные вопросы» не были столь табуированы, как в Германии, и Соссюр интересовался ими с самого начала.

В Лейпциге начинающий учёный быстро показал свои способности. Книга Соссюра «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» вышла в конце 1878 г., когда автору только что исполнился 21 год. Такой ранний восход имеет мало аналогов в мировой лингвистике. Как пишет А. А. Зализняк в предисловии к русскому изданию «Мемуара», это «книга исключительной судьбы. Написанная двадцатилетним юношей, она столь сильно опередила своё время, что оказалась в значительной мере отвергнутой современниками и лишь 50 лет спустя как бы обрела вторую жизнь». «Основной вывод Соссюра состоял в том, что за видимым беспорядочным разнообразием индоевропейских корней и их вариантов скрывается вполне строгая и единообразная структура корня, а выбор вариантов одного и того же корня подчинён единым, сравнительно простым правилам». «В основе «Мемуара» лежит тезис о том, что сравнение индоевропейских морфологических единиц не могло быть особым в каждом отдельном случае (как это представляется на поверхностный взгляд), но определялось какими-то едиными и простыми принципами».

Молодой учёный впервые выделил две (или даже три) фонемы индоевропейского праязыка, впоследствии получившие название ларингалов. Они не сохранились ни в одном из известных в 1878 г. индоевропейских языков, их фонетическое значение оказывалось проблематичным, но при их постулировании структура праиндоевропейского корня могла очень просто и красиво объясняться. Но младogramматики принципиально исходили только из наблюдаемых фактов, и господствующее научное мнение не признало ларингалы. Один из ведущих младogramматиков Х. Остхоф резко отозвался на книгу в печати, и, казалось, её положения будут забыты. Но в 1927 г. польский учёный Ежи Курилович обнаружит в ещё не расшифрованном к 1878 г. хеттском языке один из ларингалов.

К 23 годам Соссюр уже был автором двух крупных работ: в качестве диссертации он в 1880 г. защищал не «Мемуар», а совсем другое сочинение «Об употреблении абсолютного генитива в санскрите». А потом за 33 года жизни ни одной книги, всего несколько статей, последнюю из которых Соссюр опубликовал за 17 лет до смерти, и несколько десятков мелких заметок и

рецензий. Видимо, он страдал тем, что иногда называют «боязнью чистого листа бумаги»: таким людям трудно писать, хотя говорить они могут блестяще. После его смерти обнаружилось немало набросков и черновиков, ныне изданных, но ничего законченного. Современникам казалось, что он лишь преподаватель, а наука осталась в прошлом. Разумеется, Соссюр к концу жизни не мог не считаться научным неудачником.

И ещё один парадокс. Прижизненные публикации Соссюра посвящены, как было тогда положено, индоевропеистике, а по общей лингвистике нет практически ничего. Среди черновиков и заметок есть важнейшие тексты по теории языка, но они составляют меньшую часть его рукописного наследия (три тетради из более сотни дошедших до нас), остальное — опять-таки индоевропеистика. Наконец, за два десятилетия работы в Женеве Соссюр читал санскрит, классические языки, древние германские языки, изредка литовский и древнеперсидский языки, а общее языкознание (и то лишь как меньшую часть курса вместе с «Обзором индоевропейских языков как введением в общую лингвистику») читал студентам всего трижды в последние годы жизни. И прочёл он курс вынужденно: его много лет вёл по совместительству главный раввин Женевы, по болезни он ушёл, и оказалось некем, кроме Соссюра, его заменить. При этом первый из курсов (1907) вполне традиционен, хотя черновики показывают, что основные положения Соссюра тогда уже давно сформировались.

Известно, что Соссюр в беседах за бокалом вина не раз критически отзывался о современной ему лингвистике и высказывал свои теоретические идеи. Но что-то написать на эту тему он не предполагал: слишком уж вразрез с общим мнением шли эти идеи. А когда в 1908–1909 учебном году Соссюр прочёл-таки курс по-своему, один из студентов спросил, будет ли он публиковаться. Соссюр ответил: «О книге на эту тему нечего и мечтать; она должна содержать окончательно оформленную мысль автора». И ещё: «Теория должна быть такой же жёсткой системой, что и язык. В этом-то и трудность; мало выстроить один за другим ряд положений, главное в том, чтобы соединить их в систему».

Почему же профессор вдруг решился изложить идеи хотя бы студентам? В 1908 г., в промежутке между чтением первого и второго курса, произошло неожиданное событие: бывший студент Соссюра, а к тому времени его младший коллега в университете Альбер Сеше (1870–1946) опубликовал первую свою книгу «Программа и методы теоретической лингвистики» (лишь в 2003 г. появился её русский перевод). Книга содержала развёрнутую теорию языка, затрагивая тематику, над которой бился учитель Сеше, не решавшийся её изложить. И в ней немало сходного с тем, что привычно связывается с именем Соссюра и что уже формулировалось Соссюром в черновых записях.

По-видимому, Сеше что-то знал, скорее всего, из устных бесед, из необнародованных идей учителя, и развил их в книге. Это нельзя считать плагиатом.

том: идея, нигде публично не зафиксированная, остаётся «ничьей»; к тому же Сеше дал Соссюру прочесть рукопись ещё до её издания. Но, разумеется, учителю было обидно, что ученик его опередил. Он начал писать раздражённую рецензию, но, как это было у него всегда в те годы, бросил (незаконченный текст сейчас опубликован). Зато он решил сделать другое: изложить свои идеи хотя бы у доски в собственном варианте, а не в варианте ученика, кое в чём отличном. И дважды (1908–1909, 1911) он прочёл курс в новаторском виде, не помышляя сделать его известным кому-нибудь, кроме своих студентов, и тем более перевернуть мировую науку.

В феврале 1913 г. Соссюр умер. И тот же Альбер Сеше вместе с другим младшим коллегой покойного Шарлем Балли (1865–1947) решил издать его лекции. Они собрали записи студентов (как впоследствии оказалось, не все) и на их основе подготовили текст, опубликованный в 1916 г. Считается, что основную работу по составлению текста «Курса общей лингвистики» вёл именно Сеше. Хотел ли он заглядывать вину перед учителем? Во всяком случае, он скромно ушёл в тень, и имя Сеше в истории науки более известно в связи с его ролью в издании под именем Соссюра не написанной её автором книги, а не благодаря собственным (весьма интересным) трудам.

Состав «Курса», сейчас досконально изученный, сложен: он не совпадает ни с одним из конспектов, в него включены фрагменты из разных записей двух последних курсов Соссюра, иногда в переставленном порядке. Есть и фрагменты, не находящие соответствий ни в одном из конспектов. Целую литературу имеет знаменитая фраза, завершающая «Курс»: *«Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»*. Она не записана ни одним из студентов, поэтому её приписывают публикаторам. Но она не соответствует исследовательской практике Балли и Сеше больше, чем практике самого Соссюра: оба в собственных работах уделили большое внимание проблемам, выходящим за пределы «языка в себе и для себя». Не были ли источником этой фразы и некоторых других мест в «Курсе» какие-то разговоры Соссюра с коллегами?

«Курс» появился, пусть в нейтральной Швейцарии, но в разгар мировой войны, и всё же сразу стал известен в мире. Например, в Россию его впервые привёз ученик Соссюра, политический эмигрант (меньшевик) Сергей Осипович Карцевский. Вернувшись на родину (как оказалось, ненадолго) в 1917 г., он в феврале 1918 г. сделал в Москве доклад о «Курсе». Первым изданным переводом книги на иностранный язык оказался японский (1928), вторым — немецкий (1931), третьим — русский перевод А. М. Сухотина (1933). У нас тогда редко переводили современную западную литературу по гуманитарным наукам. Но Соссюр был слишком важен.

Влияние «Курса» оказалось огромным. Вот лишь одна цитата, принадлежащая датскому учёному Л. Ельмслеву: «Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913) во многих отношениях может считаться основоположником современного языковедения». Только самому Соссюру про это

узнать было не суждено. Более всего прославились два знаменитых противопоставления Соссюра: язык — речь и синхрония — диахрония.

Всё, что может быть связано с процессами говорения и слушания, Соссюр назвал общим термином *речевая деятельность*, которую он подразделил на *язык* и *речь*. «Язык — только определённая часть, правда, важнейшая часть речевой деятельности». Это система правил, единая для всех членов языкового коллектива, то есть социальное, коллективное явление. Как определял Соссюр, «язык — не деятельность говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим». Всё связанное с человеческой индивидуальностью, с деятельностью говорящего и слушающего, он отнёс к речи, которая индивидуальна, побочна и случайна, по сути, это остаточное понятие: всё то, что не есть язык. Соссюр так ни разу и не прочёл лекцию о лингвистике речи, хотя она фигурировала в плане его курса.

Конечно, языком в смысле Соссюра занимались задолго до него: всем известные с младших классов таблицы склонения и спряжения — уже пример этого. Но только он строго отделил проблемы языка от всех остальных и разграничил «внутреннюю лингвистику», занимающуюся языком, и «внешнюю лингвистику», изучающую то, что «чуждо его организму, его системе», например географическое распространение языков и диалектов, связь языка с культурой и психикой, функционирование языка в обществе, акустику звуков. Не говоря прямо, что не надо заниматься внешней лингвистикой, Соссюр определил задачи внутренней лингвистики как первоочередные.

Если при разграничении языка и речи во многом уточнялись и прояснялись и ранее существовавшие воззрения, то второе разграничение «Курса» — разграничение синхронии и диахронии — резко порывало с господствовавшими весь XIX в. (да и первые 10–15 лет XX в.) представлениями.

Для наглядности Соссюр рисовал две оси. Горизонтальную ось он назвал осью *синхронии*, на ней откладывается всё то, что имеется в языке в данный момент времени. И это не разрозненные факты, а *синхроническая система языка*, элементы которой взаимосвязаны и получают значение только в противопоставлении другим элементам. Вертикальную ось он назвал осью *диахронии*, она связывает между собой отдельные элементы языка в их историческом развитии. Соссюр не признавал системность диахронии, в отличие от синхронии.

Два подхода к языку Соссюр не просто разграничивал, а считал несовместимыми. «Лингвист, желающий понять это состояние (языка — В. А.), должен закрыть глаза на то, как оно получилось, и пренебречь диахронией. Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку». «Противоположность двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютна и не терпит компромисса».

До Соссюра синхронное исследование если и признавалось, то лишь как «описательное», регистрирующее факты без их объяснения. К 1916 г. университетская наука уже более столетия была погружена в древность, а со-

временные языки обычно изучали непрофессионалы: авторы гимназических учебников, если это «наши» языки, миссионеры, чиновники колониальной администрации, путешественники, если это языки далёких от нас народов. Соссюр же не просто разделил два подхода к языку, но установил новые приоритеты: раз для любого носителя языка актуальна лишь синхрония, системой языка он пользуется, а прошлое для него не существует, то синхронное изучение важнее. Разумеется, противников идей Соссюра о синхронии и диахронии оказалось много больше, чем учёных, не принявших другие его идеи, в том числе о разграничении языка и речи. Скажем, первая в СССР женщина — профессор общего языкознания Розалия Осиповна Шор, инициатор первого русского издания «Курса», считала, что для советской науки многое у Соссюра приемлемо, но только не «отсутствие историзма». Но тогда за этими идеями было будущее. Новый этап развития языкознания, основанный на «Курсе», получил название структурализма. Идеи структурализма проникли и в другие гуманитарные науки, особенно в литературоведение.

Но ведь не один Соссюр высказывал идеи, предвосхищавшие этот этап! Были и другие учёные. Чаще всего, помимо Соссюра, называли двух замечательных лингвистов польского происхождения, работавших в России: Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) и Николая Вячеславовича Крушевского (1851–1887). Например, датский структуралист Вигго Брёндаль отмечал, что новой концепцией мы обязаны не только Соссюру, но и «другим учёным, среди которых почётное место занимает Бодуэн де Куртенэ». А ученик Бодуэна Евгений Дмитриевич Поливанов считал даже, что книга Соссюра «не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой». Но и в вышеупомянутой книге Сеше при иной терминологии много общего с ещё не существовавшим «Курсом», включая оба главных противопоставления. Однако отзвук идей Соссюра явно оказался наибольшим.

Причин здесь, вероятно, имелось несколько. Всякая влиятельная идея должна появиться вовремя, а умерший молодым Крушевский высказался слишком рано: в 1883 г. Работы Бодуэна также печатались задолго до «Курса». Даже в 1908 г., когда появилась книга Сеше, идея о превосходстве синхронии над диахронией могла казаться (в том числе Соссюру) слишком смелой, а к 1916 г. она оказалась вовремя высказанной. Женева была ближе к центрам мировой лингвистики, чем города России. Языковой фактор вряд ли играл существенную роль, так как Крушевский и Бодуэн печатались и по-немецки. Но в случае Сеше два последних фактора не действовали; впрочем, воздействию его книги могли мешать сложность стиля, более немецкого, чем французского, и обилие нетрадиционных терминов.

И всё-таки в пользу Соссюра работал и радикализм его идей. Бодуэн де Куртенэ писал: «Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического развития языков — динамика». Статика и динамика могут быть соотнесены

с синхронией и диахронией Соссюра, но для Бодуэна «нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, всё живёт. Всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики». Нет ни полного противопоставления и несовместимости двух подходов, как у Соссюра, ни приоритета статики (синхронии), скорее более адекватным признаётся динамический подход. По этому поводу чешский структуралист Вилем Матезиус позже напишет: Бодуэн «не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода, ибо был введён в заблуждение изменчивым светом психологии и слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке. Что не увидел Бодуэн, то отчётливо отметил Фердинанд де Соссюр. Выдающийся швейцарский лингвист стал строго различать в языкознании диахроническую (динамическую) и синхроническую (статическую) точку зрения».

У Сеше нет такого подчёркивания динамики, но также нет ни несовместимости подходов, ни выделения статики на первый план. Если сравнить книгу Сеше и «Курс» Соссюра (соавтором которого до некоторой степени был тот же Сеше), то получается, что учитель проигрывает ученику в нескольких отношениях. У Сеше есть специальные главы о лингвистике речи и диахронической лингвистике, а также и о фонологии, но в «Курсе» лингвистики речи и фонологии нет, а главы о диахронической лингвистике гораздо более традиционны. Там, где Соссюр обращался к привычным для языкознания того времени сюжетам, там он традиционнее и по идеям.

Развитие лингвистики шло в сторону, во-первых, последовательного выделения устойчивых и регулярно повторяющихся явлений, во-вторых, «реабилитации» синхронии, которая уже была основным объектом изучения до XVIII в., но в эпоху господства «историзма» отошла на периферию. Сходным путём в разных странах и в несколько разное время шли и Крушевский, и Бодуэн де Куртенэ, и Сеше, и Соссюр. И идеи Соссюра не были самыми богатыми содержанием, скорее наоборот (кстати, надо учитывать и учебный характер «Курса», автору которого многое приходилось упрощать для студентов). Поэтому Поливанов, узнавший о них после обучения у Бодуэна, мог не найти ничего нового: видно сходство, но у учителя Поливанова было много и того, чего у Соссюра нет. Зато всё гениальное просто, а идеи Бодуэна, Крушевского и особенно Сеше оказались слишком сложны для переворота в науке. Все другие, даже Сеше, недостаточно радикально порывали с традицией, пытаясь охватить слишком многое. А Соссюр установил иерархию, строго выделив круг первоочередных задач: изучение синхронии языка.

Важно, что в этом кругу не нашлось места самой строгой и престижной дисциплине языкознания времён Соссюра — индоевропеистике и, шире, компаративистике, устанавливающей родственные связи языков и реконструирующей праязыки. Разработка этих проблем, замечательных самих по себе, мешала становлению нового подхода. А Соссюр, может быть, не

осознавая этого, открывал возможность двигаться вперёд, не пользуясь и даже не владея методикой реконструкции или филологического анализа памятников; этого не мог допустить, например, Бодуэн де Куртенэ. В конце 70-х гг. XX в. американский лингвист Дж. Гринберг напишет: «Самой глубокой из всех теорий была, вероятно, теория Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, часто рассматриваемых как ранних предшественников структурализма, поскольку они включали в свои работы явно сравнительно-исторический компонент». Но для современников эта глубина была не нужна. Сложный метод компаративистики (как и не менее сложные филологические методы) требовал полной отдачи. Соссюр, разумеется, не призывал отказаться от методов компаративистики, но зато предложил их игнорировать.

В отличие от нерешительного в жизни Соссюра Бодуэн де Куртенэ был новатором и революционером во всём. Он побывал в петербургской тюрьме «Кресты» за брошюру в пользу прав малых языков Российской империи и баллотировался (но не был избран) на пост президента Польши, постоянно боролся то за реформу русской орфографии, то за отмену классического образования, ссорился с русскими властями и с польской профессурой, не принимавшей его редкую для поляка нерелигиозность. Но в сфере науки он оказался недостаточно революционен. И структурализм XX века пошёл за Соссюром, дополнив его учение одним отсутствовавшим в «Курсе общей лингвистики» более частным положением — бодуэновской идеей фонемы.

Не все последователи Соссюра принимали всё в его учении. Но большинство из них приняли им установленные приоритеты, сосредоточившись на «языке, рассматриваемом в самом себе и для себя». Расширение проблематики в сторону синхронии сочеталось с её сужением в других отношениях. Ушли на второй план и проблемы развития языка, и проблемы его функционирования. Вопросы устройства системы языка стали главными на несколько десятилетий. И тогда это имело смысл: сужение проблематики способствует углублённому рассмотрению вопросов, оставшихся в поле зрения. Вклад в это внесли разные школы структурализма, которые могли значительно различаться между собой, но все опирались на Соссюра. А сама противоречивость «Курса», автор которого ощущал недостаток «окончательно оформленной мысли» и системы в построениях, могла способствовать использованию его идей: одни находили у него одно, другие — другое. И любая из этих точек зрения получала развитие в тех или иных направлениях структурализма.

Основанная Соссюром Женевская школа со временем всё более стала превращаться в соссюрологию: не один её представитель посвятил жизнь изучению черновиков Соссюра и конспектов его студентов, ныне опубликованных, толкованиям и интерпретациям его идей. Введённые соссюрологами в научный оборот подлинные тексты Соссюра показали не только творческую лабораторию знаменитого швейцарца, но и несовпадение многих его не обнародованных при жизни идей с «Курсом». Сейчас уже нередко его взгляды интерпретируются, не исходя из «Курса», а на основе этих идей.

Например, сейчас многие считают Соссюра родоначальником представлений о языке (и шире об объекте деятельности учёного) как конструкте, который не существует заранее как таковой, а создаётся теорией. Однако в тексте «Курса» этого нет, там говорится о языке как «готовом продукте, пассивно регистрируемом говорящим», который «можно локализовать в определённом отрезке речевого акта». То есть язык объективно существует. Но в черновых «Заметках к книге по общей лингвистике» (так и не написанной) действительно сказано: «У нас же имеются прежде всего точки зрения, верные или ложные, но всегда лишь точки зрения, и уже с их помощью СОЗДАЮТСЯ объекты... Ни один *объект* не дан нам хотя бы на мгновение сам по себе». И эти идеи сейчас влиятельны в науке. Но Соссюр не решился их излагать студентам: для того времени они были уж слишком непривычны.

Но рано или поздно времена меняются, и новые поколения учёных выходят за рамки, установленные их предшественниками. Важнейший удар по концепциям Соссюра и его последователей нанёс знаменитый американский учёный Ноам Хомский, особенно в книге 1968 г. «Язык и мышление». Соссюр был обвинён в значительном сужении лингвистической проблематики, раз он «выдвинул точку зрения, согласно которой единственно правильными методами лингвистического анализа являются сегментация и классификация», что не оставляло места ни для «философской грамматики», ни для суждений по языковым данным «об общих свойствах человеческого интеллекта». Его концепция названа Хомским «убогой и совершенно неадекватной».

После этого в США и ряде других стран идеи Соссюра начали восприниматься как устаревшие. Кстати, ещё раньше, с 40-х гг., эпоха господства соссюрианства закончилась в Японии, где лингвисты в массовом порядке перешли к изучению социального функционирования языка. Где-то эпоха структурализма продолжалась дольше, например в СССР.

Однако сейчас не только последователи Хомского, но и представители направлений, иногда объединяемых под общим названием функционализма, далеко ушли от когда-то новаторских представлений швейцарского учёного. Границы лингвистики вновь стали расширяться по разным направлениям, возрос интерес к функционированию языка, а ограничения, введённые в «Курсе», потеряли силу. Теория речевых актов, прагматика, социолингвистика, исследования языковых картин мира, лингвистика текста — вот неполный перечень дисциплин, развивающихся в последние десятилетия, и не вписывающихся в систему приоритетов, восходящую к Соссюру.

Например, современный российский лингвист А. Е. Кибрик пишет: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен “на самом деле”. Что такое “язык на самом деле”? Это совокупность тех знаний, которыми располагает человек, осуществляя языковую деятельность на соответствующем языке ... “Естественное” моделирование языка должно осуществляться с учётом того, как человек реально пользуется языком, то есть, как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как

использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности, и т. д.».

В рамках структурализма были получены немалые результаты в фонологии и отчасти в морфологии, где жёсткие и устойчивые правила являются определяющими. Однако при структурном подходе не удалось справиться с синтаксисом и тем более с семантикой — наукой о языковых значениях, которая сейчас развивается активно, но не в соответствии с заветами Соссюра. А введённые швейцарским учёным ограничения, когда-то полезные, уже не действуют.

Это относится и к противопоставлению синхронии и диахронии. Безусловно, речь не идёт о том, чтобы их смешивать в духе науки XIX в. или снова отождествлять синхронное и описательное языкознание. Но часто оказывается, что понимание современных языковых процессов неполно без учёта того, как они возникли, а наиболее рациональное из синхронных описаний этих процессов соответствует историческому их развитию. И идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, в своё время не принятые большинством структуралистов, на новом историческом витке оказываются содержательнее, чем упрощавшие реальность (пусть в своё время сильные именно этой простотой) идеи Соссюра.

Но исторические заслуги Соссюра неоспоримы. Указанный им курс развития лингвистики дал много. А судьба женевского профессора — пример верности себе, своим идеям, шедшим вразрез с господствующим мнением, но ждавшим своего часа. Другой вопрос — историческая ограниченность любой теории.

Как говорят женщины и мужчины

В. М. Алпатов

Различия между мужской и женской речью существуют всегда, поскольку они вызваны чисто биологическими особенностями: женский голос обычно выше мужского. Различается и тембр мужского и женского голоса. В романе Вальтера Скотта «Гай Меннеринг, или астролог» про голос старой колдуньи говорится, что он был слишком низким для женщины и слишком пронзительным для мужчины. Таким образом, различия здесь не только в высоте.

Однако для лингвистики интереснее не физические различия звучания, а те различия, которые обусловлены (прямо или косвенно) социальными причинами. Различия по полу, связанные не с биологическими, а с социальными факторами, с различными ролями мужчин и женщин в обществе, сейчас принято называть *гендерными* (от латинского слова *genus* со значением 'пол'). В последние десятилетия на Западе (гораздо в меньшей степени в России) распространились исследования подобного рода в самых разных аспектах, в том числе исследования по так называемой гендерной лингвистике.

Поведение людей, в частности речевое поведение, обусловлено социально. Это относится и к гендерным различиям в поведении. Вот пример: если вы сейчас пойдёте на реку, вы услышите, как девочки и девушки там постоянно визжат (если Вы — девочка, то, весьма вероятно, и сами будете выражать эмоции таким образом), тогда как лица мужского пола так себя не ведут. Очевидно, что дело здесь не в биологических различиях: в раннем детстве визжат и мальчики, но их быстро от этого отучают, рассказывая, что так выражать свои эмоции «не по-мужски». Девочкам же это не запрещают, наоборот, поощряют такое поведение, и привычки закрепляются. Этот пример — не чисто языковой, но такого рода различия могут быть и в употреблении тех или иных слов, грамматических форм и т. д.

И это не только различия, диктуемые системой и нормой языка: по-русски мужчина скажет: *Я сам пришёл*, а женщина должна говорить: *Я сама пришла*. Нередко бывает совершенно очевидно, что некоторым образом может сказать только мужчина или только женщина (хотя, может быть, не каждый или каждая из них), хотя вроде бы система языка этого строго не требует.

Например, в одной научной статье описывался случай сильного речевого расстройства, при котором больной мог произносить всего около двух десят-

ков простых слов и устойчивых сочетаний. Пол больного не указывался, но приводился словарь его речи, в котором среди сохранившихся единиц была такая: *Ой, девочки!* Очевидно, что это могла произнести только женщина. Данное выражение (состоящее из двух слов, но играющее роль цельного междометия) свойственно только эмоциональной женской речи при обращении внутри женского коллектива. Мужчина если так и выразится, то только в шутку; в основной его словарь это выражение никогда не войдёт. Если бы мужчина испытал тяжёлое расстройство речи, он бы не сохранил «не своё» выражение. Впрочем, и не каждая женщина будет его ежедневно употреблять. И таких случаев в русском языке немало, просто мы их часто не замечаем, а в науке они изучены недостаточно. И нередко различия имеют статистический характер: в принципе таким-то образом могут сказать и мужчины, и женщины, но кто-то из них так скажет с гораздо большей вероятностью.

Однако отличительные особенности в том или ином языке могут быть и очень значительными, и едва заметными. Они не столь велики в таких языках, как русский, английский, немецкий или французский, где их иногда надо выискивать с помощью сложной методики. Но есть языки, в которых они очень заметны. Много здесь зависит от распределения ролей мужчин и женщин в обществе.

В традиционных, патриархальных обществах женщины занимали и продолжают занимать подчинённое положение. Это находит отражение в том, как говорят мужчины и женщины в языках, которыми там пользуются. В некоторых обществах дело доходило до того, что появлялись особые мужские и женские варианты языка; изредка мужчины и женщины говорили даже на разных языках, как это наблюдалось у некоторых индейских племён Южной Америки.

В чукотском языке — правда, он является своего рода исключением — гендерные различия отражаются даже в фонетике: мужчины произносят одни звуки, а женщины в соответствующих словах используют другие звуки. Но чаще такие различия проявляются в лексике: некоторые слова запрещено произносить женщинам; как правило, это имена мужа и его родственников, а также слова, звучанием похожие на эти имена. Женщинам приходилось вместо них использовать описательные выражения или придумывать новые слова. Так было до начала XX века в ряде тюркских языков: казахском, киргизском, алтайском. Например, казашки должны были вместо имени мужа говорить «хозяин огня» или «отец ...» плюс имя их сына. Если имя мужа у алтайцев значило «шесть», его жена не могла употреблять это числительное и должна была говорить «на один больше пяти». Такие явления наблюдаются и сейчас в некоторых арабских диалектах Магриба, в языке зулу в Южной Африке.

Но не надо думать, что значительные расхождения между мужской и женской речью свойственны только народам, где ещё господствуют традиции древних эпох. Такое бывает и в современных развитых странах, среди ко-

торых в этом отношении выделяется Япония, на которой мы остановимся подробнее.

Различия между тем, как говорили и даже писали мужчины и женщины, в этой стране имеют значительные исторические традиции. Эти традиции так или иначе всегда были связаны с подчинённым положением женщин, даже в тех случаях, когда, казалось бы, внешне это может выглядеть иначе. Был период (IX–XII вв.), когда в японской придворной среде существовала особая «женская» литература. Широко известны великие произведения японской литературы «Повесть о Гэндзи» и «Записки у изголовья», написанные женщинами — Мурасаки Сикибу и Сэй-Сёнагон (они переведены и на русский язык). В художественной прозе средневековой Японии произведений такого уровня, сочинённых мужчинами, не было. Но дело было в том, что проза считалась несерьёзным занятием, недостойным мужчины. Мужчины писали научные и религиозные трактаты и деловые бумаги, употребляли иероглифы, пришедшие из Китая, язык их сочинений переполняли заимствования из китайского языка. Придворные дамы сочиняли романы и эссе, писали на чисто японском языке почти без китайских заимствований, использовали японскую азбуку хирагану (знание женщинами иероглифов считалось неприличным). Они показывали талант и образованность, но их литературная деятельность не означала их равного с мужчинами положения.

Но в те времена, когда японцы отвыкли от войн и при дворе господствовали утончённые нравы, положение женщин было лучше, чем оно стало позже. В конце XII в. власть захватили суровые воины — самураи, и главным занятием благородного человека стали считаться воинские искусства. Время «женской» литературы прошло, а главными достоинствами женщины стали подчинение мужчинам и — в области языкового поведения — безмолвие. Как пишет японская исследовательница М. Накамура, в XVI–XVIII вв. считалось, что женщинам по возможности не следует говорить, особенно с мужчинами, а правила языкового поведения для женщин, закреплённые в специальных наставлениях, были в основном запретительными; в них для женщин регламентировались даже громкость речи или смех.

Во времена европеизации Японии (эпоха Мэйдзи — 1868–1912 гг.) была заимствована концепция, согласно которой предназначение женщины — быть «хорошей женой и умной матерью», а умная мать должна не только вести хозяйство, но и воспитывать детей, что требовало умения с ними разговаривать. Однако при формировании норм нового литературного языка сначала ориентировались исключительно на мужские разновидности языка. Позже стали формироваться и женские образцы, в основе которых лежала речь, особо отличавшаяся от мужской; её особенности стали нормами, в основном сохраняющимися до сих пор.

В современной Японии гендерные различия в разговорной речи очень заметны. Избежать их почти невозможно. Как пишет японская лингвист Сугияма Миёко, она долго считала, что, будучи образованной и самостоятельной, говорит вполне «по-мужски», но, начав наблюдать за со-

бой, убедилась, что женские особенности речи присутствуют у неё постоянно. Различия могут проявляться и в интонации, и в лексике, и в синтаксисе, и даже в употреблении некоторых грамматических элементов языка; особо надо отметить различия в формах этикета и в особенностях ведения разговора.

Мужчины и женщины в Японии по-разному употребляют местоимения 1-го лица: *boku, ore* — чисто мужские, *atashi* распространённое у женщин, *watashi* употребляется мужчинами и женщинами, но для молодёжи оно становится женским. Из личных местоимений 2-го лица *kimi* и *omae* — мужские (хотя женщина может назвать *omae* собаку), *anta* — чаще женское. Различия в употреблении местоимений устойчивы, даже у студентов, наиболее склонных к нарушению правил; они сохраняются даже в более официальных стилях вроде телевизионных интервью, где иные расхождения могут стираться. Различия могут отражаться даже таким образом: в книгах о животных и на клетках в зоопарках пол животного (текст подаётся якобы от его имени) выражается мужским или женским местоимением. Так, в календаре животное восклицает: *Naze ore wa neko ni umarete kita no daroo* 'Почему я родился котом?'. Пол в этой фразе выражен только местоимением *ore* (*neko* значит 'кот' и 'кошка').

Другое явное различие — разный (хотя частично пересекающийся) набор так называемых финальных, или модально-экспрессивных частиц. Они исключительно часты в любой неофициальной разговорной речи (или в её имитации, например, в женских журналах), завершая большинство предложений. Они присоединяются к последнему слову предложения, выражая разнообразные отношения с собеседником (предложение согласиться, подтверждение и пр.) или те или иные эмоции говорящего. Есть чисто мужские частицы: *zo, ze*; ещё больше чисто женских частиц: *wa, no, kashira* и др. Некоторые вроде бы общие частицы у мужчин и женщин различаются интонацией и/или значением. В разговорной речи такие частицы — чёткий индикатор гендерных различий. Поэтому их вводят даже в переводы на японский язык, например, интервью, когда надо передать женскую речь.

Ещё одно яркое различие, скорее статистическое, чем абсолютное, — обилие в женской речи незаконченных предложений. Отмечают и большую частоту в женской речи восклицательных предложений, стяжения женщинами сложных глагольных форм в более простые, разное употребление мужчинами и женщинами междометий, слов-паразитов и др. Имеется специфически мужская и специфически женская лексика, хотя различия здесь чаще имеют статистический характер. В прошлом, как я уже упоминал, считалось, что женщины не должны использовать слова китайского происхождения. Сейчас, разумеется, таких ограничений нет, но большая часть лексики чаще употребляется мужчинами. Эти слова обычно книжны, среди них много терминов, относящихся к сферам, с которыми японские домохозяйки не сталкиваются.

И, безусловно, различия мужской и женской речи во многих аспектах связаны с иерархическими отношениями и этикетом. Наиболее вежливые формы воспринимаются как «нормально женские», а наиболее невежли-

вые — как «нормально мужские». Форм, которые употребляют только мужчины или женщины, немного, но всегда действует не абсолютное, а относительное правило: чем вежливее форма, тем при прочих равных условиях вероятнее использование её женщинами. Например, многие женщины чуть ли не к каждому существительному присоединяют вежливую приставку *o-*. Мужчины её используют только в строго определённых случаях, прежде всего при обращении к вышестоящему лицу. Поскольку в наши дни и в Японии воспитательницы детских садов и учительницы начальной школы — обычно женщины, то мальчики перенимают у них привычку всюду употреблять этот вежливый префикс, и потом родителям приходится их отучать.

Статистически преобладает и распределение типично мужской и типично женской ролей в диалоге. В диалогической речи на любом языке обычно один из его участников бывает главным: он выбирает тему, переходит от одной темы к другой, задаёт вопросы, перебивает собеседника. Подчинённый участник отвечает на вопросы, поддакивает, иногда дополняет слова собеседника. Бывает, что собеседники меняются ролями, но если один из участников диалога выше другого по положению, то он обычно останется ведущим с начала до конца. В диалоге на японском языке чаще всего женщины оказываются в подчинённом положении по отношению к мужчинам. В одном из опытов испытуемых разного пола (студентов) произвольно разбивали на пары и предлагали им вести свободный диалог, скрыто записывавшийся, и во всех парах лидером оказался мужчина. И в публичных диалогах по телевидению (интервью, ток-шоу и пр.), как правило, говорят и высказывают свои мнения мужчины, а роль женщин сводится к поддакиванию и созданию необходимого фона. Предельный случай подчинённой роли в диалоге — молчание.

Существуют ещё более глубокие различия между мужской и женской речью, которые встречаются даже на письме. Японский исследователь С. Макино попросил испытуемых пересказать сказку о Золушке, и оказалось, что мужские и женские сочинения выглядели по-разному. Мужчины считали самым важным изложить содержание сказки без каких-либо оценок, а женщины обязательно выражали свои эмоции и сочувствие героине, но сбивчиво пересказывали текст.

Не только в средневековой, но и в современной Японии существуют особые мужские и женские жанры. Жанры женского и мужского журнала сейчас распространены не только в Японии, но там традиционные особенности женской или мужской речи особо культивируются и строго соблюдаются. Специфичен для Японии жанр сочинений «пишущих домохозяек» — письма в журналы и газеты на свободную тему. Особенность этих сочинений — употребление на письме вежливых форм и модально-экспрессивных частиц, обычно не свойственных письменной речи. Их авторы как бы разговаривают с неизвестным собеседником, используя разговорные слова и грамматические формы.

Наряду с этими жанрами, уже давно существующими, имеются и новые речевые жанры и стили, создающиеся на наших глазах. Среди школьниц, студенток и молодых сотрудниц компаний получил распространение так называемый *gyaru-moji* ‘девичий алфавит’. Он употребляется исключительно для дружеского письменного общения между девушками, обычно по мобильному телефону, иногда и от руки; он пропагандируется в журналах для девушек. Для него характерно графическое видоизменение письменных знаков (иероглифов, хираганы, катаканы), их использование в границах, не предусмотренных нормой. Строгих правил здесь нет, возможны любые индивидуальные вольности, например, из одного иероглифа можно сделать два.

В целом различия мужской и женской речи в Японии минимальны в детстве, невелики и у студентов, достигают максимума в возрастной группе 50–60 лет, потом немного уменьшаются. Социальные причины этого очевидны. Нет особой разницы в социальных ролях мальчиков и девочек или даже студентов и студенток, зато, когда в соответствии с традициями японского общества мужчина начинает подниматься по социальной лестнице, а женщина уходит в домашние дела, их роли всё более расходятся; в старости, когда мужчина оставляет работу, роли вновь сближаются.

Безусловно, господство мужчин в японском обществе даже сейчас гораздо заметнее, чем в современной России или на Западе. Но, разумеется, многое меняется, хотя идеал «хорошей жены и умной матери» владеет многими умами и сейчас. Сейчас всё больше женщин работает и после замужества, появляются женщины-руководители и даже министры и главы компаний. Например, Олимпиада в Сиднее в 2000 г. оказалась первой, где в японской женской команде многие спортсменки были замужем и даже имели детей (раньше девушка с замужеством обязательно оставляла спорт). И в языке кое-что меняется. Например, в японском языке есть более десятка слов, соответствующих русскому *жена*, одни из них могут обозначать лишь свою жену, другие — жену другого человека. И эти слова тесно связаны с традиционным положением замужней женщины. Например, свою жену часто называют *kanai*, что буквально означает *внутри дома*. Спрашивается, зачем добавлять ещё одно слово *waifu* с этим значением (из английского *wife*). Но один японец, узнав, что его собеседник из России, сказал, что он там не был, а его жена была. И ему ничего не оставалось, как назвать её *waifu*. Если женщина путешествует без мужа, то она никак не может быть *kanai*.

Но сглаживание различий не означает их исчезновения, а традиции в общественном мнении сильны, особенно среди мужчин. Например, в японских комиксах — манга, сейчас исключительно популярных в стране, образ женщины-руководителя постоянно негативен, в том числе высмеиваются и особенности её речи.

Многие женские языковые и речевые особенности действуют автоматически и неосознанно, поэтому сохраняются просто по традиции, даже у самых самостоятельных женщин. Японские специалисты сходятся во мнении о том, что такие особенности устойчивы и сохраняются достаточно долго.

Хотя не везде мужчины и женщины говорят столь по-разному, как в Японии, какие-то гендерные различия есть везде, и можно выделить определённые закономерности. В частности, данные различия в языках мира по-разному проявляется на разных уровнях. В устной речи они существеннее, чем на письме, в диалоге очевиднее, чем в повествовательном тексте, хотя пример с сочинением про Золушку показывает, что различия могут проявиться в самых неожиданных случаях. В большом количестве языков они весьма заметны в интонации речи, естественны они и в лексике, тогда как в произнесении звуков или в грамматике они обычно не столь велики (чукотский пример является своего рода исключением). Языковые единицы, в том числе грамматические, обозначающие чувства, желания, внутренние состояния говорящего, по-разному используются мужчинами и женщинами во многих языках. Приведённые примеры с японскими эмоциональными частицами и с русским выражением *Ой, девочки* относятся как раз к этой сфере языка. Некоторые лингвисты считают особое внимание к эмоциональной сфере общей особенностью женской речи (пример с Золушкой как раз это подтверждает). Но в сфере языка, связанной с обозначением явлений внешнего мира, такие различия выражены значительно меньше. Поэтому в бытовой речи эти различия намного заметнее, чем в научных или деловых текстах: пол автора научного доклада или делового письма обычно по языковым данным определить нельзя. В художественной литературе, более связанной со сферой эмоций, он может быть заметнее. Имеются и специфически женские или мужские жанры вроде «женского романа», известного и в средневековой Японии, и в современной России, где иногда авторы-мужчины печатаются под женскими псевдонимами, подделываясь под женский стиль.

В современном обществе многие социально обусловленные гендерные различия сглаживаются, мужчины и женщины начинают выполнять однотипные социальные роли. Однако, во-первых, однотипность не означает полного совпадения, во-вторых, следует учитывать консервативность языка, который может сохранять явления, причины которых нельзя объяснить, исходя из современности. И даже если гендерные различия в языке и речевом поведении уходят вглубь и не видны на поверхности, наука может их выявить.

Падежи в языках мира

П. М. Аркадьев

Падеж — одна из наиболее широко распространённых и хорошо изученных лингвистами грамматических категорий. По данным «Всемирного атласа языковых структур»¹, падежи представлены примерно в двух третях языков и языковых семей. Неудивительно, что в течение последних полутора веков учёными были написаны сотни книг и тысячи статей, посвящённые самым разным вопросам, связанным с этой категорией; существует даже учебник для студентов, так и называющийся — «Падеж»², а в 2009 г. увидела свет написанная коллективом авторов из разных стран «Энциклопедия падежа»³.

Изучение падежа осложняют два обстоятельства. Во-первых, падежи в разных языках отличаются друг от друга подчас очень сильно. Наиболее очевидное и при том весьма существенное различие — это количество падежей: в русском языке шесть падежей (впрочем, вскоре мы увидим, что это далеко не так очевидно), в английском — два, в немецком — четыре, в эстонском — пятнадцать, а в некоторых языках Северного Кавказа их число достигает полусотни. Во-вторых, падеж — категория, связанная практически со всеми уровнями языка: с морфологией, поскольку падеж — морфологическая категория, выражающаяся при помощи морфем; с синтаксисом, поскольку падежи, среди прочего, указывают на грамматический статус членов предложения; с семантикой, поскольку падежи выражают смысловые отношения разных слов в предложении.

Разумеется, в рамках краткой статьи невозможно сколько-нибудь подробно остановиться на всех интересных вопросах, связанных с падежом. Поэтому здесь мы сначала рассмотрим то, как устроена падежная система русского языка, и на её примере коснёмся ряда более общих проблем, а затем перейдём к краткому обзору наиболее увлекательных и экзотических «падежных» явлений в языках мира.

¹ *World Atlas of Language Structures*, ed. by M. Haspelmath et al. Oxford: Oxford University Press, 2005; электронная версия доступна на сайте <http://wals.info/>.

² B. J. Blake. *Case*. Cambridge: Cambridge University Press. 1st ed. 1994, 2nd ed. 2001.

³ *The Oxford Handbook of Case*, ed. by A. Malchukov, A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2009.

1. Падеж в русском языке

Из школьной грамматики известно, что в русском языке шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный, ср. таблицу 1.

Таблица 1. Русские падежи (традиционный взгляд)

		I склонение (жен. р.)	II склонение (муж. р.)	III склонение (ср. р.)	IV склонение (жен. р.)
Ед. число	Именительный	<i>рука</i>	<i>нос</i>	<i>окно</i>	<i>мышь</i>
	Родительный	<i>руки</i>	<i>носа</i>	<i>окна</i>	<i>мышь</i>
	Дательный	<i>руке</i>	<i>носу</i>	<i>окну</i>	<i>мышь</i>
	Винительный	<i>руку</i>	<i>нос</i>	<i>окно</i>	<i>мышь</i>
	Творительный	<i>рукой</i>	<i>носом</i>	<i>окном</i>	<i>мышью</i>
	Предложный	<i>(о) руке</i>	<i>(о) носе</i>	<i>(об) окне</i>	<i>(о) мышь</i>
Мн. число	Именительный	<i>руки</i>	<i>носы</i>	<i>окна</i>	<i>мышь</i>
	Родительный	<i>рук</i>	<i>носов</i>	<i>окон</i>	<i>мышей</i>
	Дательный	<i>рукам</i>	<i>носам</i>	<i>окнам</i>	<i>мышам</i>
	Винительный	<i>руки</i>	<i>носы</i>	<i>окна</i>	<i>мышь</i>
	Творительный	<i>руками</i>	<i>носами</i>	<i>окнами</i>	<i>мышами</i>
	Предложный	<i>(о) руках</i>	<i>(о) носах</i>	<i>(об) окнах</i>	<i>(о) мышах</i>

Приведённая в таблице 1 картина осложняется тем, что в русском языке существуют и активно употребляются формы, в ней отсутствующие. Так, мы говорим *на носу*, а не **на носе*⁴, а также *в шкафу*, *в аэропорту*, *в кровѣ* (но *о кровѣ*) и т. д. Что это — особые формы предложного падежа или отдельный, не признаваемый почему-то школьной грамматикой⁵ падеж? Кроме того, мы обычно говорим не *налей мне чая*, *положи мне сахара*, а *налей мне чаю*, *положи мне сахару* и т. п. (в стихотворении Ф. И. Тютчева «Я лютеран люблю богослуженье...» есть даже строчка: *Ещё она не перешла порогу*). Внешне эти формы совпадают с формами дательного падежа, однако легко показать, что это лишь внешнее совпадение: прилагательные, служащие к ним определениями, выступают в родительном падеже: *горячего чаю*, *кускового сахару*. Встаёт тот же вопрос: отдельный ли это падеж, совпадающий у некоторых существительных по форме с дательным, а у большинства слов не отлича-

⁴ Неправильные формы, словосочетания и предложения принято обозначать звёздочкой; другое употребление этого знака — обозначение реконструированных форм древнего состояния языка, однако в этом значении данный символ здесь использоваться не будет.

⁵ В этом школьная грамматика расходится с академической традицией: о различии «изъяснительного» (*о носе*) и «местного» (*в носу*) падежей писали ещё такие классики русистики, как А. М. Пешковский и В. В. Виноградов.

мый от «обычного» родительного (ср. *налей мне вина / *вину, положи себе мяса / *мясу*), или особая форма родительного падежа? Далее, в разговорной речи мы часто употребляем такие формы, как *Миш! Насть! Ребят!* Может быть, это тоже особый — звательный — падеж, подобный, например, звательному падежу в латинском языке?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо сначала договориться о том, что считать падежом, а что нет. В уже упомянутом учебнике «Падеж», написанном австралийским лингвистом Б. Блейком, даётся следующее определение (перевод наш):

Падеж — это морфологическое выражение на зависимом слове словосочетания типа его синтаксической и/или семантической связи с главным словом.

Определение Б. Блейка содержит три важных пункта. Во-первых, падеж — это морфологическая категория, выражающаяся в формах слов. Для носителей языков с богатой морфологией, вроде русского, это кажется очевидным, однако не стоит забывать, что есть языки, где морфология гораздо беднее, — например, английский язык. В таких языках синтаксические связи между членами словосочетания и предложения могут выражаться порядком слов, но называть это падежом всё же было бы странно. Во-вторых, падеж выражается на синтаксически зависимом слове. Опять-таки, с точки зрения носителя русского языка такая ситуация является привычной, поскольку в нём в большинстве типов словосочетаний синтаксическая связь выражается именно на зависимом слове. Есть, однако, немало языков, где всё наоборот, т. е. синтаксические связи выражаются на главном слове. Грамматические категории такого типа также не принято называть падежом. В-третьих, падеж выражает не просто наличие синтаксической связи между двумя словами, а отражает характер этой связи: падеж меняется в зависимости от того, является ли слово, например, подлежащим⁶ или дополнением, определением или обстоятельством, а также от того, какой смысл оно выражает (например, в русском языке винительный падеж может обозначать полный охват предмета действием, а родительный — частичный охват, ср. *выпей воду* vs. *выпей воды*).

Пользуясь данным определением, можно сразу отграничить звательные формы вроде *Серёж! Ребят!* от остальных «кандидатов» в падежи: такие формы, использующиеся в функции обращения, нельзя считать падежом, поскольку они не выражают никакой синтаксической связи: обращение не зависит ни от сказуемого, ни от какого-либо другого слова в предложении. Кстати, следуя этой логике, надо исключить из числа падежей и традиционно именуемые «звательным падежом» аналогичные формы в других языках, например в латинском⁷.

Две другие рассмотренные нами формы: *(на) носу́, (в) шкафу́* и т. д. и *(килограмм) сахару, (стакан) чаю* и т. д. — с полным основанием претендуют

⁶ В отличие от школьной грамматики, в лингвистике общепринято мнение, что сказуемое управляет подлежащим так же, как дополнениями.

⁷ Отметим, что так делали, например, некоторые античные грамматисты, не включавшие звательную форму древнегреческого языка в число падежей.

на звание отдельных падежей. Первые образуют так называемый «второй предложный» или местный падеж, отличающийся от обычного предложного лишь примерно у полутора сотен существительных (ок. 120 существительных мужского рода второго склонения и ок. 20 существительных женского рода третьего склонения) и употребляющийся с предлогами *в* и *на*. Вторые образуют так называемый «второй родительный» или партитивный («частичный») падеж, отличающийся от обычного родительного у нескольких сот слов мужского рода второго склонения, большая часть которых обозначает вещества. Важная общая особенность обоих «новых» падежей — их полное совпадение с обычными предложным и родительным во множественном числе (ср. *о шкафе, в шкафу*, но *о шкафах, в шкафах*). Партитивный падеж, кроме того, как мы уже видели, во всех случаях, когда он не совпадает с родительным, выглядит так же, как дательный; иными словами, у этого падежа вообще нет своих собственных форм. Отметим в связи с этим, что на «нетрадиционные» падежи во многом похож такой несомненный падеж, как винительный: особые, не совпадающие ни с какими другими формы винительного падежа есть лишь у слов первого склонения в единственном числе; во всех прочих случаях винительный падеж совпадает либо с именительным, либо с родительным.

Таким образом, более полная таблица склонения в русском языке содержит восемь падежей, а не шесть, ср. таблицу 2 (поскольку во множественном числе «вторые» родительный и предложный не отличаются от «обычных», мы приводим лишь единственное число):

Таблица 2. Русские падежи (более полная картина)

		I склонение (жен. р.)	II склонение (муж. р.)	II склонение (ср. р.)	III склонение (жен. р.)
Ед. число	Именительный	<i>рука</i>	<i>нос</i>	<i>вино</i>	<i>пыль</i>
	Винительный	<i>руку</i>	<i>нос</i>	<i>вино</i>	<i>пыль</i>
	Родительный	<i>руки</i>	<i>носа</i>	<i>вина</i>	<i>пыли</i>
	Частичный	<i>руки</i>	<i>(из) носу</i>	<i>вина</i>	<i>пыли</i>
	Дательный	<i>руке</i>	<i>носу</i>	<i>вину</i>	<i>пыли</i>
	Предложный	<i>(о) руке</i>	<i>(о) носе</i>	<i>(о) вине</i>	<i>(о) пыли</i>
	Местный	<i>(в) руке</i>	<i>(на) носу</i>	<i>(в) вине</i>	<i>(в) пыли</i>
	Творительный	<i>рукой</i>	<i>носом</i>	<i>вином</i>	<i>пылью</i>

Внимательный читатель наверняка заметил, что таблицы 1 и 2 отличаются не только числом падежей, но и их расположением. Порядок, в котором приводятся падежи в таблицах склонения, казалось бы, является всего лишь условностью. Тем не менее, вопрос о порядке падежей не вовсе бессмысленный: склонение представляет собою систему, и её организацию можно попытаться отразить взаиморасположением падежей в таблице. Какой порядок более наглядно отражает внутренне устройство падежной системы

русского языка: традиционный (И–Р–Д–В–Т–П) или приведённый в таблице 2 (И–В–Р–Ч–Д–П–М–Т)?

Выясним сначала, откуда взялся традиционный порядок И–Р–Д–В–Т–П. Для этого нам придётся обратиться к истории. Современные понятия о падеже и склонении восходят к античной грамматической традиции, основанной на описаниях древнегреческого и латинского языков. Сам термин «падеж» является переводом древнегреческого πτωσις, обозначающего вообще любое морфологическое изменение слов (описывавшееся как «отпадение», «отклонение» от исходной «назывной» формы). Древнегреческий грамматист Дионисий Фракийский (II в. до н. э.) вслед за философами-стоиками выделяет в древнегреческом языке четыре падежа: именительный (ὀνομαστική) или «прямой» (ὀρθή), родительный (γενική), дательный (δοτική) и винительный (ἀιτιατική) — и размещает их именно в таком порядке. Способ упорядочения падежей, как полагают учёные, мог быть связан с тем, что именно в таком порядке обычно располагались стоящие в соответствующих падежах слова в предложениях, содержащих все четыре падежа.

Когда древнеримские грамматисты стали приспособлять древнегреческую грамматику к латинскому языку, они столкнулись с тем, что в латинском языке имеется «лишний» пятый, отсутствующий в древнегреческом падеж, который они назвали «отложительным» (ablativus) и поместили в перечне падежей после тех падежей, которые в двух языках совпадали. Следует, кстати, заметить, что именно латинским грамматистам мы обязаны, в частности, странным названием падежа, использующегося для обозначения прямого дополнения, — «винительный». Действительно, какое отношение значение этого падежа имеет к вине или обвинению? Ответ прост: этот термин — перевод латинского accusativus ‘обвинительный’, который возник в результате неправильного перевода греческого ἀιτιατική. Это древнегреческое слово восходит к корню αιτία, у которого было два связанных между собою значения: ‘вина’ и ‘причина’; однако непосредственно грамматический термин был образован от слова αιτιατόν ‘следствие, результат’, буквально «то, что возникает из-за причины». Тем самым, правильный перевод древнегреческого ἀιτιατική — «следственный» или «результативный» падеж, что уже гораздо более похоже на значение этой грамматической формы: ведь основной результат действия затрагивает как раз прямое дополнение в винительном падеже.

Наконец, когда в позднее Средневековье стали возникать грамматики славянских языков, ещё более богатых падежами, чем латынь, порядок четырёх общих с древнегреческим и латынью падежей в них сохранялся без изменения, а отсутствующие в этих языках падежи добавлялись в конце. Именно таким образом возник привычный нам порядок падежей И–Р–Д–В–Т–П.

Итак, мы выяснили, что последовательность падежей может быть данью идущей из глубины веков грамматической традиции. Несмотря на древность и авторитет античных грамматистов, нам хотелось бы, чтобы порядок падежей в таблице склонения наглядным образом отражал какие-нибудь свой-

ства падежной системы русского языка. Одним из таких свойств является внешнее сходство падежных форм. Как известно, в русском языке широко распространено явление омонимии падежных форм; так, *дом* может быть и именительным, и винительным падежом, *слона* — и родительным, и винительным, *ноге* — и дательным, и предложным, и местным, *ночи* — родительным, частичным, дательным и предложным, а форма числительного *сорока* — вообще любым из шести косвенных падежей.

Как легко видеть из таблицы 1, традиционный порядок помещает совпадающие падежные формы далеко друг от друга: именительный и винительный разделены родительным и дательным, дательный и предложный — винительным и творительным и т. п. Напротив, порядок, представленный в таблице 2, составлен так, чтобы падежи, формы которых могут совпадать, находились рядом. Такой порядок, имеющий с традиционным мало общего, наглядно отражает морфологические сходства и различия падежей и часто используется в научных работах по русскому языку.

В этом разделе мы рассмотрели некоторые особенности падежной системы русского языка, в частности выяснили, что в нём представлено скорее восемь, нежели шесть падежей, и обсудили вопрос о том, в каком порядке следует перечислять падежи. Кроме того, здесь было сформулировано определение падежа, пригодное для описания падежей в самых разных языках. В следующем разделе мы узнаем кое-что интересное о падежах в различных, в том числе «экзотических» языках.

2. Падежи в языках мира

Выше уже было сказано о том, что категория падежа представлена более чем в половине языков мира и что падежные системы разных языков демонстрируют большое разнообразие типов. Языки различаются и тем, сколько и какие падежи они имеют, и тем, какие значения их падежи могут выражать, и морфологическим устройством падежных систем. Остановимся кратко на этих вопросах.

Падежные системы, содержащие от шести до десяти падежей, как в русском языке, — по-видимому, одни из наиболее широко распространённых. Они представлены, помимо русского языка, также во всех славянских языках (кроме болгарского и македонского), в литовском языке, в тюркских языках (турецком, чувашском, татарском и др.), в монгольских языках (монгольском, бурятском, калмыцком и др.), в грузинском языке, во многих языках Индии, в некоторых языках Восточной Африки, в языках индейцев кечуа (Южная Америка), во многих языках аборигенов Австралии. Есть, однако, языки с более бедными падежными системами. Так, пять падежей было в латыни, в древнеанглийском языке, столько же в латышском языке; четыре падежа, как мы знаем, было в древнегреческом языке; из живых языков четырьмя падежами обладают немецкий, и исландский, и, например, индоиранский язык кашмири. Всего три падежа в новогреческом и в классическом араб-

ском. Наконец, немало языков имеет лишь два падежа; таковы румынский и старопровансальский (язык поэзии трубадуров), персидский и многие современные иранские языки (курдский, афганский и др.), многие языки Африки и Америки.

Напротив, есть языки, падежные системы которых гораздо богаче, нежели русская. Одиннадцать падежей в баскском языке, на котором говорят на северо-востоке Испании; ещё больше падежей в финно-угорских языках: пятнадцать в эстонском и, по некоторым подсчётам, до двадцати в венгерском. Все рекорды, однако, бьют языки, на которых говорят в Дагестане: в них представлено обычно около трёх десятков падежей, а в табасаранском языке насчитывается почти пятьдесят! За счёт чего в языке может быть столько падежей?

Если посмотреть внимательно на богатые падежами языки, то обнаружится, что в них при помощи морфологических показателей выражаются значения, которые в русском языке обозначаются сочетаниями предлогов с падежными формами существительных. Так, по-венгерски *házban* значит 'в доме', *házbа* — 'домой', *házból* — 'из дома', *házra* 'к дому', *házról* 'от дома' и т. п. Легко заметить, кстати, что венгерские падежные окончания членятся на две части, отвечающие за два разных смысловых компонента: одна часть — *локализация* — обозначает фрагмент пространства, связанный с основой (*-b* — 'внутреннее пространство', локализация «ин»; *-r* — 'пространство около', локализация «апуд»), а другая — *ориентация* — способ движения или размещения относительно объекта, обозначенного основой (*-an* — 'находиться в', ориентация «эссив»; *-a* — 'двигаться по направлению к', ориентация «латив»; *-ól* — 'двигаться по направлению из', ориентация «элатив»). Названия пространственных падежей обычно получаются соединением названий локализации и ориентации, ср. инэссив (*-ban*), иллатив (*-ba*), апудэлатив (*-ról*). Чем богаче и разветвлённей в языке система локализации и ориентации, тем больше в нём может оказаться сложных пространственных падежей. Приведём систему пространственных падежей аварского языка (Дагестан), см. таблицу 3. Из таблицы легко видеть, что двадцать пространственных падежей образуются «перемножением» пяти локализаций и четырёх ориентаций.

Итак, мы выяснили, что пространственные падежи нередко образуют в рамках падежной системы языка отдельную подсистему, обладающую своей собственной структурой. Рассмотрим теперь непространственные падежи и остановимся заодно на классификации падежей.

Падежи принято делить на «грамматические», в наибольшей степени связанные с выражением чисто синтаксических связей, и «семантические», в большей степени ориентированные на различные смысловые отношения между членами предложения. Разумеется, это деление во многом условно, поскольку «грамматические» падежи, как правило, имеют и несинтаксические употребления (ср. русский винительный падеж во временном значении: *всю ночь писал статью*), а «семантические» падежи нередко приобретают

чисто грамматические употребления (ср. русский творительный дополнения при некоторых глаголах: *восхищаться красотой*).

Таблица 3. Система пространственных падежей аварского языка

ориентация→ локализация↓	эссив (‘находить- ся’)	латив (‘двигаться к’)	элатив (‘двигаться из’)	транслатив (‘двигаться через’)
лок (‘на’)	-да	-д-е	да-сса	-да-ссан
интер (‘среди’)	-ль	-ль-е	-ль-а	-ль-ан
апуд (‘около’)	-хь	-хь-е	-хь-а	-хь-ан
суб (‘под’)	-кь	-кь-е	-кь-а	-кь-ан
ин (‘в’)	-(ни/у)-КП ⁸	-(ни/у)-КП-е	-(ни/у)-КП-сса	-(ни/у)-КП-ссан

К «грамматическим» падежам обычно относят именительный (*номинатив*; падеж подлежащего), винительный (*аккузатив*; падеж прямого дополнения), родительный (*генитив*; падеж определения), иногда также дательный (*датив*; падеж непрямого дополнения). Ещё один довольно широко распространённый грамматический падеж не представлен в русском и большинстве европейских языков; это *эргатив*, падеж, использующийся для обозначения подлежащего переходного глагола. В языках, где есть такой падеж (это баскский язык, языки Кавказа, эскимосские, чукотский, многие языки Австралии и Америки), обычно нет аккузатива, а дополнение переходного глагола обозначается так же, как подлежащее непереходного — номинативом. Ср. пример (1) из аварского языка:

- (1) а. *Вас^{НОМ} рокъове вуссана.*
‘Парень вернулся домой’.
б. *Инсу-цца^{ЭРГ} хур^{НОМ} бекъана.*
‘Отец пахал поле’.

В некоторых языках эргатив употребляется при обозначении подлежащего не только переходного глагола, но и любого глагола, обозначающего активное действие, ср. пример (2) из грузинского языка⁹:

- (2) а. *glеx-та^{ЭРГ} datesa simind-и^{НОМ}*
‘Крестьянин посеял зерно’.
б. *gogoeb-та^{ЭРГ} itamašes.*
‘Девочки играли’.
в. *c’q’al-и^{НОМ} gatba.*
‘Вода нагрелась’.

Перейдём к «семантическим» падежам. В тех языках, где нет разветвлённой системы локализации и ориентации, как в финно-угорских и кавказских,

⁸ КП = классный показатель, т. е. один из суффиксов согласования по роду и числу: -в- (мужской род), -й- (женский род), -б- (неодушевлённый род), -р- (множественное число).

⁹ Примеры даны в латинской транскрипции.

тем не менее, нередко бывает представлено несколько падежей с пространственным значением. Например, в японском языке представлены *аллатив* (падеж, указывающий на направление движения) и *аблатив* (падеж, указывающий на исходную точку движения), ср. пример (3):

(3) а. *Мусуко-га*^{НОМ} *гакко:-э*^{АЛЛ} *ику*.

‘Мальчик идёт в школу’, букв. «мальчик школа-в идёт».

б. *Мусуко-га*^{НОМ} *гакко:-кара*^{АБЛ} *каэтта*.

‘Мальчик вернулся из школы’, букв. «мальчик школа-из вернулся».

Помимо пространственных падежей в языках мира часто встречаются падежи, выражающие различные другие значения. Один из таких падежей — хорошо знакомый нам творительный (*инструменталис*), обозначающий инструмент или средство, при помощи которого выполняется действие. Распространён также совместный падеж (*комитатив*), обозначающий живое существо или предмет, вместе с которым выполняется действие, ср. пример (4) из монгольского языка:

(4) *Би Лувсанжав-тай*^{КОМИТ} *ирэв*.

‘Я пришёл с Лувсанжавом’.

Наряду с совместным падежом имеется также и антонимичный ему «лишительный» падеж (*приватив*), ср. финское *rahtatta* ‘без денег’.

В языках Австралии встречается падеж, обозначающий причину ситуации или состояния — *каузалис*; при помощи этого падежа обозначается, например, дополнение при глаголах, выражающих эмоциональные состояния, ср. пример из языка калкатунгу: *yanyingkungu rumpi* ‘бояться привидений’ (букв. «привидение-каузалис бояться»). В некоторых языках встречается специальный падеж для обозначения временных промежутков — *темпоралис*, ср. венгерский пример: *hat órákor* ‘в шесть часов’ (букв. «шесть час-темпоралис»). Существуют также падежи, выражающие отношения сравнения: сравнительный (*компаратив*), см. пример (5) из японского языка и «отождествительный» (*экуватив*), ср. пример (6) из осетинского языка.

(5) *Яма-ёру*^{КОМП} *такай*.

‘Выше, чем горы’, буквально «чем горы высокий»

(6) *Фат-ау*^{ЭКВ} *атахти*.

‘Он полетел, как стрела’.

Теперь, когда мы получили общее представление о том, какие падежи встречаются в языках мира, рассмотрим средства, при помощи которых падежи могут выражаться. Носители русского языка привыкли к тому, что при склонении существительных, прилагательных и местоимений к основе добавляется окончание, в котором выражаются одновременно падеж и число (а у прилагательных также и род). Действительно, если мы посмотрим на таблицы 1 и 2, мы не сможем выделить в русском языке отдельные суффиксы числа, общие для всех падежных форм единственного или множественного числа, и так же в русском языке нет показателя, например, родительного падежа, одинакового для форм обоих чисел. Такие показатели, в которых зна-

чения разных грамматических категорий (в нашем случае — числа и падежа) выражаются совместно, называются *кумулятивными*.

Несмотря на то, что кумулятивные показатели кажутся нам очень естественными, оказывается, что они имеются лишь в незначительном числе языков, большая часть которых относится к индоевропейской языковой семье. Если мы посмотрим на языки других семей, мы обнаружим, что в них, как правило, падеж и число выражаются отдельными и хорошо отчленимыми друг от друга показателями. Рассмотрим парадигму турецкого слова *el* ‘рука’, фрагмент которой представлен в таблице 4. Легко видеть, что в турецком языке множественное число обозначается суффиксом *-ler-*, отдельным от показателей падежей, которые одинаковы в обоих числах. Такого рода раздельное выражение падежей и других грамматических значений является, в отличие от кумулятивного, нормой для языков мира.

Таблица 4. Склонение в турецком языке

	Единственное число	Множественное число
Номинатив	<i>el</i>	<i>el-ler</i>
Аккузатив	<i>el-i</i>	<i>el-ler-i</i>
Генитив	<i>el-in</i>	<i>el-ler-in</i>
Датив	<i>el-e</i>	<i>el-ler-e</i>
Локатив	<i>el-de</i>	<i>el-ler-de</i>
Аблатив	<i>el-den</i>	<i>el-ler-den</i>

Мы привыкли также к тому, что падежи обозначаются при помощи окончаний — показателей, находящихся, согласно своему названию, на конце слова. Обычно в языках мира дело обстоит именно так: падежи выражаются суффиксами, т. е. морфемами, стоящими справа от корня. Встречаются, однако, языки, где падежи выражаются по-другому. В частности, существуют падежные префиксы, стоящие не в конце, а в начале слова. Такие случаи почему-то особенно распространены в языках с бедными падежными системами, ср. падежные формы берберского языка ташельхит (основа *-rgaz* ‘человек’), в котором есть всего два падежа: *argaz* («основной» падеж), *urgaz* (номинатив). Наконец, в некоторых языках Восточной Африки, например в языке масаи (нилотская семья) противопоставление падежей выражается только при помощи изменения *тонового контура* слова, т. е. «мелодии», с которой слово произносится, см. таблицу 5; рядом с каждым словом подписан его тоновый контур: В — высокий, Н — низкий, С — средний, П — восходяще-нисходящий тон; буква соответствует тону на одном слоге.

В отличие от привычных нам языков, во многих языках Африки движение тона может различать слова и формы слов, так же, как, например, в английском и немецком языке формы слов могут образовываться при помощи

чередования гласных (например, англ. *foot* ‘нога’ ~ *feet* ‘ноги’, нем. *Mutter* ‘мать’ ~ *Mütter* ‘матери (мн.ч.)’).

Таблица 5. Тоновое склонение в масаи

	‘девочка’	‘пастух’
прямой падеж	<i>entító</i> СВС	<i>encekút</i> ССП
косвенный падеж	<i>entitó</i> ССВ	<i>encékút</i> СВН

Как кажется, совершенно очевидно, что у слова не может быть одновременно двух падежей: абсурдно даже представить себе, чтобы одно и то же слово в данном словосочетании или предложении стояло одновременно, например, в родительном падеже и в дательном. Тем не менее, в немалом числе языков мира такое возможно! Попробуем понять, как такая, на первый взгляд, странная ситуация может возникнуть. Вспомним определение падежа: падеж выражает тип синтаксической и/или семантической зависимости одного слова от другого. Связь между главным и зависимым элементами словосочетания, как правило, имеет и синтаксическую (одно слово вступает с другим в некоторое грамматическое отношение, например, дополнения или определения), и семантическую составляющие (например, определение может обозначать материал, из которого изготовлен предмет, или цель, для которой он используется, и т. п.).

Рассмотрим несогласованные определения в русском языке. Определением к существительному в русском языке может быть другое существительное, причём оно может стоять и в родительном падеже (*дом отца*), и в дательном (*письмо брату*), и в творительном (*восхищение красотой*). Кроме того, определением в русском языке может быть сочетание существительного с предлогом: *письмо из Москвы*, *лекарство от кашля*, *книга в подарок* и т. д. Русский язык позволяет, чтобы определение содержало необходимый для выражения любого из разнообразных семантических отношений показатель (падеж или предлог), но не требует обязательного морфологического выражения чисто грамматической связи между определяемым и определением. Это можно, кстати, сравнить с тем, что в русском языке грамматическое значение числа не выражается отдельно от грамматического значения падежа; можно сказать, что в русском языке (и во многих других языках) семантическое и грамматическое отношения между определяемым и определением выражаются кумулятивно.

Посмотрим, что происходит в языках, где эти значения выражаются раздельно, т. е. в словосочетании выступают одновременно отдельный показатель чисто грамматической определительной связи и показатель, отвечающий за конкретное семантическое отношение между двумя словами. Такая ситуация представлена, например, в японском языке, где любое определение (кроме определений, выраженных формами прилагательных и глаголов) должно содержать показатель родительного падежа *-но*, ср. примеры (7) и (8).

- (7) а. *Таро:-га То:кё:-кара^{АБЛ} кита.*
 ‘Таро приехал из Токио.’
 б. *Таро:-но^{ГЕН} томодати*
 ‘приятель Таро’
- (8) а. *Таро:-кара^{АБЛ}-но^{ГЕН} тэгами*
 ‘письмо от Таро’
 б. *Амэрика-э^{АЛЛ}-но^{ГЕН} рёко:*
 ‘путешествие в Америку’
 в. *сэнсэй-то^{КОМИТ}-но^{ГЕН} ханаси*
 ‘разговор с учителем’

Как видно из этих примеров, в японском языке показателю определительной связи *-но* может предшествовать один из семантических падежей, конкретизирующих тип смыслового отношения между определением и определяемым словом.

Другой источник возникновения «двойных» падежей — ситуации, когда на данном слове морфологически выражается его синтаксическое и/или семантическое отношение сразу с несколькими словами в предложении. Есть языки, в которых, например, к определению в родительном падеже присоединяется показатель падежа, в котором стоит главное слово словосочетания. Так обстояло дело, в частности, в древнегрузинском языке¹⁰. Показателем номинатива в нём был суффикс *-i* (после гласной *-j*), например, *šec'evn-i* ‘помощь’, показателем генитива — суффикс *-isa*, инструменталиса — суффикс *-ita* (после гласной *-jta*), например, *šec'evn-ita* ‘с помощью’. Рассмотрим теперь пример (9):

- (9) а. *šec'evn-ita^{ИНСТР} c'midisa sameb-isa^{ГЕН-jta}ИНСТР*
 ‘с помощью Святой Троицы’
 б. *šec'evn-i^{НОМ} c'midisa sameb-isa^{ГЕН-j}НОМ*
 ‘помощь Святой Троицы’

Как видно, определение в генитиве в буквальном смысле слова согласуется по падежу с определяемым словом, получая два падежных показателя: один из них (генитив) указывает на синтаксическую связь определения с определяемым, а другой (инструменталис в (9а), номинатив в (9б)) — на связь всего словосочетания с более широким синтаксическим контекстом.

«Двойное» (а подчас и многократное!) падежное оформление особенно распространено в языках аборигенов Австралии. Рассмотрим пример (10) из языка вальбири, данный, ввиду его сложности, с пословным переводом:

- (10) а. *ngarrka-ngku ka yankirri luwarni ngapa-ngka-rlu.*
 человек-ЭРГ всп.гл. эму(НОМ) стреляет вода-ЛОК-ЭРГ
 ‘Человек стреляет в эму, <находясь> у воды.’
 б. *ngarrka-ngku karlajinta yankirri-ki luwarni ngapa-ngka-ku.*
 человек-ЭРГ всп.гл. эму-ДАТ стреляет вода-ЛОК-ДАТ
 ‘Человек стреляет в эму, <находящегося> у воды.’

¹⁰Примеры даны в латинской транскрипции.

В обоих предложениях имеется форма *ngapa-ngka* 'у воды', которая в (10а) обозначает местоположение подлежащего (*человек*), стоящего в эргативном падеже, а в (10б) обозначает местоположение дополнения (*эму*), в данном случае стоящего в дательном падеже. Если мы скажем по-русски *Человек стреляет в эму у воды*, то, в принципе, это предложение может иметь оба значения; на языке вальбири эти значения различаются при помощи падежного согласования формы в локативном падеже с тем словом в предложении, к которому оно относится. Снова один падеж (локатив) выражает собственную семантическую роль слова в предложении (в данном случае значение местонахождения), а другой — синтаксическую связь этой формы с другим элементом предложения.

Заключение

Мы рассмотрели несколько интересных проблем, связанных с категорией падежа в русском языке и в других языках. Разумеется, за рамками данной статьи оказалось большое число чрезвычайно интересных вопросов, в том числе и таких, которые можно рассматривать на материале русского языка, где обнаруживаются интересные параллели с языками гораздо более «экзотическими». Многие «падежные» проблемы вообще остаются малоизученными, а некоторые наверняка ещё только предстоит открыть.

Лаборатория орфографии

Е. В. Бешенкова

Цель проводившихся семинаров по орфографии — научиться смотреть на правила орфографии не как на застывшую данность, а как на модель живого языка. Эту модель создают люди, поэтому мы можем к ней относиться и критически, и творчески. Но прежде, чем мы приступим к анализу, коррекции и составлению конкретных правил, попробуем ответить на более общие вопросы: всегда ли совпадают правила и грамотное письмо? нужны ли нам правила вообще и зачем? какие правила нам нужны? каковы критерии «хорошего» правила?

Вопрос 1. Всегда ли правила соответствуют грамотному письму?

Термин *о р ф о г р а ф и я* имеет два понимания: «исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи» и «раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний»¹. В первом значении термин орфография смыкается с термином письмо. Однако письмо, то есть орфография в первом понимании, может не соответствовать правилам и даже противоречить им, может также не охватываться словарями. «Грамотное», «правильное», «нормативное» написание может не совпадать с результатом применения правила.

Например, существуют слова, которые не употребляются без *не*, то есть по правилу должны писаться слитно, но в текстах встречаются только в раздельном написании: *не наздравствуешься, не преминуть, не поздоровиться, не заладиться, не обессудь(те)*. Причем до последнего времени эти слова с частицей *не* включались в орфографические словари и не упоминались в правиле в качестве исключений. Менее показательными примерами являются слова, написание которых можно определить по словарю, хотя оно и явно противоречит правилам. Например, существует правило про корни *бер-/бир-* и т. д., в которых буква *и* пишется в словах с суффиксом *-а-*, но всегда существовали слова, которые этому правилу не подчинялись и не упоминались в исключениях (до последнего вре-

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1998. С. 350.

мени), например: *побирушка, постирушки, выдирки*... Когда для слова *подрóстковый* появился вариант с ударением не на корне *подросткóвый*, его написание не изменилось, хотя оно и стало противоречить правилу. Сейчас слово введено в список исключений из этого правила. Существуют и слова с чередованием в корнях, которые обычно не отмечаются в правилах. Для этих слов также затруднительно применить правило «проверки», как и для других корней с чередованием. Например, слова с корнем *лав-/лов-* (*ловить* при однокоренных *облава* и *лов*); корень *рек(ч)-/риц-* (*отрицательный*, хотя *отречься*), *леп-/лип-* (ср. *облеплять* при однокоренных *лепка* и *липать*), *вес-/вис-* (ср. *вывеска* при *вѣснет* и *повѣситъ*), *ста-/сто-* (*стоянка*, при *стоя* — *встать*) и т. д.

Если письмо может быть «грамотным», «правильным» и противоречить правилам, это означает, что правила являются лишь попыткой кодифицировать сложившуюся норму письма, но сама эта норма существует объективно, независимо от желания орфографистов. Это вполне соответствует проведенному ещё Э. Косериу разграничению нормы как «внутриязыкового» феномена и кодификации как явления внешнего по отношению к языку.

Вопрос 2. Нужны ли нам правила и зачем?

В современной русской орфографии существует два способа кодификации (то есть официального закрепления норм): правила и словарь. Мы к этому так привыкли, что никогда не задумываемся, а нужно ли нам именно два способа кодификации, а можно ли обойтись одним. Есть еще и другой вопрос: а достаточно ли нам этих двух способов, описывают ли они все грамотное письмо? Есть ли некодифицированные области грамотного письма и как они функционируют?

Существуют письменности без орфографического словаря и правил, для которых необходимо знать только правила графики (письменности с преобладающим фонетическим принципом) и письменности без правил (с преобладающим традиционным принципом). Можем ли мы сейчас обходиться без словаря? Конечно, нет. Наше современное письмо отнюдь не фонетическое и в значительной степени не фонематическое, то есть для значительного процента слов (не словоформ) принцип проверки не помогает при определении написания. Поэтому словарь необходим. Тогда, может быть, можно обойтись без правил? Зачем они вообще нужны? Но, во-первых, мы обучаемся письму по правилам, хотя можно обучать детей и без правил, как учат англичане. Во-вторых, правила важны не только при обучении. Правила необходимы для обеспечения дальнейшего единообразия написаний. И эта необходимость проявляется при определении написания новых слов. Пока написание устойчиво, традиционно, кажется неважным, что оно может противоречить правилам, как в приведенных выше примерах. Но когда норма неустойчива, как при появлении новых слов или при изменении значений, модели словоо-

бразования или акцентуации, возникают и орфографические сложности, и тогда правила необходимы.

Примеры. 1) В [Правила 56] было упомянуто чередование корней *сед/сид*, но правило сформулировано не было, и в последующие сборники корень не вошел. Мы долгое время благополучно обходились без правила, так как написание каждого слова с этим корнем зафиксировано в словаре и в правиле не было необходимости. Потом появилось словечко *с(е/и)душка*, для которого оказались возможными две проверки: *сесть* и *сидя*, поэтому для определения его написания потребовался анализ распределения этих вариантов корня.

2) Появились слова с первой частью *пол-* вместо исконной *полу-* (*поллитровый*, *полкилометровый* и т. п. вместо *полулитровый* и *полукилометровый* и т. п.), и встал вопрос об их написании. Для слов не на *л-* проблем не было, а вот слово *поллитровый* оказалось проблематичным. Оно фиксируется словарями в разном написании: слитно (*поллитровый*) в словаре А. А. Зализняка и через дефис (*пол-литровый*) в Академическом словаре под редакцией В. В. Лопатина. И та и другая кодификация соответствуют правилам, но авторы применили разные пункты правила, тем самым выявив противоречивость самого правила.

3) Отсутствие правила распределения корней *щеп-/щип-* привело к весьма сложному соотношению этих корней. Так, мы пишем *отщепить* (*Кислород отщепился* — расщепляя(сь), отделить(ся)), *отщипнуть* (*щипками отделить*), *отщепенец*, *щепотка* (от *щипать*), *прищипка* (прививка) и *прищепка* (то же), *защепить* (*края лепешки*), но *защипать* (*края лепешки*). Не удивительно, что в узусе встречаются разные написания *отщепить от «Газпрома»* и *отщипнуть от «Газпрома»*. И в этом случае помочь может только создание правила распределения корней.

Но всегда ли мы можем создать правило? Когда можно говорить о правиле? Какой процент материала должно описывать правило, чтобы его имело смысл формулировать?

Правила бывают разные: одни правила описывают весь материал, с возможными единичными исключениями, а у вторых исключения составляют до 50% материала. Назовем первые правилами-предписаниями, а вторые — правилами-рекомендациями. В правилах-рекомендациях обязательно есть фраза, отсылающая к словарю, а не списки исключений. Это касается правила о слитном или дефисном написании сложных прилагательных и существительных, о написании *н* — *ни* в кратких отглагольных прилагательных, о слитном или раздельном написании слов с отрицанием *не*. Для некоторых правил второго типа есть один выход: выделить область, где правило действует, и область, где написание определяется только по словарю.

Так, правило о слитном — дефисном написании сложных прилагательных в современной орфографии строится на основании одного из двух принципов: наличие — отсутствие суффикса в первой части или «сочинительное или подчинительное соотношение основ». Ни один из двух принципов не позволяет обойтись без фразы: «написание многих слов определяется по словарю», и остается непонятным, какую же часть материала описывает правило, а какую — словарь, в каком случае надо обращаться к словарю, а в каком — нет. Действительно, в языке действуют обе тенденции, построить правило только на учете одной тенденции не удастся. Построение правила с учетом сразу двух принципов (тенденций) позволило выделить область, поддающуюся однозначному определению написания, и ту область, которая находится во власти разнонаправленных тенденций, что и определяет необходимость сверки со словарем. Если слово попадает в область совпадения действия тенденций, то его написание определяется правилом: есть суффикс и сочинительное отношение основ — пиши через дефис, нет суффикса при подчинительном отношении основ — пиши слитно. В области разнонаправленного действия тенденций правило не действует.

Вопрос 3. Каковы критерии «хороших» правил?

1. Должны ли правила быть полными?

Вопрос о том, какой орфографический материал должен охватываться правилами, а какой оставаться только словарным, — вопрос не праздный и не такой простой. Материал, описываемый справочниками, всегда варьировался. Например, в [Правила 2006] были добавлены корни с чередованием *вес-/вис-*, *сед-/сид-*, *леп-/лип-*, *вир-/вр-*, *жид-/жд-*, *зир-/зер-/зр-*, но это вызвало замечания у рецензентов. А зачем? Ведь «это и так понятно».

Необходимость введения большего или меньшего количества правил зависит от целей справочника. Если говорить об академическом типе правил, то все-таки они должны быть максимально полными. Справочники с чисто учебными целями, по-видимому, должны учитывать частоту реально встречающихся ошибок на данное правило.

2. Каким критериям должны удовлетворять формулировки правил?

1) **Адекватность** поставленной задаче (должен быть описан весь подходящий под заголовок материал и только он).

Так, если в правиле говорится о правописании суффиксов *-ец*, *-иц*, то правило не может иллюстрироваться на примерах слов, в которых этот компонент входит в другой суффикс или является частью корня, например: *первенец*, *младенец*, *беженец*, *втузовец*, *уроженец*, *танец*.

2) Логическая **непротиворечивость** (т. е. не должно быть такой формулировки, при которой слово с признаком *а* по одному пункту правила пишется

ся так, а по другому — иначе, или у слова есть признаки и α , и β , по признаку α оно должно писаться так, а по признаку β — иначе.)

Например, в справочнике [Правила 2006] в правиле действуют два критерия: беглость — пиши с *о*, наличие однокоренного слова с *е* — пиши с *ё*. Слова *шов* и *почёт* имеют беглую гласную (*шов* — *шва*, *почёт* — *почтение*) и имеют однокоренные слова, пишущиеся через *е* (*пошевни*, *почести*). Оба критерия никак не соотношены: в одном слове учитывается один критерий, в другом — другой: «Буква *о* пишется <...> на месте беглого гласного *о* в именах существительных и прилагательных, напр. <...> *шов* (*шва*). Буква *ё* пишется <...> в тех корнях русских слов, где ударному звуку *о* соответствует в других однокоренных словах и формах гласный (ударный или безударный), передаваемый буквой *е*. <...> *почёт*, *почётный* (*честь*).» [Правила 2006, с. 29–31]

3) Терминологическая точность

Соблюдение требования терминологической точности не всегда легкодостижимо по разным причинам: терминологическая неточность может происходить из общей неточности употребления этого термина не только в орфографии; тот или иной общий термин в орфографии может иметь свое собственное наполнение и употребление, в этом случае его нельзя путать с употреблением термина в других областях; в языке часто встречаются переходные явления, эти явления могут по-разному характеризоваться, что влечет за собой применение разных терминов.

В орфографии, как и в фонетике, морфологии и синтаксисе, используется термин *ч е р е д о в а н и е*, хотя часто не уточняется, что имеют в виду чередование букв, а не звуков. Однако во многих учебниках по орфографии говорится о чередовании звуков, хотя в современном русском языке о чередовании звуков можно говорить лишь для ряда корней с чередованием ударных *о* и *а*, *и* и *е* (*разбрóсить* — *разбрáсывать*). Если же на корень не падает ударение (как, например, в корне *кас-/кос-*), то нельзя говорить о чередовании звуков, так как именно звуки в безударных позициях совпадают. В таких случаях следует говорить о чередовании букв.

Употребление терминов морфологии (корень, приставка, суффикс) в орфографии тоже имеет свои особенности. Так, в орфографии термин *корень* используется в наиболее историчном понимании.

Так, выделение корня *лаг-/лож-* в словах *предложение*, *предлагать* противоречит словообразовательному словарю А. Н. Тихонова. В слове *промокашка* в орфографии выделяется корень *мок-*, а словарь дает корень *промок-*.

Орфографисты это расхождение в употреблении термина иногда пытаются смягчить.

Часто в правиле о написании корня *лаг-/лож-*, приводя в исключениях слово *полог*, отмечают, что на синхронном уровне это слово не членится (а однокоренные или по крайней мере

исторически однокоренные слова *слог*, *слоговой* вовсе не упоминаются).

Обычно в правилах фигурируют корни *тер-/тир-*, *чет-/чит-*, а в Правилах 2006 введен корень *простер-/протир-* (*простираться*) и три омонимичных корня *чет-/чит-* (*считать*, *предпочитать*, *читать*); но в других корнях омонимы не выделены, так, одним корнем остается *бер-/бир-* (при омонимичности слов *разбирать*¹ «разделять» — *разбирать*² «понимать»).

Определение того или иного с у ф ф и к с а и в морфологии, и в словообразовании решается далеко не всегда однозначным способом. Считается, что для орфографии правильное выделение той или иной части слова важно, так как от этого зависит правильное применение проверки. Однако реально в орфографии точное выделение суффикса оказывается не столь важным, а применение принципа проверки для суффиксов сильно ограничено. Более важное для орфографии понятие вводится описательно «слова на...», что наиболее близко к понятию ф и н а л ь, выделяемому в Академической грамматике. В справочниках часто эти понятия не различаются и термин суффикс используют для обозначения финали.

Например, в [Розенталь 1999] говорится о суффиксе *-ичк-*: «Суффикс *-ичк-* пишется ...например, *пуговичка*, *лестничка*», но в словообразовательных и морфемных словарях выделяется в этих словах суффикс *-ич/-ич-* и суффикс *-к-*.

Написание безударных гласных суффиксов, как и написание безударных корней, во многих случаях определяется по ударной позиции. Но при этом часто встает вопрос о правомерности применения проверки, о доказуемости идентификации суффикса.

Например, можно считать глаголы *багрянет* (*багряный*), *студенет* (*студёный*), *пьянет* (*пьяный*) производными от прилагательных, тогда глагол проверяется прилагательным (*багряный*, *пьяный*), при такой трактовке слова *леденет*, *костенет* являются исключениями. Но можно и выделять самостоятельный суффикс глагола *-ене(ть)*, так как глагол может не соотноситься с прилагательным, как в слове *остолбенет*, и по значению соотноситься с существительным, а не с прилагательным (*окостенет* — стать как кость, а не костяным).

Также при определении написания отглагольных существительных или прилагательных ссылаются на правописание тематической гласной в глаголе (*сеялка*, так как *сеять*, *молчаливый*, так как *молчать*). Однако тематический гласный глагола сохраняется далеко не во всех моделях производных слов, он может усекаться или заменяться на другой гласный (ср. *горделивый* не так, как *гордиться*, для слов на *-ение* / *-яние* типа *вяление*, *кушание* есть свое правило). Но при этом нигде нет правила, исключающего случаи, допускающие или не допускающие проверку этого гласного.

Кроме того, суффиксы, пишущиеся вопреки проверке, практически никогда не считаются исключениями. Так, написание слов *французенка*, *петербурженка* не проверяется словом с тем же суффиксом *петербуржѣнка*, *парижѣнка*.

Расхождение в употреблении термина *приставка* в орфографии связано с тем, что, во-первых, в морфологии нет абсолютно четкой границы между приставкой и корнем (первым корнем в сложном слове). Во-вторых, как и для других морфем, нет четкой границы между исторически выделяемой приставкой и синхронно выделяемой приставкой. Расхождения в морфологии отражаются и в орфографии.

Например, по-разному в русистике трактуется компонент *близ-*. Так, в справочнике [Розенталь 1999] *близ-* считается корнем, в Словаре-справочнике Н. В. Соловьева² это приставка. Аргументом в пользу второй трактовки является то, что существует предлог *близ* (*Вечера на хуторе близ Диканьки, расположен близ бензоколонки*), а предлогу соответствует приставка в слове с другим корнем, но не корень. В орфографии определение морфологического статуса в данном случае важно для формулирования правила. Понятно, что авторы справочников вынуждены принять ту или иную точку зрения, а поэтому их формулировки различаются: если *близ-* приставка, то это исключение из правила о написании приставок на *з/с*, если это считать корнем, то на него это правило не распространяется.

Разные подходы к выделению приставок (историческому или чисто синхронному) сказываются и на формулировании правила написания одиночной / двойной согласной на стыке приставки и корня для слов *разевать, разинуть, разорить, обить, отворить*. Исторически верным было бы написание *раззевать, раззинуть, раззорить* (из *раз + зорить*), так как во всех этих словах выделялась приставка *раз-*, но произошло упрощение написания группы согласных. Аналогично в словах *обить, обиться* произошло упрощение в написании, но исконная приставка проявляется в личных формах, ср. *обобью, обобьется*. В слове *огибать* можно также выделить исторически приставку *об-*, если считать, что в слове *обогнуть* та же приставка. В слове *отворить* на синхронном уровне можно выделить приставку *от-* и корень *твор-* при сравнении со словом *затворить*. Но исторически первоначальное членение было *от-ворити*, согласующееся с родственным словом *от-верстие*. Затем членение слова было переосмыслено как *о-творить*, а уже затем появилось и *за-творить*.

Совсем особый случай представляет собой приставка НЕ-, которая может писаться раздельно. Для неё М. В. Панов использовал термин *приставка-предлог*. А вот для приставок в так называемых наречных сочетаниях такой

² Н. В. Соловьев. Русское правописание. Орфографический справочник (словарь, комментарий, правила). СПб., 1997.

термин не употребляется. Мы говорим о наречиях *навскидку*, *навстречу*, *навытяжку*, но о наречных сочетаниях *на выручку*, *на выучку*, *на дармовщинку*. Таким образом орфографическая проблема переведена в ранг морфологической. Но это ее не решает.

Проблема сложности различения *предлога*, предлога-приставки, сочетания предлога с существительным и наречия связана с реально происходящим в языке формированием новых предлогов и наречий из сочетания предлога с существительным. Так, в орфографии известна проблема написания слов *в глубь* и *вглубь*. При сравнении этих слов с другими предлогами и наречиями, образованными от сочетания предлога с существительным, видно, что нет сложностей в написании, когда предлог сложный (*вдали от*, *вдалеке от*) и легко отличим от сочетания первообразного предлога с существительным, управляющим вторым существительным в род. падеже или сочетающимся с определением. Если же внешних отличий нет, то очень сложно увидеть разницу между *вглубь норы* и *в глубь океана*. Ясно, что и это слово охвачено той же тенденцией образования производного предлога, что сохранение сочетания с существительным поддерживается редкими сочетаниями с определениями: *в такую даль*, *в такую глубь*.

Это все объективно существующие сложности в морфологии, связанные и с прошлым языка, и с тем, что язык и сейчас «находится в пути», то есть и сегодня точки изменения в нем есть и будут, пока он жив. И эти точки изменения будут порождать сложности и в орфографии в том числе.

4) **Достаточная полнота списка исключений** (исчерпанность этого списка не требуется)

К исключениям надо подходить исключительно аккуратно. Если есть возможность перечислить все исключения, желательно это сделать. К сожалению, наши справочники грешат и неполнотой списков исключений, и неаккуратностью.

Например, в правиле о написании глаголов на *-овать(-евать)/-ывать(-ивать)* стандартно приводятся исключения *застревать*, *затмевать*, *продлевать* с последующим замечанием «и некоторые другие». Этим «некоторых других» всего девять, шесть из них приведены только в справочнике [Правила 2006].

Значительно хуже, если авторы справочников приводят в качестве исключения написания, измененные нормативными орфографическими словарями. Так, академические орфографические словари последних лет сознательно сокращали круг исключений с корнем *зар-/зор-*. Традиционно приводимое в учебниках исключение слово *зоревать* в академическом орфографическом словаре (РОС) с 1999 г. дается с корнем *зар-*: *заревать*. До 1974 г. словари рекомендовали писать слово *зорянка* с корнем *зор-*, но «Орфографический словарь русского языка» в 13-м издании 1974 г. утвердил новое нормативное написа-

ние — *зарянка*. В некоторых³ пособиях это слово до сих пор приводится в написании с буквой *о* и считается исключением. Слово *заревой* с 1991 г. рекомендуют писать только с корнем *зар-*, но и оно до сих пор попадает в списки исключений.

5) Отсутствие избыточных, неработающих критериев

Этот критерий кажется неважным с точки зрения описания существующего материала, но его значимость выявляется, если посмотреть на орфографию как на обеспечение будущего системы.

Например, в правилу о написании слов с первой частью *пол-* (*пол-луны*, *пол-арбуза*, *полминуты*) иногда включают сведения о том, что вторая часть сложного слова совпадает с формой род. падежа существительного, а иногда нет. При первой формулировке слова типа *полночь*, *полдень*, *поллитровка* и все прилагательные: *пол(-)литровый*, *полкилометровый*, *полметровый* и др. (как разговорные варианты слов с первой частью *полу-*, постепенно выходящих из употребления *полулитровый*, *полуклометровый*), в зону действия правила не входят и пишутся по словарю. В такой ситуации возможно и *поллитровый* (в словаре А. А. Зализняка) и *пол-литровый* (в Русском орфографическом словаре 2005 (РОС2)). При этом слитное написание соответствует и правилу о написании сложных прилагательных, образованных от существительных, если считать, что прилагательное образовано от слова *поллитровка*. Но если считать, что прилагательное образовано от слова *пол-литра*, то должно быть дефисное написание. При второй формулировке слово должно писаться через дефис *пол-литровый*.

Кроме того, вовлечение не самых важных критериев может быть обусловлено и учебными целями.

Например, в правиле о написании слов на *-ец* (*-еца*, *-ецо*)/*-иц* (*-ица*, *-ицо*) достаточно сказать, что *и* пишется в слове с небеглым гласным и ударением на основе, *е* — в слове с беглым гласным, а также в слове с небеглым гласным и ударением на окончании. Для других учебных целей необходимо также добавить, что *и* пишется в словах с суффиксом *-иц-*, *-лиц-* (*кормилица*), *-ниц-* (*труженица*) и др. Поэтому данный критерий требует учета целей справочника.

Таким образом, подытоживая все сказанное, приведем требования к тем правилам, которые мы будем анализировать. Правило должно:

1. быть адекватным поставленной задаче,
2. быть непротиворечивым,
3. быть терминологически точным,
4. учитывать исключения,

³ Напр., В. К. Лебедев. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы. Орфография. СПб., 1995.

5. выделять рабочие и вспомогательные критерии.

Задание. Сравнить формулировки правила написания **-ев-, -ив-, -лив-, -чив-** (в прилагательных), оценить по предложенным критериям.

1. «Следует различать прилагательные с суффиксами **-ев-**, с одной стороны, и **-ив-, -лив-, -чив-**, с другой.

Слова на **-евый** — напр., *соевый, ферзевый, фланелевый, матчевый, замшевый* — содержат суффикс **-ев-** (орфографическая разновидность суффикса **-ов-**), проверяющийся под ударением в таких словах, как *дубóвый, рублёвый*. Эти прилагательные — относительные, у них нет кратких форм.

Слова на **-ивый** являются качественными прилагательными (имеющими краткие формы) с суффиксами **-ив-**: *милостивый, -лив-*: *заботливый, завистливый, непосредливый, причудливый, -чив-*: *забывчивый, находчивый, переменчивый*; ср. суффиксы **-ив-** и **-лив-** под ударением: *ленíвый, смешлívый, прихотлívый*. **Примечание.** Суффикс **-ив-** имеется также в слове *юрóдивый*, образованном от устаревшего *юрóд*. [Правила 2006]

2. «суффикс **-ив-** — ударный (*ленíвый, правдívый*), кроме слов *милостивый, юрóдивый*; в безударном положении пишется **-ев-** (*соевый, краевой*). В суффиксах **-лив-, -чив-** (производных от **-ив-**) пишется **и** (*совестливый, придирчивый*)». [Розенталь 1988]

Разбор задания

В справочнике [Правила 2006] произошло сужение объекта описания. Правило должно описывать выбор суффикса **-ив-, -ев-, -лив-, -чив-** во всех прилагательных. Однако правило сформулировано так, что прилагательные на **-ой** (*-ивой, -евой*) им не охватываются. Формулировка правила в [Розенталь 1988] отвечает требованию полноты.

Попутно заметим, что правило в справочнике [Правила 2006] основано на критерии качества или относительности, что сильно усложняет задачу выбора написания. Кроме того, при словах «качественный» и «относительный» есть как бы поясняющая информация, критерий определения качества или относительности прилагательного — наличие или отсутствие краткой формы, что по крайней мере неточно.

Вывод. Формулировка правила в [Правила 2006] не соответствует критерию адекватности и критерию терминологической точности. И хотя критерий простоты не является обязательным критерием, в данном случае хочется отметить излишнюю сложность данной формулировки.

Семинар 1. Чередования гласных в корнях

Задание 1. Сравнить формулировки правил о чередовании гласных в корнях **скак-/скок(ч)-**, оценить по выделенным критериям, привести свои варианты.

1. «В корне **скак-** (перед **к**) пишется **а**, в корне **скок** (перед **ч**) пишется **о**: *ска-кать* — *вско-чить*. Исключения (в неударяемом положении): *скачок, скачу*». [Розенталь 1988]

2. «Без ударения **а** пишется только перед **к**, перед **ч** пишется **о**. Примечание. Необходимо различать в написании формы 1-го лица будущего времени, а также повелит. накл. у глаголов *заскакать* (*начать скакать*) и *заскочить* (*зайти*), соответственно: *заскачу* и *заскачи* — *заскочу*, *заскочи*. [Валгина, Светлышева 2002]

3. «Если корень оканчивается на **к**, то на месте безударного гласного пишется буква **а**, напр.: *скака́ть*, *прискака́ть*, *ускака́ть*, *скакну́ть*, *скака́лка*, *скаку́н*, *на скаку́*, *скако́вой*, хотя под ударением — **о**, напр.: *ско́к*, *наско́к*, *отско́к*, *поско́к*, *соско́к*.

Если корень оканчивается на **ч**, то пишутся: буква **а** в формах глагола *скакать* и производных от него глаголов (напр.: *скачу́*, *скачи́*, *обскачу́*, *обскачи́*, *поскачу́*, *поскачи́*), а также в слове *скачо́к* (проверкой служат формы тех же глаголов — напр., *ска́чет*, *поска́чем*, и производные *ска́чка*, *вскачь*); буква **о** — в приставочных глаголах на *-скачить* (напр.: *вско́чить*, *вскочу́*, *вскочи́*, *вы́скачить*, *вы́скачу*, *вы́скачи*, *соско́чить*, *подско́чить*) и в слове *вы́скачка* (проверка — формами тех же глаголов, кроме *выскачить*: *вско́чит*, *соско́чат* и т. п.)). [Правила 2006]

Разбор задания 1

Правило Д. Э. Розенталя не учитывает формы глагола *скакать* с буквой **а** перед **ч**: *скача*, *скачи*. То же в правиле В. Н. Светлышевой. В [Правила 2006] формулировка отвечает всем выделенным критериям, кроме научной точности: применение проверки в корнях с чередованием недопустимо.

В результате обсуждения мы пришли к следующей формулировке правила: **Пишется *о* перед *ч*, *а* перед *к*. Исключения: *скачок* и формы глагола *скакать* и его приставочных дериватов, в которых корень оканчивается на *ч*.**

Задание 2. Сравнить формулировки правил о чередовании гласных в корнях *равн-/ровн-*, оценить по выделенным критериям, привести свои варианты.

1. Корень **равн-** пишется в словах со значением «равный, одинаковый» (*уравнение*), корень **ровн-** пишется в словах со значением «ровный, прямой, гладкий» (*уровень*, но: *равнина*). [Розенталь 1988]

2. Корень **равн-** имеется в словах со значением «равный, одинаковый, наравне»: *уравнение*, *сравнить*, *поравняться*. Корень **ровн-** — в словах со значением «ровный, прямой, гладкий»: *заровнять*, *ровесник*, *сровнять*, *уровень* [Розенталь 1999]

3. В словах со значением «равный, наравне, одинаковый» пишется корень **равн-** (*поравняться с грузовиком*, *равнение по росту*), в словах со значением «ровный, прямой, гладкий» пишется корень **ровн-** (*выровнять клумбы*, *выровненная площадка*, *подровнять чёлку*). Исключения: *равнина*, *ровесник*, *поровну*, *уровень*. Примечание: Если после глагола следует дополнение с предлогом **с**, то всегда пишется корень **-равн-**: *Не сравнивай себя с ним*; однако в устаревшем обороте *сровнять с землей* (разрушить до основания) пишется **о** [Валгина, Светлышева 2002].

4. Буква **а** пишется в словах, связанных по значению с прилагательным *ра́вный* «одинаковый», напр.: *равня́ть* (кого-что-н. с кем-чем-н.), *равня́ться* (чему-н. или с кем-чем-н.), *приравня́ть*, *поравня́ться*, *сравни́ть(ся)*, *сравни́ение*, *сравни́ться* (в чем-н.), *сравни́ть* (*счёт*), *подравня́ть*, *выравня́ть* (напр., *строчки* — «сделать равными по длине»), *урав-*

нять, уравнение, уравниловка, равноправный, равносильный, равноценный, равновесие, равнодѣствие, наравнѣ, равнѡ.

Буква *о* пишется в словах, связанных по значению с прилагательным *ровный* ‘гладкий, прямой, без неровностей’, напр.: *ровнять* (*грядку, поверхность дороги*), *заровнять, разровнять, подровнять, вѣровнять* (сделать ровным, гладким, прямым).

Однако в словах *поровну, ровѣсник*, связанных по значению с *равный*, пишется буква *о*; в слове *равнина*, связанном по значению с *ровный*, — буква *а*. В словах с неясной соотносительностью пишутся: буква *а* — в глаголе *равняться* (*в шеренге, при построении*) и производных от него словах *равнение, подравняться, вѣравняться* (*в строю*); буква *о* — в сочетании *не ровнѣ час*, в слове *уровень* [Правила 2006].

Разбор задания 2

Строго говоря, исторически корнями являются *рав-/ров-*, а *-н-* — суффикс. На синхронном уровне, если выделять корень *равн-*, *ровн-*, то комментария требует слово *ровесник*, где этот исторический корень представлен в явном виде.

О научной неточности всех формулировок свидетельствует уже то, что при сходных трактовках значения корня, авторы правил могут по-разному соотносить конкретные слова со значениями корней. Например, слово *уровень* в одних учебниках иллюстрирует правило о написании корня *ровн-* в словах со значением «ровный» (Розенталь), а в других — считается исключением, то есть признается несоотносимым с этим значением (Светлышева). Слово *равнина* приводится то как исключение, «связанное» со значением «ровный», а то как пример, иллюстрирующий правило правописания корня *равн-* со значением «равенства» (равноудаленность от уровня моря).

Некорректность всех формулировок связана со сложностью описания значения слова. Так, приводимый в [Правила 2006] пример *выравнять строчки* (сделать равными по длине) тестируемые студенты пишут как *выровнять строчки* и объясняют это как имеющее значение ‘сделать края абзаца ровными’.

Нельзя говорить о значении корня, не включая в рассмотрение ударные корни. Так, слово *ровня* (*я тебе ровня*) имеет значение «равный», то есть некорректно говорить о значении «равенства» только у корня *равн-*. (Можно ввести уточнение «безударный корень *равн-* имеет значение “равенство”»). Но это уточнение возможно только как ясно осознаваемая условность, так как нельзя говорить о разных значениях корня в зависимости от ударения.)

Правило, основанное на различии значений безударных корней, которые в ударном положении имеют практически одинаковые значения, объективно не может быть простым и четким. В истории языка слово часто меняет свое значение, тем более испытывают взаимное влияние слова с родственными корнями. Например, слово *равнодушие* вошло в русский литературный язык из церковнославянского. В «Материалах для словаря древнерусского языка»

И. И. Срезневского указано слово «равнодушевный» в значении — «равномыслящий». В 18 в. слово обозначало «внутреннее спокойствие», сейчас мы бы сказали «человек с ровным характером», в 19 в. слово имеет значение «безразличие», «все равно». То есть значение слова меняется. При таком нечетком различии, положенном в основание формулировок, правило нельзя оценивать по выделенным критериям, так как непонятно, что будет исключением, а что нет. Это и проявляется при сравнении вариантов правила.

Нам не удалось найти более адекватной формулировки правила. В такой ситуации необходимо приводить полные гнезда однокоренных слов.

Задание 3. Сравнить формулировки правил о чередовании гласных в корнях *мак-/мок(ч)-*, оценить по выделенным критериям, привести свои варианты.

1. Корень *мак-* пишется в глаголах, имеющих значение «погружать в жидкость» (*макать сухарик в чай*); корень *мок-* пишется в глаголах со значением «пропускать жидкость» (*обувь промокает*). Правило распространяется и на производные слова. [Розенталь 1988]

2. На месте безударного гласного пишется перед *к* буква *а* в словах со значением «окупать, погружать в жидкость»: *макать, макнуть, обмакнуть*; буква *о* — в словах со значением «становиться мокрым»: *намокать, отмокать, обмокать, промокать* (*под дождем*), в производных от *мокрый* (напр., *мокротный, мокроты, мокрота, мокрица*) (*о* ударное — в слове *мокрый* и в глаголах *мокнуть, намочить, промокнуть* и т. п.) и в словах со значением «осушать чем-н. впитывающим влагу»: *промокать, промокнуть, промокательный, промокательная*. Перед *ч* — всегда буква *о*, напр.: *мочить, намочить, промочить, вымоченный* (ср. под ударением: *мочит, смоченный*; о глаголах на *-ивать* типа *смачивать, вымачивать* см. § 34, примечание 2). [Правила 2006]

Разбор задания 3

Построение правила на семантическом критерии и даже выделение двух разных корней довольно сложно. Как видно из примеров, и составители правила не всегда единодушны в описании значения. Кроме того, под семантический критерий не подходит вариант корня *моч-*.

В результате обсуждения мы пришли к такой формулировке: **В безударном корне *моч-/мак-/мок-* пишется *о* перед *ч*, пишется *а* перед *к* в глаголах с дополнением в вин. падеже и производных от них, пишется *о* перед *к* в остальных случаях.** Ср.: *моч-*: *мочалка, моченый, мочить, вымоченный, вымочить, намочить, отмочить, перемочить, помочить(ся), промочить, размочить, смочить*), *мок-*: *мокренок, мокрехонек, мокрец, мокрица, мокричные, мокрота, мокротный, взмокать, вымокать, вымокнуть, намочить, непромокаемый, обмокать, отмокать, подмокать*; *мак-*: *макать* что-то во что-то — *макательный, макальщик, маkanie* — *макнуть, обмакнуть, помакать*.

И с к л ю ч е н и я : *промокать, промокнуть* что-то чем-то и *промокательный, промокашка*.

Домашнее задание. Найти не описываемые в учебниках корни с чередованиями и предложить их описание.

Разбор домашнего задания. В результате обсуждения были предложены следующие правила:

1. В безударном корне **вес-/вис-** пишется **и** в словах с суффиксом **-а-**, в остальных случаях **е**. Например: *зависать, нависать, обвисать, повисать, провисать, свисать, весы, вывесить, вывеска, занавес, навесной, подвесной, развесной*.

И с к л ю ч е н и я : *висеть* (и приставочные *повисеть, отвисеться, провисеть*), *висмя, висок, висюлька, всячий*.

2. Корень **леп-/лип-**.

Вариант 1: В безударном корне **леп-/лип-** пишется **и** в словах с суффиксом **-а-** (не **-я-**), в остальных случаях **е**. Например: **лип-**: *влипать* (и другие приставочные: *на-, об-, от-*), *подлипала, слипаться*; **леп-**: *лепить* (и приставочные *вы-, за-, на-, от-, пере-, при-, с-*), *влеплять* (и другие приставочные *на-, об-, от-, при-, раз-, с-*), *лепешка, лепной, лепнина*. И с к л ю ч е н и я : *липучий, липучка*.

Вариант 2: Безударный корень **лип-** пишется в глаголах непереходных (*влипать, налипать, отлипать, слипаться*) и производных; **-леп-** пишется в глаголах переходных: *лепить* (и приставочные *вы-, за-, на-, от-, пере-, при-, с-*), *влеплять* (и другие приставочные *на-, об-, от-, при-, раз-, с-*), *лепешка, лепной, лепнина*. И с к л ю ч е н и я : *облипать*. — При данной формулировке правила корень рассматривается вне аналогии с другими корнями с чередованием *и/е*.

Вариант 3: «В словах *прилипать, налипать* и т. п. в безударном положении пишется буква **и** (ср. под ударением: *липкий, прилипать*), а в словах *лепить, прилепить, налепить* и т. п. — буква **е** (ср. под ударением: *лепит, прилепит, лепка*)». [Правила 2006]

3. В безударном корне **рек(ч)/риц-** пишется **и** в перед **ц**, **е** — перед **к** или **ч**. Например: **рек-**: *зарекаться, изрекать, нарекать, нареkanie, обрекать, отрекаться, пререкаться, предрекать*; **реч-**: *речевой, речение, речистый, изречение, наречение, нареченный, обречение, отречение*; **риц-**: *нарицать, нарицательный, отрицать, отрицательный, порицать, порицание, прорицать, прорицание, прорицатель*.

4. В безударном корне **сед-/сид[д']**, **жс-** пишется **е** перед твердым **д**, пишется **и** перед мягким **д**, например: **сид[д']-**: *сидеть* (и приставочные *высидеть, досидеть(ся), засидеть(ся), насидеть(ся), obsидеть, отсидеть(ся), пересидеть, посидеть, подсидеть, просидеть, рассидеться*) и производные *сиделец, сиделка, сиденье, сидмя, сидячий, посиделки* и т. п.); **сед-**: *восседать* (и другие приставочные *дозаседаться, заседать, наседать, оседать, приседать, проседать*), *седлать* (и приставочные *переседлать, расседлать*) и производные *седалище, седалищный, седок, седло, заседатель, председатель*.

И с к л ю ч е н и я : *седельник, седельце, чересседельник, седельный*.

5. В русском корне пишется **оро** (*оло, еле, ело, ере*), если существует однокоренное слово с сочетанием **ра** (*ла, ле, ре*) и/или хотя бы одна из двух

гласных может быть под ударением. И наоборот: в корне пишется *ра* (*ла, ле, ре*), если существует однокоренное слово с полногласием.

И с к л ю ч е н и я: *паром, свирепый*.

Семинар 2. О / Ё в корне после шипящих под ударением

Проблема формулирования непротиворечивого, адекватного и полного правила о написании *о* или *ё* после шипящих остается одной самых сложных проблем среди буквенных орфограмм. Сосуществующие в настоящий момент формулировки в разных учебниках и пособиях различаются по тем критериям, на основании которых строятся правила, и по полноте охвата материала. Рассмотрим несколько формулировок.

1. В корне после шипящих пишется *ё(е)*: *жёлтый, жёлудь, чёрны, чёрт, шёлковый, шептать, решётка, щёлочь, щёлочь...* И с к л ю ч е н и я : *амикошонство, анчоус, артишок, боржом, джонка, джоуль, жокей, жом, ...* (Селезнева⁴)

Формулировка безупречна с точки зрения логики, но неполна, так как список исключений далеко не полон, и очень неудобна в применении.

2. «После шипящих под ударением в корне пишется *е (ё)* (хотя произносится *о*), если в родственных словах пишется *е (жёлтый — желтеть)*; в остальных случаях пишется *о*» [Розенталь 1978].

Критерий «пишется *ё*, если в родственных словах пишется *е*», иногда разделяют на два критерия: *е* под ударением и *е* без ударения. Но на правописание в безударном положении опираться сложно.

3. «Пишем под ударением *о*, если ударный звук [о] не чередуется в том же корне с безударными звуками или ударным [э].

Пишем *ё*, если ударный звук [о] чередуется в том же корне с безударными звуками или же с [э]». (Кузьмина⁵)

Формулировка С. М. Кузьминой имеет то преимущество, что в ней не конкретизируется буквенное выражение безударного звука, но она должна быть дополнена исключениями.

4. «После шипящих под ударением в корне пишется *е (ё)*, соответствующее в произношении звуку *о*, если в родственных словах или в другой форме того же слова пишется *е (жёлтый — желтизна..)*; при отсутствии таких соотношений пишется *о* Ср. а) *бечёвка, вечерка, дешевый, ... жёлчь, жёсткий, зачёт, расчёска, счет, учёба, учет, чёбота, чечётка, ... б) ... жом, жох, жор, изжога, обжора, прожорливый, трещотка* (уже не выделяется суфф. -отк), *чащоба* (уже не выделяется суфф. -об-), *шов, шорох (шероховатый* не воспринимается как однокоренное)

Примечание 1. написание *с о* сохраняется и в тех случаях, когда при изменении формы слова или в производном слове ударение переходит на другой слог, например: *шомпол — шомпола...<...>*

Примечание 3. Беглый гласный звук под ударением после шипящих обозначается буквой *о*: *кишок, ножон. Ср.: рожон*. [Розенталь 2001]

⁴ Селезнева Л. Б. Русское правописание М., 1997. С.13.

⁵ Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. М., 1981.

5. Буква *о* пишется в следующих случаях... «На месте беглого гласного *о* в именах существительных и прилагательных, напр.: *жор, обжора, прожорливый* (ср. *жрать*), <...>; *кишок, кишочки* (род. п. и уменьш. от *кишки*), *очочки* (от *очки*), <...>; Однако в словах *учёт, зачёт, начёт, счёт, расчёт* (ср. *учту, зачту, начту, сочту, разочту*) пишется буква *ё*. **Примечание.** Так же, как *смишон*, пишутся в необходимых случаях просторечные варианты кратких форм муж. рода *страшон, должен, нужен*.

В тех корнях русских слов, где гласный *о* после шипящих всегда ударный и не чередуется с *э* (на письме *е*): *жолкнуть* (и *пожолкнуть*), *жостер, жох, зажор* (и вариант *зажора*), *ужо; чокаться, чокнутый, чомга, чопорный, чох, чохом; шоркать, шорох, шоры* (и *шорный, шорник*). Так же пишется слово *вечор* (и *вечорошний*), хотя оно родственно слову *вечер* (и *вечерний*).

В корнях заимствованных (иноязычных) слов. Перечень основных слов: *боржом, джокер, джонка, джоуль, мажор, пижон, формажор; анчоус, харчо, <...>*

Пишется буква *ё*: В тех корнях русских слов, где ударному звуку *о* соответствует в других однокоренных словах или формах гласный (ударный или безударный), передаваемый буквой *е*. [Правила 2006].

В [Розенталь 2001] и в [Правила 2006] вводится еще один критерий — критерий беглости. Введение такого количества критериев приводит к логической противоречивости формулировок правила. Например, сравним два слова *кишок* и *почет*, и у того и у другого корня есть чередование с *е* и с нулём звука (*кишок* — *кишечный* — *кишки*, *почет* — *почести* — *почту*), но одно из них пишется по одному правилу: в *кишок* пишется *о*, так как гласная беглая, а другое по другому: *почет* пишется с *ё*, так как гласная в корне чередуется с *е* (*почести*).

Попробуем разобрать эти критерии в их взаимодействии.

чередование с буквой <i>е</i>	черед. с безуд. гласной		беглая гласная	<i>о</i>	<i>ё</i>
+ <i>шей</i> <i>почесть</i>	+ <i>пошевни</i> <i>почитание</i>	+ <i>вшивые</i> <i>почитать</i>	+ <i>шва</i> <i>почту</i>	<i>шов</i>	<i>почёт</i>
+ <i>кишечный</i>			+ <i>кишка</i>	<i>кишок</i>	
<i>шедший</i>			<i>шла</i>		<i>шёл</i>
+ <i>женский</i>	+ <i>жена</i>	–	–	–	<i>жёны</i>
–	–	+ <i>обжираться</i> <i>считать</i>	+ <i>жрать</i> <i>счесть</i>	<i>обжора</i>	<i>счёт</i>
–	+ <i>жевать</i>		+ <i>жевачка</i>	–	<i>жёван- ный</i>

Из таблицы видно, что, действительно, можно найти несколько формулировок правил с разными исключениями.

В результате обсуждения было предложено несколько вариантов.

Вариант 1:

ѐ: под ударением в русских корнях, имеющих чередование с ударным э, или в корнях с подвижным ударением, напр. *счѐт* (*счета, считать*), *чѐлка* (*чело*), *кошѐлка* (*кошель*).

о: в остальных корнях.

И с к л ю ч е н и я : *вечор, кошомный* (ср. *кошма*), *жох* (ср. *жоховатый*), *ещѐ*; все существительные и прилагательные с корнем *жог, жор, жом*; слова и формы на *-ок* (*горшок, кишок, порошок*) и *-он* (*рожон*).

Недостатком правила является необходимость различать русские и иноязычные слова, что не всегда просто.

Вариант 2:

ѐ: под ударением в корнях, имеющих чередование с ударным э, или в корнях с подвижным ударением, напр. *счѐт* (*счета, считать*), *чѐлка* (*чело*), *кошѐлка* (*кошель*).

о: в остальных корнях.

И с к л ю ч е н и я : *вечор, кошомный* (ср. *кошма*), *ещѐ, шок, шокировать, торшон* (ср. *торшонировать*), *шоу* (ср. *шоумен*) все существительные и прилагательные с корнем *жог, жор, жом, шов*, слова и формы на *-ок* (*горшок, кишок, порошок*) и *-он* (*рожон*), а также *пешочком*.

Недостатки: В процессе усвоения иноязычных слов в производных словах может смещаться ударение, и тогда написание слов перестает соответствовать правилу и список исключений приходится пополнять.

Семинар 3. Правописание суффиксов и финалей

Задание 1. Составить правило, определяющее написание слов на *-атай/-атый*⁶. Сравнить с предложенной формулировкой:

Правило 1956 г: Суффикс *-атай-* пишется в словах, которые сохраняют гласную при склонении (*глашата-я, глашата-ем, ср. вожат-ого, вожат-ым*). Напр.: *глашатай, завсегдаатай, соглядатай, ходатай, оратай, ратай*. Суффикс *-ат-(ый)* пишется в словах, имеющих адъективный тип склонения (*вожатого, вожатым*).

В результате обсуждения было предложено следующее правило: **в слове пишется *-атай*, если оно склоняется по типу существительного 2 скл. (напр. *чай*), в слове пишется *-атый*, если оно имеет адъективный тип склонения.**

Задание 2. Сравнить формулировки правил написания слов на *-ечк()/-ичк()*. Найти неточности и предложить уточненные правила.

⁶ Слов на *-атай* всего шесть: *глашатай, завсегдаатай, соглядатай, ходатай, оратай, ратай*.

1. «Суффикс **-ичк-** пишется в существительных женского рода, образованных от слов с суффиксом **-иц-**, в остальных случаях пишется суффикс **-ечк-**» [Розенталь 1999, 2001].

Ср. аналогичные формулировки:

«Суффикс **-ичк-** пишется в существительных женского рода, образованных от основ на **-иц-**, **-ниц-**, в остальных случаях пишется суффикс **-ечк-**» [Валгина, Светлышева 2002]

«Суффикс **-ичк-** пишется у существительных, образованных от слов на **-иц-** (*водица* — *водичка*); в остальных случаях надо писать **-ечк-** (в женском роде) и **-ечк-** (в среднем роде): *кошечка*, *семечко*» [Земский, Крючков, Светлаев]

«Сложный суффикс **-ичк-** (состоит из суффиксов **-иц-** [ц/ч] и **-к-**) имеют существительные, образованные от существительных с **-иц-**: *луковичка* (*луков-иц-*а), *уличка* (*улица*), *жижичка* (*жижица*), *умничка* (*умница*). Примечание. Для слов со сложным суффиксом **-ничк-** можно использовать то же правило: *сахарничка* (*сахарница*), *пепельничка* (*пепельница*), *вафельничка* (*вафельница*). Во всех остальных случаях пишется суффикс **-ечк-**: *утречко*, *ситечко*, *Сонечка*, *Манечка*, *Колечка*» [Кайдалова, Калининна 1998. С. 73–74]

2. «Суффикс **-ечк** пишется:

а) в существительных средн. рода, образованных от существительных на **-мя**, например: *времечко* (от *время*), *семечко* (от *семя*), *вымечко* (от *вымя*) и т. п.

б) в ласкательных формах женских и мужских имен, например: *Ванечка*, *Танечка*, *Сонечка*.

Буквенное сочетание **ечк** пишется в существительных женск. и средн. рода, образованных от слов, имеющих суффикс **-ек** с беглым **е**, например: *кошечка* (от *кошка*, *кошек*), *нянечка* (от *нянька*, *нянек*), *окошечко* (от *окошко*, *окошек*) и т. п.

Буквенное сочетание **ичк** пишется в существительных женск. рода, образованных от слов с суффиксом **-иц**, например *синичка*, (от *синица*), *ножнички* (от *ножницы*), *сестричка* (от *сестрица*). [Правила 1956, §§78, 79]

3. В [Правила 2006] выделяются слова с суффиксом **-ечк-** (*тетечка*, *Ванечка*, *времечко*, *утречко*), слова с «уменьшительно-ласкательным суффиксом **-к-**» и основой с беглым гласным, а далее пишется: «Написание **-ичк-** в конце основ (не под ударением) нормально для слов, образованных с помощью суффикса **-к-** от существительных с основой на **-иц-**, **-ик-**».

Иллюстративный материал.

Слова на безударное **-ичк-**: *пуговичка*, *луковичка*, *уличка*, *лестничка*, *фабричка*, *мельничка*, *ножнички*, *Эдичка*, *масличко*; возможны и другие окказионализмы, не зафиксированные словарями от слов на **-ик(а)**, **-иц(о)**: *республика*, *колика*, *керамика*, *панника*, *клиника*, *хроника*, *филиппика*, *паприка*, *галактика*, *свастика*, *креслице*.

Слова на **-ечк(о)** можно разбить на группы, учитывая морфологическое членение:

1) слова, образованные от корня на **-к** с беглым **е** и чередованием **к/ч** перед суфф. **-к-**, напр.: *гайка* (*гаек*) — *гаечка*, *канареечка*, *коечка*, *балалаечка*, *саечка*, *фуфаечка*, *шаечка*, *редечка*, *канареечка*, *фуражечка*, *килечка*, *блюдечко*;

2) слова с суффиксальной основой на *-(е)к-*, *-(е)ц* с беглым *е* и чередованием *к/ч*, *ц/ч*: напр. *лейка* (*леек*) — *леечка*, *шিশечка*, *мальчишечка*, *бадеечка*, *бедняжечка*, *бочечка*, *брошечка*;

3) слова, образованные с суфф. *-ечк-*: *здоровьечко*, *кралечка*, *ситечко*, *утречко*, *тетечка*, слова на *-мя*: *времечко*, *племечко*, *времечко*, *имечко*, *стремечко*, *семечко*, *темечко*.

Разбор задания 2

1) В некоторых приведенных формулировках неточно определяется суффикс. Нельзя говорить о суффиксе *-ичк-* для слов, образованных от основы с суффиксом *-иц-*. Этот недостаток исправлен в учебнике Кайдаловой, Калининной, но стремление к точности в употреблении термина приводят к необходимости введения примечания о суффиксе *-иц-*. Но тогда необходимо говорить и о суффиксе *-лиц-* (*жилица* — *жиличка*). Кажутся более удобными формулировки 1956 года, в которых используется и понятие суффикса, и понятие буквосочетания. В предлагаемой ниже формулировке мы отказались от использования понятия суффикса, заменив его на понятие финали, т. е. «слова на ...» без уточнения морфологического статуса.

2) Согласно всем формулировкам слова среднего рода должны писаться с *ечк(о)*, однако слово *масличко* пишется с *ичк*, наверное, так же писалось бы слово *кресличко*.

3) Во всех приведенных формулировках, кроме [Правил 2006], охватываются не все слова, пишущиеся с *ичк*: не учитываются слова с основой на *-ик()*. Например: *фабрика* — *фабричка*.

4) В сборнике [Правила 2006] правило практически не формулируется, вместо этого перечисляются морфологические типы.

5) Общей сложностью при применении этого правила является необходимость производить словообразовательный анализ. Однако такой анализ непросто провести даже с помощью словообразовательных словарей. Так, словарь А. Н. Тихонова возводит слово *водичка* к слову *водица*, а словарь Т. Л. Федоровой и О. А. Щегловой⁷ сразу к слову *вода*. В Правилах 1956 г. в словах *дядечка*, *тетечка*, *нянечка* выделяется два суффикса *-еч-* и *-к-*, а в правилах 2006 г. в тех же словах выделяется суффикс *-ечк-*. Можно ли с уверенностью сказать, от какого слова образовано ласкательное *книж(.)чка*: от *книга*, *книжка* или *книжица*? *луков(.)чка* — от *луковка* или *луковица*? Согласно словарям можно сказать и *луковица тюльпана*, и *луковка тюльпана*, *золоченые луковки церквей* и *луковицы церквей*. Это тождество значений не дает нам оснований для выбора словообразовательной цепочки, как это возможно в словах *троечка* — *тройка*, а не *троица*. Важно ли для орфографии знать о существовании разницы в словообразовании у слов *масло* → *маслице* → *масличко*, но *здоровье* → *здоровище* и *здоровье* → *здоровьечко*?

⁷ Словообразовательный словарь русского языка. М., 2007.

Правило: Слово на безударное *ичк()* образовано от слов на *ик()*, *иц()* с помощью суфф. *-к-* (*рубрика — рубричка, фабрика — фабричка, Эдичка, пуговица — пуговичка, лестничка*). В остальных случаях пишется *ечк()*.

Семинар 4. Написание буквосочетаний

В современной справочной литературе по орфографии существует два способа классификации орфографических проблем. Если в качестве ведущего рассматривается фонологический принцип орфографии, то выделяются проблемы написания букв или буквосочетаний для выражения тех или иных фонем. Такой способ представлен, например, в [Правила 1956]. Если в качестве ведущего рассматривать фонеморфологический способ, то вместо проблем выбора буквы или буквосочетания выделяется проблема выбора того или иного варианта суффикса. Такой способ описания материала представлен во всех учебниках Д. Э. Розенталя.

Мы рассмотрим только часть материала, которая из-за разных подходов описывается по-разному в разных справочниках: «Сочетания *тч/дч*» или «Суффиксы существительного: *чик-щик*...; Суффиксы прилагательного».

Приведем несколько формулировок правил, описывающих один и тот же материал.

1. «Буква *т* перед *ч* пишется и в тех случаях, когда суффиксы *-чик, -чин, -чат* и т.п. присоединяются к основе, оканчивающейся на *-к, -ц, -ч*, причем буквой *т* заменяется конечная согласная основы, например: *кабатчик* (кабак), *черепитчатый* (черепица), *крупитчатый* (крупница), *таблитчатый* (таблица), *реснитчатый* (ресница), *картотечник* (картотека), *добытчик* (добыча).» [Правила 1956, §51].

При такой формулировке непонятно, как определить, какой суффикс выступает в словах типа *тройчатка* (трой + чат-ка, трой-к + чат-к(а), тройк/ч + атк(а), *сетчатка* (сет-к + ат-к(а), сет + чат-к(а)... Если к основе *трой-к* присоединяется суффикс *-чат-*, то написание должно было бы *тройтчатка*.

2. Пишется «суффикс *-чик-* после согласных *д, т, з, с, ж*, например: *объездчик, переплетчик, перевозчик, разносчик, перебежчик*. Перед суффиксом *-чик* конечные согласные основы *к, ц, ч* заменяются *т*. Например: *кабак — кабатчик, картотека — картотечник, раздача — раздатчик*. <...> В некоторых словах с иноязычными корнями после *т* пишется *-щик*, если ему предшествуют два согласных, например: *алиментщик, флейтщик*.

Различается написание согласных перед суффиксом *-ат-* в прилагательных <...> Если в производящей основе перед суффиксом *-к-* стоят буквы *зд, с, ст, ш*, то они сохраняются, а *к* чередуется с *ч*: *веснушк-а — веснуш-чатый, брусок — брус-чат-ый, бороздк-а — борозд-чатый* (ср. *резк-ий — резч-е, хлестк-ий — хлестче*).

Перед суффиксом *-чат-*<...> конечное *ц* основы заменяется *т*, например: *крупнц-а — крупит-чат-ый, ресниц-а — реснит-чат-ый, черепиц-а — черепит-чат-ый* [Розенталь 1998, § 37.6 и §39.4].

При такой формулировке непонятно, 1) почему в слове *веснушка* выделяется суффикс *-к-*, а не суффикс *-ушк-* (слово *веснуха* вряд ли существует

в сознании носителей современного языка), 2) как по этому правилу могут быть объяснены слова типа *вагонетчик* (от *вагонетка*), *лебедчик* (от *лебеда*), *молодчик* (от *молодец*), *клетчатый*, *сетчатый*, *фасетчатый*, *решётчатый*, *плитчатый*, *нитчатый*, *вагонетчик* и др., 3) почему в слове *пальчатый* нельзя выделить суффикс *-чат-* и основу на *ц* (*палец*) и соответственно написать **пальтчатый*.

3. «Некоторые конечные согласные корня перед суффиксами, начинающимися с *ч* (*-ч-*, *-чин-*, *-чик-*, *чив-*, *-чат-*), в произношении резко изменяются. Так, в слове *летчик* звук [т] корня превращается в [ч']: *ле[ч' ч']ик*; <...> конечные согласные корня, кроме *к, ц, ч*, перед суффиксами, начинающимися с *ч*, сохраняются. Их написание проверяется обычным способом — морфемным анализом слова: *солдатчина* (*солдат*), *обидчивый* (*обида*), <...> <...> *разметчик* (*разметить*), <...>, *решётчатый* (*решётка*). <...>

В словах, образованных от основ с конечным *к, ц, ч*, перед суффиксами, которые начинаются с *ч*, вместо *к, ц, ч* пишется *т*: *потатчик* (*потакать*), *казатчина* (*казак*), *кабатчик* (*кабак*), *гайдамачина* (*гайдамак*); *крупитчатый* (*крупница*), *таблитчатый* (*таблица*), *реснитчатый* (*ресница*), *неметчина* (*немец*), *туретчина* (*тюрк* — *Турция* — *тюрецкий*); *добытчик* (*добыча*), *раздатчик* (*раздача*)» [Кайдалова, Калининна 1998, с.12].

Для обсуждения было предложено и другое правило:

Звук [ч:] на письме передается как буквосочетание *тч* или *дч*. Написание *т* или *д* определяется по правилу проверки для приставок или основ на *т* или *д* (*отчистить*, *подчистить*) и в корне с беглой гласной перед *ц/ч* (*отец* — *отчий*, *ситец* — *ситчик*). Кроме того, сочетание *тч* пишется для передачи звука [ч:] в словах, производных от слов с основой на «гласный+к», *тк, ц* и *ч* (*картошка* — *картотетчик*, *клетка* — *клетчатый*, *немец* — *неметчина*, *Галич* — *Галитчина*), и с односложной основой *да-, бы-, би-, вы-*, но пишется *дч* в словах с производящей основой на *-дк-, -дц-* (*складка* — *складчатый*, *молодец* — *молодчик*, *старообрядцы* — *старообрядческий*).

Иллюстративный материал: *загадчик*, *переводчик* — *захватчик*, *плакатчик*, *аппаратчик*, *растратчик*, *челобитчик*, *дроболитчик*, *словолитчик*, *обработчик*...+краеведческий..., *свиноводческий*, *проходческий*, *подрядческий*, *старообрядческий*, *инородческий* + *азиатчина*, *складчина* + *обидчивый*, *усидчивый*, *находчивый*, *доходчивый* — *опрометчивый*, *переметчивый* + *сводчатый*, *звездчатый* + *складчатый*⁸, *колодчатый*, *перегородчатый*, *дудчатый* *клетчатый*, *сетчатый*, *фасетчатый*, *решётчатый*, *плитчатый*, *нитчатый*; *клетчатка*, *сетчатка*;

картетчик, *вагонетчик* (*вагонетка*), *лебедчик* (*лебеда*), *молодчик* (от *молодец*), *кабатчик*, *потатчик*, *зенитчик* + *хлестче*, *редчайший*, *чутче*, *чётче*, *едче*.

⁸ Подчеркнуты в данном списке слова, которые могут считаться производными от слов с основой на *д* или *т* и суффиксом на *ч*, но также они могут считаться производными от слов на *-к*. Возможность двойной мотивированности в орфографии встречается довольно часто.

Вместо заключения хотела бы поблагодарить всех участников семинара за тот живой интерес к орфографии, который они сумели сохранить, несмотря ни на что.

Литература

[Валгина, Светлышева 2002] Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Русский язык. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. 2-е изд., испр. М., 2002.

[Земский, Крючков, Светлаев] А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Русский язык. Ч. 1. Лексика, фонетика и морфология. Учебник для педучилищ. М., 1971.

[Кайдалова, Калинина] А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. Современная русская орфография. М., 1998.

[Правила 1956] Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

[Правила 2006] Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2006.

[Розенталь 1999] Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

[Розенталь 1988] Д. Э. Розенталь. Русский язык. М., 1988.

[Валгина, Светлышева 2002] Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Русский язык. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. 2-е изд., испр. М., 2002.

[Розенталь 2001] Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред И. Б. Голуб. М., 2001.

Воображаемый словарь: культурный комментарий к фразеологизмам

Н. Г. Брагина

О фразеологизмах

Создавая текст, мы мыслим себя свободными людьми. Мы следуем языковым правилам: лексическим, грамматическим, синтаксическим, стилистическим, а дальше — начинается территория свободы. Можно самовыражаться. Интересно, однако, как происходит соединение слов в предложения, а предложений — в текст. Оказывается, здесь наша свобода не безгранична. Некоторые слова мы соединяем, как нам кажется, произвольно, например: *кинуться за воришкой, за кошкой; кинуться в погоню*. А вот, что значит *кинуться со всех ног*? Что это за *все ноги*? И сколько *всех ног* и *всех лопаток* (*бежать во все лопатки*) может быть у одного человека? Мы ведь не сами придумали эти *все ноги* и *все лопатки*. Мы только воспроизвели чьи-то выражения. А чьи это выражения, и откуда мы их знаем? Получается, что иногда мы соединяем слова свободно, а иногда — используем уже готовые выражения, т. е. строим предложения «блочным методом». И авторство этих выражений обычно установить не удастся. При этом мы можем легко отличить так называемое свободное соединение слов от несвободного, например: *заварить чай* и *заварить кашу*; *набрал в рот воды* (прополоскать горло) и [*словно, точно*] *набрал в рот воды*; *закрывать глаза* и *закрывать глаза на* [*нарушения, обман, махинации...*].

Вот такие несвободные выражения и называют фразеологизмами. Фразеологизмы — это единицы, которые не производятся в соответствии с общими законами комбинации слов, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава (так их определяет лингвистический энциклопедический словарь). Основные свойства фразеологизмов — **устойчивость** и **воспроизводимость**.

Нос: Я сам по себе!

— Милостивый государь... — сказал Ковалев с чувством собственного достоинства, — я не знаю, как пони-

мать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос! Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились. — Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству. Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.

Н. В. Гоголь. «Нос»

О глазах часто говорят, что они — зеркало души, например: — *Слушай, ты, ты!* — пробормотал он. — *Ты не прав насчёт глаз! Глаза — зеркало души.* — *Напиши это в стихах,* — буркнул Димка (В. Аксенов. «Звездный билет»); *Нужно ли говорить о том, что такое смотрение не нужно и вредно на сцене. Глаза — зеркало души. Пустые глаза — зеркало пустой души* (К. Станиславский. «Работа актера над собой»).

А что можно сказать о носе? *Нос* — это... Пожалуй, ничего и не скажешь. Но если мы обратимся к фразеологии, то нос там занимает весьма почетное место. Фразеологизмов с опорным компонентом *нос* в русском языке немало. Попробуем определить их приблизительный список.

Бить в нос; броситься в нос; ударило в нос; водить за нос; задрать, задрать нос; поднимать, поднять нос; повесить нос; держать нос по ветру; воротить, отворотить нос; под нос; утереть нос; уткнуть нос; нос к носу; тыкать нос; из-под самого носа; комар носа не подточит; короче воробьиного носа; кровь из носа; не видеть дальше собственного носа; не казать носа; с носа; на нос; любопытной Варваре нос оторвали; наставить нос; натянуть нос; нос не дорос; сунуть свой нос; сунуть под нос; соваться, сунуться со своим носом; высовывать нос; показать нос; с воробьиный нос; с зилькин нос; и носом не повел; клевать носом; крутить носом; перед самым носом; под самым носом; ткнуть носом; уткнуться носом; хлюпать носом; чують носом; шмыгать носом; ковырять в носу; висеть на носу; давать по носу; кровь из носу; стукнуть по носу, щелкнуть по носу и другие.

Мы расположили фразеологизмы произвольно. Ну а если сгруппировать их, то получится некоторый набор смыслов, которые выражены во фразеологизмах с опорным компонентом *нос*. Посмотрим, что вышло.

Нос — это, конечно же, орган обоняния, поэтому о резких запахах говорят: *бьет в нос, ударило в нос*. Во фразеологии нос отвечает также и за интуицию: *Носом чую, здесь что-то не так*. А о человеке, который похож на флюгер, чутко улавливает и реагирует на любые изменения во власти, готов в согласии с ними менять свою позицию, говорят: *Он держит нос по ветру*.

Если у кого-то *длинный нос* и он *сует свой нос, суется со своим носом*, или, наоборот, кто-то *и носом не повел / не ведет* — значит, этот человек проявляет либо неумное, чрезмерное любопытство, либо полное безразличие к происходящему, к какому-то сообщению. Человеческий нос «отвечает» за человеческое любопытство, поэтому во фразе *любопытной Варваре нос*

оторвали есть шутивное предупреждение: за свое любопытство можно и поплатиться.

Если человека *водят за нос*, ему *наставили нос*, *натянули нос* — значит, его обманывают, а если ему *утерли нос*, *дали по носу*, *стукнули по носу*, *щелкнули по носу* — значит, его либо в чем-то превзошли, переиграли, заставив почувствовать вкус поражения и *опустить нос*, либо наказывают.

Если мы говорим о ком-то, что он *задрал нос*, *поднял нос*, *воротит нос* или, наоборот, *повесил нос* — значит, человек либо настолько собою горд, что не готов считаться с мнением окружающих (возможно, он их презирает), либо он очень грустен.

Гоголевский нос совсем не случайно превратился почти в человека и был «сам по себе». Фразеологизмы тоже показывают, что можно говорить о носе, имея в виду человека. Если кому-то хотят купить подарок в складчину, то скажут: *с каждого по двести рублей* или: *по двести рублей с носа*. В первом случае фраза звучит нейтрально, во втором она становится шутивной. Если взрослым кажется, что с ребенком рано разговаривать на какие-то темы, они говорят, например: *Ты еще маленький, подрасти, тогда все обсудим*. Но в той же ситуации взрослый может сказать шутивно и грубовато: *Нос не дорос*. Если говорят: *Он давно уже здесь не показывается*, — это нейтральный стиль. В сходной ситуации, но более эмоционально скажут: *Он давно уже сюда носа не кажет*.

Если человек засыпает, о нем скажут: *клюет носом* (медленно, как ленивая сытая птица — зернышки); если он бездельничает, то говорят: *ковыряет в носу*; если простужен или плачет, то он *хлюпает носом*, *шмыгает носом*. А если человек во что бы то ни стало должен сделать что-то, даже если это потребует максимального напряжения сил, то он скажет: *Кровь из носу/носа я это сделаю!*

Если мы говорим: *перед самым носом*, *под самым носом*, *под носом*, *из-под самого носа*, *не видеть дальше собственного носа*, *сунуть под нос*, *мы встретились с ним нос к носу* — значит, речь идет о чем-то, расположенном либо происходящем на очень близком расстоянии, рядом.

Если *экзамены на носу* — значит, экзамены начнутся очень скоро.

У небольших птичек клювики маленькие, а у комара — тоненький хоботок. И клювики, и хоботок можно представить как нос, если, конечно, есть воображение. О чем-то очень маленьком (количество, размер) мы говорим: *короче воробьиного носа*, *с воробьиный нос*, *с гулькин нос*. Когда же мы говорим: *комар носа/носу не подточит*, — это значит, что работа будет сделана так, что не к чему будет придаться.

Таким образом, *нос* (по материалам фразеологии), отвечает за обоняние, интуицию человека, он является символическим «органом любопытства и зазнайства», а также показателем плохого настроения (в сочетании с глаголами *повесить*, *опустить*). *Нос* — это «объект наказания» (*щелкнуть*, *дать по носу*). Манипуляции с чужим *носом* (*водить*, *наставить*, *натянуть*) образно передают обман. *Нос* может замещать человека (*по два яблока на нос*). В со-

четании с глаголом *клевать* он описывает медленное засыпание, а с глаголом *ковырять* — бездельничанье. *Кровь из носа* образно передает максимальное напряжение сил при выполнении будущей работы. *Нос* также является показателем: а) близкого расстояния, б) короткого промежутка времени, за которым следует начало чего-л. «Носы» воробья и голубя служат единицами измерения: они описывают малое количество или маленький размер. «Нос» комара, который тот «не подточит», — это показатель безукоризненно сделанной работы, которой не страшны никакие проверки (часто о документах).

Таков краткий обзор тех функций, которые выполняет *нос* во фразеологии или, если использовать термины, таков характер концептуализации лексемы *нос* во фразеологии. Можно сказать и так: образ *носа* во фразеологии.

Подобные описания проводятся в исследованиях, но их результаты пока что не зафиксированы в словарях. В современных словарях (толковых, фразеологических) вы найдете толкование значений слова и отдельно значений фразеологизмов. Образное значение слова (его образную семантику) словари не отмечают, либо делают это крайне редко. Но когда-нибудь количество перейдет в качество, и мы сумеем составить словарь образных значений слов во фразеологии. А пока что будем накапливать материал для воображаемого словаря.

Речевые фразеологизмы: *Вот это да! Ну погоди!*

Фразеологизмы с компонентом *нос* употребляются в основном в описаниях. Такие фразеологизмы иногда называют нарративными. Они формируют основное поле фразеологии. Откройте фразеологический словарь и посмотрите его словник. Большинство фразеологизмов — это описательные, или нарративные фразеологизмы. Но есть также и речевые фразеологизмы. Во фразеологических словарях они встречаются реже.

Речевые фразеологизмы, такие как: *Вот это да! А, бог с ним! Как же это так? Ну, ты у меня еще узнаешь! Ну погоди!* — это реплики говорящего, его реакция на увиденное, услышанное или неожиданно понятое (ср.: *его осенило, ему неожиданно вспомнилось, догадка пронзила его* и т. п.). С их помощью человек выражает свое намерение (интенцию) либо эмоцию: угрозу, согласие, отказ, подтверждение, благодарность, огорчение, восхищение, удивление и т. д. В тексте они часто оформляются как отдельная ответная реплика, например:

Стасис: *Не москвичка?* Галя: *Не / я с Ростова.* Стасис: ***Не может быть!*** *А я слышу? говор знакомый. Пушкинская.* (А. Михалков-Кончаловский, А. Смирнова. «Глянец», к/ф)¹.

У этих единиц есть ряд специальных признаков [Шаронов 1996]. Например, сами они не содержат никакой информации об объекте. Что это за объект или что это за событие, на которое прореагировал говорящий? Мы не знаем.

¹ В статье используются данные Национального корпуса русского языка.

Речевые фразеологизмы показывают отношение говорящего к предмету речи или к ситуации, но никак не характеризуют ни сам предмет речи, ни саму ситуацию. Важную роль играет интонация ответных реплик, а также мимика и жесты, сопровождающие их. Подойдите к зеркалу и произнесите: *Не может быть! Ну погоди, ты у меня еще узнаешь!* Как вы это произнесли? А реплику *Не может быть!* — сумеете произнести двумя-тремя разными способами, с различной интонацией? Вы жестикулировали? Понаблюдайте за собой.

При описании таких единиц важно фиксировать: интонацию, с которой они произносятся; значение; особенности употребления; жестовое сопровождение. Но меня будет интересовать другое: можно ли описать их образное значение? По-видимому, проанализировать речевые фразеологизмы, подобно тому, как это было сделано с нарративными фразеологизмами, не получится. Методы описания фразеологизмов со словом *нос* нам здесь не очень пригодятся. Это должно быть иное описание. Но какое? Вероятно, можно сгруппировать фразеологизмы в соответствии с той интенцией, которую они выражают, а дальше смотреть, обнаруживается ли у них образная составляющая. Попробуем.

— Ты у меня дождешься! — А чего собственно мы ждем?

Намерения, реакции человека, в том числе и речевые, очень разнообразны. Поговорим о не лучших, но зато экспрессивно выраженных в языке. Это — угроза, возмущение, отказ, реакция на неадекватность предложения.

1. **Угроза.** Если говорящий обещает слушающему устроить какие-то серьезные неприятности, значит, он ему угрожает. Характер неприятностей при этом либо не уточняется, либо описан абстрактно. Говорящий, например, обещает *показать Кузькину мать*. Почему это угроза? Требуется дополнительное изучение. Человек, которому угрожают, может:

а) дождаться (*Ну подожди! Ну погоди! Дождешься ты у меня!*);

б) узнать (*Ты у меня еще узнаешь! Ты узнаешь, где раки зимуют!* Характерно, что в речевом фразеологизме, который выражает 'удовлетворение тем, что кто-то был справедливо наказан', также используется глагол *знать*: *Будешь/будет знать, как...*);

в) увидеть / увидеть то, что покажут (*Ты у меня увидишь! Я тебе покажу! Я тебе покажу Кузькину мать!*

г) запомнить (*Запомнишь ты у меня! Ты у меня попомнишь! Ты меня еще не раз вспомнишь! Ты меня будешь долго помнить!*) Глаголы памяти, которые используются для выражения угрозы, могут описывать одну и ту же ситуацию с позиции разных участников: *Ты меня еще не раз вспомнишь!* (вспоминать будет слушающий). *Я тебе это еще не раз вспомню!* (вспоминать будет говорящий).

Слушающий понимает, что результатом ожидания, узнавания, видения, запоминания будет что-то плохое. Собственно, само плохое никак не выражено, но очевидно, что говорящий что-то замышляет.

2. Резкое **возмущение** чьими-либо действиями передается речевыми фразеологизмами, похожими на заклятие. Они содержат пожелание, чтобы адресат (слушающий) бесследно исчез (сам по себе либо при помощи нечистой силы): *Чтоб тебя разорвало! Пропади ты пропадом! Чтоб его черти взяли! Черт тебя поберу! Пошел к черту!*

Менее четко выражены пожелания пустоты и болезненных ощущений: *Чтоб тебе пусто было! Тупун тебе на язык! Чтоб ему подавиться!*

3. Резкий **отказ** с обещанием противодействия; резкое нежелание делать что-л. оформляется с помощью слов, связанных с жизнью и смертью: *Только через мой труп! Пока я жив, этому не бывать! Да ни в жизни! В гробу я это видел(а)!*

4. **Реакция на неадекватность** предложения описывается с помощью слов, относящихся к полю сумасшествия: *Ты что, обалдел/соурел/спятил/свихнулся что ли? Совсем уже того/плохой/ку-ку? Головка бо-бо?*

Комментарий к речевым фразеологизмам

В воображаемом словаре обязательно будет комментарий к образным значениям как описательных (нарративных), так и речевых фразеологизмов. В комментарии к речевым фразеологизмам будет показано, как соотносится речевое намерение (интенция) со способом его представления.

Для отдельных фразеологизмов понадобится также энциклопедический или историко-культурный комментарий. Рассмотрим такие случаи.

(1) Комментарий требуется, если речевой фразеологизм — это цитата, «крылатое слово»².

1) *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* — выражает разочарование, ср.:

Режиссер: *У меня бюджетнице был. Слава: Секундочку / вы меня / наверное / неправильно поняли. Это лично вам. Режиссер: Вот тебе бабушка и Юрьев день. А на остальное?* (О. Фомин и др. День выборов, к/ф).

Это выражение появилось после отмены права крестьян раз в году в день святого Георгия, или Юрия (26 ноября) переходить от одного помещика к другому. Право перехода крестьян было отменено в 1649 году Уложением царя Алексея Михайловича.

2) *Свежо предание, да верится с трудом!* — выражает недоверие либо отказ. Это цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», ср.: [Чацкий] *Как посравнить, да посмотреть // Век нынешний и век минувший: // Свежо предание, а верится с трудом.* В современных текстах употребляется достаточно часто, ср.:

² Вот как определяют *крылатое слово* авторы словаря: ‘относительно устойчивые по составу словосочетания и предложения, а также отдельные слова, широко употребляющиеся в современной русской речи, авторство и источник которых большей частью хорошо известны или легко восстанавливаются’ [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000].

Его же разрабатывать надо в кровь и сажать. — **Свежо предание, да верится с трудом.** В нашем королевстве делать это становится все сложнее и сложнее (А. Михайлов. «Капкан для одинокого волка»).

3) *Мечты, мечты, где ваша сладость!* — выражает возражение, отказ, ср.:

Может, и впрямь возьму такси да подкачу? Ведь сколько не виделись. Соскучился я, Ларочка. — **Мечты, мечты, о ваша сладость! Не до этого сейчас, увы,** — голос Ларисы вновь стал подчеркнуто официальным (С. Данилюк. «Бизнес-класс»).

Так начинается юношеское стихотворение А. С. Пушкина «Пробуждение» (1816): *Мечты, мечты, // Где ваша сладость? // Где ты, где ты, // Ночная радость?* Пушкин процитировал первую строку своего стихотворения в романе «Евгений Онегин» (гл. 6, строфа 44): *Мечты, мечты! где ваша сладость? // Где, вечная к ней рифма, младость?* На стихотворение «Пробуждение» А. А. Алябьев написал романс.

4) *Темна вода во облацех* — выражает недоумение, непонимание, ср.:

Шишаков недоуменно усмехнулся, слегка покачал головой. — Неужели не понимаете меня, Алексей Алексеевич? — сказал Штрум. — Да, **темна вода во облацех,** — сказал, улыбаясь, оказавшийся рядом молодой человек из отдела науки. (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»).

Темна вода во облацех — Это цитата из церковнославянского текста Ветхого завета (Пс. 17, 12). Русский текст: «И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных».

(2) Комментарии могут требовать отдельные компоненты речевых фразеологизмов.

1) *Катись колбаской по Малой Спасской!* — выражает желание, чтобы кто-то быстро (без задержек) ушел, покинул помещение; отказ сделать то, о чем просят, ср.:

Трепач конференсье, похожий на разбитного лакея, заявил публике, что труппа уезжает. — **Катись колбаской по Малой Спасской!** Скажи деду — в Москву еду! (Н. Островский. «Как закалялась сталь»).

Здесь следует комментировать *Малую Спасскую*, указав, что речь идет об улице. Однако и в Москве, и в Петербурге, и в других городах были *Малые Спасские*. О каком городе говорится — доподлинно неизвестно. Москвичи полагают, что это — московская улица и что выражение родилось у завсегдаев знаменитого в прошлом Сухаревского рынка. Жители других городов это мнение оспаривают.

2) *Ты у меня узнаешь, где раки зимуют! Я тебе покажу Кузькину мать!* — выражают угрозу, ср.:

(1) — Мищенко! На карцерное их всех! А приедем — **покажу им, где раки зимуют!** Небо с овчинку покажется! (Е. Гинзбург. «Крутой маршрут»).

(2) Я ее из-под земли откопаю. Я ей **кузькину мать покажу**. Где это видано, чтобы баба сама из нагана стреляла? (Б. Савинков (В. Ропшин). «Конь вороной»).

У этих фразеологизмов дополнительного комментария требуют «раки зимуют» и «Кузькина мать». Интересно, что в обоих случаях вероятно смысловая связь с *хитростью* и *обманом*. Вот что пишет В. И. Даль о *Кузьме*:

КУЗЬМА, имя Козьма, в поговорках означает бедного, горького. *Кузьма бесталанная голова. Горькому кузеньке горькая долюшка. Кузенька сиротинушка. Кузьмить* кого, с предлогом *под*, подсесть, поддевать **хитростью, обманывать**. *Показать кому кузькину мать*, угроза; наказать, сделать какое зло [Даль 1955].

Что же касается «зимовья раков», то если о человеке говорят, что он *знает, где раки зимуют*, то это означает, что он 'хитер' [Даль 1955].

(3) Комментироваться могут принципы построения иронического высказывания.

1) Фразеологизмы: *Спешу и падаю! Держи карман шире!* — выражают иронический отказ в ответ на предложение, просьбу, ср.:

Вот Вам примеры того, как часто комментируются про себя наши заключительные предложения приглашенными лицами: — Пожалуйста, вступайте в мою МЛМ-компанию! — **Как же, спешу и падаю**. — Пожалуйста, вносите деньги и начинайте работу прямо сейчас! — Ну да. **Держи карман шире!** (примеры найдены с помощью www.yandex.ru).

Эти фразеологизмы поддерживаются зрительными образами. Можно легко представить себе ситуации в духе комедий Чарли Чаплина: человек очень очень спешит, он бежит, поскользнулся и... падает, растянувшись на полу; либо он широко оттопырил карман и блаженно замер в ожидании денег, которые непременно должны посыпаться. Ждет, ждет и... пусто!

2) *Всю жизнь мечтал(а)! Сплю и вижу!* — выражают иронический отказ в ответ на предложение, просьбу.

С помощью фразеологизма *Мечтать не вредно!* человек возражает на то, что говорит его собеседник, или сомневается в этом. Мечты, увы, часто становятся объектами иронии, ср.:

Не вечно же мне под чью-то дудочку плясать, а, Равильчик? — Ну что я тебе сказать могу? — хмыкнул Равиль. — **Мечтать — не вредно**, как говорится. Только шеф — он потому и шеф, что не мечтает, а конкретно людьми типа нас руководит. (А. Грачев. «Ярый против видеопиратов»).

(4) Комментарий требуется, если у речевых фразеологизмов в их ироническом употреблении есть исторические, социокультурные аллюзии³.

1) *Это все ерунда (мелочь, пыль...)* по сравнению с мировой революцией — говорят с целью успокоить. Мировая революция мыслится как глобальное, эпохальное событие, ср.: *Мы на горе всем буржуям // мировой пожар раздуем!* (А. Блок. «Двенадцать»). По сравнению с таким событием любое другое воспринимается как мелочь. Ироничность высказыванию придает, в первую очередь, использование его в повседневном общении, применительно к бытовым ситуациям. Это же относится и к следующему фразеологизму: *Я тебя научу Родину любить!* — выражает угрозу. Ассоциативно связано с принудительным воспитанием патриотизма. Ср.:

И вот однажды идёт лекция: 3 группы, около 100 человек. Никто его не слушает, он [преподаватель — Н. Б.] говорит: «**Я вас научу Родину любить!!!**» — без всякой задней мысли он это сказал (пример найден с помощью www.yandex.ru).

(5) Комментируются также фразеологизмы, которые воспроизводят некую типичную ситуацию, стереотип.

1) *Все это бабушкины сказки!* — используется для выражения недоверия, возражения. Типичная ситуация: *бабушка рассказывает сказки*, ср.:

— Не может эта консервная банка ездить под сто пятьдесят километров в час! **Бабушкины сказки!** (Из разговора).

2) *Сойдет для сельской местности* — выражает умеренное удовлетворение. Используется для оценки чего-либо как в целом неплохого. Высказывание строится на основе стереотипных представлений о том, что высокое качество, красота, изысканность, ценимые в городе, не обязательны на селе, в деревне, в глуши. Собственно словосочетание *сельская местность* относится к официально-деловому стилю, а не к разговорному. Это помогает создать иронический эффект, ср.:

В целом... а в целом и отметить-то нечего — **так, сойдет для сельской местности...** (Д. Некрасов, М. Колодочкин. «За два метра до...»).

Заключение

Культурный комментарий к фразеологизмам (речевым и нарративным) помогает нам заглянуть в мастерскую языка, где из первоначальной языковой глины возникают удивительные образы. С течением времени они теряют новизну и выразительность, тускнеют, делаются привычными и узнаваемыми, приобретая устойчивость и долголетие.

³ *Аллюзия* определяется как «одна из стилистических фигур: намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» [ЛитЭС 1987].

Литература

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; Астрель; АСТ? 2000.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4, М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
5. Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания. // Русистика сегодня. № 2, 1996. С. 89–112.

Что значит иметь мнение?

Г. К. Бронников

Мы будем рассматривать предложения вроде «Вася считает, что Нью-Йорк — столица США» или «Моя кошка думает, что я ее домашнее животное». В общем виде такое предложение выглядит как «А считает/полагает/думает, что p », где А — мыслящий агент, а p — предложение. (Глаголы *считать*, *полагать* и *думать* не всегда означают одно и то же, но разбираться в их различиях мы не будем. Кроме того, не будем обращать внимания на то, как по-разному используются в прямой и косвенной речи так называемые индексные слова — личные местоимения, местоименные обстоятельства места и времени.) Задачей нашей будет установить, при каких условиях эти предложения истинны. Иначе говоря, пусть нам известно, как устроен мир, возможно, вплоть до состояния мозгов агента. Мы должны уметь определить, истинно ли данное предложение или ложно.

Мы рассмотрим несколько подходов к решению поставленного вопроса. Для каждого из них будут указаны причины, по которым данный подход кажется привлекательным, и недостатки. К сожалению, в каждом случае найдутся и контрпримеры, где теория предсказывает ответ, с интуитивной точки зрения неправильный.

Самый, наверно, простой подход к этой задаче — просто спросить агента, считает ли он, что p . Если агент будет расположен разговаривать и искренен, ответ «да» можно считать самым надежным свидетельством в пользу того, что *еще до вопроса* у него имелось мнение, что p . Такая теория (в несколько более сложной форме) предлагается, например, в известной книге Рудольфа Карнапа [2].

К сожалению, теория опирается на понятие искренности, а само это понятие требует прояснения. Наиболее естественно сказать, что человек говорит искренне тогда и только тогда, когда он говорит то, что думает. В нашем анализе возникает порочный круг.

Даже если мы смирились с наличием этого круга, оказывается, что есть ситуации, когда определение не работает. Вот пример, предложенный Робертом Ауди [1]. Представим себе человека, который, увлекшись, рассказывает своим собеседникам за обеденным столом о вчерашних событиях. Если у этого человека спросить, правда ли, что он говорит слишком громко, он

немедленно скажет «да». Но приписывать ему мнение: «Я говорю слишком громко», кажется, было бы неверно.

Вторая популярная точка зрения опирается на общий метод описания значений, принятый в аналитической философии и формальной семантике. При этом значением предложения считаются условия его истинности (напомним, для утверждений о мнениях нас тоже интересует, когда они истинны). Формальный способ говорить об условиях истинности — ввести понятие *возможного мира*. Например, предложение «Вася спит» будет истинно в некоторых возможных мирах и ложно в других. Множество миров, где оно истинно, объявляется значением этого предложения.

Так давайте, говорят сторонники этой точки зрения, воспользуемся этим общим механизмом для представления мнений. Сопоставим каждому агенту множество миров (положений дел), которые этот человек считает возможными. Тогда агент А будет считать, что p , тогда и только тогда, когда во всех возможных с его точки зрения мирах p будет истинным. Такая точка зрения рассматривается, например, в книге Хинтикки [5] и защищается Сталнакером [8].

Основная неприятность этой теории состоит в том, что мнения агента оказываются дедуктивно замкнуты: если А считает, что p , а из p логически следует q , то А непременно считает, что q . Например, если Вася считает, что перед ним две чашки, то он считает также, что перед ним простое число чашек — даже если он понятия не имеет, что значит быть простым числом. Всякий, кто верит в аксиомы арифметики, автоматически верит также в Великую Теорему Ферма. Если же какое-то мнение агента противоречит другому его же мнению, значит, этот агент верит во что угодно (из противоречия следует любое утверждение).

Эта проблема называется проблемой логического всезнания. Как правило, сторонники теории представления мнений через множества возможных миров признают ее наличие и говорят, что такое множество отражает потенциальные мнения агента. Такое представление может быть весьма полезно для многих задач, однако явно не соответствует реальным мнениям, которые мы обычно выражаем, используя глаголы *считать*, *верить* и прочие подобные в естественном языке.

Третий подход предполагает, что в сознании агента знания хранятся в виде чего-то похожего на предложения естественного языка. Предположение это совершенно не очевидно, и заметим, что предыдущие две теории его не делают. Третий же подход объявляет, что А считает, что p , если p содержится (в переводе на внутренний язык) в соответствующем разделе его сознания (разумеется, должны быть и другие разделы — предположения, которые А делает, желания и, возможно, даже предложения, которые А безусловно отвергает).

Картина, предлагаемая третьей теорией, кажется весьма естественной. Её сторонниками являются, например, Джерри Фодор [4] и Ханс Камп [6]. Однако нетрудно найти примеры, где она не срабатывает. Вот несколько:

- (1) Дано: Вася видит, что в комнате 5 человек.
Вася считает, что в комнате меньше 50000 человек.
- (2) Дано: Колин лучший друг Петя лысый.
Коля считает, что на свете есть лысые люди.
- (3) Дано: У Пети дома живет кошка Мурка.
Петя считает, что у него дома живет млекопитающее.
- (4) Дано: Вася живет в России и закончил школу с пятеркой по истории.
Вася знает, что венгры ни разу не захватывали Москву.

Во всех этих случаях кажется маловероятным, что предложение p явно представлено в сознании агента. Это ведет нас к следующей, четвертой теории, которая является развитием третьей.

Согласно четвертому подходу, агент A считает, что p , если p может быть легко логически выведено из предложений, явно содержащихся в его сознании [3, 7]. Заметим, что предложения, уже содержащиеся в сознании, автоматически попадают в это множество.

Важно уточнить, что означает слово «легко». Оно не может значить «быстро»: мы приписываем мнения другим людям независимо от их логических способностей (при условии, что эти способности превышают некоторый минимальный порог). Оно не может также означать « p выводится с помощью короткого доказательства». Человек, знающий, что p и что если p , то q , вполне может не иметь мнения, что q — ему может не прийти в голову провести одношаговое доказательство.

Видимо, правдоподобно предположить, что «легкие» доказательства — те, что используют только некоторые правила логического вывода. Например, можно считать, что к таким правилам относятся вывод по шкале (что позволяет нам объяснить пример (1)), введение квантора существования (объясняет пример (2)), обобщение от более узкого понятия к более широкому (пример (3)).

Однако даже при этом подходе примеры вида (4) остаются необъясненными. Правило, действующее в этом случае, выглядит примерно так: «Мне неизвестно, что не- p , следовательно, p ». Очевидно, однако, что класс предложений, к которым такое правило можно применять, четко не очерчен. Более того, он зависит от культурных, социологических и т. п. характеристик агента (будь Вася, скажем, новозеландским школьником, данное мнение ему было бы приписать нельзя).

Наконец, находятся контрпримеры и к конкретным правилам вывода, объявленным нами «легкими». Вполне можно себе представить, что Вася не знает, есть ли в русском языке существительные, заканчивающиеся на «-зо». При этом, разумеется, он знает, что слово «пузо» заканчивается на «-зо». Несмотря на то, что единственная операция, которая дает нужный результат p — введение квантора, как в (2), поиск конкретного примера, к которому ее требуется применить, требует слишком больших усилий. (Этот пример основан на статье [9].)

Закончить приходится на пессимистической ноте: ни один из рассмотренных подходов не способен дать нам окончательный ответ на вопрос, что значит иметь мнение.

Список литературы

- [1] Audi, Robert.. Believing and affirming. *Mind* 91, 1982. P. 115–120.
- [2] Carnap, Rudolf. *Meaning and Necessity*. Chicago: The University of Chicago Press, 1947. (Перевод: Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959).
- [3] Field, Hartry. *Mental Representation*. *Erkenntnis* 9, 1978.P. 13–61.
- [4] Fodor, Jerry. *The Language of Thought*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.
- [5] Hintikka, Jaakko. *Knowledge and Belief*. Ithaca: Cornell University Press, 1962.
- [6] Kamp, H., J. van Genabith & U. Reyle. forthcoming. *Discourse Representation Theory*. In: D.M. Gabbay & F. Guentner (eds). *Handbook of Philosophical Logic*. Second edition.
- [7] Konolige, Kurt. *A Deduction Model of Belief*. San Francisco: Morgan Kaufmann, 1986.
- [8] Stalnaker, Robert. *Inquiry*. Cambridge Mass./London: MIT Press, 1984.
- [9] Powers, Lawrence H. *Knowledge by Deduction*. *Philosophical Review* 87, 1978. P. 337–371.

Системы письма

И. А. Держанский

Письмо: дополнительное к звуковой речи средство общения при помощи системы графических знаков, позволяющее фиксировать речь для передачи её на расстояние, для сохранения её произведений во времени и т. п.

— О. С. Ахманова. «Словарь лингвистических терминов»

Глядит человек на эти чёрточки, а они складываются в слова, и я знаю их — слова живые, наши! Как я это знаю? [...] Ежели бы это картинки были, ну, тогда понятно. А здесь как будто самые мысли напечатаны, — как это?

— рабочий Изот (Максим Горький. «Мои университеты»)

Если внимательно вчитаться в эти две цитаты, можно обнаружить в них два мнения о том, что фиксирует письмо. Ольга Сергеевна утверждает, что это звуковая речь, живые слова, с чем согласен и рабочий Изот. Он тут же говорит, однако, что это как будто самые мысли, что было бы понятнее, как всё это получается, если бы картинки были. Но могут ли картинки фиксировать слова? Где же истина?

Истина в том, что письмо бывало и бывает разное и ему не чуждо представление как непосредственно мыслей и понятий (с помощью картинок, например), так и живых слов, выражающих их в том или ином языке.¹

Самой ранней формой письма была **пиктография** — рисуночное письмо, передающее значение с помощью понятных изображений. С его помощью попыталась донести свои мысли до мамы Таффимай Металлумаи.² Рыбачащий отец, его сломанный багор, дорога с бобрами, гонец из племени теvara, новый багор с чёрной рукояткой, мама — всё это Таффи нарисовала на куске бересты, как умела. Это должно было означать примерно следующее: «У папы сломался багор, пришли новый с этим человеком». Там же содержал-

¹ В самом начале повествования о типах письма надо оговорить, что они почти не встречаются в натуральном виде. Как правило, конкретная письменность содержит черты и элементы разных типов (как по историческим причинам, так и потому, что смешанное письмо оказывается более удобным в употреблении).

² Редьярд Киплинг. «Как было написано первое письмо».

ся и адрес матери со схемой пробега. Связи с языком не было: содержание можно было истолковать на любом языке, любыми словами, как будто сама мысль была нарисована. Впрочем, именно из-за этого Таффина грамота не являлась настоящим письмом (как и пиктографию вообще нельзя однозначно назвать настоящим письмом, а скорее можно назвать его предвестником). Однако она не была и обычной картинкой: на ней соседствовали вещи, которые на самом деле не стояли рядом, кое-что было изображено условно (к примеру, новый багор был нарисован несколько раз: и возле Тешумай в доме, где он обычно хранился, и в руке гонца, который должен был его принести, и рядом с Тегумаем, нуждавшимся в нём).

Тешумай, к сожалению, прочла письмо совсем не так, как предполагала её дочка. Так получилось отчасти из-за того, что картинки были выполнены и расположены на коре не очень удачно (скажем, бобры у Таффи походили скорее на людей из какого-нибудь враждебного племени, а вестник направлял оружие в бок её отца), но главным образом из-за ограничений пиктографии. Хотя она в общем удовлетворяла нужды многих обществ и государств (в том числе таких, как высокоорганизованная империя ацтеков), да и в современном мире находит применение (в инструкциях на упаковках полуфабрикатов или мощных средств, например, чтобы они были понятны без перевода), всё же необходимо признать: для того, чтобы изобразить самые мысли, одних картинок мало. И Тегумай справедливо заметил в конце сказки: великое открытие — письмо — сделано, но оно пока несовершенно, то ли дело будет, когда будут изобретены буквы!

До букв, однако, дело дошло не сразу. Сперва должна была появиться **идеография** — понятийное письмо, всё ещё независимое от языка, но условное в большей степени, чем пиктография.

Идеографическим знаком можно назвать лувийский³ иероглиф, обозначающий местоимение «я» — это не автопортрет пишущего в полный рост (как у Таффи), а изображение человека, указывающего рукой на себя. Знакомые нам цифры — тоже идеографические знаки: они могут читаться на разных языках и разными способами (мы пишем **2**, читаем же в некоторых случаях *два*, в других *второй*, в иных *two* или *second*, вообще что-то, что связано с понятием двойки).

Как правило, понятие не существует само по себе, а составляет часть какой-то системы, и это нередко используется, чтобы подобрать подходящее обозначение для него. Например, понятие «луна» в астрологии и астрономии выражается одним из четырёх знаков ☾, ●, ☽ или ○ в зависимости от фазы (соответственно первая четверть, полнолуние, последняя четверть, но-

³ Лувийский язык относится (как и хеттский) к анатолийской ветви индоевропейской языковой семьи; на нём говорили с 1800 по 700 г. до н. э. на территории современных Турции и Сирии. До недавнего времени его называли хеттским иероглифическим, то есть считалось, что это в общем тот же язык, который представлен в хеттских клинописных текстах.

волуние), хотя если речь идёт о Луне вообще как одном из небесных тел, по умолчанию используется знак ☾. Чтобы обозначить понятие ‘вода’, можно нарисовать волны (☾). Это также символ Водолея как созвездия и как знака зодиака. Но алхимики применяли знак ∇ (стилизованное изображение сосуда, а также ∆ ‘огонь’ наоборот), а химики используют известное обозначение H₂O. Каждая такая запись обоснована в своей системе: в алхимии вода — одна из четырёх стихий (во многих отношениях противоположная огню), в химии — соединение с определённым составом.

К древним идеографическим знакам — условным изображениям понятий — восходят многие китайские иероглифы: 上 ‘верх’, 下 ‘низ’ (это первоначально длинная дуга с чёрточкой покороче соответственно, снизу или сверху, позже к ним прибавилась ещё и вертикальная черта); 凸 ‘выпуклый’, 凹 ‘вогнутый’ (тут сразу понятно, о чём речь); 一 ‘один’, 二 ‘два’, 三 ‘три’ (тоже понятно, однако некоторая условность налицо: черты обязаны быть горизонтальными, заменить их на вертикальные нельзя).

Современные китайские иероглифы, однако, идеографическими знаками не являются: они выражают не непосредственно понятия, а слова, выражающие их. Разница тонкая, но она означает, в частности, что синонимы, даже точные, пишутся по-разному: к примеру, для понятия ‘два’ есть два слова, *эр* и *лянь*, и им соответствуют разные иероглифы (соответственно 二 и 两); выбор того или другого слова в некоторых случаях определяется правилами языка (так, 20 — всегда *эрши* 二十, а ‘два человека’ — *ляньгэ жэнь* 两个人), в других случаях можно употребить и то, и другое, и число 2000, например, может быть названо как *эрицянь* 二千, так и *ляньцянь* 两千, однако иероглифическая запись должна следовать за словесным выражением. Иначе говоря, китайский язык пользуется **логографией** — словесным письмом.⁴ Этот термин не вполне корректный: логографические знаки нередко обозначают не целые слова, а части слов (что позволяет обойтись обзорным общим числом знаков в письменности: разных префиксов, корней и суффиксов в любом языке меньше, чем слов в нём и тем более понятий в картине мира).

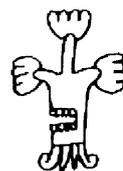
Однако если логографическое письмо следует языку, это значит, что в нём нужно как-то записывать всё. Со словами, называющими что-то такое, что легко нарисовать или изобразить схематически, затруднений нет. Но как быть с остальными?

В таких случаях, как правило, на помощь приходит так называемый **ребусный** принцип. Что это такое, нетрудно представить каждому, знакомому с картинными ребусами: это когда название карточной игры *винт* изобра-

⁴ Интересно, что в японской письменности те же китайские иероглифы более близки к идеограммам — обозначениям понятий: там нередко бывает, что синонимы пишутся одним и тем же иероглифом (например, 魚 ‘рыба’ может читаться и как *сакана*, и как *уо*).

жается как шуруп, а приставка *воз-* (в слове *воздух*, например) — как телега. Пока буквы ещё не изобретены, их нельзя и отбрасывать с начала или конца слова при помощи прямых и перевёрнутых запятых, поэтому людям древности было труднее составлять ребусы, чем нам, но зато они не стремились к точности: им обычно было достаточно, если изображённое звучало приблизительно так, как желаемое. Конечно, если в языке много коротких слов и омонимов, это очень облегчает дело. Неудивительно, что наиболее развитые логографии появились именно у таких языков. К ним относятся шумерский, китайский, майя.⁵

(При помощи ребусного написания обозначались имена людей и названия мест и в ацтекских пиктографических хрониках: например, город *Куаутитлан*, букв. ‘Междеревье’, изображался как зубастое дерево, подразумевая сочетание *куауи-тль* ‘дерево’ и *тлан-тли* ‘зуб’. Этим, однако, и ограничивалось его применение у ацтеков.)

Если бы у современного английского языка письменность зародилась «из ничего» и прошла через знакомые нам стадии, ему понадобились бы знаки для местоимений *I* ‘я’ и *you* ‘ты, вы’, и вполне вероятно, что первое слово писалось бы созвучным (вероятно, рисуночным) знаком ‘глаз’ (*eye*), а второе — знаком ‘овца’ (*ewe*) или ‘тис’ (*yew*). Возможно, этого было бы достаточно — ведь английская речь не становится непонятной оттого, что слова ‘глаз’ и ‘я’ звучат одинаково.

Но несколько древних народов независимо друг от друга решили, что омонимы надо всё же как-то разграничить, и придумали так называемые **детерминативы**, или **ключи**, показывающие, понятие какой группы обозначает слово. Скажем, один и тот же знак, читающийся как [ju:] (восходящий, скорее всего, к изображению овцы или тиса) в сочетании с детерминативом «дерево», «животное» или «человек» означал бы соответственно ‘тис’, ‘овца’ или ‘ты, вы’.

Место детерминатива в слове бывает разным: в шумерской письменности он ставился в начало слова, в египетской — в конец, а в китайской он сливается со знаком, обозначающим (приблизительно) звучание, в один составной иероглиф. В более близко знакомых нам системах письма роль детерминативов в какой-то мере выполняют заглавные буквы, отличающие, например, русское собственное имя *Лев* от нарицательного *лев*, английское

⁵ На шумерском языке, не относящемся ни к одной из известных языковых семей, говорили на юге Двуречья с IV тысячелетия до н.э. В конце III тысячелетия до н.э. он был вытеснен аккадским языком в повседневном общении, но использовался как священный и литературный язык до начала нашей эры. Затем его письменность была забыта и расшифрована только в XIX в.

В настоящее время насчитывают до 30 языков семьи майя (а говорящих на них — 6 млн. в Мексике, Гватемале и Белизе), но в иероглифических текстах представлены два или три.

прилагательное *Polish* ‘польский’ от глагола *polish* ‘шлифовать’, немецкое существительное *Leben* ‘жизнь’ от глагола *leben* ‘жить’.⁶

Применение ребусного принципа может в конечном счёте привести к тому, что знаки письма полностью отрываются от понятий или слов, которые они обозначали первоначально, и становятся знаками для звуков или сочетаний звуков, применимыми для записи любых слов, содержащих эти звуки. Это путь к звуковому письму (**фонографии**), в котором знаки отражают только звучание, а не значение слов.⁷

Разложить слова на отдельные звуки, правда, довольно сложно. Самое естественное разложение — то, которое получается при скандировании, то есть на слоги. Соответственно первой разновидностью звукового письма является **силлабарий** — слоговое письмо. Таким было кипрское письмо, такова женская китайская письменность нюйшу; таким письмом пользуются языки чероки, вай, и.⁸ Два силлабария с одинаковым составом знаков (не-

⁶ Интересно, что то английское письмо, которое есть, в каком-то смысле тоже логографично: из-за его непредсказуемости написание слов приходится заучивать целиком, причём многие слова, звучащие одинаково, пишутся по-разному, то есть чтобы правильно написать [sti:l], например, надо знать, имеется ли в виду ‘красть’ или ‘сталь’ — как бы значение слова. Но на самом деле *steal* и *steel* пишутся по-разному из-за разницы не в значении, а в звучании в далёком прошлом.

⁷ Во многих случаях этот путь проделявают не все знаки письма, и оно становится смешанным (словесно-звуковым, **иероглифическим** в строгом смысле): основы некоторых слов пишутся по-прежнему логограммами, а основы других, а также грамматические показатели — по звукам. До этой стадии дошла древнеегипетская иероглифика, шумерская клинопись, письмо майя; так устроена и современная японская письменность.

⁸ Кипрским письмом писали на Кипре с VI по IV в. до н.э.; язык большинства известных текстов — местный диалект древнегреческого языка.

Нюйшу — особая письменность, использовавшаяся женщинами округа Цзяньюн провинции Хунань вплоть до первых десятилетий XX в. (в старом Китае женщинам был заказан доступ к «мужской» китайской грамоте); её знаки (а их примерно 1000) восходят отчасти к иероглифам, отчасти к вышивательным стежкам.

Язык чероки (*чалаги*) относится к ирокезским языкам. На нём говорят приблизительно 20 тысяч человек в США (в штатах Оклахома и Северная Каролина). Оригинальную письменность для этого языка создал в 1821 г. серебряных дел мастер Секвойя (это его именем было названо мамонтово дерево, самое высокое дерево на земле). Секвойя бывал в миссионерской школе, где узнал, что такое книга, и обзавёлся букварём; читать по-английски он, однако, так и не научился, а букварь использовал как источник начертаний знаков письменности, присваивая им звуковые значения произвольно (буквы А, В, С звучат соответственно как *го*, *йы*, *тли*, цифра 4 — как *се*; недостающие знаки он придумал по образцу латинских букв и арабских цифр).

Язык вай относится к мандейской ветви нигеро-конголезской семьи языков. На нём говорят 100 тысяч человек в Либерии. Изобретателем его слоговой письменности считается Момолу Дувалу Букеле, якобы увидевший её во сне году в 1833-м; считается вероятным, впрочем, что он не создал её из ничего, а упорядочил и дополнил существовавшее словесно-слоговое письмо. В части знаков узнаются сильно стилизованные изображения предметов с созвучными короткими названиями (например, ☉ для слога *ку* — это голова, или *кун* на языке вай).

редко называемые **слоговыми азбуками**, хотя это и некорректно) использует японский язык. Как правило, знаменательные слова японского или китайского происхождения пишутся иероглифами, один из силлабариев (*хирагана*) применяется для записи японских служебных слов и грамматических показателей, а другой (*катакана*) — для слов, заимствованных из европейских языков; так на письме различаются слова 三 (иероглиф) *сан* ‘3’, 酸 (другой иероглиф) *сан* ‘кислота’, さん (хирагана) *сан* ‘господин, госпожа (уважительный суффикс)’ и サン (катакана) *сан* ‘Солнце (астр., от англ. *Sun*)’. Но это не всегда соблюдается.⁹

хирагана		катакана
かきくけこ	ка, ки, ку, кэ, ко	カキクケコ
なにぬねの	на, ни, ну, нэ, но	ナニヌネノ

Сколько в силлабарии слогов и какие они, это зависит от языка. Лучше всего подходит слоговое письмо для языков, в которых все слоги состоят из согласного и гласного или из одного гласного. Если нужно заводить знаки для закрытых слогов или слогов с двумя или более согласными в начале или конце, это сильно увеличивает число требуемых знаков и затрудняет изучение письма. Впрочем, многие языки обходятся знаками для наиболее простых слогов, а сложные пишут при помощи нескольких знаков: следуя примеру письменностей Древней Передней Азии, слог *слог* можно было бы представить как *со-ло-ог* или *со-ло-го*. Отсюда уже недалеко до того, чтобы последний знак в этом написании был воспринят как обозначение согласного *г*. Но проделать этот маленький шаг древним народам было непросто: согласный без гласного трудно произнести, а поэтому нелегко и осознать, что он может существовать вне слога.

Дальнейшему упрощению письменности способствовали некоторые особенности языков афразийской (семито-хамитской) семьи. В этих языках, как известно (хотя бы из решения лингвистических задач), корень слова состоит из одних согласных, а гласные выражают грамматическое значение (примерно как в русских словах *вы-бор*, *вы-бер-у*, *вы-бир-аю*, только в афразийских языках это происходит с большей регулярностью). На уровне логографии это значит, что знак, которым обозначается корень, читается как данные со-

И (*лало*) — язык (или, возможно, группа близкородственных языков) тибето-бирманской ветви китайско-тибетской языковой семьи; число говорящих — между 2 и 5½ млн. человек в Китае (Юньнань и Сычуань). Он пользуется самой крупной из слоговых письменностей, когда-либо подвергавшихся стандартизации: в ней 819 знаков.

⁹ Оба японских силлабария восходят к упрощённым написаниям китайских иероглифов, причём соответствующие друг другу знаки — в большинстве случаев к одному и тому же (хирагана か и катакана カ ка — к иероглифу 加), однако (как видно из этого же примера) знак хираганы происходит из скорописного начертания целого иероглифа, а катаканы — из сокращённого до какой-то характерной части. Звук *н* без последующего гласного в японском языке является отдельным слогом.

гласные с любыми гласными. В применении к силлабарии — что знак может соответствовать слогу из определённого согласного с произвольным гласным. Результатом была письменность классического семитского типа, содержащая знаки для согласных, а гласные оставляющая без внимания. Такую письменность иногда называют **абджад** (по одному из названий арабского алфавита).

Выучить пару десятков букв для согласных намного проще, чем сотни слоговых или тысячи словесных знаков. Но отсутствие обозначения гласных для большинства языков неприемлемо. Один из способов исправить это положение — слоговой алфавит, он же **абугида** (термин восходит к одному из названий эфиопского письма). В абугиде знак для согласного подвергается какому-то изменению, чтобы обозначить соседний гласный.¹⁰ Как правило, к нему добавляется какой-то диакритический значок (так в семитских и индийских письменностях), или у него удлиняется, укорачивается, загибается какая-то чёрточка (в эфиопской письменности), или он переворачивается или поворачивается в ту или другую сторону (в письме, изобретённом канадским миссионером Джеймсом Эвансом в 40-х гг. XIX в. и применяемом и поныне для нескольких индейских и эскимосских языков Канады), или же он утолщается, расширяется, пишется выше или ниже основной строки (в некоторых системах стенографии).

тибетское письмо				
ཀ	ཁ	ག	ང	ཅ
<i>д(a)</i>	<i>ди</i>	<i>ду</i>	<i>де</i>	<i>до</i>
མ	ཙ	ཛ	ཞ	ཟ
<i>з(a)</i>	<i>зи</i>	<i>зу</i>	<i>зе</i>	<i>зо</i>

письмо восточных кри ¹¹				
ᑕ	ᑭ	ᑭ	ᑭ	ᑭ
<i>та</i>	<i>ту</i>	<i>те</i>	<i>ти</i>	<i>т</i>
ᑭ	ᑭ	ᑭ	ᑭ	ᑭ
<i>ча</i>	<i>чу</i>	<i>че</i>	<i>чи</i>	<i>ч</i>

Как правило, в абугидах таким образом обозначается гласный, стоящий после согласного. Одно из исключений — разработанные Дж. Р. Р. Толкином

¹⁰Чаще всего, впрочем, знак в «основной» форме читается как сочетание согласного с каким-то подразумеваемым (возможно, особенно употребительным) гласным, а сочетания с другими гласными (и, возможно, согласного без гласного) обозначаются при помощи разных изменений. В бирманском письме таким образом выражаются одновременно гласные и тоны (уровень и движение голоса при произнесении слога).

¹¹На двух наречиях (северном и южном) языка восточных кри, относящегося к алгонкинской семье языков, говорят 12½ тысяч человек в Канаде (провинция Квебек).

тамильское письмо				
ப	பி	பு	பெ	பீ
<i>na</i>	<i>ni</i>	<i>nu</i>	<i>ne</i>	<i>n</i>
ர	ரி	ரு	ரெ	ரீ
<i>ra</i>	<i>ri</i>	<i>ru</i>	<i>re</i>	<i>r</i>
ல	லி	லு	லெ	லீ
<i>la</i>	<i>li</i>	<i>lu</i>	<i>le</i>	<i>l</i>

эфиопское письмо							
በ	ቡ	ቢ	ባ	ቤ	ብ	ቦ	ቦል
<i>бэ</i>	<i>бу</i>	<i>би</i>	<i>ба</i>	<i>бе</i>	<i>б(ы)</i>	<i>бо</i>	<i>бва</i>
ገ	ገጊ	ገጊ	ገገ	ገጌ	ገግ	ገጐ	ገገል
<i>гэ</i>	<i>гу</i>	<i>ги</i>	<i>га</i>	<i>ге</i>	<i>г(ы)</i>	<i>го</i>	<i>гва</i>
መ	ሙ	ሙ	ማ	ሜ	ሞ	ሞ	ሞል
<i>мэ</i>	<i>му</i>	<i>ми</i>	<i>ма</i>	<i>ме</i>	<i>м(ы)</i>	<i>мо</i>	<i>мва</i>

	Болгарская стенография ¹² <i>ва ве ви во ву вь</i>
--	--

тенгвар Феанора в одном из «режимов» их использования: при письме на языке, в котором большинство слов оканчиваются на согласный, значок для гласного сопровождает знак для согласного, перед которым произносится гласный. Именно этот режим применяется чаще всего при письме тенгвами Феанора на английском (типичном «языке закрытых слогов»), и для него он, видимо, себя вполне оправдывает. Другое исключение — ещё один режим того же письма (не описанный в приложениях к «Властелину колец», но использовавшийся Толкином в некоторых текстах на древнем и современном английском), а также изобретённые тем же автором *тенгвар Румиля*, в которых один и тот же значок, поставленный по ту или другую сторону от знака для согласного (сверху или снизу, слева или справа), означает произношение гласного перед ним или после него. Вполне вероятно, что на эту мысль Толкина навела английская система стенографии Айзека Питмана, где в силе именно такой принцип.

Последняя форма письма — **алфавит** в настоящем смысле слова, такая письменность, в котором есть полноправные знаки (буквы) и для согласных,

¹²Болгарская стенография разработана в 1879 г. словацким языковедом Антоном Безеншеком на основе чешской системы Гегера, а та в свою очередь основана на немецкой системе Франца Габельсбергера, в прошлом применявшейся и для записи русского текста. Буква *ь* в болгарском языке обозначает примерно такой гласный звук, какой слышен в английском слове *bird*.

и для гласных звуков.¹³ Считается, что его появлению способствовало то, что в части семитских языков примерно к X в. до н. э. некоторые согласные перестали произноситься, но их утрата сказалась на соседних гласных, так что создалось впечатление, что обозначающие их буквы читаются как гласные. Но до конца эту идею развили не семиты, а греки, обучившиеся от них искусству письма.

Напоследок надо поговорить о направлении письма. В пиктографии и идеографии вопрос о нём, как правило, не возникает: если значение суммарной записи — сумма значений слагаемых, оно не меняется от перемены их мест. Но в логографии письмо соответствует речи, а речь по природе линейна. Поэтому и знаки в общем выстраиваются в ряд в том же порядке, что обозначаемые ими слова, слоги или звуки. Ряды бывают горизонтальные или вертикальные, знаки в строках или столбцы могут следовать слева направо или справа налево, строки или знаки в столбцах — сверху вниз или снизу вверх; итого получается восемь возможностей. Но они не одинаково распространены. Зеркальность арабской и еврейской письменностей по отношению к кириллице и латинице общеизвестна; знаки китайского, японского и корейского письма традиционно располагаются сверху вниз, столбцы — справа налево (в современных текстах более обычно европейское направление письма); старомонгольское письмо тоже вертикальное, но столбцы следуют слева направо¹⁴. Гораздо малочисленнее письменности, в которых знаки или строки идут снизу вверх; таковы нумидийское письмо (буквы снизу вверх, столбцы слева направо) и письмо орхоно-енисейских памятников (буквы справа налево, строки снизу вверх).¹⁵

Многие древние системы письма позволяют писать и слева направо, и справа налево. При этом знаки обычно тоже поворачиваются, так что о том, в каком направлении следует читать, можно догадаться по тому, куда они смотрят. Древнеегипетские тексты на дверных косяках, например, обычно читаются от стены к двери (то есть на левом косяке — слева направо, на правом — наоборот). Встречается и так называемый **бустрофедон** (по-гречески ‘бычий ход [при пахоте]’), при котором направление каждой строчки обратно направлению предшествующей, так что следующая начинается там, где

¹³Это не значит, разумеется, что каждая буква каждого слова должна обозначать звук; речь идет только об общем принципе построения письма, от которого возможны отклонения. Нередко буква обозначает сочетание звуков или как-то сказывается на прочтении других букв (русский *ь* в *ель* указывает на мягкость *л*, английское *e* в *mate* — на то, что *a* читается не так, как в *mat*).

¹⁴Если писать справа налево на мягкой глине или чернилами на бумаге, правая рука, которой пишет большинство людей, может легко стереть уже написанное. Этим, видимо, объясняется то, что клинопись Двуречья довольно рано повернулась на 90° и сменила «китайскую» ориентацию на «европейскую», а из сирийской (семитской) получилась старомонгольская. В обоих случаях повернулись и сами знаки.

¹⁵Нумидийский (древнеливийский) абджад представлен в более чем тысяче надписей из Туниса, Алжира и Марокко, восходящих к последним векам до н. э.; их язык относится к берберской ветви афразийской семьи. Орхоно-енисейские памятники написаны в VIII в. н. э. на одном из древних тюркских языков.

кончается предыдущая, как борозды у пахущего вола или строки у некоторых видов принтеров, и экономится энергия, нужная для холостого обратного хода. Бустрофедон характерен для лувийской иероглифики и для раннего греческого письма.

Иногда знаки не просто следуют друг за другом в строках или столбцах. В древнеегипетском письме строка была высотой с один высокий иероглиф или два низких (или столбец — шириной с один широкий или два узких), поэтому низкие иероглифы писались друг над другом, а узкие — рядом, чтобы страница (или стена) заполнялась как можно более плотно и равномерно. Ещё сильнее уплотняли свои письмены майя, известные неприязнью к пустому пространству. Знаки их словесно-слогового письма, составлявшие слово, склеивались в один квадратный блок без каких-либо промежутков; эти блоки писались сверху вниз, но — что примечательно — не просто в столбец, а колонной по два, так что сперва читались попеременно левые два столбца, потом два следующих и так далее.

Буквы подавляющего большинства алфавитов выстраиваются в порядке произнесения звуков, которые они обозначают, как в кириллице или латинице. Однако иногда буквы в пределах слога держатся вместе. В алфавите языка мяо, где все слоги состоят из согласного и следующего за ним гласного, согласная буква пишется после гласной.¹⁶ В корейском письме буквы в слоге составляют единый графический комплекс: ㅁㅏ ма, ㅁㅓ мам, ㅁㅜ му, ㅁㅡ мум (начальное ㅁ пишется слева от ㅏ а, но над ㅜ у, потому что буква а высокая, а у широкая)¹⁷. Из-за этого с точки зрения разработки шрифтов (как свинцовых, так и компьютерных) корейское письмо — это силлабарий из 2350 знаков, хотя структура каждого знака полностью прозрачна.

¹⁶Языки мяо — группа языков семьи мяо-яо, на которых говорят в Китае, в Лаосе, Таиланде, Вьетнаме и ряде других стран. Оригинальную письменность мяо изобрёл в 60-х годах XX в. Шон Лы Я, крестьянин из народа белых мяо. Необычный порядок букв в слоге обусловлен тем, что изобретатель считал гласный звук основой слога, а согласный — всего лишь призвуком.

¹⁷В 1444 г., когда был изобретён корейский алфавит (*хангыль*), в Корее считалось, что самая настоящая, если не единственно возможная грамота, — это китайская. Отчасти поэтому было принято расположение букв, делающее слог похожим на иероглиф престижной письменности.

Турнир по языкам мира в Венгрии

И. А. Держанский

1 мая 2004 г. Венгрия стала полноправным членом Европейского союза. Среди прочих мероприятий этому событию был посвящён *лингвистический конкурс для школьников под названием Világ-Nyelv vetélkedő* (как бы ‘турнир по языкам мира’) и девизом «Не будем входить немymi в Европу» (считается, что у венгров очень плохо со знанием языков¹).

Конкурс этот был заочным: Министерство образования и культуры Венгрии рассылало в школы пакет из 18 и 19 задач соответственно на первом и втором туре и в течение двух месяцев принимало решения по почте. Разрешалось использовать любые источники информации и помощь откуда угодно. Совместная работа даже поощрялась; главным призом была экскурсия в Брюссель для целого класса. После окончания конкурса условия задач вместе с наиболее удачными ответами участников на некоторые из них были опубликованы в Сети, где их и нашёл автор этих строк.

Среди задач есть олимпиадные нашего типа (из числа самых лёгких; судя по особенностям латинской транскрипции, использованной в ряде задач, они брались преимущественно из материалов американской олимпиады). Есть множество задач в стиле задачи № 0 Московской олимпиады по лингвистике и тех, которые предлагаются на олимпиадах, проводимых в рамках летних и зимних лингвистических школ под Москвой. Но многие действительно требуют обращения к внешним источникам.

Вот какие были задачи:

- На иностранных языках, на которых сподручнее всего, сочинить²
 - три палиндрома (известный венгерский пример: *Keresik a tavat a kis erek* ‘Ищут озера маленькие ручьи’);
 - пять предложений, первая и вторая половины каждого из которых различаются только первой буквой и, возможно, разбиением на

¹ Венгерский язык относится к уральской языковой семье (да и в той у него нет особенно близкой родни), а учить венграм всегда приходилось в первую очередь языки индоевропейские (германские, славянские и романские).

² На иностранных — это из-за специфики конкурса. Но на родном тоже интересно, попробуйте!

- слова³ (венгерский пример: *Mohamed vénül, noha medvén ül* ‘Магомет стареет, хотя сидит на медведе’);
- пять забавных анаграмм из имён и фамилий знаменитых людей (*William Shakespeare* ~ англ. *I am a weakish speller* ‘Слабоват я в орфографии’, *Екатерина Рахилина* ~ *He иерарх, а аналитик*);
 - пять слов, содержащих (как подцепочку) одно и то же слово (чем длиннее, тем лучше: например, русское слово *вист* содержится в словах *ветвистость*, *завистник*, *лингвист*, *свисток*, *твист*);
 - стихотворение из 12 строк с заданными размером и рифмовкой, в котором упоминались бы все понятия из заданного списка (например, «меч, лира, дама, рыцарь, борьба, сердце, роза»).
- Привести
 - пять пар разноязычных омофонов — слов из разных языков со схожим звучанием (англ. *shoe* ‘ботинок’ ~ фр. *chou* ‘капуста’);
 - десять примеров сложных слов из любых иностранных языков, части которых не соответствуют значению целого (англ. *pineapple* ‘ананас’ — не *pine* ‘сосновое’ и не *apple* ‘яблоко’);
 - десять как можно более интересных названий родины участников на разных языках (я напомним, что самоназвание Венгрии — *Magyarország* ‘мадьярская страна’);
 - по пять иноязычных соответствий трёх женских и трёх мужских имён (имеются в виду фонетические соответствия, вроде *Фёдор* ~ *Теодор*, однако не менее интересны переводные соответствия, как *Фёдор* ~ *Богдан* ~ *Ионафан*);
 - пять длинных слов родного языка, разбитых (как принято в шарадах) на созвучные слова разных языков (венг. пример *besötétítendő* ‘подлежащий затемнению’ ~ тур. венг. англ. рим. англ. фр. *beş öt eight I ten deux* ‘5 5 8 1 10 2’ придумал поэт Янош Арань, очень любивший эту игру, но признававший в ней разбиение только на числительные);
 - три предложения на родном языке, в которых все знаменательные слова — иностранного происхождения, и указать, какого (венг. пример — *A pásztorok szerdánként a kocsmában táncolnak* ‘Пастухи по средам в корчме танцуют’).
 - Дано выражение «Я люблю тебя» на разных языках (*I love you, Yr wyf i un dy garu di, Minä rakastan sinua*). Определить, какие это языки.

³ Составленное предложение можно пересказать другими словами и предложить угадать, как оно звучало (загадка: «Беловолос же зверь» — отгадка: *Сед ведь медведь*). Когда-то эта игра была любимым развлечением писателей, собиравшихся в кофейнях Пешта, и самые удачные находки стали частью пештского словесного фольклора. В Чехии она тоже популярна.

- Даны аудиозаписи вопросов, принимают ли в ресторане кредитные карточки, на разных языках. Определить, какие это языки. То же самое с аудиозаписью приветствий прибывающим инопланетянам.
- Даны латинские буквы с разными диакритическими значками. Узнать, в каких языках они используются, и привести по примеру (с переводом).
- Даны буквальные переводы имён-фамилий известных людей (Иван Корнев, Стёпа Чудо) и названий городов (Солеград, Январь-река). Узнать их в гриме.
- Даны фразы из инструкций с разных упаковок и этикеток. Перевести каждую на какой-нибудь иностранный язык.
- Даны названия танцев (*мазурка, полька, самба, тарантелла*). Вспомнить, из какой страны происходит каждый и какой там язык, и узнать, как на этом языке приглашают на танец.
- Даны названия неместных блюд (*black pudding, pizza napoletana*). Указать, из какой страны каждое и что из себя представляет.
- Даны примеры на арифметические действия в пределах первого десятка на разных языках Европы (алб. *gjashtë + dy = ?*). Выполнить действия, каждый результат написать цифрами и прописью на том же языке.
- Дана строфа из английской песни в оригинале и ещё одна строфа оттуда — в поэтическом переводе на язык, полагаемый полностью неизвестным. Перевести обе строфы на родной язык *буквально*.
- Даны подражания голосам животных на разных языках. Угадать, какие это животные.
- Дан большой отрывок из всем известного поэтического произведения родной литературы, причём все строфы взяты из переводов на разные языки, и порядок их перепутан. Упорядочить их. Из каждой строфы выбрано по слову. Перевести их.
- Даны слегка искажённые пословицы разных языков (напр. лат. *Anas non captat muscas* 'Утка не ловит мух'). Исправить ошибки.
- Даны гимны разных государств в поэтических переводах на родной язык участников. Определить, что это за государства, и процитировать первый куплет на языке оригинала.
- Вспомнить несколько иностранных фильмов, переводы названий которых не понравились, и предложить более точные или более удачные.

О «Велесовой книге»

А. А. Зализняк

Текст, подготовленный для лекции в Дубне в июле 2008 г. (произнесенный текст несколько отличался от этого, но в общем незначительно).

После публичных лекций мне всегда задают вопрос: «Что вы думаете о «Велесовой книге»?». Поэтому эта тема заслуживает обсуждения.

Меня это в какой-то мере касается, поскольку: 1) я занимался вопросом определения подлинности или поддельности в связи со «Словом о полку Игореве»; 2) «Велесова книга», по версии ее сторонников, написана новгородскими волхвами IX века, а я много занимался изучением древненовгородского диалекта (по берестяным грамотам XI–XV веков).

Основные сведения о «Велесовой книге»

Историк-любитель Ю. П. Миролюбов, живший в эмиграции, в 1953 году объявил следующее. Офицер Белой армии Али Изенбек в 1919 году нашел в разграбленной усадьбе где-то на Украине несколько десятков деревянных дощечек размером $38 \times 22 \times 0,5$ см, исписанных с двух сторон, и вывез их с собой в Западную Европу. Буквы были по одним сообщениям Миролюбова выжжены, по другим — выцарапаны. В 1925 году в Брюсселе Изенбек показал дощечки Миролюбову, и тот 15 лет занимался их копированием. В 1941 году Изенбек умер, а дощечки исчезли при обысках, производимых гестапо.

В ноябре 1953 года в американском эмигрантском ротاپринтном журнальчике «Жар-птица» появилось первое сообщение о дощечках и в течение трех лет публиковались статьи историка-любителя А. Кура (генерала Куренкова), которому Миролюбов передал свои материалы. В этих статьях процитировано в общей сложности около 100 строк из «Велесовой книги». С марта 1957 года в том же журнале начинается публикация дощечек (мелкими партиями) — до 1959 года, когда журнал прекратил свое существование. Позднее текст получил условное название «Велесова книга» (или «Влесова книга», или «Влес-книга»), по имени языческого бога Велеса. Он содержит историю предков русских (и вообще всех славян) почти за два тысячелетия — от IX века до н.э. до IX века н.э. По утверждению главного пропа-

гандиста «Велесовой книги» А. И. Асова, дощечки были писаны в IX веке новгородскими волхвами.

Настоящего научного издания «Велесовой книги», с филологическим аппаратом, словоуказателем и т. д., не существует. Есть ряд переводов, но все они весьма вольные — отчасти из-за специфических особенностей оригинала (о которых подробнее ниже), отчасти потому, что переводчики «Велесовой книги» и не пытаются всерьез анализировать оригинал, а свободно «вчитывают» в него тот смысл, который их устраивает.

Мало того — публикаторы обычно свободно вносят изменения и в то, что считается прямым воспроизведением оригинала. Именно таковы, в частности, публикации Асова, самые распространенные в России.

Вдобавок, публикация Асова — это вовсе не дощечка за дощечкой в порядке номеров, а мозаика из кусков (составляющих обычно лишь часть какой-то дощечки, иногда даже всего одну фразу), скомпонованных «по смыслу» по произволу издателя, совершенно безотносительно к нумерации дощечек у Миролюбова.

Существующая общая оценка «Велесовой книги»

Собственно научной дискуссии по поводу «Велесовой книги» по сути дела нет — профессионалы (лингвисты и историки) *немедленно опознают в «Велесовой книге» подделку* и, за немногими исключениями, просто брезгают всерьез разбирать ее и даже просто упоминать. Подлинность «Велесовой книги» защищают (часто с фанатичностью и агрессивностью) почти исключительно энтузиасты-любители и журналисты. Правда, сейчас они любят зачислять в категорию своих сторонников также и двух-трех лингвистов из Сербии и Украины, но речь идет фактически о людях, которые всего лишь допускают некоторое сомнение в поддельности «Велесовой книги», а не отстаивают прямо и аргументированно версию ее подлинности.

Между тем среди непрофессионалов, увлеченных «огромной патриотической», как им кажется, ценностью «Велесовой книги», вера в это произведение распространена довольно широко. И поэтому разобрать этот вопрос более внимательно все же целесообразно.

При этом я сразу же подчеркну, что вся необходимая критика «Велесовой книги» в сущности уже содержится в статьях О. В. Творогова и А. А. Алексеева. Беда лишь в том, что эта критика недостаточно известна: это статьи в научных журналах плюс книга «Что думают ученые о «Велесовой книге»» (СПб, «Наука», 2004) тиражом в 1500 экземпляров, тогда как у «Велесовой книги» в России тиражи в сотни тысяч! И я повторяю сейчас эту критику не ради того немногого, что я могу добавить от себя, а чтобы оценка «Велесовой книги» профессионалами стала известна несколько шире. И хочу в особенности выделить тот тезис, что лингвистические аргументы здесь весомее и неумолимее всех других.

Ситуацию с «Велесовой книгой» ее защитники любят сравнивать с той, в которой находится «Слово о полку Игореве». Но тут я должен заявить с

самого начала: трудно представить себе два произведения, столь противоположных с точки зрения лингвистической правильности.

И если в вопросе о «Слове о полку Игореве» необходимо внимательно рассматривать и взвешивать все аргументы за и против подлинности, то в случае «Велесовой книги» на стороне подлинности нет практически никаких серьезных научных аргументов. Есть лишь эмоциональный накал веры в чудо, открывающее картину невероятной древности русского (при другом подходе — украинского) народа и его письменной традиции.

Показательно заявление главного сторонника и пропагандиста «Велесовой книги» А. И. Асова («Влесова книга», с. 208): «Главное же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух Влесовой книги. Ее мистериальная тайна, великая магия слова».

Нелингвистические аргументы

Все аспекты «Велесовой книги», будучи критически проанализированы, ведут к выводу о поддельности — в одних случаях весьма правдоподобному, в других — практически неумолимому.

Меня интересуют прежде всего данные лингвистики. Об остальных аспектах упомяну лишь бегло:

1) Нет никаких доказательств того, что дощечки Изенбека действительно существовали. Предъявленная публикаторами фотография одной из дощечек (№ 16), как установлено, сделана не с дощечки, а с рисунка (или прориси). История гибели дощечек соответствует классической схеме для фальсификатов. (Но это, конечно, само по себе еще ничего окончательно не доказывает — такова же ситуация, например, и для «Слова о полку Игореве».)

2) Машинопись Миролюбова и публикация в «Жар-птице» (как объявлено, с этой машинописи) расходятся столь сильно, что редакционная «доработка» (не графическая, а с заменами слов и фраз) либо в публикации, либо в обоих источниках несомненна.

3) Сочинения Миролюбова (9 томов) целиком посвящены доисторическому периоду жизни русов и содержат идеи, имена и формулировки, весьма близкие к «Велесовой книге». Между тем до 1952 года (когда уже 6 томов из 9 были написаны), указывая источники своих данных, он нигде не упоминает «Велесовой книги» (более того, прямо говорит, что других свидетельств, кроме им упомянутых, он, к сожалению, не имеет), хотя позднее он сообщил, что познакомился с дощечками Изенбека в 1925 году и кропотливо работал над их переписыванием в течение 15 лет.

4) В «Велесовой книге» обнаруживается ряд разительных частных сходств с произведениями, вызывавшими особый интерес Миролюбова.

Так, Миролюбов написал целую большую работу (увы, вполне дилетантскую) о «Слове о полку Игореве», а в «Велесовой книге» имеется серия слов и выражений, не встречающихся нигде (или почти нигде), кроме «Слова о

полку Игореве»: *русичи, Дажбожи внуци, харалужнии, вѣци Трояни, земля Трояня, Каяла, Карна, Ж(е)ля, комони, встала обида* и др.

С другой стороны, в тексте обнаруживается ряд фраз и речений, которые трудно оценить иначе, как скрытые цитаты из Библии и Евангелия (обычно чуть-чуть переделанные), например: «и ныне и присно и во веки веков», «будьте как дети», «камни вопиют» и др.

В сферу активного интереса Миролубова входила индоиранская мифология, а в «Велесовой книге» обнаруживается (с незначительными изменениями звукового вида) целая плеяда ведийских божеств (Индра, Сурья, Кришна, Дьяуш Питар, Тваштар, обожествленное небо Сварга), племена ариев и дасью и т.д.

5) «Велесовица» (на «фото») — это лишь слегка видоизмененная кириллица, причем в ряде случаев использован поздний вариант буквы; так, *н* имеет вид Н, а не N (в реальных рукописях не ранее XIV века); *ц* имеет вид Ц, а не Ч (в реальных рукописях крайне редко с XII века, в основном с XIV века).

6) Небывалый для летописей способ обозначения дат («за 1500 лет до того-то»); хронологические нелепости (вроде того, что славяне сражались с римлянами тысячу лет).

7) Жанрово «Велесова книга» чрезвычайно резко отличается от подлинных летописей — «безлюдностью», неконкретностью мест, почти полным отсутствием деталей, нарративом на МЫ, примитивностью, убогостью («детскосадским характером») стиля, не идущего ни в какое сравнение с ярким языком и образностью подлинных летописей, подлинного эпоса и подлинных религиозных гимнов.

Вот пример такого рода примитивности, скороговорки и невнятицы (из перевода Асова, с. 249, дощечка 4а):

А в другое тысячелетие мы подверглись разделению, и тогда убывло самостоятельности, и пришлось отрабатывать чужим дань; вначале — готам, которые крепко нас обдирали, а затем — хазарам, которые убивали. Явился каган, и он не радел о нас. Вначале он пришел с купцами на Русь, и были они велеречивы, а потом стали злы и стали русичей притеснять. И мы стали говорить: «Куда мы пойдём от них? Где будем мы вольными? Мы сиры весьма, и рука Божеская от нас отвернулась, ибо двадцать тысяч лет не могли мы сотворить Русь. Но вот к нам пришли варяги и забрали у нас эти места».

(Заметим, что это — причесанная, облагороженная и приведенная хотя бы к синтаксической правильности форма данного пассажа. В «подлиннике» все это еще и косноязычно.)

В этом пассаже нелепости громоздятся друг на друга:

В другое тысячелетие.

Готы, хазары и варяги — в одном абзаце.

Каган пришел на Русь с купцами.

Купцы потом стали злы и стали русичей притеснять.

Двадцать тысяч лет не могли мы сотворить Русь.

Еще один пример текста столь же примитивного и лишнего малейшей конкретности (Асов, с. 107, дощечка 25):

В то время князи много трудились. И был тогда Кышек, велик и мудр. И умер он, и после него были иные, и каждый творил что-нибудь хорошее. И это удержит наша память, потому что мы всегда их славим на каждой тризне трижды.

Все эти черты сами по себе достаточно ярки, но все же не столь окончательны, как лингвистические.

Лингвистические аргументы

Прежде всего, имеется ряд единичных фактов (отдельных слов), которые практически несовместимы с версией подлинности «Велесовой книги».

Так, слово *русь* в IX–X веках означало норманнов, а не славян (о чем свидетельствуют договоры с греками, имена днепровских порогов у Константина Багрянородного и др.). В XI–XII веках это название стало применяться и к славянскому населению, но только на территории среднего Поднепровья. Так, в XII веке в новгородской берестяной грамоте № 105 говорится о путешествии из Новгорода «в Русь», т. е. Новгород в это время все еще не входит в понятие Руси. Точно так же и в новгородской летописи в записях XII века постоянно упоминаются поездки новгородских архиепископов в Русь (а именно, в Киев или Переяславль). И даже в середине XIII века еще находим в новгородской летописи, например, такую запись: «*Въ лѣто 6765 (т. е. 1257) приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотать татарове тамгы и десятины на Новгородъ*». И лишь в XIV веке появляются такие записи, где *русью* бесспорно названы новгородцы.

А «Велесова книга» рассказывает историю «русичей» — имея в виду, разумеется, славян — за предшествующие IX веку восемнадцать веков!

Индоиранские имена выступают в «Велесовой книге» в форме, практически совпадающей с ведийской или иранской, что невозможно для славянского языка ни в случае родства таких слов, ни в случае заимствования. Так, ведийскому Индре в «Велесовой книге» соответствует *Интра* — а было бы *Ендр* или *Ядр* как при родстве, так и при заимствовании. Ведийскому Сурье в «Велесовой книге» соответствует *Сурия*, *Сурья* — а было бы *Сыль* при родстве, *Сырь* при заимствовании. Страна русов *Русколань*, фигурирующая в «Велесовой книге», — прозрачное соответствие иранскому этнониму *роксаланы* (иранск. ‘светлые аланы’ = ‘светлые арийцы’: *roxš-* ‘свет’ + *аланы* из *arya-* ‘арийцы’). И ввиду этого название Греции *Грецколань*, выступающее в «Велесовой книге», невозможно расценить иначе, как неуклюжую выдумку.

Вообще говоря, одних этих фактов по сути дела уже достаточно, чтобы версия подлинности «Велесовой книги» стала практически безнадежной. Но в отношении единичных фактов защитники этой версии могут выдвигать какие-то изошренные предположения, обладающие пусть ничтожной вероятностью, но все же не полностью исключенные, скажем, предположение о простой случайности.

Поэтому для лингвиста большее значение имеют не единичные, а системные факты. Рассмотрим именно их.

Публикаторы исходят из того, что «Велесова книга» дошла до XX века в оригинале. Но в числе сторонников «Велесовой книги» есть и такие, которые допускают, что это список с более раннего оригинала и что какая-то часть языковых черт «Велесовой книги» привнесена переписчиками.

Поэтому разделим эти два варианта: рассмотрим вначале версию о дошедшем до нового времени оригинале, а затем версию с участием переписчиков.

Версия об оригинале

Тезис 1. «Велесова книга» не может быть дошедшим до нового времени в оригинале памятником какого бы то ни было славянского языка или диалекта IX века.

Это доказывается проще всего: в «Велесовой книге» содержится огромное количество поздних форм.

IX век — это еще эпоха позднего праславянского языка. Все различия между его диалектами сводятся в это время всего к нескольким частным различиям в фонетике. Все славяне еще без затруднений понимают друг друга.

Язык «Велесовой книги», содержащей, как предполагается, положения древней языческой религии, должен быть языком священной традиции. Такие языки никогда не бывают продвинутыми по пути эволюции дальше живого языка соответствующей эпохи — напротив, они всегда архаичнее живых языков (ср. церковнославянский, латынь, ведийский, арабский язык Корана и т.д.).

В действительности же язык «Велесовой книги», даже если временно отвлечься от его хаотичности (о которой подробнее скажем ниже), являет собой такую степень удаления от праславянского состояния, которого остальные славянские языки достигли лишь примерно через пять веков.

Достаточно указать несколько самых явных особенностей.

Уже произошло падение и прояснение редуцированных и множество более поздних фонетических явлений, возникших в качестве следствий падения редуцированных.

Пример: *сыла бозка* ‘сила божеская’ 8(3) — форма *бозка* могла возникнуть из древнего *божьска* только после того, как исчезла гласная *ь*; когда *ж* и *с* оказались в контакте, *жс* изменилось в *з*. (Здесь и ниже цифры после цитат из «Велесовой книги» обозначают номера дощечек. При разборе примеров следует учитывать, что в «Велесовой книге» буква *щ* соответствует одновременно русским *щ* и *ч*.)

Полностью разрушена система двойственного числа; правда, некоторые формы прежнего двойственного числа внешне еще сохранены, но они употребляются уже совершенно без связи с их исконным числовым значением.

В «Велесовой книге» масса черт позднего синтаксиса, например: широкое употребление местоимений *он, они* в синтаксических позициях, в которых они в древности не употреблялись; относительные местоимения *який, яквы, кий* вместо древнего *иже*; поздние посессивные конструкции типа *сын іерменреха*, которым в древности могли соответствовать только конструкции с притяжательным прилагательным; употребление возвратного местоимения *ся* по поздним, а не по древним правилам; и т. д.

Допустить, что «Велесова книга» написана в IX веке, — это как поверить в то, что в Риме эпохи Цезаря какие-то люди умели писать по-французски.

Особо отмечу, что, вопреки декларациям публикаторов, в «Велесовой книге» никоим образом не может быть представлен древненовгородский диалект IX века — здесь масса форм со второй палатализацией, например: *бози, врази, луци* и т. п.

Защитники «Велесовой книги» пытаются спасти положение, заявляя, что особенности ее языка проистекают из ее огромной древности. Видимая бессистемность здесь якобы отражает древнее «зачаточное» состояние грамматики, когда грамматические категории еще недостаточно четко дифференцировались друг от друга. Но такие утверждения показывают лишь полное невежество в исторической лингвистике. На всей дистанции от позднего индоевропейского до старейших письменных свидетельств славянской речи это язык со сложно организованной и четко функционирующей грамматикой, с богатейшим словоизменением и строгим синтаксисом.

В качестве добросовестного *advocatus diaboli* укажу, что защитники версии с IX веком могли бы еще попытаться спасти положение предположением противоположного характера — о том, что по какой-то неизвестной причине в языке «Велесовой книги» эволюция пошла в несколько раз быстрее, чем во всех прочих славянских диалектах.

Но и эта экстравагантная версия не проходит, поскольку — как мы увидим подробнее ниже — в этом случае придется признать, что эволюция здесь не просто зашла далеко, а еще и пошла по нескольким путям одновременно, а именно по пути русского, по пути украинского, по пути польского и т. д. языков. А такого уже не бывает ни в каких языках никогда.

Таким образом, версия подлинных дощечек IX века — очевидная нелепость.

Сторонникам подлинности «Велесовой книги» остается только прибегнуть либо к предположению о том, что ее текст сочинен позднее, чем в IX веке, либо к предположению о том, что он сочинен в древности, но подвергся громадным изменениям при позднейших переписках.

(Заметим, что в обоих случаях вероятность того, что рассказ о деревянных дощечках — не выдумка, оказывается ничтожной. Ведь в более поздние века на дощечках уже не писали, а если что-то древнее копировали, то на пергамен или на бумагу.)

Тезис 2. Язык «Велесовой книги» не может быть никаким подлинным (неискаженным) славянским языком никакого века.

Об этом свидетельствует прежде всего то, что в «Велесовой книге» одновременно представлены звуковые формы слов, специфические для разных славянских языков; в одном языке такие формы не сосуществуют.

Так, почти всякое слово, встречающееся более одного раза, записывается в «Велесовой книге» разными способами, причем очень часто эти способы соответствуют разным славянским языкам.

Например (для краткости из многих адресов даем один), «князь»: *конензь* (≈ праслав.) 28, *кнензе* (≈ польск.) 24б, *кнезе* (сербск., чешск.) 6б, *кніазе* (вост.-слав.) 18б; прочие написания — *к̑нязі* 2а, *к̑ноязі* 2а, *к̑ніязе* 22, *конезе* 25, *кніезе* 37б, *кнз* 6е.

«Будет»: *бонде* (праслав.) 24в, *бенде* (польск.) 6з, *буде* 7в, *боуде* 30 (вост.-слав., чешск., сербск.), *боде* (словенск.) 20.

Возвратное местоимение «ся»: *сен* (праслав., польск.), *сіа, ся* (вост.-слав.), *се* (чешск., южнослав.) — все эти формы часто.

«Дед»: *дѣдом* 12 (праслав., русск.), *дід* (укр.), *дяды* (польск.) 18б; прочие написания — *діеды* 29, *денде* 7е (*тва денде а бабе*).

Приставка «пре-, пере-»: *пре-* (церк.-слав.) часто, *пере-* (вост.-слав. — *пербендешете* 18в), *пше-, пше-* (польск. — *пшебенде* 8(2), *пшежжухом* 18б). И вообще сочетание *ре* предстает то в виде *ре* (русск.), то в виде *рже* (чешск.), то в виде *же* (польск.); примеров очень много.

И такая картина обнаруживается во всей лексике «Велесовой книги».

Так, ять представлен пятью рефлексамися (не считая спорадических совсем уже ни с чем не сообразных) — ять, *іе, е* (как в русск.), *іа* (или *я*) (как в польск.), *і* (как в укр.).

Носовые представлены всеми встречающимися в славянских языках рефлексамися.

В случае прояснения *ѣ* может давать *о* (как в вост.-слав. — *кровь, во славу, со говіяде, воспоемо, волсві, во славу, ото Дажьба* и т. п.), *е* (как в польском, чешском — *крєвь, ве дне, ве средьці, одеідехомь* и т. п.), *а* (как в сербском — *дажде* ‘дожди’ 3ба).

Сочетания типа **tort* представлены и в огласовке с *ра*, и в огласовке с *оро*.

Аналогично и в более мелких пунктах. Ограничимся немногими примерами: *до гуре* ‘к горе’ 5а (польск. *góra*), *суне* ‘солнце’ (часто) (серб. *сунце*), *до очита* ‘к глазам’ 7г (болг. *до очите*), *цызіа [віре]* ‘чужой веры’ 7з (чешск. *cizí*), *говада* ‘скот, быки’ 5б (чешск. *hovado*), *гоньцарсті горьшке* ‘гончарские горшки’ 35б (поздние вост.-слав. формы, в других языках исконный корень *гърн-* сохранен без утраты *р* или *н*), *тобто* и *себто* ‘то есть’ (поздние украинские формы; многократно), *страм имяй* ‘стыдись’ 4а (просторечное русское из церк.-слав.).

Далее, об искусственности языка «Велесовой книги» свидетельствует то, что здесь представлены, причем в огромном количестве, такие облики слов, которые

невозможны ни для одного из славянских языков (ни древних, ни новых), — в особенности совершенно невероятные формы спряжения глаголов.

Можно указать две группы таких фантастических форм (границы между которыми, впрочем, не всегда четки):

1) формы с характерными фонетическими особенностями того или иного славянского языка, примененными, однако, ошибочно с точки зрения этого языка; их можно назвать ложными полонизмами, ложными церковнославянизмами, ложными сербизмами и т.д.;

2) формы, не имитирующие никакой конкретный язык, а полученные просто произвольным добавлением, устранением или изменением каких-то букв в слове.

Шире всего представлены ложные полонизмы; они получают замену *е, я, ы, у* или какой-то иной гласной на сочетание *ен* (изредка *ѣн*).

Примеры: *ренбы* ‘рыбы’ 9б, *тенсеце ляте* ‘тысяча лет’ 7в, *во стенпех* ‘в степях’ 18б, *повенде ны* ‘поведет нас’ 17б, *преленте* ‘прилетела’ ба, *кренпосць* ‘крепость’ 7ж, *у бренгы морсті* ‘у берегов морских’ 18б, *чловенкожравцове* ‘людоеды’ 7а, *всенке* ‘всякие’ 22, *погенбель наше* ‘погибель наша’ 8, *пренде на ны* ‘пришел на нас’ 7г, *венздвевла* ‘воздвигла’ 7а, *Суренж* ‘Сурож’ (часто), *посленхате* ‘послушать’ 7э, *мрзенсть пренд ощесы нашия* ‘мерзость перед очами нашии’ 7в.

Эта «полонизация» иногда достигает немалой изощренности, например: *поспѣшндла* ‘поспешила’ 7ж (*ен* вместо *и* и *дл* вместо *л*), *звѣнздама* ‘звездами’ 8(2) (соединение *з* из русского *звезда* и *г* из польского *gwiazda*), *пшебѣраця до ренек све* ‘прибирали к рукам своим’ 8(3) (псевдопольская форма родит. мн. *ренек* от *ренка* из польского *reka*, тогда как правильная польская форма — *rak*).

Другую большую группу составляют ложные церковнославянизмы; они получают в основном путем замены *ж* на *жд*. Заметим, что единичные примеры этого типа изредка встречаются и в подлинных русских рукописях, но только в сравнительно поздних (не ранее XV века).

Примеры: *якожде* (часто), *полождете* ‘положить’ 19, *не лждехом* ‘не лгали’ 35а, *велице множдествы* 23, *о воліе бождесьте* 30, *ождерелья* 22, *кнезжденіе* 37б.

Далее, в «Велесовой книге» имеется очень большая группа глагольных форм, которые, по-видимому, представляют собой ложные сербизмы, а именно имитируют сербские формы будущего времени с инкорпорированным *-ће-* (*-ћ-*) из *хће* ‘хочет’, типа *читаћу, читаћеш, читаће, читаћемо, читаћете, читаће* — из *читати хћу, читати хћеш, читати хће* и т.д. Разумеется, эти сербские формы — поздние, т. е. образец для имитации здесь мог появиться только через много веков после IX века.

В «Велесовой книге» похожие формы содержат *-ще-* (в силу неразличения *ч* и *щ* в ее графике это можно интерпретировать и как *-че-*). Но здесь эти формы, во-первых, в отличие от сербских, никак специально не связаны по значению с будущим временем (по смыслу это чаще всего прошедшее вре-

мя), во-вторых, после *-це-* здесь могут стоять показатели не только презенса, но и любых прошедших времен, а также причастий и инфинитива.

Примеры: *а тамо зрящеше тва денде а бабе 7е* 'а там увидишь твоих дедов и бабок' 7а, *біяцеть крыдляма* 'бьет крыльями' 7е, *се бо конензе нашиє ізбріацехомь* 'мы выбирали князей наших' 24в, *а замыстляцете злая на нь* 'они замышляли зло против нас' 7а, *імяцехом іськацете дрзі і врзі* 'мы должны были искать друзей и врагов' 22, *скакацете* 'скакать' 7г (инфинитив).

С другой стороны, в «Велесовой книге» имеется также множество искажений без попытки имитировать какой-либо конкретный язык.

Такие примеры имеются среди слов любых категорий: *прады* 'прадеды' 5а, *жельзѣна* 'железные' 7а, *хъзярьситі* 'хазарские' 4в и т. п.

Но основную массу фантастических форм такого рода составляют глаголы. Попытка разобраться в хаосе глагольных словоформ «Велесовой книги» дает следующий результат.

Среди этих словоформ есть и небольшая часть таких, которые построены правильно (с точки зрения хотя бы какого-нибудь из древних славянских языков), например, *іде*, *імуть*, *налѣзе*, *дахом*. Но безусловное большинство глагольных словоформ не соответствует никаким реальным формам никаких славянских языков никакой эпохи.

Схема построения таких словоформ такова. Берется глагольный корень (часто с теми или иными буквенными искажениями), и к нему добавляются справа отрезки, имеющие вид глагольных суффиксов и окончаний. Самые частые из таких отрезков — *-це-* (которое может интерпретироваться также как *-че-*, см. выше), *-ше-*, *-ша-*, *-те-* (*-ете-*, *-ите-*), *-хом-*, *-сте-*, *-ста-*; реже — *-ща-*, *-ши-*, *-х-*, *-уть-*, *-це-*, *-яи-* и некоторые другие. Все они извлечены из различных реальных глагольных форм (презенса, аориста, имперфекта, причастий) и передают в реальных древних языках строго определенные грамматические значения. Но в «Велесовой книге» они используются, во-первых, без связи с соответствующими значениями, во-вторых, в произвольном порядке (тогда как в реальных языках их порядок внутри словоформы абсолютно жесткий), в-третьих, без каких-либо ограничений на совместимость одних морфем с другими (например, в одной словоформе могут быть соединены показатели разных лиц, разных времен и т.д.).

Кроме того, в конце или в начале словоформы (а иногда и в середине) может стоять возвратное *сен* (также в виде *се* или *ся*). При этом, во-первых, древние правила расположения этого элемента слева или справа от словоформы не соблюдаются, а очень часто он ставится дважды — и слева, и справа; во-вторых, наличие или отсутствие возвратного *сен* может не соответствовать смыслу.

Ввиду всего этого глагольные словоформы не имеют никакого определенного грамматического значения. И, действительно, переводчики свободно приписывают им то значение наклонения, времени, числа, лица, залога, которое им кажется подходящим по общему смыслу фразы.

Пример: *ромі до ны се врзетешаще* ‘римляне бросались на нас’ ба. Строе-ние словоформы *врзетешаще*: корень *верг-* ‘бросить’ с ошибочной палатали-зацией, *-ете* — окончание презенса 2-го лица мн. числа, *-ша-* — окончание аориста 3-го лица мн. числа, *-ще* — суффикс причастия презенса с оконча-нием мн. числа.

И таких примеров — легион. Приведем лишь совсем немногие, без под-робного разбора:

не могостехом ‘мы не могли’ бг (*-сте-* — 2-е лицо, *-хом* — 1-е лицо);

а того не слухащехомся ‘а мы его не слушались’ бв;

а гръце хтяе насо крицашете ‘а греки хотели нас крестить’ бэ;

понесяциуть ‘понесут’ 24в;

а імахом врязі ростятешете ‘мы должны были врагов рассечь’ 7б;

не стрежещенце се бо тая одо вразех ‘не остерегались ибо они врагов’ бв.

Насколько безразлично было сочинителю, какие морфемы вставить в глагол, видно из фраз типа *од ітра до вчерже ходястехомо а ізронящехомо слзы* ‘с утра до вечера мы ходили и роняли слезы’ 7в (*-сте-* — 2-е лицо мн., *-ше-* — 3-е лицо ед.).

Тезис 3. *Язык «Велесовой книги» не может быть никаким естественным языком вообще.*

Основанием для такого утверждения является то, что язык «Велесовой книги» обладает такой степенью бессистемности и хаотичности в граммати-ке, которая не наблюдалась ни в каком языке нигде и никогда.

Так, мы видим в «Велесовой книге» следующее.

Как у имен, так и у глаголов в принципе имеется много различных форм, точнее, форм с разными окончаниями. Тем самым язык «Велесовой книги» не может принадлежать к числу языков аналитического строя, где словоиз-менение сведено до минимума или даже вообще отсутствует.

В то же время для «Велесовой книги» никакими усилиями не удастся выявить никаких последовательно соблюдаемых грамматических правил, которые управляли бы выбором из этого множества форм, различающихся внешне, в частности форм с разными окончаниями.

Например, невозможно выявить никаких правил чередования фонем в корне.

Не удастся выявить никакого сколько-нибудь регулярного правила обра-зования прошедшего времени глаголов; невозможно даже установить, сколь-ко прошедших времен имеется в данном языке. В результате, как уже пока-зано выше, любая глагольная форма может относиться по смыслу к любому времени, любому числу и любому лицу.

Для существительных невозможно выявить парадигмы склонения — пре-жде всего потому, что почти в любом контексте могут встретиться формы с почти любыми окончаниями (т. е. относящиеся, с точки зрения других сла-вянских языков, к любым падежам). Например, после предлогов:

од вразе, од враг наших, одо вражь, од вразех, од вразем, до врагі, до врази, до бозе наша, до конце, до море, до облакы, до веку, до Ніпра ріка, од небы, до брезі мршиті ‘к морским берегам’, *до луце егоіех раяістіех* ‘к его райским лугам’ и т.д.

Бесчисленны случаи отсутствия согласования, например: *одо карпенске исходу* ‘от карпатского исхода’ бд, *со праотці наша* ‘с праотцами нашими’ 1, *мрзенсть пренд ощесы нашія* ‘мерзость перед очами нашими’ 7в, *вутце наше якве не суть ще збабнена* ‘отцы наши, которые еще не обабились’ 7в, *зенбы имуце тверда а остра* ‘имея зубы твердые и острые’ 7г, *повіехомь старе словы* ‘рассказали старыми словами’ 19,

Глаголы во многих случаях употреблены в неправильном числе или лице, например: *тежце времени наста, налезе на ны ромове* ‘тяжкие времена настали, напали на нас римляне’ бб (глаголы стоят в ед. числе); *ту бо родицеве соубра се на комоніях* ‘тут родичи собрались на конях’ бб (то же), *а і мехом два сты убіена за Русь, вѣцна слва има еста* 7г (*има* и *еста* — формы двойств. числа), *пъехом плясасцете му а взывахом бгу нашіему* 11а ‘мы пели, плясали ему и зывали к богу нашему’ 11а (*плясасцете* — 2-е лицо), *а ты премудра мира глядах од русы, а бя наше друг* ‘а тот премудрый соблюдал мир с Русью и был наш друг’ бб (*глядях* — 1-е лицо).

Сторонники подлинности «Велесовой книги» могли бы тут возразить, что все указанные неправильности являются таковыми с точки зрения всех других славянских языков, а в языке «Велесовой книги» могли быть другие грамматические значения у выступающих здесь словоформ и могли действовать другие синтаксические правила. Однако любые попытки выявить эти другие правила и систему этих других грамматических значений оказываются безуспешными и кончаются одним и тем же итогом: никакой системы во всех этих неправильностях нет.

Наблюдаемая в «Велесовой книге» хаотическая ситуация не представлена ни в одном реальном языке. Бывают языки с развитой вариативностью форм, но эта вариативность всегда ограничена достаточно жесткими рамками и никогда даже близко не подходит к той степени произвола, который представлен в «Велесовой книге».

Иначе говоря, допустить, что «Велесова книга» написана на некотором реальном (не искусственном) языке, можно только при условии, что это язык со структурой, принципиально отличной от всех остальных языков мира.

Версия об участии переписчиков

Рассмотрим теперь вопрос о том, нельзя ли объяснить все неправильности языка «Велесовой книги» действиями позднейших переписчиков.

Тезис:

Язык «Велесовой книги» не может быть продуктом поздней переписки более раннего оригинала, написанного на каком-либо натуральном славянском языке.

Какие изменения текста могут происходить при его переписке в более позднюю эпоху?

Подавляющее большинство наблюдаемых изменений такого рода — это так наз. модернизация, т. е. изменение текста в сторону норм того времени, когда происходит переписка, — графических, орфографических, фонетических, морфологических (в ограниченной степени также синтаксических и лексических). Модернизация может быть как бессознательной, так и сознательной. Никаких грамматических и иных неправильностей в тексте в силу модернизации в нормальном случае не возникает. Обычно появляется лишь некоторая непоследовательность, состоящая в сосуществовании в переписанном тексте новых и старых форм (поскольку модернизация почти никогда не бывает стопроцентно систематической).

Далее, переписчики могут исправлять по собственному разумению то, что им кажется неправильным или непонятным. Нередко в таких случаях древний текст оказывается искаженным — как правило, в отношении смысла (тогда как с чисто грамматической точки зрения новый текст при таких исправлениях обычно правилен).

С другой стороны, переписчик, конечно, может просто ошибаться — по невнимательности или по недостаточной грамотности. Плохой переписчик создаст малограмотную копию с вполне исправного оригинала.

От простого переписчика, который вносит исправления лишь там, где, по его мнению, оказалась искажена мысль автора, следует отличать переписчика-редактора, который считает нужным в чем-то изменить содержание текста, т. е. выступает по существу в роли соавтора.

Что же мы видим с этой точки зрения в «Велесовой книге»?

Мы видим, в частности, заметное количество польских слов и форм. Стронники подлинности «Велесовой книги» могут попытаться объяснить их присутствие тем, что текст был некогда скопирован переписчиком-поляком. Теоретически такое возможно.

Но в тексте есть и чешские слова и формы. Придется допустить, что текст переписывался не один раз, и второй раз действовал уже переписчик-чех.

Но в тексте есть и церковнославянизмы (= болгаризмы), а также и сербизмы. Придется построить версию, что переписчики образовывали целый интернационал.

Разумеется, такая версия достаточно нелепа сама по себе. Но имеется капитальный факт, зачеркивающий даже то микроскопическое вероятие, которое можно было бы для нее допустить. Он состоит в том, что, как мы уже видели, в «Велесовой книге» есть также *ложные* полонизмы, *ложные* церковнославянизмы, *ложные* сербизмы и т. д. А ведь нельзя допустить, чтобы поляк не знал своего родного языка и мог написать, например, *ренба* вместо *рыба*, когда в его родном языке это *ryba*.

Конечно, единичное *ренба* вместо *рыба* можно было бы объяснить простой опiskeй. Но в «Велесовой книге» этот ряд ложных полонизмов, как мы видели, весьма велик. Состоять из случайных описок этот ряд явно не может.

Единственное возможное объяснение состоит в том, что некто хотел придать этим словам польский облик, но польский язык знал плохо.

Резюмируем:

Нормальная копия с древнего текста — это текст, где нет грамматических неправильностей, а просто проявляют себя (в той или иной степени) две нормы — старая и новая. Например, в «Слове о полку Игореве» нет ничего, что не соответствовало бы либо норме XII века, либо норме XV века. И его язык по большому числу параметров близко сходен с языком определенной категории реальных рукописей (а именно, списков XV-XVI веков с древнего оригинала, сделанных на северо-западе Руси).

Совершенно не то в «Велесовой книге»: здесь масса материала, который не соответствует нормам никакого конкретного славянского языка никакого века. И нет никаких реальных рукописей, которые обнаруживали бы с данной точки зрения какое-либо сходство с «Велесовой книгой».

Тем самым попытка спасти версию подлинности «Велесовой книги» с помощью гипотезы об инославянских переписчиках проваливается.

Каковы же все-таки лингвистические аргументы в пользу подлинности «Велесовой книги»?

На наивном уровне можно пытаться выдвинуть в качестве аргумента в пользу древности «Велесовой книги» то, что там есть некоторое количество древних словоформ, которых в современном языке уже нет (скажем, аориста или двойственного числа). Но мы уже видели, что и те и другие строятся в «Велесовой книге» со множеством чудовищных ошибок и используются в тексте произвольно, без связи с соответствующими значениями. Тем самым в использовании таких словоформ показательным в действительности оказывается не сходство «Велесовой книги» с реальными древними рукописями, а, напротив, вопиющее от них отличие.

Единственный более серьезный аргумент данного рода, который был выдвинут сторонниками подлинности «Велесовой книги», состоит в том, что в ней есть такое же смешение *ь* с *о* и *ь* с *е*, как в новгородских берестяных грамотах.

На первый взгляд этот аргумент кажется весьма сильным. Но при более близком рассмотрении это впечатление рассеивается. Дело в том, что в берестяных грамотах графическое смешение строго ограничено парой *ь-о* и тройкой *ь-е-ѣ*; никаких других смешений гласных нет. Между тем в «Велесовой книге» наблюдается хаотическое смешение почти любых гласных с любыми. Вычленение из этого хаоса лишь двух пар — *ь/о* и *ь/е* — совершенно произвольно и нужно только для того, чтобы создать иллюзию сходства именно с берестяными грамотами. Так, *е* особенно часто смешивается в «Велесовой книге» с *и* (например, *полождете* вместо *положити*, *жнева* ‘жнива’, *попелеще* ‘пепелище’, *вѣснек* ‘вестник’); кроме того, оно смешива-

ется еще и с *ѣ, а, я, о, ъ, у, ен* и др. (например, *до конце* ‘до конца’, *прибезенце* ‘прибежища’, *замержеце* ‘заморцы’, *бедехом* ‘будем’, *вопроцашуть насе* ‘спрашивали нас’ и т. п.). Примерно то же происходит в «Велесовой книге» и с *о*, которое может смешиваться не только с *ъ*, но и с *у, ь, е, ен* и др. (ср., например, *вовенде нашо* ‘воевода наш’).

Нелишне отметить и тот простой факт, что берестяные грамоты стали известны (по первым публикациям) с 1951 года, тогда как первые цитаты из «Велесовой книги» опубликованы в 1953–1956 гг., а полные тексты дощечек публиковались (малыми порциями) лишь в 1957–1959 гг. Это значит, что отдельные написания вроде *насо, намо* (вместо *насъ, намъ*) вполне могли быть и прямо навеяны впечатлением от берестяных грамот.

Таким образом, сколько-нибудь весомые лингвистические аргументы в пользу подлинности «Велесовой книги» просто отсутствуют.

Как же мог возникнуть такой монструозный с лингвистической точки зрения текст?

Единственное правдоподобное объяснение состоит здесь в том, что его создатель коверкал, причем не по какой-то продуманной системе, а в основном просто наугад, сложившиеся у него в уме русские или украинские фразы, наивно полагая, что это создаст впечатление древности.

У него явно была установка на то, чтобы ни одна фраза буквально не совпадала с современной русской или украинской. (Заметим, что в подлинном древнем тексте такие фразы как раз изредка встретились бы.) И даже отдельных слов, целиком совпадающих с современными русскими, должно было быть, по его представлениям, как можно меньше. Во имя этого он считал необходимым так или иначе исказить почти каждое слово, кроме самых коротких.

Сочинителю казалось также, что текст будет выглядеть более древним, если в нем не будет никакой устойчивости в написании конкретных слов, т. е. если любое слово будет писаться двумя, пятью, дюжиной разных способов.

Типовые приемы примененного сочинителем коверканья таковы.

1. Отдельные русские или украинские слова и формы заменяются церковнославянскими, польскими, чешскими или сербскими — целиком или в какой-то части фонетического состава. При этом инославянская форма может оказаться как правильной, так и ошибочной (ложные церковнославянизмы, ложные полонизмы, ложные сербизмы). [Примеры см. выше.]

2. Слово может подвергнуться произвольному частичному изменению буквенного состава. Это может быть:

замена суффиксов (*по млеку небествену, прибезица*),

усечение (*Дажбо, Стриб, хорвы* ‘хорваты’),

вставка лишних букв (*н, т* и др.: *мыстляще, щчто, венде* ‘ведет’, *до морнже* ‘до моря’, *благва* ‘благая’, *жолуте а стрбрне* ‘желтое и серебряное’, *старенце* ‘старцы’ и т. п.),

произвольные замены и перестановки букв (*жєлзѣѣна* ‘железные’, *дєржєвь* ‘держава’, *грм грмыщаєть* ‘гром громышает’); особенно широко используется взаимная замена гласных в парах *и* — *ы*, *а* — *я*, *у* — *ю* (*сыла*, *хъязри*, *брыцны*, *ініу* ‘иную’), а также замена любой гласной (чаще всего *и*, *ѣ*, *ь*, *а*) на *е* (примеры см. выше). (Заметим, что ввиду всеобщности таких смещений нет оснований рассматривать, как это иногда делают, смещение *и* — *ы* как украинизм.)

Особенно много усиленного коверканья в именах собственных: *хъязрьсѣиті* ‘хазарские’ 4в, *єланиште* ‘эллины’ 24б, *ворєнзе* ‘варяги’ 6е и т. п.

Комбинации всех этих приемов могут давать самые дикие искажения, например *богєнтсє* ‘богатство’ 36б, *хорбере* ‘храбрые’ 36б, *вовєнде* 7д ‘воевода’, *создєнхноуть* ‘сдохнут’ 7ж.

3. К полученной основе может быть присоединено как правильное (соответствующее синтаксису фразы) окончание, так и любое другое — чаще всего *-є* (*до бозє*, *од оцє*).

4. После всего этого в слове могут быть опущены любые гласные (так имитируется — но без малейшей последовательности) письмо, где гласные могут не обозначаться.

5. Может так или иначе разрушаться синтаксическая правильность фразы — путем опускания или добавления каких-то слов или замены требуемой по смыслу грамматической формы на какую-нибудь другую. В частности, во фразу могут добавляться слова, не имеющие никакой синтаксической связи с остальными, но внешне похожие на элементы древнего языка (например, *сє*, *стє*, *хон*).

Следствием всего этого является, между прочим, то, что текст «Велесовой книги» не допускает точного перевода, поскольку аграмматичный текст вообще не имеет точного смысла. В самом деле, как уже указывалось критиками, так называемые переводы «Велесовой книги» — это вольные домыслы. Но ничего другого здесь и не может быть. Можно пытаться угадать, как выглядела фраза, которую имел в виду сочинитель, до того, как он начал ее коверкать, но никакой гарантии правильного решения здесь быть не может, поскольку в таком коверкании не было никакой системы.

Иллюстрация:

а одєймо од домы сва а тецєхон до врзі абєхон вѣдяшєтє імє о руськ мечє 7д (≈ ‘и мы отошли от домов своих и напали на врагов, чтобы они знали о русских мечях’);

одєймо (вероятно, в значении ‘мы отошли’) — под влиянием польского *odejść* ‘отойти’ (возможно также влияние польского *odejmę* ‘я отниму’);

од домы — *од* (польск.), с невозможным в данном случае в славянских языках винительным падежом;

сва — якобы ‘свой’; = санскр. *sva-* (словарная форма); в «Велесовой книге» чаще всего выступает как несклоняемое (что в древних славянских языках невозможно);

тецехом — в м. имперфекта *течахом* ‘мы бежали (побежали)’;

до врзи — *до* (польск., укр.) в знач. приближения, с невозможным в данном случае в славянских языках именительным падежом, *врази* — И.мн., огласовка южнославянская; сочинитель не справился с выбором слова — сказал буквально ‘мы побежали к врагам’;

абехом — в м. *абыхом* ‘чтобы мы’;

вѣдяште — имперфект ‘вы знали’ (или: ‘он знал’, если допустить, что *-ште* здесь вместо *-шетъ*) — тройная ошибка: 1) после *абыхом* имперфект стоять не может, возможно только *л*-причастие; 2) ошибка в лице — 2-е лицо (*-ште*) вместо 1-го (*-хом*); 3) по смыслу требуется глагол со значением ‘дать знать’, ‘показать’, а употреблен глагол ‘знать’, т. е. сочинитель не справился с выбором слова;

руськ — отсутствует окончание;

меча — вместо М. мн. *мечих* (или вместо М. ед. *мечи*).

Если попытаться построить русскую фразу, содержащую ровно столько же (и по возможности таких же) неправильностей против русского языка, сколько данная фраза из «Велесовой книги» содержит неправильностей против славянского языка IX века, получится примерно следующее:

И мы одейдем од домы сва и безяли на врази, чтёбы мы знаете им о русск меча.

Этот пример дает достаточно ясное представление о качестве языка «Велесовой книги». Видны наивные приемы превращения нормального текста в странный (своего рода «остранения»). Они довольно похожи на то, как дети коверкают язык, играя в то, что они говорят «по-иностранному».

А вот еще один пример, интересный тем, что в нем содержится словосочетание, давшее название всей книге:

Влес книго сју птцемо бгу ншемоу кие бо есте прибезиц а сила 16 (с фотографии прориси). Перевод Асова: ‘Велеса книгу сию посвящаем Богу нашему, который есть наше прибежище и сила’.

Оставим временно сочетание *Влес книго* без комментариев.

птцемо — явно вместо *почтемо* ‘почтём’.

бгу ншемоу — управление дательным падежом у глагола *почестъ* не представлено ни в каких славянских языках.

кие — придуманная форма вместо *кьи*, которое в качестве относительного местоимения для IX века анахронично — должно быть *иже*.

прибезиц — в м. *прибѣжище*, с искусственной заменой суффикса на *-ица* и заменой правильного *ж* на ошибочное *з* (возможно, ложный богемизм, ср. русск. *чужой* — чешск. *cizí*, русск. *сажать* — чешск. *sázeti* и т. п.).

А теперь обратимся к *Влес книго*.

Во-первых, слово *книга* в ед. числе появляется позднее; в древности — только мн. *к(ѣ)нигы*.

Влес книго — это, согласно толкователям, ‘Велеса книгу’ или сложное слово ‘В(е)лес-книгу’. Но ни то, ни другое невозможно для IX века — мог-

ло быть только *Велешѣ к(ъ)нигы*. Сочетания с родительным притяжательным появляются много позже, а сложные слова типа **Моисей-заповеди* или **Марк-евангелие* невозможны в русском языке (и других славянских) и поныне.

Так что в сущности одного только словосочетания *Влес книго* достаточно для того, чтобы отпала всякая претензия на IX век.

Итак, видно, что филологическая квалификация сочинителя была крайне низкой. О древнеславянских текстах он знал очень мало — разве что знал по церковнославянским текстам, что там было много необычных глагольных форм сложного строения. Ему было известно также, что в древности славянские языки образовывали некое единство. Пытаясь представить себе это единство, он не смог вообразить ничего иного, как простую смесь слов и форм из разных славянских языков. Именно это он и реализовал в своем сочинении, используя формы польского, чешского и т. д. языков, — разумеется, современные (древнепольских, древнечешских и т. д. форм он попросту не знал). И на все это было наложено то сознательное коверканье, о котором речь шла выше.

Ему казалось, что и все остальные, как и он, не знают о древнем языке ничего определенного и поэтому примут нелепые искажения, которыми он обильно уснастил свой текст, за черты древности. Ему просто не приходило в голову, что лингвисты-профессионалы, изучившие подлинные древние тексты, выявили в них большое число закономерностей разных уровней и в каждой точке его текста, где он так небрежно ставил первое пришедшее ему в голову окончание и т. п., легко смогут отличить подлинную древность от выдумки.

К сожалению, как и в случае с другими сочинениями лингвистов-любителей, фальшь здесь хорошо видна только профессиональным лингвистам. Неподготовленный читатель и ныне может оказаться в плену примитивных выдумок о том, как древние русичи успешно сражались с врагами уже несколько тысячелетий тому назад. В нынешнее время, характеризующееся активным расшатыванием общественного доверия к выводам науки, низкопробная подделка, именуемая «Велесовой книгой», увы, продолжает в какой-то степени использоваться распространителями нелепых исторических фантазий русоцентрической направленности.

Заключительное

Проблема, связанная с «Велесовой книгой», — в сущности не историческая и не лингвистическая и даже не источниковедческая, а социопсихологическая. Т. е. если это объект для научного изучения, то именно для науки социальной психологии.

Наступившая ныне новая эпоха — эпоха небывалого информационного взрыва — наряду с громадными достижениями, полученными благодаря обретенной свободе информации, принесла, к сожалению, также и такой малоприятный сопутствующий эффект, как большая тяга к отрицанию профессии-

ональной науки и широкое распространение дилетантизма и идеологически нацеленного фантазерства — в первую очередь в гуманитарной сфере.

И вот мы уже можем прочесть в эксплицитной форме тезис: «Истина достигается не точной наукой, а общественным согласием».

И ровно эту идею внушает телевидение и радио, когда проводит голосование по самым разным вопросам.

Такое голосование, по-видимому, может быть осмысленным и полезным в политических вопросах: политика есть именно сфера человеческих волей и мнений, их отражения и управления ими.

Перекос нынешнего узуса состоит в том, что на такое же голосование может быть поставлен, например, вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?». Можно, конечно, смотреть на это так, что исследуется просто состояние представлений об этой проблеме в обществе, — примерно так же, как если бы требовалось установить, какая часть зрителей (или слушателей) знает, что столица Гондураса — Тегусигальпа. Но состояние общества опасно, если на основании таких голосований будут писаться учебники для школ и в них будет сказано, например, что по одной из существующих теорий столица Гондураса — Тегусигальпа, а по другой — Манагуа.

И совершенно то же, если в них будет сказано, что по одной теории «Велесова книга» — это подделка, а по другой — ценнейший источник сведений об истории русских за два тысячелетия до крещения Руси.

К счастью, пока еще кажется смешным, чтобы телевизионным голосованием решались проблемы химии или физики, не говоря уже о математике, но нельзя гарантировать, что развитие уклона к всеобщему дилетантизму не приведет и к такому.

Нынешний школьник уже почти немислим без Интернета. И это почти безграничная возможность для свободного самовыражения, что само по себе несомненно есть замечательное достижение нынешнего общества.

Но я хотел бы предостеречь от смешения — чрезвычайно соблазнительного, особенно в юности — возможности свободно выражать свое мнение по любому вопросу и претензии на то, чтобы по любому вопросу, по которому вы высказываетесь, ваше мнение уже по одной той причине, что оно высказано, считалось столь же ценным и столь же конкурентоспособным, как любое другое, — независимо от того, изучили ли вы все то, что необходимо знать для обоснованного суждения о предмете, или просто вы очень высокого мнения об остроте своего ума и своей интуиции.

Между тем в гуманитарных вопросах эта подмена знания информацией о мнениях становится почти общим местом. Вот деталь, мелкая, но показательная: мне никто никогда не писал после лекции записки: «Скажите, «Велесова книга» — это подлинное произведение или подделка?», а всегда только в форме: «Каково ваше мнение о «Велесовой книге»?».

Разумеется, в гуманитарной сфере действительно много вопросов, по которым пока что мы можем лишь констатировать борьбу мнений, с сопоставимым числом серьезных аргументов в пользу каждой из сторон. Более того, есть и такие вопросы, где мало шансов на то, что когда-либо такая ситуация

изменится. Но опасным перекосом является скепсис по поводу всех без исключения ответов на вопросы гуманитарной сферы.

Там, где критерий серьезного научного анализа проблемы отброшен, на его место непременно выдвинутся мотивы вкусового, эмоционального и в особенности идеологического порядка — со всеми вытекающими отсюда общественными опасностями.

История с «Велесовой книгой» — очевидное этому подтверждение. Вера в выдумки «Велесовой книги» о том, что русские «древнее» всех окружающих народов, ничему, кроме ксенофобии и тем самым чрезвычайно опасного для нашей реальной жизни роста межнациональной напряженности, способствовать не может.

Корпус текстов как лингвистический Клондайк: разработка семантических приисков. Конспект семинаров

Б. Л. Иомдин

Корпусы текстов — специально подобранные, тщательно размеченные и снабжённые мощными поисковыми системами большие массивы текстов разных жанров в компьютерном виде — на наших глазах совершают революцию в лингвистике. Если раньше языковеды изводили тысячи тонн словесной руды в поисках нужных примеров или для проверки интересных гипотез, то теперь началась настоящая золотая лихорадка. Возможность в считанные секунды получить россыпи литературных примеров изучаемого явления, увидеть воочию динамику того или иного языкового изменения или обнаружить убедительное подтверждение фактам, ранее нигде не описанным, привлекает к этому лингвистическому Клондайку всё новых и новых старателей. На семинаре были рассмотрены разнообразные примеры того, какие новые данные о значениях слов, словосочетаний и предложений русского языка можно получить, имея доступ к корпусам текстов, и как использовать эти данные при составлении толковых словарей.

1. Введение

1.1. Материал для исследований в «докорпусную» эпоху

- Составление картотек
- Опросы информантов
- Интроспекция (самонаблюдение)
- Лингвистическое экспериментирование

1.2. Преимущества корпусов текстов

- Огромные объёмы
- Электронная форма
- Удобный доступ
- Разнообразные возможности поиска
- Разметка текстов

1.3. Национальный корпус русского языка: краткая демонстрация

2. ПОЛУ-

Задача №1

Дана таблица, в которой некоторые русские слова объединены в группы по принципу, символически обозначенному во втором столбце:

круг, кило, ...	●
день, ночь, ...	○
грамотный, одетый, ...	◐
забытый, тьма, ...	◑

Задание 1. Определите, по какому принципу составлены эти группы.

Задание 2. К какой группе вы бы отнесли каждое из следующих слов? *голый, живой, колонна, мёртвый, остров, слепой, сфера, часовой*

Задание 3. Попробуйте выполнить то же задание для слова *месяц*.

2.1. Данные словарей. Около 200 слов на ПОЛУ- в МАС.

2.2. Корпусное исследование: 1500 разных слов в 9000 предложений (прилагательных — 48%, существительных — 40%, глаголов — 7%, наречий — 5%).

2.3. Наименьшая часть (3%): косвенные падежные формы слов типа *полуведро, полугод, полудорога, полудюжина, полуквартал, полукилограмм, полуминута* и т. п.:

- (1) *Надзиратель стоял в **полуметре** от столика.*
- (2) *Невозможно играть один спектакль в течение **полугода**.*

2.4. Слова, не встречающиеся поодиночке (18%)

- (3) *Опять **полузимой, полувесной** над ним слова моей любви роились.* (Б. Ахмадулина)
- (4) ***Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-подлец, но есть надежда, Что будет полным наконец***
(А. С. Пушкин)

2.5. Приставка или союз?

- (5) *В славянском языческом фольклоре был такой разряд мифологических существ: двоедушники. **Полулюди-полунелюди. Полу-**"нормальные" — **полу-**"другие".* (Новый Мир)
- (6) *И ты понимаешь ли, значит, ну выгородка значит ширмами, стоит стул, ну какие-то у неё принадлежности там туалета, причём она в такой **полуночной** рубашке.* (Русская разговорная речь)

2.6. Одиночные употребления (80%): разнообразие значений ПОЛУ-

2.7. Значение ‘половина’: всего 7% случаев. Три группы слов:

2.7.1. Фигуры: *полукруг, полуокружность, полукольцо, полуцилиндр ...*

2.7.2. Единицы измерения: *полуакр, полуаршин ...*

2.7.3. Деньги: *полузолотник, полумпериал ...*

2.8. Значение ‘почти’

2.8.1. *Полупустой и полуполный*

(7) *Режиссёр-пессимист: На премьерe зал был полупустой ☹*

Режиссёр-оптимист: На премьерe зал был полуполный ☺

На самом деле *полупустой* ≠ ‘наполовину пустой’!

(8) *Концертные залы провинциальных городов обычно полупустые, если только не ожидают столичной знаменитости. То же самое с провинциальными оперными театрами, где почти всегда на сцене гораздо больше народу, чем в зрительном зале. (Г. Вишневская)*

(9) *В полупустой квартире (Клавка и Ривка умудрились вывезти из неё всё что можно!) ... (В. Кунин)*

(10) *Привела его в маленькую полупустую комнату с голыми стенами, стояли там только обшарпанный канцелярский стол без тумбочек, покрытый зелёным, в чернильных пятнах листом бумаги, и три стула. (А. Рыбаков)*

Толкования словарей: ‘наполовину пустой, почти пустой’ (МАС)

2.8.2. Ср. также: *полубезумный, полубред, полудикий, полужабытый, полужакопириванный, полужестлевиший, полужкриминальный, полужегендарный, полужифический, полужиценский, полужобвалившийся...*

(11) *На углу Сивцева Вражка и Староконюшенного — зиждился старый дом, во дворе которого зиждился дом ещё более старый, а во дворе этого дома, то есть за третьей уже проходной, помещался совсем уже полужаварийный шестизтажный памятник серебряного века. (В. Аксёнов)*

(12) *Скажет, собака! — спокойно проговорил, отирая пот со лба, офицер. — Скажи, куда ушли! Дай-ка сюда штык! И когда Сёмка обезумел, когда почти потерял сознание и перестал понимать что-либо, кроме острого желания быть убитым, в полужбреду — он сказал. (А. Гайдар)*

2.8.3. *Полумрак, полумгла*

Полумрак ‘неполный мрак, почти мрак, полутьма’; *Полумгла* ‘неполная, слабая мгла’ (МАС).

На самом деле: *полумрак* ≈ *полумгла* ≈ *сумрак* ‘почти мрак’

- (13) Здесь **полумрак**, освещены лишь зелёные плоскости биллиардов. (В. Ходасевич)
- (14) То густые потёмки, то серый **полумрак** раннего утра не позволяли нам рассмотреть этого общества. (Н. С. Лесков)
- (15) Когда пришло время ложиться, матери зятя и Зенону постелили в большой комнате, где стоял телевизор. Его выключили, потом погасили свет, и в **полумгле** бледнела стеклянная дверь, ведущая в лоджию. (Ф. Искандер)
- (16) Михаил вошёл и остановился возле двери, оглядев комнату, заставленную картонами, на которых густо и ярко было нарисовано что-то. В комнате был **полумрак**, и разобрать сюжеты на картонах не удалось. (М. Ганина)
- (17) "...В комнате был **полумрак**, и поэтому мы смогли разглядеть сюжеты на картинах.

2.8.4. Полуголый и полуодетый

Полуголый: 'почти голый; полунагой'; *полуодетый* 'не вполне, не совсем одетый' (МАС)

погуголый = 'почти голый', но *полуодетый* ≠ 'почти одетый'!

- (18) Включив селектор, он объявил по аэродрому боевую тревогу, и когда минут через пятнадцать в кабинет набились испуганные, заспанные и **полуодетые** люди, нетвёрдым голосом приказал: «Немедленно проснуться, отложить все дела и начать разучивать новую песню». (А. Городницкий)
- (19) – Встать! Встали. Один трясётся от страха, голый, в рубашке. Другой тоже **полуодет**, но более спокоен. — Что здесь происходит? Почему не открывали? (Л. Бронтман)

полуголый = *полуодетый*!

- (20) Среди ночи она, вскочив с постели, подбежала к окну, раскрыла его и, **полуголая**, села на подоконник. (М. Горький)
- (21) Жена колодезника, **полуодетая**, несколько раз вставала с кровати и, не просыпаясь, не замечая приезжих, ничего не замечая и не слыша, что-то делала с глиняной кашинёй. (С. Залыгин)

2. 9. Пары синонимов

полуживой = *полумёртвый* = 'почти мёртвый'

полузаконный = *полупреступный* = 'почти преступный'

полулегальный = *полуподпольный* = 'почти нелегальный'

полуизвестный = *полузабытый* = 'почти забытый'

полулюди = *полузвери* = 'почти не люди':

- (22) А вокруг него сброд тонкошеих вождей, / Он играет услугами **полулюдей**. (О. Мандельштам)
- (23) **Полузвери**, сумасшедшие дикари. (А. и Б. Стругацкие)

2.10. Два противоположных значения ПОЛУ-: ‘почти’ и ‘почти не’

2.10.1. Асимметричная картина: *полуголый* и *полуодетый* обозначают одно и то же, и при этом их значение ближе к ‘голый’, чем к ‘одетый’:

<i>голый</i> -----	-----	<i>одетый</i>
<i>мёртвый</i> -----	-----	<i>живой</i>
<i>забытый</i> -----	-----	<i>известный</i>
<i>преступный</i> -----	-----	<i>законный</i>

2.10.2. ПОЛУ- = ‘почти не’: непарные прилагательные

полуграмотный, полубразованный, полужнакомый, полупрофессиональный ...

- (24) *Желая возродить науки, <...> этот **полуграмотный** варвар (до конца дней своих он, несмотря на постоянные упражнения, так и не научился писать) объединил вокруг себя образованнейших людей того времени (И. Хейзинга, пер. Д. Сильвестрова)*

Попытка сформулировать правило выбора значения (‘почти’ или ‘почти не’): связь с оценкой

2.11. Другие значения ПОЛУ-

2.11.1. Метафора: ПОЛУ- = ‘как будто’

- (25) *Какие-то тупые все, покорные, **полубрёвна!** Кроме Азовкина здесь, видимо, никто не страдает по-настоящему. (А. Солженицын)*
- (26) *Блистательна, **полувоздушна,**
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена
Стоит Истомина ...
(А. С. Пушкин)*

2.11.2. Промежуточное положение в номенклатуре

полужёсткий, полумягкий, полужирный, полукустарник, полунепрерывный, полупроводник, полупроницаемый, полупустыня ...

- (27) *В известные часы все три барышни с т-lle Linon подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках — Долли в длинной, Натали в **полудлинной**, а Кити в совершенно короткой. (Л. Н. Толстой)*

2.11.3. Одежда, обувь и т.п.: ПОЛУ- = ‘короткий’

полуботинки, полусапожки, полупальто, полуплац, полумаска, полушубок

2.11.4. Уникальный случай: *полумесяц = месяц*

2.12. Разброс значений ПОЛУ-: шкала от ‘почти не X’ до ‘X’

‘Не X’ — ‘почти не X’ — ‘половина X-а’ — ‘почти X’ — ‘X’
полуграмотный полукруг полубред полумесяц

3. ПАРАЛЛЕЛЬНО

Задача №2

Слово *параллельно* в литературном языке может управлять как существительными в дательном падеже (конструкция А), так и существительными в творительном падеже с предлогом *с* (конструкция Б). Ниже даны примеры обеих конструкций:

Васич увидел лоцинку. Она шла параллельно немцам, преграждала им путь к дивизиону. (Г. Бакланов, Мёртвые сраму не имут)

Её путь лежал параллельно маршруту трамвая. (Б. Пастернак, Доктор Живаго)

Мне было неприятно, что какие-то люди параллельно с нами, по обе стороны от нас, пробираются на холм. (Ф. Искандер, Стоянка человека)

Теперь они шли параллельно насыпи. (А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине)

Наматывая мили на кардан, / Я еду параллельно проводам. (В. Высоцкий, Горизонт)

Намечались короткие летние, перед отпуском, гастроли в Риге параллельно с работой двух московских сцен. (С. Пилявская, Грустная книга)

Новые восьми-девятиэтажные дома стояли разомкнутым строем параллельно бульвару. (Ю. Даниэль, Говорит Москва)

Отросший ус торчал уже не параллельно земной поверхности, а почти перпендикулярно, как у пожилого кота. (И. Ильф, Е. Петров, Двадцать стульев)

Мы глядели на некоторые беседки и храмы по высотам, любовались длинной, идущей параллельно с берегом кедровой аллеей. (И. Гончаров, Фрегат «Паллада»)

Параллельно с монтажом идёт и отделка фасада. («Комсомольская правда»)

С каждым годом заводскому населению приходится тяжелее, а параллельно с этим возвышается благосостояние управителей, управляющих, поверенных и целого сонма служащего люда. (Д. Мамин-Сибиряк, Бойцы)

Задание 1. В современном русском языке можно усмотреть некоторую тенденцию, в соответствии с которой в одних случаях употребляется конструкция А, а в других — конструкция Б. Объясните, в чём состоит эта тенденция. Все ли примеры, приведённые выше, ей соответствуют? Если нет, с чем, по Вашему мнению, это может быть связано?

Задание 2. Раскройте скобки, используя либо конструкцию А, либо конструкцию Б. Если в каких-то случаях выбор конструкции вызывает у Вас сомнения, отметьте это:

Как водится, параллельно (бумажная война) происходила чехарда с собраниями акционеров («Вечерняя Москва»).

Здесь, на советской территории, у самой границы и параллельно (она) проходит Августовский канал (В. Суворов, Ледокол).

Комната Франца выходила на улицу, шедшую параллельно (набережная) (В. Набоков, Король, дама, валет).

Они [фабрично-заводские комитеты] существовали параллельно (профсоюзы) и объединились с ними в 1918 г. (Большая советская энциклопедия).

Скажем, в шекспировском «Короле Лире» сюжетная линия Лира развивается параллельно (линия Глостера) (Т. Шабалина, Драматургия).

Задание 3. В последнее время в публицистике слово *параллельно* стало иногда употребляться ещё в одной конструкции — с предлогом *от*:

Религия должна существовать параллельно от гражданского общества.

Эта сторона жизни существовала где-то параллельно от меня и меня не затрагивала.

Наше государство всё ещё живёт параллельно от своих граждан.

Попробуйте объяснить причины возникновения такой конструкции.

Задание 4. Перед Вами — строфа из иронического стихотворения А. К. Толстого «Рондо» (1867 г.). В каком значении поэт употребляет здесь слово *параллелен*? Чем объясняется выбор конструкции с предлогом *ко*?

*Душегубец стал нахален,
Суд стал вроде богаделен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен.*

Примечание. Граф К. И. Пален — российский министр юстиции с 1867 по 1878 год.

3.1. Конструкция А (*параллельно чему-л.*):

- (28) *Её путь лежал параллельно маршруту трамвая.*
- (29) *Теперь они шли параллельно насыти.*
- (30) *Лоцинка шла параллельно немцам.*
- (31) *Я еду параллельно проводам.*
- (32) *Новые восьми-девятиэтажные дома стояли параллельно бульвару.*
- (33) *... торчал уже не параллельно земной поверхности, а перпендикулярно.*

3.2. Конструкция Б (параллельно с чем-л.):

- (34) ...параллельно с нами, по обе стороны от нас, пробираются на холм.
- (35) Намечались гастроли в Риге параллельно с работой московских сцен.
- (36) Параллельно с монтажом идёт и отделка фасада.
- (37) Параллельно с этим возвышается благосостояние управителей...

3.3. А: параллельно = 'вдоль'

вдоль [пути] немцев, вдоль насыпи, вдоль проводов, вдоль бульвара, вдоль земной поверхности

3.4. Б: параллельно ≠ 'вдоль'

**люди вдоль нас пробираются на холм, *гастроли в Риге вдоль работы московских сцен*

3.5. Б: параллельно = 'одновременно'

люди одновременно с нами пробираются на холм, гастроли в Риге одновременно с работой московских сцен, одновременно с монтажом идёт и отделка фасада

3.6. Контрпример?

- (38) Мы глядели на некоторые беседки и храмы по высотам, любовались длиною, идущую параллельно <*одновременно> с берегом кедровою аллею (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада»)

В XIX веке тенденция ещё не наметилась. Ср. ещё контрпримеры:

- (39) Параллельно с зданием главного дома тянулся длинный деревянный флигель, где помещались кухня, кучерская и баня. (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883))
- (40) Помещик Бахметев купил землю ещё ближе, верстах в десяти от Багрова, на верховье речки Совруши, текущей параллельно с Бугурусланом на юго-запад; он также перевёл крестьян и назвал деревню Бахметевкой. (С. Т. Аксаков. Семейная хроника (1856))
- (41) В чём суть того дела, которое должно идти параллельно строго выдержанной жизни? (Л.Н. Толстой. Письма (1894))
- (42) Замысел зрел в уме Островского параллельно многочисленным невгодам и разочарованиям. (И. И. Иванов. Островский (1898))

NB: Ещё одно достоинство корпуса — датировка текстов и поиск по текстам определённых эпох.

3.7. Ответы к задаче: задание 2

- (43) Как водится, параллельно с бумажной войной происходила чехарда с собраниями акционеров.
- (44) Здесь, на советской территории, у самой границы и параллельно ей проходит Августовский канал.
- (45) Комната Франца выходила на улицу, шедшую параллельно набережной.

- (46) *Они существовали параллельно с профсоюзами и объединились с ними в 1918 г.*
- (47) *Скажем, в шекспировском «Короле Лире» сюжетная линия Лира развивается параллельно линии <с линией> Глостера (два ответа, поскольку возможна и временная, и (метафорически) пространственная интерпретация).*

3.8. Ответы к задаче: задание 3

3.8.1. Семантическая причина — наличие у слова *параллельно* в его прямом значении смысла ‘отсутствие точек пересечения’.

3.8.2. Грамматическая причина — «наследование» словом *параллельно* (в новом значении) от своих синонимов управления существительными в родительном падеже с предлогом *от*.

Параллельно чему-л. как перпендикулярно чему-л., под углом к чему-л.

Параллельно с чем-л. как одновременно с чем-л., синхронно с чем-л.

Параллельно от чего-л. как независимо, автономно, свободно от чего-л.

(48) *Отряд Платова действовал независимо от армии.*

(49) *Французский комитет Красного Креста работал автономно от московского.*

(50) *Искусство должно быть свободно от политики.*

3.9. Ответы к задаче: задание 4

А. К. Толстой критикует графа Палена за то, что тот слишком часто соглашается с мнением присяжных.

3.9.1 Семантическая причина — наличие у слова *параллелен* в его прямом значении смысла ‘сопутствование, отсутствие отклонений в ту или другую сторону’.

В качестве антонима Толстой использует слово *вертикален*:

(51) *Ах, зачем у нас граф Пален*

Так к присяжным параллелен!

Будь он боле вертикален,

Суд их боле был бы делен!

3.9.2. Грамматическая причина — «наследование» словом *параллелен* (в этом употреблении) управления существительными в дательном падеже с предлогом *к* от слов с похожим значением: *расположен к кому-л., склонен к чьему-л. мнению.*

4. ОДНОИМЁННЫЙ

4.1. Разные употребления слова *одноимённый*

(52) *Одноимённые ссылки, содержащиеся на разных страницах, интерпретируются как разные.*

‘Носящий то же имя, название, что и другой’: *Одноимённые города* (СУш)

(53) *Через дорогу от пляжа Прадо раскинулся парк Борели с одноимённым замком.*

‘Носящий то же самое имя, название’: *Обломов — герой одноимённого романа И. Гончарова (МАС)*

(54) *Заметим, что хотя наборы данных относятся к разным языкам, разным поисковым машинам и разным годам, одноимённые результаты на всех наборах сходны.*

4.2. Неоднозначность: одноимённые рестораны

(55) *В одноимённых ресторанах часто бывает разное меню.*

(56) *Иван был в Токио и Пекине, а Пётр — лишь в одноимённых ресторанах.*

‘Носящий то же имя, название’: *Одноимённые посёлки. Фильм по одноимённому роману (СОШ)*

4.3. Одноимённый: предлагаемая структура значений

1. ‘с таким же названием’: *фильм «Идиот» по одноимённому роману*

2. ‘с одинаковыми названиями’: *одноимённые посёлки в разных областях*

3. ‘соответствующий’: *одноимённые полюса отталкиваются*

4.4. Одноимённый I: толкование

‘такой, название которого совпадает с ранее упомянутым названием другого объекта’

[анафорическое значение].

Аналоги: *названный, указанный, упомянутый, вышеуказанный, вышеупомянутый*

(57) *Недавно побывал на премьере фильма «Звезда» по одноимённой повести Эммануила Казакевича. («Известия»)*

(58) *Можно создать «Радио хороших новостей», выпускать одноимённую ежедневную газету, аналитический еженедельник того же направления. («Совершенно секретно»)*

4.5. Одноимённый I: трудности интерпретации

4.5.1. Отсутствие явно указанного названия

(59) *Принято считать, что лучшие программы по культуре сосредоточены на одноимённом российском канале. («Вестник США»)*

(60) *Что такое хорошо и что такое плохо, Женя усвоила примерно в те же годы, когда впервые прочитала одноимённое стихотворение Маяковского. (А. Берсенева)*

4.5.2. Слишком далёкая отсылка

(61) *Что такое в точности мартовские иды, никто из нас не помнил. Мне почему-то казалось, что это праздники, и я выпросила название для заметки, в которой никак нельзя обойтись без грядущего 8 марта. Пришлось взяться за дело: я просмотрела несколько энциклопедий, перерыла Интернет, позвонила знако-*

мым, которых сто лет не видела, перелистала одноимённый роман Торнтон Уайлдера и много смеялась. («Домовой»)

Как назывался роман Уайлдера?

4.5.3. Выбор из нескольких кандидатов, использование дополнительных знаний

- (62) *Кабаниха из «Грозы» Островского, Простакова из «Недоросля», мать из одноимённой повести Горького, пушкинская Арина Родионовна и другие роли были сыграны ею. («Восточно-Сибирская правда»)*

Как называлась повесть Горького: «Недоросль», «Гроза», ...?

- (63) *А директора санатория «Дубовая роща» Игоря Туманова всё время упорно причисляют к братьям Тумановым, возглавлявшим известную в середине 90-х одноимённую преступную группировку. («Дело» (Самара))*

Как называлась преступная группировка: «Дубовая роща», «братья Тумановы», ...?

4.5.4. Отсылка не к предыдущему, а к последующему тексту («катафора», от греч. катаφέρω 'относить вниз')

- (64) *Снятый по мотивам одноимённого комикса «Каратель» несмотря ни на что впечатляет. («Хулиган»)*
- (65) *Именно счета созданного на базе одноимённого научно-технического центра творчества молодёжи банка «Менатеп» используются для прокрутки московского столичного бюджета. («Спецназ России»)*
- (66) *Центр одноимённого района, Стерлитамак имеет около 26 тысяч жителей. (Н. Покровский)*

4.5.5. Затруднённая правильная интерпретация

- (67) *Основным ценителем спортивных качеств конкурсанток, по всей видимости, должен был выступать генеральный директор шейпинг-центра «Вера» Вячеслав Белешин. Оценивать причёски и макияж — директор одноимённого салона Сергей Бухтияров. («Дело» (Самара))*

Как называется салон? «Причёски и макияж»? «Вера»? ... (На самом деле — салон «Сергей Бухтияров»).

4.5.6. Несимметричность

- (68) *Возбудитель болезни — палочки Коха, микробы, открытые одноимённым учёным 102 года назад. («Столица»)*

4.6. Одноимённый 2

‘имеющий одинаковые названия’: одноимённые посёлки в разных областях [только с существительным в форме мн.ч.]

- (69) *Региональная экономика набоковского письма проясняет собственно экономическую географию «Лолиты» за пределами написанных и существующих в разных языках одноимённых текстов. («Октябрь»)*

- (70) *В случаях, когда поставка одноимённых товаров осуществляется поставщиком покупателю одновременно по нескольким договорам поставки...* (Гражданский кодекс Российской Федерации)

4.7. Одноимённый 1 или 2?

- (71) *Одноимённые водохранилища подвергаются наибольшему загрязнению.*

Если несколько водохранилищ называются одинаково, то они сильнее загрязняются?! Ситуацию проясняет контекст:

- (72) *По объёму сброса загрязнённых вод лидируют Братск (30% областного объёма) и Усть-Илимск (15%). Одноимённые водохранилища подвергаются наибольшему загрязнению.* («Вопросы статистики, 2004»)

4.8. Одноимённый 2 не описывает людей:

- (73) **Маяковский, Набоков и Познер — одноимённые люди.*
(74) **На ЛЛШ два одноимённых преподавателя: Илья Борисович и Илья Абрамович.*

4.9. Одноимённый 3

‘соответствующий’: одноимённые полюса отталкиваются

- (75) *Склеив между собой некоторые многоугольники по одноимённым сторонам, получаем другую, хорошо известную, крестообразную развёртку куба.* (Н. Долбилин)

4.10. Одноимённый 3: в отличие от одноимённый 1 и 2, имеет антонимы и производные слова

- (76) *Перегрин впервые говорит о полюсах магнитов, о притяжении разноимённых полюсов и отталкивании одноимённых.* (В. Карцев)
(77) *Рубяще-режущие или колющие движения по диагонали сверху вниз от одноимённого и разноимённого плеча и снизу вверх от одноимённого и разноимённого бока* («Боевое искусство планеты»)
(78) *Звенья полимерной сетки, одноимённо заряженные, отталкиваются друг от друга.* («Природа», 2005)

5. ТАК И НАЗ(Ы)ВАТЬ(СЯ)

- (79) *Стандартные фразы начинают и заканчивают передачу Михаила Леонтьева, которая так и называется «Однако».*

5.1. Отличия от одноимённый:

5.1.1. Разные конструкции: [*«X»*]...одноимённый Y и X так и называется: Y

5.1.2. Способность указывать на небуквально совпадающие названия (TiH)

5.1.3. Способность указывать на случайное совпадение названий (одноимённый 2)

5.2. Типы употреблений

«Естественные названия»

- Простое название
- Мотивированное название
- Показательное название

«Неожиданные названия»

- Родовое название
- Чересчур прямое название
- Неуместное название

5.1.1. Простое название

‘Название самым естественным образом связано с именуемым объектом, описывает его главное свойство’

- (80) *Деду Морозу приходит много писем. Пришлось даже построить свою почту, она так и называется «Почта Деда Мороза».* («Мурзилка»)
- (81) *Толга — местечко на левом берегу Волги, выше Ярославля. Там был монастырь, он так и назывался — Толжский монастырь.* (В. Розов. Удивление перед жизнью)

5.2.2. Мотивированное название

‘Название объекта соответствует некоторому его свойству, ранее указанному в тексте’

- (82) *Впрочем, в Австралии есть целое семейство птиц, которые тоже высасывают нектар, они так и называются: медососы.* (А. Чудаков)
- (83) *На весь земляничный сезон он уехал в село, которое так и называется «Ягодное» и которое, как говорят, без усилия оправдывает своё название — землянику собирают вёдрами.* (В. Солоухин)

5.2.3. Показательное название

‘Название объекта соответствует тому, что о нём или о чём-то с ним связанным утверждает говорящий’

- (84) *Наши предки в Велесовой книге так и называются — русичи.* (А. А. Зализняк, лекция на ЛЛШ, 09.07.2008)
- (85) *Главная статья доходов города — налоги от газовиков; единственная современная улица в Мышкине так и называется — улица Газовиков.* («Сельская новь»)

5.2.4. Родовое название

‘В качестве названия объекта используется его родовое имя, хотя обычно у таких объектов существуют специальные названия’

- (86) *К юбилею писателя вышел двухтомник его прозаических произведений, который так и называется «Проза».* («64 — Шахматное обозрение»)
- (87) *Мы, например, обедали в Столовой. Так и называется — столовая.* (Интернет-отчёт)

Сравним:

- (88) *Сборнику дали немудрящее название «Стихи» и выпустили его в Мюнхене.* (Е. Витковский)
- (89) *Если столицу, не мудрствуя лукаво, назвали просто Столицей, то сколько ещё годовщин независимости ей быть такой временно-обозванной? И когда она, наконец, как всякая нормальная северная столица, превратится в город N-ск?* (Блог www.homa.kz)

5.2.5. Слишком прямое название

‘Название объекта не скрывает отношения к нему субъекта именованного (обычно отрицательного)’

- (90) *Конечно, есть и такие ребята, которые воруют, но зато их так и называют: шпана.* (В. Белов)
- (91) *Восточной Пруссии в Баварии не любили, так и называли «свинские пруссаки».* (И. Сабурова)

5.2.6. Неуместное название

‘Название действительно именно таково, как произнёс ранее говорящий, несмотря на его кажущуюся непригодность или неуместность’

- (92) *Тебе некто Колька звонил. Так и назвался: Колька.* (Л. Карелин)
- (93) *Физический смысл я здесь не совсем понимаю, но всё равно — здорово получают эти пузыри. А что? Так и назову: пузыри. Нет, наверное, лучше «полости».* (А. и Б. Стругацкие)

5.3. Так ли мотивированы названия, как кажется говорящему? Субъективность

- (94) *В 1901 году жители Лондона могли наблюдать интересную картину: к нужному дому две лошади подвозили громадную установку, рабочие разматывали шланги длиной в 250 метров, протягивали в комнаты трубы и начинали отсасывать пыль. Агрегат так и назывался: **пылесос**.* (В. Быков, О. Деркач)
- (95) *Американцы были так поражены самой возможностью всасывания пыли неким механизмом, что ни о каком дизайне речи не шло. Например, модель 1908 года *W.H. Hoover Company*, сделанная из консервной жести и дерева, так и называлась — «**Жестяная модель**».* («Эксперт: Вещь»)
- (96) *В Концертном и Малом залах Самарского музыкального училища им. Д.Г.Шаталова... пройдёт VI Межрегиональный конкурс молодых музыкантов-исполнителей. Он так и называется «Созвездие Жигулей».* (РИА Самара)
- (97) *Я написал передачу о камнерезах. Передача так и называлась — «Живые камни».* (С. Довлатов)

5.4. Случайное совпадение названий

- (98) *Перед рассветом путник с возницею приехали в селение, носившее требуемое название. В нём ничего не слышали о лазарете. Скоро выяснилось, что в округе две одноимённых деревни, эта и разыскиваемая.* (Б. Пастернак)

Ср. говорящая фамилия:

- (99) *Десять социологических центров соревновались в точности прогнозов... Победителем этого своеобразного соревнования стала региональная социологическая служба из Саранска «Регион-М», возглавляемая учёным с просто-таки говорящей фамилией — Николаем Явкиным.* (Сайт Выборы.Net)

5.5. Связь названия и объекта

5.5.1. Если назвали так, то это неспроста!

- (100) *В этом Бернес сильно напоминал мне моего папу. Недаром их обоих звали прекрасным мужским именем — Марк.* (Л. Гурченко. Аплодисменты)
- (101) *Люди издавна заметили эту игру света и окрестили утёс Златкамнем. А однажды пустил кто-то слух: неспроста называется так утёс — под каменными глыбами лежит несметное количество золота в самородках и россыпью.* (А. Иванов. Тени исчезают в полдень)

5.5.2. Юмористический приём

- (102) *При выходе один на один вратарь врезал мне по ноге. Было так больно, что, казалось, ногу отпилили. Неспроста, видно, попольски футбол называется «пилка ножна».* («Столица»)
- (103) *Отвлечённые науки, которыми набита ваша молодая голова, потому и называются отвлечёнными, что они отвлекают ваш ум от очевидности.* (А. П. Чехов)

5.5.3. А может быть, вообще любые названия — «говорящие»?

- (104) *Мыслью нельзя быть вместо бытия. Поэтому мысль называется мыслью, а бытие — бытием.* (М. Мамардашвили)
- (105) *Трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется!* (В. Медведев)
- (106) *Цитата потому и называется цитатой, что является точным воспроизведением части текста.* (Методические указания поступающим в СПбГУ)
- (107) *Боевой листок должен быть боевым листком, потому что он так и называется — боевой листок.* (якобы из речи замполита)

5.6. Лексика одноимённости: попытка классификации

	Случайное совпадение	Мотивированная связь
Соответствие названий друг другу	<i>одноимённый 2, тёзка, однофамилец, омоним</i>	<i>одноимённый 1, в честь кого-л., имени кого-л.</i>
Соответствие объектов и их названий	<i>говорящая фамилия</i>	<i>так и наз(ы)вать(ся)</i>

6. Литература

1. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное со-

стояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 193–214.

2. Иомдин Б. Л. Семантика русской приставки *ПОЛУ-* // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003, С. 109–113.

3. Иомдин Б. Л. Идея одноимённости в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2008» «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М., 2008. С. 171–177.

4. МАС — Словарь русского языка в четырёх томах. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

5. Мельчук И. А. О числительном *ПОЛ* // Wiener Slawistischer Almanach, 1978, 1. P. 195–205.

6. СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. М., 1997.

7. СУш — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.

7. Благодарности

Автор воспользовался финансовой поддержкой Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и гранта НШ-3205.2008.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ. В работе были использованы примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Невербальный этикет: этикетные ситуации приветствия и прощания

Г. Е. Крейдлин

1. Предварительные замечания

Люди, заинтересованные в том, чтобы их взаимодействие с другими людьми было успешным, уделяют большое внимание не только тому, что они говорят, но и тому, как они говорят и как ведут себя во время общения. Общая тональность беседы, поведение собеседников, знание культурных традиций и общественных норм, личных вкусов и привычек и многое другое — всё это обуславливает гладкость общения и направлено на достижение определенных коммуникативных целей. Коммуникация людей всегда осуществляется в определенных рамках, которые задаются (часто неявными, или, как лингвисты любят говорить, имплицитными) нормами и допущениями, определяющими структуру и содержание **правил ведения коммуникации и информационного обмена**.

Среди них выделяются правила трех видов. Это (1) языковые правила, которые отвечают за правильное и идиоматичное построение естественно-языковых высказываний и текстов. Это (2) коммуникативные правила — правила, регулирующие речевое и неречевое поведение людей, участвующих в актуальной коммуникации, и, наконец, это (3) социальные регламентации и запреты, которые циркулируют в данном обществе и которым подчиняется поведение его членов. Последние два типа правил составляют основу понятия **этикета**.

Разработкой этикетных правил занимались и продолжают заниматься люди самых разных профессий и интересов — философы, писатели, лингвисты, психологи, культурологи, специалисты в области теории и практики коммуникации, педагоги и даже представители власти. Проблемы функционирования этикета и правила этикетного поведения в обществе всегда вызывают широкий общественный резонанс.

Современный этикет унаследовал и освоил многие обычаи, манеры и традиции поведения разных народов. Например, из Древнего Рима до нас дошел обычай гостеприимства, и не случайно именно римляне сформулировали основные правила вежливости, которые надлежит соблюдать при приеме

гостей. А скандинавы, например, первыми ввели в гостевой этикет правило предоставлять самые почетные места за столом женщинам и наиболее уважаемым гостям. Следует попутно отметить, что умение правильно вести себя за столом, например обретение навыков правильного обращения со столовыми приборами и посудой, умение правильно сидеть за столом и красиво есть еще с очень давних времен и в самых разных культурах считались основными и необходимыми составляющими комплекса хороших манер.

Подобные примеры легко умножить. Все они составляют предмет особой области знаний, которую можно было бы назвать историей этикета, или *этикетной диакронией*.

Овладение естественным языком и знакомство с нормами и законами диалогического языкового общения всегда происходят одновременно с овладением правилами этикетного поведения. Собственно речевые навыки, например умение правильно и идиоматично выражать свою мысль на естественном языке, будут практически бесполезны, если человек не умеет себя вести. Диалог едва ли не сразу прерывается, даже толком не успев начаться, если вступивший в него человек не уважает собеседника, пренебрегает нормами приличия, не знает основных способов и правил ведения разговора. Поэтому ребенка с самого раннего возраста родители и другие близкие ему люди учат правильным манерам поведения.

Ему говорят о том, как следует вести себя, как разговаривать с другими людьми, т. е. общаться с равными себе и со старшими. Умные родители и учителя должны понимать, что если ребенок не овладеет на практике основными этикетными знаками и правилами, то он не сможет адаптироваться в обществе. Но ребенка учат не только как нужно разговаривать, но и как следует вести себя, как одеваться, как приветствовать и прощаться по телефону и еще очень многому другому. Овладение ребенком этикетными нормами и правилами может происходить также и бессознательно — в процессе наблюдения его за поведением окружающих людей, за их действиями и поступками.

Обучение нормативному, правильному, или, как иногда говорят, приличному, поведению, происходит не только в детстве, оно протекает на протяжении всей жизни человека. Это связано с тем, что человек постоянно вовлекается в новые жизненные ситуации, расширяет круг прежних связей и вступает в коммуникацию с новыми людьми. Так, попадая в другую страну с совсем другой культурой или просто знакомясь с текстами другой культуры, человек осознает, что нормы, законы и правила этикетного коммуникативного поведения в ней могут быть совсем другими по сравнению с теми, какие бывают в его родной культуре. И если он хочет глубже понять эту чужую для него культуру и особенности коммуникации в ней, ему необходимо овладеть существующими в этой культуре нормами и правилами поведения.

Сведения об этикете обобщены и опубликованы в различных пособиях по этикету: энциклопедиях, справочниках, учебниках, и в принципе при необходимости люди могут к этим знаниям обратиться. Однако, как показывает чтение многих книг такого рода, указанные в них нормы и формулируемые

этикетные правила не полны, не точны и не систематизированы и даже часто изложены таким образом, что содержащимися в них регламентациями и рекомендациями просто невозможно пользоваться.

Впрочем, виноваты в этом, быть может, не столько авторы подобных книг, сколько реальное положение дел, сложившееся сегодня в теории этикета. Я имею здесь в виду главным образом ситуацию с этикетными правилами. Структура этикетных правил, ограничения на их употребление и язык, на котором эти правила излагаются, до сегодняшнего дня остаются плохо разработанными и описанными. Практическому применению этикетных правил существенно мешает употребление в них одних и тех же слов в разных значениях, к тому же сами значения слов тоже еще плохо описаны. Кроме того, этикетные правила никак не упорядочены системно, до конца не выявлены контексты использования правил и фильтры, препятствующие их применению в тех или иных ситуациях. Многие правила дублируют друг друга; не построена типология этикетных правил. Наконец, в этих правилах обычно не находит адекватного отражения еще одна важная составляющая этикета, а именно невербальная.

Наряду с вербальным, или речевым, этикетом, требуется изучать и другой вид этикета, ничуть не менее важный для коммуникации. Это — **невербальный этикет**, под которым понимается функционирующая в культуре и обществе система, состоящая из невербальных знаков, отношений между ними и невербальных этикетных правил. Выделение в качестве особого объекта для анализа системы невербального этикета является необходимым этапом на пути построения общей теории этикета.

Сегодняшнее бурное развитие лингвистики и комплексных междисциплинарных исследований, связывающих лингвистику с другими областями знаний, привело к тому, что ученые реально столкнулись с новой проблемой. Речь идет не просто о том, чтобы описать некоторый объект, каковым является невербальный этикет, в рамках какой-то одной научной дисциплины, а о том, чтобы описать его с разных точек зрения и в результате представить невербальный этикет как систему, состоящую из качественно разнородных единиц и отношений между ними. В частности, сегодня крайне актуальной и важной задачей является задача описать невербальный этикет как систему систем невербальных знаков и правил невербального поведения, каждая из которых отличается своими знаковыми единицами (жестовыми, тактильными, визуальными и др.), способами их комбинирования между собой и речевыми знаками, а также контекстами применимости правил.

Такая задача была поставлена и в отдельных ее аспектах решена в рамках кандидатской диссертации Е. Б. Морозовой, выполненной под нашим руководством и защищенной в РГГУ в 2006 году [Морозова 2006]. В ней были изучены и описаны основные механизмы взаимодействия в коммуникативном акте единиц и правил вербального (русского) и разных невербальных

(русских соматических) этикетов. Были выделены разновидности невербального этикета и определена структура каждого из видов невербальных этикетов, определены основные единицы и отношения между ними в каждом виде этикета, охарактеризованы частные разновидности невербальных этикетных правил, сформулированы сами правила и установлены соотношения между ними. Кроме того, в этой работе были выявлены и описаны эффективные процедуры применения этикетных правил в коммуникации самых разных типов — личной, социальной, внутри- и межкультурной и другие. Тем самым расширено представление о функционировании этикета в целом, о механизмах и особенностях невербального и вербального поведения людей в интерактивном общении.

Ситуации, в которых применяется этикет, получили название **этикетных ситуаций**. Этикетные ситуации — это сфера бытования этикетных знаков и область применения этикетных правил. Поведение людей в этикетных ситуациях, подчиняющееся нормам и правилам, принятым в данной культуре или данном коллективе, называется **этикетным поведением**.

Одним из важнейших свойств этикетного поведения является то, что оно всегда нацелено на достижение коммуникативного успеха: этикетное поведение призвано сделать человеческую коммуникацию максимально гладкой и комфортной. В случае же неэтикетного поведения в этикетных ситуациях, т. е. когда человек пренебрегает этикетными нормами и правилами в ситуациях, в которых следование им признается необходимым, коммуникация обречена на неуспех или попросту провал.

2. Невербальные приветствия и прощания

Среди этикетных ситуаций весьма заметное место занимают невербальные приветствия и прощания.

Невербальные приветствия и прощания — это не отдельные этикетные знаки и даже не ритуалы, значение и назначение которых проявляется лишь тогда, когда люди по какой-то причине их не исполняют. По большей части невербальные приветствия и прощания представляют собой комплексы, состоящие из невербальных знаков разных типов, причем нередко в определенных сочетаниях с отдельными вербальными знаками или целыми высказываниями. Эти комплексы построены по определенным правилам, и люди используют их в коммуникации с конкретной целью, а именно чтобы, вступая в контакт с человеком или выходя из такого контакта, дать понять партнеру, кто они друг другу, в каком социуме или культуре живут, чтобы снять напряжение от неожиданной встречи или успокоить партнера.

Отклонения от существующих в данной культуре и социуме этикетных норм невербальных приветствий и прощаний плохо переносятся людьми не только потому, что разрушают личные связи, — такие отклонения затрагивают систему личных и общественных отношений в целом. Ср., например, предложения, которые свидетельствуют об этом: *Борис давно не подает ему руки; Она выскользнула из его объятий и протянула ему руку; Я с ним больше*

не целуюсь; Мама меня и обняла и поцеловала, а отец только буркнул «Здравствуй»; Отвечая на приветствие, посол поклонился и отошел в сторону.

Для успешной коммуникации акты приветствия более важны, чем акты прощания, поскольку то, как люди поздоровались, в значительной мере определяет характер и стиль их дальнейшего общения. Поэтому далее я гораздо больше внимания уделю приветствиям как невербальным этикетным семиотическим актам и отдельным жестам приветствия. Слово *жест* понимается тут мной достаточно широко — это не только знаковые движения рук, ног, головы и плеч, но также знаковые выражения лица (мимика), позы, взгляды и телодвижения. Наряду с жестами я буду рассматривать и комплексные формы, состоящие из разного рода поведенческих и, возможно, речевых элементов, — манеры.

Мне уже доводилось говорить и писать о том, что полный, нередуцированный невербальный акт этикетного приветствия включает в себя пять последовательных стадий: (а) взгляд и узнавание на расстоянии; (б) приветствие на далеком расстоянии (типа жестов **подъем бровей**, **поднятие шляпы** или таких жестов, как **высунуть язык** (приветствие, принятое в Тибете) или **помахать рукой**); (в) пространственное сближение (проксемное знаковое поведение); (г) приветствие на близком расстоянии (типа жестов **рукопожатия** или разных видов **поцелуев**); (д) отход и расставание.

Многие исследования, однако, показали, что нет такой культуры, где была бы обязательной реализация сразу всех пяти стадий этикетного приветствия. Обычно люди ограничиваются двумя-тремя из них, т. е. пользуются редуцированными приветствиями.

Описывая отдельные жесты приветствия или прощания, важно соотнести их с разными характеризующими их признаками и разными типами социальных, культурных, этнических и иных связей.

В группе признаков, важных для классификации знаков и актов приветствий и используемых при их описании, выделяются возраст и пол участников коммуникации, их образовательный или имущественный ценз, культурная ориентация, национальная, религиозная, этническая или кастовая принадлежность. Особую роль играют также тип отношений между коммуникативными партнерами; важно, например, знакомы ли люди или незнакомы ли между ними связи, которые в норме сохранились сегодня только как реликтовые (например, в некоторых русских и украинских семьях дети, приветствуя мать, целуют ей руку).

В соответствующих правилах невербального этикетного поведения должны отражаться также некоторые количественные показатели (например, двое приветствуют друг друга, двое приветствуют третьего, один здоровается со многими и т. п.), указываться география жестов, их общественная оценка.

В разных странах и даже разных районах одной страны люди, приветствуя друг друга, обозначают жестами свои чувства к другому человеку. При этом согласно этикету они близко подходят друг к другу или находятся один от другого на почтительном расстоянии; они принимают свойственные только для данной или близкородственных культур позы, смотрят в лицо или в

глаза неодинаковое количество времени, а то и вообще не смотрят один на другого.

В то же время бывают ситуации, когда культурным стереотипом и этикетной нормой поведения является **отсутствие** невербальных приветствий. Например, если индивидуальные связи между людьми очень тесные, как у членов одной семьи, или если люди очень часто встречаются друг с другом, то может отпасть необходимость в жестовом (но никак не в словесном) обозначении входа в контакт. Родители и дети, просыпаясь утром, не протягивают друг другу руки для приветственного рукопожатия; не делают этого также рядом живущие и каждое утро встречающиеся соседи. С другой стороны, чем слабее проявляются человеческие связи, чем дальше друг от друга отстоят люди по своему общественному положению и чем более ритуализованной, церемониальной и регламентированной является культура, тем большее значение в ней имеют невербальные способы вступления в речевой контакт и строгость соблюдения их исполнения.

Я остановлюсь на одном примере, иллюстрирующем поведение в акте приветствия представителей одной ритуальной, или церемониальной, культуры. Пример этот взят мной из одной работы современного английского исследователя жестов и ритуалов П. Коллета [Коллет 1983].

В 1887 году французский исследователь, ученый-этнограф и дипломат, Луи Бинжер покинул тогдашнюю французскую колонию Сенегал с идеей присоединить к Франции землю Мосси. Мосси — это исконно суданцы, которые в XI веке пришли (эмигрировали), по всей видимости, с юга Судана в район Верхней Вольты (там, где ныне государство Буркина-Фасо) и Нижней Вольты (Белая и Красная Вольта). После нескольких месяцев путешествия он приехал в деревню Банема, недалеко от столицы Мосси Уагадугу. Живя у знакомого в этой деревне, Луи Бинжер часто посещал столицу и однажды получил аудиенцию у самого императора народа Мосси Мого Наба. По воспоминаниям Бинжера, император очень много времени проводил, принимая посетителей. Вот как исследователь описывает типичный прием гостей у императора:

«Ранним утром, около шести звуки тамтама извещают, что Мого Наба проснулся. Сразу после завтрака его рабы и женская часть семьи идут в его хижину, чтобы поприветствовать его. Затем наступает очередь иностранцев, людей из соседних районов, лиц, пришедших с какими-то ходатайствами и просьбами. Они садятся на корточки перед местом, где состоится прием, и сидят так до тех пор, пока не выйдет к ним император. Если людей собралось много, то один из слуг императора, обычно тот, кто помоложе, идет известить императора о посетителях. Выйдя, Мого Наба медленно садится на специальную подушку, одновременно оглядывая приветственным взглядом собравшихся людей. А те в то время, пока император усаживается, шелкают пальцами. После того, как император сел, все его посетители сразу бросаются в направлении окружающих императора многочисленных рабов и придворных и падают перед ними и императором лицом вниз, прямо на землю, покрывая голову пылью. Затем по очереди приподнимаются и кладут к ногам

императора вместе с петициями разные дары, причем величина дара зависит от весомости прошения. После чего тот молодой человек, что сообщил императору о прибытии гостей, произносит примерно следующее: «Такой-то и такой-то принес тебе, мой Император, раковину каури (каури — это такой моллюск) или мясо быка; он хочет говорить с Тобой». Наба говорит нечто вроде «Спасибо» и уходит в хижину, где и происходит разговор».

Это весьма необычное для тогдашних европейцев приветствие — падание на колени, посыпание головы пылью — удивило этнографа. Впрочем, замечательно даже не то, что такая форма невербального приветствия характерна для многих народов Африки XIX века, а то, что она сохранилась там по сей день. Сегодня, как пишет П. Коллет, каждый день в столице Уагадугу начинается с утренней церемонии *Ouend rous uap*, или «Солнце (Божество) встает». Ранним утром кучер выводит лошадь императора, оседлывает ее и выводит ее за стены дворца, затем кучер, придерживая руками вожжи, садится на корточки. Около семи начинают приходить какие-то вожжи и министры, собираются в небольшие группы недалеко от того места, где находится кучер с лошадей. На них надеты специальные шапочки, символ Императора, и все они в длинных платьях. Эта одежда является невербальным знаком принадлежности данных людей к высшему обществу; у министров имеется также свой отличительный знак — они носят небольшой меч.

С началом церемонии все эти знатные люди передвигаются к месту их встречи с императором, кучер же по-прежнему остается сидеть на корточках рядом с лошадей. Три пажы выходят из двери уже дворца, неся перед собой императорские регалии и большую подушку. Ее кладут на вынесенный одновременно трон, после чего под аккомпанемент барабанов и скрипок выходит сам император. На нем красное платье, украшенное свисающими серебряными кисточками. Стреляет пушка, и это знак того, что подчиненные могут приблизиться к императору. Оставив на месте свои шапочки, обувь и мечи, прибывшие люди (большая их часть) вместе начинают медленное синхронное движение к императору. Они останавливаются перед императором в приветствии, называемом *kantisse*, или *poussi-poussi*.

Люди садятся на землю с ногами на одной стороне тела и начинают тереть ладони рук в синхронном движении. Через очень короткое время, по-прежнему сидя, они наклоняются вперед с согнутыми руками и пальцами и ударяют ими 12 раз о землю. Затем снова потирают ладонями руки в круговом движении и идут назад в край места приема, где садятся еще раз. Наступает очередь самых важных министров и вождей. Они также все оставляют на местах, останавливаются в движении перед императором и исполняют *poussi-poussi* точно таким же образом, как и первая группа, а затем возвращаются на свои места. Все движения — очень медленные, элегантные, оставляют, по словам П. Коллета, ощущение трепета перед императором. Пока знатные люди приветствуют императора, пажы поднимают и опускают края своих одежд в веерном движении, большие пальцы их рук при этом отодвинуты в сторону. По окончании первого раунда церемонии император уходит, а кучер встает, расседлывает лошадь и тоже уводит ее. Позже император появляется

снова, но одетый уже в белое, и начинается второй раунд церемонии. По окончании этого раунда церемония приветствия заканчивается.

Poussi-poussi исполняется и в быту гостями перед хозяевами. Люди исполняют этот ритуал уважения разувшись, сидя на земле, большие пальцы направлены в сторону. Они бьют руками о землю 3–4 раза. Руки могут не касаться земли, но изображают контакт с землей, будучи расположены очень близко к земле. Пришедшие в гости также 3–4 раза потирают ладони, а иногда, как это было в старые времена, 3–4 раза щелкают пальцами. В некоторых районах еще сохраняется обычай посыпать пылью голову, но сегодня этот жест почтения, пожелания богатства и мира не является обязательным.

В пределах одной культуры часто различаются формы и способы приветствия у мужчин и у женщин. Узбекское вербальное приветствие часто сопровождается у взрослых мужчин **рукопожатием**, а у женщин — **похлопыванием по плечу**, причем мануальное мужское приветствие должно сочетаться с открытой, широкой улыбкой.

Как отмечает венгерский лингвист и культуролог Ф. Папп, венгерские женщины при встрече или прощании с хорошей знакомой или родственницей, которую они давно не видели, часто целуют друг друга. Тогда как мужчины, если не считать встреч после долгой разлуки самых близких родственников — отца и сына, например — никогда при встрече не целуются [Папп 1985, с. 547].

В Иране женщина не должна вообще никогда пожимать руку мужчине, и относится это не только к **рукопожатию** как к знаку приветствия, но и, скажем, к **рукопожатию** спортсменов во время ритуала награждения их мужчинами.

В Египте мужчине при встрече можно поцеловать женщину на глазах других людей, только если она ему мать, жена или сестра, причем жест этот по времени должен быть очень кратким. А в Афганистане повсеместно принято более продолжительное и иное по форме приветствие **тройной поцелуй в щеку**: в левую, в правую и снова в левую.

По собранному мною самим фото- и видеоматериалу часто встречающийся на севере и юге Америки приветственный жест **hug** редко можно увидеть в средней части этой страны. Не очень популярно это объятие и в центральной части России, между тем как в Германии, опять же по моим наблюдениям, жест встречается часто.

Межкультурные этикетные гендерные различия хорошо видны на примере приветственных поцелуев. На Востоке мужчины-друзья часто при встрече целуют друг друга в щеки, а в целом ряде районов Азии жест считается интимно-сексуальным, и его на публике избегают. Интересно, что в Тапуя в Южной Африке поцелуями обмениваются вообще только мужчины, но не в знак приветствия, а используют их как знак мира. Французская книга по этикету говорит, что мужчина-француз при приветствии должен просто низко склониться над рукой женщины, протянутой для поцелуя, но не касаться ее губами, если это не более чем вежливость. То же касается поцелуя в щеку: во Франции в буквальном смысле в щеку при приветствии не целуют, а просто

щеки касаются, причем не всегда губами, а часто щекой, т. е. реально поцелуя в щеку в нашем понимании при этом нет. Происходит же нечто вроде имитации этого жеста.

В Венгрии на улице ранее обычно целовались при приветствии только женщина с женщиной, но сейчас юноши могут поцеловать девушку, встречаясь с ней. В Голландии почти сплошь встречи и прощания сопровождаются рукопожатиями, так принято даже среди детей. Однако с близкими друзьями женщины целуются, а мужчины в норме этого не делают. Более пожилые поляки склоняются, чтобы поцеловать руку женщине, особенно замужней. Близкие подруги-женщины коротко обнимаются и целуют по разу друг друга в каждую щеку. А в Португалии мужчин скорее шлепают друг друга по плечу в знак приветствия, а рукопожатий не совершают, которые, однако, этикетно тоже допустимы. Мужчинам целоваться считается неприличным. Любопытно, что в Португалии принят весьма необычный жест, показывающий хозяйке, что вы очень довольны ее обедом: в конце еды поцеловать боковую сторону указательного пальца, потом ущипнуть мочку уха двумя пальцами — тем, который вы только что поцеловали, и большим.

Разумеется, внутри одной культуры далеко не для всех жестов приветствий отмечены гендерные различия в форме или смысле. Так, в Индии в знак приветствия и в знак прощания и мужчинами и женщинами исполняется один и тот же традиционный жест **анджали** (форма «руки с прижатými одна к другой ладонями направлены пальцами вверх; кончики пальцев находятся на уровне бровей, руки обычно разведены так, что их части от кисти до локтя располагаются горизонтально или под углом примерно 50–60 градусов друг к другу; голова чуть наклонена вперед»). В индуистском сознании **анджали** считается аналогом **рукопожатия**, однако те индусы, которые ориентированы на западные формы поведения, **анджали** не пользуются, а применяют **рукопожатия** (правда, исполняют рукопожатия только мужчины, причем не очень старые и не близкие родственники).

Значимым для невербальных приветствий является также параметр «тип ситуации». Свою национальную и культурную специфику имеет, например, церемония **встречи гостей** (мы уже видели это на примере жеста Мосси roussi-roussi). Так, по данным работы [Дюранти 1992], самоанцы из Западного Самоа в этом случае совершают очень сложный ритуал, состоящий из серии вербальных и невербальных актов, объединенных общим смыслом инкорпорации, или включения в сообщество. Любой гость принимается как член группы, как человек, уже интегрированный в существующий коллектив. Неожиданный приход гостя возвещается громким криком живущего в доме человека, старшего по возрасту, после чего дети или прислуга бегут за специальными циновками, чтобы человек мог сесть. Смотреть на старших по рангу у самоанцев не принято. Гостю положено сразу же сесть, причем сидеть внутри помещения там полагается, скрестив ноги, а бедра должны быть обернуты особым материалом, *'ie*, причем это касается в равной степени как женщин, так и мужчин. В формальных ситуациях только вождам и другим лицам того же ранга разрешается **сидеть** по-другому, **с одной ногой,**

покоящейся на бедре другой. Во всех случаях важно не выставлять ноги в направлении адресата. Только после того, как вошедший сядет, он произносит словесные формулы приветствия, хотя еще до всех приветствий хозяева могут спросить гостя о том, как он или она живет, о его или ее близких, об их самочувствии, сказать несколько слов по поводу одежды гостя.

Теперь остановлюсь на специфичности самих **форм** невербальных приветствий. Здесь даже в сравнительно гомогенной группе людей возможны значительные расхождения в поведении. Например, американцы, как показывают проведенные мной в Америке наблюдения и подтвержденные ответы американских студентов на вопросы составленной мной анкеты, легко отличают стиль невербального общения и невербальные приветствия коренных латиноамериканцев, «испанцев», как они их называют, от приветствий белых американцев, «anglo». По данным антрополога Р. Шатера уже внутри самой латиноамериканской культуры наблюдается весьма значительная вариативность форм и способов приветствий. Например, костариканцы гораздо больше любят касания, чем панамцы, а панамцы — более трогательный народ по сравнению с колумбийцами [Шатер 1976].

А вот еще примеры. Маори из Новой Зеландии встречают и провожают людей, обнимая их за шею и плача [Фрэйзер 1919]. В статье [Холл, Уайт 1960] приведен следующий любопытный случай культурного несоответствия в актах касания у двух народов, которое имело своим последствием серьезную коммуникативную неудачу: «Однажды один американский бизнесмен, находившийся с деловым визитом на острове Ява, был приглашен на коктейль. И здесь американец, сам того не желая, разорвал невидимые культурные канаты, которые определяют границы приемлемого поведения. Он хотел завязать деловые отношения с одним из бизнесменов — жителей Явы и успешно продвигался в намеченном направлении. Однако, когда вечер уже близился к концу, американец положил руку яванцу на плечо, причем сделал это в присутствии других людей. Такое поведение было сочтено совершенно беспардонным и унижающим достоинство человека, поскольку нарушало давний традиционный этикет. И хотя американский бизнесмен почти сразу же принес своему яванскому коллеге самые искренние и изысканные извинения, завязать деловые отношения уже было невозможно».

Культурные расхождения в этикетных жестах приветствия и прощания по сути являются различиями в семантике или прагматике самих жестов, а также в функциях и степени значимости тактильного поведения в целом для данной культуры. Если трогать человека является у данного народа культурной нормой, то касание партнера в процессе коммуникации не может интерпретироваться в языке тела этого народа как вторжение в личную сферу человека (о понятии личной сферы см. в работе [Апресян 1986]).

Если вернуться к какой-то одной конкретной культуре, например к русской, то, помимо уже отмеченных, на значение и интерпретацию жестовых приветствий и прощаний особенно влияют следующие факторы:

(1) Какая часть тела и какую трогает.

Поцелуй руки очевидно имеет не ту же семантику, что **поцелуй в губы**. Это точно так же, как если мужчина и женщина **идут, взявшись за руки**, то данная поза значит одно, а когда женщина идет рядом с мужчиной и **берет его под руку**, то такая поза значит совсем другое;

(2) Продолжительность жеста.

Высказывания *Он задержал ее руку в своей* и *Он быстро отдернул руку* имеют, конечно, совершенно разные осмысления. Жест **продолжительный поцелуй в губы** не синонимичен жесту **быстрый поцелуй**: если первый — это, бесспорно, жест выражения любви, то второй такого смысла не имеет.

(3) Имеется ли, помимо касания, давление (сжатие) части тела партнера и, если да, то насколько сильное.

Рукопожатие «вялой» рукой — это одна разновидность жеста (ср. *Он всегда был очень приветлив и всегда при встрече всех целовал, даже если вчера с этим человеком виделся. А если не целовал, то неизменно протягивал вялую руку для рукопожатия, и пожимать эту руку было так же приятно, как связку подогретых сарделек* (В. Качан. Роковая Маруся)), а **рукопожатие «мужской» рукой** — совсем другая.

(4) Происходит ли движение после того, как произошел контакт, и, если да, то какое.

После **рукопожатия** некоторые мужчины трясут сцепленными вместе руками — это, например, часто бывает при произнесении каких-то поздравительных слов. **Поглаживание** — это всегда движение вдоль поверхности тела, а **шлепок** — это отрывистый, быстрый, не очень сильный, однократный удар. **Похлопывание по плечу** — это обычно три-четыре удара, слабые по силе и обычно наносимые по одному и тому же сегменту области плеча; важную роль в этом жесте играет звук. **Объятие** может сопровождаться поглаживанием спины;

(5) Присутствуют ли при касании посторонние люди и если да, то кто они.

Рукопожатия совершаются как на людях, так и вне посторонних глаз, но если та же жестовая форма имеет другой смысл и обозначает 'пари', при котором сцепленные руки следует *разбить*, то присутствие, по меньшей мере, еще одного, третьего человека, «разбивающего», почти обязательно (иногда роль третьего берет на себя один из участников действия). О социальном контексте **поцелуев** мы говорили выше.

(6) Тип социального контекста, в рамках которого происходит касание.

Прикосновение к руке или касание плеча скорбящего человека во время похорон на кладбище или в ходе траурной церемонии, где слова неуместны, — это не простое невербальное приветствие, но синкретично выражаемое этим жестом сочувствие или утешение. Это знак солидарности и единения с адресатом жеста в общем с ним горе.

(7) Характер стиля невербального поведения и взаимоотношений между партнерами.

В каждой культуре существуют жесткие нормы, предписывающие кто, кого, как и когда может трогать. Из наиболее типичных **социальных** жестов приветствия можно назвать **рукопожатие, поцеловать руку, положить руку на плечо, снять шляпу**, разнообразные **кивки** и **поклоны**. Любопытно, что языковое отображение большинства этих жестов не только обычно намного богаче невербального, но и выражает смыслы, отличные от этикетных или дополняющие этикетные. Так, в предложении «*Но вы! Кто же вы, наш ангел, наше Провиденье?*» — *воскликнула вдова, покрывая поцелуями руки императрицы* (М. Алданов) сочетание *покрывать поцелуями руки* — это, конечно, не экспрессивное приветствие. Но это и не просто выражение почтения перед царственной особой — это знак особой благодарности за оказанное ею благодеяние. А в русском дворянском обществе дети, почтительно целуя родителям руки, благодарили их за обед.

Нейтральным стилем для жестов приветствий и прощаний является не интимный и не функционально-деловой, а дружеское общение и сопряженная с ним теплота взаимоотношений. Именно здесь человек, полностью контролируя свои действия, более свободен в выборе жестов-касаний (по сравнению с другими невербальными стилями и отношениями) и более толерантен к возможным отклонениям от нормы. На уровне дружеского общения, когда уже ранее были не просто завязаны какие-то контакты, а установлены тесные отношения между партнерами, они вполне открыты для дальнейшего разнообразного по форме невербального подтверждения своих симпатий друг к другу.

Смысловой инвариант всех **социальных жестов приветствий** не пуст, и в первом приближении его можно сформулировать так: ‘демонстрация признания другого человека как имеющего данный социальный статус (в частности, признание в коммуникативном партнере женщины, признание у адресата статуса «высокого лица», например религиозного, установление отношений равенства с адресатом и т. п.) и установление связи, единения со своим коммуникативным партнером (например, соучастие с ним в каком-то деле)’.

Используемые в данном языке тела жесты приветствий и прощаний можно разбить на классы и построить их семиотически содержательную внутриязыковую типологию, основанную на универсальных оппозициях. Так, по степени закрепленности в обществе жесты делятся на **социальные** и **индивидуальные**, по уровню формализованности исполнения — на **регламентированные** и **нерегламентированные**, по отношению к прошлому — на **традиционные** и **нетрадиционные (инновации)**, по отношению к другим культурам — **исконные** и **заимствованные**, по характеру семантики и манере исполнения жеста — на **экспрессивные** и **неэкспрессивные**, по длительности — на **долгие** и **краткие**, по форме — на **полные** и **редуцированные** и др.

Не только жесты, но и сами семиотические этикетные акты приветствий и прощаний тоже вполне поддаются содержательной классификации. Эти акты

различаются объемом и плотностью, т. е. количеством и частотой исполняемых в них жестов, наличием/отсутствием обязательной речевой части, т. е. обязательного в них речевого сопровождения — в виде свободных речевых выражений, особых жестких формул, параязыковых клише и др. Они дифференцируются по числу и/или структурной конфигурации лиц, участвующих в данном коммуникативном акте (с такими возможными значениями для актов приветствий, как «один здоровается обязательно с одним», «один здоровается обязательно с более чем одним, но по отдельности с каждым», «один здоровается сразу с группой людей» и др.). Приветствия и прощания классифицируются также в соответствии с (а) социальным контекстом, в котором они исполняются, например, совершается ли приветствие в семье, на улице, в транспорте или в учреждении, (б) личностными характеристиками участников, (в) общественным статусом и др.

Ниже я рассмотрю только две оппозиции, а именно деление жестов приветствий на **симметричные** — знаки **солидарности** и **несимметричные** — знаки **уважения**, а также — на жесты **близкого** и **далекого приветствий**. Во время исполнения симметричных жестов приветствий обе стороны производят тождественные или сходные невербальные знаковые действия, а во время несимметричных приветствий один из участников выполняет действия, которые другой не выполняет. Несимметричное приветствие — в зависимости от значений таких кинетических признаков, как возраст, пол, положение тела (например, наклонное оно или прямое), тип взгляда (скажем, прямой или в сторону) и многих других, интерпретируется как выражающее доминацию или, наоборот, подчиненное положение одного из коммуникативных партнеров. При симметричных жестах использование кинетических характеристик, определяющих доминацию или подчинение, по правилам жестового поведения не допускается. Здесь избираемый способ обусловлен исключительно личными отношениями партнеров и тем, как они представляют себе место свое и своего партнера в некоторой иерархии.

Приветствия (и прощания) солидарности не являются, однако, идеально симметричными хотя бы по той простой причине, что кто-то всегда первым начинает приветствие, а другой его подхватывает (см. об этом подробно в работе [Коллет 1982]). Инициатива всегда принадлежит одному из партнеров, причем то, кому именно, зависит от обстоятельств, которые, как мне представляется, едва ли поддаются разумному исчислению. Например, релевантными оказываются даже такие вещи, как приходит человек к другому в гости: один, с другом или с подругой. Или: один вынужден подойти к другому на улице или в коридоре на службе, один узнал другого, увидев в театре, или один узнал другого, увидев в ресторане, и т. п. В подобных квазисимметричных солидарных приветствиях инициатива имеет смысл 'приглашение к взаимодействию, диалогу', а в несимметричных приветствиях уважения инициатива выражает идею 'просьбы' или 'прошения'. Жест-приглашение к взаимному приветствию **протянуть руку для рукопожатия** часто прочитывается как знак положительного отношения к адресату (см об этом в нашем словаре языка русских жестов [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]), а та

же жестовая форма в качестве приглашения к прощанию может, наоборот, интерпретироваться как проявление негативных чувств к адресату (о жестах прощания см. также в работе [Кнапп и др. 1973]).

Симметричные жесты приветствий и прощаний отличаются друг от друга и условиями употребления. Например, предварительные действия, которые иногда предшествуют **рукопожатиям** (скажем, снятие перчаток или головного убора), могут быть проделаны одним из участников диалога, когда партнера перед ним нет, а действия, предваряющие жесты прощания или расставания, неизбежно выполняются в компании другого участника (последнее наблюдение принадлежит замечательному немецкому социологу Э. Гоффману [Гоффман 1971]).

Взаимные симметричные касания, или, если угодно, невербальные реципроки, такие, как мужские рукопожатия, могут нивелировать различия в социальных статусах. Как пишет Д. Шифрин, «когда за руку здороваются мужчины, это означает не только их равное участие в данном ритуале, но и равное достоинство двух людей» [Шифрин 1974, с. 190]. **Рукопожатие** — это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные намерения [Холл П., Холл Д. 1983], но и (если учесть важные смысловые компоненты взаимности и симметрии) демонстрация равенства и солидарности; это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступны один другому, готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии; ср. *руки, созданные для рукопожатия во время опасности* (О. Мандельштам).

Теперь буквально два слова о пространственной оппозиции. Интересно здесь сопоставить жест **протянуть руку для рукопожатия** как жест **близкого приветствия** с жестом **махнуть рукой 1 (в направлении «слева направо»)**, являющимся жестом **дальнего приветствия**, или **приветствия на расстоянии**. Последний содержит в своей семантике императивный компонент типа ‘обрати внимание’, который делает данный невербальный знак непригодным при встречах с людьми более высокого статуса. К тому же жест намекает на некую близость или интимность отношений между участниками коммуникации, неприемлемую в данном стиле общения. В связи с указанными жестами близкого и дальнего приветствий представляет интерес одно замечание современного английского психолога и антрополога П. Коллета: «Когда европеец или американец машут рукой другому человеку на далеком расстоянии в знак приветствия, они исполняют этот жест с целью привлечь внимание адресата, показать, что адресата заметили или опознали, а также предупредить его о возможном предстоящем приветствии на близком расстоянии. Следовательно, приветствия на дальнем расстоянии представляют собой своеобразные невербальные ритуалы, выражающие просьбу о разрешении доступа к другому, а само отношение между партнерами проясняется только при близком приветствии. Если приветствия на дальнем расстоянии

предполагают, что адресат в ответ каким-то образом покажет или обозначит, будет ли он доступен и открыт для общения, то близкие приветствия применяются для выражения разных степеней солидарности и уважения» [Коллет 1982].

Литература

[Апресян 1986] Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Семиотика и информатика, 28, 1986, 5–33.

[Гоффман 1971] Goffman, E. Relations in public. New York: Basic Books, 1971.

[Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001] Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. . Словарь языка русских жестов. Москва — Вена: «Языки русской культуры», Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.

[Дюранти 1992] Duranti, A. Language and bodies in social space: Samoan ceremonial greetings. American anthropologist, 94, 1992, 657–691.

[Кнапп и др. 1973] Knapp, M. L., Hart R. P., Friedrich, G. W., & Schulman, G. M. The rhetoric of goodbye: Verbal and nonverbal correlates of human leave-taking. Speech monographs, 40, 1973, 182–198.

[Коллет 1982] Collett, P. Meetings and misunderstandings // G. Bochner (ed.) Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction. Oxford: Pergamon Press, 1982, 81–98.

[Коллет 1983] Collett, P. Mossi salutations. Semiotica, v. 45, № 3/4, 191–248.

[Морозова 2006] Морозова Е. В. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным этикетом. АКД на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., РГГУ, 2006.

[Папп 1985] Папп Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык. // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика (составление и общая редакция Т.В. Булыгиной и А.Е. Кибрика). М.: «Прогресс», 1985, 546–553.

[Фрэйзер 1919] Fraser, J.G. Weeping as a Salutation // J. G. Fraser. Folk-lore in the Old Testament: Studies in comparative religion, legend and law. London, vol. 2, 1919, № 92/93.

[Холл, Уайт 1960] Hall, E.T. & Whyte, W.F. Intercultural communication: a guide to men of action. Human organization, 19, 1960, 567–576.

[Холл П., Холл Д. 1983] Hall, P.M., Hall D.A.S. The handshake as interaction. Semiotica, 45, № 3/4, 1983, 249–264.

[Шатер 1976] Shuter, R. Proxemics and Tactility in Latin American. Journal of communication. 26, 1976, 46–52.

[Шифрин 197] Shiffrin, D. Handwork as ceremony: The case of the handshake. Semiotica, 12, № 2, 1974, 189–202.

Части тела в русском языке и русской культуре: проект Института лингвистики РГГУ¹

Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева

1. Понятие семиотической концептуализации тела

Естественные и гуманитарные науки объединяет интерес к человеку как к носителю физических и психических качеств и как к личности, организующей и преобразующей окружающий мир. Лингвистику как науку о языке и о речевой коммуникации человек интересуется не только в качестве субъекта, владеющего языком и понимающего язык, но и в качестве субъекта коммуникативного поведения, активно участвующего в общении.

Человеческое общение — это процесс сложный и многообразный. И сложность эта во многом связана с тем, что, общаясь, люди пользуются не только языковыми, но и другими знаками. Главным образом, они пользуются знаками языка тела, т. е. тем, что в западной литературе получило название *body language*. Изучая общение людей, лингвистам важно обращать внимание не только на то, **что** одни люди говорят другим, но и **как** они это говорят. Учёных интересует, какими звуками или интонацией мы пользуемся, как ведём себя, какие выполняем движения, как ориентируем своё тело по отношению к собеседнику или к каким-то окружающим предметам, наконец, как смотрим на собеседника. Во всех перечисленных действиях ведущая роль отводится телу. Тело и его отдельные части — руки, ноги, голова, живот, плечи и др. — представляют собой объекты, которые исследуют не только лингвисты, но и специалисты смежных наук, в частности такой новой области знаний, как невербальная семиотика. Невербальная семиотика — это комплексная наука, изучающая телесные, или соматические, знаки и их использование в коммуникации.

В отличие от естественных и некоторых гуманитарных наук, лингвистику и невербальную семиотику, однако, интересуется не тело само по себе, т. е. как физический или биологический объект, а **наивная семиотическая концептуализация** тела и его частей. Речь, как мы увидим далее, идёт о том,

¹ Работа над проектом «Части тела в русском языке и русской культуре» была поддержана грантом РГНФ (№ 07-04-00203а).

как тело и его части представлены в естественном языке и языке тела, и, это очень важно, именно с точки зрения не специалиста-учёного, а обычного человека (слово «наивный» мы будем далее опускать).

Что же такое семиотическая концептуализация человеческого тела?

Введём сначала важное понятие **семиотической концептуализации <некоторого> фрагмента мира**. Семиотическая концептуализация фрагмента мира (объекта, свойства, действия, ситуации и т. д.) является формальным аналогом понятия **семиотической картины** этого фрагмента, отражая то, как этот фрагмент видится наивному носителю языка или культуры. Семиотическая концептуализация фрагмента мира предстаёт в виде результата представления в знаках некоторой области действительности (реальной или фантастической, неважно). Имеется в виду, что знаки при этом могут быть не только языковыми, но и неязыковыми, например, мы можем отображать некоторые фрагменты мира при помощи знаков цветов, гербов, флажков, а также знаков языка веера, знаков одежды, украшений, телесных знаков и многих других. Семиотическая концептуализация, таким образом, представляет собой естественное расширение известного в лингвистике понятия **языковой концептуализации фрагмента мира**.

Необходимость понятия семиотической концептуализации фрагмента мира вызвано тем, что, как мы уже говорили, в реальном общении людей участвует не только естественный язык (или несколько естественных языков), но и различные другие «языки», или, как говорят специалисты в области семиотики, невербальные знаковые коды. Одним из таких кодов является язык тела, к основным знакам которого относятся жесты рук, ног, головы и т. д., позы, знаковые выражения лица, взгляды, знаковые телодвижения, манеры и т. д. Не удивительно поэтому, что естественно возникает понятие **семиотической концептуализации** человеческого тела как объекта реального мира. «Строительным материалом» для такой концептуализации являются знаки языка тела, знаки естественного языка, а возможно, и единицы других знаковых кодов.

2. Принципы построения семиотической концептуализации тела

При построении семиотической концептуализации тела и его частей важно обращать внимание на следующие моменты.

Во-первых, на **морфологические и структурные аспекты**, связанные с телом и его отдельными частями, т. е. на характеристики внешней формы, конфигурации и внутреннего строения тела или данной части тела. Описывая внешний облик того или иного человека, мы можем сказать, например, что *У неё кривые ноги* или что *Он криворукый*, но не, например, **кривоголовый* или **У него кривое брюхо*. В русском языке есть сочетания *стройное тело*, *стройная фигура*, но едва ли мы скажем *?стройное туловище* или **тщедушный стан*.

Во-вторых, следует учитывать **топографию** данной части тела, т. е. её положение относительно других частей или тела в целом. Например, язык в своём нормальном положении не высунут, а находится во рту, за зубами и не виден. Уши, наоборот, видны, если, конечно, они не спрятаны под головным убором или за волосами, и уж точно мы знаем, что они находятся по бокам головы. Однако язык говорит нам о том, что *ушки* могут быть и *на макушке*, что, с точки зрения физиологии, является для человека поистине чудовищной аномалией.

Топография части тела может меняться. В частности, на положение части тела относительно других частей может влиять конкретный вид речевого акта и поведение человека при его исполнении. Дело в том, что многие речевые акты человек осуществляет с использованием не только знаков естественного языка, но и знаков языка тела. Русские люди, умоляя, т. е. в речевом акте мольбы, часто складывают руки на груди, хотя такое положение рук человеку не очень свойственно. Другой речевой акт, акт военной команды «Смирно!», предполагает, что руки человека, к которому обращена эта команда, должны быть прижаты к бокам (и это положение рук, в отличие от положения рук в акте мольбы, является обязательным). Для лингвиста, изучающего речевые акты и их использование в коммуникации, всё сказанное выше означает, что, описывая их, он должен предусмотреть разные виды невербальных знаков, каковыми эти акты сопровождаются, и отразить их в своём описании, например в словаре речевых актов.

В-третьих, при анализе семиотической концептуализации важно определить основные **функции** тела или описываемой части тела.

В-четвёртых, нужно указать типовые **движения** тела или части тела и характеристики этих движений, а также **действия части тела** или **действия человека над частью тела** (не только своего, но и чужого). Важно отметить **влияние** как тех, так и других действий на собеседника или людей, косвенно участвующих в данном акте коммуникации.

Мы полагаем, что, описывая эти и некоторые другие аспекты, формирующие семиотическую концептуализацию тела и его частей, можно в результате построить полную и непротиворечивую семиотическую картину мира, относящуюся к человеческому телу и его частям.

Такой подход, который мы будем называть **признаковым**, обладает определённым преимуществом перед другими подходами, которые связаны с описанием человеческого тела. Среди таких подходов выделяется лексикографический подход, результатом которого являются описания, содержащиеся в толковых словарях. Между тем, что касается описания тела и его частей в толковых словарях, ситуация выглядит следующим образом. Для одной и той же части тела в одних словарях указывается только её функция, в других — форма (лишь изредка форма вместе с функцией), в третьих — ещё что-нибудь. Хуже то, что даже в пределах отдельно взятого словаря для одной части тела даётся информация только о её форме, для другой части тела — только о её функции и т. д.

Мы считаем, что в толковых словарях каждый раз для каждой части тела важно указывать и форму, и функцию, и топографию, и все остальные свойства (при этом, мы, конечно, не ставим под сомнение, что какое-то одно свойство у данной части тела отражено в естественном языке или языке тела лучше, чем другое).

3. Содержание представляемого проекта

Изучение феномена телесности и семиотической концептуализации тела проводится в Институте лингвистики РГГУ в течение нескольких лет. Оно осуществляется в рамках проекта, посвящённого сопоставлению вербальных и невербальных знаковых кодов. Результаты работы над проектом обсуждаются на еженедельных семинарах по невербальной семиотике, в которых принимают участие студенты, аспиранты и преподаватели разных институтов и факультетов РГГУ и МГУ.

Исследование разбито на три этапа — каждый посвящён решению отдельной задачи. Это, во-первых, выявить сходства и различия русского языка и русского языка тела. Во-вторых, описать особенности каждого из этих языков в той части, которая касается феномена телесности, и сформулировать правила совместного функционирования русского языка и русского языка тела в акте коммуникации. Наконец, в-третьих, это создать такой семантический язык (язык описания), на котором основные характеристики изучаемых семиотических кодов были бы представлены в нужном нам единообразном виде.

«Признаковый» подход, о котором здесь идёт речь, в силу единообразия описания и применимости к разным кодам, позволяет обнаружить, что между единицами естественного языка и языка тела существует и смысловая, и функциональная общность. Например, легко обнаружить, что подавляющее большинство невербальных телесных знаков имеют закреплённые в русском языке имена, или, как говорят лингвисты, **языковые номинации**. И нередко таких номинаций бывает более чем одна. Ср. выражения, которые описывают одно и то же действие или состояние: *потупить взор* и *опустить глаза*, *нахмуриться* и *нахмурить брови*, *голосовать* и *поднять руку*, *встать по стойке смирно* и *встать «руки по швам»*. Эти выражения носят характер полусвободных единиц. Но в русском языке существует и огромное число свободных выражений, описывающих свойства тела и телесное поведение человека.

Об общности вербального и невербальных знаковых кодов говорит и тот факт, что некоторые естественно-языковые высказывания невозможно ни понять, ни воспроизвести без определённого жестового сопровождения; они без жестов как бы не существуют. Синтаксис этих комбинированных выражений очень сложен. Имеются специальные работы, которые посвящены таким предложениям и языковым явлениям, которые эти предложения отражают. Они описывают явление *mixed syntax*, т. е. соединение синтаксических

элементов двух языков — естественного языка и языка тела. Мы имеем в виду такие фразы, как *Вон там, А он такого роста, Во какие огурцы!, Во!* (поднимая вверх большой палец) или *Вон отсюда!*. Однако и за пределами всех приведённых случаев обязательного сочетания кодов условия и контексты употребления жестовых и языковых единиц во многом совпадают или сходны.

Ещё одним доказательством общности вербального и невербального знаковых кодов является то, что жесты и физиологические незначащие движения бывают по своим функциям и воздействиям на адресата аналогичны некоторым языковым единицам. Рассмотрим лишь один пример. Мужчина предлагает женщине занять свободное место, указывая на него рукой. Мы можем передать этот жест словами *Он предложил ей сесть, Он показал ей на стул, Он сказал ей: «Садитесь»* и многими другими. Из них некоторые выражения являются непосредственными обозначениями данного жеста, другие отражают реально исполняемое движение лишь косвенным образом, а третьи могут обозначать и жестовое, и словесное предложение сесть. В частности, таково высказывание *Он предложил ей сесть*: оно может обозначать непосредственно исполняемый жест либо описывать слова человека (какие точно, мы, однако, не знаем), содержащие предложение сесть.

«Признаковый» подход, опять-таки в силу своего единообразия (один метаязык (т. е. язык описания семиотических кодов или их фрагментов), одна схема описания, единообразная форма представления результатов), открывает дорогу к межкультурному сопоставлению и к типологии семиотических концептуализаций тела в разных языках. В частности, мы получаем возможность посмотреть, как описывается, например, форма руки в русском, итальянском, английском и других языках, как разные языки тела и естественные языки говорят об *упитанном* и *тощем теле*, каковы эстетические характеристики тела в разных культурах, и ответить ещё на многие другие высказанные и невысказанные вопросы.

Предлагаемый подход удобен для решения и других лингвистических и семиотических задач. Так, мы можем рассматривать и сопоставлять друг с другом отдельные семантические подсистемы, например, типы дисфункций и аномалий, связанных с частями тела. У нас есть теперь способ ответить на вопрос, что означает, что данная часть тела плохо «работает» или болит, и как мы об этом говорим или как это показываем. Можно установить взаимовлияние разных характеристик одной части тела, например, влияет ли размер данной части тела на её форму и наоборот, и если да, то как. Наконец, можно попытаться выявить и описать различные механизмы и способы метафоризации обозначений частей тела, в частности понять, как образуются сочетания типа *нос корабля, спинка стула, плечико костюма / платья, дверной глазок* и т. п.

В своей работе мы опираемся на разнообразный вербальный и невербальный материал.

Материалом для исследования вербального кода нам послужили тексты русской художественной литературы и публицистики XIX–XXI веков и тексты, широко представленные в системе Интернет². Кроме того, изучались данные разных языковых словарей — толковых, переводных и фразеологических.

Анализ невербального кода проводился на основании данных, полученных в ходе наблюдений за невербальным поведением людей русской культуры в естественных условиях повседневной бытовой коммуникации; использовался и материал языковых текстов, отражающих такое поведение. Широко привлекалась нами также информация, содержащаяся в жестовых словарях и описаниях жестов, прежде всего в Словаре языка русских жестов. Разумеется, в работе мы учитываем и наиболее важные для нас сведения, содержащиеся в трудах по лингвистике и семиотике тела.

Основными объектами исследования послужили языковые и невербальные единицы разной природы. Из языковых единиц особое внимание мы обращаем на слова, обозначающие части тела, свободные и фразеологические сочетания с ними, словообразовательные производные от названий частей тела, а также номинации жестов и знаковых движений тела и его частей. Из невербальных единиц нас особенно интересуют жесты всех семиотических классов (жесты рук, ног, головы, плеч, позы, взгляды, выражения лица и др.). Изучаем мы и знаковые действия, осуществляемые телом, частями тела или с частями тела.

Строя семиотическую концептуализацию частей тела, нельзя не учитывать такое важное явление, как **символизация данной части тела** (или связанных с ней действий и положений). Поясним, что это такое.

Некоторые части тела играют особую роль в данной культуре. Известно, например, какую роль в русской культуре играют такие части тела, как рука, плечо или голова. Об их роли свидетельствует обилие сочетаний с этими словами, причём не только свободных, но и идиоматических. Мы говорим *Тут видна рука Кремля, Он — правая рука начальника, городской голова, Она — моя головная боль, головное учреждение, Ну ты голова!*. Во всех таких выражениях подчёркивается важность и главенство соответствующих частей тела. Они могут обозначать человека в целом (чего, например, не могут щёки или затылок) или подчёркивать наличие у части тела, а тем самым, и у её обладателя, особых свойств, «скрытых» в данном сочетании. Так, говоря о *руках матери* или *материнском сердце*, мы выделяем такие свойства, как теплота, нежность, забота или беспокойство.

Мы стремимся обнаружить и представить в явном виде наиболее важные, культурно значимые свойства и функции частей тела. Например, полное описание единицы «плечо» должно, по нашему мнению, включать в себя информацию о том, что, согласно древним представлениям, за левым плечом

² В частности, использовался материал Национального корпуса русского языка (www.ruscorgpora.ru).

человека стоит или скрывается смерть или какие-то другие злые силы. Отсюда получает естественное объяснение символический жестовый акт **трижды плюнуть через левое плечо**. Данным символическим действием как бы снижается и уменьшается действие тех сил, которые стоят за левым плечом.

Культурно значимыми являются многие части тела, причём, вообще говоря, для разных культур разные. Например, в Японии это живот (*hara*), в котором, по мнению японцев, находится жизнь (ср. *харакири* — лишение жизни через вскрытие живота). В русской культуре символизации подвергаются не только такие части тела, как рука, голова, плечи, но и спина или зад. Некоторые имена, производные от слова *спина*, приобретают особые значения (ср. *спинка кровати*), а отдельные употребления слова *спина* являются переносными, ср. *держат спину ровно, выпрямить спину*. Такая часть тела, как зад, тоже символически осмысливается в русской культуре, но, в отличие от руки или головы, как 'плохая часть тела'. Такое осмысление создаёт основу для разного рода неприличных или сленговых выражений.

4. База данных для описания тела и его частей

База данных о семиотической концептуализации тела и его частей, полученная на основе «признакового» подхода, является универсальной и удобной схемой описания единиц разной природы и разных кодов, схемой, освобождённой от конкретной специфики кодов.

Базу данных образуют два множества — множество признаков, характеризующих тело и его части, и множество значений этих признаков. На сегодняшний день оба множества являются для нас открытыми, и пока мы можем указать только те признаки и их значения, без которых описание семиотической концептуализации по меньшей мере одной части тела было бы заведомо неполным и неточным.

Сразу же оговоримся: не следует думать, что какова бы ни была часть тела, данный выделенный признак является для неё важным. Например, **цвет** является значимым признаком лишь для очень немногих частей тела, а вовсе не для всех. Цвет важен для глаз, лица, волос или кожи, но не важен для ног, спины или живота. Это не значит, что мы не можем сказать *Его спина красная* или *Его ноги побелели* — в некоторых контекстах и при этих частях тела может быть указан цвет.

В чём же разница? А вот в чём. Если мы описываем внешность человека и останавливаемся на описании глаз, лица, волос, кожи и некоторых других частей, мы обычно указываем такую их характеристику, как цвет. Без неё описание этих частей тела часто выглядит неполным. Более того, цвет как постоянный признак встроен в значение многих производных слов от обозначений соответствующих частей тела (ср. *голубоглазый блондин, краснокожий, белолицый*) и играет важную роль в культуре. Цвет кожи определяет расу, по цвету кожи мы можем судить, где живёт человек (в жарких странах, где солнце, люди, как правило, *загорелые, темнокожие*, на севере, где хо-

лод и ветер, кожа белёсая). Глаза определённого цвета, представляются как приносящие благо или зло (например, в Малороссии традиционно опасались чёрных глаз, а в Италии — голубых). А для таких частей тела, как спина и ноги, цвет не является постоянной характеристикой; эти части тела приобретают цвет только в определённых условиях.

Похожая ситуация имеет место и с другими признаками. Например, редко говорят о **размере** бока или о **действиях** пальцев ног. Кроме того, даже если признак и является существенным для данной части тела, это ещё не означает, что в рассматриваемых кодах все значения этого признака равноправны, т. е. выражаются в равной степени.

В общем случае, выражение значения признака, относящегося к некоторой части тела, чаще всего указывает на её нестандартное свойство или поведение. Так, в русском языке есть сочетания *длинные руки* и *короткие руки*, но сомнительны выражения (вне контекста противопоставления) *нормальные руки* или *руки нормальной длины*. Аналогичным образом, для *лба* фиксируется только аномальное значение такого признака, как **температура**: допустимы сочетания *холодный* или *горячий лоб*, но не, скажем, сочетание *лоб нормальной температуры*.

Фиксация нестандартного значения признака для некоторой части тела обычно является основанием для разного рода выводов и следствий. Например, из того, что у Пети горячий лоб, вытекает, что у него температура, а то, что лицо Маши покраснело, может свидетельствовать об её определённом эмоциональном состоянии.

Сами признаки и их значения были обнаружены нами в результате обработки большого эмпирического материала. При обработке мы исходили из следующей гипотезы. Для получения достаточно полного набора нужных нам признаков и их значений следует, прежде всего, подвергнуть анализу определённые части тела. А именно, надо начать с тех частей тела, которые либо хорошо представлены в русском языке (т. е. имеется богатый и разнообразный набор русских выражений с ними), либо хорошо представлены в русском языке тела (т. е. активно участвуют в образовании и исполнении жестов). При этом мы предполагаем, что изучение остальных частей тела не приведёт к существенному пополнению множества признаков. Но что касается множества значений этих признаков, оно в ходе анализа каждой новой части тела всегда меняется и часто значительно увеличивается в размерах. Поэтому за его пополнением мы следим особо.

5. Типология признаков

При изучении признаков мы строим различные их классификации, выявляя значимые противопоставления между признаками. Одним из таких противопоставлений является степень их участия в вербальном / невербальном коде. К числу признаков, значения которых широко представлены в русском языке, относятся, например, признаки **размера** и **формы**; в то же время они

являются периферийными для русского невербального кода. Напротив, признаки, связанные с **функционированием** частей тела, в особенности с их способностью **двигаться**, являются чрезвычайно важными для невербального кода, но в меньшей степени представлены в русском языке.

Отметим попутно очень важное обстоятельство. Если в вербальном коде признаки тела или частей тела обычно фиксируются посредством тех или иных языковых единиц, то в невербальном коде такие признаки не **фиксируются**, а **используются** (например, то, что плечи имеют протяжённость в горизонтальном измерении, позволяет **положить руку на плечо** или **положить голову на плечо**). Иными словами, мы смотрим на эти признаки и оцениваем их по-разному, в зависимости от того, с каким типом знакового кода (вербальным или невербальным) мы имеем дело.

Говоря о типологии признаков, нельзя не остановиться на таком важном их делении, как деление на **формальные** и **функциональные** признаки.

Формальные признаки являются статическими: они характеризуют физические свойства тела и его частей (например, **твёрдость**), описывают его геометрические (**форма, размер**), структурные (**наличие частей, внутренняя структура**), топографические характеристики (**расположение** относительно других частей тела и **степень их связности**) и некоторые другие. Функциональные признаки, напротив, являются динамическими. Они характеризуют способность тела и его частей выполнять различные действия и указывают на особенности реализации этих действий. К функциональным признакам относятся способность/неспособность части тела двигаться в том или ином направлении, возможность/невозможность совершать определённые действия (например, брать, ходить, носить, смотреть, думать и др.), нарушения нормального функционирования (например, вследствие заболевания) и т. д.

Интересно отметить следующий факт. Одни органы чувств лучше реагируют на наличие или проявление формальных свойств, а другие — функциональных. Например, слух в большей степени ориентирован на функциональные свойства: мы слышим **звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши или по плечу, шелест потираемых рук**. Зрением же воспринимаются характеристики обоих типов. Так, глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и её движение. Похожим на зрение образом ведёт себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики, такие как **текстура** (свойство поверхности данного органа), **твёрдость/мягкость, размер, форма**. С другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда к некоторой части его тела применяются определённые действия и жесты, например, **шлепки, поцелуи, похлопывания**; тем самым, в сферу осязания попадают и функциональные характеристики. Таким образом, строя семиотическую концептуализацию органов чувств, мы должны соотнести её с семиотической концептуализацией тела и его частей.

Теперь, чтобы показать, как мы строим семиотическую концептуализацию тела и его частей, мы остановимся на описании только одного признака — признака **ориентации**.

6. Признак «ориентация»

Имя признака, о котором далее пойдёт речь, выбрано нами не случайно: русское слово *ориентация* и однокоренные с ним слова *ориентир*, *ориентирование*, *сориентироваться* и др. хорошо известны. Люди *ориентируются* на или в какой-либо местности, говорят об *ориентации при помощи компаса* или *по карте*, *ориентируются по звёздам*, занимаются *спортивным ориентированием*. *Ориентирами* в городе служат заметные места: памятники, площади, магазины, театры.

Что же такое признак «ориентация» применительно к телу или частям тела человека?

В отличие от вышеприведённых слов и словосочетаний, сочетания *ориентация тела* и *ориентация части тела* в бытовом, повседневном русском языке не используются, хотя и семантически и синтаксически они построены абсолютно правильно. Фразы типа *Его глаза ориентированы на меня*, *её корпус ориентирован в его сторону* можно встретить в книгах и статьях психологов, но едва ли в бытовом общении. Их используют также и в метаязыке, т. е. языке научного описания некоторого объекта.

Не следует думать, что неприменимость слова *ориентация* по отношению к телу и частям тела мешает выразить на русском языке те идеи, которые заключены в этом слове. Если нам нужно сказать что-то про ориентацию частей тела или тела, мы можем использовать целый ряд других слов и выражений русского языка: *повернуть* и *быть повернутым*, *обращать* и *быть обращённым*, *направлять* и *быть направленным*, *смотреть* и т. п. Говорят: *Поверните руки и покажите мне свои ладони*; *Все взгляды были прикованы к двери*; *Носки ног смотрят вперёд*; *Услышав эти слова, она обратила своё лицо ко мне* и т. д.

Приведём теперь ряд примеров того, как мы используем слово *ориентация* в нашем проекте.

(1) Как известно, тело человека делится на две части, которые называются *передняя часть* и *задняя часть*. Относительно них определяются те участки пространства, которые по-русски называются *перёд* и *зад*, или, что то же самое, участки, находящиеся *впереди*, и, соответственно, *позади*. Если человек стоит, то его лицо, грудь и другие передние части обращены вперёд, а затылок, спина и другие задние части обращены назад. Именно таким способом мы предлагаем говорить о стандартной ориентации тела стоящего человека.

(2) Когда мы говорим про человека, что *У него глаза бегают по сторонам*, это означает, что его взгляд то и дело меняет направление. Слово *направление* здесь тоже выражает идею ориентации и в бытовом языке служит её обозначением. Описывая эту ситуацию на метаязыке, мы, как и в пункте (1), будем использовать слово *ориентация* и говорить, что ориентация глаз

человека постоянно меняется, а слово *направление* оставим повседневному языку.

Особый интерес для лингвистов и специалистов по невербальной семиотике представляют не все возможные постоянные и переменные ориентации глаз, а только такие из них, которые говорят нам что-то новое о человеке. Например, показывают, здоров он или болен, взволнован или спокоен и т. д., т. е. являются внешним проявлением его внутреннего физического или психического состояния. Когда мы видим, что у человека *глаза бегают по сторонам*, мы понимаем, каково его внутреннее состояние: он чем-то обеспокоен, выведен из равновесия, возможно, растерян, насторожен и боится чего-то.

(3) Обратимся теперь к отрывку из известной русской народной сказки.

Идёт Иван-Царевич по лесу и вдруг видит перед собой избушку на курьих ножках. Он обращается к ней со словами: *Избушка, избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом*. Для чего он это говорит? Коммуникация с адресатом всегда происходит лицом к лицу, будь то адресат одушевлённый (человек, животное) или неодушевлённый, но персонифицированный, т. е. объект, с которым разговаривают как с человеком. Если же тело собеседника обращено к говорящему иначе, то ему или ей предлагается повернуться. Переводя сказанное с обычного русского языка на искусственный язык (метаязык), где все термины однозначны, а синтаксические конструкции достаточно просты, можно сказать, что здесь речь идёт о том, что «тело» избушки должно быть сориентировано иначе. Она должна встать передней частью (передом) к Ивану и задней частью (задом) к лесу.

Таким образом, признак «ориентация» играет большую роль в описании разного рода языковых единиц, которые встречаются в текстах, разнообразных и по жанру, и по стилю, и по тематике. Поэтому этот признак должен занять своё достойное место в кругу признаков, о которых мы говорили с самого начала.

Возвращаясь к основному понятию семиотической концептуализации тела, подчеркнём ещё раз, что признаковый подход позволяет единообразно отразить то, как тело и его части представлены сразу в нескольких семиотических кодах — в языке и невербальных телесных кодах.

Литература

1. Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Семиотика, или азбука общения: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2004.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. — М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.

Дополнительная литература

4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. — М.: Языки русской культуры, 1995.
5. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.

Слухи, сплетни, молва — сходства и различия

Г. Е. Крейдлин

Среди многих видов коммуникативной деятельности такие речевые акты, как слухи, молва, пересуды, рассказы, разговоры, толки, болтовня и сплетни, занимают совершенно особое место. Далее, в первой части работы, я не буду проводить различий между ними и для краткости их все назову просто слухами. Во второй же части я более детально рассмотрю некоторые виды слухов¹. Таким образом, в первой части речь пойдет об общих свойствах рассматриваемых речевых актов и обозначающих их слов, а во второй части мы посмотрим, чем отличаются одни виды слухов от других. Речь в ней пойдет о понятиях и словах *слух*, *сплетня* и *молва*.

Часть I

1. Слухи и их свойства

Слухи, прежде всего, отличает (1) **комплексный характер**. Это означает, что у слухов много активных участников. Я имею в виду участников трех связанных между собой процессов — процесса порождения слухов, процесса распространения слухов и процесса интерпретации, то есть истолкования содержания конкретного речевого акта или отдельных высказываний, из которых этот акт состоит.

Далее, слухи характеризуют (2) **возможное** <относительно> **большое пространство распространения** и (3) **возможная** <относительно> **высокая скорость распространения** по разным информационным каналам.

К свойствам слухов как определенных текстов, или к **текстовым свойствам слухов**, относятся: (4) **особое отношение к истинности передаваемой информации** (о чем я еще скажу позже), (5) **вербальность** (это свойство означает, что каждый из слухов представляет собой множество словесных высказываний, причем обычно не одноэлементное).

К текстовым свойствам относятся также (6) **краткость** (слухи представляют собой относительно небольшие по величине тексты), (7) **нарративность** (это означает, что по форме слухи являются повествовательными текстами, то есть передаваемыми в режиме повествования), (8) **монотемность** (обыч-

¹ Настоящая статья представляет собой несколько измененный, частично сокращенный и частично дополненный, вариант статьи [Крейдлин, Самохин 2003].

но каждый слух посвящен одной-двум главным темам)² и (9) **устность**. Слухи — это устные тексты, это устная форма передачи информации³. Поэтому неправильными или, по меньшей мере сомнительными, являются сочетания **записанный слух*, **опубликовать молву*, **написать сплетню*; ср. также сомнительные сочетания ??*прочитать слух*, ?*опубликовать сплетню*⁴.

Виды **письменных текстов**, которые по содержанию и по функциям эквивалентны слухам, называют не *слухами*, а как-то иначе. Чаще всего они получают названия по жанру или месту их публикации, ср. такие названия текстов, как *газетная утка*, *бульварная хроника*, *светская хроника* (замечу, что на английский язык сочетание *светская хроника* обычно переводится тем же словом, что и *сплетня*, то есть как один из видов слухов, а именно *gossip*). К ним примыкают имена **классов письменных текстов и мест их публикаций**: *желтая пресса*, *желтая газета*. Даже прилагательное *закулисный* применительно к новостям обозначает не простую бытовую тайну, а некие тайные и общественно важные новости, не имеющие, однако, ясного источника.

Слухи как разновидность речевых актов отличает еще одно свойство. Это (10) **принадлежность к чужой речи**. С самого начала большинство людей относятся к попавшим к ним слухам как к чему-то чужому, как к тому, что им не принадлежит. И происходит это не потому, что адресаты слухов, например, плохо владеют языком, а потому, что они не владеют важной и необходимой информацией. Услышав исходящую и ничем не подтвержденную, но важную новость, мы часто ассимилируем, то есть присваиваем себе, слух и далее обращаемся со слухом как с объектом, находящимся в нашем распоряжении. Иными словами, прежде чужая речь становится своей.

Вместе с тем смысловое наполнение и синтаксическая организация высказываний, которые в своей совокупности образуют слух, не имеют жестких ограничений. Поэтому создается впечатление о непринужденности, а то и самопроизвольности и беспричинности возникновения и распространения слухов. Мы говорим, что <Слухи возникают> *на пустом месте, из ничего*; говорят также, что *слухи возникают*, создавая иллюзию неожиданности, что они <свободно> *циркулируют, идут, проходят, разносятся*, а то и вдруг *прекращаются* (как бы сами по себе).

Отмечу еще два признака, общих для всех видов слухов. Это (11) **сравнительно жесткая привязанность слухов к актуальным событиям и ко времени, в течение которого эти события происходят**, а также (12) **возможность импровизации и кооперативного участия многих людей в производстве и распространении слухов**. Слухи всегда направлены на удо-

² См. об этом подробно, например, в работах [Allport & Postman 1947; Rosnow 1974; Shibutani 1966].

³ См. [Почепцов 1990, с. 134–136].

⁴ Звездочкой здесь и далее помечены неправильные примеры, сомнительные сочетания отмечаются одним или двумя вопросительными знаками (один вопросительный знак означает большую степень приемлемости, два — меньшую).

влетворение потребности людей в оперативной информации, которая относится к сфере их интересов, но умалчивается официальными источниками, такими, как, например, средства массовой информации.

Наконец, последнее свойство, на котором я остановлюсь, это (13) **особое соотношение слухов со знаниями и мнениями**. Общение людей обычно состоит в обмене информацией, которая оценивается ими как истинная, а потому вопрос об истинности передаваемых сообщений самими участниками коммуникации редко ставится или обсуждается. Действительно, когда произносят высказывание *Он передал сообщение*, то подразумевают, что сообщение было истинным. Станным является предложение *Он передал истинное (верное, правдивое и т. п.) сообщение*, а при необходимости подчеркнуть ложность информации обычно так и говорят *Это ложное сообщение (ложь, неверные сведения и пр.)*. Возгласы, такие как *Это правда?* или *Не может быть!*, означают только, что произносящий их человек крайне удивлен услышанному; они означают, что только что полученные сведения являются для восклицавшего человека неожиданными, но они не означают, что тот же человек ставит под сомнение правдивость услышанного. Намеренное сообщение заведомо ложных сведений (например, говорят, что *сплетни и слухи фабрикуются*, подчеркивая намеренность, осознанность создания и передачи ложного или предосудительного, а также участие в создании и распространении слухов большого числа людей), равно как и неумышленное, случайное искажение информации, нарушают существующие в обществе культурные и коммуникативные нормы. И, как следствие, они вызывают в обществе некое движение и беспорядок. Однако истинность или ложность информации — это внутреннее, как говорят, имманентное, свойство самих сообщений, а доверие к сообщениям, убежденность в их правдивости или, напротив, скептицизм являются характеристиками людей. Люди часто действуют, опираясь на свои представления, чувства и убеждения, которые во все не обязательно являются истинными.

В этом отношении слухи ближе к мнениям. Вообще, слухи роднит с мнениями целый комплекс свойств.

Во-первых, то, что сообщение, которое человек передает, **не обязано** быть истинным. Слухи могут быть *неверными, ложными*, их можно *опровергать, оспаривать*.

Во-вторых, слухи, как и мнения, предполагают множественность оценок одного и того же события, они допускают выбор той или иной точки зрения из ряда возможных, а потому слухи можно корректировать, изменять. Можно думать так, а можно иначе, возможно столкновение слухов. Услышав слух, его можно обсуждать, можно возражать против чье-то высказанного мнения или суждения.

В-третьих, у слухов, как и у мнений, есть автор, а знания же, как указывал во многих работах Ю. Д. Апресян, не имеют авторства, они, так сказать, деперсонифицированы.

В-четвертых, слухи создаются волей конкретного человека или организации, то есть они субъективны. Возникновение же знаний с волей субъекта не связано, оно подается как процесс объективный. Однако знания узнают, получают от кого-то, и в этом отношении слухи напоминают знания. Субъект слуха — это субъект получаемого знания: человек становится обладателем знания в момент его получения. Но это, так сказать, *узнавание от*, а не *узнавание у*. Иными словами, субъект слухов — это не лицо, активно ищущее информацию, а лицо, пассивно получаемое сведения извне.

В-пятых, если знания откладываются в особом хранилище — памяти — и извлекаются из нее, только когда это нужно, то слухи, как и мнения, постоянно циркулируют, корректируются, отправляются, передаются.

Итак, слухи, как и мнения, могут быть активными, люди отправляют их во внешний мир. Однако можно сказать также *Я от многих слышал* = 'Я знаю', *Говорят...*, *До нас дошло...*, *Вы знаете...*, то есть слухи подаются в языке как движущиеся к человеку извне. Их, как и знания, люди получают из какого-то внешнего источника. И это обстоятельство сближает слухи уже со знаниями.

2. Внутреннее строение и содержание слухов. Особенности функционирования слухов

Слухи — это совершенно особые речевые акты, причем особые в целом ряде отношений.

1. Они складываются из не истинных высказываний, а лишь из **правдоподобных**, только внешне выглядящих как истинные, и даже, как в случае, например, сплетен, по большей части неточных или просто ложных. Ср., например, абсолютно нормальный вопрос, который не содержит никакого внутреннего противоречия: *Это слух или правда?* С самого начала люди склонны принимать слух на веру, если, разумеется, у них нет причин усомниться в истинности сообщения. *Ложные, беспочвенные, нелепые, недостоверные, необоснованные* или *неподтвержденные слухи* могут курсировать в обществе одновременно и вместе с истинными сообщениями, но мы не говорим **истинные, правдивые слухи (молва, сплетни)*, так как изначально, как уже говорилось, всегда верим в истинность сообщений, и нам нет необходимости это подчеркивать. Существует, однако, много ситуаций, когда человек не доверяет неожиданно появившемуся слуху и потому требует дополнительного подтверждения правдивости услышанного или проверки надежности источника. Он пытается найти того, кто *пустил данный слух*, то есть, как нередко говорят, *докопаться до источника слуха*, или, по крайней мере, хочет узнать, является ли предполагаемый источник слуха достаточно авторитетным. Кстати, забегаю вперед, скажу, что в этом отношении виды слухов существенно разнятся: **молва** отличается и от собственно **слуха**, и от **сплетни**.

2. Участниками речевого акта слуха являются, как правило, не два человека, а группа лиц. Обычно один член ее является источником, а остальные исполняют одновременно роль слушателей и/или распространителей слуха.

3. Каждый слух имеет свою историю рождения, жизни и смерти. Область возникновения и распространения слухов, в отличие от многих других социальных речевых актов, не ограничена жесткими рамками тех коллективов, которые уже существуют в данном обществе. **Слухи сами создают и организуют людей в общественную группу**; вовлеченные в них люди одним лишь своим участием формируют определенную социальную группу. По этой причине слухи не знают жестких межгрупповых барьеров.

4. В процессе функционирования внутри данного социума или коллектива слухи всегда осуществляют частичное упорядочивание людей, разделяя их на «осведомленных» и «неосведомленных». Осведомленный человек выступает при этом в роли обладателя некоего тайного знания, которым владеет далеко не каждый, а только особые, «посвященные», лица. Поэтому разговор осведомленного человека с неосведомленным человеком происходит так, как происходит диалог лица более высокого статуса с лицом более низкого статуса. Знающий слух может приобщить собеседника к тайне, переводя его в разряд людей посвященных, но может и ничего не сказать адресату, оставив неосведомленным. Адресатом слуха не может быть первый встречный. Источник или распространитель слуха никогда не выбирает себе адресата случайным образом. Чаще всего адресатом слуха оказывается человек, к кому отправитель сообщения относится нейтрально или положительно, и кто, по мнению отправителя, разделяет его жизненные взгляды, позиции и оценки. Распространитель слуха, однако, может намеренно исказить содержание слуха, и тогда адресат, если он слепо доверяет собеседнику, может совершить ошибку, основываясь на своих прежних представлениях о собеседнике.

5. **Вербальное** коммуникативное поведение человека, рассказывающего слух, регулируется специфическими механизмами, действующими при передаче чужой речи. В целом его поведение может быть охарактеризовано как поведение заговорщика. И тексты слухов, и способы, каковым слухи рассказываются, свидетельствуют о тайне, недосказанности. Слухи полны намеков, гипотез — в особенности это относится к так называемым «грязным сплетням», в текстах слухов много обобщений и не меньше смысловых эллипсисов. По этой причине интерпретация слуха требует глубокого смыслового анализа, опирающегося на контекст, и, в частности, проведения целого ряда операций. Это (а) смысловой катализ текста, то есть восполнение в тексте недостающих смысловых элементов; (б) поиск и выявление разного рода следствий, подтекстов, намеков; (в) устранение возможных смысловых несоответствий; (г) обнаружение и восстановление причинно-следственных связей, оценок и т. п.

6. Воспроизведение слуха имеет много отличительных **невербальных особенностей**, о чем исследователи, работающие в области невербальной семиотики, как кажется, никогда не писали. На лице человека, рассказывающего слух, появляется специфическая мимика, ср. выражения *заговорщическое лицо, улыбка заговорщика* или *конспиратора, безмятежный, <видимо> безучастный, беззаботный вид*. Речь человека, воспроизводящего слух, ха-

рактируется особыми тембром, тональностью и некоторыми другими характеристиками звучания. Так, о людях, которые в данный момент рассказывают и слушают сплетни, часто говорят, что они перешептываются; ср. также русское существительное *шепоток* и английское существительное *buzz*, обозначающее в одном из значений 'молву, слухи и сплетни', а в другом — 'звук вибрирующего голоса, звук вибрации голосовых связок', или омонимичный имени *buzz* глагол, который означает не только 'распространять сплетни', но и 'петь с закрытым (sic!) ртом'. Рассказываемые сплетни и слухи, как правило, сопровождаются выразительными жестами. Поза рассказчика закрытая, голова обычно наклонена в сторону собеседника, глаза с интересом смотрят на слушающего, физическая и психологическая коммуникативные дистанции уменьшены по сравнению с обычными.⁵

7. Слух — это не простое распространение в обществе информации от одних лиц к другим. Это коммуникативный процесс, цель которого — (а) формирование коллективного, хотя и необязательно единого мнения о сложившейся ситуации или каких-то ее аспектах, (б) выявление общего отношения к ситуации и к ее участникам, а иногда и (в) определение некой программы возможных коллективных действий, выработанной на основе этого мнения и отношения. Когда деятельность по производству слуха начинается, мы говорим о *рождении слуха*, о том, что *слух пущен, распушен, возник, прошел, прокатился, пронесся*; что *пошли сплетни; поползла молва*, говорят о том, что *слухом земля полнится*. Ср.:

Стало известно, что приехал из морга Желдыбин. Он поместился в кабинете покойного наверху, и тут же прокатился слух, что он и будет замещать Берлиоза. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

И вдруг — исчез Ткач навсегда. И пронесся по лагерю слух (проверить точно мы его не могли, но такие упорные слухи обычно верны), что он разоблачен как фашистский палач с оккупированной территории, арестован и получил четвертную (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУ-Лаж);

За какой-то срок до открытия музея в доме прошел слух, что отцу за музей дают почетного опекуна. Слух подтвердился, и начались разговоры о мундире <...> (М. И. Цветаева. Лавровый венок (памяти проф. И. В. Цветаева)).

Когда эта деятельность в разгаре, то нередко говорят *Идет упорный слух*. Упорные слухи навязываются как бы извне и, как правило, несут с собой зло и неприятности. Поэтому они составляют основу для более решительных действий и противодействий со стороны тех, кому эти слухи стали известны. Люди говорят также о *<широком> хождении* и *<повсеместном> распространении слуха или сплетни*, о том, что *слух подтвердился, разнесся или носится в воздухе*, что кто-то *распускает сплетни*, что *идут толки, пошли, ведутся разговоры*, что *некто стал постоянной мишенью для пересудов* или

⁵ О понятиях физической, психологической и коммуникативной дистанции см. [Крейдлин 1999, Крейдлин 2002].

что *сплетня идет <полным ходом>*, употребляют метафоры типа *Воздух наполнен сплетнями; Слухами земля полнится*. О *молве* обычно говорят, что она *распространяется, подтверждается, разносится, разошлась, покати-лась, полетела*:

Постепенно молва о галилейском Наставнике и Учителе распространилась по всей округе (Прот. А. Мень. Сын Человеческий);

В первые дни после 9 апреля получил распространение слух, что Горбачев якобы звонил в Москву из Англии и настаивал на мирном разрешении конфликтной ситуации в Тбилиси (А. Д. Сахаров. Воспоминания).

Когда же деятельность по производству и распространению слухов заканчивается, то об этом сообщают так: *слух затихает, угасает, умирает*, говорят, что *слух смолк, молва затихла, загасла, слухи пресечены*, а *сплетням положен конец*:

Брыкин был целью, сквозь которую вытекали известия о барсуках в уезд.

Но цель заткнули, и даже слухи смолкли (Л. М. Леонов. Барсуки).

Слухи нельзя рассматривать как социальную патологию. Порождение и распространение слухов — это не болезнь, а скорее средство защиты членов общества от нестабильности положения и от недостатка информации. Слухи возникают как компенсация за наш хаотический мир, в котором вынуждены жить и живут люди. Есть, по-видимому, обстоятельства, когда появление слухов кажется неизбежным или ожидается с очень большой вероятностью, а потому слухи являются коммуникативными процессами, возникновение которых можно в известной степени прогнозировать.

В целом закономерность возможного появления и распространения слухов такова: чем более нестабильной, неуправляемой или хаотичной является общественная или частная ситуация, то есть чем ближе положение дел к тому, что можно было бы назвать социальным катаклизмом или личными неприятностями, тем более вероятным является появление и распространение собственно слухов, разговоров и сплетен. Во время войн, голода, массовых болезней и других социальных бедствий и катастроф слухи появляются едва ли не со стопроцентной обязательностью: каким бы ни был социальный кризис, он вызывает общественное возбуждение, беспорядок и появление слухов. Интересно, что и в противоположной ситуации постоянной стабильности и жизненного однообразия, когда людям скучно и неинтересно общаться друг с другом, появление сплетен, слухов и т. п. будоражит данный коллектив, приводит его в движение, и жизнь в нем становится более содержательной и наполненной.

В самом общем виде функционирование слуха происходит так. Каждый участник этого процесса, если он сам не является *источником* слуха, сначала исполняет роль адресата. Адресат анализирует сообщение, принятое от другого человека — отправителя сообщения, определяет место, роль и относительную ценность заключенной в нем информации и после этого либо включает новое знание в свою базу знаний, ассимилируя его как свое, либо отвергает это знание. Затем человек, до того исполнявший роль адресата,

берет на себя функции говорящего, или отправителя сообщения. На основе имеющейся теперь у него информации он синтезирует свое, новое, сообщение, однако делает это не произвольным образом, пользуясь исключительно языковыми правилами, моделями и образцами, а существенно опираясь на старое сообщение. Чаще всего человек лишь незначительно трансформирует полученное ранее сообщение: добавляет в него что-то или кое-что опускает и далее транслирует синтезированное таким способом сообщение другому лицу или другим лицам. Бывший адресат становится *распространителем слуха*.

До сих пор я говорил о слухах как о коммуникативных **процессах**, но *слухами* мы называем также и **результаты** этих процессов. Слухи напоминают предметы, передаваемые от одного лица к другому, с той лишь разницей, что слух может возвращаться, пусть и в несколько измененном виде, к его автору, то есть к самому источнику.

Часть II

Теперь речь пойдет о семантических, синтаксических и прагматических признаках трех слов-синонимов *молва*, *слух* и *сплетня* и о свойствах каждого из обозначаемых этими словами речевых актов. Я опишу значение и особенности сочетаемости этих слов и укажу типовые контексты их правильного употребления, отдельно выделяя те из них, в которых возможна или неизбежна нейтрализация смысловых различий между рассматриваемыми словами.

3. Слова *молва*, *слух* и *сплетня* — данные толковых словарей

Сначала обратимся к материалам ряда современных толковых словарей русского языка.

В четырех словарях — словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее СОШ), словаре современного русского литературного языка (далее ССРЛЯ), словаре под ред. Д. Н. Ушакова (СУш) и словаре В. В. Лопатина (СЛоп) — толкования интересующих нас слов содержат неприятные логические круги.

Например, СОШ описывает слово *слух* (точнее, лексему *слух 2* в интересующем нас значении⁶) через 'молву', а слова *сплетня* и *молва* — через 'слух'. Ср.: *молва* 'слухи, толки', *слух 2* 'молва, известие о ком/чем-н., обычно еще ничем не подтвержденное', *сплетня* 'слух о ком/чем-н, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях'. В ССРЛЯ у слова *сплетня* выделяется еще одно значение, а в остальном описание значений слов из нашего синонимического ряда мало чем отличается от приводимого выше: *молва* толкуется как 'слух, весть, толки в народе, обществе о ком-, чем-либо',

⁶ Другие значения того же слова, такие как, например, *слух 1* 'способность человека слышать' или *слух 3* 'способность воспринимать и воспроизводить музыкальную мелодию', мы здесь не рассматриваем.

слух 2 — как 'молва, толки' (с пометой «чаще мн.»), *сплетня 1* — как 'слух, известие о ком-, чем-либо, основанное на неточных или заведомо неверных, ложных сведениях', а *сплетня 2* — как 'распространение таких слухов, известий'. В СУш 1935 — 1940 *молва* определяется как 'мнение общества о чем-нибудь, общественная оценка чего-нибудь', *слух 3* — как 'известие, сообщение о чем-нибудь прошедшем или предстоящем, нуждающимся в проверке', а *сплетня* уже толкуется через 'слух': под *сплетней* понимается 'недоброжелательный или порочащий слух о ком-нибудь, распространяемый на основании неверных, неточных и измышленных сведений'. *Молву* и *слух* объединяет внутри данного словаря то, что оба относятся к **чему-то**, то есть к какому-то событию, выражая, соответственно, оценку события и сообщение о нем, в то время как *сплетня* — это сообщение о **ком-то**, о каком-то человеке. Наконец, в словаре СЛоп слово *молва* просто приравнивается по смыслу к слову *слух*, то есть *молва* — это 'слухи, толки', а *слух* предстает как 'известие о ком-/чем-л., обычно еще ничем не подтвержденное'. Смысл слова *сплетня* представлен в этом словаре как 'слух (о ком-/чем-л.), основанный на неточных или заведомо неверных сведениях'.

Хотя я указал на некоторые недостатки имеющихся словарных описаний, нельзя не отметить и их несомненные достоинства. Так, все рассмотренные словари совершенно правильно выделили слово *слух* в качестве доминанты, то есть основного элемента синонимического ряда, и верно указали многие из семантических свойств единиц, составляющих данный ряд. Среди них «недоверность, неточность или заведомая лживость сообщаемой информации», «негативная оценка» и «выделение процессного значения» (для *сплетни*); «представление о слухе как сообщении, истинность которого нуждается в проверке и подтверждении», «народ и общество как пространство, в котором циркулируют слух и молва», «социальный характер» (для *молвы* и *слуха*).

4. Смысловый инвариант ряда

Смысловым инвариантом, то есть общим смысловым компонентом у всех лексем ряда, является следующий компонент: '(1) распространяемое в обществе от одних людей к другим людям устное речевое сообщение (или: сообщения), содержащее информацию о каком-то объекте или актуальном событии; (2) данное сообщение имеет цель изменить состояние общества и вызвать более тесное социальное и коммуникативное взаимодействие людей; (3) передаваемую информацию люди считают для себя важной и неизвестной, неожиданной и недоверной; (4) эта информация ничем не подтверждена (= 'не существует ничего, кроме слов сообщения, что говорило бы об истинности информации или ее соответствии фактам') и потому сомнительная; (5) по этой причине передаваемая информация нуждается в подтверждении истинности.

Поясню сказанное более подробно.

1. *Сообщение* — это то, что сообщается, а *сообщать* — это означает передавать адресату информацию о событиях и объектах, которые, по мнению субъекта речи, тому неизвестны. Таким образом, все слова из нашего ряда могут обозначать только информативные устные речевые высказывания. Другими словами, смысл каждого из слов включает в себя компоненты 'речевой', 'устный', 'знание', 'неизвестность'.

2. В определение пересекающейся части значений слов здесь включен семантический элемент 'подтвердить'. В свою очередь, в смысл лексемы *подтвердить* входит отсылка к чужим словам; иными словами, *подтвердить* можно лишь высказывания другого, «чужого» лица (говорящий, который считается человеком, знающим правду, сообщает об истинности чужих слов). Таким образом, в значениях всех слов ряда входит элемент отсылки к еще одному субъекту, который может дать оценку истинности сообщения и которому для этого надо быть «над ситуацией»; причем этот субъект должен обладать определенными знаниями, авторитетом или властью, чтобы подтвердить или опровергнуть сообщение.

3. Все толкуемые нами синонимы характеризуют **содержание** речевого акта (с точки зрения его соответствия истине), а не само **действие** его произнесения. Хотя говорящий своим высказыванием обычно всегда преследует какие-то цели, у пущенных слухов, молвы или сплетен эта цель является вполне определенной, и потому мы решили включить целевой компонент непосредственно в определение смыслового инварианта.

5. Сходства и различия синонимов

Опишу теперь формальные и содержательные сходства и различия между словами *слух*, *молва* и *сплетня* (и обозначаемыми ими речевыми актами).

Синонимы различаются следующими признаками:

А. По характеристике участников:

1) **наличие и тип субъекта-источника и субъекта-распространителя** (у *молвы* — субъект-источник коллективный, 'народ', а субъекта-распространителя нет; у *слуха* — источником слухов может быть и один человек, и коллектив, то есть 'народ', а распространители слухов всегда индивидуализированы, у *сплетни* — как источником, так и распространителем является отдельный человек);

2) **наличие и тип адресата** (для *молвы* и *слуха* адресат — общество, некий социум, для *сплетни* адресат — конкретное лицо или группа лиц);

Б. По характеристике речевых актов.

Б1. Внутренняя характеристика:

1) **выделенность фазы процесса коммуникации** (*молва* соотносится с фазой говорения, *слух* — с получением и восприятием услышанной информации, а *сплетня* — с тканью повествования, то есть с самим коммуникативным актом);

2) **соотношение с истинностью/достоверностью информации, передаваемой в речевом акте** (*сплетня* — это внешне правдоподобная, но часто намеренно искажаемая, ложная информация, *слух* — это правдоподобная информация, нуждающаяся в подтверждении, *молва* указывает на изначально достоверную информацию, которой склонны верить большинство членов общества);

3) **содержание передаваемой информации** (*сплетня* обычно затрагивает личные и интимные детали частной жизни отдельного человека или некоторой группы лиц, содержанием *слуха* и *молвы* является как частная, так и общественная жизнь людей);

4) **степень объективизации и интимности речевого акта** (*сплетня* — более субъективный и интимный акт, *слух* занимает нейтральное положение на шкале, а *молва* — наименее субъективный и в наименьшей степени интимный акт);

5) **субъективная оценка передаваемой в речевом акте информации** (*молва* тяготеет к положительной оценке человека или события, которые являются предметом молвы, *сплетня* содержит отрицательную оценку предмета сплетни, а *слух* может оцениваться и положительно, и нейтрально, и отрицательно).

Б2. Внешняя характеристика:

1) **процесс создания речевого акта** (*сплетня* предполагает заранее спланированную передачу <ложной> информации или сознательное искажение истинной информации, *слух* может допускать такое планирование, а *молве* такое намерение со стороны субъекта-источника не присуще);

2) **мотивы/цели создания и распространения речевого акта** (для *сплетни* цели обычно негативные — ввести в заблуждение адресата, оклеветать третье лицо, испортить отношения между людьми и пр., цели *слуха* могут быть негативными, позитивными и нейтральными, к *молве* данный признак очевидным образом не применим);

3) **область распространения речевого акта** (*сплетня* предполагает ограниченную локализацию, *слух* может распространяться как на большом, так и малом пространстве, а *молва* предполагает значительную область распространения);

4) **характер распространения речевого акта** (*молва* не предполагает изменения первоначально содержащейся в ней информации при переходе от одного субъекта-распространителя к другому, а содержание *сплетни* и *слуха* на пути их распространения, вообще говоря, меняется);

5) **местоположение субъекта-источника и расстояние между ним и областью распространения речевого акта** (источник *молвы* находится вне области распространения на довольно значительном от нее расстоянии; источник *слуха* может быть как вне, так и внутри области распространения, а источник *сплетни* всегда находится внутри области ее распространения);

6) **метафорические ассоциации** (*молва* ассоциируется с бурным потоком, лавиной, широкой, мощной волной; *слухи* — со снежным комом).

Остановлюсь теперь на выделенных признаках и прокомментирую языковое поведение обсуждаемых слов.

А1. Как я уже говорил, все три рассматриваемых слова — это имена речевых актов с множественными субъектами (и, вообще говоря, с множественными адресатами), причем семантические роли субъектов этих актов могут быть двойными. Я предложил отличать **субъект-источник** от **субъекта-распространителя**. У каждого из описываемых речевых актов есть свой источник. У *молвы* он всегда коллективный и всегда неопределенный, условно — 'народ', в отличие, кстати, от субъекта глагола *молвить*, которым является некоторое конкретное лицо. *Молва* — это 'то, что все говорят'. Собирательное существительное *молва*, в противоположность *слухам* и *сплетням*, не имеет формы множественного числа.

Доказательством известности и неопределенности **субъекта-источника** для речевого акта молвы может служить неправильность сочетаний типа **Петина молва*, **его молва* при правильных *его сплетни*, *пущенные им слухи*, а также фраз **От кого идет* (или: *исходит*) *эта молва?*, **Кто пустил эту молву?* (при абсолютно корректных фразах *От кого исходит этот слух?*, *Кто пустил эту сплетню?*).

Сама молва поэтому может тоже исполнять роль **субъекта-источника** информации, ср. <...> *Результаты его* [Стрельникова — Г. К.] *вмешательства не замедлили сказаться. Стрельников знал, что молва давала ему прозвище Расстрельникова. Он спокойно перешагнул через это, он ничего не боялся* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго).

Относительно *молвы* можно добавить, что обычно это *народная, людская молва* (хотя, например, в Ветхом Завете в Чис. 13: 32–33 и Вт. 22:13–14 можно встретить, соответственно, выражения *те, которые ходили с ним* <...> *распускали худую молву* и *Если кто возьмет жену... и пушит о ней худую молву* <...>, которые сегодня воспринимаются все-таки как не характерные для повседневной бытовой речи).

Субъектом-источником сплетни является конкретное лицо, а **источник слуха** может быть неопределенным: им может быть как одно лицо, так и коллектив лиц.

Один раз я распустил сплетню, что Петровна совсем плоха. Так пришлось взять свои слова обратно, ибо Петровна настояла, чтоб я при другой старушке опроверг домыслы. И показала ей язык. Я плюнул и не стал принимать в их смерти большого участия. Но знаю — момент придет сам собой (Ю. Мамлеев. Избранное. Центральный цикл: Дневник молодого человека);

<...> *обо мне кто-то пустил слух, что я — жена Пятакова, и мне трудно было разубеждать людей в этом* (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут);

Надобно знать, что яицкие бунтовщики, в опровержение общей молвы, распустили слух, что между ими действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет (А. С. Пушкин. История Пугачева).

Распространителями слухов и сплетен выступают конкретные лица, хотя и не всегда известные. *Молва*, слух и сплетня могут распространяться как бы сами по себе, независимо от воли какого-то конкретного лица или группы лиц:

Они друзья с домовою прислугой — она выкладывает им все сплетни про своих хозяев <...>. Они знают все новости и всю подноготную своих клиентов и умеют учесть, что кому рассказать можно, с кем и как себя вести (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи);

Свекровь опять зашла на кухню, прислушивалась к каждому слову, и Ольга Васильевна стала нарочно рассказывать ему какую-то чепуховую сплетню, услышанную на работе (Ю. В. Трифонов. Другая жизнь);

Несколько дней появление Пугачева было тайною для оренбургских жителей; но молва о взятии крепостей вскоре разошлась по городу, а посейное выступление Билова подтвердило справедливые слухи (А. С. Пушкин. История Пугачева);

Натурально, рояль закрыли на ключ, джаз разошелся, несколько журналистов уехали в свои редакции писать некрологи. Стало известно, что приехал из морга Желдыбин. Он поместился в кабинете покойного наверху, и тут же прокатился слух, что он и будет замещать Берлюза (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В русской культуре роль создателя, носителя и распространителя сплетен ассоциировалась (а иногда и сейчас ассоциируется) с бабой или кумушкой (согласно СлОШ 1992 словом кумушка называют женщину, занимающуюся пересудами и сплетнями). При этом если замена слов баба и кумушка на нейтральное женщина раньше воспринималось как разрушение клише, то теперь, в современном языке, подобная замена допускается, но, конечно, не в устойчивых сочетаниях бабы сплетни или досужие кумушки. См.:

Слушайте, по всем волжским городам тогда стояли тысячные очереди... — Какой-нибудь местный невазов. А скорей всего вам изменяет память. — Да и сейчас не хватает! — Бабы сплетни. У нас 7-8 миллиардов пудов зерна (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг);

Где утка (т. е. баба), тут и мутка (т. е. сплетня) [Даль 1957];

Женщины восхищались ее нарядами, конечно, — не всегда искренно, но всегда очень громко, они завидовали ей, и, помню, одна из них печально сказала: — Мое платье втрое дороже вашего и в десять раз хуже, — мне даже больно и обидно смотреть на вас. Конечно, женщины не любили ее, разумеется, сочиняли сплетни о нас (М. Горький. О первой любви);

А в то же время сколько нелестных отзывов, сколько совершенно ненужных донесений, основанных скорее на базарных сплетнях, чем на реальных данных, было послано ген. Эльснером в Екатеринодар, что, конечно, не умиротворяло, а только разжигало страсти (И. А. Поняков. Донские казаки в борьбе с большевиками).

Очевидно, что базар воспринималось как место, где обычно собираются женщины.

С другой стороны считалось (да и сейчас вообще-то считается), что настоящий мужчина не должен заниматься праздной болтовней и распусканием сплетен; ср.:

*Про нее, про Верочку, все эти рыцари болтали без удержу. Друг другу, как бы невзначай (ведь знали, что я слышу). И неизменно вызывали во мне неприязнь — не к Верочке, нет, а к ним самим, рассказчикам. И правильно она делала, что почти всех их за мужчин не считала. Это там я уяснил: **сплетничающие мужчины** хуже самой грязной проститутки* (Т. Вульфович. Три главы про Матвея).

Между тем как **распространитель сплетни**, как человек, пересказывающий сплетню, мужчина обычно в этой роли не оценивался отрицательно; ср.

*В декабрьскую стужу собрались в контору **бригадиры и десятники** греться, **рассказывали** разные лагерные **сплетни**. Вошел Орачевский, снял варежку и торжественно, осторожно высвободил оттуда на стол замеришу, но живую оранжево-черную красавицу-бабочку: «Вот вам бабочка, пережившая 19-ти градусный мороз! Сидела на балке перекрытия». Все сошлись вокруг бабочки и замолчали* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг).

И сегодня русский язык тоже легко отводит роль **источника** сплетни мужчине:

*Один раз я **распустил сплетню**, что Петровна совсем плоха. Так пришлось взять свои слова обратно, ибо Петровна настояла, чтоб я при другой старушке опроверг домыслы. И показала ей язык. Я плюнул и не стал принимать в их смерти большого участия. Но знаю — момент придет сам собой* (Ю. Мамлеев. Избранное. Центральный цикл. Дневник молодого человека).

A2. Наиболее четко выраженный **адресат** у **сплетни**: им является всегда конкретное лицо или группа лиц. **Сплетня** всегда **рассказывается, выкладывается** или **передается** одному лицу или нескольким конкретным лицам; ср.:

*Я все думал, что женищины, наконец, поссорятся из-за моего брата. Этого не случилось. Наоборот, они становились все более дружными, как жены престарелого мусульманина. Боря **рассказывал [нам] сплетни** про киноактеров. Напевал блатные песенки* (С. Д. Довлатов. Чемодан);

*Во время сеанса он **тешил князя**, болтая без умолку обо всем, **передавая [князю]** все столичные **сплетни**, и в то же время успевал проводить разные крупные дела, почему и слыл влиятельным человеком в Москве* (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи).

Человек, **запускающий** или **пускающий** некий слух, несомненно, хочет, чтобы этот слух получил распространение в обществе, а потому **субъект-источник** слуха предполагает, что будет много людей, до которых **слух дойдет** или **докатится**. Указанное обстоятельство напрямую связано с внутренним содержанием и функцией слуха, а также с его социальным назначением. Между тем у **субъекта-распространителя** слуха **адресатом** может быть и одно лицо:

Слух об апельсинах уже докатился до Петрова (В. П. Аксенов. Апельсины из Марокко).

Адресат молвы — это обычно большое множество лиц, хотя дойти *молва* может и до одного лица:

Соседка, слышала ль ты добрую молву? — // Вбежавши, Крысе Мышь сказала, — // Ведь кошка, говорят, попала в когти льву? // Вот отдохнуть и нам пора настала (И. А. Крылов. Мышь и Крыса).

Б1.1. Сама внутренняя форма описываемых слов-синонимов говорит о их **тяготении к разным фрагментам разворачивающейся коммуникативной ситуации**. *Молва* связана с **фазой говорения** и **говорящим**, *слух* — с **фазой восприятия информации** и со **слушающим**, а *сплетня*, формальное и семантическое производное глагола *плести*, — с **формой текста, тканью повествования текста**, то есть с самим **локутивным актом сообщения информации**.

Сказанное объясняет некоторые свойства рассматриваемых слов. В частности, отсюда следует возможность образования для слова *сплетня* определительной конструкции с прилагательным, которое передает оценку внешней формы построенного текста. Речь идет, например, о выражении при слове *сплетня* эстетической оценки данного речевого акта, ср. сочетание *красивая сплетня*, оценки степени занимательности текста сплетни, ср. сочетание *забавная сплетня* или оценки сложности внутренней организации сплетни и ее восприятия адресатом, ср. *витиеватая сплетня*, *запутанная сплетня*. По той же причине слову *сплетня* присуща сочетаемость с глаголами **создания текста** (*сочинять*, *плести*, *придумывать*), которая для слова *слух* менее характерна, хотя все же и возможна, а для слова *молва* — совсем недопустима.

Вот как представляет себе процесс создания сплетен Л. К. Чуковская:

Я сказала, что, по-моему, сплетни нередко создаются так: всякий человек воспринимает из слов другого не то, что другой говорит, а только то, что он, слушающий, способен понять. Стараясь пересказать вашу мысль третьему лицу, даже стараясь добросовестно, он переводит вашу мысль на свой язык. Ведь не только иностранцы говорят «на разных языках», а и люди одной родины, одного языка, но разных поколений, разных социальных слоев, разного личного опыта. И вы, в пересказе собеседника, собственной своей мысли не узнаете... Другое словоупотребление делает и вашу мысль другой. Оттенок мысли, интонации. Наизусть же чужую речь редко кто способен запомнить. Так что сплетни иногда произрастают невинно (Л. К. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой).

Молва в представлении носителей языка уже существует как готовый текст, ранее уже созданный, и известно кем (народом), а потому о создании молвы нет смысла даже говорить. И потому это слово, как уже говорилось выше, не сочетается с глаголами создания текста, ср. **создать* (**сочинить*, **произвести на свет* и под.) *молву*. Зато сам факт существования и распространения молвы отмечается в текстах довольно широко:

Есть молва, что отличались жестокостью пыток Ростов н/Д и Краснодар, но это не доказано (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг);

Ходила бойкая молва, // Что несправедлив к нему закон // За тайну темную рождения, // И что другой судьбы права (В. Хлебников. Сельская дружба);

Вы ведь тоже были мне враг. Впереди вас бежит молва: неподкупный, глазастый, глубокий, непонятный (В. Д. Дудинцев. Белые одежды).

Между тем о создании и возникновении слуха речь вестись может. Поэтому, насколько мы можем судить по нашим материалам, сочетания типа *пущать слух, сочинять слух* или *слух возникает* редко, но все же встречаются, ср.:

Кто-то пустил слух, что диспетчер запил (А. А. Азольский. Степан Сергеич);

Случай подрывал его репутацию. Надо было любой ценой, пока не поздно, предупредить, пресечь сплетни, а если весть уже распространилась, замаять, затушить слухи при самом возникновении (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго).

Смысловой акцент, если оставить в стороне раскрытие внутреннего содержания слуха ('в чем он состоит'), обычно делается на внешних характеристиках слуха. Подчеркивается скорость движения слуха, время или пространство его распространения, а также разные обстоятельства, касающиеся адресата слуха:

Тут лето наскочило, и пронесся слух, что Герасим Николаевич скончался (М. А. Булгаков. Театральный роман);

А в один прекрасный день вернулся в камеру с большой торбой, набитой яствами — даже фрукты там были! Это в военное-то время <...>.

Слух об этом происшествии разнесся по всей тюрьме (В. С. Фрид. 58 с половиной, или Записки лагерного придурка);

Где-то я услышал, что Муся ездила в советское посольство. Просилась якобы домой. Сначала я, конечно, не поверил. Но слухи все усиливались (С. Д. Довлатов. Иностранка).

Б1.2. Что касается соотношения рассматриваемых речевых актов и обозначающих их слов с истинностью/ложностью передаваемой информации, то можно отметить следующее: *сплетня* часто, по крайней мере, чаще, чем *слух*, содержит *ложную*, намеренно искажаемую *информацию*, или информацию *вымышленную, фантастическую*; *слух* не включает в себя строго определенную оценку истинности исходной информации: он *может* заключать в себе как *ложную*, так и *истинную информацию*, а *молва* несет, как правило, *истинную информацию*.

Между тем ни *сплетня*, ни *слух* не должны **выглядеть** как ложные высказывания: они должны быть, как мы говорили в первой части работы, **правдоподобны**, то есть внешне походить на правдивые сообщения, — чтобы люди, которым сообщается данная информация, могли сразу принять ее, поверить ей хотя бы вначале. *Слух*, однако, в отличие от *бытовой сплетни*, обычно

требует дальнейшей проверки и подтверждения, поскольку содержит слишком важную, затрагивающую существенные моменты жизни людей и общества, и вместе с тем неожиданную для адресата информацию, которая часто не соответствует его представлениям о действительности. См. предложения *Нам пришлось проверить информацию, содержащуюся в этом слухе; Слух подтвердился.*

Молва — это результат речевых действий целого общества, «народа» или очень большого числа людей. Поэтому в языке *молва* выступает всегда как носитель истинной информации, даже если она реально таковой не является. Истинность *молвы* основана на том, что *молва* — это то, что все говорят (ср. *Все говорят, что... = Идет молва, что*); она как бы навязана адресату. В попытках опровергнуть *молву*, представив ее как ложь, люди могут распускать *слухи* или *сплетни*.

Слух — наиболее нейтральное слово из всех синонимов в отношении к истинности. Искажение сообщений при передаче слуха может происходить из-за того, что субъект-распространитель слуха, получив информацию из «чужих рук», либо ошибочно ее интерпретирует, либо при дальнейшей передаче добавляет к ней собственную информацию, чаще всего оценочного типа. Однако, как я уже говорил, распространитель слуха может также намеренно и осознанно трансформировать исходное сообщение, превращая его в ложное. *Слухи* обладают свойством *обрастать подробностями*, их можно характеризовать как *правдивые, верные* или *ложные, нехорошие, недостовверные*.

Ложные слухи сближаются со *сплетнями*. *Сплетня* — это сообщение, оцениваемое многими (но не всеми!) как ложное, как сознательно искажающее реальную картину, или как нечто вымышленное, почти фантастическое:

— *Неужели ты ничего не слышал?* — *Слышал,* — сказал Данилов. — *Случайно и совсем недавно. Но это были сведения невнятные и, возможно, отдаленные от истины. Может, это просто сплетня* (В. В. Орлов. Альтист Данилов);

Ахматова, в шутку говорившая, что напишет книгу о сплетне с эпиграфом «Ничто так не похоже на правду, как неправда», но имевшая при этом в виду сплетню не только как клевету, а и как — по определению Анненского — «реальный субстрат фантастического» в «Поэме без героя» передала «петербургскую историю» с поправкой на «петербургскую молву» о ней. Или, если угодно, с поправкой на ход времени, который неизбежно превратит всякую историю, в том числе и Историю с большой буквы, в легенду (А. Г. Найман. Поэма без героя).

Б1.3. Различаются синонимы и по содержанию передаваемой информации.

Сплетня — это сравнительно *краткий рассказ об эпизодах из частной жизни* других людей, известных обоим собеседникам и входящих в их *личную сферу*. *Сплетня* обычно концентрируется вокруг лиц ближайшего круга — родственников, друзей, знакомых, соседей, сослуживцев — или известных людей — киноактеров, писателей, ученых, спортсменов, политиков

и пр. *Сплетня* рассчитана на эффект **неожиданности** и **занимательности**, а потому в центре ее внимания обычно оказываются **яркие личные и интимные детали частной жизни третьего лица** или **группы лиц**: неизвестные биографические подробности, скрытые черты характера, бытовые события, эпизоды жизни, например любовные приключения, неординарные поступки, необычные истории.

Рассказывая *сплетню*, субъект, будь то источник или распространитель сплетни, обычно незаконным образом вторгается в личную жизнь героя своего повествования, сообщая сведения, не подлежащие распространению, а адресат, как правило, готов слушать и принять к сведению то, что ему рассказывают.

Содержанием *молвы* и *слуха* является **социальная** или **частная жизнь человека** или **его окружения**:

И вот по просьбе Рыбакова его принял на Старой площади секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, второй после Горбачева человек в партии, о котором шла молва, что он инициатор и теоретик перестройки (С. И. Липкин. Собственная жизнь — это клад);

Прошел слух, что механик внезапно заболел сыпным тифом (М. А. Булгаков. Белая гвардия);

Там интриги — у всех свои кандидаты. Там, говорят, дают взятки, но я не уверен. Это слухи. Я не знаю, кто берет, сколько и когда нужно дать (С. Юрский. Сеюки).

Б1.4. Относительно степени объективизации и интимности содержания описываемых речевых актов можно сказать следующее. Из рассматриваемых синонимов *сплетня*, благодаря своему содержанию, предстает как наиболее **субъективный** и **интимный** речевой акт, *слух* занимает в этом отношении **нейтральное положение** на шкале, а *молва*, в силу истинности содержащейся в ней информации, отображается языком как носитель **наименее интимной** и наиболее **объективной** информации.

Не знаю, верить ли деревенским сплетням, но говорят, Федя-баночка наладил у себя производство спирта из краденого сахара и гонит его в лесу возле деревни Грбовицина (О. Ларин. Блудное лето);

Сейчас я расскажу про знаменитые огурцы Сандро. На следующий год Сандро взялся возле своего дома выращивать для колхоза огурцы. И он получил неслыханный урожай огурцов. Сколько ни шарили в кустах колхозники, проходившие мимо его бахчи, огурцов оставалась тьма-тьмушая. Слух об этих огурцах прошел по всему району <...> (Ф. А. Искандер. Сандро из Чегема).

О характере передаваемой информации свидетельствует также атрибутивная сочетаемость рассматриваемых слов. Слово *молва* способно довольно-таки легко присоединять к себе прилагательные объективной или общей оценки, такие как *дальновидная, благожелательная, добрая, злая, бойкая, пугливая, настойчивая* и под., а вот сочетаемость этого слова с прилагательными субъективной оценки затруднена или вообще невозможна: **скандальная молва, *гадкая молва, *подлая молва, *приятная молва, *кошмарная*

молва, *злостная молва, *чепуховая молва, *безобразная молва, ?нелепая молва, *злободневная молва. В то же время слова слух и особенно сплетня с такими прилагательными вполне сочетаются, ср. *скандальный слух, нелепый слух, безобразный слух, панический слух; гадкая сплетня, злостная сплетня, зловонная сплетня, дрянная сплетня, чепуховая сплетня.*

Б1.5. Относительно **субъективной оценки информации**, которая передается в рассматриваемых нами речевых актов, можно утверждать, что *молва* тяготеет к **положительной оценке** человека или события, которые являются предметом сообщения, *сплетня* содержит **отрицательную оценку** предмета сплетни, а *слух* может передавать как ту, так и другую оценки, а также нейтральную оценку:

Король с королевой благословили счастливую пару, одарили ее богатыми подарками и отправили в путь. <...> А спустя еще месяц принц Шарль уже въезжал с невестой в столицу своих предков. Известно уже давно, что добрая молва опережает самых быстрых лошадей (А. И. Куприн. Синяя звезда);

Шел май 1945-го, ясно было, что война вот-вот кончится. Всей камерой обсуждали настойчивый слух: Сталин сказал, вот окончится война и будет амнистия, которая удивит мир. Слух этот сбылся, и амнистия сорок пятого года действительно удивила мир: уголовников повыпускали, пятьдесят восьмую оставили в лагерях. Между прочим, эта параша широко ходила по лагерям, каждый год возникая в той же редакции (В. С. Фрид. 58 с половиной, или Записки лагерного придурка);

И поют друг другу — шепотом ли, в крик ли // — Слух дурной всегда звучит в устах кликуш. // А к хорошим слухам люди не привыкли, // Говорят, что это выдумки и чушь (В. С. Высоцкий. О слухах).

Б.2.1. В процессе **создания речевого акта сплетни** субъект-источник и субъект-распространитель заранее **предполагают передачу адресату ложной или вымышленной информации**: в их намерение входит искажение истины. *Слух* только допускает такое искажение, а у *молвы* подобное намерение со стороны субъекта-источника обычно отсутствует: распространение *молвы* не предполагает сознательного искажения информации.

Б.2.2. Что касается **целей и мотивов создания и распространения слуха**, то к ним относятся, например, формирование коллективного, хотя и необязательно единого, мнения о сложившейся ситуации или каких-то ее аспектах, выявление общего отношения к какой-либо общественной проблеме, а иногда и определение некой программы возможных коллективных действий, выработанной на основе этого мнения и отношения. Даже в тех случаях, когда содержанием слуха являются интимные подробности жизни какого-то человека или когда в нем описываются события, носящие, на первый взгляд, сугубо частный характер, это делается обычно с целью **подчеркнуть (или: указать на) те изменения в обществе или в социальной группе, в которую включено данное лицо.**

Мотивы для создания и распространения *сплетни* тоже могут быть разные, но их объединяет другое: **желание рассказывающего сплетню получить для себя какую-то выгоду и повысить свой статус** за счет принижения героя повествования, появившейся возможности обсудить его поведение и посмеяться над ним, обретения (в лице адресата) союзника и единомышленника, установления с адресатом новых отношений и пр.

Наиболее частыми общими целями *слухов* и *сплетен* (оставим в стороне их отличительные смысловые оттенки) являются: (а) оклеветать некоторого человека, скомпрометировать или унижить его; (б) оказать воздействие на адресата — например, чтобы тот, выслушав говорящего, сделал впоследствии нечто, что нужно говорящему или какому-то третьему лицу, за которого субъект ходатайствует; (в) сделать так, чтобы адресат стал думать или считать так, как того хочет говорящий, ср.:

«Мой муж меня и так очень любит», говорила она, никогда не обращая внимания на сплетни. Ей постоянно жужжали в уши об его изменах, — кто знает, быть может, он и не был святым, — но ее это не затрагивало, ревность была не существовавшим для нее чувством (С. И. Аллилуева. Двадцать писем к другу);

Я нарочно распространил слух, что уехал, а сам остался еще на несколько дней, чтобы дать вам и Ларисе Федоровне время по-новому переосмыслить затронутые нами вопросы, и по зрелом размышлении прийти, может быть, к менее опрометчивому решению (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго);

Распространяй по городу слухи, что я все еще нахожусь у одра тетушки в Воронеже. Твой вечно муж Федя (И. А. Ильф и Е. П. Петров. Двадцать стульев).

Молву отличают **позитивные цели** — положительно охарактеризовать человека, животное или какой-то предмет, объективно описать существующее положение дел (пусть и не всегда очень приятное для героя повествования) для адекватного восприятия текущей ситуации и формирования к ней должного отношения, укрепить индивидуальные и общественные связи и т. п.

Молва о бегемоте достигла аравийских пустынь, где его образ был изменен и возвеличен. Жители Аравии превратили его из слона или гиппопотама в рыбу, плавающую в бездонном море (Х. Л. Борхес. Книга вымышленных существ [перевод с испанского В. Кулагина-Ярцева]);

Давно вошедший в разряд лучших международных игроков, очень известный, цитируемый во всех шахматных учебниках, кандидат, среди пяти-шести других, на звание чемпиона мира, он [Лужин] этой благожелательной молвой был обязан ранним своим выступлениям, оставившим вокруг него какой-то смутный свет, венчик избранности, поволоку славы (В. В. Набоков. Защита Лужина).

Б.2.3 Область распространения у *слухов*, *сплетен* и *молвы* тоже разная. *Сплетня* распространяется на **малом, ограниченном, пространстве**; чаще всего передается в разговоре с глазу на глаз. *Молва* предполагает **значительную область распространения**, а *слух* может существовать **как на большом**

(ср. *Слухами земля полнится*), **так и на малом пространстве**. Разумеется, мы ведем речь не о реальном, физическом, большом или малом пространстве, а о том, **каким видит пространство говорящий**, употребляющий данные слова, то есть имеется в виду языковая концептуализация соответствующего пространства.

О характеристике размера пространства говорит, прежде всего, непосредственная или опосредованная сочетаемость в предложении слов-синонимов с другими словами, главным образом с дополнениями, обстоятельствами места и прилагательными. Ср. правильные сочетания *людская молва* (*молва*), *мирская молва*, *народная молва*, *вселенский слух* (при аномальных **народная сплетня*, **мирская сплетня*).

Б.2.4 Говоря о *характере распространения речевого акта*, отметим, что *молва* не предполагает изменения первоначально содержащейся в ней информации при переходе от одного субъекта-распространителя к другому, а содержание *сплетни* и *слуха* на пути их распространения, вообще говоря, существенно меняется. Слухи и сплетни разрастаются «подробностями»: в изначальную чужую речь субъекты, распространители сплетни и слуха, добавляют что-то свое. Характер распространения *молвы* отражается в метафоре.

Молва распространяется, как **бурный поток** или **лавина**. В некоторой социальной среде каждый индивид передает сообщение другому (а субъектом-источником, как мы уже говорили, является народ), и, поскольку люди волея-неволей вовлечены в процесс передачи информации, молва ассоциируется с лавиной, которая растет и растет и вовлекает в этот процесс все большее количество людей:

Впрочем, он принадлежал к тем счастливицам, которым не приходится гоняться за славой. Слава сама гонялась за ними. Я и глазом не успел моргнуть, как имя птицелова громко прозвучало на московском Парнасе. Молва о нем покатила широкой волной. И моя слабенькая известность сразу же померкла рядом со славой птицелова. Однако, когда мы сидели на бронзовой цепи возле памятника Пушкину и сочиняли сонеты, молва о птицелове еще не дошла до ушей знаменитого королевича (В. П. Катаев. Алмазный мой венец).

Распространение *слуха* — это еще один процесс, который в социальной антропологии называется **самотрансляционным**. Кто-то сообщает что-то кому-то, затем каждый адресат сам становится говорящим и передает сообщение дальше, а так как слух рассказывается другому человеку, как правило, лишь один раз (второй раз одному и тому же лицу слух не передается), слух как бы сам собой распространяется по миру (см об этом в первой части статьи). Вот один лишь пример:

АК (Антон Кузнецов): То есть слухи об умственной неполноценности писателя Владимира Войновича распускались по всему свету? // ВВ (Владимир Войнович): Конечно. Эти люди просто бегали везде и везде толковали: «Войнович врет, Войновичу нельзя верить» и т.д. Вы же знаете, как быстро распространяются слухи, буквально в геометрической прогрессии (В. Войнович. Я не хочу «тише, тише») я хочу

«громче, громче») <Интервью проводил Антон Кузнецов; оно опубликовано в журнале «Вопросы литературы». 1997, №1>.

Как было сказано ранее, из рассматриваемых речевых актов этап создания могут включать только два — *слух* и *сплетня*, причем для *сплетни* — это обязательный компонент. Но если создание и распространение *слуха* — это только некоторое (возможное) искажение истинной информации, то механизм создания и характер распространения *сплетни* выглядят сложнее.

Прежде всего, можно выделить **намеренные** и **непреднамеренные сплетни**. Последние представляют собой результат невольных и неизбежных искажений, которым подвергаются смысл чужих слов при их передаче.

Однажды в кофейне до его слуха случайно долетел обрывок разговора об этом фантастическом любовном треугольнике, в котором якобы очутился Марат. Причем на этот раз рассказчик сплетни роль Марата свел до позорного минимума. — Кто-то же должен был ей таскать чемодан с удавом, а тут Марат и подвернулся, — заключил рассказчик свой гнусный рассказ (Ф. А. Искандер. Сандро из Чегема);

В 1956 году после относительной реабилитации Мандельштама Анна Андреевна мне сказала: «Теперь мы все должны написать о нем свои воспоминания. А то, знаете, какие польются рассказы: «хохолок... маленького роста... суетливый... скандалист...». Она имела в виду издавна бытующие в литературной среде анекдоты о Мандельштаме. Надежда Яковлевна тоже считала важным предварить поток сплетен живыми рассказами людей, близко знавших и любивших Осипа Эмилевича. К их числу она справедливо причисляла и меня (Э. Герштейн. Надежда Яковлевна).

Намеренная сплетня — строится и распространяется несколько иначе. Говорящий обладает некоторой исходной информацией, которая вполне может быть истинной, однако осознанно и намеренно трансформирует ее, перемешивает (переплетает) исходную, возможно истинную, информацию с заведомо ложной. В результате появляется новое сообщение, информация в котором зачастую прямо противоположна реальности.

Хотя в то время ему было не больше четырнадцати, ходили сплетни, естественно, запущенные кем-то из прислуги, будто он связан с Фотини, одной из греческих служанок (Йен Воррес. Последняя Великая Княгиня)

[природа сплетни здесь — желание выдать нечто невозможное за действительное].

Б.2.5 Распространение молвы, слухов и сплетен имеет одну отличительную особенность, связанную с **местоположением субъекта-источника и расстоянием между ним и областью распространения соответствующего речевого акта**. А именно, источник *молвы* находится вне области распространения на довольно значительной от нее дистанции; источник *слуха* может быть как вне, так и внутри области распространения, а источник *сплетни* всегда находится внутри области ее распространения. Это ясно видно из глагольных сочетаний с данными словами.

Молва доходит, приходит к человеку издалека, выходя из какого-то далекого места. *Слухи распространяются внутри* какого-то социума или *в* каком-то социальном, географическом и т. п. пространстве, в пределах какой-то группы, или, как и *молва, идут из* какой-то точки; *сплетня рассказывается* обычно одному лицу или группе лиц в непосредственной беседе, диалоге:

От Людмилы Михайловны никаких вестей не приходило <...> Из жилищного совета тоже никаких слухов не было (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни);

Правда, слух о нем [Ариэле] доходил и до Америки, но над заметкой посмеялись, как над газетной уткой. В лицо же никто Ариэля не знал (А. Р. Беляев. Ариэль).

Литература

[Даль 1957] Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957.

[Крейдлин, Самохин 2003] Крейдлин Г. Е., Самохин М. В. Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос (под ред. Н. Д. Арутюновой и Т. Е. Янко). М.: Языки русской культуры, 2003.

[Крейдлин 1999] Крейдлин Г. Е. Проксемика и поведение человека в диалоге // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. Таруса, 1999. С. 144–150.

[Крейдлин 2001] Крейдлин Г. Е. Кинесика. // С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. Москва–Вена: «Языки русской культуры», «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband 49, 2001. С. 166–254.

[Крейдлин 2002] Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

[Почепцов 1990] Почепцов Г. Г. (мл.) Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. Киев, 1990. С. 131–139.

[Allport & Postman 1947] Allport, G. W. & Postman, L. The psychology of rumor. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1947.

[Rosnow 1974] Rosnow, R. L. On rumor // Journal of communication, 24 (3), 1974. P. 26–38.

[Shibutani 1966] Shibutani, T. Improvised news: A sociological study of rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.

Язык тела: единицы и их словарное описание

Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева

Язык тела — это понятие относительно условное и новое, и его нужно, конечно, пояснить. Далее мы расскажем о том, что представляет собой язык тела, из каких единиц он состоит, кто на нём «разговаривает», наконец, как можно описать единицы этого языка в специальном словаре. Но начнём мы свой рассказ с понятия знака, потому что единицами языка тела являются знаки, причём определённого типа.

Знак: слово и понятие

Слово *знак* хорошо известно носителям русского языка — ведь мы общаемся при помощи знаков. Мы *подаём* друг другу разные *знаки*, например, когда играем в прятки, подаём знак голосом, говоря *Води!*. Мы с детства знакомимся с *дорожными знаками*, со *знаками препинания*. Военные носят погоны, ордена и медали, и это всё *знаки отличия*. Известно, какую роль в жизни людей играют *денежные знаки*.

В русском языке есть такие сочетания, как *сделать что-то в знак дружбы* / *в знак внимания* / *в знак любви* / *в знак протеста*. Иногда вместо слова *знак*, впрочем, употребляют и другие слова — *жест*, *символ*, *эмблема*. Однако наиболее употребительным среди этого ряда является слово *знак*.

Оно используется не только в бытовом языке, но и в специальных языках, прежде всего в языках науки — в философии, культурологии, или теории культуры, в антропологии и, конечно, лингвистике. В этих областях слово *знак* имеет иное значение, чем в бытовом языке. Это слово и стоящее за ним понятие настолько важные, что они стали ключевыми, центральными понятиями особой науки, которая фактически вмещает в себя частные гуманитарные науки. Речь идёт о **семиотике** — науке о знаках, знаковых процессах и системах знаков.

В рамках семиотики понятие знака является неопределяемым. Это означает, что изложить его содержание и дать объяснение значения слова *знак*, используя более простые по смыслу единицы, невозможно. Однако можно выделить некоторые важные свойства понятия знака.

Чтобы описать какой-либо знак, надо указать две вещи: **форму** знака и **смысл** знака. Говорят, что форма и смысл являются основными **компонентами знака**.

Форма — это то, что воспринимается человеком посредством органов чувств. По тому, какие органы чувств участвуют в распознавании знака, выделяют **визуальные** (зрительные), **аудиальные** (слуховые), **тактильные** (осязательные), **обонятельные** и **вкусовые** знаки. Это виды знаков по их форме. Приведём отдельные примеры таких знаков.

Знаки дорожного движения, жесты и позы, которые люди видят глазами, — это визуальные знаки. Визуальных знаков очень много. Это эмблемы, значки, дощечки с надписями, рисунки, графики и многие другие осмысленные изображения. Особым видом визуальных знаков являются **взгляды**. При помощи взглядов можно передавать самую разнообразную информацию: любовь, ненависть, уважение; желание некоторой деятельности, указание на какой-то предмет, например, для чтобы человек его взял, и многие другие виды информации.

К аудиальным знакам относятся, прежде всего, звуки устной речи. Кроме того, аудиальными знаками являются также неречевые элементы, которые что-то означают, например гудок паровоза (знак приближающегося или отходящего поезда), сирена скорой помощи, звук заводской трубы (знак начала или конца рабочего дня), бой курантов, стук в дверь, свисток судьи на спортивном соревновании.

Тактильные знаки — это разного рода смысловые касания и прикосновения, жесты **похлопать по плечу**, **взять за руку**, **погладить по головке** и многие другие. Есть целительные касания: прикосновения врачей, в частности специалистов по мануальной терапии, или массажистов. Есть ритуальные касания, например касание шпагой плеча человека при посвящении его в рыцари. Есть и другие интересные виды знаков-касаний; многие наказания, исследования свойств поверхностей предметов или их внутренних частей, поцелуи, объятия — всё это знаки-касания.

Обонятельные знаки не в меньшей степени, чем специалистов по семиотике и лингвистике, интересуют биологов. Дело в том, что коммуникация животных осуществляется при помощи запахов, то есть совокупности обонятельных знаков. Однако и в коммуникации людей запахи тоже играют важную роль. Плохие и неприятные запахи препятствуют общению, а любимые запахи делают общение более гладким и дружественным. Запах свежеприготовленной пищи может служить сигналом, что вас ждут в этом доме или у костра. Запахи связаны с хождением в гости, в театр и, вообще, с общественной жизнью людей. Поэтому важность изучения запахов очевидна.

Обонятельные знаки идут в одном ряду с вкусовыми знаками. К вкусовым знакам относятся определённые виды пищи, например хлеб и соль в русской культуре или кумыс в культурах Средней Азии. Они играют важную роль в ритуале приёма гостей и означают, что хозяин рад гостю, что гость желанный, а хозяин радушный. На Востоке есть закон гостеприимства, согласно которому хозяин должен предложить гостю съесть вместе с ним со-

лённую пищу, и тот не должен отказываться: ведь человек, который ест соль в чужом доме, связывает себя обязательством не причинять этому дому зла. Если же гость отказывается от соли, то это может показаться хозяину подозрительным, потому что является знаком недобрых намерений пришедшего в дом. В европейской традиции вкусовые знаки тоже принимают активное участие в коммуникации: приём гостя традиционно связан с угощением (в русском языке *гость* и *угощение* даже однокоренные слова!), детям дарят конфеты, шоколад и другие *гостинцы*. За здоровье именинника пьют вино, а праздник нового года отмечают шампанским. Соответственно, вино и шампанское являются знаками праздничных событий.

Вкусовые и обонятельные знаки хранят информацию и впечатления, вызывая в памяти образы прошлого, воспоминания о событиях и людях. Вспомним строчки С. Есенина: *Зёрна глаз твоих осыпались, завяли / Имя тонкое растаяло, как звук, / Но остался в складках смятой шали / Запах мёда от невинных рук.*

Одним из общих свойств, объединяющих разные виды знаков, о которых мы говорили, является то, что их обозначения входят в состав разнообразных фразеологических единиц. И это служит ещё одним свидетельством того, какую роль знаки играют в коммуникации. Например, визуальный знак (взгляд) скрыт в выражении *Уставиться, как баран на новые ворота*, а аудиальные знаки (услышанные слова) усматриваются в поговорках типа *В одно ухо влетело, в другое вылетело* или *Слышал звон, да не знает, где он.*

Вы, наверное, уже заметили, что среди приводимых нами примеров знаков есть знаки разного рода: **речевые**, или **вербальные, знаки** (знаки русского, английского и других естественных языков) и **неречевые**, или **невербальные, знаки**. Можно общаться одними только вербальными знаками, хотя это общение не очень естественное — ведь даже на письме мы пользуемся знаками препинания. Можно общаться только невербальными знаками — так устроены все языки, предназначенные для общения глухонемых людей (по-английски называемые *sign languages*). Но в подавляющем большинстве актов коммуникации неречевые знаки с обязательностью сопровождают речевые высказывания и даже целые речевые акты, то есть определённую группу высказываний. Ср. неречевое сопровождение жеста слухов и сплетен или жестовое сопровождение слов утешения, жалости, любви и др.

Тексты художественной литературы заполнены описаниями разного рода знаков, как вербальных, так и невербальных. Мы полагаем, что примеры вы легко найдёте сами.

Теперь обратимся к другому, не менее важному компоненту знака — к его **смыслу**. Смысл знака — это та рациональная или чувственная информация, которую знак передаёт. Соответственно, различаются **эмоциональные** знаки (выражающие некоторое чувство) и **рациональные** знаки (знаки, передающие информацию). Вот несколько примеров эмоциональных и рациональных знаков. Эмоциональные знаки: ☺; !!!; *Как здорово!*; жест **закрывать лицо руками**. Рациональные знаки: табло с надписью «Выход», схематичное изо-

бражение разных предметов, например, предметов мебели, жест **прижать руку к груди в знак благодарности**.

Некоторые знаки выражают **простые** смыслы, например, такими словами являются термины. Термины должны быть понятны и прозрачны по смыслу. В рамках определённой науки термины имеют ровно одно значение, и это значение должно быть описано при помощи небольшого числа более простых единиц и грамматических конструкций. Слова естественного языка в большинстве своём имеют **сложные** смыслы.

Есть два рода смысловой сложности слова: сложность описания отдельного смысла (для однозначных слов) и сложность, связанная с многозначностью слова. Слова, обладающие смысловой сложностью первого рода, в словарях описываются при помощи большого числа единиц и достаточно сложных конструкций. К таким словам относятся, например, русские частицы *только*, *даже*, некоторые существительные, например *тёща*, *холостяк*, предлоги *в отличие от*, *во имя*. Подавляющее большинство слов бытового русского языка, однако, многозначны, то есть обладают смысловой сложностью второго рода. Описания значений русских глаголов движения, таких как *идти* или *бежать*, занимают несколько страниц толкового словаря, и удивительно, как мозг человека может распознавать все значения этих слов.

Третьим компонентом знака является **синтактика**. Поясним, что означает это слово.

Люди общаются не отдельными знаками, а используют выражения и фразы, состоящие из знаков. Чтобы построить правильные фразы, надо знать, какие знаки с какими сочетаются и как они упорядочиваются, причём, поскольку в общении, как мы говорили, люди пользуются не только речевыми знаками, но и неречевыми, нужны правила сочетаемости и правила упорядочивания знаков разной природы. Способность знака сочетаться с другими знаками и упорядочиваться относительно других знаков и называется **синтактикой** знака. Это название не случайно: слово *синтактика* восходит к греческому *syntaktos*, что означает 'присоединённый'.

Есть наука о синтактиках знаков, она получила всем известное название **синтаксиса**. Покупая книжку под названием «Синтаксис французского языка», вы можете ожидать, что в ней содержится информация двух типов. Информация первого типа — это информация о сочетаемости французских слов, словосочетаний и простых предложений в составе сложных, а информация второго типа касается общих закономерностей и частных законов относительного порядка всех этих единиц в составе предложения или текста. Говоря другими словами, синтаксис знаков задаётся двумя видами **синтаксических правил**: правилами сочетаемости и правилами порядка.

Впрочем, нам кажется, что если бы книжки, в которых описывается синтаксис некоторого естественного языка, опирались бы не, как это сейчас почти повсеместно принято, на письменную форму языка, а на устную, то их следовало бы дополнить синтаксическими правилами, которые затрагивают не только речевые, но и неречевые единицы. Например, предложение *Я тебе покажу!* предполагает жест угрозы и соответствующую мимику, а известная

фраза *Вот такой ширины, вот такой ужины* вообще не имеет смысла без определённых жестов. Неречевой знак угрозы (если эта угроза не шуточная, а настоящая) хорошо сочетается с грозным выражением лица жестикулирующего (например, со сжатыми губами) и плохо с дружеской улыбкой.

При построении грамматик сочетаемости и порядка следования знаков, то есть правил, определяющих допустимые сочетания и разрешённые последовательности знаков, важно иметь так называемую **систему фильтров**, то есть контекстных условий, запрещающих неправильные сочетания и последовательности знаков.

Рассмотрим ситуацию знакомства, подкреплённого знаком приветственного рукопожатия.

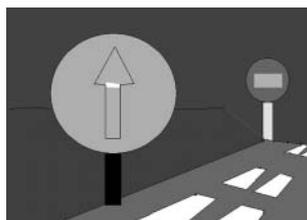
Обратим внимание на лицо человека, стоящего слева. Нельзя сказать, что оно приветливое и дружелюбное, а потому возникает ощущение, что с этим рукопожатием что-то не так. Человек, стоящий слева, пожимает собеседнику руку, **насупившись** и **глядя исподлобья**. По всей видимости, это рукопожатие не несёт того смысла, что несёт обычное приветственное рукопожатие, которое выражает дружество и готовность к дальнейшей совместной деятельности. А именно, жест приветствия здесь не сопровождается типичными для приветственного рукопожатия **дружественной улыбкой** и **приветливым, тёплым взглядом**. Таким образом, перед нами явное нарушение законов сочетаемости двух знаков языка тела: жеста **рукопожатие** и выражения лица.

Порядок слов в русском языке несёт определённый смысл, то есть является знаковым, а изменение порядка слов часто меняет значение исходного сочетания или предложения. Например, *обыкновенную ромашку* как цветок могут подарить на день рождения, а *ромашка обыкновенная* — это не цветок, а название лекарственного средства, которое продаётся в аптеке. Фраза *Она родила ребёнка и вышла замуж* означает не то же самое, что *Она вышла замуж и родила ребёнка*, а сочетание *президент и его супруга* — не то же самое, что *его супруга и президент*.

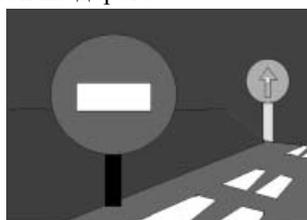
А вот ещё один пример, иллюстрирующий важность порядка следования знаков. Представим себе, что мы едем по дороге и встречаем дорожный знак «стрелка вперёд», а через пару десятков метров, то есть сравнительно близко от него, дорожный знак «кирпич».

Такая последовательность знаков, расставленных на дороге на близком расстоянии, вызывает недоумение. Спрашивается, зачем кто-то поставил

один знак после другого или перед другим? Ведь смысл такой последовательности — ‘Поезжай вперёд, пока скоро не увидишь, что дальше двигаться вперёд запрещено’. Понять, что здесь сказано, можно, но следование этой инструкции очевидно приводит автомобилиста в тупик.

Пусть теперь кто-то поменял эти дорожные знаки местами. Попробуем на этот раз проехать по той же дороге.

Порядок знаков изменился так, что проехать по дороге невозможно. Знак «кирпич» препятствует дальнейшему движению, и знак «стрелка вперёд» никакой функции не исполняет.

Различают **широкую** сочетаемость знаков и **узкую**. Так, слово *дом* сочетается с большим количеством прилагательных, стоящих в тексте перед ним, а слово *Ваня* — с малым. **Взгляд в глаза** хорошо сочетается со многими жестами, а **взгляд в потолок** — с не очень многими.

Наконец, последний, четвёртый, компонент знака называется **прагматикой** (от греч. *pragma* — ‘дело’, ‘действие’). Прагматика знака выражает отношение говорящего или жестикулирующего (или, более широко, отправителя знака) к самому знаку либо к его употреблению в данной ситуации, отношение между знаком и адресатом, а также отношение между говорящим и адресатом в данной ситуации общения.

Большую долю в прагматике знака занимают разного рода оценки. *Удачная операция* характеризует действия врача, но главным образом является успешной для больного. *Хорошо отозваться о ком-то* не то же самое, что *положительно отозваться о ком-то*; говорят, что у слов *хорошо* и *положительно* разная прагматика. *Хорошо отозваться* может быть как характеристикой речи говорящего (человек говорил красиво, грамотно, красноречиво), так и характеристикой адресата, о котором говорящий сказал много тёплых слов, а *положительно отозваться* является характеристикой исключительно адресата. **Широкая улыбка**, обращённая к человеку, говорит о хорошем

отношении к нему, а **кривая улыбка** — о плохом. Иными словами, у этих невербальных знаков разная прагматика.

Рассмотрим отрывок из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», в котором впервые встречаются городничий и Хлестаков. Из предшествующего текста мы знаем, что городничий ожидает приезда ревизора и принимает Хлестакова за него. Хлестаков знает, что перед ним городничий — фигура, высоко стоящая в социальной иерархии чинов, то есть высокопоставленный чиновник.

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желаю здоровствовать!

Хлестаков (кланяется). Моё почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Комизм характера ситуации прочитывается из авторских ремарок, а не из слов участников диалога. А именно, исполняемые при приветствии неречевые знаки свидетельствуют об обоюдном чиновничьем почитании собеседников. Каждый из них считает себя ниже другого. Жест **руки по швам** в гражданской сфере общения свидетельствует о подчинённом положении, услужливости и подобострастии жестикულიрующего. Исполняемый в ответ приветственный **поклон** (со словами *Моё почтение*) свидетельствует о том, что нормальное значение приветственного поклона здесь изменилось: это поклон не просто приветственный, а почтительный, близкий к подобострастному. Такое выраженное в телесных знаках взаимное подобострастие и обеспечивает юмористический эффект сцены.

Подведём краткий итог всем нашим рассуждениям о знаке, выделив основные моменты. Их всего два.

Знак содержит в себе четыре компонента: форму, смысл, синтактику и прагматику. Описать знак (например, в словаре) означает описать все эти компоненты.

Знаковые процессы

Перейдём ко второму разделу науки семиотики — к теории **знаковых**, или **семиотических, процессов** (в западной литературе по семиотике используют также термин **семиозис**).

Знаковые процессы бывают разных видов, и каждый из них обладает как общими, так и своими особыми свойствами. Поэтому, рассказывая о том, какие бывают знаковые процессы, мы будем обращать внимание и на универсальные и на специфические свойства.

Среди знаков исследователи в области семиотики выделяют так называемые **предметные** знаки. Вопрос, является ли цветок, стоящий на подоконнике (то есть некоторый предмет), знаком, в какой-то степени бессмысленный. Дело в том, что ответить на него однозначно нельзя, поскольку **предмет знаком делает договор**. Например, если бы мы договорились о том, что, когда цветок стоит на подоконнике, то это означает, что войти в квартиру нельзя,

цветок стал бы знаком. Как говорят, предмет подвергся бы **означиванию**, то есть превратился бы в знак.

Процесс означивания является одним из самых важных и распространённых видов семиозиса. Заметим, что при наличии договора отсутствие цветка автоматически является значимым. Иначе говоря, отдельно договариваться о том, что означает отсутствие цветка, не нужно. Мы сами легко поймём, что если цветка на подоконнике нет, то войти в квартиру можно. Знак материального отсутствия цветка называется **нулевым знаком**. Роль нулевых знаков в коммуникации людей не менее важная, чем **материально выраженных знаков**, то есть знаков, имеющих определённую материальную форму.

Язык языком, или множеством связанных между собой знаков, делает совокупность коллективных договоров. На протяжении истории мы как бы договариваемся о том, что стол называется *столом*, а папа — *папой*, а не как-то иначе. Без таких договоров язык бы не существовал. Мы можем договариваться об условных знаках: цветах, письмах, книгах, телефонных звонках, и это всё будут **личные договоры** — договоры между двумя или несколькими лицами. А можем договариваться целыми коллективами, большими социальными группами, народами, и это уже будут **социальные договоры**. Оба типа договоров, личные и социальные, превращают предметы в знаки, то есть их означивают.

Какие-то знаковые процессы происходят внутри одной знаковой системы, другие затрагивают несколько систем одновременно. Когда мы переводим с одного языка на другой, происходит семиотический процесс (**перевод**), затрагивающий сразу две знаковые системы, а при **реферировании** или **адаптировании** текста для маленьких детей процесс происходит только внутри одной системы. И **перевод**, и **создание либретто** оперы, где излагается краткое содержание действий, и **адаптирование** текста — это всё примеры семиозисов.

Интересным видом семиозиса является **дублирование** фильма, фактически пересадка голоса из одного тела в другое. Но не менее интересными и важными знаковыми процессами являются **конспектирование**, **создание сценария** фильма или телепередачи, **редактирование**. Чтобы описать каждый из этих знаковых процессов, нужно указать, какие знаки в них участвуют, охарактеризовать их компоненты и показать, как знаки используются в каждом из этих процессов. Это и есть то общее, что присуще всем знаковым процессам.

Есть знаковые процессы, без которых некоторым людям трудно жить в обществе, потому что они не могут общаться друг с другом (а человеческое **общение** — это тоже семиотический процесс, процесс обмена знаками!). К ним, например, относится процесс **сурдоперевода**. Деятельность сурдопереводчика заключается в следующем. Используя имеющиеся соответствия между словами естественного языка и знаками особого языка жестов, специально предназначенного для глухонемых людей (*сурдо-* — от французского *sourd* ‘глухой’), а также опираясь на грамматику естественного языка и

языка жестов, переводчик заменяет правильные последовательности знаков одного языка на правильные последовательности знаков другого.

Часто семиотические процессы, способствующие построению текстов или гладкому протеканию коммуникации, выступают одновременно, согласуясь один с другим. Например, при построении текста рекламы мы должны согласовать самые разные знаковые процессы: производство словесного текста, процесс создания символических изображений, установление соответствия музыкального сопровождения словесным и визуальным текстам. Реклама и тексты синтетических жанров типа оперы, оперетты, мюзиклов связаны, таким образом, с ещё одним видом семиозиса. Его можно назвать **согласованием семиотических процессов друг с другом**.

Знаковые системы

Напомним, что семиотика изучает не только отдельные знаки и виды семиозисов, но и **знаковые системы** (системы знаков). О знаках мы уже говорили; а что же такое система знаков? Это множество знаков, связанных определёнными отношениями и функционирующих в обществе по определённым правилам. Чтобы описать знаковую систему, мы должны указать образующие её знаки, охарактеризовать отношения между знаками и выявить правила, по которым эти знаки используются людьми.

Рассмотрим простейшую знаковую систему — обычный дорожный **светофор**. В этой системе три знака: красный свет, жёлтый и зелёный. Смыслы и особенности функционирования этих знаков понятны, думаем, каждому, и мы здесь на них не будем останавливаться. Впрочем, одному из авторов довелось однажды услышать, как участковый милиционер в одной из московских школ обучал детей первого класса правилам дорожного движения. В частности, милиционер сказал: «Если увидишь красный свет, значит, дороги нет». На это один мальчик поднял руку и спросил: «А как же перейти улицу? Ведь красный свет всегда есть, но не на тебя же направлен». В самом деле, милиционер сформулировал правило, относящееся к функционированию знаковой системы светофора, если угодно, к синтаксису его знаков, крайне небрежно. Ведь красный свет светофора является для человека, переходящего улицу на перекрёстке, сигналом остановки, только если этот свет направлен на него.

Скажем несколько слов об отношениях между отдельными знаками светофора. Одно из таких отношений — это отношение **последовательной сменяемости знаков**. Им связаны, например, пары «красный — жёлтый», то есть жёлтый свет сменяет красный, или «жёлтый — зелёный», но не «красный — зелёный». Ещё одно отношение между знаками — это отношение **возможности перехода улицы и ожидания возможности**. Зелёный и красный означают возможность и, соответственно, невозможность перехода, а жёлтый — ожидание возможности.

Самой сложной знаковой системой является, безусловно, конкретный естественный язык. Мы пока ещё не только не умеем хорошо описывать

все знаки языка, но и не знаем многих отношений между ними и правил их употребления. Если светофор и естественный язык занимают крайние положения на шкале сложности знаковых систем, то такие системы, как языки веера, цветов, сигнальных флажков, игральные и гадальные карты, язык жестов, занимают промежуточное положение и перечислены здесь в порядке возрастания сложности.

Названия *язык веера*, *язык цветов*, а также *язык жестов*, *язык танца*, *язык музыки* употребляются в лингвистике и семиотике не вполне законно. Эти знаковые системы можно назвать языками лишь с известной долей условности. Дело в том, что статус языка предполагает точное описание (или хотя бы попытки точного описания) его составных компонентов — знаков, отношений между ними и правил их функционирования. Между тем даже для такого относительно простого языка, как язык веера, подобных описаний не существует. Нет словарей, где описывались бы единицы языка веера и отношения между ними. Нет и грамматики, где описывались бы нужные правила. Знаковая система, законно претендующая на название *язык*, предполагает систематизацию, то есть строгое построение или описание всех её составляющих. Именно так понимают термин *язык* современные лингвистика и семиотика.

Специалисты в области семиотики часто сталкиваются с вопросом, к какой знаковой системе принадлежит тот или иной знак. Дело в том, что один и тот же знак может принадлежать сразу к нескольким знаковым системам. Например, знак *T-c-c!* входит одновременно в систему русских междометий, то есть является знаком естественного языка, и в так называемую **паралингвистическую** систему («окололингвистическую» систему, ср. греч. *para* ‘около’) русского языка тела, являясь при этом неречевым звуковым знаком.

Язык тела. Телесные знаки и отношения между ними

Можно спросить: если есть наука, в которой основными изучаемыми единицами являются вербальные знаки, то почему нет науки, в которой основными изучаемыми единицами являются невербальные знаки? Такой вопрос долгое время вообще не поднимался. Он возник тогда, когда появилась и начала бурно развиваться семиотика. В настоящее время семиотика разделилась на общую часть (**общая семиотика**) и отдельные частные разделы (**частные семиотики**). Общая семиотика изучает общие принципы построения и общие законы функционирования всех знаковых систем. Предметами частных семиотик являются разные области жизнедеятельности людей. Говорят о семиотике кино, семиотике театра, рекламы, быта, художественной литературы и др. Есть частная область семиотики, основным предметом которой являются телесные знаки, телесные процессы и телесные системы (**языки тела**). Эта научная область получила название **невербальная семиотика**.

Невербальная семиотика — дисциплина очень молодая, она оформилась как наука лишь в середине XX века. Термин *невербальная семиотика* может

пониматься в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле невербальная семиотика — это наука, объектами которой являются всевозможные неречевые знаки, процессы и системы. В частности, невербальная семиотика в широком смысле слова изучает языки уличного движения, языки географических карт, языки игральные карт, языки икебаны, языки индийских танцев и очень многие другие. В узком смысле слова под невербальной семиотикой понимается наука, изучающая **телесные знаки**. Условимся далее именно так понимать термин *невербальная семиотика*.

В акте устной коммуникации люди пользуются не только естественным языком, но и в большой степени языком тела. Положение тела или отдельных частей тела, взгляды на собеседника или на посторонние предметы, телодвижения, которые человек совершает, желая показать своё отношение к партнёру, выражения лица, которые говорят об эмоциональном состоянии человека, — всё это телесные знаки.

Уже из этих примеров видно, что телесные знаки бывают разного рода. Есть статичные знаки — **позы**, а есть динамические знаки — **выражения лица, телодвижения**. Есть телесные знаки, где главным является движение руки, ноги, плеч или головы (**жесты**), есть знаки, где главными являются глаза и движения глаз (**взгляды**), а есть, например, знаки, где главным является лицо или отдельные его части и их положения и движения (**мимика**). Есть более сложные знаки и совокупности знаков, состоящие из вербальной и невербальной части (**манеры**). К манерам относятся манеры поведения за столом, манеры поведения в общественных местах, умение держать себя, манеры подачи тела и походка. Ритуалы приветствия и прощания, ритуалы торжественных собраний и общественных митингов — все они в качестве составной части содержат определённые манеры поведения, как речевого, так и неречевого. Существует наука, основным предметом которой являются разнообразные манеры, нормы и правила поведения. Она называется **этикет**. Можно сказать, что этикет складывается из двух отдельных областей: речевой (вербальный) этикет и неречевой (невербальный) этикет.

Фактически для каждого вида невербальных знаков была придумана отдельная наука, описывающая соответствующий вид знаков. В результате невербальная семиотика является комплексной наукой, состоящей из десяти отдельных и вместе с тем тесно связанных между собой дисциплин. Каждая из этих дисциплин описывает соответствующий вид телесных знаков. Так, вкусовые знаки изучаются в науке **гастике**, обонятельные знаки — в науке **ольфакции**. Некоторые виды знаков изучаются сразу несколькими науками: например, касания изучаются в науке о касаниях **гапतिकе** и в науке о жестах **кинесике**. А зрительное восприятие пространства (например, коммуникативной дистанции), значения тех или иных пространственных единиц, а также пространственные семиозисы и системы изучаются в особой науке **проксемике**.

Здесь мы подробно остановимся только на двух разделах невербальной семиотики, образующих её ядро. Это самые старые её области — **паралингвистика** и **кинесика**.

Паралингвистика — это наука о звуках и звучаниях, которые, хотя и не принадлежат естественному языку (напомним, что греч. *para* значит ‘около’), могут становиться знаками в процессе устной коммуникации, то есть означиваться. Набор звуков, которые человек производит ртом или носом (шмыганье, покашливание, плевков, свист, фыркание, всхлипывание и др.), могут приобретать значение и становиться знаками. Например, покашливание может означать присутствие в некотором помещении (например, комнате), плевков может выражать презрение, а свист — либо негодование, либо удовольствие. К объектам паралингвистики относятся также звуки, возникающие в результате действий человека с его телом или телом другого человека, а также с какими-то предметами. Когда человек сердится на кого-то, он может **стукнуть кулаком по столу**, и здесь важно не только само действие (жест), но и громкий звук удара; этот звук призван напугать адресата. Физическая боль сопряжена со стонами, а радость — с радостными возгласами. Смех (звуки смеха) бывает саркастическим, и тогда смеётся только один из собеседников, потому что такой смех означает насмешку над адресатом. Но смех бывает, конечно, и дружеским, когда смеются оба партнёра.

Звуки, составляющие предмет паралингвистики, часто пополняют естественный язык, прежде всего систему междометий, а также систему звукоподражательных глаголов типа *цыкать*, *фыркать*, *чмокать*, *шмыгать*. Кроме того, эти звуки очень важны для понимания конкретной культуры и жизни в ней. Когда мы читаем про звуки кованых сапог, мы рисуем одну картину русской жизни, а когда читаем про звуки лязгающих цепей, то другую.

Ещё один центральный раздел невербальной семиотики — **кинесика** — изучает жесты, взгляды, мимику и т. д., а также соответствующие невербальные семиозисы и системы. В отличие от простых движений типа почёсываться, повязывать платок, одеваться, брать ложку и др., жесты являются знаками. Они в данной культуре имеют строго определённое значение; больше того, в разных культурах движения с одинаковой формой могут быть жестами с разными смыслами. Например, мы заимствовали из англосаксонской культуры форму жеста руки «**кольцо**» с одним значением, а именно ‘ОК, всё хорошо’. А в японской культуре жест с той же формой означает ‘деньги’ и то, что человек соглашается заплатить за товар или продать его за определённую сумму. Иными словами, японский жест имеет не только другой смысл, чем русский жест, но и другую, более узкую по сравнению с его русским аналогом, сферу употребления.

Кинесика изучает жестовые знаки, а также семиозис превращения незначимого движения в жест. Её интересуют причины такого семиозиса, условия и характер протекания. Предметом кинесики являются также отношения между знаками: например, какой жест может предшествовать какому в акте общения. Или является ли данный жест сложным, то есть включает ли он в себя другие жесты. Одно дело — **протянуть руку для приветственного рукопожатия**, другое дело — совершить **рукопожатие**. Первый жест простой, а второй сложный: он включает в себя две протянутые навстречу друг

другу руки. Наконец, кинесика решает такие проблемы, как взаимосвязи разных жестовых систем и возможности и условия перевода одной жестовой системы в другую, отображение жестовых систем на письме, графическая запись движений (аналог нотной азбуки или транскрипции) и многие другие вопросы, связанные уже не с жестами, а целыми жестовыми системами и процессами.

Из всех разделов невербальной семиотики кинесика и паралингвистика более всего связаны с естественным языком. Можно говорить даже, например, о фонетике жестов по аналогии с речевой фонетикой — наукой о звуковом облике слов. Такие движения, как подъём руки, отведение руки или рук в сторону, ритмичные подъёмы и опускания рук, — каждое из них является аналогом соответствующей фонетической единицы. Это движение тона, удлинение (мелодичность), ударение (существует даже понятие **жестовое ударение**).

О близости кинесики и фонетики говорят даже названия. Слово *фонетика* производно от имени минимальной звуковой единицы, которая по-английски называется *фоном*. Точно так же слово *кинесика* является производным от имени минимальной жестовой единицы, получившей название *кин*. Фонетику и кинесику сближают и способы образования более крупных единиц из более мелких. Есть понятие *фонемы* и есть понятие *кинемы*; есть понятие *фонетической (звуковой) последовательности* и есть понятие *кинетической последовательности*; наконец, есть понятие *фонетической фразы* и есть понятие *кинетической фразы*. Можно изучать, и это реально изучается, как соотносятся, например, фонетические ударения с жестовыми, или могут ли определённые паузы заполняться жестами, и если да, то какими именно. Иными словами, связь фонетики и кинесики безусловна.

Язык тела и словарь

Как и всякий язык, язык тела состоит из двух основных частей: словаря и грамматики. Расскажем о том, как строится словарь языка тела.

Отдельная словарная статья телесного знака состоит из двух частей: входа и набора разных сведений о входе. Вход словарной статьи довольно сложен, он состоит из нескольких частей. Это название знака (его имя, или номинация), рисунок (серия рисунков, изображения, полученные при помощи фото-, видео- или телетехники) и классификационная часть — указание, к какому классу жестов относится описываемый жест.

В сведения о входе включаются:

(а) описание формы знака и того, как эта форма складывается из отдельных элементов (это то, что принято называть его физической реализацией). Например, жест «Да» имеет следующую физическую реализацию: голова жестикулирующего из исходного положения опускается вниз и тут же возвращается в исходное положение, а его разновидность «Да-да-да» отличается многократным повтором таких движений головы;

(б) толкование, или описание смысла знака;

(в) описание его синтактики, в частности, информация о сопутствующих жестах и речевом сопровождении;

(г) информация о контекстах употребления знака. Сообщается о том, характерен ли данный знак для всех сфер коммуникации или только для какой-то отдельной области. В частности, выделяются религиозные жесты, молодёжные жесты, жесты делового общения, географические и профессиональные диалектные жесты и т. д.;

(д) стилистические пометы, описывающие характер коммуникации, в которой используется данный знак. Например, является ли данное выражение лица грубым, шутовым или игровым;

(е) энциклопедические и, в частности, культурные сведения о знаке, например, этимология данного знака, легенды о его возникновении и распространении, возможное авторство знака. Приводятся сведения о некоторых культурно значимых событиях, в которых этот знак играл важную роль. Например, при описании знака **victory** ('победа'), указывается, что значило для общества исполнение этого жеста во время Второй мировой войны. При описании жеста **вскинуть руку** (или **руки**) **вверх** говорится о роли этого жеста в массовой коммуникации, в частности, в ситуации приветствия болельщиками или фанатами своего кумира;

(ж) информация о наличии у данного знака синонимов или других семантически близких единиц, как речевых, так и неречевых;

(з) иллюстрации (примеры из художественной литературы и публицистики, иллюстрирующие употребление входного знака в самых разных коммуникативных ситуациях).

Помимо перечисленных сведений, в словари языков тела иногда включаются и другие виды информации. Таким видом информации является однословная характеристика телесного знака. Она даёт возможность определить, к какому смысловому классу телесных знаков относится данный знак, минуя толкование. Например, о **широкой, белозубой улыбке** говорится, что это знак радости, об **искривлённом лице** говорится, что это мимика презрения, а о движении **отвернуться** — что это знак неприятия кого-л. или чего-л. Ещё одним видом «дополнительной» информации является указание о переводных соответствиях данной единицы, о способах её письменной фиксации, о вариантах знака, в частности, о мужских и женских, сведения об особых случаях употребления знака детьми или больными людьми, о нейролингвистических характеристиках знака (например, с какими мозговыми процессами соотносится его производство или понимание). Могут приводиться и типичные ошибки, связанные с неправильным или неполным пониманием знака.

Рассказывая о том, как, по нашему мнению, должен выглядеть словарь языка тела, мы говорили не о каком-то идеальном и несуществующем словаре, а имели в виду один уже построенный словарь.

Это Словарь языка русских жестов, авторами которого являются С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев и Г. Е. Крейдлин. Идея этого словаря возникла на занятиях одной из летних лингвистических школ и семинара по невербаль-

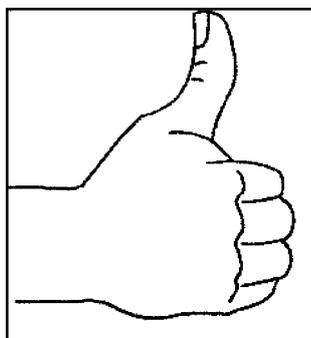
ной семиотике, который уже много лет проводится в Институте лингвистики РГГУ под руководством Г. Е. Крейдлина. Словарь языка русских жестов был издан в 2001 году. Фактически это первый словарь русских жестов, в котором даётся системное и полное описание основных знаков русского языка тела. В этом словаре 14 зон, или областей, содержащих 14 типов информации о жесте. Разновидности такой информации мы только что описали.

В заключение приведём пример того, как представлен в Словаре языка русских жестов знак **показать большой палец**.

ПОКАЗАТЬ БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ

часть тела: **РУКА**

активный орган: **БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ**

ФИЗИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ: Рука сжата в кулак, при этом большой палец энергично распрямляется перпендикулярно ребру ладони. Ладонь располагается так, чтобы большой палец располагался вертикально и был направлен вверх. Возможно движение всей руки в направлении к адресату и немного вверх.

ТОЛКОВАНИЕ: *X показывает большой палец* = 'X показывает, что объект Р, который он видит или о котором идёт речь, ему очень нравится'.

ОДНОСЛОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА:

ОДОБРЕНИЕ/ВОСХИЩЕНИЕ

ЗВУКОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ: *Во!* [Звуковое сопровождение данного жеста может быть конструктивным элементом фразы на естественном языке. Ср. разговорное — *Я вчера во (жест) чего придумал. Я во какой фильм видел*]; *На большой!*

РЕЧЕВЫЕ АНАЛОГИ: *Здорово!; Класс!; То, что надо!*

ИЛЛЮСТРАЦИИ: *Водители и пассажиры стоящих рядом машин давали себе волю — плялились на наше чудо, переговаривались между собой, доброжелательно нам подмигивали, показывали большой палец — мол, классная шутка, ребята, весело придумали, шикарная игра (А. Кабаков, Последний герой); Смотрю, Мухин мне подмигивает на Таню и большой палец показывает, а потом на Юру презрительно машет — это, мол, ерунда, не соперник, мол, тебе, Югов, а так, только место в пространстве занимает (В. Аксёнов, Пора, мой друг, пора); Комендант восторженно подпрыгивал на стуле и показывал мне большой палец (А. и Б. Стругацкие, Сказка о тройке) <...>*

Литература

1. Алпатов В. М. Речевой этикет // Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. Панов М. В. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 369–372.
2. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 2001.
3. Живов В. М. Семиотика // Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. Панов М. В. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 384–387.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
5. Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М.: Аванта+, 2002.
6. Крейдлин Г. Е. Язык жестов // Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. Панов М. В. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 508–512.
7. Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Семиотика, или азбука общения: учебное пособие. М.: Флинта, 2004.

Что такое конструкции и как их выделять

Ю. Л. Кузнецова, М. Л. Рубинштейн

На семинаре из двух занятий школьники узнали, что такое «конструкция», как отличить конструкцию от чего-то другого, какие бывают конструкции. В качестве примера мы пользовались русскими *квазиимперативными* конструкциями — то есть выражениями с глаголом в повелительном наклонении, в которых нет значения приказа, повеления или просьбы.

Рассмотрим русские предложения (1)–(3).

- (1) Так и сказала, а хозяин **давай** хохотать... [П. Бажов]
- (2) — А она сердитая? — спрашивает опять Таютка, а Полукарпыч и **давай** тут насказывать про Хозяйку, ровно он ей родня либо свойственник. [П. Бажов]
- (3) Ты же увидеть-то ничего не успел, а уж **давай** молоть про свой город. [В. Шукшин]

У этих предложений есть несколько общих свойств. Во-первых, во всех них имеется глагол *давай*. Во-вторых, за «давай» следует инфинитив другого глагола. Нужно заметить, что по форме *давай* — это императив (повелительное наклонение) от глагола *давать*. Однако в этих примерах форма *давай* не имеет ни значения повеления, ни значения просьбы.

Формы повелительного наклонения, которые на самом деле не выражают повелительного значения, российский лингвист В. С. Храковский назвал *квазиимперативами*. Дальше мы увидим, что они весьма употребительны в русском языке.

Выражения «а [кто-то] давай [что-то делать]» означают, что этот кто-то неожиданно начал это делать. Глагол, который стоит в инфинитиве, здесь смысловой, а «давай» можно назвать вспомогательным.

В предыдущем абзаце у нас получился шаблон: в нем жёстко заданы слова «а» и «давай», а еще у него есть вполне определённое значение: 'неожиданно начал'. Этот шаблон — не что иное, как **форма конструкции**, а значение — это **смысл конструкции**.

Конструкция — это выражение, у которого есть жёстко заданные части, а есть переменные, и у которого есть определённый смысл.

Мы говорим, что перед нами конструкция, если можем в разных предложениях выделить такой шаблон и описать, как себя ведёт каждый из его компонентов.

Смысл конструкции, как уже мог заметить читатель, вовсе не складывается из суммы смыслов ее компонентов: так, конструкция «а [кто-то] давай [что-то делать]» совсем не означает, что кто-то кому-то что-то *давал*. А значит, конструкции — это идиоматические выражения, точно так же, как и фразеологизмы, в которых смысл не складывается из смыслов отдельных слов.

Два предложения являются примерами одной конструкции, если у них совпадают форма и значение. «Совпадает форма» означает, что предложения состоят из одинаковых компонентов. Компонентами конструкции могут быть как неизменяемые элементы, вроде «а» или «давай», так и переменные. В переменной может быть задано, например, только само слово, а грамматическая форма может быть разная. Например:

(4) А он взял и ушел.

(5) А она возьмёт и откажется.

В этой конструкции обязательно должен быть употреблен глагол *взять*, но он может использоваться в разных временах, родах и лицах.

Компонентом конструкции также может быть переменная, для которой задана только часть речи и грамматическая форма. Например, это может быть переменная «глагол в инфинитиве»: так устроена конструкция типа *А он давай руками махать*. Описать её можно так: *давай + глагол в инфинитиве*.

Иногда бывает так, что разные конструкции выражают один и тот же смысл, точно так же, как слова-синонимы обозначают одно и то же. Например, в предложениях (6)–(8) *а говори не говори, а проработай ты хоть сорок лет и хоть бросай, хоть бей* все конструкции имеют одно значение. Описать его можно так: «даже если ты совершишь это действие, это никак не повлияет на результат».

(6) А **говори не говори** — всё бесполезно, всё равно ничего не изменится. [Газета]

(7) Потому что **проработай** ты хоть сорок лет, хоть полвека, всё равно останешься нищим. [Газета]

(8) Проход вперёд — и хоть **бросай**, хоть **бей**: гарантия успеха почти абсолютная. [Журнал]

Понятно тем не менее что перед нами разные конструкции, потому что они состоят из разных компонентов. В примере (4) мы видим выражение «говори не говори». В (5) никакого «не» и никакого повтора нет: просто «проработай ты хоть...». В (6) повтор есть, но повторяется не глагол, а слово *хоть*, а глаголы разные: *бросай* и *бей*. Никаким общим шаблоном эти конструкции не опишешь — они все устроены по-разному.

Важной информацией о конструкции являются ограничения на её элементы. Например, в конструкции могут употребляться только элементы с определённым значением.

Рассмотрим пример (9):

- (9) Или икнёшь, **не дай Бог**,... и кто-нибудь так головой помочает, дескать..., а мне и самому стыдно, но я же не могу вот этим там у себя внутри управлять... [Е. Гришковец]

«Дай Бог» и «не дай Бог» — это две очень похожие конструкции, которые можно описать так: *(не) дай + существительное, название высшего существа, в именительном падеже*. Обратите внимание: слова *не* и *дай* жёстко заданы. Их нельзя заменять даже на близкие по значению слова. «(Не) дай Бог» нельзя заменить на «(не) разреши Бог», «(не) допусти Бог», «(не) подари Бог», и т.д. А вот последнее слово может быть названием любого существа, которое говорящий почитает в качестве высшего. Не только Бог, в которого верят не все носители русского языка, но и, например, какой-нибудь фантастический персонаж, который с точки зрения говорящего занимает не менее важное положение в мире:

- (10) Вот хорошо было с мопедом: скорость **дай Ктулху** за 20 км вылезет — уже счастье, а тут — качай не хочу...
- (11) И **не дай Магистры**, чтобы она её получила.
- (12) И **дай Эру**, чтобы мы нашли эти несчастные договора, иначе Трандуил убьёт меня.

(Примеры (10)–(12) взяты из интернета. Незнакомым с этими именами читателям сообщаем: Ктулху — чудовище из рассказа Г. Лавкрафта. Магистры почитались в качестве богов в мире, описанном М. Фраем. Эру — высшее существо в мире произведений Дж. Толкиена.)

А если мы посмотрим, наоборот, на употребление конструкций со словом «чёрт», мы увидим другую картину. Например, «чёрт [кого-то] возьми». В конструкции жёстко задан первый компонент: «чёрт» в именительном падеже единственного числа. Для второго компонента задана только часть речи характеристика и грамматическая форма: это должно быть личное местоимение в винительном падеже. Для третьего компонента заданы часть речи, грамматическая форма и значение: это может быть только глагол в повелительном наклонении, причем такой глагол, который обозначает какое-либо агрессивное действие, затрагивающее объект непосредственно.

- (13) — Да, **чёрт тебя дери**, — сказал директор растерянно. — Действительно! [Ю. Домбровский]
- (14) Это говорю вам я, Хаим Ягудин, **чёрт вас возьми!** [А. Рыбаков]
- (15) Стоит прогуляться с любой газетой по Невскому, так придется износить шляпу на руке, как перчатку, кланяясь героям, художникам, поэтам, правдолюбцам нашим, и со всем тем, **чёрт меня оседлай**, не в укор вам сказано, Андрей Петрович, ваши хваленые батальные живописцы (о других молодцах покуда молчок) не знают в своем деле аза в глаза. [А. Бестужев-Марлинский]
- (16) Что в жизни доброго он сделал для людей, Не знаю, **чёрт меня убей**. [А. Пушкин]

(17) **Чёрт меня ешь**, а ведь имела место история. [В. Брусницин]

Согласитесь, что если мы отступим от заданных параметров, употребив, например, глагол с совсем другим значением, мы получим не узнаваемую русскую конструкцию, а какую-то бессмыслицу (обозначим такие предложения звёздочкой):

(18) ***Чёрт его потрогай!**

(19) ***Чёрт меня погладь** по голове!

Конструкция может также иметь ограничения на грамматическую форму элементов. Например, в конструкции могут употребляться не все глаголы, а только глаголы несовершенного вида. Так устроена, например, конструкция типа *А он давай руками махать*:

(20) Лошадка пресмирная, а ты **давай** кричать. [С. Аксаков]

(21) *А ты **давай** крикнуть!

(22) *А он **давай** руками помахать!

Это ограничение связано с семантикой, то есть со значением конструкции. Она обозначает, что некое действие *началось*, а такое значение хорошо сочетается с несовершенным видом и плохо сочетается с совершенным:

(23) Он начал учиться.

(24) *Он начал поучиться/научиться.

Конструкция также может иметь ограничения на ситуацию, которую она описывает. Рассмотрим пример:

(25) Они тут наследили, а я за ними убирай!

Это конструкция со значением долженствования. Она может быть употреблена, только если ситуация, описываемая ею, представляется говорящему неприятной. Ещё пример: «жить по-новому» обычно представляется людям чем-то хорошим, а сказать предложение (26) мог только человек, которому «жить по-новому» нравится гораздо меньше, чем получать повышенную зарплату.

(26) — Вот ты, Иванов, хочешь жить по-новому? — Интересно, Петрову зарплату повысят, а я живи по-новому! [Л. Измайлов]

Примеры (27) и (28) должны показаться читателю странными:

(27) *Мои подчинённые работают, а я деньги за них получай.

(28) *Война закончилась, а мы теперь живи мирно.

Сказать так можно, только если авторам этих высказываний неприятно получать деньги за подчинённых или жить в мире.

Все сказанное выше можно подытожить следующим образом. Конструкция обладает формой и смыслом. Смысл конструкции не является суммой смыслов ее компонентов. Компонентами конструкции могут быть фиксированные единицы и переменные. (В этом отличие конструкции от фразеологизма, в котором все элементы жёстко заданы, ср.: *ни зги не видно, мертвецки пьян, гол как сокол*, и т. д.). Конструкция может иметь ограничения на типы

элементов, которые в ней употреблены, и может также иметь ограничения на семантику описываемой ею ситуации.

Разумеется, конструкции с квазиимперативами — далеко не единственный пример конструкций в русском языке. А русский язык — далеко не единственный, в котором существуют конструкции.

Послелогои в русском языке

Е. В. Муравенко

Что такое послелогои? На школьных уроках русского языка мы с этим термином не сталкиваемся. Более того, и в стандартном вузовском курсе русского языка мы вряд ли услышим о послелогоах. Заглянув в «Лингвистический энциклопедический словарь» [ЛЭС 1990, с. 389], мы прочитаем, что послелогои — это служебные слова, которые всегда находятся в постпозиции к имени и употребляются в тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских, монгольских и других языках, в число которых русский язык не входит.

В русском же языке функции, выполняемые в перечисленных группах языков послелогоами, берут на себя предлоги. Именно предлогам посвящены специальные разделы во всех грамматиках и учебниках. Как известно, в русском языке предлог обычно ставится перед управляемой им именной группой. Однако данное утверждение крайне редко формулируется в явном виде: в большинстве грамматик, учебников и справочников по русистике указаний на относительное расположение предлога и именной группы вообще нет!

Понятие послелогоа и сам термин «послелог» не используются и даже не упоминаются ни в академических грамматиках, ни в основных вузовских учебниках. Лишь в отдельных изданиях упоминаются случаи постпозитивного использования предлога и приводятся один-два примера типа *дружбы ради, рассудку вопреки* (см. об этом подробно в [Крылов, Муравенко 2007] и [Галактионова 2007]).

Стандартное определение предлогов таково: это класс служебных слов, выражающих отношение предмета — участника ситуации ко всей этой ситуации. Таким образом, в соответствии с таким определением послелогои представляют собой частный случай предлогов, т. е. послелогои — такие предлоги, которые ставятся после именной группы.

На отсутствие подходящего гиперонима (общего термина) для терминов «предлог» (в узком смысле) и «послелог» указывал в 1990-е гг. М. Хаспельмат, предложивший для заполнения этой терминологической лакуны удачный термин «adposition» и его русский эквивалент «прилог».

Первообразных послелогов в русском языке действительно практически нет, но производных послелогов совсем не мало. В большинстве случаев одно и то же слово может служить как предлогом, так и послелогом, т. е. упо-

требляться как препозитивно, так и постпозитивно по отношению к управляемому имени (поэтому-то и удобен общий термин «прилог»!).

Перечислю основные группы «прилогов», т. е. послелогов, совпадающих с предлогами:

(1) так называемые простые отыменные предлоги (в традиционной терминологии наречные): *вопреки, вслед, навстречу, наперекор, наперерез* и др.

(2) простые отглагольные предлоги: *спустя, отступя, включая, исключая, начиная* (чем), *кончая* (чем) и др.

(3) особым образом могут вести себя составные предлоги, вторая часть которых представляет собой первообразный предлог: *наравне с, вровень с, рядом с, справа от, слева от; судя по, начиная с*. Эта вторая часть может употребляться в препозиции к зависимому имени, а после него — первая часть: ***вровень с кем-то — с кем-то вровень***. Такое употребление можно назвать **циркумпозицией** (т. е. «прилог» окружает зависимое имя, ставится с обеих сторон от него).

В основном перечисленные группы «прилогов» квалифицируются в словарях и грамматиках как предлоги, некоторые же в словарях получают статус только наречий (*наперерез, отступя*).

Представляется, что употребление предлогов в постпозиции является продуктивным процессом в русском языке, т. е. движение от предлога к послелогу можно наблюдать в течение прошедших двух — двух с половиной веков. Общее развитие таково: сначала образуется производный предлог в результате переосмысления деепричастия или предложно-падежной конструкции, затем он начинает использоваться и как послелог. Постепенно постпозитивное употребление усиливается, вплоть до того что в некоторых случаях уже употребляется столь же часто, как препозитивное (*спустя век — век спустя*), а иной раз полностью вытесняет препозитивное употребление: в этом случае мы уже можем говорить о «чистых» послелогах. Яркий пример такого чистого послелога — слово *назад* во временном значении, напр.: *неделю назад* (в словарях же такие лексические единицы определяются только как наречия).

Приведу несколько примеров, демонстрирующих постепенное развитие конструкции «сколько-то времени назад»¹.

Назад тому X: *Назад тому недели три приходит ко мне господин среднего роста* [И. С. Никитин. Письма (1853–1861)].

Тому назад X (реже): *Вот, например, тому назад два месяца, ты сердилась на меня, что я не позволила тебе жениться* [В. А. Соллогуб (1840)].

X назад тому: *Его бестолковая эстетика, к сожалению, прекрасно переведена была, лет десять назад тому, на русский язык* [В. Г. Белинский (1839)].

¹ Основным источником приводимых в статье примеров является Национальный корпус русского языка (НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

Х тому назад: *Два часа тому назад я видел эту самую розу на её груди* [И. С. Тургенев (1882)].

Х назад: *Год назад я сам был на этой барже* [В. Г. Короленко (1891)].

В разряд послелогов переходят и некоторые наречия в форме сравнительной степени: *часом раньше, годом позже, этажом ниже*. Этот факт также пока не находит отражения в лексикографической практике.

В процессе формирования предлога-послелога часто наблюдается борьба разных схем управления, как восходящих к исходному слову, перешедшему в предлог, так и появляющихся в результате оформления новой синтаксической конструкции.

Рассмотрим подробнее этот процесс формирования производного предлога-послелога на примере слова *навстречу*.

Предлог *навстречу* появляется в русском языке раньше многих других производных предлогов, он встречается уже в середине XVIII века. Формируется из сочетания первообразного предлога *на* с вин. падежом существительного *встреча*.

Слитное и раздельное написание частей производного предлога *навстречу* (*на встречу*) употребляется практически с одинаковой частотой с XVIII до начала XX в. Видимо, это связано не столько с осознанием сочетания *на + встречу* в качестве предлога, сколько с неустойчивой орфографической нормой в этот период:

На встречу нам попался русский офицер [А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)].

А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мёртвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые на встречу смерти [А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Том II. Борьба генерала Корнилова (1922)].

В современном языке раздельное написание невозможно.

Управление предлога *навстречу* вариативно:

а) *Навстречу кого-л.* — идёт от производящего отглагольного существительного. Этот способ управления чаще встречается с одушевлёнными существительными.

Около получаса прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился навстречу милой Акулины [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)].

Такое управление активно встречается до 30-х гг. XIX века, а потом постепенно исчезает. В современном языке такое управление невозможно.

б) *Навстречу к кому-л.* — идёт от глагола движения.

Возможно употребление *навстречу* в препозиции:

Как же бежит он навстречу к ней! [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Роман Трифонович встал и пошёл навстречу к дверям, радостно улыбаясь, поскольку хорошо знал этого порученца [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)].

Однако на порядок чаще *навстречу* употребляется в постпозиции по отношению к сочетанию *к + дат. п.*, особенно часто с местоимениями. В этой ситуации сочетание *к + дат. п.* обычно оказывается непосредственно после глагола движения:

Я вышел к ним навстречу и проводил до церкви [Д. И. Фонвизин. Из журнала путешествия в Ригу, Бальдон и Митаву (1789)].

...добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему навстречу [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Станционный смотритель (1830)].

И погнался, и погнался наружный ряд к Сеньке навстречу [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)].

С отчаянием Кузнецов ощутил, как орудие несло по скату, настигая упавшую лошадь, увидел, как внизу старшина Голованов бросился к ней навстречу, потом отскочил в сторону и опять кинулся с попыткой схватить за повод [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)].

Прежде чем он успел оценить ситуацию, Новосельцев бросился к нему навстречу и вытолкнул за дверь [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Служебный роман (1977)].

Интересно, что существуют разные мнения относительно нормативности подобного употребления в современном русском языке. В словарях МАС и СШ примеры с сочетанием *к + дат.* приводятся как нормативные, однако трактуются совсем по-разному. В МАС слово *навстречу*, сочетающееся с группой *к кому*, трактуется как наречие: *Коля побежал к нему навстречу, но опоздал — Анфиса уже прыгнула на насыпь* [Константин Паустовский. Повесть о лесах] (возможно, такая трактовка связана с тем, что *навстречу* употреблено в постпозиции по отношению к местоимению с предлогом, однако другого примера с группой *к + дат.* нет), тогда как *навстречу* с формой дательного беспредложного трактуется как предлог: *Гости были уже посредине зала, когда навстречу им вышел сам хозяин* [Д. В. Григорович. Просёлочные дороги].

В СШ (и СО) *навстречу к (кому)* приводится как отдельный предлог, синонимичный предлогу *навстречу (кому)*.

В. А. Ицкович [Ицкович 1982, 96] отмечает конструкцию *навстречу к кому-л.* как отклонение от современной нормы, являющееся следствием контаминации двух конструкций: глагол движения (*пойти, побежать* и др.) + *к кому-л.* — глагол движения + *навстречу кому-л.* Эту точку зрения можно было бы принять, если бы не огромное число употреблений в современной художественной литературе.

На мой взгляд, лучше не выделять отдельный предлог *навстречу* к, а считать, что предлог *навстречу* может управлять группой *к* + дат., причём могу констатировать, что в этом случае он гораздо чаще используется как послелог и преимущественно употребляется с местоимениями.

в) *Навстречу кому-л.* — такое употребление свидетельствует об уже установленном статусе предлога. Появляется такое управление рано: примеры есть уже в XVIII веке, хотя в то время их меньше, чем примеров с другим управлением.

Несколько времени потом спустя, велела она привязать себе на хвост великую рыбу и пошла навстречу волку, который был на льду [Д. И. Фонвизин. Лисица и волк (1788)].

В современном русском языке именно эта конструкция закрепились как основная:

Навстречу ей двигалась женщина в чёрном платье [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–1999)].

В чём же причина использования беспредложного дательного падежа? Вероятно, это отражение общей тенденции развития управления, т. е. замены предложного управления на беспредложное с тем же падежом, ср. *писать к кому* → *писать кому*. Аналогично *навстречу к кому* → *навстречу кому*. Хотя этот процесс, как видно по данным НКРЯ, ещё далёк от завершения.

г) Опускание имени (абсолютное употребление).

Если у слова *навстречу* отсутствует управляемое имя, то в словарях и грамматиках оно традиционно трактуется как наречие, однако, на мой взгляд, здесь представлено ситуативное заполнение валентности предлога: управляемое имя всегда легко восстановить. А если из контекста или конситуации неясно, по направлению к чему (кому) совершается движение, то и слово *навстречу* употребить невозможно. Высказанная позиция имеет отношение не только к слову *навстречу*, но и к большинству рассматриваемых здесь слов.

Слово *навстречу*, как уже было замечено, может стоять как перед управляемым словом, так и после него, т. е. быть как предлогом, так и послелогом.

Здесь есть определённая корреляция со способом управления. Так, если существительное употреблено в родительном падеже, то естественным образом возможна только препозиция.

В случае управления беспредложным дательным падежом постпозиция вполне возможна, причём чаще встречается по отношению к местоимениям, чем существительным:

Однако могло показаться, что она идёт нам навстречу, спускаясь сверху, по течению реки [В. Г. Короленко. Мороз (1900)].

Это можно объяснить с позиций актуального членения. Новая информация обычно стоит в конце, поэтому в случае существительного, как правило, и обозначающего новое, употребляется предлог. Если же объект, по отноше-

нию к которому совершается движение, известен и в силу этого обозначен местоимением, то оно стоит перед обозначением направления.

В случае употребления группы *к* + дат. постпозиция не только возможна, но и предпочтительна (см. примеры выше).

Литература

[Галактионова 2007] *Галактионова И. В.* Предлог: препозиция и постпозиция // Русский язык: Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007.

[Ицкович 1982] *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

[Крылов, Муравенко 2007] *Крылов С. А., Муравенко Е. В.* Послелоги в русском языке // Русский язык: Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007.

[ЛЭС 1990] Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

[МАС] Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981.

[СО] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70.000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. М., 1990.

[СШ] Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2007.

Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность¹

Е. В. Падучева

По мере того, как совершенствуются наши методы описания значения, всё яснее дает о себе знать многозначность: многозначность в природе языка. Особенно это касается РЕГУЛЯРНОЙ многозначности [Апресян 1974]. Поэтому в современной семантике фокус внимания всё явственнее смещается от описания отдельных значений языковых единиц к описанию СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ и КОНТЕКСТОВ, обуславливающих сдвиг значения.

Одним из таких контекстов стал в последнее время РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ; это контекст, необходимый для понимания значения ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ (в частности, ДЕЙКТИЧЕСКИХ) элементов языка — грамматических категорий, слов, конструкций. Эгоцентрический элемент (ЭЭ) — это такой, значение которого предполагает присутствие в ситуации некоего субъекта — говорящего или его аналога.

Можно различить три контекста и три режима интерпретации. Основным является РЕЧЕВОЙ, или ДИАЛОГИЧЕСКИЙ режим. Ему соответствует КАНОНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ [Lyons 1977: 579ff], когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т. д.

Речевому режиму противопоставлен НАРРАТИВНЫЙ и ГИПОТАКСИЧЕСКИЙ.

В статье [Апресян 1986] было предложено различать первичный и вторичный дейксис. Под вторичным дейксисом понимаются такие явления, как дейксис художественного повествования; дейксис пересказа (так сказать, «третичный»); дейктическая проекция по Лайонзу (т. е. дейксис в неканонической, но все-таки диалогической ситуации); наверно, также дейксис гипотаксиса. Я применяю противопоставление «первичный–вторичный» не только к контекстам употребления дейктических и, вообще, эгоцентрических элементов, но и к самим этим элементам. ПЕРВИЧНЫЕ ЭГОЦЕНТРИКИ — это слова и категории, которые полностью реализуют свой смысл только в условиях канонической речевой ситуации и ориентируются только

¹ Статья перепечатана из сборника: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). — М.: РГГУ, 2008.

на полноценного говорящего (а в не-канонической ситуации либо не употребляются, либо меняют свое значение); а вторичные могут, не меняя значения, ориентироваться не на говорящего, а на другое лицо.

Моя задача — показать, что режим интерпретации является контекстом, который необходим для раскрытия значения эгоцентрических элементов и снятия их неоднозначности. Чтобы дать общее представление о режимах интерпретации, мне придется частично повторить примеры, опубликованные в [Падучева 1986, 1996, 2004].

Во второй части доклада речь идет о пресуппозициях: пресуппозиция как источник эгоцентричности.

1. Первичные и вторичные эгоцентрики

Говорящий может присутствовать в семантике языковых единиц в разных ипостасях. Прежде всего — как субъект речи. А кроме того, как субъект дейксиса, субъект восприятия и субъект сознания (т. е. модальности, мнения, оценки, эмоции, и тому подобное).

Примером первичного эгоцентрика могут служить местоимения *я*, *ты*, *он* <там>. Примером вторичного — неопределенные местоимения; так, *какой-то* предполагает субъекта неопределенности-незнания — им может быть как говорящий, так и другое лицо. Глаголы *показаться* (как в *показался всадник*), *послышаться*, *раздаться*, *доноситься* предполагают наличие в ситуации субъекта восприятия, иначе — Наблюдателя. Роль Наблюдателя тоже может выполнять как говорящий, так и другое лицо. Предложение (1а) — это знаменитый пример Наблюдателя из [Апресян 1986], лежащий в основе понятия режима интерпретации:

(1) а. На дороге *показался* всадник [субъект восприятия, предположительно, говорящий];

б. Иван шел к морю. Вдруг на дороге *показался* всадник [предположительно, субъект восприятия — Иван].

Глаголы *кривляться*, *ломаться* предполагают субъекта оценки; *сейчас*, *неподалеку* — субъекта дейксиса; прилагательные и наречия *ясно*, *грустно*, *досадно*, *надо* — субъекта сознания, ср. примеры, которые приводятся в связи с подразумеваемым субъектом сознания в статье [Виноградов 1976] о «Пиковой даме»:

(2) а. Долгая зимняя ночь прошла *незаметно*;

б. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, *вероятно*, над книгой или над работой;

в. Неведомая сила, *казалось*, привлекала его к нему <дому графини>.

Все эти эгоцентрики вторичные.

При описании семантики языковых единиц лингвист обычно имеет в виду речевой контекст. Между тем нарративный контекст может менять зна-

чение ЭЭ. Особенно это касается первичных ЭЭ: вторичный эгоцентрик, по определению, имеет в нарративном контексте то же значение, что в речевом. Итак.

Вторичный эгоцентрик в нарративном контексте не меняет значения, но допускает две ориентации — персональную, как в (3б), и повествовательную, как в (3а):

(3) а. Нет! Мастер ошибался, когда говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Она его, *конечно*, не забыла; [субъект уверенности — **повествователь**, который знает, как было дело; **повествовательная** интерпретация-ориентация]

б. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, *конечно*, не разузнала ровно ничего. [пессимизм может принадлежать и Маргарите, **персональная** интерпретация]

Чаще все-таки субъектом уверенности является персонаж. И субъектом незнания тоже чаще бывает персонаж, чем повествователь. (Ср. незнающего повествователя у Гоголя и ненадежного повествователя в романе Набокова «Пнин».) Неоднозначность ориентации может, впрочем, возникать и в речевом контексте.

Первичный эгоцентрик, который требует канонической коммуникативной ситуации и полноценного говорящего, в контексте нарратива либо

а) не употребляется вообще (... *испекли мы каравай **вот такой** вышины*), либо

б) имеет другой смысл (ср. **Вот** *твоя книга!* = 'здесь' и **Вот** *пошел Иван в лес*), либо

в) выводит за пределы диегетического пространства текста, выявляя внеположного этому пространству повествователя.

Есть еще одна возможность для первичного эгоцентрика в нарративе — несобственная прямая речь (НПР); это когда первичный эгоцентрик оказывается в распоряжении персонажа 3 лица; получают, как говорит А. Банфилд, *unspeakable sentences*:

(4) Князю *бы не хотелось* расставаться с этим крестом. [ср. *Мне бы не хотелось*] (Ф. М. Достоевский. Идиот)

(5) *Лично ей* это было безразлично. [ср. *Лично мне* это безразлично] (Р. Киреев)

Итак, чтобы говорить о значении эгоцентриков, надо идентифицировать режим интерпретации. Ниже будет показано на примерах, как режим интерпретации снимает неоднозначность ЭЭ. Предварительно, несколько уточнений.

1. Говоря о нарративе, мы до сих пор имели в виду повествование от 3 лица. Употребление эгоцентриков в повествовании от 1 лица отличается от третьеличного нарратива незначительно. В нарративе 1 лица употребляются, не выводя за пределы текстового пространства, эгоцентрики (в том чис-

ле — первичные), ориентированные на субъект речи. Примеры из Национального корпуса русского языка (сокращенно — НКРЯ, адрес в Интернете — www.ruscorpora.ru). оборот *по правде говоря* вполне уместен в (6), где есть *я*; а пример (7) этот оборот заставляет идентифицировать как НПП; так что (6) возможно в обычном речевом контексте, а (7) — специфический нарратив:

- (6) <...> доставать [ящик с игрушками] мне и самой, по правде говоря, не хотелось.
- (7) Тане, *пожалуй*, было интереснее общаться с Виталиком, поскольку он склонялся к медицине и у них было больше общих тем, но, по правде говоря, в качестве кавалеров её гораздо больше устраивали посторонние мальчики. (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света)

Что же касается первичных эгоцентриков, апеллирующих к времени и месту говорящего, дейктических, то они в повествовании от 1 лица невозможны совершенно так же, как в третьей форме, поскольку у рассказчика и читателя нет общего пространства, поля зрения и момента речи. Пример из [Гуковский 1959]: 115 [*здесь* = ‘в том месте, где находится повествователь’]:

- (8) Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, потому что если бы *здесь* вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе. (Н. В. Гоголь. Старосветские помещики)

2. Понятие режима интерпретации, т. е. разграничение речевого и нарративного режима, возникло на базе введенного Бенвенистом разграничения «плана повествования» и «плана речи». Однако режим интерпретации — понятие более изощрённое. Интерпретация ЭЭ не только идентифицирует режим, но и выявляет ориентир. В одном и том же тексте, **как правило**, возможны разные режимы интерпретации для разных ЭЭ и уж заведомо разные ориентиры. Т. е. текст не принадлежит весь к какому-то одному плану, так что надо уметь интерпретировать отдельные ЭЭ текста. Идентификация текста в целом как относящегося к тому или иному типу может быть разве что статистическая, ср. терминологические неудобства, которые возникают из-за этого в [Шмид 2003].

В. В. Виноградов заключает раздел под названием «Образ автора в композиции “Пиковой дамы”» словами: «Итак, мало того, что структура субъекта подвижна, что она двойственна по отношению к сферам сознания двух персонажей, но она вообще лишена точно очерченной субъективности. В самом субъекте как форме повествования заложена возможность приятия автором и мира Германна, и мира Лизы». Иначе это наблюдение В. В. Виноградова можно выразить так: повествователь, Лиза, Германн и даже старая графиня приблизительно равны в своем праве быть подразумеваемыми субъектами эгоцентриков этого текста.

3. Обращение к гипотаксическому режиму интерпретации ЭЭ позволяет разобрать пример из [Успенский 2000: 79]:

- (9) ... ей так хотелось поскорее, полегче, перелить из себя свое знание в *ребенка*, уже боявшегося, что вот-вот *тетя* рассердится, что она при малейшем невнимании со стороны *мальчика* вздрагивала, торопилась, горячилась, ... (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Здесь основной субъект сознания — княжна Марья; Б. А. Успенский отмечает номинацию *тетя* восклицательным знаком. В самом деле, тут в пределах одной фразы — двойной переход от одного ориентира к другому, хотя обычно СС на протяжении какого-то отрезка текста один и тот же. А дело в том, что номинация *тетя* возникает в гипотаксическом контексте: субъект номинации — ребенок «боявшийся». Только поэтому двойная смена субъекта сознания не означает отклонения от нарративных норм — нарративной неудачи.

В следующем отрывке из «Анны Карениной» двойная смена ориентира — носителя точки зрения (в квадратных скобках указан предполагаемый для данного фрагмента текста Субъект сознания):

- (10) [*повествователь*: Она *тоже* не спала всю ночь и все утро ждала его.] [*Кити*: Мать и отец были *бесспорно* согласны и счастливы ее счастьем. Она ждала его. Она первая хотела объявить ему свое и его счастье. Она готовилась одна встретить его и радовалась этой мысли, и робела, и стыдилась, и сама не знала, что она сделает. Она слышала его шаги и голос и ждала за дверью, пока уйдет mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла.] [*повествователь*: Она, не думая, не спрашивая себя, как и что, подошла к нему и сделала то, что она сделала.]

Слово *тоже* — эгоцентрик, поскольку пресуппозиция ‘Левин не спал всю ночь’ должна кому-то принадлежать. Она может принадлежать только повествователю, поскольку Кити не может знать про то, как провел ночь Левин. Дальше идет повторное описание сцены с mademoiselle Linon. Это повторение оправдано тем, что меняется персонаж — носитель точки зрения: раньше это был Левин, теперь, очевидно, Кити. Но последняя фраза — снова от лица повествователя. Неясно, что это: прием или нарративная неудача.

Ниже следуют примеры употребления эгоцентриков в речевом и нарративном режиме. Рассматриваются три вида эгоцентриков: эгоцентрические грамматические категории, слова и конструкции. Показано, как режим интерпретации выявляет и снимает неоднозначность и какую роль в семантике вторичного эгоцентрика играет ориентир.

2. Грамматические категории

Пример 1. Главным примером первичного эгоцентрика в русском языке является грамматическое время (именно на анализе системы французских времен построена теория планов речи у Бенвениста [1959/1974]). В самом

деле, между значением форм времени в речевом режиме и в нарративе вопиющая разница. Согласно общепринятым определениям, настоящее время означает одновременность моменту речи; прошедшее выражает предшествование, будущее относит событие к некоему последующему моменту. Между тем, форма прош. времени несов. вида, которая в речевом режиме обозначает **предшествование** (моменту речи), в нарративном выражает **синхронность** (текущему моменту текста, т. е. текстовому времени):

(1) а. Кто *сидел* на моем маленьком стульчике и сломал его? (Л. Н. Толстой. Три медведя) [прямая речь; т. е. речевой режим; форма прош. выражает **предшествование**]

б. Старая графиня*** *сидела* в своей уборной перед зеркалом. Три девушки *оказались* ее. (А. С. Пушкин. Пиковая дама) [нарративный режим; прош. время выражает **синхронность**]

Прош. время во фразе (2) (почти цитата из романа А. Фадеева «Разгром») имеет в речевом и нарративном режиме понимания, существенно различные между собой, в речевом это долженствование в настоящий момент, в нарративном — сожаление о невыполненном долге:

(2) Надо было исполнять свои обязанности =

1) в нарративе: ‘продолжать исполнять’; как в наст. : ‘надо идти и что-то делать’;

2) в речевом режиме: ‘надо было исполнять, а они не исполнялись’.

Пример 2. Повествовательная и персональная интерпретация форм времени. Форма наст. в нарративе — это может быть несобственная прямая речь.

(1) Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это в первый раз в жизни он *слышит* такие грубости. (А. П. Чехов. Человек в футляре) [настоящее персонажа; НЕ наст. историческое]

(2) Где же *были* ее краски? <...> Да, краски. Она оставила их в гостиной *вчера вечером*. (W. Woolf. To the Lighthouse) [прош. время — это время повествователя; важно, где краски **сейчас**.]

Пример 3. В речевом режиме русская форма совершенного вида и англ. Present Perfect могут быть равны по смыслу:

(1) а. My uncle *has broken* his leg [событие в прошлом; и состояние, актуальное **в момент речи**];

б. Мой дядя *сломал* ногу [событие в прошлом; и состояние, актуальное **в момент речи**].

Однако Present Perfect — первичный эгоцентрик (он может быть ориентирован **только** на момент речи), а СВ — вторичный, и сочетается с обстоятельством времени. В контексте обстоятельства времени перфектность СВ,

т. е. идея сохранения результата в момент речи, **пропадает** — пропадает и сходство с англ. перфектом:

- (2) а. Ко мне *приехали* родственники [событие; и состояние, актуальное *в момент речи*];
 б. Ко мне *сейчас приехали* родственники [состояние, актуальное *в момент речи*].
 в. Ко мне *вчера приехали* родственники [событие]; ср. *My relatives *have come yesterday*.

В этой связи вызывает сомнение анализ, предложенный в [Апресян 1986] для примеров (3а) и (3б) — «в случае сов. вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т. е. тем временем, в котором он мыслит себя»; отсюда выводится свойственный сов. виду эффект сохранения результата в настоящем:

- (3) а. Я *прочел* «Войну и мир» *в раннем детстве*;
 б. Я *читал* «Войну и мир» *в раннем детстве*;
 в. Я *прочел* «Войну и мир».

На самом деле, сов. вид имеет перфектную семантику только в контексте предложения (3в), без обстоятельства, а различие между (3а) и (3б) можно усмотреть разве что в эксплицитности указания на доведения действия до конца.

Ю. С. Маслову принадлежит открытие того замечательного факта, что форма причастия на *н/т* без связки — это, в современном языке, не наст. время пассива, а особый вид: **статальный перфект** [Маслов 1983]. В речевом режиме статальный перфект обозначает не событие и состояние, а только состояние. Причем в речевом режиме это состояние, которое актуально в **момент речи**. Еще в XIX веке статальный перфект не сформировался, отсюда неправильное понимание строчек из Лермонтова:

- (4) — Скажи-ка, дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу *отдана*? (пример из [Падучева 2004: 498])

В полном соответствии с этим анализом получаем аномалию в примере (5), где статальный перфект попадает в контекст цепочки. В самом деле, здесь глагол в позиции первого звена в цепочке означает, что состояние актуально в момент речи, а второй глагол противоречит такому пониманию:

- (5) *Телега *сломана* и после починена (\Rightarrow *была сломана*). (пример на базе [Маслов 1983])

Пример (6) показывает, однако, что форма статального перфекта может употребляться в гипотаксическом контексте, так что состояние, обозначенное глаголом в позиции первого звена цепочки, не обязательно ориентируется на момент речи, форма уместна и в таком контексте, где есть только момент наблюдения:

(6) а. *Он увидел телегу и понял, что она *сломана* и после починена.
(пример из [Маслов 1983])

б. Он увидел телегу и понял, что она *была сломана* и после починена.

Итак, примеры (4), (5) показывают, что форма на *n/t* является в речевом режиме статальным перфектом наст. времени, а пример (6) — что она не является первичным эгоцентриком, т. е. формой, свойственной исключительно речевому режиму: она возможна и в гипотаксическом контексте, где обозначает состояние, актуальное на момент наблюдения. Так что статальный перфект, как и сов. вид, отличается от англ. формы Present Perfect, которая невозможна в гипотаксическом контексте.

В отличие от формы сов. вида, форма статального перфекта сочетается с обстоятельством прош. времени, характеризующим время события, **не теряя перфектности**, т. е. идеи актуальности состояния в момент речи. Это доказывает пример (7):

(7) Церковь Спаса на Нередице *разрушена* во время второй мировой войны.

В настоящий момент состояние перестало быть актуальным, и предложение понимается как ложное.

Посмотрим теперь, как ведет себя эта форма в нарративном режиме (использован материал из [Князев 1989]). В нарративном тексте, в котором базовое время прошедшее, статальный перфект недопустим, поскольку форма без связки трактуется как наст. время. Отсюда в нарративном контексте в примерах (196), (197)², где базовое время прош., употребляется форма со связкой:

(196) <Я предложил нечто.> Но мое предложение *было выслушано* с недоумением, а потом меня просто выгнали на улицу (Шефнер: 372);

(197) <...> Очнулся в кустах, <...> дополз с трудом до шоссе, где и *был подобран* (Богомолов: 151).

Статальный перфект в этом контексте невозможен:

(201') Белые *искали* меня и не могли найти. *Вместо меня *арестован* гимназист К.

В противоположность этому, в (199), где имитируется речевой режим и возможно **наст. речевое**, возможна и статально-перфектная форма:

(199) Сегодня, 16 августа, <...> *уничтожена* остаточная группа противника (Богомолов: 74).

Статальный перфект возможен и в контексте с базовым наст. историческим, т. е. там, где режим интерпретации нарративный, см. (201'')

(201'') Белые ищут меня и не могут найти. Вместо меня *арестован* гимназист К.

² Нумерация примеров — по [Князев 1989].

В [Князев 1989] нарративным называется то употребление глагольных форм, которое мы назвали цепочечным.³ Ключевым для Ю.П. Князева является пример (201), в котором невозможна цепочка стательного-перфектных форм:

(201) Белые *искали* меня <...> Вместо меня *был арестован* и *отпущен* гимназист К. (Каверин: 273).

Наш анализ показывает, однако, что в контексте примера (201), с базовым прош. временем нарратива, невозможна не только цепочка (о которой автор говорит, что она имеет нарративную, или повествовательную функцию), но и единичный стательный пассив, см. (201'). В то же время в (201''), где базовое время настоящее, возможен не только единичный пассив, но и цепочка:

(201''') Белые *ищут* меня и не могут найти. Вместо меня *арестован* и *отпущен* гимназист К.

Получается, что цепочка стательного-перфектных форм, невозможная в речевом режиме, пример (5), возможна в нарративном. Это естественно, поскольку в речевом режиме после наст. времени следует будущее.

Пример 4. Персональная интерпретация утвердительной модальности. Открытием в теории нарратива можно считать обнаружение того факта, что персональную интерпретацию в НПР может иметь **утвердительная модальность** (индикативное наклонение). Сам факт наличия субъекта (всегда подразумеваемого) у индикатива не был до сих пор предметом внимания. То, что субъект есть, скажем, у опатива, не вызывает сомнений — естественно, что у желания имеется субъект.⁴ Нельзя, однако, не признать, что и за утвердительной модальностью тоже стоит субъект сознания.

Как известно, в речевом режиме на утверждающем лежит ответственность за его утверждение — он несет так называемое эпистемическое обязательство (парадокс Мура). В традиционном нарративе субъектом эпистемического обязательства, которое входит в семантику индикатива, всегда является говорящий, так что индикатив — первичный эгоцентрик. Между тем в НПР индикатив может оказаться, как и другие первичные эгоцентрики, в распоряжении 3 лица. Пример (из [Tammi 2003]):

(1) He [Frank Churchill] stopped again, rose again, and seemed quite embarrassed. — He was more in love with her than Emma had supposed <...>. (Джейн Остин. Эмма)

Второе предложение этого текста передаёт впечатление Эммы — которое, как читатель скоро узнает, не соответствует действительности. Использование НПР — это способ, которым автор пользуется для того, чтобы ввести

³ Скорее всего, нарративным это значение называют исходя из получившей широкое распространение формулировки Лабова, согласно которой в нарративах соблюдается Принцип хронологического порядка (изложения событий) — соблюдение этого принципа иногда принимается за само определение нарратива.

⁴ См. в [Плунгян 2000: 317] о том, что грамматические показатели модальности описывают в разных языках точку зрения либо субъекта, либо говорящего.

читателя в заблуждение: субъектом индикатива в данном контексте является не повествователь, а персонаж — который имеет право ошибаться.

3. Слова

Пример 1: *сейчас* 4 [Мельчук 1985] как *сейчас* 1 нарративного режима. На примере значений слова *сейчас* как нельзя лучше демонстрируется зависимость значения слова от режима интерпретации.

Словари русского языка (в частности, Словарь языка Пушкина) различают у *сейчас* три значения:

сейчас 1 = ‘в настоящий момент’ (с настоящим временем глагола);

сейчас 2 = ‘только что’ (с глаголом в прош. времени);

сейчас 3 = ‘в ближайшем будущем’ (с глаголом в буд. времени).

В канонической коммуникативной ситуации, т. е. при дейктической интерпретации, слово *сейчас* может употребляться во всех трех своих значениях:

(1) Я *сейчас* пишу письмо (*сейчас* 1);

(2) Я *сейчас* писал письмо (*сейчас* 2);

(3) Я *сейчас* буду писать письмо (*сейчас* 3).

Сейчас 1 выражает в речевом режиме одновременность ситуации с моментом речи, т. е. с настоящим временем говорящего. Отсюда аномалия в (4) (пример из [Мельчук 1985]):

(4) К Мише нас не пустили. *Он был *сейчас* с дамой.

В самом деле, при интерпретации в речевом режиме возникает противоречие: *сейчас* 1 выражает одновременность ситуации с моментом речи, а прошедшее время глагола (*был*) представляет ситуацию как предшествующую этому моменту. Нужно было употребить адвербиал *в тот момент*, который служит нарративным эквивалентом для *сейчас* 2.

В примере (5), где *сейчас* совместимо с прош. временем глагола, И. А. Мельчук толкует *сейчас* как *сейчас* 4 = ‘в данный момент, имевший место в прошлом’:

(5) *Сейчас* он внушал жалость.

Между тем, *сейчас* 4 — это просто *сейчас* 1 в нарративном контексте (единственное из трех значений *сейчас*, которое является вторичным эгоцентриком и имеет одинаковую интерпретацию в обоих режимах).

Пример 2. Местоименные наречия *здесь* и *там* различаются примерно так же, как *сейчас* 1 и *сейчас* 2. А именно, *здесь* — вторичный эгоцентрик и употребляется в нарративе практически не меняя значения; а *там*, которое в речевом режиме каком-то смысле диалогично, т. е. принимает во внимание не только говорящего, но и адресата, в нарративе меняет значение: утрачивает семантику отдалённости и употребляется как чистый анафор.

Пример 3. Вводное *оказывается* предполагает несколько субъектов — Источник сведения, получатель сведения-знания и субъект удивления:

(1) Нашлись, нашлись! Они, *оказывается*, болели и не подавали весточек! (Л. Петрушевская)

В (2) это разные лица: Источник сведения — собеседница-квартирохозяйка, а главный персонаж с удивлением передает состояние сознания собеседницы, которое не становится его знанием (пример В. С. Храковского, с другой интерпретацией):

(2) — Я вам скажу. Хотите откровенно? Я давно замечаю за Вами, Дима. — И тут она понесла такой немислимый и ошеломляющий вздор, что Глебов онемел от изумления. *Оказывается*, он с каким-то особенным вниманием всегда осматривает их квартиру, на кухне его интересовали холодильник под окном и дверь грузового лифта. Однажды он подробно расспрашивал <...> (Ю. Трифонов)

В примере (3), речевой режим, это прямая речь:

(3) Я, *оказывается*, люблю другую женщину (В. Набоков. Машенька).

В тексте Набокова говорящий (Ганин) употребляет эту странную фразу в ходе небрежного объяснения с надоевшей любовницей. Здесь словом *оказывается* описано получение говорящим сведений о самом себе. То есть Ганин является, одновременно, Источником сведения, субъектом знания и субъектом удивления — что и объясняет странность.

4. Конструкции

Дейктическая конструкция нам известна только одна. Это конструкция с генитивом отрицания в контексте глагола *быть*. В [Падучева 1992] семантическое различие между генитивной конструкцией в (1а) и номинативной в (1б) было объяснено с обращением к фигуре Наблюдателя. Фраза (1а) уместна в устах человека, который находится (или имеет своего представителя) в школе. А (1б) не предполагает Наблюдателя:

(1) а. Коли нет дома (ср. *Коли нет в Лондоне*);
б. Коля не дома.

Генитив отрицания при глаголе *быть* выражает наблюдаемое отсутствие.

В речевом режиме Наблюдателем является говорящий. Поэтому для фразы (2), где субъект — говорящий, в ситуации, когда говорящий дома, прямая интерпретация дает противоречие: говорящий должен быть дома, чтобы наблюдать свое отсутствие. Единственное возможное понимание — в значении своего рода несобственной прямой речи. Обычно говорящий хочет, чтобы про него так отвечали по телефону:

(2) °Меня нет дома.

Естественно, что в (3), в нарративном режиме, аномалия пропадает — Наблюдатель не говорящий, а врач (изменение режима меняет ориентацию Наблюдателя):

(3) Приходит врач, а меня нет дома. [наст. нарративное]

В примере (4) говорящий, т. е. лицо, обозначенное местоимением *я*, не Наблюдатель, а Субъект сознания, который **мыслит себя** в некотором месте даже тогда, когда его там нет, так что фраза не аномальна и при интерпретации в речевом режиме:

(4) Меня не было в Москве.

В самом деле, (4) звучит, в контексте разговора двух москвичей, гораздо естественнее, чем, скажем, (5):

(5) Меня не было в Лондоне.

Между тем в примере (6) генитив неуместен (контекст: женщина стоит в очереди в сбербанк; у нее звонит мобильник; она отвечает клиенту, объясняя, почему она в этот момент не может дать ему нужной справки):

(6) *Меня нет в офисе (надо сказать — *Я не в офисе*).

В этой ситуации существенно, где человек реально находится, а не где он себя мыслит. Сопоставление примера (6) с примером (4) показывает, что важно различить место, в котором говорящий находится, и место, которое он мыслит как своё (см. понятие личной сферы говорящего в [Апресян 1986]). Так что для субъекта 1 лица генитив при локативном *быть* в наст. времени полностью исключён.

Отсутствие человека в месте, которое он мыслит как своё, маркируется просодически ([Падучева 2004: 460]); так, в (7а) ремой-акцентоносителем является только *нет*, а в (7б) вся группа сказуемого в целом:

(7) а. Иванова нет \ в Лондоне;

б. Иванова нет в Москве \ .

Приведённые примеры показывают, что режим интерпретации — важный фактор, определяющий динамическую семантику эгоцентрического элемента. Следует подчеркнуть, что речевой режим — отнюдь не то же, что разговорная речь. Скажем, слово *отныне* — вторичный эгоцентрик и вполне допускает интерпретацию в речевом режиме, хотя относится к высокому стилю.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28, М.: ВИНТИ, 1986. С. 5–33.

3. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
4. *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.
5. *Князев Ю. П.* Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н*, *-т*. München: Otto Sagner, 1989. (Specimina philologiae slavicae, Bd 81).
6. *Маслов Ю. С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / Отв. ред. В. П. Недялков. Л.: Наука, 1983. С. 149–160.
7. *Мельчук И. А.* Семантические этюды. I. «Сейчас» и «теперь» в русском языке. // «Russian linguistics», vol. 9, Nos. 2–3, 1985.
8. *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.
9. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
10. *Падучева Е. В.* О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть* // Russian Linguistics. Vol. 16. 1992. С. 53–63.
11. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. *Плунгян В. А.* Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
13. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
14. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Санкт-Петербург, Изд-во «Азбука», 2000.
15. *E. Benveniste.* Les relations de temps dans le verbe français. BSL, t. 54, 1959. Русский перевод: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
16. Lyons 1977 – *Lyons J.* Semantics. Vol. 1–2. L. etc.: Cambridge Univ. Press, 1977.
17. *Tammi P.* Risky business: probing the borderlines of FID. Nabokov's An affair of honor (Podlec) as a test case. // Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. Tampere, Tampereen yliopisto taideaineiden laitos, 2003, 41–54.

Метонимия и смежные явления

Е. В. Падучева

Вступление. Метонимия и метафора

1. Традиционные краткие определения.

МЕТАФОРА, по Аристотелю, — перенос **по сходству**:

(1) Долина *спит* [\approx 'долина тиха, как спящее живое существо']

Метонимия — перенос **по смежности**.

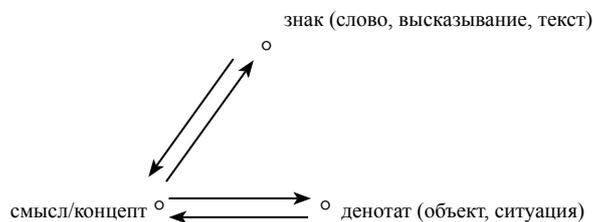
(2) *Стаканы* пенились и шипели беспрестанно (А. С. Пушкин. Выстрел).

2. Более содержательные определения.

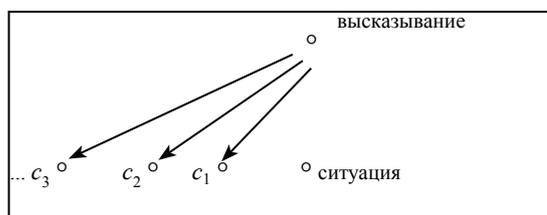
МЕТАФОРА — это категориальный сдвиг (так, *долина* в (1) — это как бы живое существо). Метонимия — сдвиг фокуса внимания с одного предмета на другой, сопричастующий в ситуации (так, в (2) реально пенилось и шипело вино, а в фокус внимания попали бокалы); или, возможно, с одного смыслового компонента на другой в толковании слова или другой языковой единицы.

3. Метафора — это сдвиг на уровне **значений**; метонимия требует смежности в мире **реалий**. Если надо включить в рассмотрение действительность, обращаемся к «треугольнику Фреге». Г. Фреге ввел в рассмотрение концепт (в логике проводилась прямая связь между знаком и денотатом).

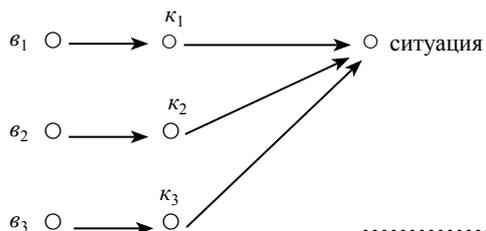
(1) Треугольник Фреге [см. Черч 1961]:

(II) Лингвистика изучала только смыслы языковых выражений, оставляя третью вершину в стороне

(III) Нынешнюю парадигму задает схема (III), где $\kappa_1, \kappa_2, \kappa_3$ и т. д. — это разные концепты, т. е. разные концептуализации, одной и той же ситуации; каждый концепт является смыслом соответствующего высказывания — $\vartheta_1, \vartheta_2, \vartheta_3$ и т. д.):

Пример Фреге (иллюстрирующий схему III). Одному денотату могут соответствовать разные знаки — каждый со своим концептом:

- (1) а. *Утренняя звезда* → ‘утренняя звезда’ → Венера
- б. *Вечерняя звезда* → ‘вечерняя звезда’ → Венера
- в. *Венера* → ‘?’ → Венера

Это разные концепты одного **объекта**. Примеры разных концептуализаций одной **ситуации**:

- (2) а. <удой> увеличился с одного литра до трех;
- б. <удой> увеличился на два литра;
- в. <удой> увеличился на 200%;
- г. <удой> увеличился в три раза.
- (3) а. Иван полюбил Марию;
- б. Моя дочь связалась с негодяем.

Соотношение между c_1, c_2, c_3 и т.д. в схеме (II) — это омонимия. Соотношение между $\kappa_1, \kappa_2, \kappa_3$ не есть синонимия. Описать исчерпывающим образом (так, как мы надеемся описать синонимию) это соотношение, конечно, нельзя. Но можно выявить часто используемые «ходы». Так, среди множества

элементарных смысловых различий между концептами высказываний (3а) и (3б) есть и **различия в фокусе внимания**. Итак, задача — описать, хотя бы частично, соотношения между κ_1 , κ_2 , κ_3 , которые сводятся всего лишь к сдвигу фокуса внимания — что позволяет им быть концептами одной и той же ситуации.

Метонимические переносы в разных сферах языка

1. Лексика
2. Синтаксис
3. Дейксис

1. Лексика

Хотелось бы различить две вещи: «живая» метонимия, на случай, и метонимия, закрепленная как отдельное значение слова в словаре. Но последовательно это сделать нельзя. Так, в МАС есть два значения у *стакан* (сосуд и количество: купил *стакан* — За ужином выпил он *стакана* два шампанского (Н. В. Гоголь. Шинель)), но у слова *рюмка* не указывается аналогичного значения. Другие примеры частых переносов:

СОСУД — ВИНО: поставь *рюмку* на стол — выпей *рюмку*;

АВТОР — СОЧИНЕНИЕ: *Толстой* написал — читаю *Толстого*;

ВМЕСТИЛИЩЕ — СОДЕРЖИМОЕ: почисть *чайник* — вскипяти *чайник*;

ВЕЩЕСТВО — ИЗДЕЛИЕ: изделие из *серебра* — почистить *серебро*;

ПЛОД — ДЕРЕВО: съел *грушу* — посадил *грушу*;

НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ — НАСЕЛЕНИЕ: обошел *всю деревню* — *вся деревня* над ним смеялась;

МЕСТО — ВРЕМЯ: вышел на *дорогу* — *всю дорогу* плакал;

ПРЕДПРИЯТИЕ — ЗДАНИЕ: *фабрика* забастовала — ремонт *фабрики*.

В книге [Апресян 1974] есть раздел «Регулярная многозначность существительных». Тут в разделе «Актантные значения» у глагольных имен 12 вариантов **многозначности**. Это всегда метонимические переносы: от действия к участнику, от свойства — к носителю и т. д. (*замена, ужас, бездарность, клейка, выписка, вооружение, полоскание, зажигание, перевод, выход, обед*). И еще 39 пунктов в разделе «другие значения». Это тоже по преимуществу метонимия. Но нет переноса, который определяет употребление сочетания *черта оседлости* (можно сказать *в черте оседлости*).

Короче, нет надежды перечислить все типы переносов такого рода. Ср. газетный заголовок: «Стриндберг продолжает эпатировать Москву»; в статье речь идет о том, как Москва встретила новую постановку когда-то нашумевшей пьесы Стриндберга «Игра снов».

Обратимся к таким сферам языка, где **есть** надежда дать исчерпывающий перечень сдвигов фокуса внимания.

2. Синтаксис

Глагол, в каждом данном своем значении, описывает ситуацию с определенным набором участников — актантов; у каждого участника своя семантическая роль. Так, в предложении (1) у *съесть* два участника; их роли — Агенса и Пациенса:

- (1) Ваня *съел* сливу.

Набор участников — это АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА глагола. У глагола, кроме того, имеется АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА — набор синтаксических позиций, или аргументов (субъект, объект, датив, инструменталис), т. е. синтаксически подчиненных глаголу именных (а возможно и глагольных) групп, способных занимать эти позиции. Соответствие между актантной и аргументной структурой называется ДИАТЕЗА [Мельчук, Холодович 1970].

Диатеза может меняться. Раньше считалось, что это синонимия. Сейчас ясно, что мена диатезы — это сдвиг фокуса внимания. Т. е. семантически это подходит под определение метонимии. Такие сдвиги можно исчислить. Залог — это мена диатезы, маркированная формой глагола.

2.1. Активный залог ⇒ пассивный залог:

- (1) а. Разбойники *убили* крестьянина;
б. Крестьянин *был убит* разбойниками.

(1*) ⟨Агенса-Сб, Пациенса-Об⟩ ⇒ ⟨Пациенса-Сб, Агенса-Периф⟩.

В (а) в фокусе внимания разбойники. В (б) Агенса ушел из Центра на Периферию. Теперь он может быть опущен: тогда он уйдет за кадр. Так что это метонимия.

2.2. Морфологически маркированная декаузативация (уход каузатора из центральной позиции):

- (2) а. Постоянные войны *истоцили* казну;
б. Казна *истоцилась* от постоянных войн.

(2*) ⟨Каузатора-Сб, Пациенса-Об⟩ ⇒ ⟨Пациенса-Сб, Каузатора-Периф⟩.

То же самое. NB от:

- (3) <Окончен> труд, завещанный *от Бога*. (А. С. Пушкин)

2.3. Декаузативация может быть морфологически не маркированная:

- (4) а. Сторож *наполняет* бассейн водой;
б. Вода *наполняет* бассейн.

(4*) <Агенс-Сб, Место-Об, Тема-Периф> ⇒ <Тема-Сб, Место-Об>.

(5) а. Вошедший *целкнул* выключателем;

б. *Щелкнул* выключатель <Инструмент-Сб>.

Каузатор оказался за кадром, без возможности быть хотя бы на Периферии.

2.4. Рокировка дополнений:

(6) а. загрузил сено *в грузовик*; б. загрузил *грузовик* сеном.

(6*) а. <... **Тема-Об, Место-Периф**> → б. <... **Место-Об, Тема-Периф**>.

Семантика «полного охвата».

(7) а. посыпал соли на хвост; б. посыпал хвост солью;

(8) а. повязал платок на шею; б. повязал шею платком;

(9) а. обмотать шею шарфом;

б. обмотать шарф вокруг шеи.

Позиция прямого дополнения, как и субъекта, — это Центр.

2.5. Прямая и косвенная диатеза. [Падучева 1998, Тестелец 2001]. Пример:

(1) а. Американцы *выбрали* президентом Обаму

[прямая диатеза];

б. Американцы *выбрали* президента

[косвенная диатеза].

В (1а) результат выбора в фокусе внимания (*Обама* — в позиции прямого дополнения), а в (1б) результат выбора может быть даже неизвестен говорящему.

Почему диатеза косвенная?

(2) а. решил уехать \ ;

б. решил \ , что делать [косвенный вопрос].

Диатеза диктует возможности интерпретации видовой формы:

(3) а. Американцы *выбирают* президента (как *собирают* грибы, *убирают* помещение и т.д.)

[актуально дящаяся деятельность];

б. Американцы *выбирают* президентом Обаму

[невозможно такое понимание; только настоящее историческое — поскольку известен результат].

Одни глаголы допускают перемещение фокуса внимания (с множества выбора на результат), другие — нет; у *предпочест* только прямая диатеза:

(4) Он *предпочел* уехать \ [нет косвенной диатезы]

Итак, мена диатезы дает перемещение фокуса внимания с одного участника ситуации на другой и может быть причислена к метонимическим сдвигам.

2.6. Продолжаем искать выражения, которые различаются только сдвигом фокуса внимания. Правда, в 2.1–2.5 нам было легче, поскольку речь шла о **разных** выражениях. А в разделе 1 — о возможностях разных употреблений одного и того же слова или словосочетания.

Теперь другой вариант метонимического сдвига. Значение слова или другой единицы (грамматической формы, конструкции) принято описывать толкованием. Толкование состоит из смысловых компонентов. Метонимический сдвиг может быть на уровне компонентов толкования. Изменение значения состоит в том, что фокус внимания перемещается с одного компонента на другой.

Возьмем типичный глагол совершенного вида (глагол, который обозначает действие, состоящее в достижении цели). В его семантике есть два компонента — действие и результат. Например:

Х закрыл Y <дверь> =

компонент I, «действие»: 'X приводил Y в контакт с Z (краями дверного проема)';

компонент II, «результат»: 'есть контакт'.

Компоненты I и II метонимически связаны — не только как причина и следствие, но и смежностью во времени: кончается действие, наступает состояние-результат.

Когда к глаголу присоединяется наречие (адвербиал, модификатор — англ. *modifier*), происходит одно из двух: одни наречия ставят в фокус внимания действие, см. (1а), другие — результат, см. (1б):

(1) а. Он *быстро* закрыл дверь [в фокусе действие];

б. Он *плотно* закрыл дверь [в фокусе результат].

В (1а) в семантике глагола закрыть фокализовано действие, в (1б) фокализован результат. Сдвиг в значении глагола почти не заметен. Однако если в толковании есть два (метонимически связанных) компонента и один из них фокализован **внутри** толкования, то другой может быть недоступен для **внешних** (синтаксических) модификаторов. В этом источник аномалии в (2б) (пример К. И. Казенина):

(2) а. *плотно закрыл* дверь; б. **плотно захлопнул* дверь.

Х захлопнул Y <дверь> =

компонент I, «действие»: 'X приводил Y в контакт с Z';

компонент II, «результат»: 'есть контакт';

компонент III, модификация компонента I: 'действие совершалось резким движением; возможно, сопровождалось звуком'.

Аналогично взаимоисключающими могут быть два внешних (синтаксических) модификатора:

- (3) а. Окно было открыто *час назад* [в фокусе действие];
б. Окно было открыто *пятнадцать минут* [в фокусе результат, т. е. достигнутое состояние];
в. *Окно было открыто *час назад пятнадцать минут*.

В (3в) обстоятельство времени *час назад* фиксирует фокус внимания на действии, и делает невозможной фокализацию статального компонента, которой требует обстоятельство длительности *пятнадцать минут*.

Пример для размышления:

- (4) Церковь Спаса на Нередице *разрушена* во время второй мировой войны.

3. Дейксис

3.1. Метонимия как троп. Метонимическое присутствие субъекта в ситуации

Роману Якобсону принадлежит открытие роли метонимии в поэзии (и прозе) Пастернака [Иванов 1987]. В отличие от Маяковского, для которого главный троп — метафора, лиризм Пастернака «в прозе или в поэзии, пронизан метонимическим принципом, в центре которого — ассоциация по смежности. <...> Элементарная форма ассоциации по смежности — захват ближайшего предмета. Поэт знает и другие метонимические отношения: от целого к части и наоборот, от причины к следствию и от следствия к причине <...>. Но предпочтительный его прием — упоминание какого-нибудь рода деятельности вместо самого действующего лица; какого-то состояния, выражения или свойства, присущего личности, на месте и вместо самой этой личности...», [Якобсон 1987: 329–330].

Пример из стихотворения «Марбург»:

Тоска пассажиркой скользнет по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.

С Якобсоном хочется, не раздумывая, согласиться. Но вот М. Л. Гаспаров (1997) подсчитал у Маяковского и Пастернака процент метонимов типа *вместилище — вмещаемое, часть — целое, автор — произведение* по отношению к общему числу тропов и обнаружил, что он у двух поэтов примерно одинаков. Однако это не дает основания заключить, что Якобсон преувеличил «метонимичность» поэтики Пастернака. Скорее дело в том, что у Якобсона более широкое определение метонимии. И имеет смысл следовать определению Якобсона, поскольку именно оно получает плодотворные применения в лингвистике.

По Якобсону, главная особенность Пастернака (противопоставляющая его Маяковскому) — та, что у него «**первое лицо** отодвигается на задний план. <...> Его присутствие стало метонимическим», [Якобсон 1987: 329]. М. Л. Гаспаров [1997: 406] говорит о Пастернаке другими словами, но по существу то же самое: «Субъект выражен через его отражение в окружающих предметах. Образ выводится не из состояния объекта, а из состояния субъекта, смежного с объектом»; пример М. Л. Гаспарова:

(1) *вокзал, Москва* плясали <...> по насыпи, по рвам [на самом деле, это наблюдатель находится в движущемся поезде].

Первое лицо присутствует в ситуации, но оно не в фокусе, а за кадром.

До последнего времени изучение метонимии было уделом поэтики. Сейчас лингвистика располагает аппаратом, который позволяет ей (следуя Якобсону) принять вызов. До сих пор речь шла о фокусе внимания, и мы ни разу не задумались, а чье внимание? Где субъект? Для довершения картины нужен субъект. И не просто субъект, а субъект **первого лица**.

3.2. Фокус внимания и наблюдатель

С моей точки зрения, одно из самых потрясающих открытий лингвистической семантики последних лет — это Наблюдатель.

Пример 1 (по статье [Апресян 1986]). Глагол *показаться* описывает ситуацию, в которой среди участников (семантических актантов) есть СУБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ, Наблюдатель (*показаться* от *показать*, а *показать* можно только кому-то):

(1) На дороге *показался* **всадник**.

Почему аномалия в (2)?

(2) *На дороге *показался* **я**.

Потому что субъект наблюдения — говорящий, и он не может «вдруг» оказаться в поле зрения самого себя.

Почему аномалия пропадает в (3) и в (4)?

(3) Считают, что именно в этот момент на дороге *показался* **я**. [гипотаксис]

(4) <... разбойники.> Но тут на дороге *показался* **я**, и они в страхе разбежались. [нарратив]

В (4), при нарративной стратегии интерпретации, роль Наблюдателя исполняет не говорящий, а персонаж (разбойники), и аномалия пропадает. То же в (3) при гипотаксической интерпретации.

Пример 2. Такой же Наблюдатель есть в семантике генитивной конструкции отрицания.

Обычно считается, что генитив возникает при отрицании бытийного предложения. Бытийное предложение утверждает существование. Отрицательное бытийное предложение отрицает существование. То есть генитив субъектной группы выражает несуществование Вещи.

(1) а. Возникли *сомнения*; б. *Сомнений* не возникло.

(2) а. *Сомнения* исчезли; б. *Сомнения* не исчезли; в. **Сомнений* не исчезло.

Однако для предложения (3а), не бытийного, отрицанием будет (3б), с генитивом субъекта:

(3) а. *Петя* дома; б. *Пети* нет дома [локативное предложение].

В чем здесь дело? Смотрим на (4), (5):

(4) а. Ни одной подлодки *не всплыло* = 'не вошло в зону восприятия'. (пример из [Babby 1980]) [Наблюдатель на поверхности]

б. Ни одна подлодка *не всплыла* [Наблюдатель в глубине]

(5) а. *Ни одного звука* не вырвалось из его гортани.

б. У меня отказали голосовые связки. Пробовал кликнуть жену — *ни один звук* не вырвался из гортани. (пример из [Babby 1980: 61])

В (4б), (5б) взгляд изнутри, в (4а), (5а) — со стороны внешнего Наблюдателя.

Фраза (6а) уместна в устах человека, который находится (или имеет своего представителя) в школе/Лондоне. А (6б) не фиксирует местоположения говорящего:

(6) а. Вани нет в школе (или: Коли нет в Лондоне);

б. Ваня не в школе (или: Коля не в Лондоне).

Для предложения с *быть* выстраивается такая же триада, как для *показаться*:

(7) а. Вани нет дома;

б. **Меня* нет дома;

в. Ему сказали, что *меня* нет дома.

В (8), при прош. времени глагола, допустима генитивная конструкция, поскольку говорящий мыслит себя дома (или в Москве), не находясь там в данный момент:

(8) *Меня* не было дома; *Меня* не было в Москве; ср. *Меня* не было в Лондоне.

Ср. неуместность генитива в примере (9) (контекст: женщина стоит в очереди в сбербанк; у нее звонит мобильный телефон; она отвечает клиенту, объясняя, почему она в этот момент не может дать ему нужной справки):

(9) **Меня* нет в офисе.

Здесь не имеет смысла «мыслить себя», надо именно находиться. Поэтому неуместен генитив.

Итак, язык позволяет не только различить, что в фокусе внимания, а что — не в фокусе (и сдвиг фокуса — это метонимия), но и найти следы

того субъекта, который метонимически присутствует в ситуации в роли наблюдателя.

Заключение

1. Метонимический сдвиг может сопровождаться метафорическим.

Пример в словарной статье метонимия в «Поэтическом словаре» [Квятковский 1966]:

- (1) **Вагоны** шли привычной линией,
 Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие <*вагоны*>,
 В зеленых плакали и пели (А. А. Блок. На железной дороге).

Метонимический сдвиг и как правило возникающая при этом категориальная ошибка создают образ. Так, в (1) смещение фокуса внимания с пассажиров вагона (которые на самом деле молчали) на вагоны — важный момент в проведенной в этом стихотворении внешней точке зрения на проходящие поезда: это точка зрения погибшей женщины. Но метафора, основанная на категориальной ошибке, тоже есть.

В примере (2) скорее метонимия, чем метафора:

(2) <...> паразиты ведут свое происхождение от сакральной семантики 'еды' или, как мы теперь сказали бы, от ее метафоричности, однако позднейшие паразиты — не просто нахлебники, а полушуты, профессиональные остроумники и смехотворцы, стоящие между заправскими скоморохами и теми менестрелями, которых мы потом встречаем за столами богатых средневековых господ; связь остроумия с едой, как я уже указывала, **метафорически** органична. (О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра (1935))

Конечно, с помощью остроты можно «съесть» человека с потрохами, и тогда *съесть* — метафора. Но Фрейденберг обнаруживает между остроумием и едой **метонимическую** связь, называя ее метафорической.

2. Если слово в предложении понимается одновременно в двух смыслах, то это каламбур:

- (3) *Шел* дождь и два студента.

Но если между разными компонентами метонимическая связь, то **может быть** допустима неаномальная интерпретация, апеллирующая сразу к двум его значениям (хотя это не всегда так и тут еще есть над чем думать).

Пример 1. Слово *рот* имеет в МАС следующее толкование: «отверстие между губами, ведущее в полость между верхней и нижней челюстями и щеками до глотки, а также сама эта полость». И действительно, слово *рот* имеет два прямых значения: *во рту* значит 'в полости', а *тонкий рот*, *в уголках рта* — приблизительно то же, что *тонкие губы*, *в уголках губ*, т. е. имеется в виду только отверстие. Впрочем, попадать в фокус и активизироваться могут оба участника одновременно; так, *раскрыть рот* значит разомкнуть губы (отверстие), тем самым сделав доступной полость.

Пример 2. Слово *давно*.

покупал *давно* [событие далеко от наст. момента];

давно спит [состояние длится уже долго];

давно пришел [и то и другое].

Пример 3.

(4) а. Переполненная до краев *аудитория* радостно шумела.

б. Через край полная аудитория была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. И. Герцен. Былое и думы. Пример Н. Н. Перцовой).

Так или иначе, метонимия, понимаемая как сдвиг фокуса внимания, позволяет связать воедино явления, которые, оставаясь отдельными, были менее понятны.

Литература

[Апресян 1986] *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.

[Апресян 1974] *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

[Гаспаров 1997] *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Т. 2. О стихах. М.: Языки рус. культуры, 1997.

[Иванов 1987] *Иванов Вяч. Вс.* Поэтика Романа Jakobson // *Якобсон Р.* Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987. С. 5–22.

[Квятковский 1966] Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.

[МАС] Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1987.

[Мельчук, Холодович 1970] *Мельчук И. А., Холодович А. А.* К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.

[Падучева 1999] *Падучева Е. В.* Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить*. // Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999, 488–502.

[Падучева 2004] *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

[Тестелец 2001] *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

[Черч 1961] *Черч А.* Введение в математическую логику. Пер. с англ. под ред. В. А. Успенского. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.

[Якобсон 1987] *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // *Его же.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.

[Babby 1980] *Babby L. H.* Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers, 1980.

**«Если бы да кабы...» или «не умеешь — научим»
(О слове *ЕСЛИ* и других способах выражения условия
на письме и в устной речи)¹**

В. И. Подлесская

Наша задача — понять, как устроены и как употребляются на письме и в устной речи предложения, которые в школьной грамматической традиции относятся к разряду «условных», то есть сложноподчиненных с условными придаточными. Кроме того, мы постараемся обнаружить, какие еще конструкции в языках мира близки им по устройству, значению и употреблению.

Начнем с простого примера:

(1) *ЕСЛИ будет хорошая погода, мы пойдем гулять*

Такое предложение связывает между собой два «положения дел» или две «ситуации» — *будет хорошая погода* и *мы пойдем гулять*, и цель говорящего — сообщить слушающему, что степень вероятности второго положения дел определяется степенью вероятности первого положения дел. Таким образом, говорящий не утверждает, что *будет хорошая погода*, и не утверждает, что *мы пойдем гулять*; он лишь устанавливает между этими положениями дел вероятностную связь.

В языках мира существует целый класс явлений — слов, выражений, грамматических категорий, сходных с условными конструкциями в том, что они используются не для сообщения о некотором положении дел, не для того, чтобы сделать то или иное утверждение. Так, например, говорящий может задавать вопросы, высказывать предположения, оценивать ситуацию как вероятную или невероятную, плохую или хорошую, обсуждать альтернативные предложения, просить или приказывать что-нибудь сделать. Весь этот класс явлений в лингвистике принято объединять в класс под названием «контексты со снятой утвердительностью». Детальному исследованию этого феномена посвящены многочисленные работы, и, в первую очередь, работы Елены Викторовны Падучевой (см., например, [Падучева 2005]), развивающей идеи Уриеля Вейнрейха (см. [Weinreich 1963/1970]).

¹ Работа опирается на данные корпусного исследования, поддержанного грантом РГНФ 08-04-00165а.

Ниже мы постараемся доказать, что условные предложения роднит с другими контекстами со снятой утвердительностью не только функциональная близость, но и единство формы. Мы увидим, что в языках мира очень часто одни и те же слова и конструкции используются и для выражения условия, и для выражения какого-либо либо другого значения, относящегося к классу контекстов со снятой утвердительностью.

Обратимся сначала к сравнению условных конструкций и вопросов. Во многих знакомых нам европейских языках условные союзы используются в функции подчинительного союза в косвенных вопросах при глаголах речи и мысли, ср. английское:

- (2) *I was wondering IF you 'd like to come to the cinema with me this evening.*

Кроме того, хорошо известно, что многие условные показатели этимологически восходят к вопросительным словам: так, русский условный союз *если* представляет собой грамматикализованное сочетание бытийного глагола и вопросительной частицы *ли*. В русском языке Н.М. Карамзина еще встречается написание условного союза как *еслили*. Обращает на себя внимание и тот факт, что так называемые условно-уступительные конструкции во многих языках строятся с использованием вопросительных слов. Например, чтобы выразить смысл «Даже ЕСЛИ ты будешь очень сильно просить, я все равно не поеду» можно построить конструкцию с вопросительным словом *сколько*:

- (3) *СКОЛЬКО бы ты ни просил, я все равно не поеду*

Это же значение можно выразить и используя модель альтернативного вопроса:

- (4) *Будешь ты просить ИЛИ НЕТ, я все равно не поеду*

Последний пример показывает также, что выражение условия может эксплуатировать те же средства, что и выражение выбора альтернативы, другого контекста со снятой утвердительностью. Во многих языках, в том числе и в русском, в устной речи выражение условия часто склеивается с отрицанием и с разделительным союзом — главным языковым средством обозначения выбора из альтернативных возможностей. Так, предложение (5)

- (5) *Немедленно прекрати, ИЛИ я сейчас же уйду!*

означает «ЕСЛИ ты НЕ прекратишь, то я сейчас же уйду». Альтернатива склеивается с отрицанием и условием и в значении слова *иначе*. Например, уже упомянутое выше значение «ЕСЛИ ты НЕ прекратишь, то я сейчас же уйду» можно выразить так:

- (6) *Немедленно прекрати, ИНАЧЕ я сейчас же уйду!*

Значению выбора альтернативы близко значение еще одного контекста со снятой утвердительностью — контекста сопоставления. В этой функции также широко используются условные союзы. В русском языке на конструкции такого рода обратил внимание А. В. Гладкий [1982], ср. (7):

- (7) *ЕСЛИ на севере промышляли больше охотой, ТО на юге основу хозяйства составляло земледелие.*

Как видим, условный союз в предложении (7) есть, но никакого условного отношения он не выражает, это просто сопоставление двух фактов, которое можно было бы выразить и с помощью сопоставительного союза А:

- (8) *На севере промышляли больше охотой, А на юге основу хозяйства составляло земледелие.*

Условные союзы используются для выражения сопоставления во многих языках. Например, в знаменитой монографии под редакцией В. С. Храковского об условных конструкциях в языках мира (см. [Храковский В. С. (ред.) 1998]) такое употребление отмечено в японском, армянском, вьетнамском, болгарском и ряде других языков.

Еще один контекст со снятой утвердительностью, который имеет много точек пересечения с условием, — это выражение предположений и пожеланий. В русском языке, как и во многих других, имеется грамматическая категория, которая участвует и в выражении предположений/пожеланий, и в выражении условного значения, — это сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение образуется в русском языке сочетанием формы прошедшего времени глагола (показатель -л-) с частицей *б(ы)*. Эта форма обнаруживается себя в пожеланиях:

- (9) *Вот БЫ он завтра приехал!*

повелениях / указаниях:

- (10) *Вы БЫ шли отсюда!*

а также в нереальных или почти нереальных предположениях:

- (11) *Милая моя, взяЛ БЫ я тебя, но там, в краю далеком, есть у меня жена.*

Значение нереальности эта форма добавляет и в условные конструкции, если они используются для выражения так называемого «нереального» условия, как в следующем предложении:

- (12) *ЕСЛИ Б я быЛ султан, я Б имеЛ трех жён!*

где положения дел «быть султаном» и «иметь трех жен» подаются как нереальные, или заведомо неосуществимые, т.е. на самом деле я не султан, и трех жен у меня нет и быть не может. Впрочем, когда речь идет о будущих событиях, форма сослагательного наклонения в условном предложении может связывать положения дел в принципе осуществимые, и, как правило, желательные для говорящего, ср. следующее предложение:

- (13) *ЕСЛИ БЫ ты завтра пришеЛ пораньше, мы БЫ смогЛи позаниматься*

которое означает примерно следующее: «Я не знаю, сможешь ли ты придти пораньше, но если сможешь, мы позанимаемся, и это будет хорошо/правильно». В языках имеются разнообразные средства, подобные наклонениям, мо-

дальным глаголам, особым формам времени и вида, которые в составе условного предложения указывают на различную степень вероятности/реальности связываемых положений дел. Так, согласно известной работе Т. Гивона [Givón 1995:135–136], в английском языке весь комплекс форм времен, видов и наклонений в сочетании с модальными глаголами позволяет построить очень дробную шкалу реальности в условных конструкциях, ср. следующие последовательности предложений, расположенных в порядке «убывания достоверности»:

(14) a. *What will you do if I tell you that...?*

What would you do if I told you that...?

What would you do if I were to tell you that...?

What would you have done if I had told you that...?

b. *If she comes, we will / may consider it.*

If she ever came, we would / might consider it.

If she had come, we would have / might have considered it.

Интересно, что в английской устной речи можно использовать первую часть условной конструкции со вспомогательным глаголом *would* просто для выражения предложения/предположения, как в следующем примере (на который мое внимание обратила О. И. Виноградова):

(15) *If you would come tomorrow ... Will you?*

Ближайшим аналогом примера (15) в русском языке было бы: «Может, зайдешь завтра, а?». А с помощью формы вспомогательного глагола *should* можно выразить условие, которое говорящий считает в принципе допустимым, но очень маловероятным, подобно русскому *а если вдруг...*, ср. строчки из известной английской песенки про то, что случится, если «одна зеленая бутылка вдруг случайно упадет»:

(16) *Ten green bottles sitting on a wall...*

If one green bottle should accidentally fall

There'll be nine green bottles...

Помимо времен и наклонений, для выражения реальности или ирреальности условия в языках мира могут использоваться и такие средства, как противительные союзы. Так, в японском языке для того, чтобы выразить нереальное условие, надо добавить к обычному условному предложению противительный союз, т. е. для того, чтобы выразить смысл «Если бы ты поторопился, мы бы успели», надо сказать «Ты поторопиться-если, мы успеть, однако».

Все эти примеры показывают, что у условий и пожеланий/предположений есть общие компоненты значения и пересекающиеся способы выражений. Подобного рода пересечения есть у условий и с директивами, т. е.

повелениями (приказами, просьбами и т. п.), которые тоже относятся к контекстам со снятой утвердительностью. В частности, форма повелительного наклонения — основное грамматическое средство для выражения повеления во многих языках — также нередко используется и для выражения условия, ср. следующее предложение:

(17) *ПРИДИ он на пять минут раньше, мы бы успели,*

в котором форма повелительного наклонения *приди (он)* используется в значении «если бы (он) пришел».

Замечательным образом, в контексте со снятой утвердительностью условное значение можно выразить вообще без специальных слов и грамматических форм. Например, если связываемые положения дел относятся к будущему, то в устной речи значение условия может передаваться только интонационными средствами, в частности, подъемом тона на первом члене конструкции:

(18) *Не /умеешь — научим, не /хочешь — заставим!*

Косая черта перед словом в примере (18) показывает, что на этом слове происходит повышение тона. Особенно важно, что это то же самое интонационное движение, которое в русском языке используется и для выражения вопроса, ведь точно с такой интонацией, с какой мы произносим первую часть в условной конструкции без условного союза, типа (18), мы произносим и общий вопрос, ср.

(19) *Не /умеешь? Не /хочешь?*

Таким образом, мы опять наблюдаем пересечение сфер влияния условия и другого контекста со снятой утвердительностью — вопроса.

Условие настолько тесно переплетено со снятой утвердительностью, что, если связываемые положения дел оба являются истинными утверждениями, то условная конструкция оказывается лишенной смысла. Так, трудно себе представить, при каких обстоятельствах можно было бы употребить следующее предложение, в котором оба компонента в нашей картине мира, безусловно, истинные утверждения:

(20) *Если дважды два четыре, то Париж столица Франции.*

Зато если связываемые положения дел оба являются ложными утверждениями, то в условном предложении возникает совсем новый смысл — оба положения дел подаются как одинаково абсурдные:

(21) *Если он — лингвист, то я — балерина (китайский летчик...).*

Предложение (21) означает, что если мы готовы признать истинным утверждение «он — лингвист», то у нас столько же оснований (т. е. чистай — никаких) признать истинным утверждение «я — китайский летчик». Клише, которые выбираются как образцы абсурда в различных языковых сообществах, могут быть разными. Например, в английском языке на месте «я — балерина (китайский летчик...)» часто используется выражение

«я — Дракула», и соответствующий тип условных конструкций даже получил название Dracula conditionals.

Итак, мы убедились, что условные конструкции и по форме, и по функции пересекаются с конструкциями, обозначающими вопросы, предположения, пожелания, повеления. Этим списком далеко не исчерпывается набор контекстов со снятой утвердительностью, которые могут иметь с условием близкое значение и общие способы выражения. Например, условные конструкции могут использоваться во вводных выражениях, не содержащих утверждений, а помогающих говорящему и слушающему в живой речи осуществлять взаимодействие. Одну из таких конструкций я и помещаю ниже:

На этом, ЕСЛИ ПОЗВОЛИТЕ, я и закончу!

Литература

1. Гладкий А. В. О значении союза ЕСЛИ // *Семиотика и информатика*. 1982. Выпуск 18. М., 43–75.
2. Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: Глобальное отрицание // *Русский язык в научном освещении*, 2005. №10 (2), 17–42.
3. Храковский В.С. (ред.). *Типология условных конструкций*. СПб.: Наука. 1998.
4. Givón, T. *Functionalism and Grammar*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins. 1995.
5. Weinreich 1963/1970 — U. Weinreich. On the semantic structure of language // *Universals of Language* / Ed. J. Greenberg. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1963, 114–171. Перепечатано в: U. Weinreich. On semantics. [Philadelphia:] Univ. of Pennsylvania Press, 1980. P. 37–96. Русский перевод (И. А. Мельчука): Вейнрейх У. О семантической структуре языка // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 5. Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1970, 163–249.

Лексическая типология: зона звуков¹

Е. В. Рахилина

Введение

Большинство лингвистов на протяжении веков считали, что язык — это грамматика, а не лексика. Любопытно, однако, что эта точка зрения присутствует и в умах «обычных» носителей языка. Действительно, когда человек, изучающий иностранный язык, говорит: «Мне язык попался какой-то сложный» (или: «простой»), он имеет в виду, что в изучаемом языке сложное спряжение или склонение, но не что ему нужно выучить слишком много (или, наоборот, слишком мало) слов, чтобы начать говорить.

Собственно, из-за такого пренебрежительного, в общем, отношения к лексике, мы так мало о ней знаем. Например, сегодня мы не можем ответить на вопрос, простой ли данный язык или сложный (или, в других терминах: бедный он или богатый) — с точки зрения объема лексики. Некоторые лингвисты скажут, что вообще-то это все равно, потому что языки в сущности имеют равный набор слов, компенсируя их «недостаток» тем или иным способом. Честно говоря, раньше, до того как я начала заниматься сопоставительными исследованиями в области лексики, я тоже так думала. Но для более точных оценок требуются серьезные исследования.

В свое время с похожей проблемой несопоставимости грамматических описаний столкнулись морфологи — тогда, в начале 1970-х, это стало стимулом для бурного развития теории и практики грамматической типологии. Кажется, теперь настало время лексической типологии. Первые шаги в этом направлении сделаны: ср. проекты М. Бауэрман [Bowerman 2004], К. Годдарда и А. Вежбицкой (напр., [Goddard, Wierzbicka 2002] и Дж. Ньюмана [Newman 1997, 2002]. В нашей стране есть сильная ветвь «диахронической» типологии (ср. [Дыбо 1996, Зализняк 2001], но также и сугубо синхронные исследования, а именно заверченный уже проект по исследованию глаголов движения в воде [Aquamation–2007] и развивающийся — по исследованию глаголов боли [Резникова и др. 2008]. Но таких исследований должно быть очень много, и, чтобы

¹ Данная статья представляет собой сокращенный вариант статьи в сборник в честь В. П. Неделкова (в печати).

получить представление об общей картине, они должны касаться разных лексических областей.

Данная статья — всего лишь маленький шаг к будущему проекту, о котором я пока только мечтаю. Это будет типология глаголов звучания.

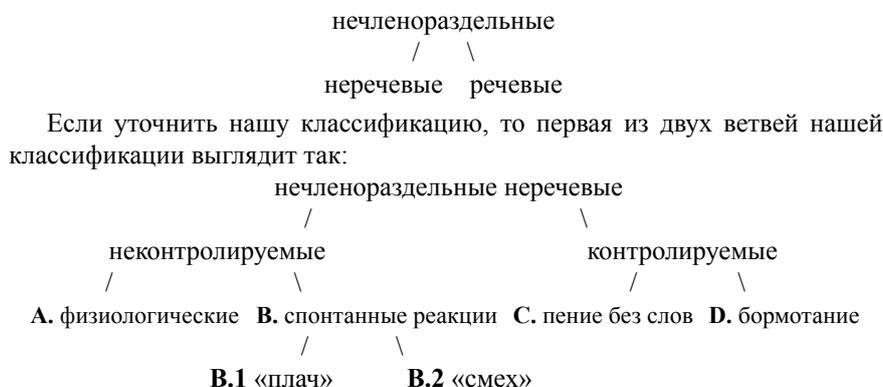
Мир звуков очень разнообразен. Действительно, есть звуки, который издают люди (ср., например, русское *шаркать*), а есть — животные (ср. *рычать*), есть — звуки природных объектов (ср. *журчать*), а есть — артефактов, или предметов (ср. *лязгать*), среди которых особый класс представляют музыкальные инструменты (ср. *бренчать*). И внутри каждого класса возможна своя классификация (ср. [Стойнова 2008]).

Здесь мы будем говорить о звуках животных. Известно, что звуки животных используются метафорически применительно к людям. Возникает вопрос: какие именно «человеческие» звуки передаются как «звериные», «птичьи» или «насекомые»? Простой ответ на этот вопрос звучит так: нечленораздельные. Действительно, звуки, которые издают животные, могут уподобляться человеческим, только если они не передают обычную для человеческой речи информацию или не распознаются человеком как таковые. Однако интересна классификация этих звуков и соответствующих им ситуаций. Лексико-типологическая составляющая этой работы будет состоять в том, чтобы понять, какие из звуковых ситуаций настолько значимы, что для них обнаруживаются специальные лексические показатели в языках мира; насколько эти показатели уникальны с точки зрения структуры своего значения, то есть существуют ли какие-то правила и закономерности в процедуре выбора метафоры — или каждая метафора в каждом языке уникальна. Чем больше правил и закономерностей мы обнаружим, тем с большей уверенностью можно говорить о возможности лексической типологии — даже в этой «странной» лексической зоне.

Сразу оговоримся, что мы успели обследовать лишь несколько языков, причем собран самый первоначальный материал — однако и он, как нам кажется, ввиду новизны самой области лексической типологии представляет немалый лингвистический интерес. В первую очередь, конечно, это русский материал, а кроме того, английский, немецкий, норвежский, итальянский, армянский, чешский, болгарский, хинди и эстонский; я искренне благодарна всем своим коллегам, предоставившим мне данные по известным им языкам — Л. Янде, Т. Нессету, В. Хуршудян, Т. И. Резниковой, Л. В. Хохловой, У. Сутропу, А. Ванькаевой, Д. Станулевич, Е. Танчевой.

Общая классификация: фрагмент

Итак, мы исходим из того, что во многих языках мира нечленораздельные звуки, исходящие от человека, лексически уподобляются (как метафоры) звукам животных; соответствующие ситуации можно с некоторой долей условности разделить на неречевые и речевые:

1. Нечленораздельные неречевые звуки

1.А. «Физиологические» звуки

Речь идет о непосредственных реакциях организма, так или иначе сопровождающихся звуками. В точности это происходит, когда независимо от воли человека у него начинает «звучать» живот — например, после еды. Эта ситуация очень часто выделяется и практически всегда передается «животной» метафорой — как если бы в животе сидел какой-то зверь, чаще всего собака или медведь, как в русск.: *урчать* (о животе) или англ. *growl* (о собаке и медведе).

Важнейшую роль в этой группе ситуаций играют свиньи как источник метафоры. Речь идет о характерном хрипящем (хрюкающем) звуке, который — в силу своей фонетики — легко уподобляется многим физиологическим процессам: в армянском он будет интерпретироваться как ‘издавать предсмертный хрип’, в эстонском как отрывка, в калмыцком как храп, в болгарском как кряхтение (в том числе и от удовольствия). Досадное исключение представляет русский, в котором все упомянутые ситуации (храп, кряхтение и проч.) лексикализованы, т. е. каждая выражена своим глаголом, но не с помощью зоометафоры, и глагол *хрюкать* не имеет устойчивого контекста, в котором он применялся бы к людям.

В чешском соответствующий глагол звучит как *hrochtat* и, как и в болгарском, интерпретируется как кряхтение (в особенности когда человек поднимает тяжелое). Между тем на русский и другие языки он мог бы переводиться не только как ‘хрюкать (о свинье)’, но и как, так сказать, ‘бегемотничать’ (что-то вроде: ‘издавать «бегемотные» звуки’) — потому что по-чешски само название бегемота (*hroch*) напрямую связано с этим звуком.

Другой важный источник для физиологической зоны — это крики «громких» и «хриплых» птиц — прежде всего, гусей и ворон. Но в нашей выборке они имитируют лишь простудный голос (болг. *грача* ‘хриплый голос’ — ис-

ходно о гусях и воронах, эст. *kraaksuma* ‘хриплый голос после простуды’ — исходно о воронах).

Как видим, вся физиологическая зона представляет собой звукоподражания в чистом виде: донорская зона метафоры выбирается исходя из звука как такового, без всякого обращения к образу животного. Именно поэтому область заимствований очень гомогенна и воспроизводится от языка к языку. Кроме того, сам круг результирующих значений не так уж велик, хотя здесь возможны и неожиданности: например, предсмертный хрип (как в армянском) или отрывка (как в эстонском).

1.В. Спонтанные реакции

Как уже было сказано, спонтанные реакции могут быть как положительные (1.В.2), так и отрицательные (1.В.1) — и конечно, как и в языке в целом, зона отрицательной оценки разрабатывается более подробно, хотя иногда они оказываются совмещены (1.В.3). Но пока в этой части классификации мы говорим только о *неречевых* человеческих реакциях, — а значит, о том, что условно можно было бы назвать «плачем» и «смехом» — со своими разновидностями. Начнем с «плача».

1.В.1. «Плач»

То, что «плач» разнообразен, причем разные его «виды» настолько важны для человека, что по-разному лексикализуются, хорошо демонстрирует уже русский. В русском имеется по крайней мере четыре «плакательных» зоометафоры: *реветь* (исходно о крупном хищном животном, скорее всего о медведе, но также о льве, тигре и проч., но не, например, о волке или тем более лисе), *выть* (волк и собака), *скулить* (волк и собака) и *пицать* (цыплята и мыши — в русском не разведены), каждая со своим значением. Понятно, что как и вся область зоометафоры, особенно в отрицательной зоне, все эти значения грубоваты (или очень грубы). Так, *реветь* используется применительно к детям как очень громкий плач со слезами, но не к младенцам; младенческий плач описывается *пицать*. Мужчина не может *реветь* в этом смысле — применительно к нему этот глагол обозначает очень громкий и агрессивный голос, т. е. *речевую* реакцию (ср. более характерное *взречь*). Взрослая женщина, в принципе, тоже не *ревет* — если только сознательно не уподоблена ребенку. *Выть* (ср. также начинательное *взвыть*) — это плакать от очень сильной боли, без слез, но с протяжным (и действительно похожим на волчий) звуком. Другим характерным контекстом для *выть* является женский плач над покойником (тоже без слез). *Скулить* отличается от *выть* и силой звука, и исходным значением: воет взрослый зверь, а скулить может и детеныш; кроме того, скуление ассоциируется с просьбой — например, собака скулит у стола, чтобы хозяева поделились с ней едой. Поэтому русское *скулить* более «безобидно», чем *выть*, и ассоциируется с жалобным плачем, в том числе просительным.

В принципе, в других просмотренных нами языках ситуация очень похожа: она тоже сосредоточена прежде всего вокруг волков и собак. Бесспорный интерес представляет армянский, где в ту же группу источников попадает... мычание. Но и в русском языке в круг источников *реветь* — больших хищных зверей — в русском входит не только медведь, но и бык, который, в отличие от коровы, не *мычит*, а именно *ревет*. И если предположить, что в языке звуки быка и коровы, т. е. рев и мычание, могут быть совмещены², то история с армянским становится более мотивированной.

1.В.2. «Смех»

В русском источнике зоометафоры здесь являются лошади (*ржать*) и гуси (*гоготать*) — все это очень громкий и грубый смех, в последнем случае более «дискретный» в звуковом отношении, как и звук источника. Близкое противопоставление относительно «гомогенного» и более «отрывистого» смеха встречается в армянском: соответственно, «стрекотать» (о кузнечиках) и «бекать» (о баранах). В английском источнике метафоры громкого смеха становится сова (ср. глагол *hoot*, а также выражение *that was a real hoot* со значением «было очень смешно»). Что касается гусей, то в английском их характерный крик «используется» иначе, образуя зооморфную метафору в зоне артефактов: английское *honk* имитирует звук клаксона и переводится как «бибикать».

1.В.3. «Плач» / «смех» (совмещенные реакции)

Положительные и отрицательные реакции не всегда разведены — бывает, что оба полюса выражены одной лексемой. Например, таково русское *визжать* (и от боли, и от радости). Правда, этот глагол нельзя в полном смысле назвать зооморфным, потому что он не противопоставляет человеческий и животный звук (имеется в виду визг свиньи), так что, строго говоря, здесь нет семантического сдвига³. Однако точно так же не противопоставлены положительные и отрицательные реакции и в метафорах — ср. англ. *howl* (исходно о волке) — «очень громко плакать или смеяться» и примерно в том же значении англ. *roar*, которое, как выясняется, исходно соотносится исключительно с львом, но не с медведем или быком, как его русский переводной эквивалент

² Вряд ли сами животные: названия домашних животных всегда достаточно хорошо разведены по полу лексически, ср. русск. *козел* — *коза*, *баран* — *овца*, *кот* — *кошка* и проч.

³ Зато он ясно прослеживается в английском эквиваленте *визжать* — *squeal*; речь идет о выражении *to squeal on smb* во вполне «человеческом» значении «доносить на кого-л.»; обратим внимание, что в русском это значение тоже может передаваться звуковой метафорой: *стучать на кого-л.* Однако русский перенос, как видим, осуществляется не из звуков животных, а из совсем другой зоны глаголов звучания. Поэтому метафорические образы доносительства в русском и английском получаются разные: в английском это громогласное (очень неприятного тембра — как визг) оповещение (типа: «Марь Иванна, Петров опять на уроке плоется!»), а в русском — тайное, как постукивание, сообщение (ср. здесь другое русское определение доноса — *наушничество*).

реветь. Кстати, русское *реветь* тоже попадает в класс совмещенных реакций — но только с множественным субъектом⁴ (ср. *толпа ревела* — может быть, приветствуя лидера, а может быть, требуя его немедленной отставки); подробнее о роли множественного субъекта мы поговорим ниже.

Теперь поговорим о неречевых неконтролируемых звуковых ситуациях как реципиентах зоометафор. В принципе, их нелегко отделить от речевых — именно потому, что эти звуки человек контролирует, а значит, сознательно произносит. Существенным параметром, который бы помог здесь установить более или менее четкую границу между классами, может быть наличие или отсутствие адресата. Действительно, прототипическая речь всегда кому-то адресована. Ситуации, которые мы сейчас рассмотрим, коммуникацию в полном смысле этого слова исключают: здесь звуковая субстанция, пусть даже и содержащая слова, никому не адресована, разве что самому говорящему; между тем и «общение» такого рода подразделяется на четкие подклассы, довольно тесно связанные с миром «животных» звуков (прежде всего, пение без слов — **1.C** и разговор про себя — **1.D**; в дополнение к ним мы выделили еще и класс **1.E**, который условно назвали «пение без музыки»).

1.C. Пение без слов

Ситуация пения без слов оказывается довольно значимой во многих языках. В норвежском, например, есть специальный, непроемный, глагол *пупте* для ее обозначения. По-русски она выражается метафорой — «кошачьим» глаголом *мурлыкать* — это не вообще голос кота (ср. русск. *мяукать*, не имеющее такой семантики), а голос *довольного* кота, семантически близкий к собако-медвежьему *урчать* (см. выше). В других европейских языках более распространена связь с насекомыми. Например, в английском с этой целью используется глагол *hum* ‘жужжать’; это «тихое» жужжание, свойственное комарам и мухам, но не пчелам (о пчелином жужжании, которое очень часто противопоставлено комариному, см. ниже). Очень похоже ведет себя немецкое *summen*, которое, однако, охватывает и комаров, и пчел; французское *bourdonner* с тем же значением исходно описывает жужжание мух, жуков и колибри (ср. здесь английское *hummingbird* как название для колибри).

1.D. Разговор про себя

Люди, в особенности старики, но не только, часто разговаривают сами с собой, и такое их состояние так или иначе должно иметь название — в русском для него есть непроемный звукоподражательный глагол *бормотать*, но во многих других языках это звукоподражание связывается с негромкими звуками животного или птицы — например, медведя, как в немецком, или курицы, как в английском.

⁴ О поведении единичного субъекта см. 1.B.1.

1.Е. Пение без музыки

Еще немного о пении. В языках зооморфно маркируется не только пение без слов, но и, так сказать, «пение без музыки» — фальшивое, неприятное на слух, т. е. то, что по-русски выражается сочетанием *тянуть ко́та за хвост*, ср. пример из НКРЯ: *Снизу играли музыку, хотя, как всегда, тянули ко́та за хвост*. (Асар Эппель. Помазанник и Вера)⁵. В армянском «кошачья» метафора реализована непосредственно в глаголе с исходным значением ‘мяукать’, который означает ‘плохо петь высоким голосом’. В английском маркируется некачественная скрипичная музыка, причем для этого используется глагол *squeak* с исходным значением, похожим на русское *скрипеть* (в том смысле, что он применим и к дверям, и к тормозам), но одновременно зооморфный (о мышьином писке). Таким образом, данный инструмент — по-английски *violin*, плохо настроенный, или в неумелых руках, по-английски издает звук, похожий на тот, который дал ему в русском языке название *скрипка* (= ‘то, что скрипит’).

2. Нечленораздельная речь

Теперь рассмотрим вторую ветвь классификации, к которой относится все, что связано с речью, хотя и нечленораздельной. Представляется, что здесь выделяются следующие четыре класса случаев, которые мы обсудим последовательно:

- A. Нечленораздельная речь (младенцев или взрослых)
- B. Одобрительная / неодобрительная реакция
- C. «Говорящие» множества
- D. Семиотически значимая речь

2.А. Нечленораздельная речь (младенцев или взрослых)

Младенцы не умеют произносить слов — их «разговор» похож на пение птиц больше, чем на человеческую речь — отсюда и русское *гулить*, и в том же значении английское *coo*, оба исходно описывающие один из «голубиных» звуков (ср. ниже *воркование*).

Но и взрослые иногда говорят так, что их трудно разобрать: непонятно и бестолково. Возникает этот эффект по одной из двух противоположных причин: слишком малой или слишком большой скорости дискурса. Если речь слишком медленная, неуверенная, прерывистая, и поэтому бессвязная — тогда она описывается как бы заикающегося говорящего с бесконечным числом пауз и самопоправок (как русское *бекать*⁶, *мекать*) или плохо чле-

⁵ Другое значение этого фразеологизма — ‘задерживать’, ср. также *тянуть резину* или *вольтить волюнку*; ср. из НКРЯ: — *Так быстро?* — *А чего тянуть ко́та за хвост. Раз-раз — и готово!* — *Что она делает? Легла спать?* (Катаев В. П. Дорогой, милый дедушка)

⁶ Любопытно, что по нашим данным, в норвежском глагол *breke* с тем же исходным значением ‘бекать’ в зоометафоре эксплуатирует совершенно другую часть звучания — не прерывистость, а тембр и обозначает неприятный мужской голос.

нимый дискурс (как русское *мычать*); оба эти типа медленной речи соотносятся с хорошо узнаваемой ситуацией ответа двоечника на экзамене — в итальянском она связывается с криком осла (*ragliare*).

Но ощущение бестолковости создается и тогда, когда речь, наоборот, слишком быстрая, так что мысли в ней не успевают окончательно оформиться, перебивают друг друга — ср. русск. звукоизобразительное *тараторить*. *Тараторить* не зооморфно, но в русском у него есть зооморфный квазисиноним *стрекотать*, который, между прочим, описывает не только женскую болтовню, но еще и звуки швейной или печатной машинки. Ср. здесь же глагол *трещать*, который, помимо звука особым образом ломающегося дерева описывает и «разговор» сорок, и, видимо, отсюда переносится на женскую речь.

В целом сходная ситуация в крымско-татарском: как в русском и во многих других языках, быстрая речь женщин тоже кодируется в нем особым образом. Однако она соотносится со своими, более традиционными для этой культуры артефактами: ‘тараторить’ в крымско-татарском передается тем же глаголом, что ‘стук’, ‘резкие звуки зурны’ и ‘щелканье на счетах’.

В английском быстрая бестолковая речь передается как собачье тьяканье (*yap*) причем, по свидетельству наших информантов, она не специфицирована по полу. К слову сказать, в эстонском нам встретились целых две зооморфные глагольные метафоры того же рода, которые также, по мнению носителей, с полом не связаны. Это глагол *kaagutama*, исходно обозначающий куриное квохтанье и глагол *prääksuma* — исходно ‘крякать’, а переносно — ‘болтать вздор (особенно о детях)’. Заметим, однако, что в норвежском кудаханье (*kakle*) в переносном употреблении интерпретируется именно применительно к женщинам — ‘громкий бессмысленный разговор или смех женщин’.

Таким образом, все-таки женская быстрая (и всегда оцениваемая негативно) речь является значимым параметром в звуковом поле. В частности, в английском, наряду с немаркированным по полу *yap* есть и метафора сугубо женской болтовни и смеха — они кодируются глаголом *tweet* с исходным значением птичьего «разговора» — что-то вроде русского ‘щебетать, чирикать’⁷.

2.В. Речевые реакции

В этом разделе мы рассмотрим примеры реакций — по-прежнему нечленораздельных, но уже речевых. Как и неречевые, они делятся на положительные и отрицательные, но уже не образуют совмещенного класса, так как противопоставлены довольно хорошо. Как и прежде, зона отрицательных, то есть неодобренных реакций разработана в языках значительно подробнее, с нее мы и начнем.

⁷ Надо сказать, что и *щебетать* (в гораздо меньшей степени — *чирикать*) тоже применимо к женской речи — но только с положительной оценкой, см. подробнее ниже.

2.В.1. Неодобрительные реакции

Неодобрительные речевые реакции представляют собой вербальное сопротивление чужой речи, чужому действию или ситуации в целом. Сопротивляться всему этому можно в разной степени — от простого выражения неодобрения до резкого неприятия, переходящего в агрессию, так что речевые реакции подразделяются на более мелкие классы.

(1) Слабое сопротивление

Фыркать. Совсем слабое сопротивление описывается русским глаголом *фыркать*, который в исходном значении соотносится с коротким характерным звуком, который издает лошадь или вылезаящая из воды собака, а переносно употребляется как выражение отказа или (пассивного) недовольства. Это как правило, специальный звук, хотя обычно он и сопровождается какой-то речью, ср. из Д. Донцовой: — *Само ничего не портится, — фыркнула Ольга*, ср., однако, немаркированное с этой точки *фыркнула и ушла*: возможно, что-то и было сказано в неодобрение, а может быть и нет. В английском языке этой русской метафоре есть прямой аналог — но источник ее другой, а именно хрюканье (глагол *grunt*), которое, как мы видим, в этом языке выходит тем самым за пределы простого физиологического звукоподражания.

Верещать. Между тем в русском есть свой глагол речевой реакции, связанный со «свиным» звуком — а именно, *верещать*, хотя, возможно он, также как и *визжать* (см. выше) не в чистом виде зооморфный. В применении к людям он может означать высокий резкий урчащий звук, сопровождающий пассивное сопротивление (в частности, детское), которое обычно легко подавляется, причем сопротивление может быть и речевым того же тембра.

Ворчать. Пассивное речевое сопротивление более низкого регистра — это обычное ворчание: говорящий возражает, он не согласен, но его несогласие настолько пассивно, что явно не обращено к источнику недовольства, а так сказать, к самому себе. Эта ситуация метафоризируется в немецком через глагол *brummen*, исходно описывающий звуки, которые издает медведь, бык или рой пчел. Сочетание быка с медведем мы уже наблюдали. А вот пчелы — это интересно. Обратим внимание, что звук роя хорошо отличается от звука одной пчелы и в зооморфных метафорах они попадают в разные классы. На русском материале это хорошо видно: пчела *жуужжит* — как маленькая машинка типа веретена или электрической бритвы, а рой *гудит*, как колокола или тяжелые самолеты над аэродромом — кстати, немецкое *brummen* тоже переносится на гул самолетов. И именно рой, а не одна пчела контаминируется с медведем и быком в немецком.

Шипеть. Еще один тип пассивной реакции — он тоже не обращен к источнику недовольства, но адресован окружающим, а не только себе самому. Правда, это делается скрытно, втихую — отсюда и тип зоометафоры: шипение змеи. Человек (обычно женщина: у нее меньше возможностей к активно-

му сопротивлению) шипит от зависти и злости во многих языках, в том числе славянских и германских.

А вот в норвежском есть свой собственный ресурс для «шипящей» метафоры. Это заполярные мыши лемминги, чье шипение описывается норвежским глаголом *frese*, и этот глагол применяется к людям в значении, сходном с русским *кипеть*: человек сердится, это состояние его переполняет (как если бы он кипел), но сделать он ничего не может. Видимо, такое «неадресное» шипение несколько иного рода, чем мы только что описывали, и, кстати, оно не имеет гендерной спецификации.

И последняя из встретившихся в нашем материале разновидность шипения — тоже восходящее к змеиному, но с другой семантикой, которую хорошо выражает английский глагол *hiss*, означающий негодование большой группы людей — например, на трибуне во время матча или в театре. Обратим внимание, что в русском, где шипение уже «занято» под значение женской злости или зависти, этот класс ситуаций имеет свой незоморфный, но тоже звукообразительный способ лексического маркирования — *шипать*.

(2) Агрессивное сопротивление

С некоторой долей условности агрессивное сопротивление можно было бы назвать «собачьей» реакцией — потому что донорами для метафор такого рода (как и для неречевых отрицательных реакций) служат собаки (и в меньшей степени волки⁸). В русском это *вякать*, *огрызаться*, *рычать* — глаголы, которые описывают речевую реакцию сопротивления (в нарастающей степени), явно обращенную к источнику недовольства. В английском это (тоже по нарастающей) *growl* и *snarl*, ср.: *I told him we need to leave and he just growled at me* или: *If they snarl at each other they are really fighting*. Из этих примеров видно, что сопротивление настолько агрессивно, что в принципе вполне способно сопротивляющемуся обеспечить победу. Прекрасной иллюстрацией этому служит лаконичная и яркая интерпретация Туре Нессетом пары норвежских когнатов к этим английским квазисинонимам, а именно *knurre* (исходно о собаке, волке, но не медведе) и более агрессивном *snerre*: «если я предлагаю нечто, а мой адресат *knurre*, то он не хочет, но мы это сделаем, а если он *snerre*, этого не будет».

2.В.2. Одобрительные реакции.

Их мало. В русском мы нашли, собственно, две: *крякнуть* — как реакция удивления, но и одобрения в ответ на некоторый неожиданный поступок контрагента и *мычать* — речевая и неречевая реакция удовольствия (например, когда чешут спину или пробуют вкусное). Последнее засвидетельствовано в болгарском (*муя*); помимо этого в качестве лексического «маркера удовольствия» в болгарском используется глагол *грухам* с исходным значе-

⁸ Правда, по нашим предварительным данным, в итальянском языке на людей переносится как раз волчья, но не собачья реакция, ср. *ringhiare* — исходно: 'рычать о волке', переносно: 'грубо реагировать, обращаться' (о людях).

нием ‘хрюкать’. Понятно, что его метафорическая семантика другая, чем у *муя* — по-видимому, она ближе к довольному урчанию. В русском урчание практически не переносится на людей, но, возможно, оно переносится в эстонском — речь идет о глаголе *tdmimisema*, исходно означающем рычание довольного медведя.

2.С. Множественный субъект

Зоометафора помогает выделить классы важных для человека множественных субъектов. В языках маркируется разговор влюбленных пар (ср. русск. *ворковать* — исходно о голубях) и взаимная ругань (ср. русск. *лаяться*). Кроме того, как мы уже подробно рассмотрели, важным множественным субъектом являются женщины — болтающие и смеющиеся, а также, возможно, дети (см. выше 2.А). Упоминалась (в связи с неречевыми реакциями — 1.В) как релевантный множественный субъект и толпа: мы говорили, что в контексте такого множественного субъекта, как толпа, *ревет* (исходно о медведе, льве или быке) воспринимается не так, как в контексте единичного — в первом случае это оценочная неречевая реакция, а во втором — плач ребенка или агрессивный голос мужчины. Между тем в русском языке толпа может еще и *галдеть* (как большое число крупных птиц — галок или ворон) — ср. болгарское *грача* — исходно о воронах или гусях. Это описание одновременной и беспорядочной громкой речи большого числа людей; говорящий оценивает ее отрицательно, как ненужный шум. Другое дело русское *зудеть* (исходно рой или улей пчел), ср. также англ. *buzz* (пчела, комар), которые соотносятся и с «упорядоченным» шумом такого рода — например, когда группа людей целенаправленно обсуждает какую-то идею — здесь оценка может быть положительной.

Говоря о речевых ситуациях, которые в языке изображаются как звуки животных, мы ясно видим их отличие от физиологических звуков: это именно речь, имеющая свою семантику. Конечно, полагаясь на метафору, мы не можем в точности воспроизвести, что именно сказано, но мы знаем, *как* это было сказано, и отсюда можем угадать содержание. Поэтому в речевых реакциях важен не только фонетический облик звука, который свойствен данному животному, как в физиологических зоометафорах, но и языковой образ самого животного. Другими словами, метафоры здесь строятся не просто на эффекте звукоподражания, а на более сложных семантических основаниях.

2.Д. Семиотически значимая речь

Хороший пример семиотически значимой метафоры представляет русское *зудеть* (исходно о комаре) в своем переносном значении ‘надоедать, приставать с одним и тем же советом, просьбой или поучением’. *Что ты зудишь!* — можно услышать и в ответ на настойчивое *вымой посуду* и даже *не отвлекайся, учи уроки*. Это будет грубо и невежливо, но возможно. Интересно, что в хинди в той же функции выступает глагол, обозначающий жужжание мухи. Понятно, что в данном случае метафора опирается на однооб-

разный звук насекомого, нацеленного на свою добычу и воспринимаемого как досадная мелкая помеха.

Значение русского *брехать* ‘лгать’ тоже далеко от звукоизображения: оно не напоминает собачьего лая. Но происхождение этой метафоры понятно, оно идет от идеи «пустого» лая, не по делу, ложно информирующего хозяина об опасности. Близкая идея реализуется в болгарском *лая*, которое применяется, в частности, в ситуации, когда политики говорят много и без толку.

Объяснима и семантика переноса английского *cackle* ‘квохтать’ → ‘заботиться, опекать (с оттенком чрезмерности)’, и болгарского *кудкудякам* ‘квохтать, кудахтать’ → ‘находиться в панике (о женщинах)’ — оба они восходят к образу глупой и беспокойной птицы-наседки. Наверное, можно объяснить и немецкую метафору глагола *kollern* ‘крик индюка’ → ‘гневно говорить’, ссылаясь на «сердитый» вид представительной птицы. Но почему на хинди ‘ржать (о лошади)’ по отношению к человеку понимается как ‘говорить с ложным пафосом’ (ср. русск. *вещать*)? Или почему русское *каркать* (о воронах), а армянское ‘квакать’ (о лягушках) в «человеческой» зоне означает ‘предсказывать плохое развитие событий’ — при том, что в том же хинди глагол ‘каркать’ значительно ближе к звукоизображению: однообразная итерация вороньего крика применительно к человеческой речи значит ‘повторять одно и то же’.

Еще немного лингвистики

По-видимому, для подобных «выветренных», семиотически наполненных реципиентных значений строить типологию будет не просто, потому что здесь трудно сравнивать лексемы разных языков — но может быть, что этих случаев, так сказать, в чистом виде, окажется в результате не очень много. Однако есть другая, не менее серьезная опасность при построении типологии: иллюзия легкости сопоставления. Возьмем, например, английское *bark* — всем известно, что на русский язык оно переводится очень хорошо и точно: глаголом *лаять*, потому что оба эти глагола предполагают один и тот же субъект и, в общем, подразумевают, как кажется, один и тот же звук. Понятно, что *bark* не во всяком английском выражении будет переводиться как *лаять* и наоборот — в целом это не должно мешать их сопоставимости.

Однако более внимательный взгляд на эти глаголы ставит некоторые вопросы. Оказывается, в частности, метафорически глагол *bark* естественно употребляется в сочетании *to bark commands* ‘отдавать (армейские) команды (грубо, особым резким тембром голоса)’. Но в русском такой перенос невозможен: в таком случае мы, скорее, скажем *рявкать*, но не **лаять*. Дело в том, что русское *лаять* — только итеративно и категорически не может описывать единичный акт лая (так сказать, один *лав*), тогда как английское *bark* — видимо, более индифферентно в этом отношении.

Скорее всего, для типологии звуков параметр единичности – итеративности, а также дискретности – недискретности должен рассматриваться как

релевантный — наверное, все-таки в меньшей степени, чем тип субъекта, но тем не менее.

И кстати, интересный вопрос: как в языках обозначается квант звука? В английском языке квант звука зооморфен: он соответствует единичному пisku цыпленка, ср.: *she didn't make a peep* ('она <даже> не пискнула'). А в норвежском это единичный утиный «кряк», ср.: *han sa ikke et kvekk* 'не сказал ни слова' (букв. 'не крякнул').

Заключение

Мы уже говорили, что данное исследование не претендует на полноту и цельность. Задача его — всего лишь привлечь внимание к лексической типологии, в частности к проблеме построения типологии глаголов звучания. Осуществима ли эта задача — например, в зоне зоометафор?

Наш материал показывает, что:

одни и те же звуки в разных языках по-разному членятся (ср. в частности итеративность VS. единичность)

в разных языках совмещение звуков («человеческих», «звериных» и «артефактных») происходит по-разному

это то, что на первый взгляд препятствует построению какой бы то ни было универсальной системы в лексике. Между тем, одновременно, как мы видели на только что разобранный материал:

в разных языках лексически выделяются одни и те же значимые звуковые ситуации и их параметры — и они специально кодируются лексически, часто зооморфно, но иногда и «собственными» звукоизобразительными или обычными глаголами

по-видимому, такие ситуации и параметры релевантны для людей независимо от языка и культуры — можно было бы сказать, что они универсальны (это, конечно, надо доказывать) или хотя бы претендуют на универсальность.

В языковой зоне, которая устроена таким образом, типология, вероятнее всего, возможна — попробуем построить?

Литература

1. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996.
2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
3. Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А., Рахлина Е. В. Глаголы боли в свете грамматики конструкций. НТИ сер. 2., № 4. 2008. С. 7–15.
4. Стойнова Н. А. Глаголы звучания в русском языке. Дипломная работа. М., МГУ, 2008.
5. Aquamotion–2007. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Т. А. Майсак, Е. В. Рахлина (ред.). М.: Индрик, 2007.

6. Bowerman M. et al. Event representation // Max Plank Institute for Psycholinguistics: Annual Report 2004. Nijmegen, 2004. P. 87–104.
7. Goddard C., Wierzbicka, A. (eds.) Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings. Amsterdam: Benjamins, 2002.
8. Newman J. (ed.). The Linguistics of Giving. Amsterdam: Benjamins, 1997.
9. Newman J. (ed.). The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Amsterdam: Benjamins, 2002.

Магия чисел в языковой картине мира китайцев

М. Б. Рукодельникова

Говоря о выражении количества в китайском языке, мы попробуем разобратся в двух фактах:

1. Как, общаясь на языке без грамматической категории числа (а именно таков китайский язык, относящийся к языкам так называемого изолирующего типа), люди считают предметы, описывают количество чего-либо?¹
2. Попробуем выяснить, существует ли особое отношение китайцев к каким-то конкретным числам, если да, то к каким и почему?

1.

В китайском языке нет многих именных категорий, а именно: нет категории числа, артикля, рода. Показатель множественного числа регулярно употребляется только с личными местоимениями (мы, они, вы) и в особых случаях может присоединяться к названиям лиц (студенты, дамы и господа). Если же перед существительным есть обозначение количества, то показатель множественного числа опускается. Особенность китайского и заключается

¹ По существующей морфологической классификации языки мира делятся на 4 типа:

1. Изолирующие (аморфные) — китайский, большинство языков Юго-Восточной Азии и Западной Азии. Признаки: отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов.

2. Агглютинативные — тюркские, банту и др. Признаки: развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, единый тип склонения и спряжения, грамматическая однозначность аффиксов, отсутствие значимых чередований.

3. Инкорпорирующие (полисинтетические) языки — чукотско-камчатские, многие языки индейцев Северной Америки. Признаки: возможность включения в состав глагола-сказуемого других членов предложения (чаще всего прямого дополнения); глагол может согласовываться сразу с несколькими членами предложения.

4. Флективные языки — славянские, балтийские. Признаки: полифункциональность грамматических морфем, наличие фонетически не обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически немотивированных типов склонения и спряжения.

в том, что жители Срединного государства глубоко созерцательны по отношению к окружающему миру. Они легко игнорируют противопоставления единственного и множественного, лишь в ситуации, важной с коммуникативной точки зрения (то есть когда говорящий хочет специально обратить внимание на количество), могут воспользоваться конструкцией с так называемым «классификатором» или «счётным словом».

Сравним следующую ситуацию в русском языке:

«Я куплю лук» (неважно, 1 луковицу, килограмм, кучу...) и «Для супа нужны две **головки** лука (две **штуки**, две **луковицы**)» (тут уже количество уточняется при помощи специальных слов).

В том стаде пятьдесят **голов** скота. У них по лавкам восемь **ртов**! Мне **чашечку** кофе и **стакан** молока. Слова **штука**, **голова**, **рот**, **стакан** выступают в роли «счётных слов», меры исчисления в русском языке.

Классификаторы (счётные слова) образуют особый подкласс частей речи, их количество в разных языках колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен. Все они соотносятся с группировкой существительных по так называемым денотативным признакам, отражающим классификацию человеком объектов действительности по их форме, объёму, состоянию и т. п.

В китайской системе классификаторов все денотаты (всё сущее) традиционно разделено на «стандартные предметы» — «человеки» (употребляются с универсальным классификатором **个** *штука*) и всё остальное, для чего разработана целая система специальных счётных слов, дающих представление о внешних характеристиках предмета.

По-китайски мы так можем посчитать, например, детей:

У тебя есть **дети** (ребёнок)? **你有孩子吗**? Слово дети (ребёнок) — наименование класса, множества объектов, количество их пока не важно для говорящих.

Есть один (ребёнок/дети). **有一个(孩子)。**

Как только стало важно указать количество, тут же появляется «конструкция со счётным словом»: либо **числительное + классификатор + имя** **一个孩子** (*буквально*: один штука ребёнок), либо **указательное местоимение + классификатор + имя** **那个孩子** (*буквально*: тот штука ребёнок).

В данном примере мы имеем дело с самым частотным, универсальным счётным словом **个** «штука». В современном китайском это счётное слово оформляет все предметные существительные, не имеющие определённой формы, этимологически оно восходит к «человеку» **人** — стандартному представителю так называемого ВАНЬ ВУ (т. е. всего сущего, «10 000 вещей»).

Рассмотрим для примера несколько частотных классификаторов:

张 этимологически восходит к натянутому луку, квалифицирует плоские предметы, или предметы, имеющие длину и ширину (бумага, фотография, газета, стол, кровать, ковёр).

块 «кусочек» обычно применяется к предметам, имеющим 3 измерения (камень, конфета, мясо, уголь).

棵 (в левой части иероглифа — ключ дерево) оформляет все имена растительности (дерево, трава, кустарник).

枝 «ветка» — жёсткие вытянутые округлые предметы (цветок на стебле/ветке, кисть, ручка, карандаш, свеча, перо).

条 «полоска» — плоские предметы, вытянутые в длину (рыба, полотенце, юбка, брюки, галстук, одеяло).

把 «ручка» — предметы, которые имеют ручку или которые можно держать в руках (нож, ложка, палочки для еды, стул, скамейка).

双 «пара» — парные предметы (ботинки, носки, перчатки).

只 — один из парных предметов (глаз, ухо, ботинок, носок), также все животные, кроме лошади.

厘 «крупинка» для мелких предметов (рис, боб, пуля, бусина).

点 «капля» (дождь, чернила, пот, кровь).

Для неисчисляемых предметов в роли счётных слов (классификаторов) выступают вместители или ёмкости, в которых эти предметы обычно помещаются. Такой тип слов есть и в других языках (*тарелка супа, ложка каши, щепотка соли*).

2.

Если в китайском языковом сознании нет числовых противопоставлений, различающих предметы по единственности и множественности вне контекста их реального количества, это ещё не значит, что китайцы равнодушны к числам вообще. Напротив, любовь к упорядочиванию мира пронизывает всю китайскую культуру. Об этом свидетельствует наличие *xiangshu xue* — древнекитайской нумерологии, связанной с представлениями о *yin-yang wu xing* — «женском-мужском началах и пяти элементах» и о *ba gua* — восьми гексаграммах.

В отличие от Запада, где предпочтение отдаётся числам 3 и 12, число 7 считается счастливым, а 13 приносит несчастье, в Китае весь числовой ряд от 1 до 10 (кроме цифры 0, иероглиф 零 означает «остатки, пустое место») не только означает определённое количество, но и ассоциируется с чем-то положительным.

В трактате «Лаоцзы» говорится: «Дао (путь) порождает единицу, единица порождает двойку, двойка порождает тройку, тройка порождает *десять ты-*

сяч вещей». Таким образом, «единица — это корень *десяти тысяч вещей*», это «не имеющий соперников Путь».

Число *ДВА* ассоциируется с биполярностью космоса, женским и мужским началами, которые обеспечивают порядок, стабильность и гармонию во Вселенной. Вот откуда у китайцев пристрастие к **парности**. Парность ассоциируется с высшей степенью красоты и совершенства, а также с супружеской верностью. Идея **симметрии** присутствует в градостроении, архитектуре, живописи, построении текста и стихосложении. В каллиграфии, например, чтобы достичь совершенства, необходимо научиться сочетать тень и свет, твёрдость и гибкость, квадратное и круглое, динамизм и статичность, стремительность и умеренность. Подарки следует дарить также парные. Иероглиф «радость, счастье» *xi* 喜, наклеенный на дверь, может принести счастье, только если он сделан двойным 喜喜, но ещё лучше, если иероглиф *fu* 福 «удача, благополучие» повёрнут вверх ногами, т.к. глагол «перевернуть» звучит по-китайски так же, как глагол «приходить». Значит, счастье пришло.

Существует множество поговорок, связанных с идеей парности: «Лететь крыло к крылу» (о мифических птицах с одним крылом и одним глазом, они могли летать только парой), «Мандаринки забавляются в воде» (селезень и утка — символ супружеского счастья).

Сакральное число *ДЕВЯТЬ*

В китайской традиции 9 — число **предела**. Культ девятки связан, вероятно, с внешним сходством иероглифа «девять» 九 в надписях на бронзовых сосудах с иероглифом «дракон» 龙 (драконоподобный мифический зверь, не имеющий на голове рогов). Оба иероглифа связаны с деятельностью мифического императора Юя, который всю жизнь отдал борьбе с наводнениями. Первый китайский историк Сыма Цянь так писал о нём: «Великий Юй воздвиг 9 гор, соединил 9 болотистых местностей, вырыл 9 рек, установил 9 земель». *Девять земель* — иносказательное обозначение Китая, причём окружены они со всех сторон *девятью варварами*. Другой мифический император, Хуанди, имел драконий лик 龙颜 *long yan*, ходил в драконьей мантии 龙袍 *long pao* и носил жёлтую одежду с вышитыми золотом драконами.

Обожествление числа 9 предопределяет его статус счастливого знака. Китайцы очень любят праздник двойной девятки (девятого числа девятого месяца по лунному календарю), он связан с легендой об избежании беды. Однажды семья одного учёного, прислушавшись к совету друга, поднялась высоко в горы. Когда они вернулись, то увидели, что все домашние животные погибли (одна из версий — от пожара). Суть праздника двойной девятки в том, что, когда летняя жара спадает, хорошо и даже желательно с семьями отправляться высоко в горы, пить вино и чудесно проводить время на природе, чтобы вернуться домой с ощущением, что таким образом удалось избежать беды.

Кроме того, число ДЕВЯТЬ связано с государственной деятельностью. В императорском городе должно было быть 9 ворот, 9 дворцов, 9 стен с изображением 9 драконов. В системе госуправления имелись 9 министерств, 9 категорий чиновников, 9 законов, 9 разновидностей налогов. Даже на приёме у императора следовало совершить 9 челобитий!

Не менее важную роль в китайском менталитете играет число 5. Известна базовая схема из 5 основополагающих элементов: дерево, огонь, земля, металл, вода. Их соединяют отношения как порождения, так и преодоления. **Порождение:** *Дерево порождает огонь, огонь порождает землю, земля порождает металл, металл — воду, вода — дерево...* и т.д. **Преодоление:** *вода-огонь-металл-дерево-земля-вода...* и т.д.

С числом 3 есть немало фразеологизмов. «У хитрого зайца 3 выхода из норы», «3 человека порождает тигра» (много раз повторённое становится истиной), вспомним, что число 3 порождает *десять тысяч вещей*, то есть в Китае это ассоциируется с понятием «МНОГО».

Число 3 — одно из самых распространённых чисел после 5 и 9, которое используется в классификационных целях: «три учения, девять течений»; «три основы и пять принципов», «три послушания и четыре добродетели» (о достойном поведении женщины), «три стихийных бедствия и восемь несчастий».

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Числа 4 и 8 также занимают видное место в числовом ряду, судя по фразеологизмам, они связаны с пространством и временем. «четыре и восемь сторон света», «четыре моря» (в пределах четырёх морей все люди братья).

Магия числа ОДИН

Наконец, единица. Благодаря своей многомерности в философском смысле — это и начало Вселенной, и основа *десяти тысяч вещей*, и единство человека с Небом 天人合一 (небо и человек соединены в одно). Это числительное парадоксально сочетает в себе и идею мизерности, и идею всеобъемлемости.

Культура чисел — одна из особенностей китайской цивилизации. То, что она получила такое развитие в Китае, не случайно. Китайская знаковая система не ограничена словоизменением, что приводит к необходимости максимально использовать семантику и комбинаторные возможности элементарных лексических единиц.

По поводу вопроса о счастливых и несчастливых числах можно заметить, что в китайской культурной традиции число имеет в основном утилитарный смысл, что, впрочем, не мешает каким-то числам в народе становиться более предпочтительными, а каким-то — чуть ли не табуированными.

Например, китайские исследователи отмечают, что в кантонском диалекте (Гонконг — крупнейший финансовый центр) цифра «восемь» 八 **ba** читается как **fa**, что в сочетании со словом **cai** даёт значение «разбогатеть». В этом же диалекте цифра «три» 三 **san** читается похоже на **sheng** «рождать, производить», а цифра «один» 一 **yi** звучит как «легко», цифра же «шесть» 六 **liu** произносится как **lu** «дорога», всё это имеет следующие ассоциации:

发财 **facai** разбогатеть, нажиться

生财 **shengcai** приносить богатство

一路发(生)财 **yi lu fa (sheng) cai** всю дорогу (постоянно) приобретать богатство

Среди рассмотренных цифр особенно популярно число *восемь*, эта популярность не имеет диалектных границ, хотя его ассоциативное значение обусловлено кантонским произношением (**fa** вместо **ba**). Традиционное новогоднее пожелание 恭喜发财 *gong xi fa cai* «быть счастливым и богатым» благодаря культуре богатства в современном Китае обрело вторую молодость.

Интересно заметить, что современная утилитарная популярность числа «восемь» входит в противоречие с прежним отношением к этому знаку. Парадоксально, но идеограмма для числа «восемь» 八 состоит из двух линий, расходящихся книзу, что напоминает раскрытые ножницы. Поэтому «восемь» исконно ассоциировалось с понятием **fenli** 分离 «разлука, расставание», что, безусловно, рассматривалось как символ неблагополучия. Из-за этого в некоторых провинциях Китая до сих пор не рекомендуется возвращаться из дальних странствий в даты, содержащие цифру 8.

Современное отношение к восьмёрке иллюстрирует ответ на вопрос: **Когда было назначено открытие Пекинской олимпиады?**

ОТВЕТ: восьмого года, восьмого месяца, восьмого числа, вечером в восемь часов восемь минут.

В работе над лекцией использована монография *Тань Аошун* Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. / Языки славянской культуры, М., 2004.

Античность на Летней школе

В. В. Файер

Древние языки — не самый удобный материал для Летней лингвистической школы. Не так уж легко найти тему, которая, с одной стороны, была бы достаточно занимательной для школьников, с другой, — не требовала бы от них специальных познаний в области латыни и древнегреческого. Тем не менее, антиковедение в ЛЛШ-2007 было представлено циклом лекций, который удовлетворял обоим этим условиям и назывался «Введение в этрускологию».

Целью курса было не просто рассказать о загадочном народе, жившем в Древней Италии, но, насколько это возможно, предложить слушателям самим пройти часть пути вслед за мировой этрускологией. На первом, чисто лекционном занятии школьники узнали основные факты об этрусской истории и культуре, преимущественно те, которые пригодятся им позднее. Эта лекция, как и последующие, сопровождалась слайд-презентацией на большом экране. На втором занятии участники ЛЛШ смогли сравнить греческий и этрусский алфавиты (в их аутентичном эпиграфическом варианте) и убедиться в том, что последний представлял собой модификацию первого.

Рис. 1

Затем школьники попытались прочесть надписи на этрусских зеркалах. Как известно, античные зеркала представляли собой металлические пластины, обратная сторона которых обычно украшалась процарапанным рисунком. Сюжеты рисунков на этрусских зеркалах часто заимствовались из греческой

мифологии, а герои носили соответствующие имена; таким образом, школьники смогли, опираясь на знание античных мифов, прочесть первые надписи и идентифицировать тех персонажей, которые сохранили этрусские имена (выяснилось, например, что этрусскую Афродиту зовут Туран). Попутно удалось проверить и уточнить предположения о фонетическом значении некоторых «трудных» букв этрусского алфавита.

Рис. 2

Рис. 3

На третьем и последнем занятии появились более сложные надписи. Необходимо отметить, что большинство этрусских текстов очень короткие, лишь немногие из них длиннее 20 слов. И надгробные, и владельческие, и посвятельные надписи без особого труда классифицируются; большой удельный вес в них имеют имена и названия предметов, на которых они нанесены. Благодаря этому, надписи можно частично или полностью прочесть «с нуля», не привлекая данных каких-либо иных языков. Правда, имеется сравнительно большая этрусско-финикийская билингва (таблички из Пирги), которая также была использована в курсе, но четкой связи между двумя текстами табличек не устанавливается. Похоже, здесь мы имеем дело с достаточно свободным переводом, который не позволяет установить точное значение всех этрусских слов.

Самый пространственный этрусский текст — льняная книга (*Liber linteus*), обнаруженная при демонтаже египетской мумии, — понятна этрускологам лишь фрагментарно, однако, судя по встречающимся в ней названиям месяцев, именам богов, и некоторым другим словам, она представляет собой календарь, в котором описываются некие священнодействия. Этот и другие выводы о структуре и содержании этрусских текстов были в значительной мере сделаны самими участниками занятий, так что лектор должен был только уточнять и направлять обсуждение в рамках подобранного материала. Немаловажной целью курса лекций была и демонстрация научных методов

в противовес многочисленным спекуляциям на этрусскую тему, которые в наше время весьма распространены. Школьники, хочется надеяться, получили «противоядие» от псевдонаучных подходов и на собственном опыте могли убедиться, что настоящая этрусология твердо стоит на почве объективных фактов.

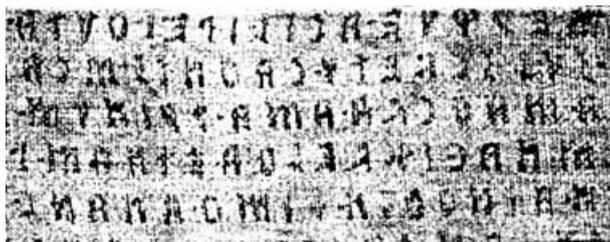

Рис. 4

На Летней школе 2008 года антиковедческая проблематика была включена в цикл занятий об атрибуции и стилометрии под названием «Определение авторства и измерение стиля». Центральной темой здесь стал греческий гекзаметрический эпос. С одной стороны, речь шла о гомеровском вопросе в том виде, который он приобрел после исследований М. Пэрри и А. Лорда. Они показали, что «Илиада» и «Одиссея» — образцы устного импровизационного эпоса, и это проявляется в конкретных, в том числе формальных особенностях обеих поэм. Слушателям в качестве домашнего задания были предложены несколько фрагментов греческого гекзаметрического эпоса с узнаваемыми именами гомеровских героев; задание состояло в том, чтобы определить, какой из фрагментов вероятнее всего был создан не Гомером («лишний» фрагмент принадлежал позднеантичному поэту Нонну Панополитанскому). Действительно, греческий гекзаметр за примерно 1200 лет своего прослеживаемого существования претерпел заметные формальные изменения, несмотря на сохранение основных закономерностей, удивительное для такой долгой метрической истории, и отличить Гомера от новатора Нонна можно даже по небольшому фрагменту текста.

Наряду с античным материалом (упоминалась также атрибуция писем Платона и *appendix Vergiliana*), шла речь об атрибуции произведений на английском и русском языках. Особенно удобным полигоном для применения количественных стилометрических методов стали так называемые «федералистские статьи» (*Federalist Papers*), написанные в 1787–1788 гг. Александром Гамильтоном, Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеем под общим псевдонимом Фило-Публий. Впоследствии каждый из них сообщил, какие из этих статей, сыгравших заметную роль в американской истории, принадлежат ему, но списки первых двух частично пересекались. Необходимо было определить, кто же прав.

Этот случай оказался сравнительно простым: у каждого из авторов-претендентов есть достаточно большой корпус совершенно аналогичных по жанру и объему статей, и это дает возможность корректно применить статистические методы. Различные исследования единогласно указывают, что все 12 спорных статей принадлежат Дж. Мэдисону, будущему президенту США. При этом видно, что к такому выводу можно прийти не только путем статистических исследований, но и с помощью более традиционного анализа отдельных стилистических особенностей текстов (употребление тех или иных синонимов и т. п.).

В каком-то смысле противоположным примером послужил русский материал, а именно «Тихий Дон», традиционно атрибутируемый Михаилу Шолохову. Сомнения в его авторстве высказывались многократно, но, в отличие от предыдущего случая, ни один из претендентов не называл автором романа себя. Путь стилометрического исследования в данном случае затруднен: нет ни закрытого списка претендентов, ни сопоставимого материала того же времени и подходящего объема, ни консенсуса среди исследователей, нередко политически ангажированных. Едва ли можно сомневаться в результатах работы, проведенной группой скандинавских исследователей во главе с норвежским профессором Гейром Хьетсо. Они поддержали традиционную точку зрения на авторство знаменитого романа, однако с той важнейшей оговоркой, что Шолохов является наиболее вероятным автором из трех рассмотренных в работе. Если на авторство «Тихого Дона» будет проверяться писатель, от которого не сохранилось достаточного объема текстов, доказать или опровергнуть его «претензии» научными методами будет невозможно.

Хотя большую часть времени на занятиях, конечно же, занимало изложение занимательных сюжетов, связанных с атрибуцией, участники не остались в стороне и от собственно лингвистических критериев, на которых основывались описываемые стилометрические исследования.

Кроме того, на ЛЛШ-2008 в жанре вечерних развлекательных мероприятий прошел римский пир: дегустация блюд, приготовленных по античным рецептам, сопровождалась показом презентации и краткой лекцией о том, что и как ели римляне. Пожалуй, этот вечер стал для участников ЛЛШ не менее значимым для пробуждения интереса к античности, чем вышеописанные лекции и семинары.

Многозначность слов и их сочетаемость: формальное представление при автоматической обработке текста

М. Е. Фрид

Какие из значений слов *поля*, *сидеть*, *язык* представлены в конкретном тексте? *Поля*, *засеянные рожью* или *поля с заметками*? *Сидеть на стуле* или *сидеть в тюрьме*? *Язык во рту* или *английский язык*? Определить это нам чаще всего помогает сочетаемость слова с другими словами в предложении. Обратимся к теме многозначности, а также к тому, какие формальные методы представления многозначности и ее разрешения используются при автоматической обработке текста в рамках проекта, разрабатываемого лингвистическим отделом фирмы АВВУУ.

Предложения с английскими многозначными глаголами

Переведем на русский язык английские предложения с глаголами *get*, *go*, *enter* и *break*.

Примеры с глаголом *get*:

- (1) *I've got a letter* — Я получил/получила письмо.
- (2) *Go and get me a hamburger*. — Сходи и принеси мне гамбургер.
- (3) *There's no point in getting upset*. — Нет смысла расстраиваться.
- (4) *Sorry, I didn't get your name*. — Извините, я не понял/поняла (не разобрал/разобрала), как вас зовут.
- (5) *How did you get him to pose for this picture?* — Как тебе удалось убедить его позировать для этой фотографии?
- (6) *It was dark by the time she got home*. — Было уже темно, когда она пришла домой.
- (7) *It really gets me how everyone laughs at her stupid jokes*. — Меня раздражает, как все смеются над ее глупыми шутками.

Примеры с глаголом *go*:

- (8) *We went to the museum*. — Мы пошли/поехали в музей.
- (9) *Her hair is going grey*. — Ее волосы становятся седыми.

Примеры с глаголом *enter*:

(10) *Enter your pin-code.* — Введите ваш пин-код.

(11) *Enter the room.* — Войдите в комнату.

Примеры с глаголом *break*:

(12) *The plate broke.* — Тарелка разбилась.

(13) *The rope broke.* — Веревка порвалась.

Мы видим, что глагол *get* имеет разные значения: он может значить ‘получить’, ‘прибыть’, ‘уговорить/убедить’, ‘стать’. Также многозначен и глагол *go*.

Попытаемся придумать такое предложение, в котором *go* однозначно переводилось бы как *ехать*, а не как *идти*. Один из вариантов ответа — указание на средство передвижения, например: *We went there by train/by car*. Еще один вариант — указание на страну (*He has gone to France*).

Что касается *break*, то можно спорить, одно значение представлено в наших примерах или два. Скорее одно, но переводится оно на русский язык все равно по-разному.

Тем, кто знает английский язык, нетрудно перевести примеры (1)–(13) на родной русский язык. Теперь давайте представим себе, что перед нами стоит задача автоматизированной обработки текста, когда не человека, а машину нужно научить анализировать текст на одном языке, а потом правильно синтезировать его на другом. Естественно, это огромная задача. Давайте вначале решим небольшую подзадачу — придумаем формальные правила, которые помогали бы делать выбор между разными значениями в приведенных примерах и сопоставлять им правильные переводы.

Сравним предложение (1), где *get* означает ‘получить’, и (5), где *get* означает ‘убедить’. Что позволяет нам понять, что в предложении (1) *get* нельзя перевести как ‘убедить’, а в (5) — как ‘получить’? При *get* в значении ‘убедить’ обязательно должен быть выражен инфинитив (в данном случае это инфинитив *to pose* — *get him to pose*). Теперь давайте сравним (2) и (6). Почему в (2) для *get* не годится перевод ‘прийти’, как в (6)? Потому что при *get* есть дополнение *me* (*get me a hamburger*).

Таким образом, при разрешении многозначности в предложениях с *get* мы используем прежде всего сведения о «моделях» слов, о том, какими словами они «управляют», т. е. о **синтаксической сочетаемости**.

Чтобы перевести глагол *enter* в предложениях (10) и (11), мы пользуемся знанием о том, что входят обычно в помещения, а вводят в электронные устройства последовательность символов. Здесь мы используем **семантическую (смысловую) сочетаемость** слова.

Теперь посмотрим, как многозначность слов и их сочетаемость описывается в системе для автоматизированной обработки текста и машинного перевода, которая разрабатывается лингвистами и программистами из фирмы АBBYY.

Семантическая иерархия

Для описания различных значений слов и их сочетаемости используется так называемая семантическая иерархия, или дерево значений слов. Дерево растет ветвями вниз и состоит из узлов и веток-стрелочек, которые связывают одни узлы с другими. Мы будем говорить, что стрелка, идущая вниз, ведет от узла-предка к узлу-потомку.

Сверху у дерева корень. Из этого корня выходят ветви-стрелочки, которые ведут к узлам-потомкам. У каждого потомка могут быть еще потомки. И так далее. При этом важно, что у каждого потомка может быть не более одного предка.

В нашей семантической иерархии в качестве узлов выступают так называемые семантические классы (далее СК). Они записываются большими буквами (см. рисунки ниже) и обозначают универсальные понятия — универсальные смыслы, которые, предположительно, могут быть выражены в любом языке. Эти понятия можно конкретизировать и разделить на более частные смыслы, и, таким образом, получается дерево родо-видовых отношений.

В корне семантической иерархии (см. рис. 1) располагается семантический класс ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ, среди его потомков есть семантический класс СИТУАЦИИ И СВОЙСТВА, а также класс СУЩНОСТИ. Среди

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

ди потомков класса СИТУАЦИИ И СВОЙСТВА есть семантический класс ДВИЖЕНИЕ И МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ и т. д.

Постепенно мы спускаемся по дереву вниз и доходим до терминальных (конечных) элементов иерархии — лексических классов (они записаны маленькими буквами). Лексические классы (далее ЛК) представляют собой слова конкретного языка в определенных значениях. В данном случае (на рис. 1) приведены русские слова. Если мы захотим переводить на английский, мы наполним семантический класс словами английского языка, если захотим переводить на немецкий — немецкими и т. д.

Еще один фрагмент семантической иерархии изображен на рисунке 3: семантический класс СУЩЕСТВА делится на семантический класс ЖИВОТНЫЕ и семантический класс ЛЮДИ. Среди потомков СК ЛЮДИ есть СК УЧИТЕЛЬ. В нем находится ЛК *учитель*. Таким образом, семантические классы универсальны, а лексические классы представляют собой объекты конкретного языка, в данном случае — русского.

У ЛК *стул* в иерархии будет такой путь (цепь предков): ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ: СУЩНОСТИ: ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ: АРТЕФАКТЫ: МЕБЕЛЬ: МЕБЕЛЬ, ЧТОБЫ СИДЕТЬ И ЛЕЖАТЬ: СТУЛ: стул. Таким образом, непосредственным предком ЛК *стул* будет СК СТУЛ. Поднимаясь по цепочке предков, мы пройдем СК МЕБЕЛЬ, СК АРТЕФАКТЫ, СК ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ и так постепенно дойдем до корня дерева.

Свойства Семантической Иерархии

Теперь несколько слов о свойствах Семантической Иерархии:

1) У семантических и лексических классов могут быть некоторые свойства, и если мы приписываем классу свойство, то оно наследуется всеми его потомками. О каких свойствах идет речь, мы уточним чуть позже.

2) В идеале все значения слов данного языка должны быть разбиты на подзначения, и каждое значение должно оказаться в одном и только одном месте в иерархии. Многозначное слово будет иметь столько мест («адресов») в иерархии, сколько подзначений мы у него выделим.

Например, одно из значений *get* находится

— в СК ПОЛУЧАТЬ с предком СУЩЕСТВОВАНИЕ_И_ОБЛАДАНИЕ (вместе с русским ЛК *получить, обрести, обзавестись*, см. рис. 2), ср. пример (1);

— в СК ПЕРЕДВИГАТЬСЯ_ПЕРЕНОСИТЬ с предком ДВИЖЕНИЕ (вместе с русскими ЛК *приехать, прийти, принести, привезти, привести*), ср. примеры (2) и (6);

— в СК УБЕЖДАТЬ (вместе с русскими ЛК *убедить, уговорить*), ср. пример (5);

— в СК РАЗДРАЖАТЬ с предком ЭМОЦИИ (вместе с русскими ЛК *раздражать, досаждать*), ср. пример (7).

3) Синонимы и антонимы находятся в дереве семантической иерархии в одном семантическом классе. Например, прилагательные *красивый*, *некрасивый* и *уродливый* будут находиться в одном СК.

4) Еще одно важное свойство семантической иерархии состоит в том, что слова разных частей речи с одним значением находятся близко друг к другу, т. е. в одном семантическом классе. Почему это удобно? Иерархия компактна. Слова разных частей речи часто имеют похожую сочетаемость, близкие или одинаковые свойства.

Рассмотрим такую ситуацию. В русском языке есть глагол *ревновать*, а в английском соответствующего глагола нет, но зато есть прилагательное *jealous*. Предложение *Он ревнует* переводится как *He is jealous*. При переводе с русского на английский предложений с глаголом *ревновать* вместо полнозначного глагола в английском мы берем глагол-связку *be* плюс соответствующее прилагательное.

Для большого ряда семантических классов мы можем написать общее правило: если в конкретном языке в данном классе отсутствует глагол, вместо него берется глагол-связка (*be*) и к нему подвешивается прилагательное из того же класса. Мы можем сформулировать такое правило и применять его не только к *ревновать*, но и, например, к *нервничать* (*be nervous*), а также к другим глаголам.

Аналогично, удобно держать в одном классе существительное *школа* и прилагательное *школьный*, потому что английское препозитивное существительное часто переводится с помощью русского прилагательного (например, *school breakfast* — *школьный завтрак*).

Как мы уже сказали, у семантических классов могут быть какие-то свойства. Одно из свойств — это роли, которые могут играть участники соответствующих ситуаций.

В лингвистике используются разные термины для обозначения понятия роли, введенного американским лингвистом Ч. Филмором, например, *семантическая валентность* и *глубинная позиция*. Мы будем использовать термин *роль*. Поясним, что имеется в виду. Пусть у нас есть предложение (14):

(14) *Петя купил у Васи марку.*

Это предложение описывает некоторую ситуацию, а именно ситуацию покупки. В этой ситуации есть участники. Какие? Как минимум это три участника:

КТО ПОКУПАЕТ (ПОКУПАТЕЛЬ)
 КТО ПРОДАЕТ (ПРОДАВЕЦ)
 ЧТО ПОКУПАЕТСЯ (ПОКУПКА)

Можно сказать, что в предложении (14) Петя играет роль Покупателя, Вася играет роль Продавца, а марка выступает в роли Покупки. Это наиболее важные участники ситуации, а каких еще участников может включать ситуация? Рассмотрим предложение:

- (15) *Десятого июля в Дубне Петя купил у Васи марку за сто рублей, чтобы потом продать ее Ване за двести.*

В этом предложении выражаются такие возможные участники ситуации покупки как ЦЕНА ПОКУПКИ, МЕСТО, ЦЕЛЬ, ВРЕМЯ.

В нашей системе понятие роли используется в широком смысле. Речь идет не только о глаголах и предикатных словах, но и о любых других частях речи. Например, в предложении

- (16) *Наш телевизор очень хорошо работает*

при *телевизоре* выражается роль Обладателя (с помощью притяжательного местоимения *наш*), а при *хорошо* выражена роль Степени (с помощью наречия *очень*).

В предложениях (14) и (15) роль Покупателя при глаголе *покупать* выражается подлежащим, роль Продавца дополнением с предлогом *у*, а «ЧТО ПОКУПАЕТСЯ» прямым дополнением (дополнением в вин. падеже).

Всегда ли Продавец является подлежащим, а Покупка является прямым дополнением? Оказывается, что в пассиве роли обозначаются по-другому:

- (17) *Марки были куплены Петей у Васи.*

Здесь Покупатель выражен дополнением в творительном падеже, Продавец — дополнением с предлогом *у*, а Покупка служит подлежащим.

Мы получили два способа выражения ролей в ситуации покупки:

У глагола *купил*:

ПОКУПАТЕЛЬ — подлежащее

ПРОДАВЕЦ — дополнение с предлогом *у*

ЧТО ПОКУПАЕТСЯ — прямое дополнение

У выражения *были куплены*:

ПОКУПАТЕЛЬ — дополнение в твор. падеже

ПРОДАВЕЦ — дополнение с предлогом *у*

ЧТО ПОКУПАЕТСЯ — подлежащее

Эти наборы ролей и средств их выражения отражают одну и ту же ситуацию действительности. Средства выражения ролей у лексических единиц с одинаковыми наборами ролей, но различными средствами их выражения, называются диатезными. Так, в предложении (17) *Марки были куплены Петей у Васи* говорят о пассивной диатезе. Понятие диатезы ввел А. А. Холодович для описания грамматической категории залога. Речь шла прежде всего о подлежащем и дополнениях при глаголах, но сейчас это понятие используется во многих лингвистических системах более широко, т. е. не только при описании соответствия между ситуациями, которые выражаются глаголами, но и при описании соответствия между теми ситуациями, которые выражаются другими частями речи. Для сочетаний *мой телевизор* и *очень хорошо* тоже будут описаны их диатезы.

Как можно использовать диатезы? Обратимся к диатезе английского глагола *buy*:

ПОКУПАТЕЛЬ — подлежащее

ПРОДАВЕЦ — дополнение с предлогом *from*

ЧТО ПОКУПАЕТСЯ — прямое дополнение

Если в русском языке при глаголе *купить* мы видим дополнение в род. падеже с предлогом *у* (*у Васи*), мы понимаем, что *Вася* — Продающий, и зная, что в английском Продающий выражается с помощью дополнения с предлогом *from*, мы можем решить одну из задач перевода. Через формальный язык-посредник (термин И. А. Мельчука, Модель «Смысл↔Текст») мы осуществляем перевод между двумя естественными языками — английским и русским. Опуская промежуточные этапы анализа и синтеза предложения, несущественные для демонстрации понятия *диатеза*, получаем перевод:

(18) *Петя купил марки у Васи — Petya bought the stamps from Vasya.*

Как мы уже говорили ранее, в нашей системе роли приписываются семантическим классам. Некоторые роли приписываются в дереве более высоко, некоторые приписываются ниже. Чем выше в дереве приписана роль, тем больше семантических классов-потомков унаследуют эту роль. Например, если мы припишем роль в корне дерева на уровне семантического класса ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ, т. е. настолько высоко, насколько это возможно (напоминаем, что дерево растет ветвями вниз), то данную роль унаследуют и все остальные узлы дерева, т. е. все семантические и лексические классы — потомки семантического класса ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Если мы припишем роль на уровне СК СУЩЕСТВА, то она унаследуется СК ЛЮДИ и СК ЖИВОТНЫЕ, а также всеми их потомками, в том числе СК СПОРТСМЕН и СК КЕНГУРУ.

Роль Место может быть приписана в самом верху дерева семантической иерархии, потому что место может характеризовать любую ситуацию. Так, место *в Москве* может быть приписано ситуациям, которые выражены глаголами *бегать*, *думать*, *читать* и другими. Кроме того, можно сказать *университеты в Москве*, *телевизоры в Москве* и т. д. Роль Конечная точка движения будет приписана ниже. Например, в предложении *Вася приехал в Москву* группа *в Москву* — конечная точка. Эта роль будет характерна для многих глаголов движения — *плыть*, *идти*, *лететь* куда-то, однако очень много таких ситуаций, у которых конечной точки движения нет.

Так, для глаголов ментального состояния *знать*, *понимать*, *помнить* роль Конечной точки нехарактерна (нельзя *знать/понимать/помнить куда-то*). У глаголов ментального состояния есть валентность Содержания, которая выражается придаточным изъяснительным с союзом «что» или косвенным вопросом — *Петя знал, что делать уроки все равно придется*; *Петя не помнил, где он хранит носки*. Аналогично, для глаголов ментального состояния характерна роль Темы: *Я знаю об этом — I know about that.*

Для глаголов речи также характерны валентности Содержания и Темы: *Петя говорил о своей жене/Петя говорил, что любит жену*. Кроме того, у многих речевых глаголов есть роль Адресата: *Петя сказал Васе, что любит свою жену*. Роль Темы (например, *Он говорил об этом/He spoke about that*) будет приписана не очень высоко, потому что она нехарактерна, например, для глаголов движения.

Для глаголов социальной деятельности человека характерна роль Контрагента, например, *Петя поссорился с Васей*. Здесь у главного действующего лица — Пети — есть контрагент Вася.

Для свойств характерна роль Носителя этого свойства — *красота женщины, частота звука, голос брата, цвет телевизора*.

На уровне семантического класса АРТЕФАКТЫ и даже выше, на уровне семантического класса ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ можно приписать роль Материала (*деревянное кресло, кресло из дерева*) и роль Обладателя (*мой стул*). Довольно высоко будут приписаны роли Цели, Времени, Причины.

Насколько высоко приписываются диатезы? Чем выше приписана диатеза, тем удобнее и выгоднее. Диатеза приписывается один раз, а потом все потомки данную диатезу наследуют. Например, валентность Агенса (активного деятеля), довольно часто выражается подлежащим в активном залоге, а в пассивном — дополнением в творительном падеже. Такие диатезы приписываются в иерархии достаточно высоко.

Бывают совершенно индивидуальные диатезы, характерные для одного конкретного глагола. Например, в семантической иерархии есть семантический класс, в котором находятся близкие по семантике лексические классы *относиться (к чему-то), связанный (с чем-то), касаться (чего-то)*.

У этих близких по смыслу классов одна и та же роль «второго объекта отношения» выражается по-разному, соответственно диатезы на эту валентность будут приписаны точно, т. е. конкретно на уровне этих классов и не выше.

Семантическое заполнение ролей

Каждая роль имеет свое семантическое заполнение. Возьмем для примера семантический класс ЕСТЬ, у которого в русской части имеются лексические классы *есть, кушать и жрать* (и т. д.), а в английской части *eat* и т. д. У этого семантического класса среди прочих есть валентности Агенса (активный деятель — кто ест) и Объекта (что едят).

Чтобы описать тот факт, что

(19) *Петя ест кашу*

— хорошее предложение, а

(20) *Стол ест стул*

— плохое или по крайней мере менее предпочтительное, мы указываем, что валентность Агенса заполняется СК СУЩЕСТВА (куда входят люди и животные).

Аналогично описывается заполнение валентности Объект. Для этого есть два способа. Можно указать конкретные семантические классы — СК ЕДА (где находится, в частности, ЛК *каша*), СК РАСТЕНИЯ (где находятся ягоды и грибы), СК ЖИВОТНЫЕ (где находятся ЛК *заяц*, *волк*). Другой способ — завести свойство ‘Съедобность’, пометить этим свойством СК ЕДА, СК РАСТЕНИЯ и СК ЖИВОТНЫЕ, а потом отметить, что Объект у потомков СК ЕСТЬ заполняется любыми объектами, обладающими свойством ‘Съедобность’. Это объясняет, почему предложение (20) *Стол ест стул* несемантически: у него семантическое заполнение ролей Агенса и Объекта не соответствует требуемым семантическим классам СУЩЕСТВА и ЕДА соответственно.

Таким образом, мы можем справиться с тем, что семантическая иерархия одна, а классификации разные. С помощью выделения семантических свойств, таких, как ‘Съедобность’, мы можем комбинировать нашу классификацию с другими классификациями.

Например, чтобы уметь правильно переводить на русский язык английский глагол *break*, полезно знать, что именно может рваться, что может ломаться и что может разбиваться. Изделия из ткани рвутся, а стекло разбивается. Чтобы перевести глагол *enter*, нужно описать, что в электронные устройства вводят последовательность символов, а входят в помещение.

Таким образом, семантическое заполнение ролей можно использовать не только для проблемы лексического выбора (как при переводе глагола *break*), но и для разрешения омонимии (как при переводе глагола *enter*). Еще один способ использования семантического заполнения ролей возникает при решении задачи, которую можно проиллюстрировать переводом примера:

(21) *John took an apple out of the bag and ate it.*

Как перевести на русский английское местоимение *it* — *его* или *ее*? Это зависит от того, с каким объектом соотносится это местоимение — с сумкой или с яблоком. Зная, что едят скорее яблоки, чем сумки, машина выбирает правильный перевод — *его*.

Итак, мы рассмотрели один из способов представления многозначности слов и их сочетаемости с другими словами в предложении с помощью семантической иерархии и словарного описания семантических и синтаксических валентностей слов. Этот способ используется на практике при решении задачи машинного перевода.

О языке стрелок

Г. Б. Шабат

0. Введение. Участие математика в лингвистической школе может объясняться попыткой наметить возможные направления совместной деятельности. Одно из таких направлений — совместное изучение *языков математики*.

Хотя математики и интересуются своим языком больше, чем представители других точных и естественных наук (убедительным свидетельством чему является само существование такого раздела математики, как *математическая логика* или *метаматематика*), этот интерес недостаточно развит, если сравнить его с подходом лингвистов к языкам вообще. В центре внимания математиков — формальная сторона используемых ими языков. Математические тексты почти не сопоставляются с их устным воспроизведением, мало исследуется эволюция языков, переводы анализируются лишь с узко прагматических позиций и т. д.

В лекции я предприму попытку некоторого *противопоставления* обычных языков и языков математики. Мои профессиональные интересы далеки от лингвистики, но, работая многие годы в Институте Лингвистики РГГУ (где я преподаю математику лингвистам), я регулярно общаюсь с лингвистами — и с профессионалами, и со студентами, некоторые из которых на моих глазах превращаются в профессионалов; иногда читаю тексты своих знакомых. В результате мне удалось составить какое-то представление (разумеется, неполное) о вашей науке и — не считите за грубую лесть — научиться восхищаться некоторыми постановками ваших вопросов и достигнутыми результатами. По части восхищения особое место занимает *компаративистика*, и именно её подходам к языкам я буду сегодня противопоставлять определённый взгляд на развитие языков математики.

Компаративисты, как вы знаете гораздо лучше меня, грезят *праязыками*. Как ни разнообразны их взгляды на родство языков и на обоснованность существующих гипотез об их происхождении от небольшого количества и даже от одного — все они придерживаются единой картины. Все, кажется, согласны с тем, что огромное разнообразие существующих сейчас языков объясняется расщеплением языков, на которых говорили наши предки многие тысячи лет назад, по мере расселения человечества по планете и утраты связей.

Я же в сегодняшней лекции приведу свидетельства того, что языки математики, наоборот, начиная с первых известных документов возраста трёх-четырёх тысяч лет (вавилонские клинописные таблицы, египетские папирусы), развиваются в направлении единого языка математики будущего. И позволю себе на основе языка современной математики пофантазировать о некоторых чертах этого языка.

1. Краткая предыстория языков математики. Разумеется, в рамках одной лекции этот необъятный предмет может быть освещён лишь поверхностно и неполно.

Великие математические культуры доэллинистического периода, по видимому, не оказали прямого воздействия на древнегреческую математику. Так, один из наиболее замечательных древневавилонских документов, так называемая «таблица Плимптона 322», содержащая список весьма нетривиальных *пифагоровых троек*¹, был открыт лишь в двадцатом веке. Хотя многие историки науки и считают, что первые греческие математики учились у египтян, истинной преемственности не было; и в понятийном, и в языковом плане египетская и античная математические культуры были разобщены. Древнекитайская математика, достигшая довольно высокого уровня в вычислительном плане, развивалась в изоляции от других культур.

Таким образом, до древней Греции, хотя математика некоторых народов и была весьма развита, никаких тенденций к построению единой «всепланетной» математики и единого её языка обнаружить не удаётся.

Начиная с Фалеса и (особенно) Евклида, ситуация меняется. Основы почти всех разделов современной математики берут своё начало в древней Греции. Сегодняшние учебники элементарной геометрии обычно являются вариациями на темы (нескольких первых!) книг «Начал» Евклида. Слова *теорема*, *лемма*, *катет*, *гипотенуза*, *эллипс*, *парабола*, *гипербола* и многие другие стали терминами общемирового математического языка.

Лишь немногие древнегреческие тексты дошли до нас в оригинале (одна из причин — известный пожар в александрийской библиотеке). Однако благодаря многочисленным, обычно безвестным, переводчикам наши представления об этих текстах сравнительно полны. Стандартная траектория текстов по языкам — греческий, арабский, латынь, современные языки. Так была заложена основа многоязычного существования классических, важнейших для современной математики, текстов. Интересно было бы индивидуально проследить за судьбой некоторых из них — таких, например, как «Измерение круга» Архимеда, «Арифметика» Диофанта, «Конические сечения» Аполлония; рамки настоящей лекции, однако, не дают возможности для таких рассмотрений.

В средневековой Европе существовал единый язык образованных людей (латынь) и было доступно большое количество математических текстов на этом языке, тщательно оберегаемых и комментируемых. В первых европей-

¹ То есть целочисленных решений уравнения $x^2 + y^2 = z^2$.

ских университетах эти тексты скрупулёзно изучались и иногда **заучивались** — вплоть до экзаменов в форме **клятв** студентов о прочтении книг Евклида. Известная метафора Ньютона *карлик на плечах гигантов*, вероятно, отражает коллективную благодарность европейских учёных древнегреческим предшественникам.

Однако время шло, и новая вавилонская башня в математике была неизбежна. Как и в других областях культуры, Возрождение в науке начиналось с дерзкой идеи о том, что древних можно в чём-то превзойти; одновременно наблюдался переход с латыни на национальные языки. В математике одно из важнейших событий этого рода произошло в шестнадцатом веке, когда итальянские алгебраисты нашли неизвестные древним формулы для решений уравнений степени 3 и 4.

Николо Тарталья сформулировал своё достижение следующим образом.

Quando chel cubo con le cose appresso
Se agguaglia à qualche numero discreto
Trouan dui altri differenti in esso

Dapoi terrain questo per consueto
Che'llor prodotto sempre sia eguale
Alterzo cubo delle cose neto,

El residuo poi suo generale
Delli lor cubi ben sottratti
Varria la tua cosa principale.

In el secondo de cotestiatti
Quando che'l cubo restasse lui solo
Tu osseruarai quest'altri contratti,

Del numer farai due tal part'a uolo
Che l'una in l'altra si produca schietto
El terzo cubo delle cose in stolo

Dell equal poi, per communpresetto
Torrai li lati cubi insieme gionti
Et cotal soma sara il tuo concetto.

El terzo poi de questi nostril conti
Se solue col secondo se ben guardi
Che per natura son quasi congionti.

Questi trouai, & non con paßi tardi
Nel mille cinquecentè, quatroe trenta
Con fundamenti ben sald'è gagliardi

Nella citta dal mar'intorno centa

Должен сознаться, что, хотя звучность этого восхитительного «решения» несомненна, его смысл от меня ускользает (а от вас?). И дело не в моём незнании итальянского (в Интернете легко доступен английский перевод), а в том, что... плохо без *формул*. Во времена Тартальи и Кардано (которому

официально приписывается окончательное решение проблемы) неизвестное называлось *cosa* (вещь); до эпохи воцарения языка сегодняшней алгебры — снова единого! — оставались столетия.

Наступил семнадцатый век, и математика стала развиваться невиданными до тех пор темпами. Одно только перечисление её многочисленных новых разделов и научных школ потребовало бы отдельной лекции. Язык математики стремительно обогащается; наряду с недолго прожившими терминами вроде *флюксия* и *флюента* (использовавшимися Ньютоном) появляются используемые повсеместно и по сегодняшний день *функция*, *дифференциал* и *интеграл*, для которого Лейбниц ввёл известный всем специальный **знак** \int .

...В течение восемнадцатого века один только Леонард Эйлер, работавший в основном в Санкт-Петербурге, написал огромное количество работ на латыни, по-немецки и по-французски²; ни одна из них не утратила актуальности по сегодняшний день! Они всё еще продолжают издаваться, переводиться на английский и комментироваться — вы можете убедиться в этом, зайдя на соответствующие сайты. В написанных по-французски *Письмах к немецкой принцессе*, этом удивительном образце дистантного образования, Эйлер для наглядного разъяснения законов математической логики ввёл в употребление чертежи нового типа, предвосхищающие теоретико-множественную математику, которые сейчас называются кругами Эйлера или диаграммами Венна...

К исходу девятнадцатого века, одного из самых плодотворных за всю историю нашей науки, вавилонская башня взаимонепонимания говорящих на разных языках математиков всё росла и уже всерьёз угрожала дальнейшему прогрессу. Специалисты по геометрии, теории чисел, алгебре, теории инвариантов, анализу, теории вероятностей и т. п. как будто занимались разными *математиками*, не всегда читали, хотели и могли понять друг друга.

Определено ли понятие вероятности? Всякую ли функцию можно определить формулой? Имеют ли геометрический смысл мнимые величины? Имеет ли смысл понятие поверхности, если её нельзя вложить в трёхмерное пространство? Доказали ли что-нибудь итальянские геометры, рассмотрев конфигурации *в общем положении* и сославшись на туманный *принцип непрерывности*? Да и что такое *непрерывность*? Можно ли считать доказанным утверждение о *конечности* какого-нибудь X , если приведено к противоречию предположение о *бесконечности* X , но не видно никаких подходов к полному *перечислению* элементов X ?

Эти и многие подобные вопросы, вызванные к жизни реальными математическими результатами, широко и бурно обсуждались математиками девятнадцатого века — на заседаниях Академий и Обществ³, в частных переписках и на страницах всё большего количества европейских, а затем и американских научных журналов. Но вряд ли это полностью удовлетворяло моих

² Часть из них была *продиктована* слепнувшим гением...

³ Московское Математическое Общество основано в 1866 году.

коллег позапрошлого века. Остроумная полемика не характерна для настоящей математики; истина у нас познаётся не в споре, а на основе строгих рассуждений, для которых и необходим общепризнанный единый язык.

Далеко не все современные математики согласятся с тем, что одно из важнейших событий девятнадцатого века в нашей науке состояло именно в **появлении такого языка**⁴. Речь о языке *множеств*, введённом Георгом Кантором в 1870-х годах; об этом мы поговорим подробнее.

2. Язык теории множеств. Множество — первичное понятие, и его определения не существует. Понятие задания множества X неразрывно связано с понятием *быть элементом множества* X , закрепляемого общемировым знакосочетанием

$$x \in X,$$

всё-таки вошедшим в минувшем веке в школьные учебники математики большинства стран.

Множество считается заданным, если

- относительно чего угодно можно определить, является оно элементом этого множества или не является;
- для любых двух элементов множества можно определить, равны они между собой или различны.

Несколько упрощая, можно сказать, что теоретико-множественный язык построен на двух основных глаголах:

$$\in \text{ и } =$$

(*принадлежать и равняться*).

Для полноценного использования теоретико-множественного языка множествам обычно нужно давать имена — как и в человеческом коллективе для нормального общения необходимо иметь возможность обращаться к человеку по имени. Это обстоятельство не вполне осознано авторами школьных учебников и методистами; так, в школьной геометрии не выработано общепринятого обозначения для множества точек плоскости или пространства.

Одно из главных достижений Кантора — введение в полной общности второго и последнего первичного понятия теоретико-множественной математики, понятия *отображения* из одного множества в другое.

Как и множества, отображения требуют **имён**. Отображение f из множества A в множество B считается заданным, если для каждого элемента $a \in A$ определён элемент $f(a) \in B$. Факт определённости такого отображения обозначается так (**линейно**):

$$f: A \rightarrow B$$

или так (**нелинейно**):

$$A \xrightarrow{f} B.$$

⁴ Многие весьма уважаемые коллеги презрительно назовут эту точку зрения *бурбакизмом*.

Наконец-то появились стрелки, главные героини сегодняшней лекции! Нелинейность языка стрелок — очень важная его черта.

Отсутствие имён отображений в школьной геометрии — на мой взгляд, одна из причин её массового непонимания; школьникам не дают удобного и точного языка для описания того, что они видят. Например, *отражение относительно оси симметрии равнобедренного треугольника* традиционно **не обозначается никак**.

Отображения окружают вас, но вы их часто не замечаете. Например, обозначим $\mathbf{Ч}$ человечество, множество людей (в соответствии с вышесказанным мы постулируем нашу способность отличить человека от нечеловека и одного человека от другого). Теперь оказывается, что одно из первых слов, которое мы узнаём на родном языке, задаёт отображение

$$\text{мама: } \mathbf{Ч} \rightarrow \mathbf{Ч}.$$

Надо всего лишь согласиться с тем, что у каждого человека есть мама и что она тоже человек!

Упражнение. Какие ещё известные слова задают отображения $\mathbf{Ч} \rightarrow \mathbf{Ч}$?

Одно из центральных понятий теоретико-множественной математики — понятие КОМПОЗИЦИИ отображений. Дадим точное определение: в ситуации

$$A \xrightarrow{f} B \xrightarrow{g} C$$

композиция

$$A \xrightarrow{g \circ f} C$$

определяется правилом

$$[g \circ f](a) = g(f(a))$$

для любого $a \in A$.

Почему компонируемые отображения записываются в «противоестественном» порядке? Потому что написанное выше правило выглядит естественно, как *ассоциативность*.

Вы можете пофантазировать о том, какие обозначения применили бы арабские математики, если бы именно они ввели теоретико-множественные понятия.

Упражнение. Определите, в каких предположениях имеет смысл равенство

$$h \circ (g \circ f) = (h \circ g) \circ f,$$

и докажете его в этих предположениях.

Упражнение. Что такое $\text{мама} \circ \text{мама}$? А $\text{папа} \circ \text{папа} \circ \text{папа}$?

Упражнение. Сформулируйте какие-нибудь известные вам свойства преобразований плоскости на языке отображений и их композиций.

3. Теоретико-множественный язык и математика. Вся ли математика выразима на теоретико-множественном языке?

Ответ: почти вся. Во времена Кантора можно было ответить «вся». А сейчас можно ответить «вся *преподаваемая* (математиками нематематикам)».

За полвека после изобретения Кантора все традиционные разделы математики были осознаны как занимающиеся множествами с дополнительными структурами. Например, арифметика изучает сложение натуральных чисел, представляющее собой отображение

$$+ : \mathbb{N} \times \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N},$$

сопоставляющее *паре* натуральных чисел их сумму, например, паре (3,4) число 7.

Группа молодых (на момент окончания Второй Мировой войны) французских математиков объединилась под псевдонимом Николя Бурбаки с целью последовательно изложить всю *сформировавшуюся* математику как математику множеств со структурами. Эта цель была *частично* достигнута; многие тома вышли — разумеется, по-французски — и были переведены на многие языки, в том числе на русский. Работа, однако, не завершена и завершена, увы, не будет. Некоторые современные математики считают изложение Бурбаки слишком формальным и далёким от «физического» понимания математики; я эту точку зрения не разделяю и считаю, что по вышедшим томам Бурбаки можно составить достаточно полное представление о некоторых разделах математики первой половины двадцатого века и о языке, на котором она естественно излагается.

4. Теоретико-множественный язык и лингвистика. Подходит ли теоретико-множественный язык для математизации лингвистики?

Основатели математической лингвистики, очевидно, исходили из утвердительного ответа на этот вопрос (*смысл фразы называется множество инвариантов относительно равносильных переформулировок...*) Я же позволю себе высказать сомнения.

Вернёмся к сформулированным выше двум принципам задания множеств. Образуют ли множество языки мира (живые, мёртвые, все...)? Или диалекты? Или звуки, или слова данного языка, или правильно построенные фразы, или их смыслы?

Я присутствовал при многочисленных спорах лингвистов разных возрастов и статусов; предметы этих споров часто пересекались с поставленными вопросами (чем *да1* отличается от *да2..?*) и многими подобными. В результате я склонен дать отрицательный ответ на все сформулированные вопросы. Слишком размыты границы... Некоторые надеются на *нечёткие множества* Заде; но если их использовать честно, как полноценную математику, то они приведут лишь к усложнению теоретико-множественного аппарата.

5. Что же вместо теоретико-множественного языка? Я, увы, оставил на самый конец лекции её основное содержание — собственно язык стрелок, и могу успеть что-то сказать о нём лишь в самых общих словах.

Пора объяснить ответ «почти» на заданный выше вопрос о выразимости **всей** математики на теоретико-множественном языке. Начиная с середины

двадцатого века в самой математике стали появляться разделы, для которых язык теории множеств — слишком ограничительный.

Этот раздел математики называется *теория категорий*; употребителен также говорящий сам за себя синоним этого названия *абстрактная чепуха*⁵. За основу берётся аксиоматизация *класса* (не *множества*!) **всех** множеств и всех отображений между ними. Обобщённые отображения называются *морфизмами* и изображаются стрелками так же, как мы изображали отображения. Специалисты по теории категорий мыслят *диаграммами* стрелок, иногда весьма сложными. В случае множеств это означает восприятие множества целиком, без «заглядывания внутрь».

Упражнение (трудное). Попробуйте выразить на языке стрелок такие понятия, как *пустое множество*, *одноэлементное множество*, *инъективное*⁶ *отображение*, *сюръективное*⁷ *отображение*.

Первые работы по теории категорий принадлежат выдающимся математикам: Эйленбергу, Маклейну, Гротендику и другим, заслужившим признание результатами в обычной, *нечепуховой* математике. За прошедшие полвека теория категорий многократно показала свою эффективность; некоторое время назад ею (и даже более общей теорией *поликатегорий*) стали интересоваться физики.

С лингвистической точки зрения теория категорий интересна тем, что в ней *нет равенств*! Равенства заменяются изоморфизмами — стрелками с некоторыми особыми свойствами. Ничто ничему не равно, но каждый акт отождествления фиксируется специальным элементом из подходящего множества; эти понятия кажутся мне более подходящими для тонких вопросов языка, чем грубое приравнивание.

Известный канадский алгебраист Ламбек успешно применил теорию категорий для описания порядка слов в английском, французском и немецком языках.

Спасибо за внимание. Быть может, эта лекция побудит кого-либо из слушателей почитать что-нибудь о категорном языке и подумать о его применениях в лингвистике.

⁵ Именно так: *abstract nonsense*.

⁶ Инъективное отображение переводит разные элементы в разные.

⁷ Отображение $f: A \rightarrow B$ называется *сюръективным*, если для любого $b \in B$ найдётся такой $a \in A$, что $f(a) = b$.

О естественном языке в математике и физике

Г. Б. Шабат

0. Введение. Очередной раз объясняя появление математика на лингвистической школе, я начну с попыток связать содержание своей лекции с двумя обсуждавшимися здесь темами.

Во-первых, язык математиков и физиков может быть уподоблен *языку животных*, которому была посвящена лекция С. А. Бурлак. Какие-то звуки отчётливо слышатся, наличие смысла кажется правдоподобным, но адресатами порой являются лишь представители соответствующих видов. Для прочих во фразах со словами *лагранжиан*, *конфайнмент*, *когомологии* или *адели* смысла ненамного больше (а то и меньше), чем в *кукареку*. Не легче для посторонних и понимание речи математиков и физиков, использующих кажущиеся более понятными термины — такие, как *струны*, *перенормируемость*, *инвариантная мера* или *локальное кольцо*.

Во-вторых, формулировки математических теорем и физических законов обладают некоторыми чертами, которые делают их схожими со *слухами* и *сплетнями*, рассмотренными в лекции Г. Е. Крейдлина. В обоих случаях речь идёт о сравнительно кратких повествовательных предложениях, претендующих на законченность, самодостаточность и интересность.

Переходя к более серьёзному оправданию адресованной лингвистам лекции с математико-физическим содержанием, я хочу попытаться указать общую территорию на границах двух культур (см. [1], [2]). И *формулировки теорем*, и *физические законы* представляются мне лежащими на этой территории. Для математиков и физиков они интересны хотя бы тем, что являются несомненными вершинами, целями нашей многотысячелетней работы. Для лингвистов... Понятность формулировок теорем рассмотрена в нашей с Г. Е. Крейдлиным статье [3]. На мой взгляд, формулировки теорем могут представлять интерес для лингвистов с точки зрения таких их специальных свойств, как формализуемость и семантическая однозначность. Особую роль играет истинность теорем, с лингвистической точки зрения интерпретируемая, вероятно, как глобальная непротиворечивость огромного корпуса текстов. Единство трёх языков геометрии было рассмотрено в моей позапрошлой лекции [4].

Я бы рискнул предположить, что математические теоремы и физические законы относятся к фундаментальным высказываниям о мире, в котором мы живём. Они объединяют людей, думающих и говорящих на всех существовавших и существующих языках, в познании этого мира. Их роль может быть сопоставлена с ролью стословного списка. Но для развития этой идеи мне нужна ваша поддержка.

1. Что такое *математика и физика на естественном языке*? Воспроизведу формулировку из [4, С. 205]. Мы требуем, чтобы формулировка теоремы или закона

- была правильной фразой естественного языка (например, русского), содержащей лишь обычные слова из словарей этого языка (среди которых, конечно, могут встречаться и специальные термины);
- имела точный математический или физический смысл.

Приведём примеры.

1.0. «Закон Архимеда». В детстве я познакомился с ним в следующем виде:

*Всяко тело, вперто в воду,
не потонет в нею сроду:
с силой выпертой воды
рвётся тело из-туды.*

После незначительной литературной обработки эта формулировка очевидно удовлетворяет сформулированным выше требованиям.

1.1. Законы Кеплера.

Три закона движения планет относительно Солнца были выведены эмпирически немецким астрономом Иоганном Кеплером в начале XVII века. Это стало возможным благодаря многолетним наблюдениям датского астронома Тихо Браге.

Первый закон Кеплера. *Каждая планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце.*

Второй закон Кеплера (закон равных площадей). *Радиус-вектор планеты за равные промежутки времени описывает равновеликие площади.* Другая формулировка этого закона: *секториальная скорость планеты постоянна.*

Третий закон Кеплера. *Квадраты периодов обращений планет вокруг Солнца пропорциональны кубам больших полуосей их эллиптических орбит.*

Эти классические формулировки комментариев не требуют. Для их полного понимания надо «всего лишь» овладеть смыслом таких слов, как *орбита*; *эллипс*, его *полуоси* и *фокусы*; *площадь*, *секториальная скорость*; *пропорциональность*; *квадрат* и *куб*.

1.2. Закон Всемирного Тяготения. Приведём его в заимствованной из Интернета формулировке самого Исаака Ньютона.

Every object in the Universe attracts every other object with a force directed along the line of centers that is proportional to the product of their masses and inversely proportional to the square of the separation between the two objects.

Многие физики (особенно учителя) предпочитают закон Всемирного тяготения в виде традиционной формулы

$$F_g = G \frac{m_1 m_2}{r^2}$$

с необходимыми пояснениями (где F_g — гравитационная сила, m_1 и m_2 — массы объектов, r — расстояние между объектами, а G — универсальная гравитационная постоянная). Мне, однако, кажется, что именно приведённая формулировка на естественном языке является истинно самодостаточной и именно её освоение связано с полным пониманием одного из гениальнейших достижений человечества — Закона Всемирного Тяготения.

Как вы видите, этот великий Закон формулируется одним-единственным повествовательным предложением (в наше время — английским, во времена Ньютона — на международной тогда латыни). После понимания формулировки и многократной экспериментальной проверки остаётся, как считают физики, понять, почему и как он действует. Но это — вне пределов нашей лекции.

На этом месте мы прощаемся с физикой, ограничившись приведёнными примерами. Вообще интерес физиков к собственному языку (по моим наблюдениям) развит далеко не так сильно, как интерес математиков.

Метаматематикой называется раздел математики, в основном посвящённый изучению математических языков. Понятие *метафизики* несравненно туманнее; и это — не раздел физики.

1.3. Примеры из математики. Общеизвестна формулировка *теоремы Пифагора*, формально аналогичная процитированному выше закону Архимеда (*пифагоровы штаны...*), но не будем злоупотреблять популярностью — тем более, что поэтическая формулировка, в отличие от её архимедова аналога, совершенно неясна (и, как я проверял, иногда непонятна даже студентам РГГУ, знающим стишок наизусть). Однако безупречна очевидная формулировка

Квадрат гипотенузы любого прямоугольного треугольника равен сумме квадратов его катетов.

Словесная версия *формулы Герона* неочевидна и разобрана в [4, с. 216]. Приведём «ответ»:

Площадь любого треугольника равна четверти корня из произведения его периметра и всех трёх избытков.

Упражнение.

а) Угадайте смысл термина *избыток* в приведённой формулировке.

б) Придумайте аналогичную (*верную!!*) формулировку для объёма тетраэдра.

Приведём ещё словесную формулировку *теоремы Лагранжа о трёх квадратах*, преимущества которой перед «формульной» сомнительны:

(Натуральное) число является суммой квадратов трёх (натуральных) чисел, если только оно не является произведением степени¹ четвёрки на число, на единицу меньшее числа, кратного восьми.

2. Перевод на естественный язык и понятность. Я снова поясню основную мысль на примерах. Расширим область наших рассмотрений, включив в словесные формулировки не только теоремы, но и *определения*.

Подумайте, пожалуйста, о графике функции

$$y = f(x)$$

определённой, скажем, на некотором отрезке вещественной прямой. В каком случае изображаемую этим графиком функцию f следует назвать *непрерывной*?

Традиционная педагогика даёт два ответа. Вы, наверное, слышали, что *функция называется непрерывной, если её график можно изобразить, не отрывая карандаша от бумаги*.

С языковой точки зрения фраза безупречна, но *определением*, конечно, не является (хотя бы по причине наличия *субъективной составляющей* — в данном случае *кого-то*, кто будет стараться изображать график, не отрывая карандаша²). Признавая критику справедливой, традиционная педагогика даёт *взрослое* определение:

- *функция f непрерывна в точке x_0 , если для всякого вещественного числа $\varepsilon > 0$ найдётся такое вещественное число $\delta > 0$, что $|x - x_0| < \delta$ влечёт $|f(x) - f(x_0)| < \varepsilon$;*
- *функция непрерывна на отрезке, если она непрерывна в каждой точке этого отрезка.*

Это определение идеально и общепринято, но вряд ли кто-нибудь дерзнёт назвать его первую часть сформулированной на *естественном* языке. Хуже того, нематематики это определение обычно не понимают и, даже выучив наизусть, быстро забывают.

Непрерывность, однако, можно выразить на естественном языке, если должным образом *аксиоматизировать* понятие *близости*.

Попробуем назвать *окрестностью* точки любое множество *достаточно близких* к ней точек.

¹ Сюда включается $4^0 = 1$.

² Ср. «классическое определение»: *вероятностью* ... называется отношения числа благоприятных исходов к общему числу исходов и НЕклассическое: *эгоистом* называется человек, который думает о себе вместо того, чтобы думать обо мне.

Не пытаясь **определить** близость, назовём *открытым* множество, содержащее каждую свою точку вместе с некоторой окрестностью.

Теперь аксиоматизируем понятие открытости: назовём *топологическим пространством* произвольное множество вместе с выделенным классом подмножеств, называемых *открытыми*, от совокупности которых требуется лишь следующее:

- *пустое множество и всё пространство открыты;*
- *объединение любой системы открытых множеств открыто;*
- *пересечение любой конечной системы открытых множеств открыто.*

Важный частный случай: на вещественной прямой открытыми множествами являются *произвольные объединения интервалов*.

Теперь мы готовы к словесному определению непрерывности:

отображение одного топологического пространства в другое называется непрерывным, если прообраз любого открытого множества открыт.

Мораль наших кратких рассмотрений непрерывности такова. *Стремление к выражению понятия на естественном языке в некоторых случаях приводит к правильному обобщению этого понятия; один из признаков правильности заключается в том, что формулировки становятся краткими, точными и легко воспринимаемыми.*

Приведённые понятия по математическим меркам молоды: они появились в девятнадцатом веке. Вдумывание в абстракции, связанные с непрерывностью, имело интересное продолжение в двадцатом веке: аксиоматизация понятия *открытого покрытия* (выбора *атласа*, т.е. системы открытых «карт», покрывающих всё пространство), значительно расширила горизонты математики.

Приведём кратко аналогичные результаты, касающиеся другого традиционно трудного понятия анализа: *предела*.

Взрослая традиционная формулировка: число a называется пределом последовательности a_n , если

для всякого вещественного числа $\varepsilon > 0$ найдётся такое натуральное число N , что $n > N$ влечёт $|a_n - a| < \varepsilon$.

Более общая формулировка на естественном языке:

точка называется пределом последовательности, если в любой её окрестности лежит бесконечное множество членов последовательности, а вне любой окрестности — лишь конечное.

3. Какие проблемы, теоремы и определения переводятся на естественный язык? Мой краткий ответ: далеко не все. Приведу два примера.

Леонард Эйлер ввёл функцию *partitio numerorum*, обозначаемую $p(n)$, которая измеряет количество представлений натурального числа в виде суммы меньших чисел (порядок слагаемых несуществен).

Например, $2 = 2 = 1 + 1$, поэтому $p(2) = 2$, а

$5 = 5 = 4 + 1 = 3 + 2 = 3 + 1 + 1 = 2 + 2 + 1 = 2 + 1 + 1 + 1 = 1 + 1 + 1 + 1 + 1$,

и поэтому $p(5) = 7$.

Существует ли формула для $p(n)$? В обычном смысле слова — нет, не существует³. Однако существует замечательная формула для так называемой *производящей функции* последовательности $p(n)$:

$$1 + p(1)x + p(2)x^2 + p(3)x^3 + \dots = \frac{1}{(1-x)(1-x^2)(1-x^3)\dots}$$

Я совершенно не представляю себе, как выразить эту формулу на естественном языке.

Другой пример связан с так называемой *основной теоремой анализа*, или, иначе, *формулой Ньютона-Лейбница*, которая в подходящих обозначениях гласит

$$\int_a^b F'(x) d(x) = F(b) - F(a).$$

По-моему, она на естественный язык *хорошо* не переводится, хотя некоторые мои коллеги со мной не согласны.

Зато принадлежащая двадцатому веку формула Стокса, являющаяся обобщением формулы Ньютона-Лейбница, переводится на естественный язык прекрасно:

интеграл внешнего дифференциала формы по цепи равен интегралу самой формы по границе цепи.

Факт наличия этой (вероятно, недоступной большинству присутствующих) формулировки подтверждает выводы предыдущего раздела. Нахождение формулировок (не только определений, но и теорем) на естественном языке сопутствует содержательным обобщениям известных результатов и разработке понятийной базы математики.

Основная же мораль, которую можно извлечь из рассмотренных примеров, такова. Словесные формулировки некоторых результатов современной математике недоступны; следовательно, математике необходимы свои специальные языки.

Не знаю, насколько эти языки интересны лингвистам. От животных мы тут пока отстаём: лично мне за 17 лет работы в Институте Лингвистики РГГУ не встретились лингвисты, готовые серьёзно заниматься нашими профессиональными языками — в отличие от языков *школьной математики*, которым посвящено множество работ.

³ ...или неизвестна современной науке...

Разрешите закончить выражением надежд на плодотворное сотрудничество представителей точных наук и лингвистов — быть может, и в направлениях, намеченных в настоящей лекции.

Литература

- [1] *Фейнберг Е. Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. «Век 2», Фрязино, 2004.
- [2] *Сноу Ч.* Две культуры. Л., 1973.
- [3] *Крейдлин Г. Е., Шабат Г. Б.* Теорема как вид текста. I: Понятность. Вестник РГГУ, 2007. № 8. С. 102–112.
- [4] *Шабат Г. Б.* О симметриях в формулировках теорем. Лингвистика для всех (летние лингвистические школы 2005 и 2006). М., 2008.

Стилистический анализ стихотворения

Н. А. Шапиро

Окошко. Стол. Половики.
В окошке — вид реки...
Черны мои черновики,
Чисты чистовики.
За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой — значит, ночь.
А солнце — значит, день.
Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Встать — черновики.

[1966]

Стихотворение Николая Рубцова интересно тем, что его словарный состав и стилистическая окраска кажутся не вполне подходящими для той темы, которой оно посвящено.

Первая строфа, состоящая преимущественно из существительных, кажется нарочито, подчеркнута простой и по смыслу, и по рифмовке (все строки рифмуются одинаково: “половики — реки — черновики — чистовики”), и по лексике. Хотя впечатление это не совсем верное: здесь есть игра слов, ведь слова “чёрный” и “чистый”, являющиеся производящими для слов “черновик” и “чистовик”, могут иметь разные значения; в данном случае “чёрный”, конечно, обозначает не цвет, а большое количество зачёркиваний и исправлений, а “чистый” — аккуратную запись, однако не стоит забывать, что “чистый лист” — довольно устойчивое выражение, синонимичное “пустому листу”.

Собственно, в связи с этими бумагами и появляется местоимение “мои”, т. е. входит в стихотворение герой — человек, работающий над “черновиками” и “чистовиками”. Важность именно этих предметов подчеркнута и параллелизмом в двух последних строках строфы, и кажущейся тавтологичностью подлежащих и прилагательных — сказуемых (обратим внимание: это единственные прилагательные в стихотворении).

В первом четверостишии стихотворения Рубцова мы получаем представление о пространстве. Второе четверостишие говорит прежде всего о време-

ни, причём о времени, летящем быстро: “За часом час уходит прочь, // Мелькает свет и тень”. Не случайно именно здесь впервые появляются глаголы, и это глаголы движения. Однако глагол “мелькает” означает не только быструю смену “света и тени”, но и малую значимость этой смены. Время как бы проходит мимо героя, не оказывая на него никакого влияния, ничего не меняя в его жизни. Сменяются “свет и тень”, чередуются “день” и “ночь” лишь за пределами мира героя, за “окошком”. Как и в первом четверостишии, впечатление мимолётного взгляда, который герой бросает за окно, на мгновение отрываясь от работы, создаётся отсутствием глагола: “Звезда над речкой — значит, ночь. // А солнце — значит, день”. Предельно просто умозаключение, которое делает герой. Интересно, кстати, что, как и обстановка помещения, “вид” за окном дан всего через три предмета: “реку”, “звезду над речкой” и “солнце”. Перекрёстная рифмовка (“*прочь — тень — ночь — день*”), возможно, подчёркивает чередование тёмного и светлого времён суток (не случайно здесь рифмуются “тень — день”). Что касается ритма, то во втором, центральном, четверостишии все строки метрически полноударны, что вообще-то встречается нечасто; этот чёткий ритм соответствует мерному течению времени, упорядоченной смене дня и ночи, которая происходит в нормальном мире.

Итак, если в первых двух строфах и есть что-нибудь загадочное, то это именно демонстративная простота и ясность; немногочисленные слова, преимущественно существительные, употреблены в прямом смысле, не только *половики*, но и *окошко* и *речка* звучат “по-домашнему”. Параллелизм третьей и четвёртой строк появляется и во второй строфе, и опять “не хватает” одного слова в последней строке по сравнению с предыдущей (в первой — *мои*, во второй — *над речкой*). Читатель уже ждал здесь неполного предложения, поскольку в стихотворении ненарушимо чередование четырёхстопного ямба в нечётных строках с трёхстопным в чётных.

Простота и размеренность первых строф обещает нечто очень важное и необычное в последней. Но на первый взгляд ожидание кажется обманутым: в третьей строфе тот же метр, такой же параллелизм в третьей и четвёртой строках (а также в первой и второй), те же исключительно мужские рифмы, а рифмовка выглядит ещё более простой, чем в первой строфе — она опять единая, сквозная, притом возникает тавтологическая рифма “реки — реки”. Почти все слова третьей строфы уже встречались в первой или второй.

Однако не случайно четверостишие начинается с противительного союза “но”: важное и необычное, конечно, есть, и оно выступает ярче на уже привычном фоне. Прежде всего, появляется в первой строке значительное *я* — единственный раз в этом стихотворении, а глагол, который сопровождает прямое появление героя, говорит не о действии, а об отказе: двукратное *забуду* звучит как клятва или заклинание, интонация становится торжественной, а знакомые слова, соединяясь в необычные сочетания *день реки* и *ночь реки* (эта необычность усиливается неожиданной тавтологической рифмой), утрачивают конкретность и определённость значений.

Конечно, можно ограничиться приблизительным истолкованием *забуду о том, что за окном*. Но здесь *река*, скорее всего, синекдоха: называется часть вместо целого — *природа, внешний мир*, так что это ещё и *забуду о внешнем мире*. Слово *река* рядом со словами *день* и *ночь* заставляет вспомнить устойчивое выражение *течение времени* (а также знаменитый державинский образ из его последнего стихотворения: *Река времён в своём стремленьи // Уносит все дела людей*). Обращение к строкам, написанным почти два века назад, не кажется искусственным хотя бы потому, что в звучании сосредоточенного повтора *реки* слышится торжественный императив старинного глагола). Получается, что герой говорит о забвении времени и пространства. Однако известная метафора перевернута: *реки* — определение, а не определяемое. Значит, есть ещё иное время — другой день, кроме *дня реки*, другая ночь? О том, почему герой не живёт по законам обычного мира, со всей решительностью и неожиданностью сказано в последних строках.

Жизнью героя стихотворения распоряжаются оживающие черновики и чистовики. Теперь из перечисляемых предметов окружающего мира, какими они представляли в первой строфе, черновики и чистовики превращаются в некую властную силу, становятся символом творчества, которое подчиняет себе человека. Примечательно, что если в начале стихотворения черновики в соответствии с логикой названы перед чистовиками, то в конце порядок изменяется: именно незаконченная работа *велит вставить* герою; *черновики* — последнее слово стихотворения Рубцова, которое, таким образом, кончается не забвением, не сном, но пробуждением — и мощным побуждением к продолжению дела.

Вопросы и задания для более подробного лингвистического анализа

1. Найдите в стихотворении местоимения и подумайте, как их употребление связано со смыслом стихотворения.
2. Найдите в стихотворении глаголы, заметьте, когда, в какой форме и в какой синтаксической роли они употреблены. Подтверждают ли ваши наблюдения сделанный вывод о строении стихотворения?
3. Как изменяется структура предложений от начала к концу стихотворения? Как это можно объяснить?
4. Можно ли сказать, что в стихотворении есть пары контекстуальных антонимов? Есть ли здесь противопоставления?
5. Как изменяется в стихотворении значение повторяющихся существительных?
6. Сравните стихотворение Н. Рубцова с началом стихотворения М. Ломоносова “Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния”. Нет ли смысловой связи между этими произведениями?
7. Сравните стихотворение Н. Рубцова с “Осенью” А. Пушкина. Обратите особое внимание на заключительные строфы пушкинского стихотворения.

(По материалам статьи, написанной в соавторстве с ученицей 11 кл. Ольгой Павловой).

О стилях и художественности
(Из опыта стилистического анализа художественных
текстов)

Н. А. Шапиро

Содержание школьного предмета не может вполне соответствовать современным научным представлениям. Это верно и для русского языка. Учителям хорошо известно, что школьная лингвистика далеко не всегда отражает воззрения ученых-лингвистов, к тому же существуют расхождения и между авторами разных школьных учебников, и между представителями большой науки. Может быть, для школьника полезнее не выучить признанный правильный ответ, а знать, что возможны разные точки зрения и разные принципы классификации. Но есть такие представления, закрепленные традицией преподавания русского языка в школе, с которыми смириться трудно. Среди них — понятие «художественный стиль».

Стало распространено задание, проникшее и в ЕГЭ, — определить, к какому стилю относится данный текст (среди возможных ответов в перечень понятных функциональных стилей включается и «художественный»). Легко распознать художественное произведение, особенно если оно написано стихами или изобилует тропами, которые почему-то считаются верным признаком художественности, как будто не бывает настоящей поэзии и прозы без тропов и других заметных «изобразительно-выразительных средств». Если мы учим детей, что художественный стиль существует наравне с официально-деловым и научным, мы формируем в их сознании ложную идею. В действительности же нет специфических лексических или синтаксических особенностей, характерных для художественной литературы вообще, а есть множество индивидуальных стилей писателей, и художественный текст воздействует на нас по-особому еще и потому, что мы читаем его иначе, чем научную статью, газетную колонку или официальный документ.

Вместо того чтобы учиться отличать художественное от нехудожественного по формальным признакам (а не по качеству текста, что было бы куда интереснее и полезнее), стоит заниматься анализом разных художественных текстов. Эффективен такой путь: как можно более точно и тонко сформулировав впечатление от произведения или фрагмента, попытаться понять, какие именно языковые особенности способствовали такому впечатлению.

Если же это не удастся, будем действовать иначе: взглянемся в текст, чтобы отметить все сколько-нибудь непривычное, необычное, не соответствующее нашим представлениям о правильном и общепринятом; среди этого «неправильного» очень часто обнаруживается свойственное тому или иному функциональному стилю — публицистическому, официально-деловому, разговорному. Когда эти отклонения от нормы осознаны, нужно спросить себя (и учеников), зачем они, как они влияют на восприятие прочитанного.

Обратимся к конкретным примерам.

Прочитаем отрывок из книги Ю. Ковалея «Самая легкая лодка в мире»:

Кривые и толстенные коряги, торчащие из воды перед носом «Одуванчика», с шумом хлопнули крыльями и поднялись в воздух, превратившись в утиную стаю. ...Шуриющий взрыв раздался в камышах — вытянув зеленую шею, взмыл в небо запоздавший селезень.

— Все, — сказал капитан, — дальше нам не пройти.

Поперек макарки лежала почерневшая сучковатая береза. Как видно, ее принесли сюда рыбаки или охотники, гуляющие в болотах. Береза была как бы мостиком через макарку.

— Попробуй ее утопить, — сказал я. — Тогда проплывем над ней.

Капитан-фотограф поднялся и, упираясь веслом в дно, встал одной ногой на березу. Медленно, неохотно береза затонула под его тяжестью, да и сам капитан ушел в воду по колено.

Я подтянулся за куст — нос лодки въехал на березу. Капитан выхватил из воды ногу, закинул ее в лодку — и береза всплыла, глухо толкнулась в дно «Одуванчика» и подперла нас снизу.

Все стало на свои места. Капитан сидел на своем месте, я на своем, береза вернулась на свое. И мы сидели на березе.

Впереди, за березой, — капитан, сзади, на корме, — я. При желании мы могли покачаться как на качелях, но плыть назад или вперед никак не могли.

— Сели, что ль? — достаточно хладнокровно спросил капитан.

Напряженно глядя в дно лодки, я искал пробоин. Мне казалось, что острый сук впился в платье нашей общей теперь с капитаном невесты, вот-вот разорвет его и мы не то что утонем, а повиснем посреди макарки полумокрые, полузатонувшие.

— Сидим, — ответил я, — пробоин не видно. Надо бы снова утопить березу, тогда прошмыгнем.

— Твоя очередь утопить, — справедливо указал капитан.

Кое-как приподнявшись, я шагнул из лодки в воздух, стараясь наступить на березу. Она уклонялась от моей ноги, увертывалась. Нога летала в воздухе над водой, замах ее пропал, она уже не знала, что делать. Вернуться в лодку нога не могла, для этого надо было от чего-то оттолкнуться. Ударом весла капитан подвинул ко мне березу, и нога в отчаянии рухнула на нее.

Береза сразу затонула, и я сделался человеком набекрень. Правая нога уходила в воду, левая подымалась вверх и уплывала вперед с «Одуванчиком».

Схватив себя за колено, я выволок ногу из воды и свалился в лодку. Береза не успела всплыть, как «Одуванчик» шмыгнул вперед, проскочил, и теперь уже никакого пути назад не было. Всплывшая береза покачивалась за кормой.

Сверим впечатления. Я не знаю человека, который, раньше или позже, не расхохотался бы, читая этот отрывок, при всем сочувствии к героям, которые попали в трудное, даже кажущееся безвыходным положение. Конечно, если человеку не смешно, пытаться объяснить ему, что здесь смешного, невозможно (вспомним фильм «Укрощение строптивого», в котором герой Челентано заливается слезами, глядя на экран, где показывают комедийное падение с лестницы: «Ему же больно!»). Но если смешно (а бывает еще кроме веселья радостное изумление от того, как все удивительно рассказано), интересно разобраться, как это сделано.

Самое необыкновенное место, при всей узнаваемости ощущений героя, — третий от конца абзац, рассказ о второй попытке утопить березу. Прежде всего моим ученикам разного возраста приходила в голову такая мысль: «Здесь нога олицетворяется, можно так сказать?» Так сказать, конечно, нельзя, но, наверное, ненамного лучше сообщить, что при описании движений ноги использовано олицетворение. Дело ведь не в том, чтобы приискать явлению более или менее подходящее название, найти место в существующей классификации, это по осмысленности действий равносильно тому, чтобы сказать: «Стиль этого текста художественный», — и успокоиться, прекратить дальнейшие размышления. Комический эффект достигается в основном употреблением глаголов. Нога здесь, во-первых, ведет отдельное от человека существование (она *летала, рухнула, уплывала, не могла вернуться*), а во-вторых, при этом наделяется разумом и чувствами (*не знала, что делать, в отчаянии рухнула*; наверное, это метонимия — ведь в действительности весь герой, а не нога, являющаяся его частью, не знал, что ему делать). Заметим, что в других случаях и капитан, и герой-рассказчик обращаются с ногой, как с чем-то отдельным от них, но неодушевленным: капитан свою ногу *выхватил из воды* (а не вытащил или хотя бы выдернул), рассказчик — *выволок*. Береза же предстает вполне одушевленной (она затонула *неохотно, уклонялась от ноги, увертывалась*), как и «Одуванчик», который в конце *шмыгнул вперед* (сравним с репликой героя: «Тогда прошмыгнем»).

Однако веселая игра *живое-неживое* началась — и это без труда замечают дети — раньше, с первого предложения, когда *кривые и толстенькие коряги с шумом хлопнули крыльями и поднялись в воздух*. Похож ли этот полет толстеньких коряг на позже описанный полет ноги? И да, и нет: на этот раз в переносном значении употреблены не глаголы, а существительное. Как передать смысл первого предложения скучно, но точно? *Сначала нам казалось, что перед носом лодки коряги, а потом оказалось, что это утки; это стало ясно, когда они хлопнули крыльями и поднялись в воздух. Коряги вместо утки, похожие на коряги*, — скрытое сравнение, то есть метафора. Но метафора необычная, потому что скрытым сравнением остается недолго, почти сразу раскрывается, объясняется: *превратившись в утиную стаю*.

А если еще точнее, мы, безусловно, догадываемся, что в конечном счете перед нами всего лишь сравнение, скрытое или явное, но написано об этих утках-корягах так, что остается маленькая вероятность обыкновенного сказочного превращения. По всей видимости, автор вообще избегает всяких *кажется и как будто*; вспомним, к примеру, фрагмент из другой его книжки:

Матрос (это кличка пса. — Н. Ш.), которому в жизни тоже не везло, залез на лавку и улегся, свернувшись. Он превратился в рыжую пушистую подушку. Вася положил голову на эту подушку и скоро заснул, слушая, как бурчит у подушки в животе.

Можно заметить и другие особенности. Чем, например, интересен фрагмент: *Все стало на свои места. Капитан сидел на своем месте, я на своем, береза вернулась на свое. И мы сидели на березе?* Опять перед нами игра, на этот раз с фразеологизмом *все стало на свои места* (его значение — *все разъяснилось* или *все приведено в порядок*), который комментируется таким образом, что становится непонятно, фразеологизм ли это.

Любопытно также осмыслить эффект от фраз *справедливо указал капитан, сделался человеком набекрень*. Правда, важно вовремя остановиться.

Если книги Юрия Ковалея можно читать и обсуждать и с пятиклассниками, и с выпускниками, то фрагменты из романов А. Фадеева и В. Гроссмана даже старшеклассники воспринимают и анализируют с трудом. Однако попробовать стоит.

К какому стилю принадлежат данные отрывки?

...природные донецкие шахтеры, оба они участвовали в гражданской войне во времена еще той немецкой оккупации и денкинищины. Филипп Петрович Лютиков, оставленный секретарем подпольного райкома, был немного постарше своего товарища, — было ему уже за пятьдесят. Старый мастеровой, герой труда еще тех первых лет восстановления хозяйства, он выдвинулся как производственник: был директором сначала совсем маленьких, а потом все более крупных предприятий. В Краснодаре он работал уже лет пятнадцать, в последние годы — начальником механического цеха Центральных мастерских треста «Краснодонуголь».

Его товарищ по подполью Матвей Шульга, по отчеству Костиевич, < ... > — принадлежал к самому первому призыву промышленных рабочих, брошенных на помощь деревне. Родом из Краснодона, он так всю жизнь и проработал потом в разных районах Донбасса на должностях, связанных с деревней. С начала войны он работал заместителем председателя исполкома одного из северных сельских районов Ворошиловградской области.

Дементий Трифонович Гетманов был родом из Ливен Воронежской области, но у него имелись долгие связи с украинскими товарищами, так как он много лет вел партийную работу на Украине. Его связи с Киевом были упрочены женитьбой на Галине Терентьевне, — ее многочисленные родственники занимали видные места в партийном и советском аппарате на Украине.

Жизнь Дементия Трифоновича была довольно бедна внешними событиями. Он не участвовал в гражданской войне. Его не преследовали жандармы, и царский суд его никогда не высылал в Сибирь.<...> Он был когда-то толковым, дисциплинированным паренком, хотел учиться в механическом институте, но его мобилизовали на работу в органы безопасности, и вскоре он стал личным охранником секретаря крайкома. Потом его отметили и послали на партийную учебу, а затем он был взят на работу в партийный аппарат — сперва в организационно-инструкторский отдел крайкома, потом в управление кадров Центрального Комитета. Через год он стал инструктором отдела руководящих кадров. А вскоре после тридцатъ седьмого года он сделался секретарем обкома партии, как говорили, — хозяином области.

Если ученики не читали романов, из которых взяты отрывки, они могут не догадаться, что имеют дело с художественной литературой, и скорее всего «художественным» стиль не назовут. Незнакомые с языком недавно ушедшей эпохи и жанрами биографии, служебной, партийной или комсомольской характеристики, они иногда говорят, что тексты напоминают им досье или резюме, то есть все-таки чувствуют сходство с документами официально-делового стиля. Ощущение можно подкрепить конкретными наблюдениями. Во всех отрывках сообщаются факты: точные географические названия, в частности сведения о том, откуда герои родом, должности, официальные названия учреждений и предприятий — места службы героев. Употребляются сходные конструкции: *участвовал в гражданской войне, через год (в последние годы, вскоре после тридцатъ седьмого года, с начала войны) стал (сделался, работал) начальником (секретарем обкома партии, инструктором, заместителем председателя исполкома)*. Заметны специфические устойчивые выражения: *выдвинулся как производственник, вел партийную работу* и т. п.

Строго говоря, неточность указаний на время, некоторая разговорность интонаций (*он был когда-то толковым, дисциплинированным паренком, был немножко постарше своего товарища, так всю жизнь и проработал потом, герой труда еще тех первых лет восстановления хозяйства, во времена еще той немецкой оккупации*) заставляют вспомнить не столько документ, сколько хвалебный очерк, и стиль всех отрывков получается, если можно так выразиться, официально-публицистический.

Самые зоркие могут увидеть общее и в том, что, когда речь идет о перемене деятельности героя, употребляются страдательные причастия: *оставленный секретарем, брошенный на помощь деревне, взят на работу*. Ясно, что путь героя определяет какая-то высшая сила, неназываемая, но всем известная. В третьем отрывке «страдательность» передана и другим способом — неопределенно-личными конструкциями *его мобилизовали на работу в органы безопасности, его отметили и послали на партийную учебу*. Спросим учеников, считают ли они, что это отличие третьего отрывка от двух предыдущих существенно, не видят ли они других отличий. В частности, одинакова ли интонация рассказа о трех героях, авторского отношения к ним.

Возникает вопрос, зачем так подробно рассматривать не слишком интересные и не очень-то понятные школьникам тексты. Отвечу так: «Молодая гвардия» Фадеева и «Жизнь и судьба» Гроссмана — произведения, значимые для истории советской литературы, рассказывающие примерно об одном периоде нашей истории и имеющие очень разную судьбу: «Молодая гвардия» упрочила славу автора, была экранизирована, вошла в школьные хрестоматии; роман «Жизнь и судьба» был запрещен к печати, его текст был арестован, и автор умер, так и не узнав, дойдет ли когда-нибудь его книга до читателя. А между тем на поверхностный взгляд романы кажутся довольно близкими стилистически. Вот и хотелось бы, чтобы взгляд их потенциальных читателей не был поверхностным.

Конечно, хорошо бы сохранить интригу и предложить исследователям самостоятельно найти отрывок, взятый не из того произведения, из которого взяты два остальных. Активизировать умственную деятельность поможет такой вопрос: «О каком из героев автор пишет: *Доклады на конференциях и съездах он обычно читал по рукописи. Читал он хорошо, — без запинок, с выражением, хотя писал доклады не сам. Правда, читать их было легко, их печатали крупным шрифтом, через два интервала, и имя Сталина выделено на них было особым красным шрифтом.* Почему вы так думаете?» Вероятно, кто-нибудь заметит уже названную раньше особенность третьего текста — он-то и принадлежит перу Гроссмана — и скажет, что в этом тексте мысль о высшей силе, руководящей действиями героя, проводится настойчивее, с некоторым нажимом. Если обратиться еще раз к послужному списку Гетманова, можно заметить, во-первых, что в нем подчеркнуты именно карьерные, а не личностные успехи; выразительно упоминание о роли жень-тьбы героя в его карьерном росте; о том, что руководящие посты он станет занимать, послужив сначала личным охранником секретаря райкома (в других фрагментах подчеркнута рабочее, шахтерское прошлое героев). Настораживает внимательного читателя и упоминание о тридцать седьмом годе, за которым последовало возвышение Гетманова, и сообщение о том, что в его жизни не было ничего героического; вероятно, и герои Фадеева не подвергались до революции жандармским преследованиям, иначе автор обязательно сказал бы об этом; важно, что Гроссман сказал о неучастии.

Какова же художественная функция использования публицистического и официально-делового стиля в двух произведениях? В романе Фадеева, где действуют только герои — коммунисты и комсомольцы, которым противостоят предатели и фашисты, где нет ни малейшего идеологического зазора между официальной идеологией и идеей произведения, язык партийной характеристики и газеты призван сразу и безусловно вызвать у читателя доверие и симпатию к персонажам, которые впоследствии проявят силу духа, мужество и героической гибелью подтвердят нравственную высоту верных сыновей партии.

В романе Гроссмана, рассказывающем о трагедии и подвиге советских людей, борющихся с фашизмом, партия предстает страшной силой, репрес-

сивной и беспощадной к людям, способным на самостоятельные поступки. Для этого автора язык партийной характеристики, такой органичный для героя, — язык чужой; вряд ли можно назвать приведенный выше отрывок пародией, но даже беглый анализ показывает, что точно расставленные акценты готовят нас к тому, что произойдет дальше, — к тому подлому доносу, который Гетманов, будучи комиссаром танкового корпуса, напишет на командира.

Еще одно небезынтересное стилистическое упражнение — определить, какой из приведенных ниже словесных портретов принадлежит персонажу романа Гроссмана, а какие — героям Фадеева.

*...Все в *** по отдельности было большим, — седеющая вихрастая голова-башка, широкий, обширный лоб, богатый мясом нос, ладони, пальцы, плечи, толстая мощная шея. Но сам он, соединение больших и массивных частей, был небольшого роста. И странно, что в его большом лице особенно привлекали и запоминались маленькие глаза: они были узкими, едва видимые из-под набухших век. Цвет их был неясный — не определишь, чего в них больше: серого или голубого. Но заключалось в них много пронзительного, живого, мощная пронизательность.*

*В густых волосах *** прорезалась неравномерная проседь, больше на висках и в чубе. Седина пробрызнула и в его коротко подстриженных колючих усах. Чувствовалось, что он был когда-то физически сильным человеком, но с годами и в теле и в лице его появилась нездоровая полнота, лицо оплыло книзу, и от этого подбородок, тяжеловатый от природы, казался теперь еще тяжелее. *** привык следить за собой и даже в нынешних обстоятельствах одет был в опрятный черный костюм, плотно облегающий его большое тело, и в чистую белую рубашку с отложным воротничком и туго повязанным галстуком.*

**** был мужчина лет сорока пяти, с сильными круглыми плечами и крепким, резких очертаний, загорелым лицом, с редкими темными крапинами в порах лица — этими следами профессии; они остаются навек у людей, долго работавших шахтерами или литейщиками. *** сидел сейчас в кепке, сдвинутой на затылок, голова его была коротко острижена под машинку, из-под кепки выступало его могучее темя той крепкой кости, что редко выпадает человеку; у него и очи были воловьи.*

Первые выводы можно сделать и без стилистического анализа. В третьем отрывке описывается внешность Матвея Шульги, поскольку сказано о его шахтерском прошлом и при этом назван возраст — не такой, как у другого бывшего шахтера, Филиппа Петровича Лютикова.

Но дальше все не так очевидно. Все три героя — немолодые, крепкие люди, во внешности которых подчеркнута полнота, грузность, большие размеры. В каждом портрете есть детали, которые можно воспринять как снижающие: *богатый мясом нос* одного, *нездоровая полнота* другого, *волосьи очи* третьего. Какой же из отрывков написан Гроссманом и рассказывает тоном как будто нейтральным о герое, к которому автор относится безуслов-

но отрицательно? Первый. Сам по себе маленький рост при *массивности* отдельных частей, конечно, не позволяет судить о том, хорош человек или плох. Но отрывок отличается интонацией отчужденного, неприязненного рассматривания, внешность героя тревожит какими-то несоответствиями, это ощущение усугубляют слова *странно, не определишь*. И даже сообщение о живом и пронзительном взгляде и его мощной проницательности не располагает нас к герою, особенно если вспомнить о его службе в органах.

Конечно, было бы слишком смело рассуждать о роли тех или иных стилистических особенностей непрочитанных романов. Хотелось бы надеяться, что они будут прочитаны старшеклассниками после разговора о стилях, если этого не случилось раньше.

В завершение предложим для самостоятельного стилистического анализа еще один фрагмент из романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»:

Доверие партии! Гетманов знал великое значение этих слов. Партия доверяла ему! Весь его жизненный труд, где не было ни великих книг, ни знаменитых открытий, ни выигранных сражений, был трудом огромным, упорным, целеустремленным, особым, всегда напряженным, бессонным. Главный и высший смысл этого труда состоял в том, что возникал он по требованию партии и во имя интересов партии. Главная и высшая награда за этот труд состояла лишь в одном — в доверии партии. <...> Незаметен труд людей, обладающих доверием партии. Но огромен этот труд, — нужно и ум и душу тратить щедро, без остатка. Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, решающее слово Гетманова жадно слушали сотни людей, обладавших даром исследования, пения, писания книг, хотя Гетманов не только не умел петь, играть на рояле, создавать театральные постановки, но и не умел со вкусом и глубиной понимать произведения науки, поэзии, музыки, живописи... Сила его решающего слова заключалась в том, что партия доверила ему свои интересы в области культуры и искусства.

Ирония и антонимия

И. А. Шаронов

Термин *ирония* имеет давнюю и разветвленную традицию в культуре. Он происходит из греческого языка и буквально переводится как *притворство*, или *притворное незнание*. Сократ, как известно, притворялся, что он ничего не знает, и задавал при этом такие вопросы, которые заставляли мудрецов менять свое мнение. Приведем примеры «сократовской» стратегии, активно используемой в бытовых диалогах:

— Вы умрете другой смертью.

— Может быть, вы знаете, какой именно? — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

— А вдруг они не золотые? <...>

— А какие ж они, по-вашему? — иронически спросил нарушитель конвенции. — Да, — сказал Балаганов, моргая рыжими ресницами, — теперь мне ясно.

(И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок)

Философская ирония рассматривается как способ восприятия окружающей действительности, связанный со скепсисом, сомнением, что является хорошим лекарством от фанатизма и безапелляционности. Латинскую поговорку *Cum grano salis* можно перевести как: относиться ко всему с долей иронии. В романе Василия Аксенова новое поколение неукоснительно соблюдает традиционные ритуалы светского этикета, однако в душе их в грош не ставит и даже не скрывает своего отношения, что можно увидеть из описания одного из персонажей романа:

Петр же Сабашников, закончив свою традиционную преамбулу, иронически поклонился залу <...>, давая понять, что уж кто-кто, но он,

П. Сабашников, меньше всего придает значение всему этому вздору. (В. Аксенов. Остров Крым)

Бытовое осмысление иронии как формы поведения связывается с насмешкой, чему способствуют речевые употребления слова *ирония* и его дериватов. Нора Галь писала в 70-е годы: «Слова яркие, нестандартные — те же самые *ехидно*, *язвительно*, *едко* — становятся редкостью, даже *насмешку* встретишь не часто: их вытесняет одна и та же *ирония*». Другими словами,

если говорящий произносит фразу с особого рода улыбкой, такую фразу естественно определить как *ироническую*. Ср.:

«И вы убоялись возрастающих трудностей?» — *насмешливо* спросил Остап. Но Балаганов не заметил *иронии*. (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок)

— Тише вы, господа! Зачем он приехал, как вы думаете? — На черном лице Виктора Михайловича определилась *ироническая улыбка*. — «Ну, а вы как думаете?» Он *усмехнулся с еще большей иронией*. — «Уж во всяком случае не договоры с большевиками подписывать». (И. Ильф и Е. Петров. 12 стульев).

В чем отличие насмешки от других способов юмора? Объектом насмешки, смеха является обычно не любой предмет, а именно человек, его представления, деятельность и результаты его деятельности. «Легко заметить, — пишет В. Я. Пропп, что, вообще говоря, никогда не может быть смешной окружающая нас природа. Не бывает смешных лесов, полей, гор, морей или цветов, трав, злаков и т. д.» [Пропп 1997: 35]. Даже если иронии подвергается лексика, характеризующая объекты, она рассматривается сквозь призму связанного с ними человека (ср.: *куцая конституция, хваленый запад*). Насмешка в своей основе агрессивна: З. Фрейд расценивал осмеяние, насмешки как символическое уничтожение врага. Ученые, посвятившие проблеме смеха специальные исследования [Бергсон 1992, Пропп 1997], пишут о том, что насмешками реагируют чаще всего на недостатки в окружающих нас людях: это своеобразное «бичевание нравов». Примеров таких насмешек в художественной литературе масса. Для иллюстрации достаточно будет одного примера:

Я неторопливо, с великой осторожностью брал из коробки гриб и каждый раз, прежде чем начать счищать с него соринки, поднимал его к свету. — «Что — не видал такого золота? — спросила меня Евгения. Спросила *с подковыркой*, явно намекая на мои довольно скромные приношения из леса. (Ф. Абрамов. Деревянные кони)

Недостатки эти не всегда серьезные, поэтому и насмешка может быть и незлой, шутливой. Мы посмеиваемся над своими родными, друзьями, которых искренне любим, а у писателя всегда есть возможность поиронизировать над своими персонажами.

— Хочешь я для тебя у папы папиросок украду?

Марья дипломатично промолчала, чтобы не быть замешанной в назревающей *уголовщине*. (А. Аверченко. Блины Доди)

Лингвистическое понимание иронии основывается на ее тропеической природе, т. е. на переносном употреблении слова, подобном метафоре или гиперболе. Например, если о человеке говорят, что он *медведь и поросенок*, то это утверждения не прямые, а метафорические, означающие, что этот человек неуклюж и неаккуратен. А если человек говорит, что *перелопатил гору дел*, то на метафору накладывается еще гипербола, то есть преувеличение.

Ирония — это тоже троп, употребление слова или выражения в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки. Другими словами, лингвистическое определение иронии совмещает в себе два признака: в нем утверждается: 1) речевой прием '*переворачивание смысла*', в результате чего возникает 2) эффект *насмешки* над кем-либо.

Прием переворачивания смысла имеет в риторике еще одно наименование — антифразис. Не в любом антифразисе обязательно обнаруживается насмешка над кем-либо. Иногда при переворачивании смысла можно вдруг обнаружить похвалу в форме мнимого порицания, а иногда — совсем не насмешливый, а злой упрек. Дадим примеры для обоих случаев:

Похвала в форме мнимого порицания.

Черт так не сыграет, как он, *проклятый*, играл на контрабасе, бывало, выводил, *шельма*, такие экивоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке, не выведет. Мастер был, разбойник. (А. Чехов. Скрипка Ротшильда)

Злой упрек.

Прекрасно! И ты, вместо того чтобы изменить такое положение, отвлечь парня от девочек и магов и привлечь к учебникам, сама занимаешься черт знает чем. (Ю. Трифонов. Предварительные итоги)

Остановимся несколько подробнее на самом механизме переворачивания смысла. Слово в контексте должно нести смысл, обратный его прямому значению. Как называются в языке слова, выражающие противоположные смыслы? Разумеется, это антонимы, а явление называется антонимией. Антонимия бывает сильной и слабой (см. об этом, напр., в [Новиков 1982: 243-255]).

Сильная антонимия противопоставляет два понятия, находящиеся на разных полюсах одной системы, понятия, которые являются предельным проявлением качества, свойства и потому обладают, так сказать, положительным содержанием. Отношения между ними можно представить как X и анти-X. Между такими понятиями есть «буферная», промежуточная зона, как экватор между полюсами. Ср.: *Ребенок* и *старик*, *хороший* и *плохой*, *жесткий* и *мягкий*. В логике такие понятия называют *противоположными*, или *контрарными*.

Слабая антонимия противопоставляет два понятия, которые не являются предельным проявлением качества, а просто отрицают один другой. Отношения между ними можно представить как X и не-X. Ср.: *Молодой* и *немолодой*, *плохой* и *неплохой*, *жесткий* и *нежесткий*. В логике такие понятия называют *противоречащие*, или *контрадикторные*.

Ирония эксплуатирует и сильную, и слабую антонимию.

Сильная антонимия наиболее часто проявляет себя в диалогических ирониях — коротких, часто однословных или идиоматичных репликах согласия, одобрения собеседника, за которыми скрывается отказ, возражение, совмещенные с насмешкой и осуждением собеседника. На самом деле говорящий имеет противоположное мнение о предмете речи, а ироническая стра-

тегия используется им пусть и для мимолетного, но все же обмана, введения собеседника в заблуждение с целью дать ему возможность как бы вознестись в торжестве своей уверенности и с высоты «упасть на землю»... Иронический компонент при возражении или отказе можно толковать следующим образом: 'Я согласился, одобрил тебя притворно, думаю о сказанном противоположное. Ты наивен, имея такое мнение о чем-либо и надеясь, что я думаю так же'.

«Ах, беденький! — с притворным сочувствием воскликнул Клопс. — Захотел кушать! Ну, я тебе покажу, ты у меня попляшешь! А она твоя, малина? Отвечай!». (Н. Носов. Незнайка на Луне).

«Ах, беденький» в данном контексте должно прочитываться приблизительно как 'Ах ты негодяй', но осознается слушателем не сразу, чтобы он успел подумать, что его сейчас будут жалеть.

«Как твоя фамилия?» — спросил он наконец у Темы. — «Карташев». — «Как? Рубль нашел?» — переспросил Вахнов. — «**Очень остроумно!**» — *едко* проговорил белобрысый гимназист и, пренебрежительно отвернувшись, пошел на свое место. (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы)

В данном контексте «Очень остроумно» может значить только одно: 'то, что ты сказал — очень глупо'.

Иронические стратегии, эксплуатирующие сильную антонимию, часто встречаются при отказе в ответ на просьбу, не соответствующую статусу просящего. В таких ситуациях отказывающий мнимо хвалит собеседника за качества, которые не предполагается демонстрировать при просьбе и которые ассоциативно могут быть связаны с нескромностью просящего: *Ну ты молодец!*; *Умный какой!*.

Насмешка может обратиться «разыгрыванием» собеседника. Так, отказывающий в просьбе выражает отказ через сообщение о готовности немедленно и рьяно начать совершать требуемое действие: *Всю жизнь мечтал!*; *сплю и вижу!*; *слуга покорный*; *спешу/бегу и падаю*. Приведем примеры из художественной литературы:

«Тише, друзья! — крикнул Кирилл. — Сейчас нам Мишка будет рассказывать о Севере. Расскажи нам, Миша, про медвежье мясо, про торосы, про самородки, про бандитов и про чистый спирт». <...>
«**Спешу и падаю**», — подумал Михаил. (В. Аксенов. Сюрпризы)

В таких ситуациях лесть, нарочито услужливое понимание, готовность «верно служить», выполняя поручения и прося новые, «кроткое» понимание — все это формы слабоприкрытого актерства, служащие знаком для собеседника, что просьба неуместна и выполнена не будет.

И все же большинство иронизмов, то есть слов, которые попали в словарь с пометой *ирон*, относятся к слабой антонимии, которая выражает не смысловое переверачивание, а только отрицание сказанного или какого-то компонента смысла сказанного. В таких случаях иронию в высказывании следует трактовать следующим образом:

Я ГОВОРИЮ **НЕ ТО**, ЧТО ДУМАЮ.

Я ОТНОШУСЬ К СИТУАЦИИ **НЕ ТАК**, КАК ОПИСЫВАЮ ЕЕ.

Использования слабой антонимии, отрицания признака, недостаточно, чтобы приводить к насмешке. Отрицая то, что передается иронизмом, говорящий одновременно передает какие-то дополнительные смыслы. Например, осуждает наивный оптимизм или самоуверенность собеседника, неучет в речи возможности другого мнения о чем-либо. Проанализируем несколько примеров из художественных произведений.

Мама с маленьким ребенком, побывав в гостях у родственников мужа в провинции, собралась назад в Москву. Родственники купили им билеты на местный самолет, «кукурузник», лететь на котором мама боится. Ее успокаивают:

— Конечно, не «ТУ-104»! Ничего не поделаешь. А все-таки летает! Аэрофлот.

— Да? — спросила мама. — Он летает? *Это мило!* Он все-таки летает? Ох, напрасно мы не поехали поездом! (В. Драгунский. Запах неба и махорочки)

За внешним одобрением аргументов родственника (*Это мило*) скрывается ирония: аргументы не кажутся маме несерьезными, такими, которые могут ее убедить и успокоить.

Еще пример: Собеседник, которого отчитывают, переводит обвинения в разряд обсуждения истинности, правильности чего-либо, пытаясь уйти от необходимости признания вины. Такой ход вызывает возмущение, которое скрывают за ироническим «псевдоудивлением»:

— Я не возражаю.

— Он не возражает! *Скажите на милость!* — возмутился Певцов. (Л. Юзефович. Костюм Арлекина)

Жало насмешки при слабой антонимии часто направлено на «грех высокомерия». В льстивом, псевдоуслужливом подыгрывании мнению собеседника прячется едкое осуждение. Иронизирующий как бы воспроизводит ход мыслей собеседника и притворным гипертрофированным поведением выставляет ту или иную его слабость в ярком свете. Вот яркое описание такой иронической стратегии:

Уже несколько недель за спиной у него время от времени раздавались брошенные в насмешку слова «electus» или «элитный мальчик». Он слышал их, но только наполовину, и никогда не воспринимал их иначе, чем издевку. Не «electus», чувствовал он, хотели ему крикнуть, а «ты, что в своей гордыне считаешь себя electus'ом!» (Г. Гессе. Игра в бисер. Пер. С. Апта)

В иронических высказываниях о конкретном человеке, который, по мнению говорящего, деформирует те или иные этикетные или социальные формы поведения, обычно используется устаревшая лексика: *вознамериться*, *восседать*, *изречь*, *лицезреть*, *соблаговолить*, *разгневаться* и др. Большая часть этих глаголов имеет стилистически нейтральные синонимы, на фоне

которых и реализуется ироническое значение. Так, использование *снизойти к нашей просьбе* вместо *обещать выполнить* приводит в ироническом высказывании к приписыванию человеку высокомерия:

Х снизошел к нашей просьбе ≈ ‘Х обещал выполнить что-либо, но неохотно, выражая снисходительность, что предосудительно, не поощряется в бытовом этикете и потому подвергается наказанию насмешкой’.

Сказать *ораторствовать* вместо *рассказывать кому-либо что-либо* — приписать ему тщеславие и излишнюю эмоциональность.

Высказывания, использующие глаголы *восседать, гневаться, соблаговолить* и им подобные для описания действий современных людей представляют субъекта действий как мнящего себя властным, находящимся на очень высокой социальной позиции, а, поскольку это неправда, такие высказывания вызывают более или менее ехидные улыбки.

Итак, ирония — это притворство, скрытый инструмент осуждения кого-либо. Иронизирующий думает противоположное тому, что считает или на что надеется объект насмешки. В ироническом высказывании происходит либо переворачивание смысла, либо его отрицание, а на этот прием накладывается дополнительный смысловой компонент более или менее жесткого осуждения чего-либо, в зависимости от конкретного контекста. Об иронии можно почитать в различных словарях, а также в книжках и статьях (см., напр., [Ермакова 2005, Пивоев 2000, Шаронов 2004, Шатуновский 2007 и др.]).

Литература

- [Бергсон 1992] А. Бергсон. Смех. М., 1992.
- [Ермакова 2005] О. П. Ермакова. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.
- [Новиков 1982] Л. А. Новиков. Семантика русского языка. М., 1982.
- [Пивоев 2000] В. М. Пивоев. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск, 2000.
- [Пропп 1997] В. Я. Пропп. Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997.
- [Шаронов 2004] И. А. Шаронов. Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка. // Агрессия в языке и речи. М., 2004. С. 38–53.
- [Шатуновский 2007] И. Б. Шатуновский. Ирония и ее виды // Языковые механизмы комизма. М., 2007.

Что можно узнать из сказки?

Е. Ю. Щербакова

Вы, наверное, замечали, что сюжет многих сказок, да и не только сказок, часто начинается с того, что у героя появляется какое-то желание или возникает потребность что-то сделать, и тогда он, поставив перед собой цель свое желание осуществить, начинает действовать, искать пути (средства) к достижению цели. Вот, например, дед захотел отведать колобка, попросил бабку — старуха давай по сусекам мести да тесто месить. Подружилась лиса с журавлем, вздумала его угостить — наварила каши, пошла в гости звать.

Часто толчком к развитию сюжета является необходимость решения некоторой проблемы, перед лицом которой оказывается герой сказки. Показалось журавлю скучно жить одному — задумал он жениться, задумал жениться — надо сначала посвататься, чтобы посвататься — изволь на другой конец болота идти. Повадился кто-то поле портить — отец посылает сыновей, одного за другим, нести караул.

Как правило, на пути преодоления одного препятствия может возникнуть другое, также требующее приложения усилий — так сюжет усложняется и развивается. Источником сложностей может оказаться и сам действующий герой, который, обладая свободой выбора, совершает поступки в соответствии со своим характером и своими представлениями о благе. Так, главным героем “Конька-горбунка” становится младший из братьев, Иван: он — единственный, кто честно несет вахту и добивается цели, а именно ловит и укрощает сказочную кобылицу, т. е. устраняет причину дальнейшего бесчинства на семейном поле, тут бы и сказке конец, да Иван, не в силах справиться с искушением, подбирает перо жар-птицы, чем обрекает себя на большие беды, а сказку — на продолжение.

Завершается повествование, как правило, только с разрешением основного конфликта **данной сюжетной линии**. Естественно, чем масштабнее произведение, тем больше в нем сюжетных линий, которые, переплетаясь подобно нитям, образуют его ткань. Мы же, ставя перед собой чисто исследовательскую задачу, обратимся к материалу с минимумом сюжетных линий.

В статье не ставится задача изучить народную сказку во всей полноте ее мифологического, фольклорного и культурологического содержания — хотелось бы показать, **что** можно обнаружить в тексте, если сделать попытку

проанализировать его, опираясь на такие неотъемлемые категории бытия, как **потребность (желание), средство и цель**, которые лежат в основе **целесообразной** человеческой деятельности, т.е. деятельности, направленной на достижение цели. Для первого опыта такого анализа взяты несколько коротких русских сказок как наиболее удобный “прозрачный” материал.

Действуя в рамках референциального (терпение, сейчас будет понятно) подхода к семантике (науке о значении), мы исходим из того, что в любом тексте как фрагменте языкового мира, через референцию (соотнесение) языковых знаков и элементов действительности, должен отразиться фрагмент мира реального, хотя бы условно реального, если иметь в виду авторские тексты. И при этом, в тексте сказки, “кладезе народной мудрости”, — и это еще одно исходное положение — содержатся **существенные** знания об устройстве этого мира.

В чем состоит когнитивная (познавательная) ценность сказки? Какие знания наши предки считали достойными хранения и передачи потомкам, что “складывали” они в копилку народной мудрости — фольклор? В какой форме эти знания хранятся в тексте? Попробуем в этом разобраться.

Рассмотрим текст сказки “Репка” с точки зрения того, как в нем выражаются уже упоминавшиеся **потребность, средство** и достигнутая **цель**, или удовлетворенная потребность. Еще философы древности считали, что эти категории являются основополагающими для человеческого бытия и определяют жизнь любого человека на разных ее этапах. Что, вследствие антропоцентричности (загляните в словарь, ладно?) сказки как жанра, распространяется и на всякого действующего сказочного героя.

Между названными категориями существуют следующие связи каузального (причинно-следственного) характера: потребность **N (need)** однозначно определяет постановку цели **A (aim)**, **A** предполагает выбор из множества возможных средств **M (means)**, которые ведут к достижению цели **A+** и завершению ситуационного цикла.

Поясним все эти абстрактные выкладки на примере: если у меня замерзли ноги, я ощущаю потребность в тепле, и моя цель — ноги согреть, чего я могу добиться по-разному: могу попрыгать, могу валенки надеть, могу вообще домой пойти, могу и то, и другое, и третье последовательно попробовать.

Ситуационный цикл выражается импликациями вида:

$N \longrightarrow A$

$A \longrightarrow M, M \longrightarrow A+$

Последовательная композиция этих импликаций дает

$N \longrightarrow A+$

Данная последовательность импликаций отражает естественный порядок целесообразной человеческой деятельности. В тексте же фрагменты, отображающие ее этапы, могут располагаться и иначе — тому есть свои причины, о них разговор особый.

Конечно, приведенная схема упрощена, сведена к основным этапам — ведь на самом деле ситуации осознания потребности **N** предшествует

чувственное восприятие (мы видим, слышим и т. д.) и осмысление воспринимаемого, т. е. некоторые звенья цепочки в тексте оказываются опущенными, что, впрочем, характерно для речи вообще.

Воспользовавшись тем, что в естественных текстах причина, чувственно или ментально воспринимаемая героем как ситуация *проблемная*, обычно сразу вербализуется (называется словами) как потребность **N** или как поставленная цель **A** (*Испеки-ка мне, бабка, колобок*), мы здесь будем использовать только один символ — **A**.

Помимо фрагментов, отображающих выделенные бытийные категории, в тексте всегда присутствуют фрагменты, описывающие предшествующее, еще “не потревоженное” состояние данного фрагмента мира ($N=\emptyset$, $A=\emptyset$). Они как правило предваряют завязку или следующий поворот сюжета. Это традиционные зачины (*Жили-были...*, *В некотором царстве-некотором государстве...*), предложения дескриптивного (описательного) или нарративного (повествовательного) характера (*Посадил дед репку...*). Пусть рабочим обозначением подобных фрагментов будет **So**.

Сказкам, стержнем которых является структура целесообразной деятельности, противопоставлены так называемые “докучные” сказки вроде известной всем “Сказки про белого бычка”. В их структуре не выражены ни **N**, ни **A** — тем самым отсутствует повод для действия, а стало быть и источник сюжета. Таким образом, эта ситуация формально может быть представлена импликацией вида $\neg\exists N \rightarrow \neg\exists A$.

Типы докучных сказок соответствуют типам проблемно-нейтральных фрагментов, упомянутых выше. Приведем несколько примеров:

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало, не сказать ли с начала?

Жил-был царь Тофута — и сказка вся тут!

Обратимся к тексту “Репки”. Для начала разобьем его на фрагменты, которые соответствуют ситуациям *обнаружения проблемы или постановки цели*, **принят n**, **Mn** и **An+** соответственно, где **A** — поставленная цель, **M** — принятие мер, **A+** — достигнутая цель, а **n** — номер, идентифицирующий “проблемную” ситуацию.

Построим для данной сказки “словарь” в виде таблицы из трех колонок и поместим в левую колонку (**ТЕКСТ**) разбитый на фрагменты текст сказки, в средней колонке таблицы (**КАТ-**) каждому фрагменту сопоставим выражаемую в нем категорию. Правая колонка (**МИР**) восстанавливает события “мира” через называние его объектов и их действий, выстроенных в соответствии с логикой категорий. Правая колонка также содержит некоторые попутные комментарии, касающиеся, в частности, “словарных” соответствий между словом в тексте и его референтом в “мире”.

Помимо уже введенных, в таблице использованы сокращенные обозначения:

Д — дед, Б — бабка, В — внучка, Ж — Жучка, К — кошка, М — мышка, Р — репка, З — земля. Чтобы избежать омонимии, все символы глубинных категорий (S, N, A, M, A+) будем выделять жирным шрифтом. Через **S1** обозначена макроситуация (цель — вытащить репку), а включенные в нее ситуации обозначены **Sn+1**, где **n = 1, 2, ...5**.

СЛОВАРЬ “МИР \longleftrightarrow ТЕКСТ”
к сказке “Репка”

ТЕКСТ	КАТ-	МИР
<i>Посадил дед репку —</i>	S0	Субъект Д инициировал рост корнеплода Р, предназначенного в пищу Д, и когда
<i>Выросла репка большая-пребольшая.</i>	S1: A1	Р достиг размера, говорящего о его пригодности в пищу, возникла естественная для мира людей потребность в извлечении Р из грядки (ср. другой вариант сказки, где мышка репку сгрызла и тем облегчила работу [1]). С этой целью (A1) Д воспользовался обычным для человека средством M1 , которое складывается из установления контакта M1.1 и приложения силы способом M1.2 , при этом налицо явная асимметрия, так как глагол выражает только второе из проделанных действий, а совершение первого действия — предполагается , хотя отдельный знак для M1.1 в этом контексте мыслим, ср. * Ухватился дед за репку и стал ее из земли тащить . Это значит, что у тащить среди референтов нет значения M1.1 , что подтверждается данными толковых словарей, напр. в МАС: тащить 4 — ‘вынимать что-либо глубоко засевшее, укрепленное’. Отнесение двух разных лексем тащить и тянуть в данном контексте к одному и тому же референту-действию говорит об их контекстной синонимии. Тянет-потянет — практически “калька” со знакомого действия, которая посредством повторов и чередования в ней ударных и неударных слогов (/ - / -) отображает способ его совершения, а именно — неоднократное чередование усилия и передышки. Д все-таки сделал попытку справиться в одиночку, хотя он мог по опыту знать, что бывают на редкость большие репки и в таких случаях без помощи не обойтись. Этим поступком он обнаружил свой деятельный характер.
<i>Стал дед репку из земли тащить: Тянет-потянет —</i>	M1	

<p>вытянуть не может.</p>	<p>S2: A2 (A1)</p>	<p>Итак, ввиду того, что размер Р превысил норму, цель Д — A1 — не может быть достигнута силами одного Д, следовательно мы имеем дело с ситуацией n+1 (A2), для которой испытанное средство M1 является недостаточным, для Д она (A2) состоит в извлечении более крупного Р, выборе и применении средства M2, сообразно с принципом эффективности. A2 является конкретной репрезентацией ситуации An при n=1 применительно к изменившемуся параметру одного из ее составляющих, что не отменяет актуальной “базовой” ситуации S1. (A1) здесь и далее возвращает нас к “инварианту”, исходной ситуации — “Извлечение объекта X (P) из плотной среды (З)”. Задача A2 физически более трудная, значит, требует применения более сильных средств, которые для ситуации Sn+1 (S2) предполагают выполнение набора</p>
<p>Позвал дед на помощь бабу. Бабу за деду, дедка за репку: тянут-потянут —</p>	<p>M2</p>	<p>M2, состоящего из стереотипной последовательности шагов: M2.1: обращение за помощью и/или M2.2: увеличение прилагаемой силы и M2.3: неоднократное ее приложение. Разумеется, эту последовательность действий тоже можно представить как следующее развертывание базовой каузальной схемы, как ее конкретизацию через события другого уровня. Тогда мы получим: ввиду недостаточности M1, возникла потребность N2 в привлечении дополнительной силы (в лице Б), что осознается как цель A2.1 и осуществляется посредством M2.1; увеличение прилагаемой силы (A2.2) достигается последовательным присоединением действующих субъектов к Р M2.2.1 и одновременным увеличением рычага приложения силы M2.2.2. Цель A2.3 — извлечение Р (данными силами) — предполагается достичь с помощью M2.3.</p>
<p>вытянуть не могут.</p>	<p>S3: A3</p>	<p>Однако M2.2 — недостаточно, и цель A2, а следовательно, A1 не достигнута. Необходимость поиска “достаточных” средств предполагает возникновение соответствующей потребности вследствие неэффективности M2.2. Ситуация S3 отличается от S2 числом участников, и, возможно, снижением трудности задачи.</p>

<p>Позвала бабка внучку. Внучка за бабу, ..., дедка за репку: тянут-потянут —</p>	<p>M3</p>	<p>M3 состоит из стереотипной последовательности действий (см. M2) для ситуации S3. Что касается отражения в тексте стереотипов поведения, интересна иерархия отношений между деятелями: M3.1 исходит не от Д, как в M2.1, а от Б, хотя неизвестно, кто был инициатором обращения к внучке — Д или Б. Зато самостоятельное решение девочки (внучки) обратиться к Жучке (см. ниже M4) представляется абсолютно естественным, т.к. известно, что дети до определенного возраста не осознают границ между миром реальным и миром условным, где палочка может быть лошадкой, а собака может помочь вытаскивать репку. Конечно, на это можно возразить: в сказке все бывает. Все, но нарушение естественной иерархии должно быть ситуативно оправдано — трудно себе представить, чтобы к Жучке обратился кто-нибудь из взрослых или ребенок по поручению взрослого (Д или Б). Приглашение следующих помощников “по эшелону” также говорит в пользу этого толкования. Кроме того, налицо пример поведения взрослого, который, несомненно, имеет обучающее воздействие как на “внучку”, так и на ребенка, слушающего сказку.</p>
<p>вытянуть не могут.</p>	<p>S4: A4</p>	<p>M3 — недостаточно, поэтому A4, т. е. S4.</p>
<p>Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, ..., дедка за репку: тянут-потянут —</p>	<p>M4</p>	<p>M4 складывается аналогично M3, за исключением состава участников: обращает на себя внимание глагол <i>кликать</i> — это обычный способ обозначить фамильярное обращение к человеку или привычное обращение к домашнему животному (“Жучка” — типичная собачья <i>кликка</i> и фактически синоним слова “собака” в мире народной сказки).</p>
<p>вытянуть не могут.</p>	<p>S5: A5</p>	<p>M4 — недостаточно, поэтому A5, т. е. S5.</p>
<p>Кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка за внучку, ..., дедка за репку: тянут-потянут —</p>	<p>M5</p>	<p>К M5 привлекается помощник “Машка”. Это имя, правда в других вариантах, обыкновенно в сказках дается девочкам, но если “Жучка” надежно отождествлена как собака, то “Машка”, идущая в иерархии следом за ней, должна быть объектом из мира животных. Исходя из знания других текстов, можно предположить, что призванный на помощь участник — кошка, а не коза, хотя <i>кликка</i> “Машка” менее типична для нее, чем “Мурка”. К тому же, естественно было бы предположить, даже если в мире сказки животные и способны эти клички воспроизводить, вряд ли они пользовались бы именами мира людей в своем мире. Таким образом, отражение сказочной действительности в тексте явно антропоцентрично.</p>
<p>вытянуть не могут.</p>	<p>S6: A6</p>	<p>M5 — недостаточно, поэтому A6, т.е. S6.</p>

<p>Кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка за Жучку, ..., дедка за репку: тянут- потянут —</p>	<p>M6</p>	<p>Отсутствие клички у мышки говорит, по-видимому, о нехарактерности коммуникации между ней и человеком — единственным существом, кто может “именовать”¹, что, как мы уже видели, не мешает контактам внутри мира животных. M6 — стереотипная трехэтапная последовательность действий в ситуации S6, когда, с появлением последнего участника (M6.1), соединились усилия всех (M1 + M2.2 + M3.2 + ... + M6.2) и их приложение</p>
<p>вытащили репку.</p>	<p>A6+ → A1+</p>	<p>привело к желаемому результату, т. е. ситуация (попытка) S6 оказалась успешной и тем самым исходная цель A1 достигнута, что обеспечивает искомую, самоочевидную в данной модели мира и потому в начале сказки не заявленную A0, хотя она и является M0 — посадки репы. Интересно, что субъекты действия в ситуациях S3 — S6 поименованы и выстроены в порядке, который не соответствует естественному порядку формирования “цепочки”, готовящейся приложить совместные усилия: вряд ли кто-нибудь припомнит, чтобы сначала друг за друга цеплялись те, кто ее замыкает. Какова же причина такого явного игнорирования стереотипа поведения и намеренно перевернутое изображения его в тексте? Сомнительно, чтобы перед нами был просто “прием”, обеспечивающий циклическую завершенность сказки. Если же исходить, из того, что 1) текст отражает некий мир, но 2) текст живет в пространстве языка и подчиняется его законам, то можно предложить следующее решение, “примиряющее” эти два утверждения. Во-первых, такой порядок возвращает нас к D как иерархически главному действующему субъекту, находящемуся в непосредственном контакте с искомой P, и, во-вторых, дед при таком порядке слов и в тексте оказывается в сильной позиции конца предложения, максимально приближенного к последнему предложению сказки, в котором смысловым центром является глагол вытащили, знаменующий достижение цели. Если бы текст в данном случае отразил естественный стереотип построения цепочки, главенствующая роль в успехе всего предприятия досталась бы мышки, что не соответствует тому образу мира (к успеху приводит целесообразная совместная деятельность под началом иерархически главного субъекта), который должен быть запечатлен в детской душе.</p>

¹ См. Библия, Бытие 2:18.

Попробуем теперь ответить на вопрос, какую познавательную ценность имеет эта короткая народная сказка. Что же видно из проведенного анализа?

1. Предложенная схема анализа показала, что текст разделился на фрагменты “без остатка”, т. е. не осталось фрагментов, не отождествленных с какой-либо из заданных категорий. Это, учитывая взаимосвязь категорий, означает, что существует принципиальная возможность построения связной картины всего сказочного текста. Этот факт заслуживает особого внимания, так как свидетельствует о том, что в сказке заложено представление о глубинной связности миропорядка.

2. Имена объектов и имена действий, находящиеся в тексте (словарь текста), отсылают нас к референтам-объектам и референтам-действиям (“словарю” мира) — между теми и другими далеко не всегда устанавливаются “симметричные” соответствия (см. анализ сказки). Это привычное “взаимотношение” словарей не обошло и наш мини-словарь “Мир <—> Текст” на основе сказки “Репка”. Однако на этом коротком тексте видно, что глубинная логика, лежащая в основе целесообразной деятельности человека, проецируется в текст в виде определенной последовательности языковых единиц разного уровня и, если в мире задействованы все введенные бытийные категории (N, A, M), выражается в развитии сюжета.

3. В структуре текста можно обнаружить иерархию в “статическом” устройстве мира: дихотомическое деление каждой ветви в соответствии с последовательностью вводимых ситуаций S_n дает следующую картину:

(Д	
(Д Б)	МИР
((Д Б) В)	ЛЮДЕЙ
((((Д Б) В) С)	И
(((((Д Б) В) С) К)	МИР
((((((Д Б) В) С) К) М)	ЖИВОТНЫХ

Структуры обоих миров идентичны — основаны на трехкомпонентном делении и системе бинарных противопоставлений:

	Д	С	
мужской — женский	(Б Д)	(С К)	собака ² — кошка
взрослый — ребенок	(В (Б Д))	((С К) М)	в общении с — нет миром людей

4. Сказка “Репка” представляет собой **алгоритм** поведения субъекта, способного осуществлять целесообразную деятельность: ставить цель и, сообразуясь с ней, выбирать путь ее достижения. Сам момент выбора в тексте не отражен, хотя у *деда* (Д) он был: Д, основываясь на своем опыте (дед все-таки!), мог сразу позвать больше помощников, но, исходя, по-видимому, из принципа экономии средств при стремлении к эффективности, он идет другим путем — и результатом оказывается **динамическая модель** усовершенствования выбранного средства, основанная на последовательном применении все больших прилагаемых усилий.

5. В результате анализа стало ясно, что не всегда шаблоны реального поведения получают ожидаемое выражение в единицах текста — пример тому,

² Собака охраняет внешнее пространство дома, а кошка — внутреннее. Неудивительно, что именно кошка позвала мышку.

во-первых, **постепенное** увеличение числа помощников, а во-вторых, обратный порядок построения цепочки деятелей. Перед нами как раз тот случай, когда “дидактическая” составляющая сказки оказывается приоритетной по сравнению со следованием обыденной правде.

6. Текст “Репки” содержит основные представления о мире и его устройстве. Взяв за основу схему из работы³, покажем ее наполнение для некоторых ситуаций из этой сказки.

<i>ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО</i>	<i>S1</i>	<i>S2</i>	<i>S6</i>
ОБЪЕКТЫ:	Человек: дед, бабка, внучка; Животное: Жучка, Машка, мышка; Растение: репка		
ВОСПРИЯТИЕ или ЗНАНИЕ:	<i>Выросла репка большая-пребольшая</i>	<i>репка большая- пребольшая; (дед) вытянуть не может; *нужен помощник — бабка</i>	<i>Репка большая- пребольшая; дед, бабка, внучка, Жучка, Машка вытянуть не могут; *нужен помощник — мышка</i>
СРЕДСТВА <i>восприятия</i>	<i>*видит дед</i>		
Представление о НОРМЕ	<i>*нормальный размер репки — S (size)</i>		
ЦЕЛИ	<i>Вытащить репку</i>	<i>Вытащить репку: *вместе с бабкой</i>	<i>Вытащить репку: *вместе с бабкой:.... *все вместе</i>
СРЕДСТВА	<i>Стал тащить, тянет-потянет</i>	<i>Позвал бабку; тянут-потянут</i>	<i>Кликнула мышку; тянут-потянут</i>
(РЕЗУЛЬТАТ)	<i>Вытянуть не может</i>	<i>Вытянуть не могут</i>	<i>Вытянули репку</i>
ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	<i>*одному не вытащить</i>	<i>*двоем с бабкой не вытащить</i>	
ЛОГИЧЕСКИЙ ВЫВОД о воспринимаемом:			
<i>— на основе опыта — на основе соотнесения с нормой</i>	<i>— позвать бабку — репка большая- пребольшая — *деду нужен помощник</i>	<i>— позвать внучку — *силы бабки и деда недостаточно</i>	

³ Дипломная работа студентки ИЛ РГГУ О. А. Герчиковой, написанная под руководством Ю. С. Мартемьянова в 2000 г.

Между строками схемы существуют отношения имплицативного характера: так, логический вывод предполагает логическое мышление; логическое мышление, восприятие или знание невозможны без их носителя — человека; человек как объект живет в пространстве и во времени, т. е. немислим вне их.

Конечно, знания об окружающем мире, которые вынесет из сказки ребенок, будут сгруппированы совсем по-другому, попробуем представить как.

Объекты. Мир населен. Его населяют люди и животные. Люди — это мужчины и женщины, взрослые и дети. Вместе с людьми живут домашние животные: собака, кошка и мышь. Собака живет вне дома, кошка и мышка — в доме (это ребенок и сам знает, без сказки). В мире есть растения. Например, репка. Растения растут в земле.

Возможности и функции объектов. Старый человек мужского пола — самый главный. У человека есть семья и дети. Человек видит. Человек различает размеры. Человек говорит. Человек действует. Человек выращивает пищу. Человек сажает растение в землю. Человек собирает урожай из земли. Человек знает, когда собирать урожай. Репка идет в пищу человеку. Человека кормит земля. Собака и кошка помогают человеку. Собака — первый помощник человека.

Взаимодействие объектов. Люди живут семьями. Люди помогают друг другу. Люди общаются с помощью речи. Человек дает животным имена. Человек может обратиться к животному на человеческом языке. Животное может понять человека. Человек обычно обращается к собаке или кошке. Мышь тоже живет рядом, но ей человек имени не дает и не обращается к ней. Животные понимают друг друга, но человеческого языка не знают.

Стереотипы поведения. Среди людей существует иерархия (ребенок-адресат сказки “Репка”, разумеется, этого слова не знает, но представление о “старшинстве” у него есть). Воля старшего ведет к благу, поэтому человек делает то, что говорит старший. Животные, живущие с человеком, слушаются его. Чтобы получить пищу, человек сажает растение в землю. Чтобы растение стало пищей, его надо из земли вытащить. Если человек встречается с трудностями, он делает попытку их преодолеть. Если попытка неудачна, он предпринимает еще одну или обращается за помощью. Помощь человек сначала ищет в семье. Затем обращается к другим одушевленным объектам мира. Вместе справиться с трудностями легче. Если необходимо приложить большую силу, надо объединить свои усилия. Для этого надо установить физический контакт со-работников.

Не претендуя на полноту сведений о мире, полученных ребенком из сказки, уже на основе этих положений можно утверждать, что в первых трех разделах они представляют собой “словарь” мира, т. е. список референтов-объектов и референтов-действий, и только логика целесообразной деятельности человека, отображенная в тексте сказки, этот словарь организует, что можно видеть в части “Стереотипы поведения”. Таким образом, связанный текст сказки несет в себе образ мира в разнообразии и взаимосвязи его объектов.

Подводя итог, можно сказать, что как в мире, так и в тексте **разнообразие** “словаря” организуется **единообразием** структур, достаточно простых, чтобы человек с раннего возраста мог осваивать язык, а через него познавать и мир в его порядке.

Как писал Г. Гийом, “... основополагающие операции, на которые опирается структура языка, не слишком многочисленны и отнюдь не разнообразны, не обладают излишней сложностью, а, наоборот, малочисленны и в основном минимально вариативны, отличаясь поразительной однородностью. Это могло бы объяснить, почему законченная конструкция, каковой является язык, может легко содержаться в мышлении каждого и почему она дается даже самому простому человеку”.

Литература

1. А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки: в 3 т. М., 1958.
2. Библия. Синодальный перевод. 4-е изд. Брюссель, 1989.
3. Г. Гийом. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
4. Малый академический словарь русского языка (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой, 4-е стереотипное издание, М., 1999.
5. Ю. С. Мартемьянов. Заметки о строении ситуации и форме ее описания. // Логика ситуаций. Структура текста. Терминологичность слов. М., 2004. С. 103–129.

В цветочках или в цветочек? В чем разница?

Т. Е. Янко

В русском языке (и в любом другом языке) есть свободные сочетания слов, такие как *Вася читает*, *быстро шел*, *синий шар*, *новый компьютер*, в которых на месте каждого из компонентов могут оказаться другие слова из больших классов (например, на месте слова *Вася* — слова *papa*, *водитель*, *император*, *таксист*, *Маша* и множество других), и сочетания, которые по тем или иным причинам назвать свободными нельзя. Приведем некоторые примеры. Словосочетание *закадычный друг* нельзя считать свободным, потому что прилагательное *закадычный* встречается только вместе с существительным *друг*. Сочетание *синий чулок*, если оно обозначает чулок синего цвета, свободное, а если оно обозначает женщину, которая увлечена науками и не тратит времени на развлечения, несвободное, потому что его значение никак не выводимо из значений составляющих его слов и говорящему на русском языке нужно знать, что сочетание *синий чулок* может обозначать человека, а не предмет одежды.

Примером несвободных сочетаний можно считать не только те, в которых используются уникальные слова, такие как *закадычный*, или такие, в которых возникают неожиданные значения, как в *синий чулок*, но также и словосочетания, значения которых можно приписать не значению входящих в сочетание слов и синтаксических связей между компонентами словосочетания, а только всей конструкции в целом. Чтобы привести пример, сравним русские предложения с близкими — практически одинаковыми — значениями *Я замерз* и *Мне холодно*. Сочетание *Я замерз* можно считать свободным, а в сочетании *Мне холодно* есть некоторые особенности. В чем они состоят?

Во-первых, на месте слова *холодно* здесь могут оказаться слова из ограниченного набора со значением внутреннего состояния человека — физического или психологического: *грустно*, *скучно*, *жарко*, *больно*, *голодно*. Класс таких слов невелик, их гораздо меньше, чем глаголов, которые могли бы оказаться на месте глагола *замерз* в предложении *Я замерз*. Даже слова со значением не внутреннего, а «внешнего» состояния уже не входят в такие конструкции. Сравним: *Я промок* и *Мне влажно*, *Я тороплюсь* и **Мне торопливо* (неправильные предложения и словосочетания слов здесь и далее обозначены звездочкой, а сомнительные знаком вопроса).

Связь с внутренним состоянием объясняет то, что в предложениях типа *Мне холодно* чаще всего фигурирует первое лицо субъекта: действительно, когда речь идет о сугубо внутреннем состоянии, говорящий скорее будет говорить о себе, чем о третьем лице. А если мы все-таки говорим *Васе холодно*, это свидетельствует об особом сочувствии говорящего Васе и стремлении разделить Васину судьбу. Итак, первая особенность таких конструкций, как *Мне холодно*, состоит в том, что на месте *холодно* можно обнаружить набор слов из небольшого — ограниченного — класса, который выражает внутреннее состояние человека.

Другая особенность таких предложений заключается в том, что по сравнению со свободными словосочетаниями, имеющими близкое значение, где субъект выражается стандартным падежом субъекта — именительным, а состояние субъекта глаголом (*Я мерзну, Вася болеет, Мои соседи загрустили*), в предложениях *Мне холодно, Мне больно и Мне грустно* субъект выражен дательным падежом.

Дальше. Состояние, которое претерпевает субъект, выражается не глаголами, а словами так называемой категории состояния. Категория состояния как особая часть речи выделяется в русском языке многими лингвистами и включает в себя слова *холодно, грустно, муторно, пора, нельзя, можно*. Этим тоже не исчерпываются особенности предложений вроде *Мне холодно*.

Можно заметить, что среди слов категории состояния и, соответственно, в предложениях с этими словами гораздо больше плохих состояний, чем хороших: *мне грустно, муторно, плохо, скучно, дурно, душно, больно, скверно, погано, гадко, беспокойно, тяжело, тошно, тревожно, голодно, трудно*. Однако выражение некоторых приятных состояний из небольшого списка здесь тоже возможно: *мне радостно, приятно, легко*. Язык вообще имеет больше средств для выражения плохого, чем хорошего. Это легко объяснить. Хорошее понимается как норма, о которой не стоит говорить: более значимо отклонение от нее.

Итак, предложения типа *Мне холодно* выражают внутреннее состояние человека, их субъект стоит не в именительном, а в дательном падеже, и, наконец, в качестве сказуемого у них могут выступать слова из весьма ограниченного класса. Эта конструкция характерна именно для русского языка: в других языках — например, в английском — предложений с аналогичной структурой может не быть. Основной идеей, лежащей в основе данной конструкции, можно считать специальную направленность на отражение внутреннего мира человека. Предложения типа *Мне холодно* не столь уникальны, как, скажем, словосочетание *закадычный друг*, но нельзя не признать, что для их правильного употребления иностранцу нужно усвоить больше ограничений, чем при освоении предложений типа *Я замерз*.

Другими примерами синтаксических конструкций с особым — идиоматичным, т. е. не вытекающим непосредственно из суммы значений составляющих элементов, значением — можно считать русские конструкции *страниц пять (рублей пятьсот), вам выходить (мне дежурить), гулять так*

гулять (*ехать так ехать*). В конструкции *страниц пять* выражается идея неточного количества, казалось бы, не выводимая непосредственно из порядка слов, в конструкции *вам выходить* — выражена идея вынужденной необходимости следовать обстоятельствам, конструкция *гулять так гулять* отражает решимость говорящего выполнить намеченное дело, невзирая на потери и трудности, которые могут встретиться на пути. Конструкции с идиоматичным значением могут даже сопровождаться особой интонацией: *Я-ябло-ок!* (где значение ‘ах, как много яблок’ выражается родительным падежом плюс особая интонация); *Де-ене-еэ!*; *Сне-егу-у!*.

Обратимся к еще одной из таких — не полностью свободных — русских конструкций. Конструкция типа *ткань в полоску* в русском языке специально служит для описания внешнего вида ткани, бумаги, одежды, обуви. Ср. другие примеры: *рубашка в горошек, обои в цветочек, юбка в складку, ткань в диагональ, рукава в дырочку, сапоги в гармошку*. В них определение выражено предлогом *в* плюс существительное в винительном падеже и в единственном числе. Чем эта конструкция отличается от словосочетаний с близким значением *обои в цветочках, рукава в дырочках*? В этих последних словосочетаниях существительное, обозначающее особенность материала, стоит в предложном падеже и во множественном числе. А есть ли различие в значении?

Вначале покажем, что в конструкции с винительным падежом слова, которые обозначают рисунок на материале (ткани, бумаге) или фактуру, могут быть заданы сравнительно небольшим списком: *в горошек, в горох, в точечку, в крапинку, в елочку, в полоску, в полосочку, в линейку, в клетку, в клеточку, в диагональ, в диагональку, в квадратик, в цветочек, в кружочек, в ромбик, в рубчик, в резинку, в резиночку, в складку, в складочку, в гармошку, в гармошечку, в сборочку, в сборку, в сеточку, в дырочку, в шашечку, в крапинку*. У конструкции с предложным падежом круг слов со значением рисунка или узора существенно шире: *платок в якорях* (но не **в якорь*), *рукава в кружевах* (но не **в кружево*).

Мы также видим, что у многих слов, входящих в данную конструкцию, имеются пары, которые образуются от исходного слова с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса: *в складку* — *в складочку*, *в полоску* — *в полосочку*, *в резинку* — *в резиночку*. Между тем, неожиданным образом, у многих других слов, входящих в список, такой пары нет: *в цветочек* — **в цветок*, *в рубчик* — **в рубец*, *в елочку* — **в елку*, *в квадратик* — **в квадрат*, *в полоску* — *в полосочку* — **в полосу*. Причем отсутствует исходный — «не-уменьшенный» — член пары. Объяснить такой «перекос» в сторону малых размеров можно тем, что для данной конструкции характерно изображение мелкого, частого и повторяющегося рисунка, который сливается в один общий тон, узор или текстуру: *цветочек, рубчик, ромбик, квадратик*. Между тем крупные геометрические фигуры неспособны образовывать единый повторяющийся узор. У конструкции с предложным падежом (и существительным во множественном числе) такого ограничения нет: *платок в*

цветочках — *платок в цветах, рукав в дырочках* — *рукав в дырках, рукав в дырах*. Можно заметить и различие в значении. Определение *в дырочку* говорит о том, как выглядит сплошная фактура поверхности, а определение *в дырочках* просто отражает то, что на материале имеются дырочки, независимо от того, почему они возникли: то ли такова исходная природа материала в соответствии с замыслом его создателя, то ли дырочки появились от времени, от небрежности хозяина, от нашествия насекомых. Значит, если отдельный элемент рисунка достаточно мелок, соответствующее слово в словосочетании может не присоединять уменьшительный суффикс: *в горох, в клетку, в полоску, в диагональ*. В целом же для соотносительности с цельным мелким рисунком для данной конструкции уменьшительная форма очень характерна, и во многих словосочетаниях с заданным значением она оказывается единственно возможной: *в цветочек* (но не **в цветок*), *в рубчик* (но не **в рубец*), *в елочку* (но не **в елку*), *в дырочку* (но не **в дырку* и не **в дыру*), *в полоску*, (но не **в полосу*).

И наконец, весьма существенно, что узор образуют не просто мелкие, но, кроме того, и достаточно абстрактные геометрические фигуры, которые традиционно используются для создания рисунка на ткани или бумаге, поэтому *цветочек* входит в данную конструкцию, а *розочка* и *незабудка* уже нет.

Смысловое различие между моделями *в цветочек* и *в цветочках* состоит в том, что модель *в цветочек* используется для указания на то, что рисунок образует сплошной узор или единую фактуру изделия, а модель *в цветочках* допускает свободное расположение рисунка на поверхности: это может быть и сплошной узор, и отдельные фигуры, разбросанные на цельном фоне.

Модель типа *в цветочек* включает более идиоматичное, т. е. не вытекающее непосредственно из значения, единственное число, при том что при узоре *в цветочек*, *в крапинку* и *в кружочек* цветочков, кружочков, крапинок, дырочек должно быть много — иначе они не сольются в единый сплошной узор. А модель типа *в цветочках* имеет более прозрачную структуру, которая может использовать не только множественное число, которое отражает множественность фигур на поверхности изделия, но и единственное — если они сливаются в общее пятно: *рукав в дырках* и *в краске*.

Конструкция с предложным падежом и с множественным или единственным — в зависимости от значения — числом используется не только для отражения особенностей рисунка или фактуры материала. Область применения сочетаний с предложным падежом гораздо шире: *лицо в прыщах, в укусах, в пятнах, в саже, в варенье, в бисеринках пота; небо в алмазах, в звездах, в облаках; забор в потеках, в надписях, в объявлениях; рукава в кружках, в оборках, в блестках, в пуху от нашей кошки Мурки*.

Покажем теперь, что конструкция с винительным падежом допускает определения — *в горошек, в крапинку, в резиночку* — только из закрытого списка. Действительно, при том, что типичным примером рассматриваемой конструкции служит словосочетание *ткань в цветочек*, словосочетание со словом *листик* из близкого семантического класса — **ткань в листик* — ока-

зывается уже невозможным. А то же сочетание слов, но с предложным падежом звучит совершенно нормально: *ткань в листиках*. Как объяснить то, что *цветочек* входит в список допустимых определений в конструкции с винительным падежом, а *листик* — уже нет? Объясняется это тем, что конструкция с винительным падежом служит для описания только традиционных приемов и рисунков, которыми украшаются предметы одежды, обуви, интерьера — это цветочки, горошки, крапинки, складочки, клеточки. Листики же, а также игрушки, мишки, незабудки, треугольнички и пирамидки могут оказаться только неожиданным — авторским — решением дизайнера, поэтому в конструкцию с винительным падежом они уже не включаются: **ткань в загогулилку*, **в сердечко*, **в треугольничек*, **в пирамидку*, **в Чебурашку*.

Несмотря на то что конструкция с винительным падежом не полностью свободная, она допускает распространение определения, входящего в его состав, с помощью прилагательного: *в тонкую полосочку*, *в сине-белую диагональ*, *в крупную складку*, *в мелкую клетку*, *в синенький цветочек*.

Интересно, что для выражения столь изысканного значения, как способ украшения материала, русский язык разработал специальную конструкцию.

Подведем итоги нашего обсуждения. За словосочетаниями *в горошек*, *в точечку*, *в елочку*, *в полоску* стоит специальная — не полностью свободная — конструкция русского языка с присущей ей особой семантикой, не вытекающей непосредственно из составляющих ее элементов. Словосочетания с этой конструкцией относятся к описанию внешнего вида ткани, бумаги или другой поверхности, имеющей сплошной, сливающийся в единый и цельный рисунок узор. Это не отдельные отстоящие друг от друга фигуры известного цвета и формы, а сплошной мелкий цикл, образующий единую картину, общее полотно, цвет или фактуру. Образец рисунка или фактуры материала — это и есть значение конструкции *в горошек*, *в цветочек*, *в линейку*, *в резинку*, *в полоску*, *в ромбик*. Это значение конструкции в целом, а не составляющих ее слов.

Разрешите обратиться!¹

Т. Е. Янко

Как лучше обратиться к незнакомцу на улице? *Молодой человек!*? *Девушка!*? *Сударыня!*? Или *Извините!*? Почему слова *шофер*, *водитель* и *таксист* с очень близким значением при обращении к человеку, сидящему за рулем, ведут себя по-разному? *Водитель!* — это «хорошее» обращение, а *Шофер!* и *Таксист!* — «плохие». Мы говорим *Водитель! Откройте заднюю дверь!*, но не *Шофер! Остановите у светофора!* (неправильные или сомнительные предложения и словосочетания слов здесь и далее обозначены знаком вопроса). Почему, если в аудитории более одного слушающего, мы обращаемся к ней со словами *Друзья!*, *Коллеги!*, *Ребята!*, *Девочки!*, *Мальчишки!*, *Господа!*, *Офицеры!*, но не *Гости!*, *Соседи!*, *Родственники!*, *Студенты!*? Чем друзья лучше родственников, а коллеги — соседей? Почему слова, значение которых специально обозначает слушающего, то есть того, к кому мы обращаемся, например слова *радиослушатель* или *телезритель*, оказываются «плохими» обращениями? Дикторы радио никогда не говорят *Радиослушатели!*, а только *Дорогие радиослушатели!* или *Уважаемые телезрители!* От слов *радиослушатели*, *гости*, *соседи*, *телезрители* и других форма обращения обычно образуется с помощью прилагательных *дорогой* и *уважаемый*, даже если слушающий не всегда действительно дорог говорящему. Нам говорят *Уважаемые абоненты радиотрансляционной сети!*, *Дорогие гости!*, *Уважаемые пассажиры!*, а просто *Телезрители!*, *Зрители!* и *Гости!* как обращения не используются. Анализируя английские обращения, американские лингвисты Э. Щеглов и А. Цвикки показали, что английские слова с близкими значениями *doctor* ‘доктор’ и *physician* ‘врач’ в роли обращений ведут себя по-разному. *Doctor!* — это «хорошее» обращение, а *Physician!* — «плохое». Это наблюдение полностью приложимо и к русским словам *доктор* и *врач*. Мы говорим *Доктор, я буду жить?*, но не *Врач, я буду жить?*. Как мы заметили выше, аналогичное различие есть и у пары слов *водитель* и *шофер*.

Мы видим, что в связи с обращениями возникает много вопросов. На некоторые из этих вопросов нет логичного ответа. Так, способность использо-

¹ Работа над темой финансируется Российским государственным гуманитарным фондом, проект N08-04-00165а.

ваться в качестве обращений — это словарное свойство слов. Отчасти это свойство может быть объяснено традициями использования слов *доктор, врач, таксист, водитель, гость, друг, сосед, офицер, зритель, пассажир* и других. Но постоянного признака «хорошего» обращения выделить не удается, поэтому, изучая иностранный язык, мы должны просто запомнить, какие слова можно использовать в качестве обращений, а какие — нельзя. Кроме того, нужно знать, какие обращения и в каких ситуациях следует использовать. Так, обращаясь к аудитории, скажем, с поздравлением, объявлением или тостом, мы можем сказать и *Друзья!*, и *Дорогие друзья!*, а также и *Господа!*, но обратиться к аудитории со словами *Дорогие господа!* мы не можем. Значит, при слове *господин*, в словаре следует указать, что к обращению *господа!* прилагательное *дорогие* неприменимо. Про некоторые обращения следует знать, что они используются только в начале официальной речи, например, *Офицеры, разрешите поздравить вас...!*; *Дамы и господа! Сегодня у нас замечательный день!* В других же ситуациях общения, например при желании говорящего с помощью обращения поддержать уже начатый контакт, они будут выглядеть неуместно. Так, предложения с обращениями, *Позвольте, дамы и господа, на этом закончить;* *Об этом мы поговорим на следующем заседании, офицеры!* кажутся не совсем удачными, а те же предложения, но с обращениями *господа* или *коллеги* звучат совершенно естественно: *Позвольте, господа, на этом закончить;* *Об этом мы поговорим на следующем заседании, коллеги!* Аналогично, мы можем позвать на помощь медсестру в больнице, обратившись к ней со словами: *Сестра, скорее, моему соседу плохо!* Такое обращение уместно в ситуации удаленного и срочного зова, а когда мы спокойно беседуем с медсестрой, например, после процедуры, обращение *сестра* будет выглядеть неуместно: *Большое спасибо, сестра!* Аналогичное обращение к доктору *Большое спасибо, доктор!* звучит совершенно нормально, между тем к медсестре обращаются *Сестра!*, только когда зовут ее на помощь.

Можно также заметить, что для некоторых слов в словаре следует указать и их грамматическое число, в котором эти слова используются в качестве обращений, потому что в роли обращений слово может функционировать только в какой-нибудь одной форме, например, только во множественном или только в единственном числе. *Друзья!* и *Господа!* — это обращения, которые можно использовать в очень широком кругу различных ситуаций общения, а обращения *Друг!* и *Господин!* — в единственном числе — могут использоваться только очень ограниченно: мы не можем обратиться к незнакомцу со словами *Господин! Не подскажете ли, где тут метро?*, при том, что обращение *Господа! Посторонитесь, пожалуйста, у меня тут коляска с ребенком*, хоть и несколько старомодное, но все-таки не выходит за рамки нормы. И наоборот, *Профессор!* — это «хорошее», хоть и несколько устаревшее, обращение (естественно, в академических кругах), а *Профессора!* — нет. Между тем *Коллега!* и *Коллеги!* прекрасно звучат при обращении и к одному слушающему, и ко многим. Тем самым, обращаясь по-русски к профессорам, мы называем их *Коллеги!* и *Господа!*, но не *Профессора!* Выше мы говори-

ли о том, что *Доктор!* — это «хорошее» обращение, между тем обращение *Докторá!* по каким-то причинам в русской речи не используется.

Итак, про слова нужно знать, хороши ли они для использования в качестве обращения. И не всегда можно понять, почему они хороши или плохи: надо только запомнить, какие из них хороши, а какие нет. И стоит составить специальные словари для иностранцев, в которых про имена лиц будет указано, могут ли они использоваться в качестве обращений, а если могут, то в форме какого грамматического числа — единственного или множественного, а также в какой функции — зачина официального сообщения, как *Офицеры!*, или в разнообразных функциях, как *Коллега!* и *Коллеги!*

Между тем на некоторые вопросы мы все-таки могли бы дать ответы. Попробуем ответить на такой интересный вопрос: существуют ли в русском языке способы построить «хорошие» обращения из «плохих», а также как из «хороших» обращений получить такие формы обращений, которые могут быть только обращениями?

Прилагательные *уважаемый* и *дорогой* и междометие *Эй!*

С одним из средств образования обращений мы уже столкнулись выше. Это слова *уважаемый* и *дорогой*: там, где не говорят *Пассажиры!*, можно сказать *Уважаемые пассажиры!*. Другое средство — это междометие *Эй!*: *Эй, пассажиры! Вы куда?*. Какие другие способы образования обращений устоялись в русском этикете и закрепились в языке?

Местоимение *мой*

Мощным средством образования обращений служит местоимение *мой*. Оно присоединяется ко многим словам, которые вообще не предназначены для именованья человека, например, к именам свойств (*Золотой мой!*; *Лохматенький мой!*; *Мой пушок!*), к абстрактным именам (*Моя радость!*; *Горе мое!*; *Счастье мое!*), к наименованиям растений и животных (*Ласточка моя!*; *Березка моя!*; *Рыбка моя!*; *Птичка моя!*), космических объектов (*Моя звездочка!*; *Солнце мое!*). У местоимения *мой* в обращениях есть дополнительный смысл: обращения с *мой* сообщают ситуации общения особую интимность. *Мой* образует обращения к близкому другу, родственнику, ребенку на улице, к которому мы прониклись особым расположением.

Образование обращений с местоимением *мой* — это очень широко используемый или, как говорят в лингвистике, продуктивный, способ образования новых обращений. Этот способ непродуктивен только в сочетании с именами собственными и в сочетании с именами родства. Обращения типа *мой* плюс имя собственное, например *Мой Вася!*, использовались в прошлом, но в современном общении уже устарели, а с именами родства местоимение *мой* образует обращения особого типа со значением родства во Христе: *сын мой!*, *дочь моя!*, *брат мой!*, *отец мой!*. Обращения *дочь моя!*, *друг мой!*, *отец мой!*, в принципе, могут использоваться и при обращении к близким или к

родственникам, но только в возвышенном стиле речи. Это непродуктивный способ образования обращений с особым — застывшим — порядком слов, когда местоимение расположено на втором месте после существительного, а на месте имени родства могут фигурировать слова только из определенного набора терминов родства. У многих терминов родства обращения с *мой* вообще практически не образуются: мы не говорим *‘мать моя!*, *‘мама моя!*, *‘внук мой!* за исключением только, может быть, обращений умиления, таких как *Внучок мой!* *Лапочка!*, которые, как правило, включают уменьшительно-ласкательный суффикс, произносятся с особой интонацией умиления и попадают в класс обращений интимного общения, о котором мы говорили в предыдущем абзаце, таких как *Золотко мое!*

Уменьшительно-ласкательные суффиксы

Другой интересный способ образования обращений — это использование уменьшительно-ласкательных суффиксов. Выше мы говорили, что форма *Друг!*, в отличие от формы *Друзья!* — это не очень широко используемое обращение. Формы *мой друг!* и *друг мой!* с местоимением *мой* — это «хорошие», не несколько устаревшие обращения, а вот обращения *Дружок!* и *Дружочек!* — это прекрасные обращения, которые широко используются в общении между близкими людьми, а также при обращении к детям, например, в детских передачах. От слова *друг* образуется и другое обращение, наоборот, со значением «большой». Это обращение *Дружище!*, которое ни в какой другой функции, кроме как в роли обращения, не используется.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в обращениях, образованных от терминов родства, очень широко распространены в просторечии, где их употребление теперь уже не связано с нежным отношением говорящего к слушающему: *Браток!*; *Сынок!*; *Дочка!*; *Доченька!*; *Дяденька!*; *Тетенька!*; *Папаша!*; *Мамаша!*; *Деточка!*. О родственных связях между говорящим и слушающим обращения такого типа тоже ничего не говорят: они отражают только возрастные и половые различия: *Дяденька!* — это обращение ребенка к взрослому мужчине, *Папаша!* — это обращение взрослого человека к пожилому мужчине, а *Деточка!* — обращение взрослого к ребенку.

Новый русский вокатив

Интересным средством образования обращений служит так называемый новый русский вокатив. Мы знаем, что вокативом в лингвистике называют специальный звательный падеж, или падеж обращений. Почему новый русский вокатив называется новым и есть ли в русском языке старый вокатив? И от каких слов образуется новый вокатив — от «хороших» обращений или от «плохих»?

Про старый русский вокатив известно, что это застывшие формы звательного падежа, которые в древнерусском языке образовывались от имен лиц регулярно, а в современном русском языке сохранились только у ограничен-

ного множества слов. *Боже, отче, старче, сынку, человеце, друже, Господи!* — это формы старого вокатива, которые используются в молитвах (например, *Отче наш* со значением ‘О, наш отец’), в цитатах из литературных произведений (*Чего тебе надобно, старче?* со значением ‘Что тебе нужно, старик?’), в обращении *Друже!*, которое сохранилось в эпистолярном стиле у некоторых говорящих и пишущих по-русски, — оно иногда встречается в начале письма, в восклицаниях *Боже!*, *Боже мой!*, *Господи!* а также в шутках и стилизациях под старинную речь (*Эй человеце, не робей!* — из интернета). *Друже* — это звательная форма (или звательный падеж) от *друг*, *старче* — от *старик*, *человеце* — от *человек*. Многие носители русского языка уже не ощущают, что формы *старче*, *друже* и *человеце* раньше использовались только в звательной функции и употребляют эти формы на месте именительного падежа (*Один добрый человеце запретил мне называть это маразмом...* — из интернета) или даже косвенных падежей (*Рыбка старче отвечала* — из интернета). Можно считать, что формы *старче* и *человеце* — это «застывшие реликты» старого русского вокатива, которые в современном языке практически утратили звательную функцию.

Что же называется новым русским вокативом? Формы нового русского вокатива — это обращения, образованные от русских имен лиц с окончанием *-а* или *-я* (*Мам!*; *Вась, а Вась!*; *Подвинься, Зин!*; *Я, Вань, такую же хочу!*; *Ребят, сюда!*), кроме слов на *-ья* (*Марья, Прасковья, Меланья*: *Марья, а Марья!*) и других исключений, о которых мы скажем ниже. Новый русский вокатив, в отличие от старого, используется в неформальных условиях общения: *Зин!*, *Теть!* — это обращения к близкому человеку и в неофициальной обстановке.

Новый русский вокатив образуется от слов, которые выше мы назвали «хорошими» обращениями, то есть таких, которые легко используются в роли обращений и в форме именительного падежа, то есть и без специального звательного падежа. Это самые распространенные собственные имена и термины родства, которые служат для называния родственников в семье: *мама, папа, бабушка, баба, дедушка, тетя, дядя*. Здесь поясним, что большинство терминов родства в современном русскоязычном общении не служит для обращения членов семьи друг к другу. К таким терминам родства относятся слова *зять, свекровь, невестка, теща, племянница, муж, жена* и многие другие, потому что невестка и свекровь называют друг друга по имени и по имени и отчеству. Таков современный русский этикет. Даже родители, за исключением ситуаций, требующих особой торжественности, называют своих детей по имени. Когда мы слышим *Сын!*; *Дочь!*. — это свидетельствует о том, что родители готовы сказать что-то особенное. Заметим здесь также, что уменьшительно-ласкательные суффиксы немедленно переводят эти обращения в уместную в нейтральном общении между «отцами» и «детьми» форму: *Сынок!*; *Доченька!*

Вернемся к новому вокативу. Что нужно знать иностранцу для правильного образования нового русского вокатива? Новый русский вокатив образуется от имен собственных и нарицательных, которые имеют ударение на вто-

ром слоге от конца. Таких имен на *-а* и *-я* большинство: *Вася, папа, Марина, Валера, ребята, девочки*.

У имен собственных на *-а* и *-я*, которые имеют ударение на третьем слоге от конца, образование нового русского вокатива невозможно либо, как принято говорить в таких случаях, затруднено. Это имена *Бárбара, Валерия, Лидия, Калерия, Оливия, Офелия* и имена с некоторыми уменьшительно-ласкательными суффиксами *Коленька, Сонечка, Аннушка*. Мы не говорим: *²Бárбар, а Бárбар!*; *²Сонечк, а Сонечк!*; *²Николеньк, а Николеньк!*

Сравним имена *Лидия* и *Лия*. Структура имени *Лидия* не соответствует условиям образования нового русского вокатива, поэтому обращение *²Лидий, а Лидий!* звучит неестественно, а обращение, образованное от имени *Лия* с ударением на втором слоге от конца, — *А ну-ка, Лий! Поди-ка сюда!*, как кажется, вполне нормативно.

Интересно, что имена с другими уменьшительно-ласкательными суффиксами *-уш-а, -юш-а, -ул-я, -юл-я, -ун-я, -юн-я, -ус-я, -юс-я* и с несущим грубоватый оттенок суффиксом *-к-а*, у которых ударение приходится на второй слог от конца, в отличие от имен с суффиксами *-еньк, -оньк, -очк, и -ечк*, наоборот, легко образуют новый вокатив: *Ванюш!*; *Сашуль!*; *Колюнь!*; *Татусь!*, *Людк, а Людк!*

Образуют новый русский вокатив и женские отчества на *-а* с ударением на втором слоге от конца. Это отчество *Петровна* и отчества в так называемой стяженной (или укороченной) форме *Николавна* (из *Николаевна*), *Михална* (из *Михайловна*), *Матвевна* (из *Матвеевна*), *Андревна*: *Петровн, а Петровн!*; *Николавн, а Николавн!*; *Михалн, а Михалн!*, но не *²Никитишн!*, *²Федоровн!*, *²Марковн!*, потому что в соответствующих отчествах ударение приходится на третий слог от конца. Употребление отчеств без имен принадлежит особому — устаревающему — этикету. Однако в шутку такие имена, как *Петровна* (и *Петрович*), — и не только в обращениях — могут использоваться и молодыми носителями русского языка и культуры. Во всяком случае эти формы остаются понятными всем носителям русского языка, даже если и не используются ими.

Форма нового вокатива образуется не только от обращений-отчеств, таких как *Петровна* и *Михална*, но и от полных имен-отчеств в стяженной форме. К таким относятся самые распространенные женские имена-отчества *Марь Санна* (из *Мария Александровна*) и *Марь Ванна* (из *Мария Ивановна*) оба с ударением на втором слоге от конца. Эти имена легко образуют формы нового вокатива в полном соответствии с общим принципом: *Марь Санн, а Марь Санн!*; *Марь Ванн, а Марь Ванн!* В принципе, возможны и аналогичные обращения, образованные от других имен-отчеств: *Анн Вани!*; *Оль Санн!*; *Санн Санн!*

Еще одну интересную задачу для лингвиста ставят слова с ударением на третьем слоге от конца *бабушка* и *дедушка*, а также слово *девушка*, которые тоже способны образовывать новый вокатив: *Бабушк, а бабушк!*. Этому исключению можно предложить следующее объяснение. Оно аналогично тем, которые были даны выше формам *Михалн, а Михалн!* и *Марь Санн, а Марь Санн!*. Часто используемые в роли обращений существительные *бабушка,*

дедушка и *девушка*, как и имя *Мария Александровна*, тоже имеют стяженные — своего рода «стершиеся» — формы *баушка*, *де-эшка* (*дешка*), и *деушка* соответственно. В этих формах на месте первых двух слогов *бабу-*, *деду-* и *деву-* фигурирует один слог *бау-* с дифтонгом *ау*, *деэ-* с дифтонгом *ез*, и *деу-* с дифтонгом *еу*. Для сравнения можно вспомнить дифтонги в европейских языках — английском, немецком и французском, где дифтонг представляет собой один звук и, соответственно, образует один слог. Тогда звательный падеж от форм *баушка*, *деэшка* (*дешка*) и *деушка* образуется в полном соответствии с условием расположения ударения на втором слоге от конца. Это часто встречающиеся в разговорной речи и зафиксированные в литературе звательные формы *баушк!* (а также просто *башк!*), *деэшк* (*дешк!*) и *деушк!*. Можно предположить, что обращения без стяжения *бабушк!*, *дедушк!* и *девушк!* образуются по аналогии с *баушк!*, *дешк!* и *деушк!*.

По поводу сокращения слов, употребляющихся в роли обращений, известно, что они «стираются» от частого употребления на протяжении длительных периодов времени. Об этом пишет в связи со староиспанским обращением *Iuestra Merced* (Ваша милость!), превратившимся в современном испанском в *Usted* (Вы), Вяч. Вс. Иванов². Стоит также сравнить так называемый русский словоер, например в *Да-с!*, *Нет-с!*, *Сию минуту-с!*, развившийся из обращения *Сударь!* (*Да, сударь!*; *Нет, сударь!*). Аналогичным стяжениям подверглись и имена, которые часто используются в роли обращений: *Михайловна* (которое преобразовалось в *Михална*), *бабушка* (которое преобразовалось в *баушка* и *ба́шка*), *девушка* (которое преобразовалось в *деушка*), *Мария Александровна* (которое преобразовалось в *Марь Санна*).

Не образуется новый русский вокатив от имен на *-а* с ударением на последнем слоге, например, от таких имен, как *Мустафа́*, *Джамиля́* и *Фаридá*.

Как мы видим, правила образования нового русского вокатива не совсем простые, но важно, что то, что нужно знать о новом вокативе, можно записать именно в виде правил, которые могут применяться к большим классам слов, а не в виде информации о каждом конкретном слове в словаре.

***Эй, на барже!*: место слушающего как обращение к нему**

Интересным средством образования обращений служит русская конструкция с междометием *Эй* плюс имя места, в котором находится слушающий, например, *Эй, на барже!* Имя места может показаться неожиданным способом обращения к слушающему, но такой тип зова слушающего довольно часто используется в русской речи, например, когда говорящий видит, что на капитанском мостике кто-то есть, но он не знает или не видит кто именно. И тогда говорящий кричит: *Эй, на мостике!*. На первый взгляд может показаться, что такие обращения принадлежат исключительно морскому языку. Действительно, около 70 процентов обращений с *Эй* плюс имя

² Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. — М., 2004. С. 38.

места, которые встретились нам в интернете, касались водной тематики. Вот некоторые примеры: *Эй, на барже! Кидай якорь!*; *Эй, на том берегу!*; *Эй, на Акуле!* — крикнул капитан; *Эй, на линкоре!*; *Эй, на острове!*; *Эй, на корабле!*; *Эй, на судне!*; *Эй, на шхуне!*; *Эй, на мостике!*; *Эй, на ледаколе!*; *Эй, на лодке!*; *Эй, на румбе!*; *Эй, на берегу!*; *Эй, на борту!*; *Эй, на палубе!*; *Эй, на шлюпке!*; *Эй, на буксире!*; *Эй, на катамаране!*; *Эй, на руле! Круче к ветру!*; *Эй, на «Беде», счастливого плаванья!*; *Эй, на буксире, прими конец!*; *Эй, на «Малыгине!»*; *Эй, на баркасе!*; *Эй, на желтой лодке!*; *Эй, на камбузе!*; *Эй, на мостике!*; *Эй, на плотике!*. Однако оказывается, что «сухопутные» обращения такого типа тоже встречаются: *Эй, на задней площадке, все оплатили проезд?*; *Эй, на верблюде!*; *Эй, на трибуне!*; *Эй, на узике!* Значит, объяснять функции и особенности обращений по месту следует не принадлежностью к общению между собой морских волков, а особыми условиями, при которых используется обращение по месту.

Когда можно использовать обращение по месту? Почему *Эй, на трибуне!* — это «хорошее» обращение, а *Эй, в лесу!* и *Эй, в поле!* — «плохое»? Почему даже морская тематика не спасает обращение *Эй, на барже!*, если говорящий находится на другой барже? Почему, когда мы говорим *Иди вниз!*, низ понимается с точки зрения слушающего — здесь слушающий находится высоко и должен спуститься ниже (где находится говорящий, в данном случае неважно: он может быть и выше, и ниже, и на одном уровне со слушающим), а когда мы говорим *Эй, внизу!*, низ рассчитывается, наоборот, с точки зрения говорящего? И наконец, почему, когда мы слышим *Эй, на берегу!*, это значит, что говорящий находится на воде, а не с другой стороны, скажем, на шоссе, идущем вдоль берега?

Ответы на эти вопросы должны помочь нам составить описание условий обращения к слушающему в соответствии с тем местом, где он находится.

Прежде всего, слушающий должен находиться в месте, которое легко выделяется в пространстве или в некоей системе ценностей. О системе ценностей мы поговорим несколько ниже, а что касается пространства, то об этом можно заметить следующее. Идеальное место для слушающего, к которому можно обратиться со словами *Эй, на X-e!* — это лодка на водной глади, остров в океане, капитанский мостик, верхушка дерева на фоне неба, трибуна, сцена, вышка, при том что говорящий находится на известном удалении от этих точек. Обращения *Эй, в поле!* и *Эй, в лесу!* «нехороши» потому, что в них отсутствует выделенная точка, противопоставленная местоположению говорящего. Заметим попутно, что другой — менее удобный и менее этикетный способ обращения — по шляпе или по одежде — тоже основан на принципе легкого узнавания на общем однообразном фоне: *Эй, в шляпе!*; *Эй, в красной куртке!*

Далее. Говорящий и слушающий должны находиться на объектах, противопоставленных друг другу в некоторой системе ценностей. Что здесь понимается под системой ценностей? Пусть говорящий едет в машине по шоссе, а слушающий стоит у дороги. Тогда говорящий может обратиться к слушающему со словами *Эй, на обочине!*, потому что дорога и обочина до-

роги принадлежат одной системе ценностей и представляют собой разные точки одной системы. Если же говорящий вышел из леса и увидел слушающего, стоящего также на обочине дороги, он, скорее всего, обратится к нему со словами *Эй, у дороги!*, потому что кромке леса противопоставлена дорога, а не ее обочина. Обочина дороги противопоставлена не лесу, а проезжей или проезжей части дороги.

Приведем другие примеры. Мы говорим *Эй, на чердаке!*, если сами мы находимся в доме, скажем, на лестнице, ведущей на чердак. Если же мы сами находимся в другом доме или на улице, обращение к сидящим на чердаке другого дома *Эй, на чердаке!* оказывается неуместным. Здесь мы можем крикнуть (например, в громкоговорящий, как это бывает в детективных сериалах): *Эй, на вилле! Выходи по одному!*. Обращение *Эй, в доме!* Здесь тоже не подойдет, потому что вокруг дома могут быть другие дома, следовательно, место слушающего не будет считаться выделенной точкой. Не будет удачным и обращение *Эй, на даче!*, потому что дача (так же, как и дом), как правило, понимается как летний дом в кругу других таких же домов. Вилла же, а также хутор понимаются как центр достаточно большого незастроенного пространства, поэтому они больше подходят для обращения по месту, чем дома и дачи: *Эй, на хуторе!*. Хорошо подходят для обращений по месту строения, имеющие уникальные имена: *Эй, в «Приюте орла!»*; *Эй, в «Белом олене!»*; *Эй, в «Сороке и пне!»*. Однако это не могут быть названия слишком больших зданий, несоразмерных фигуре говорящего, который надеется докричаться до слушающего: обращения *Эй, в Кемпински!*, *Эй, в Хилтоне!* в прямом — не-метафорическом — значении невозможны.

Таким образом, именование говорящим слушающего зависит не только от того, где находится слушающий, но также и от того, где находится сам говорящий, а также от того, образуют ли место расположения говорящего и место расположения слушающего естественную систему, такую как дорога — обочина, край леса — дорога, идущая вдоль леса, трибуна — зал, водоем — берег. Именование слушающего без учета системы ценностей, по-видимому, тоже возможно, но предпочтительны обращения, которые учитывают такие противопоставления.

Объясним теперь, почему важно, чтобы в обращении по месту точкой отсчета (или центром ориентации в пространстве) служила фигура говорящего, то есть почему, когда мы говорим *Эй, внизу!*, это значит, что говорящий находится выше слушающего, а когда мы говорим *Эй, на том берегу!*, это значит, что «тем берегом» именуется берег, противоположный берегу, на котором находится говорящий.

Кто станет точкой отсчета — говорящий или слушающий — действительно важный признак значения многих высказываний. Покажем сначала, что не во всех высказываниях точкой отсчета служит именно говорящий. Когда мы говорим слушающему *Скажи маме, чтобы она завтра пришла в школу!*, мы имеем в виду маму слушающего, а когда мы говорим *Спускайся вниз!*, низ тоже понимается с точки зрения слушающего. В обращении же по месту

точкой отсчета служит именно говорящий. Об этом говорят обращения *Эй, внизу!*; *Эй, наверху!*; *Эй, на том берегу!*, где низ, верх и противоположный берег отсчитываются от того места, на котором расположен говорящий.

Мы показали, что в обращениях по месту есть немало ограничений. Говорящий и слушающий должны располагаться на разноименных объектах, которые принадлежат одной системе ценностей, слушающий должен находиться в выделенной точке пространства, и точкой ориентации в этом пространстве должна служить фигура говорящего.

Последнее замечание, которое тут можно сделать, состоит в том, что если какое-либо из условий называния слушающего по месту не выполняется, добавление в обращение местоимений *ты* и *там* (*Эй ты, на дороге!*; *Эй там, в поле!*; *Эй ты, там на улице!*) восстанавливает соблюдение указанных условий, потому что превращает место расположения слушающего в противопоставленную и соразмерную фигуре говорящего выделенную точку, которая называется *там* (то есть в том месте, которое противопоставлено месту говорящего), или понимается как место слушающего, который противопоставлен говорящему и называется *ты*.

Мы рассмотрели некоторые свойства русских обращений. Как оказалось, обращения вызывают много вопросов. Некоторые свойства обращений еще ждут своего объяснения, а если не объяснения, то хотя бы того, чтобы быть зафиксированными в грамматике или в словаре языка. Некоторые вопросы остались на будущее. Вот некоторые из них. Почему в русских обращениях к удаленному слушающему акцентируется последний слог, а не ударный? Так, когда мы кричим *Василий Федорович!* *Ау-у!*, ударение приходится на последний слог *-вич*, а не на ударный слог *Фё-*. Почему, если мы обращаемся к слушающему с легким упреком, акцентируется первое слово в его имени или титуле (*Ма-арья Ивановна, ну как же так?!; Ва-аша честь, ну как же так?!*), а если с резким возмущением — то последняя (*Марья Ивановна, прекратите это безобразие!*; *Ваша честь, вы же осуждаете невиновного!*)? Как образуются обращения в других языках? Переходит ли ударение с ударного слога на последний при обращениях в английском языке? Переходит ли в других языках ударение с существительного на местоимение? Можно ли по-английски сказать *Your Honour!* с акцентом на *your* или по-немецки *Herr Müller!* с акцентом на *Herr*? Образуются ли формы нового русского вокатива от фамилий на *-а* (*Бандура, Хмара, Шмыга, Петлюра, Тычина*), которые удовлетворяют условию второго слога, и от слова *воевода*, которое тоже удовлетворяет этому условию? Почему новый русский вокатив легко образуется от имен *Инна* и *Алла* (*Инн, а Инн!*; *Алл, а Алл!*), но плохо — от имени *Анна* (*Анн, а Анн!*)? Поиск ответов на эти и другие вопросы — это дело будущего.

**ОЛИМПИАДЫ, КОНКУРСЫ,
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ**

Олимпиада Летней лингвистической школы — 2007

Задача № 1 для 8 классов

Перед Вами — начало стихотворения А.С. Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...»:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.
Стамбул отрёкся от пророка;
В нём правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьёт вино в часы молитвы...

Задание. Как Вы полагаете, почему в 10-й строке Пушкин использовал именно оборот *мольбе и сабле*, хотя тот же смысл нетрудно было выразить другими средствами (например, *мечу и вере* и т. п.)?

Задача № 2 для 8 и 9 классов

Дан текст из 6 фраз на неизвестном языке А (албанском) с переводом каждой фразы на известный язык В (древнееврейский).

Албанский текст дан в обычной орфографии. Для древнееврейского текста дана латинская транслитерация консонантической записи (т. е. записи без обозначения гласных).

Текст

Язык А	Язык В	Язык А	Язык В
1. Mizë pi.	— yšth zbwb.	4. Mizat pinë.	— yštw hzbwbym.
2. Miza pinin.	— štw zbwbym.	5. Miza pinë.	— yštw zbwbym.
3. Mizë pinte.	— šth zbwb.	6. Miza pi.	— yšth hzbwb.

Задание. Перевести с языка В на язык А следующие две фразы:

1. šth hzbwb.
2. štw hzbwbym.

Задача № 3 для 8 и 9 классов

В русском языке есть слово *урочище*. В разных словарях и энциклопедиях приводятся разные значения этого слова:

1) «одна из морфологических частей ландшафта географического... формируется чаще всего на основе какой-либо формы рельефа (выпуклой или вогнутой, единой по генезису и возрасту), например моренный холм, верховой болотный массив, солончаковая впадина»;

2) «естественный межевой знак, природная межа, например река, гривка, овраг»;

3) «участок, отличный от окружающей местности, например лес среди поля».

Задание 1. Определите, какое из приведённых значений наиболее древнее, какое более позднее, а какое — самое новое.

Задание 2. Найдите в современном русском языке не менее трёх слов, однокоренных слову *урочище*.

Поясните Ваше решение.

Задача № 4 для 8 классов

Даны пары близких по смыслу глаголов:

<i>потакать</i>	<i>потворствовать</i>
<i>поддакивать</i>	<i>подтверждать</i>
<i>отнекиваться</i>	<i>отрицать</i>
<i>понукать</i>	<i>поторапливать</i>
<i>бисировать</i>	<i>аплодировать</i>
<i>чертыхаться</i>	<i>ругаться</i>

Известно, что все глаголы из левого столбца обладают некоей особенностью происхождения, которой нет у глаголов из правого столбца.

Задание 1. Определите, что это за особенность.

Задание 2. Найдите среди перечисленных ниже глаголов такие, которые также имеют указанную особенность происхождения: *здороваться*, *клясться*, *тратить*, *баюкать*, *бастовать*, *тыкать*, *обвинять*. Если в каком-то случае Вы не можете сделать это с уверенностью, объясните почему.

Задание 3. Считается, что той же особенностью происхождения обладает глагол *целовать*. Какие аргументы Вы можете привести в пользу такой точки зрения?

Задача № 5 для 8 классов

Даны литовские глаголы в неопределённой форме, их латышские соответствия, образованные от литовских глаголов существительные, а также

перевод литовских глаголов на русский язык. На некоторых словах проставлено ударение в соответствии с принятыми в литовском и латышском языках правилами:

Литовский глагол	Латышский глагол	Существительное	Перевод
árti	aĩt	artùvas	пахать
bliáuti	bļaut	<u>bliautuvė</u>	блеять
déti	dēt	dētùvai	класть
<u>jungti</u>	jũgt	jungtùvės	соединять
kálti	kaĩt	káltuvė	ковать
kárti	kaĩt	kártuvės	вешать
klóti	klāt	klotùvas	стелить
kùlti	kuĩt	kùltuvas	молотить
kùrti	kuĩt	kùrtuvės	разжигать огонь
málti	<u>maĩt</u>	máltuvė	молоть
mĩnti	mĩt	mĩntuvai	мять
pĩnti	pĩt	pĩntuvės	плести
pjáuti	pļaut	<u>pjautuvas</u>	жать, косить
séti	<u>set</u>	sétuvė	сеять
šáuti	šaut	<u>šautuvas</u>	стрелять
trĩnti	trĩt	<u>trintuvai</u>	тереть
vĩrti	vĩt	<u>virtuvas</u>	кипеть
výti	vĩt	vytùvai	вить

Задание. Восстановите в подчёркнутых словах пропущенные знаки ударения. Поясните Ваше решение.

Указание. Все отглагольные существительные, рассматриваемые в задаче, образованы при помощи одного и того же суффикса. Окончания *-ė, -ės, -as, -ai* при решении учитывать не нужно.

Примечание. Знаками ` и ´ обозначаются тоны ударных слогов в литовском языке, знаками ~ и ^ — тоны слогов в латышском языке; *ė* читается как долгое *e*, *y* — как долгое *i*, *ļ* — примерно как *ль* в слове *льёт*. Сочетания *ai* и *iai* читаются в один слог.

Задача № 6-1 для 8, 9 и 10 классов

Даны глаголы *иметь, сметь, уметь*. Какие из них являются однокоренными?

(А) все; (Б) *иметь* и *сметь*; (В) *иметь* и *уметь*; (Г) *сметь* и *уметь*; (Д) никакие.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-2 для 8 и 9 классов

Дано слово *пирог* ‘кондитерское изделие’. Сколько у этого слова форм, которые в написанном виде (без проставленных ударений) нельзя принять за формы слова *пирога* ‘индейская лодка’?

(А) 0; (Б) 1; (В) 2; (Г) 3; (Д) 4.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-3 для 8 классов

Даны английские слова и их переводы на русский язык: *flame* — пламя, *hurricane* — ураган, *star* — звезда, *devil* — дьявол, *panther* — пантера. Множественное число в английском языке чаще всего образуется с помощью суффикса *-s* (читается [з]).

Название какого из этих клубов Национальной хоккейной лиги Канады и США обычно не переводят на русский язык?

(А) «Калгари Флэймз»; (Б) «Каролина Харрикейнз»; (В) «Даллас Старз»; (Г) «Нью-Джерси Дэвилз»; (Д) «Флорида Пантерз».

Кратко поясните Ваше решение.

Примечание. Знание английского языка для решения задачи НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Задача № 6-4 для 8 классов

Девочка пишет карандашом. Малыш ходит босиком. Я поговорил с другом тайком. Ученик размахивал тетрадкой. Он взглянул на меня украдкой. Сколько всего здесь слов, стоящих в творительном падеже?

(А) пять; (Б) четыре; (В) три; (Г) два; (Д) одно.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-5 для 8 классов

Какое из этих буквосочетаний встречается только в заимствованных словах?

(А) *oo*; (Б) *uo*; (В) *ao*; (Г) *yo*; (Д) среди ответов (А)–(Г) нет правильного.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 1 для 9 и 10 классов

Перед Вами — два четверостишия:

1.	2.
И, озарён луною бледной,	И, озарён луною бледной,
Простёрши руку в вышине,	Простёрши руку в вышине,
За ним несётся всадник медный	За ним несётся всадник медный
На звонко-скачущем коне...	На звонко скачущем коне...

(А. С. Пушкин, «Медный всадник»)

Задание. Объясните, в чём состоят грамматические и смысловые различия между двумя четверостишиями.

Задача № 4 для 9 и 10 классов

У киргизов (один из тюркских народов, мусульмане по вероисповеданию) существует так называемый **обряд избегания**: молодая жена не может называть по имени мужа и старших родственников мужа, поэтому ей приходится изобретать заместительные конструкции для имён, зачастую весьма сложные. Например, если имя свёкра звучало как Ала-бука («Пёстрый буйвол»), то она могла называть его Муузду-аке «Рогатый батюшка». Кроме того, при нём она не могла произносить слов «бык» и «буйвол» и тоже должна была использовать вместо них «заместительные конструкции». В другом случае жена, обращаясь к мужу, использовала конструкцию, которая в переводе на русский звучала бы как «стебель сухой травы», потому что она так перевела одно русское слово, напоминающее ей по звучанию весьма распространённое имя мужа. Кроме того, она испытывала некоторые трудности, встречаясь с другими людьми в присутствии своего мужа.

Задание 1. Назовите имя её мужа.

Задание 2. Чего именно она не могла делать, встречаясь с другими людьми в присутствии мужа?

Задача № 5 для 9 классов

Существует три гипотезы относительно происхождения русской пословицы *У семи нянек дитя без глазу*:

1) одно из слов в этой пословице раньше выглядело иначе, и сам смысл пословицы был существенно иным. Впоследствии и звучание (тем более, что на слух старый и новый вариант почти не отличаются), и, соответственно, значение пословицы изменилось;

2) пословица всегда выглядела так же, как сейчас, но одно из слов в ней первоначально имело другой смысл; близким, но несколько иным был и смысл самой пословицы. Впоследствии указанное слово стало пониматься так, как сейчас;

3) пословица всегда была такой, как сейчас, — как по звучанию, так и по значению.

Задание 1. Как выглядела пословица в соответствии с гипотезой 1? Каково было её значение?

Задание 2. Какое слово в пословице раньше имело другое значение согласно гипотезе 2? Что оно означало? Можете ли Вы привести какие-либо аргументы в пользу того, что данное слово действительно могло иметь такое значение?

Задание 3. Упорядочите три приведённые выше гипотезы по степени правдоподобия. Поясните Ваше решение.

Задача № 6-3 для 9 и 10 классов

В каком из этих слов пропущена не та буква, что в остальных?
 (А) *пред...дуций*; (Б) *пред...сполкома*; (В) *пред...нфартный*;
 (Г) *пред...стория*; (Д) во всех этих словах пропущена одна и та же буква.
 Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-4 для 9 классов

Даны последовательности слов русского языка:

они ты
он он
она ты
она я
они мы

В современном русском разговорном языке все эти последовательности, за исключением одной, написанные без знаков препинания между словами, могут встретиться в правильном простом предложении.

Укажите последовательность, которая без знаков препинания между словами не может встретиться в правильном простом предложении:

(А) *они ты*; (Б) *он он*; (В) *она ты*; (Г) *она я*; (Д) *они мы*.

Поясните Ваше решение.

Задача № 2 для 10 классов

В лингвистике принято различать несколько типов вопросов. В частности, выделяются так называемые «общие вопросы» (вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет»). Ниже даны примеры на три группы общих вопросов, выделяемые некоторыми лингвистами:

(1)

Всё в порядке?
Вы будете платить рублями?
Твой сын тоже брюнет?
Ну всё, я могу идти?
Это Миша звонил?
Я нормально выгляжу?

(2)

Есть желающие выступить?
Мне звонили, пока меня не было?
Новости есть?
Простите, это вы меня искали?
У тебя есть мечта?
У тебя что-нибудь болит?

(3)

Его сестра замужем?
Он левша?
Вы свинкой болели?
Ты решил эту задачу?
С сотни сдача найдётся?
У вас общие тетради в клетку есть?

Задание 1. Объясните, какой принцип использован в этой классификации общих вопросов.

Задание 2. Для каждого из следующих вопросов укажите, к какой из групп его следует отнести. Если для каких-то вопросов Вы не можете сделать это с уверенностью, отметьте это. Поясните Ваше решение.

*Вы чай с сахаром пьёте? Ты придумала, что тебе подарить?
Вы читали «Обломова»? У вас двухкомнатная квартира?
Запрещённые предметы везёте? Что-нибудь случилось?
Сегодня среда?*

Задание 3 (необязательное). Придумайте ещё по одному вопросу каждого из трёх типов.

Задача № 3 для 10 классов

В древнерусском языке существовало особое прошедшее время — имперфект. Форма 3 лица единственного числа имперфекта оканчивалась на *-аше*, *-яше*, форма 3 лица множественного числа — на *-аху*, *-яху*. Кроме того, к этим окончаниям в некоторых случаях мог добавляться элемент *-ть* (*-т*).

Даны фрагменты текста одного из наиболее известных памятников древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Формы имперфекта подчеркнуты:

Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашет ся мыслию по древу...

Помняшетъ бо ... пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше...

Солнце ему тьмою путь заступаше...

Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшет ся и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука...

А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

...Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно.

Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху...

Тогда врани не граахуть...

Задание. Даны ещё несколько отрывков из «Слова о полку Игореве». Определите, как в действительности выглядят в тексте «Слова...» подчеркнутые формы имперфекта (ниже все они приведены с *-ть* в скобках). Поясните Ваше решение:

Боянь же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше(ть), нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вскладаше(ть); они же сами княземъ славу рокотаху(ть).

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикаху(ть), нъ часто врани гряху(ть) ... а галици свою рѣчь говоряху(ть)...

А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху(ть) съ победами на землю Рускую.

Си ночь съ вечера одѣваху(ть) мя ... чръною паполомою...

Всеславъ князь людемъ судяше(ть), княземъ грады рядяше(ть), а самъ въ ночь влькомъ рыскаше(ть)...

Примечание. *Бо* — потому что, *ми* — мне, *тулы* — колчанами, *тлько-винь* — язычников, *ратаевѣ* — земледельцы, *мя* — меня, *паполомою* — одеялом.

Задача № 5-1 для 10 классов

Перед Вами — фрагмент стихотворения итальянского поэта Джузеппе Белли. В тексте стихотворения, как и в его названии, количество звёздочек соответствует количеству пропущенных слогов:

Взбешённый *** (фрагмент)

Зачем болтать, что я Марию бью?

А разве я не * * муж Марии?

Не суйся, * * гадина, в чужие

Дела, ведь не чужую бью, свою!

* * какая радость вам, бабью,

* * запоминать, как в истерии

Я Папу крою? Погоди, по вые

Ужо тебе, шпионка, надаю.

Я повторять * * тебе два раза

Не * * буду, даже и не жди,

Довольно одного, * * зараза!..

Задание. Восстановите второе слово названия. Поясните Ваше решение.

Задача № 5-2 для 10 классов

Буквы русского алфавита с 4-й по 8-ю, идущие по порядку, образуют вопрос «Где ёж?» Один лингвист в шутку заметил, что на этот вопрос спрашивается ответ «В загранпаспорте». Что он имел в виду?

Задача № 6-2 для 10 классов

Некоторые слова греческого происхождения можно принять за исконно русские, если их первая часть означает...

(А) *внешне-*; (Б) *ново-*; (В) *противо-*; (Г) *само-*; (Д) *лже-*.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-4 для 10 классов

Даны пять пар слов. В одном современном словаре русского языка слова в каждой из этих пяти пар рассматриваются как однокоренные. В какой из этих пар слова исторически восходят к разным корням?

(А) *брести* — *сброд*; (Б) *насест* — *сад*; (В) *перевернуть* — *обращение*;

(Г) *позарез* — *резкий*; (Д) *тошнить* — *дотошный*.

Поясните Ваше решение.

Решения задач

Решение задачи № 1 для 8 классов

Слова *мольбе* и *сабле* созвучны между собой; таким образом, можно сказать, что Пушкин использует приём аллитерации. Однако такой ответ нельзя не признать несколько бессодержательным и недостаточно точным. Гораздо более важным представляется сходство слов *мольбе* и *сабле* не между собой, а с ключевым для начальной части стихотворения словом *Стамбул*. Причём степень этого сходства можно задать абсолютно строго: все до единой согласные, входящие в слова *мольбе* и *сабле*, присутствуют и в слове *Стамбул*. Как и во многих других случаях, аллитерация служит здесь Пушкину не простым украшением, а дополнительным средством подчеркнуть ту или иную мысль. Основная же мысль приведённого отрывка такова: под развращающим влиянием Запада Стамбул перестал быть оплотом мусульманского мира, он изменил «мольбе и сабле», т. е. самой своей сути, своему изначальному предназначению.

Решение задачи № 2 для 8 и 9 классов

Эта задача может быть решена многими способами. Описанный ниже путь решения представляется нам одним из самых простых.

Каждая пара переводящих друг друга фраз состоит из четырёх слов.

Обозначим эти слова по порядку в каждой паре: А I, А II, В I, В II.

Замечаем, что изменение В I, при неизменном В II (фразы 1 и 3, 2 и 5), отражается в языке А в виде изменения А II (при неизменном А I); с другой стороны, изменение В II, при неизменном В I (фразы 1 и 6, 4 и 5), отражается в виде изменения А I (при неизменном А II).

Отсюда мы можем заключить, что слова фраз языка А и слова фраз языка В соответствуют друг другу (переводят друг друга) перекрёстно: В I — А II, В II — А I.

Выпишем оба ряда соответствий (в направлении от языка В к языку А):

В I — А II

šth (3) → pinte

štw (2) → pinin

yšth (1, 6) → pi

yštʷ (4, 5) → pině

В II — А I

zwbw (1, 3) → mizě

hzbw (6) —

zwbwym (2) —^l → miza

hzbwym (4) → mizat

Эти ряды соответствий сами по себе можно рассматривать как алгоритм перевода с языка В на язык А.

Применяем этот алгоритм к контрольным фразам:

1) *šth hzbwb* → *miza pinte*; 2) *štw hzbwbym* → *mizat pinin*.

Полученные переводы действительно правильны с точки зрения взятых реальных языков — албанского (А) и древнееврейского (В).

Решение задачи № 3 для 8 и 9 классов

Задание 1. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что сравнивать предлагается значения слова *урочище*, а не их описания. Это значит, что надо ориентироваться не на то, каким языком написаны приведённые толкования, в каких из них слова или конструкции кажутся более новыми, а в каких — более старыми, а исключительно на их смысл. Можно было бы подумать, что самое древнее значение — третье: оно достаточно общее, и от него можно за один ход перейти и к значению 1 (участок, отличающийся от соседних, осмысляется в терминах науки географии), и к значению 2 (участок, отличающийся от соседних, становится межей). Но, по условию, значения менялись не параллельно, а последовательно: самое древнее — более позднее — самое новое. Значит, значение 3 является средним звеном этой цепочки. Из двух оставшихся значений самое позднее, конечно, терминологическое (значение 1). Значит, самое раннее — значение 2, «природная межа». И действительно, это даёт ключ к пониманию того, откуда взялось слово *урочище*: это место, про которое «уреклись», то есть *уговорились*, *договорились*, что оно будет границей участка. Глагол *уречися*, действительно, существовал в древнерусском языке. Но для решения задачи этого знать не нужно, достаточно просто увидеть в слове *урочище* корень *рек-* «говорить» и вспомнить слова *уговор*, *уговориться*.

Задание 2. В принципе, чтобы выполнить это задание, достаточно (даже не сумев справиться с заданием 1) выделить в слове *урочище* суффикс *-ищ-*. Тогда можно найти в современном русском языке, например, слова *урок*, *урочный* (час), *поурочный* (план), *внеурочный*. Можно ещё обнаружить в слове *урочище* приставку *у-*, и, заменив её другими приставками, получить слова *порочный*, *зарок* и т. д. Но для тех, кто выполнил задание 1, гораздо интереснее оказывается подобрать такие слова, по которым было бы сразу видно, что в слове *урочище* можно обнаружить не только суффикс *-ищ-* и приставку *у-*, но и корень *рек-*: *речь*, *отречься*, *наречие*, *рок*, *срок*, *пророк*, *прорицатель*, *отрицание*, *нарицательный*, *прицать* — слов с этим корнем в русском языке очень много.

Решение задачи № 4 для 8 классов

Задание 1. Все глаголы из левого столбца образованы не просто от слов, а от законченных единиц речи, отдельных высказываний. Так, глагол *понука́ть* происходит не от междометия *ну* как такового, а именно от восклицания *ну!* — побуждения к действию. Можно сказать, что *понука́ть* — это

‘говорить ну’, точнее ‘побуждать к действию, говоря ну’, *потакать* — ‘говорить так’, точнее ‘соглашаться с кем-то, потворствовать ему, говоря так’, *чертыхаться* — ‘говорить чёрт’ (или, возможно, вообще ругаться, но скорее всего именно поминать чёрта), *поддакивать* — ‘соглашаться, говоря да’, *отнекиваться* — ‘отказываться, говоря не(т)’. Глагол *бисировать* устроен несколько по-другому: ‘выступать в ответ на крики *бис!*’, однако и он образован именно от возгласа *бис*.

Наличие у некоторых глаголов такой особенности происхождения впервые отметил французский лингвист Эмиль Бенвенист, который назвал их *отфразовыми*, или *делокутивными* глаголами.

Задание 2. Таковы глаголы *здороваться* (от приветствия *будь здоров* или *здорово*), *баюкать* (от *баю-бай*), *бастовать* (от итальянского *basta* ‘хватит!’), *тыкать* (в значении ‘говорить кому-либо ты (а не вы)’), но, разумеется, не в значении ‘тыкать пальцем’).

Задание 3. Глагол *целовать* происходит от слова *целый*. Можно думать, что первоначальное значение этого глагола — приветствовать собеседника словами типа *Будь цел!* (ср. *цел и невредим, уцелеть* и т. п.), **сопровождая** свои слова поцелуем. Впоследствии же глагол *целовать* стал означать уже не акт речи, а именно ритуальный физический контакт. Заметим, кстати, что *поздороваться* с собеседником мы сейчас вполне можем не словами *Будь здоров!* или по крайней мере *Здравствуй!*, а, например, словом *Привет!*, а то и вовсе кивком или рукопожатием.

Решение задачи № 5 для 8 классов

Во-первых, несмотря на то, что между звуками литовского и латышского языков на материале задачи наблюдаются вполне регулярные соответствия, для решения задачи они фактически не требуются: значение имеет только ударение.

В данных в задаче литовских словах употребляются два знака ударения: ` («гравис») и ^ («акут»), выбор между которыми зависит от гласной: над ударной гласной *i* или *u* ставится гравис, в прочих случаях — акут; заметим также, что в приведённых в задаче словах, если они содержат ударные сочетания *ai* и *iai*, ударение ставится над *a*.

В латышских словах также употребляются два знака ударения: ~ («плавное») и ^ («прерывистое»), выбор между которыми, как легко видеть из таких пар, как *mī t* и *rīt* или *bļaiūt* и *plaiūt*, от звуков слова никак не зависит. В отличие от литовского, знаки ударения в латышском ставятся над вторым компонентом дифтонга, причём к дифтонгам, очевидно, следует отнести и сочетания гласных с сонорными согласными *r* и *l*, ср. *ārt* и *kaĩt*.

Несмотря на то, что правило выбора плавного либо прерывистого ударения в латышских глаголах нельзя вывести из их звукового состава, можно обнаружить чёткое соответствие между типом ударения в латышских глаголах и местом ударения в литовских отглагольных существительных: если в латышском плавное ударение, то литовское существительное сохраняет место

и характер ударения глагола (лтш. *kaĩt* ~ лит. *káltuvė*); если же в латышском прерывистое ударение, то в литовском существительном ударение переносится на суффикс (лтш. *aĩt* ~ лит. *artùvas*).

Заполним пропуски в таблице:

Литовский глагол	Латышский глагол	Существительное	Перевод
bliáuti	bļaùt	<u>bliautùvė</u>	блеять
<u>jùngti</u>	jũgt	jungtùvės	соединять
málti	<u>maĩt</u>	máltuvė	молоть
pjáuti	pļaũt	<u>pjaũtuvas</u>	жать, косить
sėti	<u>seĩt</u>	sėtuvė	сеять
šáuti	šauĩt	<u>šauĩtuvas</u>	стрелять
trinti	trĩt	<u>trintuvai</u>	тереть
virti	viĩt	<u>virtùvas</u>	кипеть

Решение задачи № 6-1 для 8, 9 и 10 классов

Если слова являются однокоренными, но при этом начинаются по-разному, значит, у них разные приставки. Приставки *и-* в русском языке нет, значит, ответы (А), (Б) и (В) не подходят. Но, может быть, один и тот же корень имеют глаголы *сметь* и *уметь*? Общий смысл, если постараться, уловить можно, — но впрочем, если очень захотеть, можно усмотреть общий смысл практически у любой пары слов. Как же выяснить, являются ли в данном случае *с-* и *у-* приставками? Правильный ответ можно выбрать на том основании, что никакого корня *ме-* в русском языке нет. А можно провести и более тонкое рассуждение: если у глагола есть приставка, то он должен быть совершенного вида — если, конечно, у него при этом нет суффикса, образующего несовершенный вид от приставочных глаголов, например, *-ыва-*. У глаголов *сметь* и *уметь* такого суффикса нет, но они несовершенного вида. Значит, нет у них и приставок. Следовательно, начальные *с-* и *у-* в этих глаголах относятся к корню. Ответ: (Д).

Решение задачи № 6-2 для 8 и 9 классов

Просклоняем оба слова:

	ед.ч.	мн.ч.
Им. пад.	<i>пирог, пирога</i>	<i>пирогы, пироги</i>
Род. пад.	<i>пирога, пироги</i>	<i>пирогов, пирог</i>
Дат. пад.	<i>пирогу, пироге</i>	<i>пирогам, пирогам</i>
Вин. пад.	<i>пирог, пирогу</i>	<i>пирогы, пироги</i>
Твор. пад.	<i>пирогом, пирогой</i>	<i>пирогами, пирогами</i>
Предл. пад.	<i>(о) пироге, (о) пироге</i>	<i>(о) пирогах, (о) пирогах.</i>

Видно, что не находят соответствия среди форм слова *пирога* «индейская лодка» только твор. пад. ед. ч. *пирогом* и род. пад. мн. ч. *пирогов*. Ответ: (В).

Решение задачи № 6-3 для 8 классов

Как явствует из условия задачи, все перечисленные названия команд содержат существительное во множественном числе. Попробуем перевести их на русский язык. В четырёх случаях из пяти сделать это оказывается очень просто: «Ураганы из Каролины», «Далласские звёзды», «Дьяволы из Нью-Джерси», «Флоридские пантеры». А вот точно перевести название команды из Калгари не получается: в русском языке, в отличие от английского, слово «пламя» практически никогда не употребляется во множественном числе. Ответ: (А).

Решение задачи № 6-4 для 8 классов

Слова *карандашом* и *тетрадкой* — несомненные существительные, слова *босиком*, *тайком* и *украдкой* — столь же несомненные наречия (слов **босик*, **таёк* и **украдка* в русском языке вообще нет). Главное — не пропустить ещё одну форму творительного падежа — *(с) другом*. Таким образом, в этих предложениях имеется всего три слова, стоящих в творительном падеже. Ответ: (В).

Решение задачи № 6-5 для 8 классов

Если хорошенько подумать, не составляет труда подобрать исконно русские слова с каждым из четырёх приведённых в задаче сочетаний гласных, например: *пообедать*, *приодеться*, *наоборот*, *полуостров* (или *двуокись*). Таким образом, правильный ответ: (Д).

Решение задачи № 1 для 9 и 10 классов

Приведённые в условии задачи четверостишия — пушкинское и то, которое Пушкин «мог бы написать», — отличаются одним-единственным знаком: наличием-отсутствием дефиса между словами *звонко* и *скачушем*. Однако различия между ними весьма существенны. Во втором четверостишии *скачушем* — это причастие, служащее определением к слову *коню*, а *звонко* — обстоятельство образа действия, зависящее от *скачушем*: *на коню* (каком?) *скачушем*, *скачушем* (как?) *звонко*. В первом же четверостишии *звонко-скачушем* — это единое сложное прилагательное. Многие участники олимпиады называли эту форму сложным причастием, но это неверно: причастие — форма глагола, а глагола **звонко-скакать*, разумеется, не существует (как было справедливо подмечено в одной из работ, в русском языке вообще нет глаголов, пишущихся через дефис). Таким образом, если во втором четверостишии перед нами вполне обычная картина: конь звонко скачет по мостовой — например, потому, что мостовая булыжная, а сам конь хорошо подкован, — то пушкинское описание несравненно выразительнее: *звонко-скачущий* — это **постоянное свойство** коня. Как такое может быть, понятно из сюжета поэмы, да и просто из её названия: конь Петра действительно *звонко-скачущий* — ведь он изображён в движении и при этом сделан

из бронзы (слова *бронзовый* и *медный* в поэтическом языке XVIII–XIX вв. могли употребляться как синонимы).

Решение задачи № 4 для 9 и 10 классов

Задание 1. Русское слово, которое имела в виду героиня задачи, — это слово *солома*. Соответственно, её мужа могли звать *Салам* или *Селим*, с несколько меньшей вероятностью — *Сулейман*, а если считать, что сам он мог быть по национальности не киргизом, а, скажем, русским или евреем, то подходит и вариант *Соломон*.

Задание 2. Встречаясь с другими людьми в присутствии своего мужа, молодая женщина не могла произносить ни традиционное мусульманское (арабское по происхождению) приветствие *Салям алейкум!* «Мир тебе!», ни ответ на него — *Валейкум салям!* «И тебе мир!»: слово *салям* звучало слишком похоже на имя её мужа.

Решение задачи № 5 для 9 классов

Задание 1. В соответствии с гипотезой 1 пословица первоначально звучала как *У семи нянек дитя без сглазу* (сочетания *без сглазу* и *без глазу* действительно произносятся практически одинаково) и означала нечто вроде: «Если надзирателей много, объекту их попечения не грозит не только физический, но и моральный вред».

Задание 2. Нетрудно догадаться, что речь в этом задании идёт о слове *глаз*, имевшем, согласно гипотезе 2, значение «надзор, присмотр». О том, что такое значение у слова *глаз* действительно существует, свидетельствует выражение *За ним глаз да глаз нужен*, т. е. «Его нельзя оставить без присмотра даже на короткое время».

Задание 3. Разумеется, «единственно правильного», абсолютно точного ответа на это задание не существует: каждый вправе считать наиболее убедительной ту гипотезу, которая ему нравится, — все они исходят от учёных-этимологов и выдвигались вполне всерьёз. Тем не менее попробуем высказать некоторые соображения на этот счёт.

Гипотеза 1 выглядит странно сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, получается, что в исходном своём варианте пословица содержала призыв стараться возложить ответственность за какое-либо дело на как можно большее число людей. Между тем и опыт, и просто здравый смысл, безусловно, говорят против такого подхода. Кроме того, если уж наши предки всерьёз верили в сглаз как в некое вредоносное магическое действие, то и бороться с ним, согласно их представлениям, надлежало магическими же или, быть может, религиозными обрядами, а уж никак не количеством опекунов потенциальной «жертвы».

Нынешний вариант пословицы нам привычен, а потому кажется логичным и понятным, на чём и основана гипотеза 3. Однако, если вдуматься, её текст всё же выглядит достаточно странно: почему несчастный ребёнок должен был лишиться именно глаза, и почему об этом говорится с таким

ироническим спокойствием? Как кажется, стилистика «чёрного юмора» для подлинных русских народных пословиц всё же нехарактерна.

Наконец, гипотеза 2 практически не имеет слабых мест. «У семи нянек дитя без надзора» — краткое, выразительное и точное описание хорошо знакомой всем ситуации неразберихи и хаоса, почти неизбежно возникающих, если за какую-то работу берётся слишком много «начальников». Таким образом, именно гипотеза 2 представляется наиболее вероятной.

Решение задачи № 6-3 для 9 и 10 классов

Согласно правилам, после приставок, оканчивающихся на согласную, вместо *и* пишется *ы*. Однако это правило не распространяется на сложносокращённые слова. Именно таким словом является *предисполкома* — председатель исполнительного комитета. Таким образом, ответ: (Б).

Решение задачи № 6-4 для 9 классов

Правильный ответ — *они ты* — нетрудно вычислить «из общих соображений»: можно заметить, что во всех остальных сочетаниях местоимения согласованы по числу (ед. ч. — *она я*, мн. ч. — *они мы* и т. д.). Однако такого чисто формального объяснения для решения задачи недостаточно, необходимо привести примеры. Здесь начинается самое трудное.

С некоторой натяжкой в качестве подходящих примеров могут рассматриваться высказывания, сообщающие о тождестве некоторых лиц. В таких предложениях между подлежащим и сказуемым нормально ставится тире (*Значит, он — ты? А я и не знал!*), однако это не вполне обязательно — ср., например, иронические строки современного поэта Льва Лосева:

...Он спросил меня: «Вы — Лосев?»
Я ответил, что я я.

С другой стороны, можно вообразить себе такую ситуацию, при которой фраза типа *Значит, они ты?!* также окажется допустимой, т. е. получится, что правильного ответа нет вообще.

Лучше отвечает условию задачи более «экзотический» вариант той же конструкции, встречающийся в диалогах типа: *Значит, она — это ты? — Да не она я!* Правда, стоит заметить, что, скажем, фраза *Да не они мы!* в подобной ситуации мыслима разве что теоретически.

Самые же удачные и бесспорные примеры — действительно очень характерные для разговорной речи выражения *Вот он я! Вот она ты! Вот он он!* и т. п. Нередко встречаются такие обороты и в литературе — вспомним, например, строки из поэмы Александра Твардовского «Ленин и печник»:

...Входят гости: — Вы такой-то?
Свесил руки: — Вот он я...

Итак, правильный ответ: (А).

Решение задачи № 2 для 10 классов

Задание 1. Как и сказано в условии, все приведённые в задаче вопросы являются общими — в отличие от частных вопросов, на которые нельзя ответить «да» или «нет» (в самом деле, очень странно выглядели бы такие ответы: *Куда ты едешь? — Да; Что ты купил? — Нет*). Тем не менее, на многие общие вопросы дать краткие ответы «да» и «нет» недостаточно: тот или другой ответ может требовать пояснения. Этот признак и лежит в основе распределения общих вопросов на три группы.

В первую группу входят вопросы, на которые в нормальном случае недостаточно дать краткий ответ «нет» — он должен быть дополнен какой-то информацией. *Всё в порядке? — Нет, машина сломалась. Вы будете платить рублями? — Нет, долларами. Я нормально выгляжу? — Нет, поправь причёску.* Ответа же «да» вполне достаточно (его, собственно, обычно и ожидает спрашивающий): *Ну всё, я могу идти? — Да.* Во вторую группу входят вопросы, на которые, наоборот, недостаточно ответить просто «да» — такой ответ требует пояснения. *Новости есть? — Да, новое расписание появилось. У тебя есть мечта? — Да, я хотел бы полетать на воздушном шаре. У тебя что-нибудь болит? — Да, голова.* Краткий ответ «нет» здесь пояснения не требует и обычно завершает диалог: *Мне звонили, пока меня не было? — Нет.* В третьей группе пояснения необязательны ни в том, ни в другом случае: *Его сестра замужем? — Да. / Нет. Вы свинкой болели? — Да. / Нет.*

Задание 2. Попробуем ответить «да» или «нет» на вопросы, приведённые в задании, посмотрим, в каких случаях нужны комментарии, и в зависимости от этого отнесём каждый вопрос к одной из трёх групп:

Вы чай с сахаром пьёте? — Да. / Нет. (3)

Ты придумала, что тебе подарить? — Да, шарф. / Нет. (2)

Вы читали «Обломова»? — Да. / Нет. (3)

У вас двухкомнатная квартира? — Да. / Нет, трёхкомнатная. (1)

Запрещённые предметы везёте? — Да, пистолеты. / Нет. (2)

Что-нибудь случилось? — Да, учитель заболел. / Нет. (2)

Сегодня среда? — Да. / Нет, четверг. (1)

Для некоторых вопросов возможно и другое решение — всё зависит от конкретной речевой ситуации (или, как говорят лингвисты, от прагматики). Например, если первый вопрос задан в ситуации, когда спрашивающий держит наготове сахарницу, в случае «да» естественно уточнить количество сахара: *Вы чай с сахаром пьёте? — Да, две ложки, если можно. / Нет. (2).* Для некоторых других вопросов тоже можно придумать ситуации, требующие тех или иных уточнений, но они будут менее естественными.

Задание 3. Приведём ещё примеры вопросов каждого типа:

Вы приехали на метро? — Да. / Нет, на трамвае. (1)

Ваш сын занимается спортом? — Да, теннисом. / Нет. (2)

Ты уже купил новую книгу о Летних школах? — Да. / Нет. (3)

Решение задачи № 3 для 10 классов

Анализируя те примеры, в которых формы имперфекта содержат конечное *-ть* (или *-т*), приходим к следующим выводам:

– *-ть* (перед возвратным местоимением *-ся* — *-т*) добавляется в том случае, если за глагольной формой следует односложное слово не из числа существительных, прилагательных и глаголов: *растекашет ся, помняшет бо, сыпахуть ми* и т. д. Существенно, что это слово должно относиться именно к глаголу (и, вероятно, произноситься с ним слитно): *потому что помнил, сыпали мне*; показательна история местоимения *-ся*, которое в современном русском языке превратилось в особого рода суффикс (или «постфикс») и вообще не может стоять отдельно от глагола: *растекался*. Во фразе *...крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше* союз *и* не относится непосредственно к глаголу *коваше*, поэтому *-ть* не добавляется;

– *-ть* обязательно добавляется также к сказуемому (или каждому из нескольких однородных сказуемых) в предложениях, начинающихся словом *тогда*. Особенно показательны в этом отношении два последних предложения: *Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху — Тогда врани не граахуть*.

Разумеется, эти два фактора могут действовать одновременно, как в предложении *Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшет ся и растяшет усобицами, погибашет жизнь Даждьбожа внука*.

Во всех остальных случаях формы имперфекта не имеют конечного *-т(ь)*.

Таким образом, можно выполнить задание:

Боянь же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани гряхуть ... а галици свою рѣчь говорахуть...

А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую.

Си ночь съ вечера одѣвахуть мя ... чрѣною паполомою...

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше...

Впервые это правило употребления форм древнерусского имперфекта (а также то, что оно действует не во всех древнерусских памятниках, а лишь в некоторых из них) установил замечательный американский лингвист А. Тимберлейк.

Решение задачи № 5-1 для 10 классов

Решить эту очень сложную задачу можно, если заметить, что при удалении звёздочек текст стихотворения остаётся абсолютно синтаксически связным — никакие смысловые добавления не нужны, а в некоторых местах (например, внутри обращений) просто-таки невозможны. Что же скрывает-

ся за звёздочками? Междометия? Но они выделяются запятыми; кроме того, такая версия никак не помогает восстановить название. Значит, герой стихотворения по какой-то причине всё время повторяет одни и те же слова... или, может быть, их части? От этого предположения — один шаг до правильного ответа:

Взбешённый заика

Зачем болтать, что я Марию бью?
 А разве я не **му-му**-муж Марии?
 Не суйся, **га-га**-гадина, в чужие
 Дела, ведь не чужую бью, свою!
Ка-ка-какая радость вам, бабулю,
За-за-запоминать, как в истерии
 Я Папу крою? Погоди, по вые
 Ужо тебе, шпионка, надаю...
 И т. д.

Решение задачи № 5-2 для 10 классов

3-я буква русского алфавита — в, 9-я — з. Таким образом, можно сказать, что вопрос *Где ёж?* находится «между В и З», а если пренебречь пробелами и разницей между буквами и звуками (что в разного рода играх с языком иногда допускается), получится «между виз». Визы же, как известно, ставят в загранпаспорт. Именно это и имел в виду известный лингвист И. А. Держанский (он же — автор задачи).

Решение задачи № 6-2 для 10 классов

Внешне- по-гречески *экзо-* (ср. *экзогенный*), *противо-* — *анти-* (*антиколониальный*), *само-* — *авто-* (*автограф*), *лже-* — *псевдо-* (*псевдоподиш*). Слова, содержащие любой из этих элементов, принять за исконно русские едва ли возможно. А вот элемент *ново-*, т. е. *нео-* (*неоплатонизм*), выглядит как сочетание двух русских приставок: *не-* и *о-*. Поэтому, встретив незнакомое греческое слово, начинающееся на *нео-*, мы действительно можем не догадаться о его иноязычном происхождении: например, слово *неолит* «новый каменный век» может показаться как-то связанным с глаголом *лечь* и т. п. Ответ: (Б).

Решение задачи № 6-4 для 10 классов

Слова *брести* и *сброд* восходят к одному и тому же корню. *Сброд* — буквально «люди, которые сошлись (сбрелись) из разных мест». Чередование *е ~ о* для русского языка обычно, ср. *перенести* — *перенос*, *мель* — *мукомол* и т. п. Интересно, что похожее смысловое развитие наблюдается в слове *сволочь*, буквально значение которого — опять-таки «люди, которые сошлись (сволоклись) из разных мест».

Слова *насед* и *сад* — также однокоренные. Слово *насед* образовано от глагола *сест* с помощью приставки *на-* и очень редкого суффикса *-т*.

Чередование $d \sim c$ перед t наблюдается и в неопределённой форме глаголов: *сяду* — *сесть*, *краду* — *красть* и т. д., — и в существительных: *ведать* — *весть*, *сладкий* — *сласть* и т. д. Первоначальное значение слова *сад* — «то, что посажено»; смысловая связь глаголов *сесть* и *посадить* очевидна, встречается в русском языке и чередование $e \sim a$ (например, *лезть* — *лазить*).

В слове *перевернуть* выделяется корень *-вер-*, в слове *обращение* — корень *-рац-*. Ни одного общего звука, кроме *р*! Поверить в то, что эти слова могут быть однокоренными, казалось бы, невозможно. И тем не менее это так. Сравнивая глаголы *перевернуть* и *вертеть*, выясняем, что *-т-* выпадает перед суффиксом *-ну-* (ср. *шептать* — *шепнуть*, *двигать* — *двинуть* и др.), а слово *обращение* образовано от глагола *обратить(ся)* (чередование $t \sim ц$ встречается нередко, хотя и только в словах, заимствованных из церковнославянского языка, ср. *смутить* — *смущение*, *питаться* — *пища*). В слове *обратить* выделяется приставка *об-*, после которой начальное корневое *в-* может выпадать: ср. *владеет* — *обладать*, *привычный* — *обычный* и т. д. Итак, мы доказали что корневые варианты *вер-* и *-рац-* могут быть сведены к вариантам *верт-* и *врат-*. Но возможно ли чередование $-ер-$ ~ $-ра-$? Оказывается, и такое чередование в русском языке встречается (при этом варианты с неполногласным сочетанием *-ра-*, как мы уже убедились выше, представляют собой церковнославянские заимствования): *мерзкий* — *мразь*, *меркнуть* — *мрак*, *смердеть* — *смрад*.

Связь между словами *позарез* и *резкий* установить, пожалуй, проще всего. Оба они образованы от глагола *резать* с использованием метафорического переноса: (*нужен*) *позарез* — «так нужен, что, если не удастся достать, останется только зарезаться», *резкий (ветер)* — «такой неприятный, что словно режет кожу».

А вот слово *дотошный* — раньше оно писалось как *дотошный* — образовано вовсе не от глагола *тошнить*, а от исчезнувшего сочетания *до точи* «в точности, досконально» (ср. *точь-в-точь*). Тем не менее, как показывают исследования, многие носители русского языка, особенно младшего поколения, действительно связывают *дотошный* с *тошнить*, очевидно, определяя для себя его значение уже не как «тщательный, педантичный, склонный к подробным расспросам», а скорее как «введливый, занудный до тошноты». Таким образом, решение, принятое авторами «Словаря морфем русского языка», оставаясь спорным, в известной мере отражает современную языковую реальность. Ответ: (Д).

Авторы задач и количество баллов за каждую задачу**8 класс:**

- (1) № 1 «Стамбул гяуры...» (И. Б. Иткин)
- (1) № 2 «А и В» (А. А. Зализняк)
- (1) № 3 «Урочище» (С. А. Бурлак)
- (1) № 4 «Другой Эмиль» (А. С. Бердичевский)
- (1) № 5 «Метонимия» (П. М. Аркадьев)
- (0,5) № 6-1 «-меть» (С. А. Бурлак)
- (0,5) № 6-2 «Пирог» (С. А. Бурлак)
- (0,5) № 6-3 «НХЛ» (И. Б. Иткин)
- (0,5) № 6-4 «Карандашом» (Е. В. Вельмезова)
- (0,5) № 6-5 «Сочетания гласных» (Е. А. Ренковская)

9 класс:

- (1) № 1 «Сумасшедший дефис» (И. Б. Иткин)
- (1) № 2 «А и В» (А. А. Зализняк)
- (1) № 3 «Урочище» (С. А. Бурлак)
- (1) № 4 «Киргизская жена» (А. С. Архипова)
- (1) № 5 «Семь няnek» (И. Б. Иткин)
- (0,5) № 6-1 «-меть» (С. А. Бурлак)
- (0,5) № 6-2 «Пирог» (С. А. Бурлак)
- (0,5) № 6-3 «Пред-ы-...» (К. А. Кноп)
- (1) № 6-4 «Он он» (С. И. Переверзева)

10 класс:

- (1) № 1 «Сумасшедший дефис» (И. Б. Иткин)
- (1) № 2 «Что за вопрос?» (Б. Л. Иомдин)
- (1) № 3 «Дремучая змея» (И. Б. Иткин)
- (1) № 4 «Киргизская жена» (А. С. Архипова)
- (0,5) № 5-1 «Сонет Джузеппе Белли» (И. Б. Иткин по идее К. Науменко)
- (0,5) № 5-2 «Где ёж?» (И. А. Держанский)
- (0,5) № 6-1 «-меть» (С. А. Бурлак)
- (0,5) № 6-2 «Не о...» (И. Б. Иткин)
- (0,5) № 6-3 «Пред-ы-...» (К. А. Кноп)
- (1) № 6-4 «Дотошный» (И. Б. Иткин)

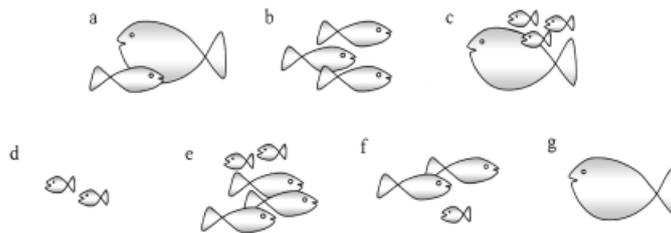
Олимпиада Летней лингвистической школы — 2008

Задача № 1 для 8 классов

Русский писатель первой половины XIX века *Орест Сомов* иногда выступал под псевдонимом *Семён Осетров*.

Задание. Как образован этот псевдоним? Постарайтесь, чтобы Ваш ответ был как можно более полным.

Задача № 2 для 8 классов

Семеро рыбаков из племени уро рассказывают на языке аймара* про свой улов:

Mä hach'a challwawa challwataxa.

Kimsa hach'a challwawa challwataxa.

Mä challwa mä hach'a challwampiwa challwataxa.

Mä hach'a challwa kimsa challwallampiwa challwataxa.

Paya challwallawa challwataxa.

Mä challwalla paya challwampiwa challwataxa.

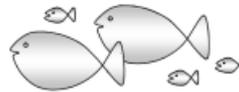
Kimsa challwa paya challwallampiwa challwataxa.

Задание 1. Кто что поймал? Внимание! Один рыбак врёт.

Задание 2. Вот что поймали Вы:

Опишите свой улов на языке аймара.

Только, чур, честно!

* На языке аймара говорит более 2 млн. человек в Боливии и Перу. Представители одного из племён, говорящих на аймара, — племени уро — живут на тростниковых островах, дрейфующих по поверхности высокогорного озера Титикака.

Задача № 3 для 8 классов

Даны соответствующие друг другу слова двух близкородственных языков — сербского и русского:

свећа — свеча	сеча — сеча
стражиш — сторожишь	влачиш — волочишь
крађа — кража	млађе — моложе
хоћеш — хочешь	бежиш — бежишь

Задание. Переведите на сербский язык: *горожанин, учишь, дорожке, круче* (сравнительная степень), *горче*. Поясните Ваше решение.

Примечание. Сербское *ћ* читается несколько мягче, чем русское *ч*, сербское *ч* — несколько твёрже, чем русское *ч*; *ђ* — звонкий согласный, парный к *ћ*.

Задача № 4 для 8 классов

Преподаватели русского языка как иностранного делят русские глаголы на три группы по определённому признаку. Ниже даны примеры глаголов каждой из трёх групп:

Группа А	Группа Б	Группа В
<i>резать</i>	<i>давать</i>	<i>обмануть</i>
<i>забыть</i>	<i>идти</i>	<i>лепить</i>
<i>зеленеть</i>	<i>говорить</i>	<i>пахать</i>

Признак называется: «... в спрягаемых формах глагола».

Задание 1. Заполните пропуск. Кратко поясните Ваше решение.

Задание 2. Определите, к какой группе относятся следующие глаголы: *ковать, налить, двинуть, положить, кутить, вернуть, мылить, тянуть, сесть*.

Задача № 5-1 для 8 и 9 классов

Даны фрагменты из двух произведений А. и Б. Стругацких:

«Обитаемый остров»

- Капрал, наручники! Двойные наручники! Шевелись, массаракш!
- И нечего на меня орать, сами виноваты, проспали свой мир, массаракш, оскотинили, как последнее зверьё!
- И почему это, массаракш, надо предоставлять какие-то льготы кандидату Симу? Пусть привыкает, массаракш и массаракш!
- Массаракш! Каждый раз я забываю про это чёртово устройство!
- Массаракш, я ужасно рад, что вы живы, Мак!

6. Можно, конечно, попытаться сколотить группу из незнакомых, но — массаракш! — надо быть честным с самим собой: я для этого не гожусь.
7. Положение, массаракш, было ужасным. Оно было безвыходным, массаракш! Впереди, массаракш, была верная смерть. Позади, массаракш, тоже. Максим всегда был болваном и психом, массаракш, но эта его выходка, массаракш, надо полагать, последняя, массаракш и массаракш!..
8. Рада, которая, массаракш, всё-таки всё слышала у себя за ширмой, спросила, чем выродки отличаются от обычных людей?

«Улитка на склоне»

9. – Ещё бы не иду, шерсть на носу, когда закваски на семерых наготовил, в дом не войти, воняет — жить невозможно...
10. Вон стоит, шерсть на носу, глаз вылупил, а сам слепой, как пятка, шерсть на носу!
11. Да разве в озере можно жить, шерсть на носу? Мы же там все потонем, там же вода, шерсть на носу, мало ли что там бабы, а я в воду даже за бабами не полезу, я плавать не умею, да и зачем?
12. Если воры встретятся, половину отдадим, не жалко, шерсть на носу, а другую половину в деревню отведём...
13. Как же нет войны, шерсть на носу, отвечали ему, когда за чудаковой деревней полное озеро утопленников?
14. Кулак, трусивший рядом, говорил: — А помнишь, Молчун, как ты на мертвяка прыгал? Как, он, понимаешь, на него прыгнет, шерсть на носу, да как его за голову ухватит, обнял, будто свою Наву, шерсть на носу, да как заорёт!..
15. Один вот так стоял, дали ему в глаз, больше не стоит, шерсть на носу, а в тростники я не пойду, как хочешь!
16. Старуха же ругается, житья нет, шерсть на носу! Слушай, Молчун, давай старуху мою возьмём, может, её воры отберут, я бы отдал, а?
17. Ты, значит, в воду полезешь, шерсть на носу, а я на берегу останусь, и мы с тобой этак быстро управимся.
18. Я его спрашиваю: а кто ты такой, чтобы мне объяснять, что мне нельзя, а что можно, шерсть на носу? Не говорит, сам не знает, про город какой-то бормочет.

Задание. Установите, опираясь на материал задачи, в каких случаях может употребляться слово *массаракш*, но не может употребляться выражение *шерсть на носу*. Постарайтесь, чтобы Ваше правило было как можно более коротким.

Задача № 5-2 для 8 классов

Перед Вами — стихотворение китайского поэта Цзяо Жаня «Три жены мандарина» в переводе Н. Гумилёва. Некоторые строки пропущены:

Законная жена
 Есть ещё вино в глубокой чашке,

 От начала мира уважает
 Мандарин законную супругу.

Наложница

 Если нет детей у мандарина,
 Мандарин наложницу заводит.

Служанка

 Каждый вечер новую он хочет.

Мандарин

 Замолчите, глупые болтушки,
 И не смейтесь над несчастным старцем.

Даны также некоторые из пропущенных строк в случайном порядке:

Больше нет вина в глубокой чашке	И на блюде ласточкины гнёзда
Для чего вы обе мандарину	И на блюде разное варенье
И на блюде гусь большой и жирный	И на блюде — только красный перец

Задание. Восстановите полный текст стихотворения. Поясните Ваше решение.

Задача № 6-1 для 8 классов

Закончите афоризм А.И. Герцена: «Где не погребло слово, там...».

(А) можно жить свободно; (Б) и дело ещё не погребло; (В) демократия; (Г) соблюдают права человека; (Д) настоящий рай.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-2 для 8 классов

Сколько слов в данном списке: *вопреки, наперекор, попере́к, наперекосьяк, прекословить, перечить* — являются исторически однокоренными?

(А) 2; (Б) 3; (В) 4; (Г) 5; (Д) все.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-3 для 8 классов

Перед Вами — отрывок из стихотворения И. Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...». Одно слово пропущено:

Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал чёрной толью гумна
и не пил только ... воду.

Задание 1. Какое слово должно стоять на месте пропуска?

(А) сырую; (Б) сухую; (В) морскую; (Г) солёную; (Д) дистиллированную.

Кратко поясните Ваше решение.

Задание 2. Какое слово в приведённом отрывке употреблено не в соответствии с современной литературной нормой?

Задача № 6-4 для 8 классов

Немецкое слово *Ente*, как и русское *утка*, может обозначать не только водоплавающую птицу, но и недостоверную газетную сенсацию. По одной из версий, появление у немецкого слова второго значения связано с тем, что в Германии в конце XVII в. недостоверные статьи помечали аббревиатурой латинского выражения, означающего 'не проверено'. Как выглядит это выражение?

(А) nōn testātur; (Б) nōn exāminātum; (В) nōn recōgnitus est; (Г) exāminandum; (Д) anti-testāns.

Поясните Ваше решение.

Задача № 1 для 9 и 10 классов

Даны существительные на бретонском* языке с определённым артиклем:

ar bleiz	волк	ar rastell	грабли	ar jao	конь
ar gador	стул	an nadoz	игла	_ dour	вода
an daol	стол	ar chistr	сидр	_ skrapet	вор
ar faou	бук	ar folenn	лист бумаги	_ lez	берег
an tach	гвоздь	ar zebr	зебра	_ prenestr	окно
ar voget	стена				

Известно, что всего форм определённого артикля в бретонском языке три.

Задание. Заполните пропуски.

Примечание. *ch* читается примерно как русское *ш*, *j* — как русское *ж*. *Сидр* — напиток из яблок.

* Бретонский язык — один из кельтских языков. На нём говорит более 200.000 человек на северо-западе Франции в области Бретань.

Задача № 2 для 9 классов

Один лингвист изучал свойства некоторых русских глаголов. Подводя итог своей работе, он нарисовал для шести из них следующие диаграммы:

	Слова группы 1, например: <i>справедливость, вмешательство, отдых...</i>	Слова группы 2, например: <i>вода, мороженое, деньги...</i>	Слова группы 3, например: <i>стакан, автобус, конфета...</i>	Слова группы 4, например: <i>Дима, судья, кошка...</i>
<i>просить</i>				
<i>искать</i>				
<i>дожидаться</i> <i>бояться</i>				
<i>добиваться</i> <i>опасаться</i>				

Задание 1. Объясните, по какому принципу лингвист разделил существительные на группы 1–4.

Задание 2. Какие сведения о глаголах отражены на диаграммах?

Задание 3. Нарисуйте диаграммы для следующих глаголов:

ждать, избегать, хотеть, остерегаться, требовать, стыдиться.

Поясните Ваше решение.

Задача № 3 для 9 и 10 классов

Даны числительные языка абнаки*:

4802	<i>iawδmkuaki taba nsδzek kasatgua taba nis</i>
1580	<i>nguedδmkuaki taba nδnнатgua taba nsδzek kasinska</i>
6407	<i>nguedδz kasδmkuaki taba iawatgua taba tδbawδz</i>
217	<i>nisatgua taba tδbawδz kasδnkaw</i>
9013	<i>noliwi kasδmkuaki taba nsδnkaw</i>
3064	<i>nsδmkuaki taba nguedδz kasinska taba iaw</i>
5120	<i>nδnnδmkuaki taba nguedatgua taba nisinska</i>
739	<i>tδbawδz kasatgua taba nsinska taba noliwi</i>

Задание 1. Запишите цифрами:

tδbawδz kasδmkuaki taba iawinska taba nguedδz

noliwi kasatgua taba nisδnkaw

* Абнаки – один из алгонкинских языков. Был распространён на востоке США и Канады. В настоящее время вымер или находится на грани вымирания.

Задание 2. Запишите на языке абнаки: 58; 2316.

Примечание. 8 — особый гласный языка абнаки.

Задача № 4 для 9 и 10 классов

Переводчик информационного агентства Swift News (Мгновенные Новости), куда регулярно поступает большое количество материалов на английском языке, для оперативности вначале переводит заголовки статей, а затем — выборочно — сами статьи. Иногда такой метод работы приводит к тому, что перевод заголовков оказывается не соответствующим содержанию статей. Известно, что из статей, заголовки которых приведены ниже, такое произошло с тремя.

1. Budget Cut Threatens Railway Modernization Project Funding.	1. Сокращение бюджета угрожает финансированию проекта по модернизации железных дорог.
2. Cold Winter Threatens Start of Shipping Season in Small Lakes.	2. Холодная зима ставит под угрозу начало навигации на Малых Озёрах.
3. Insanitariness in Brobdingnag Threatens Cholera Outbreak.	3. Антисанитария в Бробдингнег угрожает вспышкой холеры.
4. New Crisis in Blefuscu Threatens Collapse of Peace Talks.	4. Новый кризис в Блефуску грозит срывом мирных переговоров.
5. Password Leak From Megasoft Threatens Mass Piracy.	5. Утечка паролей из компании Мегасофт может привести к массовому пиратству.
6. Population Crisis in Lilliput Threatens Tax Reform.	6. Демографический кризис в Лилипутии ставит под угрозу налоговую реформу.
7. Sudden Weather Change Threatens Arrival of Reinforcements to Besieged City.	7. Внезапная перемена погоды грозит прибытием подкреплений в осаждённый город.
8. Suspension of Talks Threatens Peace Process in Lilliput and Blefuscu.	8. Приостановление переговоров угрожает мирному процессу в Лилипутии и Блефуску.
9. Unexpected Event in Country of Houyhnhnms Threatens Early Elections.	9. Неожиданное событие в Стране Гуигнгнмов может привести к досрочным выборам.
10. Terrorists Activity Threatens Public Security.	10. Террористическая деятельность угрожает безопасности в обществе.
11. Global Cooling Threatens Food Shortages.	11. Глобальное похолодание грозит нехваткой продовольствия.

Задание. Укажите, переводы каких заголовков не соответствовали содержанию статей, и дайте нужные переводы. Поясните Ваше решение.

Примечание. Знание английского языка для решения задачи НЕ ТРЕБУЕТСЯ. Лилипутия, Блефуску, Бробдингнег и Страна Гуигнгнмов — вымышленные страны, описанные в произведениях английского писателя Джонатана Свифта (1667-1745).

Задача № 5-2 для 9 классов

Перед Вами — фрагмент из песни современного поэта и автора песен Михаила Щербакова, в котором три слова заменены буквами А, В и С:

*Насладиться — А нет. Исцелиться — В нет.
Отравиться — С нет.*

Известно, что по некоторому признаку слово А так же относится к слову В, как слово В — к слову С.

Задание. Определите, какие слова заменены буквами А, В и С. Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-1 для 9 классов

Редактируя японско-русский словарь, один лингвист обнаружил, что в качестве переводов японского слова *бё:до:* в нём указаны слова *равный, равенство, равняться, равенние и равно*. Подумав, он удалил один из переводов. Какой?

(А) *равный*; (Б) *равенство*; (В) *равняться*; (Г) *равнение*; (Д) *равно*.

Кратко поясните Ваше решение.

Примечание. Двоеточие после гласной обозначает долготу.

Задача № 6-2 для 9 и 10 классов

Какое из этих слов исторически не родственно остальным?

(А) *череп*; (Б) *черепаха*; (В) *черепица*; (Г) *черепок*; (Д) все эти слова исторически родственны.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-3 для 9 классов

Хи-хи, ку-ку... Какое слово закономерно продолжает этот ряд?

(А) *ха-ха*; (Б) *хе-хе*; (В) *ах-ах*; (Г) *ну-ну*; (Д) *ш-ш*.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-4 для 9 и 10 классов

В 1783 году был напечатан «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина. Как в наши дни называются словари такого типа?

(А) словари омонимов; (Б) словари синонимов; (В) словари паронимов; (Г) словари иностранных слов; (Д) энциклопедические словари.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-5 для 9 и 10 классов

В сербском языке есть слово *другде*. Что оно означает?

(А) ‘наверное, друг’; (Б) ‘по-другому’; (В) ‘где’; (Г) ‘в другом месте’; (Д) ‘по-дружески’.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 2 для 10 классов

Русское возвратное местоимение *себя* не имеет формы именительного падежа.

Задание. Почему?

Задача № 5 для 10 классов

В 1821 француз Луи Брайль разработал шрифт, который позволяет слепым людям читать и писать. Изначально шрифт предназначался для французского языка, однако сейчас используется во многих языках мира.

Шрифт основывается на том, что на бумагу наносятся маленькие рельефные выпуклости, после чего, ведя по бумаге рукой, можно их распознавать на ощупь и тем самым «читать» текст.

Ниже даны английские фразы, набранные одной из разновидностей шрифта Брайля (закрашенный кружочек обозначает выпуклость):

This fox is too quick! (Эта лиса слишком быстрая!)

How old are you, Jane? (Сколько вам лет, Джейн?)

She is 89 years old. (Ей 89 лет.)

Задание. Запишите шрифтом Брайля

Bring 40 pizzas and vermouth, Mark! (Марк, принеси 40 пицц и вермут!)

Примечание. Во французском языке, в отличие от английского, буква *w* практически не используется. Знание английского и французского языков для решения задачи НЕ ТРЕБУЕТСЯ. Разбиение предложений, приведённых в задаче, на строки обусловлено чисто техническими причинами и для решения несущественно.

Задача № 6-1 для 10 классов

В каком из приведённых словосочетаний существительное употреблено не в том значении, что в остальных?

(А) *кристаллическое золото*; (Б) *авиационный алюминий*; (В) *метеоритное железо*; (Г) *столовое серебро*; (Д) во всех этих словосочетаниях существительные употреблены в одном и том же значении.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача № 6-3 для 10 классов

Какое из этих слов возникло в результате ошибки?

(А) *вздохмаченный*; (Б) *всклоченный*; (В) *взбаламученный*;
(Г) *встопорщенный*; (Д) *скрюченный*.

Кратко поясните Ваше решение.

Решения задач

Решение задачи № 1 для 8 классов

Придумывая себе псевдоним, Орест Сомов поменял местами свои имя и фамилию – разумеется, сохранив за фамилией традиционный суффикс *-ов*: *Орест* → *Осетр(ов)*, *Сом(ов)* → *Семён*. В результате поменялись местами и инициалы писателя: *О. С.* → *С. О.* При этом основа получившейся фамилии, *Осетр-*, представляет собой точную анаграмму имени *Орест*, т. е. состоит из тех же самых пяти букв. Но, что ещё важнее, проделывая эту операцию, Сомов сумел сохранить и главную смысловую особенность своей настоящей фамилии: ведь *осётр*, как и *сом*, — это рыба («рыбьи» фамилии распространены в русской ономастике очень широко, реальная фамилия *Осетров* тоже существует). Разумеется, в выборе имени писатель был ограничен куда сильнее: если фамилия может быть почти что «какой угодно», то список церковных имён сравнительно невелик. Поэтому Сомов взял для псевдонима наиболее близкое фонетически к основе *Сом-* и при этом достаточно широко распространённое имя *Семён*.

Решение задачи № 2 для 8 классов

Последнее слово в каждой фразе — *challwataxa*, скорее всего, оно значит что-то вроде «я поймал»; слово перед ним всегда заканчивается на *-wa*.

Чаще всего встречаются слова с корнем *challwa-* — столько же раз, сколько групп рыбок одного размера на всех картинках вместе. Примем, что этот корень значит «рыба».

Среди данных фраз три содержат слово «рыба» только по одному разу, четыре — по два раза. В последнем случае перед *-wa challwataxa* фигурирует элемент *-mpi-* (видимо, он значит «и»). Это соответствует изображению на рисунках — там трижды фигурирует улов, состоящий из рыб одного размера, и четырежды — из рыб двух разных размеров.

Поймать рыб только одного размера удалось трём рыбакам — это рисунки *g* (одна большая рыба), *d* (две маленькие рыбки) и *b* (три средних рыбы). Эти уловы различаются как размером, так и количеством рыб. Фразы, которые их описывают, — это фразы 1, 2 и 5:

Mä hach'a challwawa challwataxa.

Kimsa hach'a challwawa challwataxa.

Paya challwallawa challwataxa.

Различия касаются двух пунктов: первое слово может выглядеть как *mä*, *kimsa* или *paya*, а после него перед последним словом стоит *hach'a challwa*

или *challwalla* (в других фразах на этом месте может встречаться ещё слово *challwa*). Как видно по рисункам, имеется два параметра, по которым может различаться улов, — количество рыб и их размер.

Очевидно, врёт кто-то из первых двух рыбаков, поскольку реально их уловы различаются не по одному параметру, а по двум.

В описании уловов число «один» должно фигурировать 5 раз, число «два» — 3 раза, число «три» — тоже 3 раза. «Большая рыба» должна быть упомянута трижды, «средняя» и «маленькая» — по 4 раза. Пять раз встречается только слово *mä*, следовательно, оно означает «1». Неправдой это быть не может: рыбак, который врёт, неправильно назвал не количество, а размер пойманных рыб.

В третьей фразе (заметим, правдивой) упоминается одна *challwa* и одна *hach'a challwa*. Улов, состоящий из двух рыб разного размера, — это картинка а, где изображены одна большая рыба и одна средняя. Значит, маленькая рыбка — это не *challwa* и не *hach'a challwa*, а *challwalla*. Только маленьких рыбок поймал рыбак, произнёсший фразу 5:

Paya challwallawa challwataxa.

Улов, состоящий только из маленьких рыбок, — это рисунок d, и рыбок на нём две. Значит, *paya* — это «2», а *kimsa*, соответственно, «3».

Рыбак, поймавший три маленькие рыбки, поймал также одну большую (рисунок с). Описанием этого улова служит четвёртая фраза (только в ней есть и 1, и 3, и «маленькая рыбка»):

Mä hach'a challwa kimsa challwallampiwa challwataxa.

Значит, *hach'a challwa* — это большая рыба. А просто *challwa*, соответственно, средняя. Можно заметить, что в аймара, как и по-русски, «большая рыба» — это сочетание двух слов — «большой» + «рыба», «средняя рыба» — это просто «рыба», а «маленькая» — «рыба» + суффикс, т. е. «рыбка».

Итак, **задание 1:**

Mä hach'a challwawa challwataxa. — g (1 большая рыба)

Kimsa hach'a challwawa challwataxa. — b (3 средних рыбы; рыбак соврал, что рыбы были большими, а не средними; истинным было бы высказывание *Kimsa challwawa challwataxa*)

Mä challwa mä hach'a challwampiwa challwataxa. — a (1 средняя рыба и 1 большая)

Mä hach'a challwa kimsa challwallampiwa challwataxa. — c (1 большая рыба и 3 маленьких)

Paya challwallawa challwataxa. — d (2 маленьких рыбки)

Mä challwalla paya challwampiwa challwataxa. — f (1 маленькая рыбка и 2 средних)

Kimsa challwa paya challwallampiwa challwataxa. — e (3 средних рыбы и 2 маленьких).

Задание 2. Требуется описать на языке аймара улов, состоящий из двух больших рыб и трёх маленьких. Порядок перечисления, как можно видеть из условия, не важен. Соответственно, Ваша фраза должна выглядеть так:

Paya hach 'a challwa kimsa challwallampiwa challwataxa.

Или так:

Kimsa challwalla paya hach 'a challwampiwa challwataxa.

Решение задачи № 3 для 8 классов

Полногласным сочетаниям русского языка (*оро, оло*) соответствуют неполногласные сочетания сербского языка (*ра, ла*). Русскому *ж* в сербском языке может соответствовать либо *ж*, либо *ђ*, русскому *ч* — либо *ч*, либо *ћ*:

рус. *ж* ~ серб. *ж*, если в русском языке этот согласный чередуется с *з* (*сторожишь* — *остерегаться*, *бежишь* — *бег*);

рус. *ж* ~ серб. *ђ*, если в русском языке этот согласный чередуется с *д* (*кража* — *краду*, *моложе* — *молодой*);

рус. *ч* ~ серб. *ч*, если в русском языке этот согласный чередуется с *к* (*сеча* — *секу*, *волочишь* — *волоку*);

рус. *ч* ~ серб. *ћ*, если в русском языке этот согласный чередуется с *т* (*свеча* — *свет*, *хочешь* — *хотеть*).

Мягкий знак в сербском языке отсутствует. Остальные соответствия очевидны.

Ответ: грађанин, учиш, драже, круће, горче.

Решение задачи № 4 для 8 классов

Задание 1. Признак, о котором идёт речь в задаче, называется «место ударения (или просто ударение) в спрягаемых формах глагола» (не составляет труда убедиться, что никакие другие варианты не подходят). В отношении места ударения в личных формах настоящего/будущего времени все до единого русские глаголы делятся именно на три группы:

– имеющие во всех формах ударение на основе. В задаче это группа А: *режу* — *режешь* — *режут*);

– имеющие во всех формах ударение на окончании (точнее сказать — на последнем слоге: гласные *е* и *и* в таких формах, как *играешь*, *играем*, *ходишь*, *ходим* и т. п., некоторые лингвисты считают не частью окончаний, а особого рода суффиксами). В задаче это группа Б: *иду* — *идёшь* — *идут*);

– имеющие в форме 1 лица единственного числа ударение на окончании, а во всех остальных формах — ударение на основе. В задаче это группа В: *паиу* — *паиешь* — *паиет*.

Задание 2. Для большинства глаголов определить их принадлежность к одной из трёх групп не составляет никакого труда.

Группа А: *двинуть*, *мыть*, *сесть*.

Группа Б: *ковать*, *налить*, *вернуть*.

Группа В: *положить*, *тянуть*.

Некоторые сомнения может вызвать глагол *кутить*. Действительно, этот глагол, судя по всему, находится в процессе перехода из группы Б в группу В (в последние несколько столетий этот процесс захватил многие глаголы II спряжения). Соответственно, современные словари рекомендуют ставить в формах этого глагола ударение по модели *кучу́* — *ку́тишь*. Однако ударение по модели *кучу́* — *кутíшь* также распространено довольно широко и не должно считаться ошибочным.

Решение задачи № 5-1 для 8 и 9 классов

Правило формулируется коротко: выражение *шерсть на носу* может употребляться **только в конце простого предложения**. Слово же *массараки* может быть вставлено в любую часть предложения: в начало (пример 5), в середину (примеры 3, 6, 7, 8) или в конец (примеры 1, 2, 3, 7). Кроме того, оно может составлять отдельную реплику (пример 4) или повторяться (конструкция *массараки и массараки*, примеры 3 и 7).

Большинство слов и выражений такого рода (вводные слова, «слова-паразиты», ругательства и т. п.) ведут себя так же, как слово *массараки*: *Положение, действительно, было ужасным. Оно было безвыходным, на самом деле! Впереди, конечно, была верная смерть. Позади, чёрт возьми, тоже. Максим всегда был болваном и психом, чтоб ему пусто было, но эта его выходка, значит, надо полагать, последняя, так и так!..* С этой точки зрения выражение *шерсть на носу*, придуманное А. и Б. Стругацкими, оказалось наделено (скорее всего, неосознанно) почти уникальной лингвистической особенностью.

Решение задачи № 5-2 для 8 классов

Поскольку из 8 пропущенных строк стихотворения нам известны только 6, задача восстановить полный текст выполнима лишь в том случае, если каждое из четырёх четверостиший построено по очень жёсткой схеме, а текст в целом изобилует повторами: «дописывать за Гумилёва» — затея безнадежная.

Можно предположить, что строки, начинающиеся словами *И на блюде...*, в каждом из четверостиший должны быть вторыми (в монологе законной жены только вторая строка и отсутствует), строка *Для чего вы обе мандарину* идеально подходит на роль третьей в реплике служанки, насмехающейся над женой и наложницей. Строка *Больше нет вина в глубокой чашке*, вероятно, представляет собой начало слов состарившегося мандарина; если это так, то на блюде у него, очевидно, остался *только красный перец* — жгучая пряность, бесполезная в отсутствие нормальной еды. Восстановив таким образом последнее четверостишие, мы открываем главный принцип, на основе которого написано стихотворение: параллелизм между первыми двумя — «кулинарными» — строками и двумя последними — «любобными». Это наблюдение позволяет нам с уверенностью отнести строку *И на блюде разное варенье* к

словам служанки: разнообразие видов варенья соответствует ненасытности мандарина, который *каждый вечер* хочет себе *новую* девушку.

Теперь мы знаем, что первые строки второго и третьего четверостиший нам не даны. Резонно предположить, что они просто повторяют первую строку монолога законной жены: пока любовный пыл мандарина не иссяк, *Есть ещё вино в глубокой чашке*. Самую трудную проблему составляет правильный выбор места двух оставшихся строк: какой из «жён» соответствует *гусь большой и жирный*, а какой — *ласточкины гнёзда*? Решение может показаться произвольным, но попробуем всё же оценить, какой вариант в большей мере соответствует установленному нами принципу параллелизма. С одной стороны, *гусь большой и жирный* — это своего рода «лакомый кусочек»: так можно сказать о наложнице, но никак не о законной жене. С другой стороны, *ласточкины гнёзда*, традиционное китайское блюдо, самим своим названием вызывают ассоциации с семьёй и семейными ценностями: ведь птицы выводят гнёзда для того, чтобы выводить птенцов!

Приведём полный текст стихотворения:

Три жены мандарина

Законная жена

Есть ещё вино в глубокой чашке,
И на блюде ласточкины гнёзда.
От начала мира уважает
Мандарин законную супругу.

Наложница

Есть ещё вино в глубокой чашке,
И на блюде гусь большой и жирный.
Если нет детей у мандарина,
Мандарин наложницу заводит.

Служанка

Есть ещё вино в глубокой чашке,
И на блюде разное варенье,
Для чего вы обе мандарину,
Каждый вечер новую он хочет.

Мандарин

Больше нет вина в глубокой чашке,
И на блюде — только красный перец.
Замолчите, глупые болтушки,
И не смейтесь над несчастным старцем.

Решение задачи № 6-1 для 8 классов

Исходя исключительно из смысла, обосновать, вероятно, можно едва ли не любой из приведённых ответов. Но не будем забывать, что перед нами — афоризм, то есть что-то вроде авторской поговорки, высказывание,

претендующее не только на содержательность, но ещё и на эстетическую ценность, лёгкую запоминаемость, безупречность формы.

Если сравнить все предлагаемые варианты именно под этим углом зрения, среди них явно выделяется вариант «...и дело ещё не погубило». Только он содержит усилительную частицу *и*, часто употребляющуюся в сопоставительных конструкциях (ср. *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, Каков поп, такое и приход*), такой риторический приём, как обратный параллелизм, или хиазм (не погубило слово / дело не погубило), а также пару контекстных антонимов *слово* и *дело* (вспомним старинную формулу «Слово и дело государево!», означавшую, что тот, кто её произносит, располагает сведениями о государственном преступлении, или выражение «Сказано — сделано!»). В других ответах ничего подобного нет. Действительно, именно так и звучит афоризм А. И. Герцена. Ответ: (Б).

Решение задачи № 6-2 для 8 классов

Общий исторический корень *-перёк-/-прек-* выделяется в словах *вопреки, поперёк, прекословить, перечить* (с чередованием *-к-/-ч-*). Автор «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмер отмечает, что этот общеславянский корень представлен в заимствованных из старославянского словах *вопреки, прекословить* (в древнерусском *перекъ* — ‘ширина, поперечина’). В слове *наперекор* выделяется корень *-кор-* (по Фасмеру, со значением ‘оскорбление, брань’, ср. *укор, корить*). В слове *наперекосьяк* — корень *-кос-*. Таким образом, ответ: (В).

Решение задачи № 6-3 для 8 классов

Задание 1. Общий смысл приведённого отрывка (ещё более усиливаемый первой строкой стихотворения) — «Я делал всё, даже самые необычные вещи». Это простое соображение сразу приводит нас к правильному ответу: поскольку *сухой воды* не существует (это выражение — классический **оксюморон**, т. е. сочетание несочетаемых понятий, ср. *горячий снег, счастливый неудачник* и т. п.), «не пить только сухую воду», собственно, и означает «пить всё». Ответ: (Б).

Шуточный ответ (А) обязан своим появлением рассказу дружившей с Бродским писательницы Людмилы Штерн о том, как готовившая к изданию сборник стихотворений поэта сердобольная женщина-редактор заменила в этой строке *сухую* на *сырую*. Она с детства помнила грозное предупреждение «Не пейте сырой воды!»...

Задание 2. Не в соответствии с нормой в этом отрывке употреблено слово *толь*: в современном русском литературном языке оно относится к мужскому роду (так что правильно было бы *чёрным толем*), но в просторечии часто употребляется в женском. Вообще, в поэзии Бродского сознательные отступления от канонов литературного языка нередки.

Решение задачи № 6-4 для 8 классов

Первое, что бросается в глаза, — сходство слова *Ente* и начальной части выражения *anti-testāns*. Возможно, это и есть правильный ответ? Однако сокращение *anti-testāns* до *anti* едва ли можно назвать аббревиатурой, необъяснимым остаётся различие гласных, а кроме того, выражение *anti-testāns* должно обозначать не «не проверено», а что-то вроде «противопрроверочный» (реально в латыни такого выражения не существует).

Попытаемся образовать аббревиатуры от каждого из приведённых выражений, сложив их начальные буквы. Получаем: (А) *nōn testātur = NT*; (Б) *nōn exāminātum = NE*; (В) *nōn recōgnitus est = NRE*; (Г) *exāminandum = E*; (Д) *anti-testāns = A-T* (или просто *A?*). Можно заметить, что одна из аббревиатур при прочтении звучит так же, как немецкое слово *Ente*: это аббревиатура *NT*. Согласно версии, о которой идёт речь в задаче, именно так у слова *Ente* появилось новое значение ‘не проверенная, недостоверная информация’. Ответ: (А).

Эта версия возникновения у слова *Ente* переносного значения — далеко не единственная. Приведём ещё одну — едва ли более достоверную, но не менее остроумную.

Знаменитый религиозный реформатор Мартин Лютер в одном из своих посланий употребил слово *Lügende* «лживое предание», составленное из немецких слов *Lüge* «ложь» и *Legende* «легенда». Впоследствии слово, придуманное Лютером, превратилось в *Lüg-Ente* «утка-обман, лживая утка».

Решение задачи № 1 для 9 и 10 классов

Нетрудно убедиться, что выбор формы артикля зависит только от начального звука последующего слова. Вариант *an* встречается перед согласными *d, t* и *n*, вариант *ar* — перед *f, v, ch [u], j [ж], b, g, z* и *r*. Общий принцип деления на две группы уловить сложно, но видно, что согласные, отличающиеся друг от друга только звонкостью-глухостью, неизменно требуют одной и той же формы артикля. Это позволяет нам заполнить три пропуска из четырёх: **an** doug “вода”, **ar** skrafer “вор”, **ar** prenestr “окно”.

Остаётся слово *_ lez* “берег”. Вероятно, именно перед ним и представлена третья, неизвестная нам форма определённого артикля. Действительно, *l* — это звонкий непарный (сонорный) согласный. А, как показывают примеры *ar rastell* “грабли” и *an nadoz* “игла”, если слово начинается со звонкого непарного звука, последний согласный артикля попросту повторяет начальный согласный существительного. Значит, последний пропуск надо заполнить так: **al** lez.

Решение задачи № 2 для 9 классов

Чтобы решить эту задачу, надо понять, какие свойства русских глаголов изучал лингвист. Из условия мы можем сделать два вывода. Во-первых, эти свойства специфичны для конкретных глаголов, а не являются общими, например, для всего II спряжения или для всех глаголов речи (поскольку у

глаголов с одинаковыми грамматическими характеристиками или с близким значением диаграммы разные). Во-вторых, эти свойства касаются существительных, причём существительные эти не находятся в словообразовательной связи с данными глаголами, зато могут сочетаться с ними в предложении. Следовательно, лингвист исследовал свойства сочетаний глаголов с существительными, то есть изучал, какими падежами управляют глаголы. Мы можем сказать, что человек, например, *просит отдыха* или *справедливости* (род. п.), *просит стакан* или *кошку* (вин. п.), но **просит отдых* или **просит кошки* сказать нельзя. А *мороженого* или *денег* можно просить как в винительном, так и в родительном падеже.

Задание 1. Из таблицы видно, что при некоторых русских глаголах падеж дополнения зависит от класса существительного. Абстрактные существительные (слова группы 1) обычно стоят в родительном падеже при всех этих глаголах, но при *искать* могут быть и в винительном. Имена веществ (слова группы 2) допускают винительный падеж также при глаголе *просить*. Слова группы 3, обозначающие исчисляемые неодушевлённые предметы, ни при одном из данных в условии глаголов не допускают вариантов: с глаголами *просить* и *искать* они употребляются только в винительном падеже, а с глаголами *дождаться*, *бояться*, *добиваться* и *опасаться* — только в родительном. Одушевлённые существительные (слова группы 4) чаще стоят в винительном падеже, но при глаголах *дождаться*, *бояться*, *добиваться* и *опасаться* допускают также родительный.

Задание 2. На диаграммах отражено, какого падежа требует тот или иной глагол от существительных каждого из четырёх классов.

Задание 3. Единственно правильного ответа это задание не предполагает, поскольку у разных людей языковое чутьё относительно такого типа глагольно-именных сочетаний несколько различается (потому-то и заинтересовала лингвиста эта тема), и эти различия отчасти отражаются даже в словарях и нормативных справочниках. Например, кто-то может *избегать судью* (вин. п.), а кто-то — только *избегать судьи* (род. п.). Кто-то считает вполне нормальным *требовать воду* (вин. п.), а кто-то может *требовать только воды* (род. п.), и т. п.

Вот один из возможных вариантов диаграмм для глаголов из задания 3:

	Слова группы 1, например: <i>справедливость, вмешательство, отдых...</i>	Слова группы 2, например: <i>вода, мороженое, деньги...</i>	Слова группы 3, например: <i>стакан, автобус, конфета...</i>	Слова группы 4, например: <i>Дима, судья, кошка...</i>
<i>хотеть, требовать</i>				
<i>ждать</i>				
<i>избегать остере- гаться стыдиться</i>				

Решение задачи № 3 для 9 и 10 классов

Числительные состоят из следующих частей:

+10	- <i>8nkaw</i>	1	<i>ngued</i>	6	<i>ngued8z</i>
×10	- <i>inska</i>	2	<i>nis</i>	7	<i>t8baw8z</i>
×100	- <i>atgua</i>	3	<i>ns</i>	8	<i>ns8zek</i>
×1000	- <i>8mkuaki</i>	4	<i>iaw</i>	9	<i>noliwi</i>
+	<i>taba</i>	5	<i>n8nn</i>		<i>kas-</i>

Как и в русском языке, слагаемые в абнаки перечисляются в убывающем порядке (тысячи, сотни, десятки, единицы), исключением является только второй десяток (11–19). Соседние слагаемые связывает союз *taba*.

Числительные до 5 присоединяются к *-8nkaw* ‘-надцать’, *-inska* ‘-десять’, *atgua* ‘-сот’ и *-8mkuaki* ‘... тысяч’ непосредственно, а числительные от 6 до 9 — при помощи *kas-* («четырнадцать, пятнадцать, шесть *kas*-надцать, семь *kas*-надцать»), так же с десятками, сотнями и тысячами).

Задание 1. *t8baw8z kas8mkuaki taba iawinska taba ngued8z = 7046*

noliwi kasatgua taba nis8nkaw = 912

Задание 2. $58 = n8nninska taba ns8zek$

$2316 = nis8mkuaki taba nsatgua taba ngued8z kas8nkaw$

Решение задачи № 4 для 9 и 10 классов

Легко заметить, что каждый английский заголовок содержит слово *threatens*. Значит, во всех переводах должно быть что-то общее. Действительно, речь везде идёт о какой-то нежелательной возможности, что выражается глаголами и словосочетаниями *грозить*, *угрожать*, *ставить под угрозу* и *мочь привести*. Предположим, что *threatens* — это глагол, выступающий в роли сказуемого в каждой английской фразе. При этом все переводы можно разделить на две группы:

- 1) Фразы, где дополнение при сказуемом указывает на желательное событие, которое, вероятно, может не произойти, и это будет плохо (1, 2, 6, 8, 10)
- 2) Фразы, где дополнение при сказуемом указывает на нежелательное событие, которое, вероятно, может произойти, и это будет плохо (3, 4, 5, 7, 9, 11)

Таким образом, английский глагол, очевидно, имеет два противоположных значения: ‘грозить чему-л.’ или ‘угрожать чем-л.’. Определить, в каком значении глагол выступает в данной фразе, можно лишь по контексту, однако у заголовков контекста нет. Следовательно, ошибки переводчика следует искать там, где неясно, желательным или нежелательным является событие, выраженное дополнением. Очевидно, что события «финансирование проекта» (1), «начало навигации» (2), «мирный процесс» (8) и «безопасность в обществе» (10) в нормальном случае являются желательными, а события

«вспышка холеры» (3), «срыв мирных переговоров» (4), «массовое пиратство» (5) и «нехватка продовольствия» (11) — нежелательными. Что же касается «налоговой реформы», «прибытия подкреплений в осаждённый город» и «досрочных выборов», то эти события могут быть желательными или нежелательными примерно с одинаковой вероятностью: всё зависит от того, с чьей точки зрения они рассматриваются. Если встать на точку зрения, противоположную той, что выбрал переводчик, получим нужные переводы:

6. Population Crisis in Lilliput Threatens Tax Reform.	6. Демографический кризис в Лилипутии угрожает налоговой реформе.
7. Sudden Weather Change Threatens Arrival of Reinforcements to Besieged City.	7. Внезапная перемена погоды может привести к прибытию подкреплений в осаждённый город.
9. Unexpected Event in Country of Houyhnhnms Threatens Early Elections.	9. Неожиданное событие в Стране Гуингнмов угрожает досрочным выборам.

Решение задачи № 5-2 для 9 классов

Для С наиболее вероятный кандидат — слово *яд* в родительном падеже: *яда* (реально у Щербакова — в форме так называемого «второго родительного», или частичного, падежа: *яду*). Значит, буквы А и В заменяют формы родительного падежа двух существительных, одно из которых обозначает нечто приятное, другое — нечто, применяющееся в лечебных целях. Первое из них — *мёд*, второе — *йод*, признак — различие на один звук (именно звук, а не букву!): [м'оду] — [јоду] — [јаду]. Итак, правильный ответ:

*Насладиться — мёду нет. Исцелиться — йоду нет.
Отравиться — яду нет.*

Решение задачи № 6-1 для 9 классов

Слова, входящие в список русских переводов, могут обозначать математическое равенство, равенство людей или других объектов по некоторому признаку и особую строевую фигуру. Не у каждого слова есть все три значения; по-видимому, удалён был тот перевод, у которого одно из значений отсутствует.

Как термины строевой подготовки употребляются слова *равнение* (например, *равнение на знамя*) и *равняться* (в том числе и в переносном смысле, например, *равняться на старшего товарища*). Если предполагать у японского слова именно «строевое» значение, удалить пришлось бы не один перевод, а три, что противоречит условию.

В общем смысле употребляются слова *равный* (*говорить как равный с равным*), *равенство* (*Свобода, равенство, братство*), можно вспомнить *равно* как редкий синоним слова *одинаково* (*Оба они равно достойны награды*). Наличие такого значения у слова *равняться* вызывает сомнения (разве что в

примерах типа *Где тебе равняться силой с владычицей морскою?*), зато категорически недопустимо в этом смысле слово *равнение* (нельзя сказать, например, **равнение людей перед законом*). Таким образом, одно лишнее слово в данном случае есть, но, возможно, их больше.

Наконец, как математические термины употребляются все слова из списка, кроме одного: здесь допустимы *равный* (*отрезок, равный данному*), *равенство* (*Докажите равенство этих углов*), *равняться* (*Синус не может равняться трём*), *равно* (*Два плюс три равно пяти*); не подходит только слово *равнение* (нельзя сказать **равнение диагонали двум сантиметрам*). Итак, в этом случае лишний перевод один и только один — *равнение*. Значит, это слово и было удалено редактором словаря. Ответ: (Г).

Решение задачи № 6-2 для 9 и 10 классов

В значении всех четырёх слов, приведённых в задаче, безусловно, можно увидеть нечто общее. *Черепица* — это кровельный материал из прочных (первоначально — глиняных) пластинок, защищающий крышу от разрушения. *Черепок* — обломок сосуда, сделанного из обожжённой глины или какого-либо другого твёрдого материала. *Череп* — не что иное, как твёрдый костяной футляр, предохраняющий мозг. Наконец, *черепаха* явно получила своё название за панцирь, состоящий из жёстких роговых пластинок. Таким образом, все эти слова восходят к корню *череп-*, передающему идею какого-то твёрдого природного материала, используемого в защитной функции, и значит, исторически родственны (а возможно, не потеряли связи друг с другом и в современном русском языке). Ответ: (Д).

Решение задачи № 6-3 для 9 классов

Хи-хи — удвоенное название греческой буквы *χ*, *ку-ку* — латинской буквы *q*. Из пяти предложенных ответов *ха-ха* — удвоенное название русской буквы *х*, а остальные четыре удвоенными названиями букв не являются. Ответ: (А).

Задача оказалась исключительно трудной — настолько неожиданный взгляд на привычные русские междометия в ней предлагается.

Решение задачи № 6-4 для 9 и 10 классов

Чтобы решить задачу, задумаемся над необычным названием, которое Фонвизин дал своему словарю. По всему получается, что «сословник» — это словарь не просто слов, а неких *сослов*, т. е., в соответствии со значением приставки *со-*, слов, как-то связанных между собой, чем-то объединённых. Именно так рассуждал и сам Фонвизин: «Мне кажется, буде наш язык терпит такие составные слова, как сотоварищ, соучастник, соправитель, для чего же бы не сказать и сослово?» — писал он, комментируя изобретённый им неологизм. Естественно предположить, что «*сослова́*» — это синонимы.

Наше предположение превратится в уверенность, если догадаться, что термин *сослово* — *калька* (поморфемный перевод) греческого слова *συνώνυμος*, буквально «соимённый», состоящего из приставки *συν-* «с, со» и корня *ωνυμ-* «имя, слово». Итак, *сословник* — это **словарь синонимов**. Ответ: (Б).

«Опыт российского сословника» — интереснейшее сочинение, сочетающее в себе вполне серьёзный лексикографический труд с едкой социально-политической сатирой (не исключено, что и само слово *сословник* Фонвизин каламбурно производил не только от лингвистического термина *сослово*, но и от совсем не лингвистического понятия *сословие*). Вот пример одной из словарных статей фонвизинского «Опыта...»:

Запомнить, забыть, предать забвению

Запомнил тот, кто не может вспомнить. *Забыл*, кто совсем потерял память о какой-нибудь вещи или деле. *Предать забвению* есть никогда не вспоминать.

Можно *запомнить* имя судьи, который грабит, но трудно *забыть*, что он грабитель, и само правосудие обязано преступление его не *предавать забвению*. Власть может повелеть такое-то дело *предать забвению*, но нет на свете власти, которая могла бы повелеть то же самое дело не только *забыть*, ниже *запомнить*.

Решение задачи № 6-5 для 9 и 10 классов

Единственная возможность решить задачу — попытаться, опираясь на сходство между сербским и русским языками, установить морфологическую структуру сербского слова. По всей видимости, оно состоит из корня **друг-** и суффикса или суффиксоподобного элемента **-де**.

Такой же элемент исторически выделяется в некоторых русских местоименных наречиях: *где* ‘в каком месте’, *нигде* ‘ни в каком месте’, *везде* ‘в любом месте’.

Таким образом, можно предполагать, что сербское слово **другде** также представляет собой местоименное наречие со значением места. С учётом значения корня **друг-** получаем ответ: (Г).

Решение задачи № 2 для 10 классов

Эта задача оказалось не только одной из самых коротких в истории летних олимпиад, но и одной из самых трудных. Ничего удивительного: по сути, перед нами — не столько задача, сколько полноценная научная проблема, которую едва ли кто-нибудь из лингвистов назовёт стопроцентно решённой.

На первый взгляд может показаться, что ответ на поставленный вопрос очевиден: основная функция возвратного местоимения — сигнализировать о том, что объект, выраженный одним из второстепенных членов предложения, тождествен объекту, выраженному подлежащим, которое, как известно, в русском языке стоит именно в именительном падеже: *Вася любит только (кого?) себя* (= *Васю*); *Вася всегда доволен (кем?) собой* (= *Васей*); *Вася позвал*

друзей (куда?) к себе (= к Васе). Таким образом, получается, что в русских предложениях просто не возникает условий, предполагающих употребление формы именительного падежа возвратного местоимения.

Однако это вовсе не так: правила употребления местоимений, означающих тождество одного объекта другому, устроены несравненно сложнее. Рассмотрим две пары предложений (этот изящный пример принадлежит П. М. Аркадьеву):

Он не любит никого, кроме своего брата. — Единственный, кого он любит, это его брат.

Он не любит никого, кроме себя. — Единственный, кого он любит, это ???.

Параллелизм между первой и второй парами предложений очевиден. И если форме родительного падежа *брата* в первом предложении соответствует форма именительного падежа *брат* во втором, значит, форме родительного падежа местоимения *себя* точно так же должна соответствовать форма именительного падежа того же местоимения.

Можно ли по-русски выразить этот смысл? Да, можно. Любой, говорящий на русском языке, с уверенностью скажет, что последнее предложение правильно закончить так:

Единственный, кого он любит, это он сам.

Итак, мы установили, что в определённых случаях синтаксические правила предписывают употребление именительного падежа возвратного местоимения, но вместо отсутствующей формы местоимения *себя* в этой роли выступает выражение *он сам* или, как показывает следующий пример, просто местоимение *сам*:

Он никому не разрешает курить у себя в кабинете, и сам этого никогда не делает.

Разумеется, приведённые соображения не исчерпывают вопрос об употреблении форм возвратного местоимения в русском языке, но «в первом приближении» их можно считать вполне достаточными.

Решение задачи № 5 для 10 классов

Шрифт построен по алфавитному принципу. Некоторые символы соответствуют буквам латинского алфавита, некоторые — знакам препинания, кроме того, есть два специальных символа, употребляющихся перед словами.

Один ставится перед буквами, которые в стандартной орфографии были бы заглавными. Другой показывает, что следующее слово — число, цифры которого определяются как порядковые номера соответствующих букв в английском алфавите (т. е. *HI* становится 89).

Далее заглавная буква	Далее число	Запятая	Точка	Восклицательный знак	Вопросительный знак
○○ ○○ ○●	○● ○○ ●●	○○ ●○ ○○	○○ ●○ ○○	○○ ●● ●○	○○ ●○ ●●

Символы для некоторых букв отсутствуют, что побуждает нас найти систему соответствий символов буквам. Можно увидеть, что буквы делятся на три десятка. Порядок символов в каждом десятке не подчиняется очевидным закономерностям (хотя, скорее всего, имеет свои причины), но символы разных десятков, занимающие одинаковое положение в десятке, имеют сходное строение. У символов первого десятка (соответствующие буквам от *a* до *j*) нижний ряд пустой; символы из второго (от *k* до *t*) образуются из символов первого путём добавления точки в левую клетку нижнего ряда; символы частично заполненного третьего — из символов второго путём добавления точки в правую клетку нижнего ряда. Единственное исключение (букву *w*) мы можем объяснить тем, что символ для неё был добавлен позже, когда шрифт начал применяться не только для французского языка.

Учитывая вышесказанное, мы можем заполнить пропуски (выделены серым):

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J
●○ ○○ ○○	●○ ○○ ○○	●● ○○ ○○	●● ○○ ○○	●○ ○○ ○○	●● ○○ ○○	●● ●● ○○	●○ ●● ○○	○○ ●○ ○○	○○ ●● ○○
K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T
●○ ○○ ●○	●○ ○○ ●○	●● ○○ ●○	●● ○○ ●○	●○ ○○ ●○	●● ○○ ●○	●● ●● ●○	●○ ●● ●○	○○ ●○ ●○	○○ ●● ●○
U	V	X	Y	Z					
●○ ○○ ●●	●○ ○○ ●●	●● ○○ ●●	●● ○○ ●●	●○ ○○ ●●					

Задание 2. Теперь, когда мы знаем символы для всех букв, осталось понять, как записывается 0. Разумно предположить, что для этого используется *j*, десятая буква алфавита. Ответ таков:

○○ ●○ ●○ ○● ●● ●● ○● ●● ○● ●● ○● ●○ ●○ ○○ ○●
 ○○ ●○ ●● ●○ ○● ●● ○● ○● ●● ●○ ●○ ○● ○● ○○ ●○
 ○● ○○ ●○ ○○ ●○ ○○ ●● ○○ ○○ ●○ ○○ ●● ●● ○○ ●○

 ●○ ●● ●● ○○ ●○ ●○ ●● ●○ ●○ ○● ●○ ○○
 ○○ ○● ○● ●○ ○● ●● ○○ ○● ○○ ●● ●● ●○
 ○○ ●○ ○○ ●● ○○ ●○ ●○ ●○ ●● ●○ ○○ ○○

 ○○ ●● ●○ ●○ ●○ ○○
 ○○ ○○ ○○ ●● ○○ ●●
 ○● ●○ ○○ ●○ ●○ ●○

Решение задачи № 6-1 для 10 классов

В словосочетаниях (А), (Б) и (В) слова *золото*, *алюминий* и *железо* употреблены в своём прямом значении — как названия металлов. А вот *столовым серебром* называют **столовые приборы**, сделанные из серебра: слово *серебро* в этом словосочетании употреблено метонимически. Ответ: (Г).

Решение задачи № 6-3 для 10 классов

Слова *вздохмаченный*, *взбаламученный*, *встопорщеный* и *скрюченный* представляют собой самые обычные причастия от глаголов *вздохматить*, *взбаламутить*, *встопорщить* и *скрючить*. Редкий глагол *всклокочить* тоже существует, но, присмотревшись внимательно, нетрудно заключить, что с ним «что-то не так»: по форме он явно сходен с глаголом *клокотать* (ср. особенно причастие *клокочущий*), а по значению — ‘растрепать, сбить в **клокья** волосы или шерсть’ — с существительным *клок*. Действительно, глагол *всклокочить* и, соответственно, причастие *всклокоченный* представляют собой незаконное преобразование ныне полузабытых более ранних форм *всклочить* и *всклоченный*, вызванное, очевидно, именно влиянием форм глагола *клокотать*. Тем самым, вполне можно сказать, что слово *всклокоченный* возникло в результате языковой ошибки. Ответ: (Б).

Авторы задач и количество баллов за каждую задачу**8 класс:**

- (1) № 1 «Орест Сомов» (И. Б. Иткин)
- (1) № 2 «Пловучий остров» (П. Литтелл)
- (1) № 3 «Сказка — ложь» (А. Ч. Пиперски)
- (1) № 4 «Задача про глаголы» (В. А. Павленко)
- (0,5) № 5-1 «Стругательства» (Б. Л. Иомдин)
- (0,5) № 5-2 «Три жены мандарина» (И. Б. Иткин)
- (0,5) № 6-1 «Герцен» (Э. Д. Головина)
- (0,5) № 6-2 «Перекосяк» (Л. Л. Фёдорова)
- (0,5) № 6-3 «Иосиф Бродский» (И. Б. Иткин)
- (1) № 6-4 «Простодушная утка» (С. И. Переверзева)

9 класс:

- (1) № 1 «Бред карт» (М. В. Шкапа)
- (1) № 2 «Интенсио» (Я. Г. Тестелец)
- (1) № 3 «Абнаки» (И. А. Держанский)
- (1) № 4 «Скрытая угроза» (Б. Л. Иомдин, Л. Л. Иомдин)
- (0,5) № 5-1 «Стругательства» (Б. Л. Иомдин)
- (0,5) № 5-2 «Чего нихватишься...» (С. А. Бурлак)
- (0,5) № 6-1 «Японское равнение» (А. С. Панина)
- (0,5) № 6-2 «Черепуха» (Э. Д. Головина)
- (0,5) № 6-3 «Междометия» (И. С. Рубанов)
- (0,5) № 6-4 «Сословник» (Э. Д. Головина)
- (0,5) № 6-5 «Другде» (И. Б. Иткин)

10 класс:

- (1) № 1 «Бред карт» (М. В. Шкапа)
- (1) № 2 «Каждый за себя» (И. Б. Иткин)
- (1) № 3 «Абнаки» (И. А. Держанский)
- (1) № 4 «Скрытая угроза» (Б. Л. Иомдин, Л. Л. Иомдин)
- (1) № 5 «Луи Брайль» (А. С. Бердичевский)
- (0,5) 6-1 «Кровельная медь» (А. С. Панина)
- (0,5) 6-2 «Черепуха» (Э. Д. Головина)
- (0,5) 6-3 «Всклоченный» (И. Б. Иткин)
- (0,5) 6-4 «Сословник» (Э. Д. Головина)
- (0,5) 6-5 «Другде» (И. Б. Иткин)

Задачи по русскому языку

М. В. Русакова

1. Переведите (в прозе) стихотворение украинского поэта Владимира Самойленко на современный русский язык. В каком городе происходит действие?

*В північній столиці, в розкішній світлиці
На ліжку лежить бюрократ,
Хропе як убитий, увесь оповитий
У шовк з голови аж до п'ят.*

(1906)

2. Приведите однокоренные слову *родить* слова, в которых корень пишется через букву А.

3. Приведите как можно больше существительных, однокоренных различным формам глагола *быть*.

4. Дан перечень глаголов: *бездельничать, пролетать, перекусить, поспать, попрыгать, разубедить*. Составьте на основе этого перечня два списка: А. Список глаголов, которые в тексте могут выражать значение не совершенного вида; Б. Список глаголов, которые в тексте могут выражать значение совершенного вида.

5. Разбейте следующие слова на три группы в соответствии с тем, как они возникли в русском языке: *ватт, жужжать, макинтош, ментор, меценат, мякоть, очко, полотенце, решетка, скрипеть*. Свой ответ поясните. Приведите слова, которыми можно было расширить каждую из групп.

6. Один из героев Чехова обращается в трактире к половому со следующими словами: «Дай-ка ты нам порцию главного мастера клеветы и злословия с картофельным пюре». Какое блюдо хотел получить этот герой?

7. Ниже приведен фрагмент из «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Перепишите этот фрагмент на современном русском языке, используя современные грамматические понятия и в соответствии с современными представлениями о научном стиле. Вместо многоточия вставьте нужные примеры (достаточно трех).

Родительный падеж множественного числа, хотя по большей части отъятием буквы а производится, однако из сего вычесть должно кончащиеся на ка с предыдущей согласною, где перед к вмещается о: полка, по-

локъ; котомка, котомокъ; подвѣска, подвѣсокъ; утка, утокъ. Но когда перед к стоит ж, ч, ш, тогда вместо о полагается е: <...>.

8. Даны три группы глаголов: А. *Гулять, сидеть, сгнить, грустить*; Б. *Обвинить, включить, разорвать, видеть*; В. *Ждать, избегать, достигать, пожелать*. По какому признаку глаголы разбиты на группы? В какие группы могли бы попасть глаголы *бежать, натаскать, съесть, набрать*?

9. Объясните значение и происхождение следующих слов и выражений: *замшелый, понюшка, толстовка, прийти к шапочному разбору, тянуть ляжку*.

10. Приведите примеры придаточных изъяснительных, которые вводятся союзом а) *когда*; б) *если*; в) *пока*.

11. Приведите примеры глаголов совершенного вида, образованных от глаголов несовершенного вида при помощи суффикса (достаточно трех примеров).

12. Какие свойства звука [в] в современном русском языке объединяют его с шумными согласными, а какие с сонорными согласными?

13. Русские формы прошедшего времени глагола произошли из причастий. Какие свойства причастий в них сохранились?

14. Даны две группы слов. Чем отличаются слова группы А от слов группы Б? Придумайте еще одно слово, относящееся к группе А.

А : *замереть, сберечь, грызть, грести*.

Б : *брести, проиграть, рисовать, узнать*.

15. Что общего у слов *повар, чернила, поход, поездка, выключатель*?

Как купорандались привычные нырялы, или Игры в словарь Даля на ЛЛШ

Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева

Игры со словарём с некоторых пор стали традиционными на Летних лингвистических школах. Оказывается, словарь – это не только рабочий инструмент лингвистов, переводчиков и всех, кто интересуется языком, но и прекрасный повод поиграть. В заметке [Бердичевский, Иомдин 2005]¹ мы так описывали игру, проведённую на Зимней лингвистической школе в 2004 году: «Играют в неё так: ведущий выбирает из словаря предположительно неизвестное игрокам слово, и всем командам даётся минута на то, чтобы сочинить для этого слова толкование. Затем толкования в произвольном порядке зачитываются ведущим, причём среди них есть и то, что приведено в словаре. Его-то и пытаются выделить среди остальных все команды. Выбранный вариант они сообщают ведущему, который подводит итоги. Очки начисляются как тем командам, которые правильно угадали, так и тем, которые своими толкованиями смогли «надуть» других участников – чем больше команд выберет данное толкование вместо правильного, тем больше очков получают его авторы. Словари можно использовать разные. Чаще всего берут словарь иностранных слов (поскольку большинство слов там малоизвестны) или энциклопедический, но мы для начала взяли Словарь Даля, в котором для современных носителей русского языка подчас непонятно каждое второе слово, а толкования иногда поражают своеобразием». Словарь Даля мы выбрали и на этот раз: думается, что его хватит для игр ещё на многие школы вперёд.

Прежде чем угадывать нужное толкование, мы провели разминку: ведущий выбирал из словаря некоторое слово и зачитывал его толкование, а играющие должны были определить по толкованию это слово. Для начала мы привели примеры:

- мясистый снаряд во рту, служащий для подкладки зубам пищи, для распознавания вкуса её, а также для словесной речи (ЯЗЫК);

¹ Бердичевский А. С., Иомдин Б. Л. Огуреть можно, или Игры со словами // *Лингвистика для всех: Зимняя лингвистическая школа – 2004*. М.: НИИРО, 2005, С. 208–210.

- длинный или пространный в отвесном направлении (ВЫСОКИЙ);
- досадовать на чужую удачу, счастье; болеть чужим здоровьем (ЗАВИДОВАТЬ);
- самый рыхлый лёд, заменяющий зимою дождь (СНЕГ).

Затем были даны задания – толкования Даля:

- 1) Дворовое животное (СВИНЬЯ);
- 2) Чугунный или листовой сосуд для варки, обычно с округлым дном, небольшим раструбом сверху, с ушами или с перевяслом; чугун, казан (КОТЁЛ);
- 3) Стыть, холод, зяба, стужа, при которой вода мёрзнет, а градусник опускается ниже нуля (МОРОЗ);
- 4) Часть лица человека и некоторых животных, которой основой служат выдавшиеся вперёд верхние скулы (НОС);
- 5) Что-либо огромное, пухлое, тучное, громоздкое, объёмистое и рыхлое, составное, сборное; куча (ТУЧА);
- 6) Самое крупное и рослое растение, которое выгоняет от корня один пень или лесину и состоит из древесины, древесных волокон, придающих ему плотность и крепость (ДЕРЕВО);
- 7) Делать что-либо прямое кривым, или наоборот (ГНУТЬ);
- 8) Ветхий, худой, дырявый (УТЛЫЙ);
- 9) Утварь домашняя, для поклажи, постановки чего (СТОЛ);
- 10) Кто жив, кто живёт или кому ещё суждено жить (ЖИЛЕЦ);
- 11) Исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои (СЛОВО);
- 12) Устройство для подачи условных знаков, маяк (ТЕЛЕГРАФ);
- 13) Музыкальное ура, заздравие, многолетие (ТУШ);
- 14) Увёртываться, вилять, хитрить, лукавить (ФИНТИТЬ);
- 15) Всхлипывать судорожно, отрывисто давиться (ИКАТЬ);
- 16) Двигаться, переноситься куда-либо, но не ходить, не летать, не плыть (ЕЗДИТЬ);
- 17) Привычный ныряла (ВОДОЛАЗ);
- 18) Междометие боли, испуга, удивления, одобрения (АЙ);

19) Речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов (ИРОНИЯ);

20) Затверделая кучка земли (КОЧКА).

Некоторые слова угадывались участниками мгновенно, а про другие звучало множество самых разных версий. Но в конце концов команды раскусили все толкования. Тогда мы приступили к главному этапу игры, где нужно было сочинять толкования и угадывать слова. Вот те слова, которые мы выбрали для игры, с их толкованиями из словаря:

НАКУЗМИТЬСЯ – упиться, праздная кузминка, 1 ноября;

ОПРЫЖИТЬ – сильно ударить чем-либо жидким, гибким;

КОРОКОРА – небольшой хохлатый морской нырок;

НУХРИТЬ – искать, рыться, ходить по углам, заглядывая туда и сюда;

ИНДРИК – какой-то сказочный зверь, поминаемый в стихах и песнях в народе;

КУПОРАНДАТЬСЯ – прохладиться купаньем, долго купаться.

При сочинении своих толкований участники порадовали организаторов и друг друга весьма бурной фантазией, а некоторые слова запомнились надолго и «пошли в народ», особенно слово *купорандаться*: недаром школа проходит на реке Дубне!

Литературная игра «Травести, или литературный маскарад»

Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева

Игра состоит в том, что фрагмент какого-либо известного литературного произведения «маскируется» под другое известное произведение путём замены имён героев, а иногда ещё и некоторых предметов, географических названий и др. Ведущий зачитывает «переодетые» тексты. Задача играющих — узнать «маску», зашифрованное произведение, авторов и, по возможности, восстановить исходный текст.

Задания «Литературного маскарада» ЛЛШ-2007

Авторы: Александр Бердичевский, Борис Иомдин, Ольга Шеманаева.

1.

Б а з а р о в

Пойдём любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

(Катя не даётся.)

Зачем она не ты!

(Хочет идти, Одинцова не пускает.)

О д и н ц о в а *(почти шёпотом; вся сцена вполголоса)*

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Б а з а р о в

Как! Анна Сергеевна...

О д и н ц о в а

Ни слова, ради Бога,
Молчите, я на всё решусь.

2.

Аня и Варя, по своему обыкновению переругиваясь и шпыняя друг дружку, объясняют мне, что они приехали всей семьёй в город за покупками, а потом пойдут смотреть деревья в приезжем саду и хотят взять с собой и меня.

— Я не могу с вами идти, — отвечаю я сурово. — У меня папа больной, я при нём сидеть буду.

— Непременно ступай в сад, душечка! — приказывает папа. — Я очень давно не видал никаких деревьев, кроме одной кудлатой рябины. — Он шутиливо дёргает меня за нос. — Пойди в сад, погляди, а потом расскажешь мне, что ты там видела.

Несчастный случай — папа повредил ногу — поражает всех. Впечатлительный дядя Лёня и сердобольная Любовь Андреевна смотрят на папу глазами, распухшими от слёз, и бурно обнимают маму.

— Бедная, бедная моя Дуняша... — шепчет Любовь Андреевна (она училась вместе с мамой в гимназии).

— Боже мой! — взвизгивает дядя Лёня. — Видеть такое воплощение энергии, как Ермолай Алексеевич, — и вдруг в полной прострации!.. Это трагедия!

Дядя Лёня, по-видимому, совсем не знает простых человеческих слов — только какие-то непонятные.

3.

— Придётся мне у них спросить, как называется их планета. «Простите, сударыня, где я? На Марсе или на Венере?»

И она попробовала сделать реверанс. Можешь себе представить *реверанс* в воздухе во время падения? Как, по-твоему, тебе бы удалось его сделать?

— А она, конечно, подумает, что я страшная невежда! Нет, не буду никого спрашивать! Может, увижу где-нибудь надпись!

А она всё падала и падала. Делать нечего — помолчав, Алиса снова заговорила.

— Громозека будет меня сегодня весь вечер искать. Ему без меня так скучно!

4.

Всё то время, что они сидели с Трубецкими, Наташа была в зале. Хотя она была одета не по-бальному и никого тут не знала, она то давала безвольно, как во сне, кружить себя Пьеру Безухову, то, как в воду опущенная, без дела слонялась кругом по залу.

Наташа уже один или два раза в нерешительности останавливалась и мялась на пороге гостиной, в надежде на то, что сидевший лицом к залу Курагин заметит её. Но он глядел в свои карты, которые держал в левой руке щитком перед собой, и либо действительно не видел её, либо притворялся, что не замечает. У Наташи дух захватило от обиды. В это время из зала в гостиную вошла незнакомая Наташе девушка. Курагин посмотрел на вошедшую тем взглядом, который Наташа так хорошо знала. Польщённая девушка улыбнулась Курагину, вспыхнула и просияла. При виде этого Наташа чуть не

вскрикнула. Краска стыда густо залила ей лицо, у неё покраснели лоб и шея. «Новая жертва», — подумала она. Наташа увидела как в зеркале всю себя и всю свою историю.

5.

— Слушай, — сказал он, — о жене не заботься: что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай: письмо Емельяну Ивановичу отдай. Я пишу, чтоб он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет. Коли хорош будет, служи. Андрея Петровича Гринёва сын из милости служить ни у кого не будет. Ну, теперь поди сюда.

6.

— Ты хочешь меня убить, я это знаю, — сказала она. — Такова судьба, но я не уступлю.

— Я тебя прошу, — сказал я ей, — образумься! Послушай! Всё прошлое позабыто. А между тем ты же знаешь, это ты меня погубила; ради тебя я стал вором и убийцей. Земфира! Моя Земфира! Дай мне спасти тебя и самому спастись с тобой.

— Алеко! — отвечала она. — Ты требуешь от меня невозможного. Я тебя больше не люблю; а ты меня ещё любишь и поэтому хочешь убить меня. Я бы могла опять солгать тебе; но мне лень это делать. Между нами всё кончено.

7.

— Там оставался у нас, — заговорил он, всё потягиваясь, с расстановкой, — сыр, да... дай мадеры; до обеда долго, так я позавтракаю немного...

— Где это он оставался? — сказал Осип, — не оставалось ничего...

— Как не оставалось? — перебил Иван Александрович. — Я очень хорошо помню: вот какой кусок был...

— Нет, нету! Никакого куса не было! — упорно твердил Осип.

— Был! — сказал Иван Александрович.

— Не был, — отвечал Осип.

— Ну, так купи.

— Пожалуйста денег.

— Вон мелочь там, возьми.

— Да тут только рубль сорок, а надо рубль шесть гривен.

— Там ещё медные были.

— Я не видал! — сказал Осип, переминаясь с ноги на ногу. — Серебро было, вон оно и есть, а медных не было!

— Были: вчера мне разносчик самому в руки дал.

— Он при мне дал, — сказал Осип, — я видел, что мелочь давал, а меди не видал...

«Уж не Коробкин ли взял? — подумал нерешительно Иван Александрович. — Да нет, тот бы и мелочь взял».

8.

— А у меня в вагоне тоже двое мужичков, но только они меньше вас. Гораздо меньше! Им в сумме семь лет. А зовут их Ляпкин и Тяпкин, очень серьёзные, скажу вам, важные они мужички! Меня же вы можете называть Марья Антоновна. Вы запомните? Марь-я-ан-то-но-вна. Ну, а вы кто? Только теперь Добчинский догадался закрыть рот, а Бобчинский, откашлявшись и выплюнув под ноги остатки семечек, сиплым от волнения голосом сказал, что они — Петры Ивановы.

9.

На скамье сидел Генеральный судья и Хранитель больших печатей — раздвинув ноги, оперев левую руку в бок, а правой держась за эфес золочёного меча.

— Вы сильно опоздали, сэра Гавейн, — сказал он неприятным голосом.

— Тысяча извинений! — вскричал сэра Гавейн, плавно приближаясь к столу. — Клянусь рахитом моего герцога, совершенно непредвиденные обстоятельства! Меня четырежды останавливал патруль её величества королевы Гвиневеры, и я дважды дрался с какими-то хамами. — Он изящно поднял левую руку, обмотанную окровавленной тряпкой. — Кстати, благородные сэры, чей это вертолёт позади избы?

— Это мой вертолёт, — сварливо сказал сэра Ланселот. — У меня нет времени для драк на дорогах.

10.

— Господи! И, как назло, Иван Иванович в египетской пирамиде. Если бы он был здесь, я бы к нему обратился...

— Гм, — сказал Федюшка и поглядел в окно.

— Ведь нельзя же иметь дело с человеком, который никого не слушает!

— Нет, он слушает. Он слушает трёх лиц: Луку Александрыча, Тётку и Хавронью Ивановну. Вот три лица на земном шаре, которые могут иметь влияние на Фёдора Тимофеича. Если же кто-либо другой, кроме указанных лиц, вздумает повлиять на Фёдора Тимофеича, он добьётся только того, что Фёдор Тимофеич поступит наоборот.

11.

— Винни-Пух, — представился Пух, поклонившись.

— А... — буркнул Пятачок, — пчёлы про тебя все уши прожужжали.

— Так ты от пчёл отселился, — догадался Пух.

— Да, с пчёлами не жизнь, — сказал Пятачок, — жалостливые очень, чуть что жалиться начинают, жадничают. Я лучше у тебя останусь.

— Живи, раз нравится, — сказал Пух, — вот чаю давай попьём с мёдом для знакомства.

— С мёдом я уже знаком, — сказал Пятачок, вылезая из банки, и вежливо добавил: — до свидания, меня зовут Пятачок.

— Когда входят, говорят «здравствуйте», — поправил его Пух.

— А я выхожу, — возразил Пятачок, показывая на банку, — вышел вот прогуляться, друга Пуха навестить, медку с чайком попить...

Пух принёс из кладовки другую банку мёда и, извиняясь, пододвинул Пятачку свою чашку.

— Я ведь один живу, у меня и чашек-то больше нет, — сказал он.

— Тогда так, — распорядился Пятачок, — чтобы всем не обидно было, ты чай из чашки пей, а я буду мёд из банки.

— Послушай, а ты не слипнешься? — забеспокоился Пух.

12.

Все четверо выходят вместе;
Атос уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;
Вдоль берегов Эро счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдаль;
Уж всадников не видно боле...
Но долго всё ещё глядит
Сам кардинал в пустое поле
И думой им вослед летит.

13.

Х о л м с . Хотите снова прослушать на выбор?

В а т с о н (*встаёт, подходит к камину и становится спиной к огню*). Нет, спасибо, больше не могу. На сегодня хватит.

Х о л м с (*идёт за ним и становится рядом, с левой стороны*). Устали слушать звуки?

В а т с о н . Да. Ужасное напряжение. А я-то гордился, что могу отчётливо произнести двадцать четыре гласных. Но ваши сто тридцать сразили меня. В большинстве случаев я даже не могу уловить разницу между ними.

Х о л м с . (посмеиваясь, отходит к роялю и берётся за конфеты). Вопрос привычки. Вначале вы не улавливаете разницы; но вслушайтесь хорошенько и вскоре убедитесь, что они отличаются друг от друга, как «А» от «Б».

В комнату заглядывает миссис Хадсон, экономка Холмса.

В чём дело, миссис Хадсон?

М и с с и с Х а д с о н (*колеблясь: она явно растеряна*). Какая-то юная особа желает вас видеть, сэр.

Х о л м с . Юная особа? А что ей угодно?

14.

Акт I

Сцена 1

Пустынное место. Гром и молния.

Входят три поросёнка.

Н у ф - Н у ф

Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроём?

Н а ф - Н а ф

Когда один из воевод
Другого в битве разобьёт.

Н и ф - Н и ф

Заря решит её исход.

Н у ф - Н у ф

Где нам сойтись?

Н а ф - Н а ф

На пустыре.

15.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье.

Мама Фиттих целовала его и плакала. Пауль дёргал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

— Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пёс Плюх, которого Пауль поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мама Фиттих и Пауль ходили за водой, то соскучившийся Петер решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет.

Но так как мама Фиттих и Пауль ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг Бокельман встал, подошёл и брякнул на стол тяжёлый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот, — сказал он, — получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от Каспара Шлиха. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

16.

Мышину сказали: «Эй, Мышин, вставай!»

Мышин сказал: «Не встану», — и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошёл Кулыгин и сказал:

«Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать». «Нет», — сказал Мышин, продолжая лежать на полу. К Мышину подошла Селезнёва и сказала: «Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперёд».

— Мешал и буду мешать, — сказал Мышин.

— Ну знаете, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию.

Ответы

1. Маска: «Отцы и дети»

Произведение: «Горе от ума»

Автор: А. С. Грибоедов

Базаров: Молчалин

Катя: Лиза

Одинцова: Софья

2. Маска: «Вишнёвый сад»

Произведение: «Дорога уходит в даль»

Автор: А. Бруштейн

Аня: Зоя

Варя: Рита

деревья: звери

сад: зверинец

рябина: обезьяна

дядя Лёня: тётя Женя

Любовь Андреевна: Серафима Павловна

Дуняша: Леночка

Ермолай Алексеевич: Яков Ефимович

3. Маска: Произведения Кира Булычёва

Произведение: «Алиса в стране чудес»

Автор: Л. Кэрролл

На Марсе: В Австралии

На Венере: В Новой Зеландии

Алиса: Алиса

Громозека: Динка

4. Маска: «Война и мир»

Произведение: «Доктор Живаго»

Автор: Б. Л. Пастернак

Трубецкие: Свентицкие

Наташа: Лара

Пьер Безухов: Кока Корнаков

Курагин: Комаровский

- 5.** Маска: «Капитанская дочка»
Произведение: «Война и мир»
Автор: Л. Н. Толстой
Емельян Иванович: Михайла Илларионыч
Андрей Петрович Гринёв: Николай Андреевич Болконский
- 6.** Маска: «Цыганы»
Произведение: «Кармен»
Автор: П. Мериме
Земфира: Кармен
Алеко: Хосе
- 7.** Маска: «Ревизор»
Произведение: «Обломов»
Автор: И. А. Гончаров
Осип: Захар
Иван Александрович: Илья Ильич
Коробкин: Тарантьев
- 8.** Маска: «Ревизор»
Произведение: «Ночевала тучка золотая»
Автор: А. Приставкин
Ляпкин: Жорес
Тяпкин: Марат
Марья Антоновна: Регина Петровна
Добчинский: Сашка
Бобчинский: Колька
Петры Иванычи: Кузьмёныши
- 9.** Маска: Легенды о короле Артуре и рыцарях круглого стола
Произведение: «Трудно быть богом»
Автор: А. и Б. Стругацкие
Сэр Гавейн: дон Гуг
королева Гвиневера: король Арканарский
сэр Ланселот: дон Кондор
- 10.** Маска: «Каштанка»
Произведение: «Театральный роман»
Автор: М. Булгаков
Иван Иваныч: Аристарх Платонович
египетская пирамида: Индия
Федюшка: Бомбардов
Лука Александрыч: Гавриил Степанович
Тётка: тётушка Настасья Ивановна
Хавронья Ивановна: Августа Авдеевна
Фёдор Тимофеич: Иван Васильевич

11. Маска: «Винни-Пух»

Произведение: «Зоки и Бада. Пособие для детей по воспитанию родителей»

Автор: И. и Л. Тюхтяевы

Винни-Пух: чёрный бада

Пятачок: зок

12. Маска: «Три мушкетёра»

Произведение: «Руслан и Людмила»

Автор: А. С. Пушкин

Атос: Руслан

Эро: Днепр

Сам кардинал: великий князь

13. Маска: «Записки о Шерлоке Холмсе»

Произведение: «Пигмалион»

Автор: Б. Шоу

Холмс: Хиггинс

Ватсон: Пикеринг

миссис Хадсон: миссис Пирс

14. Маска: «Три поросёнка»

Произведение: «Макбет»

Автор: У. Шекспир

Три поросёнка: Ведьмы

Нуф-Нуф: Первая ведьма

Наф-Наф: Вторая ведьма

Ниф-Ниф: Третья ведьма

15. Маска: «Плих и Плюх»

Произведение: «Чук и Гек»

Автор: А. Гайдар

Мама Фиттих: Мать

Пауль: Чук

Плюх: Смелый

Петер: Гек

Бокельман: сторож

Каспар Шлих: начальник Серёгин

16. Маска: «Победа Мышина»

Произведение: «Победа Мышина»

Автор: Д. Хармс

Мышин: Мышин

Кулыгин: Кулыгин

Селезнёва: Селезнёва

Коршунов: Коршунов

Задания «Литературного маскарада» ЛЛШ — 2008

Авторы: Борис Иомдин, Ольга Шеманаева.

1.

Лодку уносило всё дальше; Офелия сидела смиренно, в одних чулках; красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие, раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но нигде не было видно ни одной человеческой души.

«Может быть, река несёт меня к Гамлету?» — подумала Офелия, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

2.

Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Днепра мостов уже не сняли
И что с Оксаной будет он
Дни на два, на три разлучён.
Вакула тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт:
«Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нём Оксану успокою.»

3.

Б о д а е в . Ты чего бормочешь?
С ч а с т л и в ц е в . Слова... А то ещё есть — транс-седентальный...
Б о д а е в . Это что?
С ч а с т л и в ц е в . Не знаю... забыл...
Б о д а е в . А к чему говоришь?
С ч а с т л и в ц е в . Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова...
все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

Н е с ч а с т л и в ц е в . В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

К а р п (выходя из кухни). Ты с метлой играть скоро будешь?

Н е с ч а с т л и в ц е в . Не твоё дело (Ударяет себя в грудь рукой.) «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»

4.

— Ну что ж, поедешь нынче вечером к нашим, к Лариным то есть? — сказал он, отодвигая пустые шершавые раковины, придвигая сыр и значительно блестя глазами.

— Да, я непременно поеду, — отвечал Ленский. — Хотя мне показалось, что бригадирша неохотно звала меня.

— Что ты! Вздор какой! Это её манера... Ну давай же, братец, суп!.. Это её манера, *grande dame*, — сказал Евгений Онегин. — Я тоже приеду, но мне на спевку к графине Баниной надо. Ну как же ты не дик? Чем же объяснить то, что ты вдруг исчез из деревни? Ларины меня опрашивали о тебе беспрестанно, как будто я должен знать. А я знаю только одно: ты делаешь всегда то, что никто не делает.

— Да, — сказал Ленский медленно и взволнованно. — Ты прав, я дик. Но только дикость моя не в том, что я уехал, а в том, что я теперь приехал. Теперь я приехал.

— О, какой ты счастливек! — подхватил Евгений Онегин, глядя в глаза Ленскому.

— Отчего?

— Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюблённых узнаю по их глазам, — продекламировал Евгений Онегин. — У тебя всё впереди.

— А у тебя разве уж назад?

— Нет, хоть не назад, но у тебя будущее, а у меня настоящее — так, в пересыпочку.

— А что?

— Да нехорошо. Ну, да я о себе же хочу говорить, и к тому же объяснить всего нельзя, — сказал Евгений Онегин. — Так ты зачем же приехал в деревню?..

5.

Пани Мюллерова плакала, добавляя слёзы вместо соли в яичницу. Они были такие горькие, что даже заменяли перец.

— Хорошо, что много перца. Очень вкусно! — хвалил мадьяр, уплетая яичницу.

Пани Мюллерова принимала валерьяновые капли, которые теперь почему-то пахли гвоздикой. Вероятно, от слёз.

Потом она видела через окно, как солдат Швейк прошёл по улице. Всё было в порядке: новый шарф, новая трость, новые (хотя и старые) башмаки на красивых целых каблуках.

Но рядом с ним шёл мадьяр.

Пани Мюллерова зажмурила глаза и села на пол. Вернее, не на пол, а на кошку. Кошка от ужаса запела. Пани Мюллерова, выведенная из себя, побила кошку, во-первых, за то, что она вертится под ногами, а во-вторых, за то, что она не сумела в своё время поймать мышь.

А мышь, пробравшись из мастерской солдата Швейка в комод пани Мюллеровой, ела миндальные коржики, с нежностью вспоминая о мармеладе.

6.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Мэри Поппинс приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Мэри Поппинс покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, няня она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на английском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Мэри Поппинс вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Бекон бывает. Овсянка бывает.

7.

На доске тем временем происходило смятение. Совершенно расстроенный король в белой мантии топтался на клетке, в отчаянии вздымая руки. Три белых пешки-ландскнехты с алебардами растерянно глядели на офицера, размахивающего шпагой и указывающего вперёд, где в смежных клетках, белой и чёрной, виднелись чёрные всадники Гудвина на двух горячих, роющих копытами клетки, конях.

Элли чрезвычайно заинтересовало и поразило то, что шахматные фигурки были живые.

Пёсик, отставив от глаз бинокль, тихонько подпихнул своего короля в спину. Тот в отчаянии закрыл лицо руками.

— Плоховато дельце, дорогой Тотошка, — тихо сказал Страшила ядовитым голосом.

— Положение серьёзное, но отнюдь не безнадёжное, — отозвался Тотошка, — больше того: я вполне уверен в конечной победе. Стоит хорошенько проанализировать положение.

Этот анализ он начал производить довольно странным способом, именно стал кроить какие-то рожи и подмигивать своему королю.

— Ничего не помогает, — заметил Страшила.

— Ай! — вскричал Тотошка. — Попугаи разлетелись, что я и предсказывал!

Действительно, где-то вдаль послышался шум многочисленных крыльев. Страшила и Дровосек бросились вон.

— А, чёрт вас возьми с вашими бальными затеями! — буркнул Гудвин, не отрываясь от своего рупора.

Лишь только Страшила и Дровосек скрылись, мигание Тотошки приняло усиленные размеры. Белый король наконец догадался, чего от него хотят, вдруг стащил с себя мантию, бросил её на клетку и убежал с доски. Офицер брошенное королевское одеяние накинул на себя и занял место короля.

Страшила и Дровосек вернулись.

— Враки, как всегда, — ворчал Дровосек, косясь на Тотошку.

— Мне послышалось, — ответил пёсик.

— Ну, что же, долго это будет продолжаться? — спросил Гудвин. — Шах королю.

8.

Д о н К и х о т

Дождёмся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Ла Манчи! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?

С а н ч о

Да! Дон Кихота мудрено признать!
Таких, как он, такая бездна!

Д о н К и х о т

Шутишь?
Да кто ж меня узнает?

С а н ч о

Первый сторож,

Гитана или пьяный музыкант,
Иль свой же брат печальный кавалер,
Со шпагою под мышкой и в плаще.

Д о н К и х о т

Что за беда, хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем,
Я никого в Ла Манче не боюсь.

9.

Хагрид застонал и пошевелился.

— Ноги мои... — прокряхтел он. — Пощупай, как там.

Гарри протянул руку и, ощупывая, провёл по его ноге ладонью от колена и ниже.

— Кости... — хрипел Хагрид. — Кости есть ещё?

— Есть, есть, — соврал Гарри. — Не суетись.

На самом деле прощупывалась только коленная чашечка. Ниже, до самой ступни, нога была как резиновая палка, её можно было узлом завязать.

— Врёшь ведь, — сказал Хагрид. — Зачем врёшь? Что я — не знаю, не видел никогда?

— Колени целы, — сказал Гарри.

— Врёшь ведь, наверное, — сказал Хагрид с тоской. — Ну, ладно. Ты только меня вытащи. Я тебе всё. Философский камень. Карту нарисую. Все ловушки укажу. Всё расскажу...

Он говорил и обещал ещё что-то, но Гарри уже не слушал его. Он смотрел в сторону шоссе. Проектора больше не метались по кустам, они замерли, скрестившись на том самом мраморном обелиске, и в ярком голубом тумане Гарри отчётливо увидел согнутую фигуру, бредущую среди крестов.

10.

На пустынной равнине недалеко от города стоял высокий и нескладный дом. А в доме жили Наф-Наф, Ниф-Ниф и Нуф-Нуф. Наф-Наф был самый старший, Ниф-Ниф — самый красивый, а Нуф-Нуф — самый прожорливый из них троих. И были они поросята, но надо сказать, что эти трое были всё же не такие злые, как многие другие поросята. Больше всего на свете им нравилось просто сидеть у себя дома и ничего не делать.

У них и домашнее животное было, в котором сочеталось приятное с полезным.

Кто, как ты думаешь? Волк! Для волка он был довольно послушный и, можно сказать, вполне безобидный. Правда, однажды он откусил Ниф-Нифу большой палец на ноге. Но Наф-Наф говорил, что это не так уж важно, потому что, когда Ниф-Ниф в сапогах, этого всё равно никто не видит.

Ну а Ниф-Ниф, конечно, обиделся на волка.

— Волк у нас всё-таки не такой, как надо, — ворчал он.

— А я тебе скажу, волк — самое полезное и приятное из всех домашних животных, — возражал ему Наф-Наф.

— Что полезное — я и сам знаю, — отвечал Ниф-Ниф. — Но когда тебя пытаются съесть, то это не очень-то приятно, даже если отъедают самую малость.

— Просто день был такой неудачный — волк у нас был голодней, чем всегда, — вмешивался Нуф-Нуф; уж кто-кто, а Нуф-Нуф знал, что такое быть голодным.

11.

Роберт был шотландцем, поэтому он только добродушно свистнул (мальчик-англичанин сказал бы, что девчонки вечно надоедают) и вернулся к сестре.

— И зачем ты надела эти башмаки, глупенькая? У тебя есть кожаные, почти неношеные. Твои деревянные и то лучше этих.

— Что ты, Роберт! Или ты забыл? Ведь отец бросил в огонь мои хорошие новые башмаки, прямо в горящий торф. Не успела я оглянуться, как они уже совсем скорёжились. В этих я ещё могу кататься на коньках, а в деревянных нет. Ну, подвязывай, только осторожней...

Роберт вынул из кармана ремешок; что-то напевая, он стал на колени рядом с Мери и принялся подвязывать её «конёк», затягивая ремень со всей силой своих крепких молодых рук.

12.

М а с т е р

Что ж, хорошо?

А л о и з и й

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Мастер, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

М а с т е р

Ба! право? может быть...
Но божество моё проголодалось.

А л о и з и й

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

М а с т е р

Пожалуй;
Я рад. Но дай схожу домой сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

13.

— Ну, — заговорил Бендер и сразу поглядел так, словно стоял перед взводом, — тэк-с. Там, стало быть, в порядке... У доктора — сыпной тиф и прочее. Ты, Зося, — сестра... Козлевич, ты за медика сойдёшь — студента... Ушейся в спальню... Шприц там какой-нибудь возьми... Много нас. Ну, ничего...

Звонок повторился нетерпеливо, Варвара дёрнулась, и все стали ещё серьёзнее.

— Успеется, — сказал Бендер и вынул из заднего кармана брюк маленький чёрный револьвер, похожий на игрушечный.

— Вот это напрасно, — сказал, темнея, Паниковский, — это я тебе удивляюсь. Ты-то мог бы быть поосторожнее. Как же ты по улице шёл?

— Не беспокойся, — серьёзно и вежливо ответил Бендер, — устроим. Держи, Шура, и играй к чёрному ходу или к форточке.

14.

Те же, Одиссей, Телемах и Еврикляя.

Одиссей (*Телемаху*). Ты помни, только кураж, и больше ничего.

(*Оглядывается и раскланивается с некоторым изумлением; про себя.*) Фу-ты, какая куча народу! Это что значит? Уж не женихи ли? (*Толкает Еврикляю и говорит ей тихо.*) С которых сторон понабрала ворон, а?

Еврикляя (*вполголоса*). Тут тебе ворон нет, все честные люди.

Одиссей (*ей*). Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Еврикляя. Гляди налёт на свой полёт, а и похвастаться почём: шапка в рубль, а щи без круп.

Одиссей. Небось твои разживные, по дыре в кармане. (*Вслух.*) Да что она делает теперь? Ведь эта дверь, верно, к ней в спальню? (*Подходит к двери.*)

Еврикляя. Бесстыдник! говорят тебе, ещё одевается.

Одиссей. Эка беда! что ж тут такого? Ведь только посмотрю, и больше ничего. (*Смотрит в замочную скважину.*)

Евримах. А позвольте мне полюбопытствовать тоже.

Антиной. Позвольте взглянуть мне только один разочек.

Одиссей (*продолжая смотреть*). Да ничего не видно, господа. И распознать нельзя, что такое белеет: женщина или подушка.

Все, однако ж, обступают дверь и продираются взглянуть.

Чш... кто-то идёт!

Все отскакивают прочь.

Одиссей, Пенелопа.

Пенелопа (*осматриваясь*). Что, ушли? никого нет?

Одиссей. Ушли, ушли, никого.

Пенелопа. Ах, если бы вы знали, как я вся дрожала! Эдакого, точно, ещё никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этот Антиной! Какой он должен быть тиран для жены. Мне все так вот и кажется, что он сейчас воротится.

О д и с с е й . О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь из них двух покажет нос свой здесь.

15.

— Так вот, дорогие мои друзья, и ты, Алик, — сказал Костя, — перед вами учёная собака Лобзик. Она умеет делать всё: звонить по телефону, летать, печь булочки, разговаривать и поднимать ножку. Словом, всё.

В этот момент щенок и в самом деле поднял ножку — как раз возле стула Алика, и на полу образовалась маленькая лужица.

— Теперь вы видите, что я не преувеличиваю: это действительно учёная собака.

— Ерунда! — сказал Алик и отодвинул свой стул от лужицы. — Любой щенок сделает такой фокус. Пусть этот Лобзик немножко поговорит. Это будет потруднее, ха-ха!

Костя обратился к щенку:

— Разве тебе трудно говорить, Лобзик?

— Нет, — ответил щенок. — Мне трудно говорить, только когда я курю сигару.

Ребята прямо подскочили от изумления. Казалось, говорит сам щенок. Но Витя всё же решил, что за него говорит Костя.

И он даже обрадовался, потому что хотел иметь обыкновенную собаку, а не какую-то говорящую.

16.

Узкими горными тропинками, от одного дачного посёлка до другого, пробиралась вдоль южного берега Италии маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бежал, свесив набок длинный розовый язык, чёрный пудель Артемон, стриженный наподобие льва. У перекрёстков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперёд. За собакой шёл двенадцатилетний мальчик Буратино, который держал под левым локтем свёрнутый ковёр для акробатических упражнений, а в правой нёс тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец сзади плёлся старший член труппы — дедушка Папа Карло, с шарманкой на скрюченной спине.

17.

— Не хочешь знать приятелей! Здравствуй, mon cher! — заговорил Афанасий Павлович, и здесь, среди этого петербургского блеска, не менее, чем в Москве, блистая своим румяным лицом и лоснящимися расчёсанными бакенбардами.

— Вчера приехал и очень рад, что увижу твоё торжество. Когда увидимся?

— Заходи завтра в артель, — сказал Звездич — и, пожав его, извиняясь, за рукав пальто, отошёл на середину ипподрома, куда уже вводили лошадей

для большой скачки с препятствиями. <...> Он хотел подойти к своей лошади, но его опять задержал знакомый.

— А, вот Арбенин! — сказал ему знакомый, с которым он разговаривал. — Ищет жену, а она в середине беседки. Вы не видали её?

— Нет, не видал, — отвечал Звездич и, не оглянувшись даже на беседку, в которой ему указывали на Арбенину, подошёл к своей лошади.

18.

Реми покривил рот, потёр своим чёрным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть, — продолжал он, — богу молиться, а если что, то секи меня, как Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить, али заместо Маттиа в подпаски пойду. Синьор Виталис, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрёшь, стану за упокой души молить, всё равно как за матушку Барберен.

А Париж город большой. Дома всё господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.»

Ответы

1. Маска: «Гамлет»

Произведение: «Снежная королева»

Автор: Х.-К. Андерсен

Офелия: Герда

Гамлет: Кай

2. Маска: «Ночь перед Рождеством»

Произведение: «Медный всадник»

Автор: А. С. Пушкин

Днепр: Нева

Вакула: Евгений

Оксана: Параша

3. Маска: «Лес»

Произведение: «На дне»

Автор: М. Горький

Бодаев: Бубнов

Счастливец: Сатин

Несчастливцев: Актёр
Карп: Клещ

4. Маска: «Евгений Онегин»
Произведение: «Анна Каренина»
Автор: Л. Н. Толстой
Ларины: Щербацкие
Ленский: Лёвин
Бригадирша: Княгиня
Евгений Онегин: Степан Облонский
Деревня: Москва

5. Маска: «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»
Произведение: «Три толстяка»
Автор: Ю. Олеша
Пани Мюллерова: тётушка Ганимед
Солдат Швейк: доктор Гаспар
Мадьяр: негр

6. Маска: «Мэри Поппинс»
Произведение: «Уроки французского»
Автор: В. Распутин
Мэри Поппинс: Лидия Михайловна
Няня: учительница
Английский: французский
Бекон: горох
Овсянка: редька

7. Маска: «Волшебник Изумрудного города»
Произведение: «Мастер и Маргарита»
Автор: М. Булгаков
Гудвин: Воланд
Элли: Маргарита
Тотошка: Бегемот
Пёсик: Кот
Страшила: Коровьев
Дровосек: Азazelло
Рупор: глобус

8. Маска: «Дон Кихот»
Произведение: «Каменный гость»
Автор: А. С. Пушкин
Дон Кихот: Дон Гуан
Санчо: Лепорелло
Ла Манча: Мадрит
Печальный: нахальный

9. Маска: «Гарри Поттер и философский камень»

Произведение: «Пикник на обочине»

Автор: А. и Б. Стругацкие

Хагрид: Барбридж

Гарри: Рэдрик

Философский камень: Золотой шар

10. Маска: «Три поросёнка»

Произведение: «Люди и разбойники из Кардамона»

Автор: Турбьёрн Эгнер

Город: Кардамон

Наф-Наф: Каспер

Ниф-Ниф: Еспер

Нуф-Нуф: Юнатан

Поросята: разбойники

Волк: лев

11. Маска: «Дети капитана Гранта»

Произведение: «Серебряные коньки»

Автор: М. Мейп Додж

Роберт: Ханс

Мери: Гретель

Шотландец: голландец

12. Маска: «Мастер и Маргарита»

Произведение: «Моцарт и Сальери»

Автор: А. С. Пушкин

Мастер: Моцарт

Алоизий: Сальери

13. Маска: «Золотой телёнок»

Произведение: «Белая гвардия»

Автор: М. Булгаков

Бендер: Мышлаевский

Зося: Елена

Козлевич: Карась

Варвара: Анюта

Паниковский: Шервинский

Шура: Николка

14. Маска: «Одиссея»

Произведение: «Женитьба»

Автор: Н. В. Гоголь

Одиссей: Кочкарёв

Телемах: Подколесин

Евриклея: Фёкла

Евримах: Жевакин

Антиной: Яичница

Пенелопа: Агафья Тихоновна

15. Маска: «Витя Малеев в школе и дома»

Произведение: «Карлсон, который живёт на крыше»

Автор: А. Линдгрен

Алик: Кирре

Костя: Карлсон

Лобзик: Альберг

Витя: Малыш

16. Маска: «Золотой ключик, или приключения Буратино»

Произведение: «Белый пудель»

Автор: А. Куприн

Италия: Крым

Чёрный: белый

Артемон: Арто

Буратино: Сергей

Папа Карло: Мартын Лодыжкин

17. Маска: «Маскарад»

Произведение: «Анна Каренина»

Автор: Л. Н. Толстой

Афанасий Павлович: Степан Аркадьич

Звездич: Вронский

Арбенин: Каренин

Арбенина: Каренина

18. Маска: «Без семьи»

Произведение: «Ванька Жуков»

Автор: А. П. Чехов

Реми: Ванька

Маттиа: Федька

Синьор Виталис: дедушка миленький

Матушка Барберен: мамка Пелагея

Париж: Москва

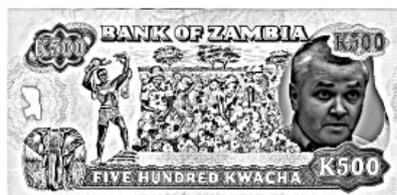
Деньги Казино «Максим» — 2007

Деньги Казино «Максим» – 2008

Что? Где? Когда? IX ЛЛШ

И. Б. Иткин

I ТУР:

Вопрос 1. Однажды автор вопроса, опытный шахматист, предложил своему шестилетнему сыну сыграть в шахматы, предоставив ему белые фигуры и ферзя вперёд. К его изумлению, сын, тоже уже немного разбирающийся в шахматах, заметил, что такая солидная фора может помешать ему одержать быструю победу. А почему?

Ответ: при отсутствии ферзя нельзя поставить детский мат (т. к. свободно поле d8).

Зачёт: по смыслу.

Автор – Илья Иткин.

Вопрос 2. В английской народной песенке несколько кавалеров сватается к одной женщине. Один из них, человек знатный, перечисляет список своих титулов — и тут же получает отказ. На каком основании?

Ответ: «за столько я замуж не пойду».

Автор – Андрей Ленский.

Вопрос 3. В одном журнале проводился конкурс на дизайн лучшего гнома топора. В проекте-победителе имелись, например, такие детали, как лампа, пила, компас и даже баночки со специями. А для чего были нужны эти последние?

Ответ: для варки супа из топора (зачёт — каши из топора).

Автор – Андрей Ленский.

Вопрос 4.

Многопуден
физик Пудин,
Лирик Пудин –
<...>

Перед вами – дружеская эпиграмма на известного советского писателя, которая в результате замен сильно «потяжелела». «Облегчив» её обратными заменами, восстановите пропущенное слово, указывающее на лёгкость и изящество стиля этого писателя.

Ответ: филигранен.

Комментарий. Эпиграмма посвящена Даниилу Гранину (автору книг об учёных «Иду на грозу», «Искатели» и др.):

Многогранен
 физик Гранин,
 Лирик Гранин —
 филигранен.

Автор – Анатолий Белкин.

Вопрос 5. [Примечание ведущему: не упоминать о наличии кавычек.] Одна из карикатур, посвящённых войне Друри-Лейнского и Ковент-Гарденского театров, «принижала» гениального Гаррика и «превозносила» Барри, Сиббер и Куина. Назовите устройство, занимавшее центральную часть карикатуры.

Ответ: Весы.

Комментарий: «Принижала» и «превозносила» в буквальном смысле: Гаррик перевешивал всю упомянутую компанию.

Автор — Константин Науменко.

Вопрос 6. Согласно скандинавскому поверью, нашедший ЭТО, принадлежавшее княгине Радигундис, станет поэтом. Садко использовал ЭТО перед отправлением на дно моря. В произведении Михаила Погарского с ЭТИМ сравнивается Денеб. Назовите ЭТО двумя словами.

Ответ: Лебединое перо.

Комментарий: Несли ему чернилицу вальяхную,
 Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
 Он стал именьеце отписывать...

В произведении Михаила Погарского есть строка: «Белел Денеб, как лебединое перо». Название звезды Денеб в созвездии Лебеда по-арабски означает «хвост».

Авторы — Константин Науменко, Евгений Поникаров.

Вопрос 7. Старинная английская мера времени — фортнайт — равна примерно двум неделям. В операционной системе VMS [Ви-Эм-Эс] некоторые конфигурационные параметры зачем-то были определены в микрофортнайтах (приблизительно 1,21 секунды). В вычислительной технике порой используются и нанофортнайты (около 1,21 миллисекунды). Использование столь вычурных единиц на самом деле представляет собой разновидность хорошо известного в технике приёма. Назовите его тремя словами.

Ответ: защита от дурака.

Комментарий: цель такого использования разработчики объясняют тем, чтобы пользователь не менял важные параметры бездумно, а сначала попытался понять, что они означают.

Авторы — Анатолий Белкин, Виталий Федоров.

Вопрос 8. Анализируя некий феномен потрясающего успеха, обозреватель Сергей Курий упоминает и точку зрения, согласно которой этот проект изначально задуман для вышибания денежек. Поэтому-то так показательны карикатуры, в которых характерный ИКС имеет красноречивый вид знака доллара. Какое же слово здесь заменено на ИКС?

Ответ: шрам.

Комментарий: речь идёт о Гарри Поттере.

Автор — Анатолий Белкин.

Вопрос 9. Пьеса Людовика Густини, написанная в 1732 г., содержала указания о требуемой силе звука и считается первой из ТАКИХ пьес. О каких пьесах идёт речь?

Ответ: для фортепиано.

Комментарий: около нот были указания: играть громче (*forte*) или тише (*piano*).

Автор — Анатолий Белкин.

Вопрос 10. В стихотворении Александра Тимофеевского есть такие строки:

Лучше сам ты возвращайся, путь не долог,

Мы с женою заждались тебя в столице.

Неужели так уж важно въехать в город

На четвёрке триумфальной колесницы?

Скажите хотя бы примерно, как называется это стихотворение.

Ответ: «Ответ римского друга».

Зачёт: «Ответ из Рима», «Письмо из Рима» и т. п. по смыслу.

Автор — Борис Гуревич.

Вопрос 11. В пьесе Шекспира «Ричард III» в переводе Анны Радловой героиня, вспоминая Ричарда в молодости, описывает его такими словами — неукротим, дерзок, бешен... Назовите ещё одно слово, которым назван юный Ричард.

Ответ: Дик.

Комментарий: Радлова — или Герцогиня Йоркская в её переводе — вольно или невольно скаламбурила, назвав юного Ричарда Диком: «Младенчество твоё мне тяжким было, И школьником ты бешен был и дик, И юношей неукротим и дерзок...»

Авторы — Владимир Брайман, Константин Науменко.

Вопрос 12. После недавнего матча Дания — Швеция, закончившегося скандалом, к сборной Дании были применены суровые санкции. В частности, несколько следующих матчей датчане были обязаны провести не менее чем в 250 километрах от Копенгагена. Однако по некотором размышлении европейские футбольные чиновники сочли разумным в данном конкретном

случае несколько смягчить эту вполне стандартную меру наказания. А почему?

Ответ: датчанам пришлось бы играть за границей.

Комментарий: столь жестокое наказание в данном случае в виду не имелось, но Дания — очень маленькая страна...

Автор — Илья Иткин.

II ТУР:

Вопрос 13. Название эпоса индейцев киче «Пополь вух» означает «Книга народа». Для знающих европейские языки в этом нет ничего удивительного: например, по-итальянски «народ» — popolo, по-немецки «книга» — Buch. Нет, кое-что удивительное всё-таки есть. Что же?

Ответ: на языке киче «пополь» — это книга, а «вух» — народ.

Автор — Илья Иткин.

Вопрос 14. [Примечание ведущему: при чтении вопроса указывать: «Скобка открывается», «Скобка закрывается».] Заполните двумя словами в творительном падеже пропуск в стихотворении Михаила Векслера:

«Я иду один кремнистой тропкой,
[скобка открывается] (Сквозь туман не видно ни хрена,
Только [пропуск]
В старом небе — юная луна) [скобка закрывается]».

Ответ: «...закрывающею скобкой».

Зачёт (с отвлечением): «... закрывающейся скобкой».

Автор — Ольга Неумывакина.

Вопрос 15. В книге Ивана Кашкина рассказывается об одном горе-редакторе, который рядом с фразой из двух слов, описывающей раннее утро, поставил на полях вопрос «чем?». Напишите эти два слова, начинающиеся с одних и тех же двух букв.

Ответ: Заря занималась.

Зачёт: Занималась заря.

Автор — Константин Науменко.

Вопрос 16. [На столы раздаётся текст:

И вслед за ним, [пропуск] рабыня, —
Воздев ладони над горячим лбом,
Взывала ко Всевышнему о сыне,
Чтоб никогда мой сын не стал рабом.]

В стихотворении Людмилы Чеботарёвой есть такие строчки:

И вслед за ним, [пропуск] рабыня, —
Воздев ладони над горячим лбом,
Взывала ко Всевышнему о сыне,
Чтоб никогда мой сын не стал рабом.

По мнению специалистов, в русском языке [пропуск] встречается только в слове «заяц». Восстановите [пропуск].

Ответ: я — беглая.

Комментарий: в слове «заяц» беглая буква «я» («заяц» — «зайца»).

Автор — Александр Шапиро.

Вопрос 17. Какой петербургский топоним, известный с 1737 года, восходит к слову, которое переводится на русский как «ключ»?

Ответ: Фонтанка.

Комментарий: «Ключ» — в значении «источник, родник». А город Шлиссельбург (буквально «Ключ-крепость») находится в Ленинградской области.

Автор — Борис Моносов.

Вопрос 18. Рассказывая о своих впечатлениях от первого дня, проведённого в школе, маленький Пэт, герой романа английского писателя Тони Парсонса, сообщает отцу, что всех учительниц в школе зовут одинаково. Напишите их короткое «имя».

Ответ: мисс.

Автор — Илья Иткин.

Вопрос 19. Язык для обмена SMS-сообщениями, составленными из всем понятных пиктограмм, авторы назвали Zlango. Последние пять букв собраны из английских слов *lingo* – жаргон, *slang* — сленг и *language* — язык. Назовите слово, давшее заглавную букву Z.

Ответ: Заменгоф.

Зачёт: Zamenhof.

Комментарий: Заменгоф — автор эсперанто, Zlango тоже претендует на общепонятность.

Автор — Леонид Гельфанд.

Вопрос 20. Более чем у двадцати (то есть почти у половины) названия происходят от ИХ слов. При этом один прямо назван в ИХ честь, но не на ИХ языке. Назовите его.

Ответ: Индиана.

Комментарий: названия почти половины штатов США происходят от индейских слов.

Автор — Павел Ершов.

Вопрос 21. Герой одного детективного романа, российский милиционер, ведущий расследование убийства в США, оказывается соблазнен одной из подозреваемых. Хотя девушка тоже хорошо владеет русским языком, герой, уходя рано утром из дома, пишет ей записку по-английски. Почему?

Ответ: не мог выбрать между «ты» и «вы».

Зачёт: по словам «ты» и «вы».

Автор — Илья Иткин.

Вопрос 22. (Командам раздаётся фраза «Феномен звонит по средам»)

Послушайте отрывок из статьи в газете «Первое сентября»: «Один выпускной класс на последнем звонке по моей просьбе хором произнёс стро-

ку: «ФенОмен звонИт по средАм» — и пообещал держаться таких ударений даже тогда, когда словари сдадутся под напором массового отступления от нормы. Мы решили оставаться консерваторами, хотя, если довериться некоторым справочникам, уже можно заменить торжественный [пропуск один] простодушным [пропуском два]». Заполните оба пропуска в правильном порядке.

Ответ: амфобрахий, хореем.

Зачёт: с точностью до падежа.

Комментарий: «ФенОмен звонИт по средАм» — это амфобрахий, а «ФенОмен звонИт по срЕдам» — чистый хорей. В слове «звонИт» ударение пока вариативным не является.

Автор — Илья Бер.

Вопрос 23. [Примечание ведущему: слово ЭТО произносить, растягивая букву «т», как в слове либрЕТТО.]

В 1851 году, или чуть ранее, благодаря итальянцу появилось ЭТО, позволившее обрести новую жизнь драме Гюго «Король забавляется». Одна из скороговорок, представленных на портале «Грамота.ру», представляет собой ЭТО. Назовите ЭТО.

Ответ: Либретто «Риголетто».

Комментарий: либретто по драме В. Гюго «Король забавляется» к опере Верди написано соотечественником последнего — Франческо Пьяве.

Автор — Павел Ершов.

Вопрос 24. Близнецов Веру и Лизу Ёлкиных из рассказа Людмилы Глушковой отличают по очкам Лизы, которые та носит на макушке. Назовите короткие прозвища Веры и Лизы.

Ответ: Е, Ё.

Автор — Константин Науменко.

Что? Где? Когда? Х ЛЛШ

И. Б. Иткин

I ТУР:

1. Конечно, этот вопрос можно было бы задать и в завершение нашего турнира, но нам показалось более уместным сделать это сейчас. Воспроизведите первую часть русской пословицы, заканчивающейся словами: «...есть дыра, будет и прореха».

Ответ: «Лиха беда начало: ...».

Зачёт: «Лиха беда почин: ...».

Автор — Илья Иткин.

2. Олимпийская чемпионка пловчиха Галина Прозуменщикова вспоминала, что в детстве её подружки, севастопольские девчонки, её постоянно дразнили. В чём была причина этих издевательств?

Ответ: она не умела плавать.

Автор — Александр Фомин.

3. Героиня А. П. Чехова в разговоре с живописцем пренебрежительно называет его деятельность словом, совпадающим с названием болезни. Назовите эту болезнь.

Ответ: малярия.

Комментарий: от слова «маляр».

Автор — Юлия Гафнер.

4. Автор вопроса увидел в торговом центре «Рамстор-Капитолий» небольшой павильон, радующий потребителей продаваемой продукцией. Назывался он так же, как культовый отечественный роман, только с добавлением одной буквы. Как именно?

Ответ: Мастер и маргаритка.

Автор — Павел Малышев.

5. Арабское изречение гласит: «Не тот умён, кто умеет отличать добро от зла, а тот, кто умеет выбирать...» Что же?

Ответ: из двух зол меньшее.

Автор — Роман Маслий.

6. Цитата из романа Сильви Жермен. «Их гигантские силуэты, тянущиеся вереницей на фоне неба, напоминают ей процессию огромных воинов, несущих в руках копья и дротики, гибкие, как лианы, и смертоносные, как молнии. Да, само собой, эти воины неподвижны и носят странные ажурные доспехи, но вид у них всё равно грозный». По мнению героини романа, у этих воинов должна быть королева. Назовите эту королеву.

Ответ: Эйфелева башня.

Комментарий: они – опоры высоковольтных линий электропередач.

Автор — Михаил Райко.

7. Движение добровольной помощи больным и раненым воинам впервые возникло в России и было связано с доктором Пироговым и великой княгиней Еленой Павловной. Вступление в общину «Красного Креста» было серьёзнейшим шагом. А с какого обязательства начиналось служение сестёр милосердия?

Ответ: с обета безбрачия.

Автор — команда «Хатні бусел».

8. Знаменитый писатель и философ эпохи Возрождения Корнелиус Агриппа Неттесгеймский полагал, что в мире царят злоба, эгоизм и право сильного. А где, по его мнению, можно было найти этому зримое подтверждение?

Ответ: на (дворянских) гербах.

Комментарий: сплошные хищники (и оружие...).

Автор — Илья Иткин.

9. Цитата из английского произведения: «Он был старше всех на ферме годами и хуже всех нравом. Он больше помалкивал, и молчание нарушал, только чтобы отпустить какое-нибудь циничное замечание... Он один... никогда не смеялся. И если у него допытывались, почему, отрезал: не вижу, мол, повода». Описанный персонаж является аллюзией на другого героя английской литературы. Назовите имя этого другого персонажа.

Ответ: Иа-Иа.

Комментарий: персонаж «Скотного двора» Дж. Оруэлла — осёл.

Автор — Дмитрий Голдов.

10. 18 августа 1918 года был создан Союз журналистов России, цель которого, как было заявлено в уставе, — формирование добрых, товарищеских нравов в среде тружеников пера. Говоря об этом, Дмитрий Быков также сообщает, какой композитор родился 18 августа. Какой?

Ответ: [Антонио] Сальери.

Автор — Борис Моносов.

11. Когда в 1905 году кайзер Вильгельм предложил возглавить генеральный штаб Гельмуту фон Мольтке, тот поставил условие: чтобы кайзер не вмешивался в военные дела. И он изложил причину такой просьбы: по его мнению, в противном случае армия, в особенности – генералитет, не сможет получить достаточную подготовку и накопить опыт к предстоящей войне. Всё дело – в предрешённости... чего?

Ответ: исхода манёвров.

Зачёт: исхода учений и т. п.

Комментарий: кайзер не может не выиграть.

Автор — Андрей Ленский.

12. По мнению казахского поэта Кастека Баянбаева, с которым наверняка согласятся многие дети, главное достоинство юрты — её круглая форма. А почему?

Ответ: в юрте нельзя поставить в угол!

Автор — Илья Иткин.

II ТУР:

13. Это название демонстрирует поразительную устойчивость при переводе на другие языки. По-русски его сокращённое написание, хорошо известное многим из вас, состоит из трёх букв, первая и вторая из которых совпадают. По-английски, по всей вероятности, дело обстоит точно так же. По-французски это название тоже можно записать трёхбуквенной аббревиатурой, только совпадать в ней на этот раз будут первая и третья буквы. Напишите это название.

Ответ: Летняя лингвистическая школа.

Автор — Илья Иткин.

14. Осип Иванович Сенковский говорил: «Пагубнее всех и всего этот ту-неяд. Он пожирает более 8% времени и бумаги, стоит России ежегодно более 4 000 000 рублей». По наблюдениям Соболевского, он хранит твёрдое молчание примерно с XIII века. Назовите его.

Ответ: Ъ.

Автор — Василий Бойко.

15. В 60-е годы XIX века выдающийся еврейский писатель Менделе Мойхер-Сфорим стоял на просветительских позициях и призывал бороться за интересы народа. В это время Мойхер-Сфорим начал активно использовать... Что?

Ответ: Идиш.

Комментарий: Мойхер-Сфорим пришёл к убеждению, что к народу следует обращаться на народном языке, и стал писать почти исключительно на идиш.

Автор — Михаил Малкин.

16. «Кык пом, кык круг, шорас тув».

Перед вами — загадка народа коми. Разгадайте её.

Ответ: шыран.

Зачёт: ножницы.

Комментарий: эта загадка заимствована у русских («Два конца, два кольца, посредине гвоздик»). Слово «круг» у коми получило значение не только «круг», но и «кольцо».

Автор — Максим Руссо.

17. Исландские викинги во время боя ставили на фланги самых смелых и опытных воинов. Такого воина называли словом «hrǫkr» [хрокр]. Какое ещё значение имеет это слово?

Ответ: (шахматная) ладья.

Автор — Борис Моносов.

18. Литератор Леонид Жуховицкий пишет, что эти два слова — прекрасно инструментованная поэтическая строка, написанная, заметим, как ни странно, двухстопным амфибрахием. Назовите эти два слова.

Ответ: Евгений Онегин.

Автор — Борис Моносов.

19. В связи с высадкой американского десанта в Афганистане на сайте Виктора Шендеровича «Самиздат» был опубликован шуточный англо-афганский разговорник. В нём всего 6 фраз. Вот пять из них:

Май нейм из Ахмед.

Ай лив ин Афганистан.

Ай лав ЮЭсЭй.

Усама бен Ладен из нот хиа.

Сенк ю вери мач фор ё визит.

Воспроизведите последнюю фразу.

Ответ: Янки, гоу хоум!

Автор — Дмитрий Иванов.

20. У ваханцев — одного из памирских народов — принято, отгоняя от себя слепней, комаров и других кусающих насекомых, выкрикивать слово «Талх!». Догадавшись, как переводится это слово на русский, назовите человека, взявшего себе такой псевдоним.

Ответ: Горький.

Зачёт: Пешков.

Комментарий: в шутку комарам как бы говорят «Я — горький! Не ешьте меня».

Автор — Максим Руссо.

21. Всем читавшим «Сказание о Борисе о Глебе» известно, что юный князь Глеб предстаёт в повести исключительно фигурой страдательной, не-

винной жертвой убийц. Просмотр словоуказателя к древнерусскому тексту «Сказания...» превосходно подтверждает это впечатление. Каким образом?

Ответ: имя Глеб ни разу не встречается в именительном падеже.

Автор — Илья Иткин.

22. Топинамбур в разных странах называли по-разному. Так, в Британии его называли «канадской картошкой», в России — «земляной грушей» или «подсолнечником клубненосным». В итальянском его называют «джирасоль», что означает «подсолнечник». Возможно, именно поэтому в Израиле топинамбур называется «ТАКИМ артишоком». Каким ТАКИМ?

Ответ: Иерусалимским.

Комментарий: Видимо, слово «джирасоль» напомнило по звучанию слово «Иерусалим».

Автор — Игорь Колмаков.

23. Автор одного учебника риторики выделяет три типа речи: монолог, диалог, а также такой, в котором стороны оперируют громким и бессмысленным криком и не слушают друг друга. Как он по аналогии с предыдущими назвал этот тип?

Ответ: Бандерлог.

Комментарий: стая обезьян-бандерлогов из «Маугли» в основном так и общалась. В слове «бандерлог» последний слог также «лог».

Автор — Александр Коробейников.

24. У народа суахили есть мера объёма «дебе», равная 18 кубическим дециметрам, и «маараси», равная 36 кубическим дециметрам. Слово «дебе» можно перевести на русский язык как «ведро». Ответьте одним словом, как переводится на русский язык слово «маараси».

Ответ: коромысло.

Комментарий: на котором носят два «дебе».

Автор — Максим Руссо (редакция Ильи Иткина).

Английские игры на Летней лингвистической школе

О. И. Виноградова, О. Ю. Шеманаева

Игры с английским языком стали традицией на наших школах, они проводятся каждый раз, и при некотором совпадении участников задачей составителей является еще и не повториться в заданиях, чтобы и детям, приезжающим не в первый раз, и взрослым лингвистам, бывающим постоянно и принимающим участие в играх наравне с детьми, было интересно и весело. Задания должны быть такими, чтобы для выполнения одних требовалось хорошее знание словаря и/или грамматики, для выполнения других – сообразительность и интуиция, а для третьих – логика и критический анализ. Находить новые области для составления заданий не так трудно – ими могут быть любые грамматические и лексические особенности и правила английского языка, но часто непросто отобрать такие задания, которые удастся выполнить по времени за одну игру. Так, например, в 2007 году было предложено задание на реконструкцию английских пословиц и поговорок из словосочетаний, в которых исконные слова из пословиц были заменены по правилам, аналогичным игре <<Почему не говорят...>>, и практически ни одна команда за отведенное на это задание время не успела справиться больше, чем с одной-двумя реконструкциями, а усилий при этом затрачено было непомерно много.

Вечер английских игр – мероприятие вечернее, для желающих. Те, кто хотят поиграть, образуют команды, называют их по-английски и выбирают капитана – человека, который хорошо знает язык, способен руководить работой своей команды и в конце игры участвует в отдельном конкурсе капитанов команд.

У участников разный возраст и разный <<стаж>> и степень владения языком, но это не мешает каждому получить удовольствие хотя бы от некоторых видов заданий. В их число входят загадки, буримы, шарады, анаграммы, скороговорки, аукцион, то есть все те игры, с правилами которых участники хорошо знакомы и в которые наверняка они играли на родном языке. Конечно, одними шутками и лексическими подборками вроде <<Назови профессию/черту характера на каждую букву алфавита>> дело не ограничивается. В игровой форме затрагиваются такие грамматические темы, как нерегулярные формы множественного числа, неправильные глаголы, со-

четание глагола с инфинитивом или герундием, и другие (например, в игре <<Tillie likes...>>).

При нашем подборе заданий надо было как проверить и использовать свой словарный запас, так и правильно задать вопросы в коротком устном конкурсе, а также воспринять со слуха задания, в том числе условия шарад и загадок, и сочинить самим краткие связные осмысленные тексты: например, телеграмму, все слова с которой начинаются с определенных букв. Немалое значение имеет умелое применение логики в решении задач, например выстраивание двух рассказов из набора предложений в перепутанном порядке. Отметим и то, что задания можно давать в разной форме: устно, на листках, на карточках, в которые команды играют и которые потом сдают. Такое разнообразие позволяло сохранить динамичность занятия-игры, а кроме того давало возможность всем участникам команды быть востребованным хотя бы на каком-то этапе.

Вот задания, предложенные участникам английских игр 2008 года.

Разминка

(a) Написать профессию и черту характера на каждую букву алфавита

(b) Staircase (5 min.):

P_	_T
P__	__T
P___	___T
P____	____T
P_____	_____T

(c) Telegram (10 min.):

Составить телеграмму так, чтобы ее слова начинались с букв слова CONGRATULATIONS

Вот что получилось у команд, участвовавших на этом этапе:

Chris, our nightly gatherings really aren't truly useful. Let's attempt to improve or nightly sleep.

Congratulations on new great report about "Tudor" Universities lovely actual terrific instructive only not serious.

Consider only National Geographic ratings and try using Liberal Agreements testing International organisation North/South.

Coming. Offering nuts. Grant received at time unspoken. Later at ten. I order nectarines. Satire!

I. Tillie (10min.)

- (1) Tillie likes coffee and hates tea.
 tennis cricket
 the Mississippi the Thames
 carrots potatoes

Ответ: Tillie likes words with double consonants.

- (2) Tillie likes volleyball and hates rugby.
 dining-rooms canteens
 chairpersons presidents

Ответ: Tillie likes words combined from two words.

- (3) Tillie likes babies and hates children.
 goats sheep
 ducks geese
 rats mice

Ответ: Tillie likes words with regular plural.

- (4) Tillie likes talking and hates speaking.
 studying reading
 asking saying
 borrowing lending

Ответ: Tillie likes regular verbs.

- (5) Tillie likes borrowing and hates owing.
 learning understanding
 studying knowing
 ordering deciding

Ответ: Tillie likes verbs with regular progressive forms.

- (6) Tillie likes offering and hates suggesting.
 learning practising
 wanting enjoying
 refusing denying

Дополнительно:

 asking confirming
 agreeing confessing

Ответ: Tillie likes verbs standardly followed by infinitives, and not gerunds.

Для капитанов:

(7) Tillie	likes	lifting a load	and	hates	raising a flag.
		recording a mark			writing a score.
		planning a table			arranging a scheme.
		outlining a schedule			describing a route.
		lifting a thumb			raising a finger.
		ribboning a present			wrapping a gift.

Ответ: Tillie likes combinations in which the object can become a verb, and the verb, an object: *marking a record, tabling a plan, scheduling an outline, thumbing a lift, presenting a ribbon.*

II. Riddles

1. You follow it — it flees from you; You flee from it — it follows you.
2. No hands but can draw.
3. What was tomorrow and will be yesterday?
4. Two tummies, four ears.
5. Stronger than the sun but weaker than the wind.
6. Keeps warm in winter, may kill in spring, dies in summer, and is revived in autumn.
7. When in the house, won't leave it even if made to; when time comes, leaves on its own.
8. They beg it to come, but when it does, they hide away.
9. Takes a stroll in the fields, but isn't a horse; flies free but isn't a bird.
10. Why do white sheep eat more grass than black ones?
11. What goes uphill and downhill and always remains in the same place?
12. What makes more noise than a pig in a sty?
13. How can a cat go into the cellar with four feet and come back with eight?
14. Why can't the world ever come to an end?
15. When is a clock dangerous?

Ответы: 1) A shadow; 2) Frost; 3) Today; 4) A pillow; 5) Rain; 6) Snow; 7) Light; 8) Rain; 9) Wind; 10) There are more white sheep; 11) The road/path; 12) Two or more pigs in a sty; 13) With a mouse in its mouth; 14) Because it's round; 15) When it strikes.

III.

- 1) My first is in butter, but not in cream;
 My second's in sleep but not in dream;
 My third is in run but not in walk;

My fourth is in leaf, but not in stalk.
 My fifth is in branch, but not in tree;
 My sixth is in shore, but also in sea;
 My seventh's in clear, but not in bright;
 My eighth is in fly, but not in kite.
 My whole is a flower you find in June,
 The place where it blossoms looks like a lagoon.

2) My first is in fairy, and also in fay;
 My second's in listen but not in say;
 My third is in ribbon and also in a bow;
 My fourth is in finger, but not in a toe.
 My fifth is in summer, and also in sun;
 My sixth is in walk, but not in run;
 My seventh's in railway and also in train;
 My eighth is in Mary, but not in Jane.
 My whole is a month which though coldly begun,
 Brings first breath of spring with the rays of the sun.

3) My first is in money, but not in pence;
 My second's in order but not in sense;
 My third is in uncle and also in aunt;
 My fourth is in seeding, but not in plant;
 My fifth is in cricket, but not in bat —
 My whole lives in fear of every cat!

Ответы: 1) Bluebell; 2) February; 3) mouse.

IV. Words, words, words ...

FOOD AND DRINKS

gin and _____
 bread and _____
 strawberries and _____
 _____ and cheese
 roast beef and _____
 _____ and custard
 _____ and eggs
 _____ and chips
 salt and _____

ANIMALS

as cunning as a _____
 like a _____ with a sore head
 as quiet as a _____
 at a _____'s pace
 wolf in _____'s clothing
 as the _____ flies
 as slippery as an _____
 a look like a drowned _____
 fight like _____ and _____

TWOS

a husband and a wife — a _____
 a bed for two people to sleep in separately — a _____

communication between two parties — a _____
 two performers — a _____
 two pairs playing tennis together — _____
 a special English bus — a _____
 one more than once — _____
 When you want to get a look at something far away, take _____
 two weeks — a _____

COLOUR

U.N. berets — _____
 danger — _____
 surrender — _____
 New York taxis — _____
 a citrus fruit that is also a colour — _____
 environmentally friendly — _____
 mourning in Russia — _____

ANIMAL VERBS — MATCH

to ape somebody — ____	A to run away very fast
to ferret something out — ____	B to eat something quickly and in big pieces
to hare off — ____	C to act or play roughly and noisily
to hog something — ____	D to copy somebody's behaviour in a silly way
to horse around — ____	E to betray somebody by reporting to the authorities
to hound somebody — ____	F to keep or use something selfishly
to rat on somebody — ____	G to discover a piece of information difficult to get
to wolf something down — ____	H to keep following somebody and disturbing them

Ответы:

FOOD AND DRINKS

gin and TONIC; bread and BUTTER; strawberries and CREAM; HAM and cheese; roast beef and GRAVY; APPLE PIE and custard; BACON and eggs; FISH and chips; salt and PEPPER.

ANIMALS

as cunning as a FOX; a BEE in my stomach; like a BEAR with a sore head; as quiet as a MOUSE; at a SNAIL'S pace; a wolf in SHEEP'S clothing; as the CROW flies; as slippery as an EEL; look like a drowned RAT; fight like CAT and DOG.

TWOS

a husband and a wife — a COUPLE; a bed for two people to sleep in separately — a BUNK BED; communication between two parties — a DIALOGUE; two performers — a DUO

two pairs playing tennis together — DOUBLES; a special English bus — a DOUBLEDECKER

one more than once — TWICE; When you want to get a look at something far away, take BINOCULAR; two weeks — a FORTNIGHT.

COLOUR

U.N. berets — BLUE; danger — RED; surrender — WHITE; New York taxis — YELLOW; a citrus fruit that is also a colour — ORANGE; environmentally friendly — GREEN; mourning in Russia — BLACK.

ANIMAL VERBS — MATCH

to ape somebody — D; to ferret something out — G; to hare off — A; to hog something — F; to horse around — C; to hound somebody — H; to rat on somebody — E; to wolf something down — B.

V.

Разделить набор предложений в перепутанном порядке, выданных командам на листах, на две истории с упорядочиванием предложений в каждой истории.

The farmer

The invitation

1 'Well,' said the farmer, scratching his chin, 'I'll tell you what we do.'

2 'Why do I have to use my elbow and my foot?' asked his friend.

3 A man inviting his friend to his home explained to him where he lived.

4 The man went back to his car with a puzzled look on his face and said to his wife, 'I think he must be crazy.'

5 'Come to the third floor,' he said, 'and where you see the letter E on the door, push the button with your elbow and when the door opens put your foot against it.'

6 'We eat what we can and what we can't eat we can.'

7 A curious tourist, after passing a huge field of carrots alongside the road, stopped and asked the farmer what he did with his large crop.

8 'He said they ate what they could and what they couldn't they could.'

9 'Well,' exclaimed the man, 'You're not going to come empty-handed, are you?'

Ответ:

The farmer: 7, 1, 6, 4, 8.

The invitation: 3, 5, 2, 9.

Интересно, что в нашей игре участвовали ребята-билингвы, для которых английский язык стал уже родным, как и русский, но и они играли вместе со всеми, а не в отдельной команде (их было всего двое, и они играли в разных командах), и работали они не вместо и не больше всех в команде, а наравне с остальными, и решили далеко не все из предложенных задач!

Кроме того, что происходило во время игры в зале, в качестве домашнего задания еще до начала игры мы предложили написать стихотворение на условно заданную тему с условно четкой структурой: на доску объявлений мы повесили стихотворение об оптимисте, и команды должны были сочинить свое стихотворение о человеке определенного характера и сдать его. После этого мы вешали его на ту же доску, и другие команды смогли прочесть его и поставить ему оценку, проголосовав за него. Команда, чье стихотворение набрало больше всего очков, считалась победительницей в этом конкурсе. Но он проходил не один день, в отличие от самой игры, которая уместилась в одно занятие. За стихотворение взялись по-серьезному, и если в команде находилось больше идей и поэтов, чем могло вместить в себя одно стихотворение, то по правилам можно было подать два стихотворения от одной команды (некоторые команды так и поступили). Вот эти стихотворения:

FREEDOM-OF-CHOICER

(individualist)

To work or to play
 The whole day;
 To be hairy or to go bald;
 To wear chains or to wear gold;
 To get on or to fall out;
 To be alone or to be in a crowd;
 To love or to hate;
 To rush or to wait;
 To give or to take;
 To make or to break;
 To live or to die;
 To laugh or to cry;
 To be or not to be
 To force the door or use the key;
 To win or to lose --
 It's up to you to choose!

A REAL HUMAN BEING

My eyes are green as meadows in spring.
 My eyes are grey as clouds on a nasty day.
 My eyes are blue as the mirror of the lake.
 I've got so many personalities in me

That I believe there're a hundred of people in me.
To start with,
I want to serve my country.
If you – oh people! – want my service,
If you need my heart,
If you share my faith,
Please take it all,
But don't wait
Till it is too late,
For other ideas
Can come into my ears.
Sometimes I'm awfully lucky.
Wherever I go,
I meet those whom I believe,
Wherever I search,
I find the one I need.
And whatever I do,
I'm thinking of you,
Because you are thinking of me,
My muse, oh my employee!
I'm a fatalist and an egoist.
My life has been written for me
And I make other people improve it for me.
It might sound strange,
And I live in the fear of revenge.
Yet miracles have happened,
I haven't been threatened
By the darkest fate.
I live on the planet cursed.
Though I try not to make it worse,
I've created my own little world
To protect my vigorous ideas,
The soul of romantic fears
And the poor poetry of mine.
That's all I can say,
That's me, not you,
A complete and shiny optimist
Pretending to be the saddest pessimist.
I'm a chameleon,
Don't blame me!

FROM MAR UNTIL FEB IN WEB

Whatever I pick, I click
And round the clock I blog
On Sundays in church, I search
You try to control, I scroll
Whatever you plan, I ban
If only I can I scan
Whatever I read is Fine®
I even drink wine online
Whatever I've got I cut
Whatever I taste I paste
I don't need a hint to print
If weather allows, I browse
I have on each bag a tag
And in my backpack a Mac
Wherever I bike or hike
I like to Counterstrike
I play with my cat in chat
I share with my spouse a mouse
I learn my son's age from his page
He gets fairytales by mails
When Yandex Dot Roo is through
Then Google Dot Com's my home
I surf down step by step
From Mar until Feb in Web

THE ENVIRONMENTALIST

Anything to do but murder,
Anything to eat but flesh,
Anything to wear but leather,
Staying healthy, fit and fresh,
Anything to breathe but smog
(Shall we ever see the sky?)
Anywhere to step but on the grass
Any way to pass but by
Anything to pluck but plants
Anything to burn but trees,
Anyone may dream but us,
Things are much worse than one sees!
Do your best to save our Earth,
Everyone who hears our voice!
Stretch your arms to every life
And believe 'tis but your choice!

Интеллектуальный фейерверк — 2007

И. А. Леенсон

1. В русском языке масса пословиц, поговорок, устойчивых выражений, в которых упоминаются собаки и щенки («собачья жизнь», «псу под хвост» и т. д. и т. п.). Попробуйте вспомнить как можно больше выражений, содержащих слова «корова», «бык», «теленочек» и все их производные.

2. Петя и Вася обнаружили в одной из комнат лампочку, а в конце длинного коридора за углом — 5 выключателей. Петя остался в комнате с лампочкой, а Вася пошел щелкать выключателями. Через некоторое время Петя пришел к Васе и они выяснили, какой именно выключатель подсоединен к лампочке. Как им это удалось, если они не могли видеть и слышать друг друга? (Часов у них тоже нет.)

3. На орбиту вокруг Солнца запустили обычный стол массой 15 кг, а затем на него положили огромный шар массой $6 \cdot 10^{24}$ кг (это масса Земли!). С какой силой будет шар давить на стол? Выдержит ли стол эту нагрузку? Возможно ли проделать такой эксперимент и как?

4. Останкинская телебашня в Москве — одно из самых высоких сооружений в мире; ее высота 530 метров, а масса — 30 тысяч тонн. Представьте себе, что сделали точную модель этой башни высотой 53 см из тех же материалов и с сохранением всех пропорций. Какова будет масса модели?

5. Есть немало животных, названия которых отражают особенности их внешнего вида: утконос, носорог и т. п. А каких вы знаете животных, в названиях которых отражены особенности их образа жизни? Очень кратко опишите эти особенности.

6. Как-то ведущий начал передачу словами: «Дорогие радиослушатели, сейчас, когда за окном ненастный осенний день...» «Действительно, — подумал один человек, слушая передачу и глядя в окно на Останкинскую телебашню. — Хоть и осень, но погода могла бы быть и получше». А его сын, слушая эту же радиопередачу, подумал: «А ведь сейчас не осень, а зима!». Попробуйте определить как можно точнее (месяц, день и даже примерный

час), когда была эта передача, если известно, что никто не ошибся – ни отец, ни сын, а передача была в прямом эфире.

7. Мистер Бин, как настоящий англичанин, очень любил чай. Для кипячения воды он использовал кипятильник мощностью 500 Вт, который опускал в стеклянную банку с водой. Приятель Бина решил, что это не эстетично, и подарил ему электрический чайник мощностью 1,5 кВт. Бин не очень обрадовался, так как решил, что расход электроэнергии на кипячение воды увеличится у него втрое. А на самом деле он сократился в три раза. Бин плохо знал физику и не мог понять, как такое может быть. А вы догадались бы, в чем дело?

8. Вася пришел из школы и сказал: «Нам сегодня измеряли давление. Доктор сказал, что нужно больше гулять, потому что у меня... забыл, как называется, на уроке геометрии учитель так называл длинную сторону одного треугольника». Все засмеялись и поправили Васю. Что же общего у этой стороны треугольника с тем, что сказал доктор Васе? В этих словах два общих корня — какие? Напишите несколько русских слов с этими корнями.

9. Есть люди, которые не понимают смысла некоторых пословиц и поговорок, и для них требуются специальные «научные» пояснения. Попробуйте из таких пояснений восстановить известные пословицы и поговорки.

1) Дуалистический принцип использования сельскохозяйственных орудий на гидроповерхности.

2) Бинарный характер высказывания индивида женского пола, утратившего социальную активность.

3) Проблема транспортировки жидкости в сосуде переменной плотности.

4) Способ повышения дисперсности жидкости механическим путем.

5) Случай выгоды низкого IQ для осуществления трудовой деятельности.

6) Случай отрицательного отношения людей с низким IQ к юридическим актам.

7) Отрицательное отношение домашней птицы к нежвачным парнокопытным.

8) Нежелательность появления в отделе хлебобулочных изделий нежвачного парнокопытного.

9) Констатация одинаковой интенсивности воздействия на вкусовые сосочки языка некоторых растений семейства крестоцветных, произрастающих в средней полосе России.

10) Правильный выбор места насекомых на длинном деревянном цилиндре.

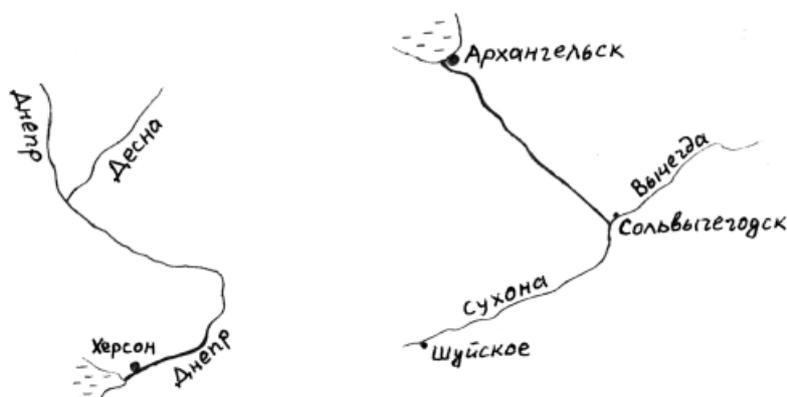
11) Удвоение личностной ценности субъекта после получения им травматического опыта.

10. Слова «огонь» и «пламя» — не абсолютные синонимы. Так, нельзя сказать «пламёна рекламы».

Вам нужно написать три фразы, в которых слова «огонь» и «пламя» (в единственном числе именительного падежа)

- а) полностью взаимозаменяемы;
- б) можно использовать только слово «огонь»;
- в) можно использовать только слово «пламя».

11. Перед вами два схематических изображения фрагментов географической карты.

Вопросы.

- 1) Как называется река, образованная слиянием Сухоны и Вычегды?
- 2) На Вычегде расположен районный центр Сольвычегодск, происхождение названия которого очевидно. А какие еще вы знаете «солёные» географические названия?
- 3) Попробуйте по приведенным фрагментам установить, каким образом древние славяне определяли правый и левый берега рек, на которых селились, и почему.

12. В летней лингвошколе 2006 г. на вопрос о двух стоящих рядом в одном предложении грамматических омонимах (омоформах) одна из руководителей среди прочих придумала такую фразу: «Физика физика очень увлекает». Вопросы:

- 1) Представители каких еще специальностей, профессий, философских направлений и т. п. могли бы придумать о себе аналогичные омоформы? (Полностью фразы писать не нужно — они и так очевидны, достаточно написать, как называется такой человек. Не нужно также приводить очень похожие слова, образованные с помощью префиксов, например, геофизик, биофизик и т. п.)

2) Есть ли среди указанных такие пары омоформ, которые по смыслу никак не связаны?

3) Каким способом можно быстро составить практически полный список подобных омоформ (он будет приведен в решении?).

4) Слово «химик» в качестве ответа на первое задание, очевидно, не годится. Но есть химики, узкая специальность которых подходит. Кто они?

13. Недавно коллега, зайдя в нашу лабораторию, сказал: «Что-то у вас сегодня не Буэнос-Айрес!». Мы сразу не догадались, что же он имел в виду. А вы?

14. В газетах и журналах можно увидеть рекламу фирмы «WELLA DESIGN».

1) Слова «дизайн», «дизайнер» появились в русском языке сравнительно недавно. Что они означают?

2) Английское слово design имеет корень sign, восходящий к латыни, от которого произошли некоторые слова в русском языке. Назовите как можно больше таких слов и объясните, что они означают.

15. Вы, возможно, слышали веселую песенку в исполнении Татьяны и Сергея Никитиных (музыка В. Берковского и М. Синельникова, перевод С. Я. Маршака):

...Из Ливерпульской гавани
 Всегда по четвергам,
 Суда уходят в плаванье
 К далеким берегам.
 Плывут они в Бразилию...
 ...Только «Дон» и «Магдалина» —
 Быстроходные суда, —
 Только «Дон» и «Магдалина»
 Ходят по морю туда.

А вот как это было в оригинале:

I've never sailed the Amazon,
 I've never reached Brazil;
 But the Don and Magdalena,
 They can go there when they will!
 Yes, weekly from Southampton,
 Great steamers, white and gold,
 Go rolling down to Rio...
 Oh, I'd love to roll to Rio
 Some day before I'm old!

1) Кто автор этих строк (они написаны в 1900 г.)?

2) В чем он ошибся?

16. В 2004 г. конкурс красоты проходил в городе Митад-дель-Мундо (Эквадор). Вопросы.

1) Где находится Эквадор? Что может означать его название? Какая связь между этим названием и расположением Эквадора на карте?

2) Назовите известные вам слова русского языка, имеющие то же происхождение, что и название этого государства. Что они означают?

17. Продолжение задачи 16.

В следующих задачах вам нужно будет перевести на русский язык название города Митад-дель-Мундо, в котором проходил конкурс. С какого языка вы будете делать перевод? Назовите несколько крупных стран, в которых этот язык является государственным. Где они расположены?

18. Продолжение задачи 16.

Переведите на русский язык следующие слова выражения, укажите, с какого языка вы сделали перевод, попробуйте найти в русском языке слова, однокоренные с этими:

1) sic transit gloria mundi;

2) das Mittelspiel.

Справившись с этими двумя вопросами, вам будет несложно перевести название города Митад-дель-Мундо.

19. В 1726 г. был основан город Сан-Фелипе-дель-Фуэрте (его потом переименовали). Легенда гласит, что современное его название происходит из-за неправильного прочтения надписи, которую сделал на плане местности основатель города. Он написал: «Monte VI de O.» (последнее слово сокращено). Каково современное название этого города? В какой стране он находится?

20. Продолжение задачи 19.

1) Сокращенное слово в этой надписи имеет тот же корень и начинается с той же буквы, что и один из видов спортивных соревнований. Назовите этот вид спорта и предложите этимологию его названия.

2) Первое слово в этой надписи имеет то же значение, что и первая часть названия высочайшей вершины Европы Монблана (Mont Blanc) — 4807 м. Где находится Монблан? Переведите название этой горы и попробуйте найти в русском языке слова с первым и вторым корнями этого названия.

3) Что же имел в виду основатель города, делая отметку на своем плане?

21. Как вы думаете, найдется ли в Москве два нелысых человека, у которых число волос на голове полностью совпадает? Ответ необходимо строго аргументировать.

(Подсказка: попробуйте подсчитать, сколько приблизительно у вас на голове волос. Площадь сферы равна примерно $12R^2$, где R — радиус сферы.)

Ответы на вопросы «Интеллектуального фейерверка—2007»

1. Вот некоторые примеры (многие из них придумали участники школы).

“Как корове седло”, “Я тебе не дойная корова”, “Как корова языком слизала”, “Как корова на льду”, “Священная корова”, “Бодливой корове бог рог не дал” (на это гость из Болгарии Иван Держанский заметил, что по-болгарски поговорка звучит красивее: “На бодлива крава бог рога не дава”), “Божья коровка”, “Телячья радость”, “Куда Макар телят не гонял”, “Ни мычит, ни телится”, “Бодался теленок с дубом”, “За морем телушка — полушка, да рубль перевоз”, “Сказка про белого бычка”, “Нашему теляти да волка поймати”, “Телячьи нежности”, “Золотой телец”, “Взять быка за рога”, “Набычиться”, и даже... «Бычки в томате»!

2. Вася включил и выключил первый выключатель один раз — второй — два раза и т. д., а Петя просто сосчитал, сколько раз включалась лампочка.

А вот как на этот вопрос отвечали некоторые школьники.

«Вася нажимал по очереди выключатель и каждый раз ждал, считая до 12 917, придет ли Петя».

«В коридоре висели зеркала, и в них было видно, загорелась ли лампочка».

«Пронумеруем все выключатели. Петя первый выключатель включил на некоторое время, потом выключил на некоторое время. Второй выключатель он (Петя) включил на некоторое время, потом выключил на некоторое время, потом снова включил на некоторое время, потом выключил на некоторое время. Третий выключатель...»

Самый короткий ответ дал самый младший участник марафона (6 лет): «Поцелкали-поцелкали и нашли!»

3. Этот эксперимент каждый может провести самостоятельно, если вынесет стол на улицу и положит его на землю ножками вверх. Очевидно, что Земной шар можно считать лежащим на этом столе (хотя обычно принято считать наоборот), причем стол обращается с Землей вокруг Солнца. Сила давления Земли на стол равна силе давления стола на Землю и равна 15 кг (147 Н). Как видим, стол с успехом выдерживает на себе такой тяжелый шар.

4. Высота башни (линейный размер) уменьшилась в 1000 раз, а объем всех материалов (а следовательно, и масса) при этом умень-

пились в $1000 \times 1000 \times 1000 = 10^9$ (миллиард) раз. Сама башня весит 30 тыс. т = 30 млн кг = 30 млрд г. Следовательно, модель будет весить 30 г.

Из ответов: «Масса модели — 30 тонн (чуть меньше)»; «Масса модели — 3000 тонн»; «Получается, что масса модели 30 тонн, что странно».

5. Таких животных очень много: землеройка (животное, похожее на мышь, живет в норах), поползень (птица, способная лазать по стволам деревьев и стенам), медведь («ведает мёд»), рыба-прилипала (может «путешествовать», присасываясь с помощью присосок к кораблям), водомерка (бегает по воде, как будто «меряет» ее своими длинными шагами), трясогузка (трясет «гузкой»), муравьед (ест муравьев), белка-летяга (умеет далеко прыгать с ветки на ветку), глухарь (во время тока становится «глухим»), мухоловка (птица, ловит мух), удав (удушает жертву), шелкопряд (гусеница прядет шелковую нить) и др.

Школьники вспомнили еще много названий: волкодав, гончая, борзая («борзо» бежит), змеед (хотя правильное название — змеяд), полоскун (енот), падальщик (гриф), светлячок, короed (жук), поползень, вертишейка, стриж (как бы «стрижет траву»), муравей (ползает в «траве-мураве»), птице-ед (паук), ленивец, мокрица, нырок (утка), гидра (живет в воде), соня, полоз, богомол (насекомое), полевка (мышь), черная вдова (самка паука, которая после оплодотворения съедает самца) и т. д.

Были и такие ответы: «Такое животное — свинья: она по-свински ведет себя»; «Животное — жираф, т. к. он всё пожирает».

6. Согласовать разночтение во временах года можно, если предположить, что в Москве, где жил отец (на город указывает телебашня), было 30 ноября, а в восточной части России, где жил сын, была уже ночь следующего дня — 1 декабря. День в Москве 30 ноября заканчивается в 16–17 часов, до полуночи (и зимы) остается 8–9 часов, а такая разница во времени имеет место между Москвой и обширными пространствами Сибири и Дальнего Востока. Максимальная разница (10 часов) — на Чукотке, следовательно в Москве не могло быть раньше 2 часов дня. Значит, радиопередача была 30 ноября между 14 и 16–17 часами по московскому времени.

В ответах школьники нередко указывали дату «31 ноября». А вот самый интересный ответ: «Передача была в апреле: зеленела трава и одновременно шел снег. Поэтому один человек подумал, что это осень, а другой — что зима».

7. На первый взгляд ситуация действительно парадоксальна: повышение мощности кипятильника в три раза привело к снижению потребляемой на кипячение воды энергии также в три раза. Вроде бы мощность нагревательного прибора вообще не должна влиять: втрое более мощный чайник вскипятит воду в три раза быстрее. Парадокс легко объясняется тем, что чайник действительно нагревает воду до кипения быстро, и при этом у него хорошая теплоизоляция, так что потери тепла невелики. Это и приводит к экономии. При медленном нагреве воды в банке кипятильником много тепла уходит в окружающий воздух, особенно при большом объеме воды. Если банка большая и воды много, мощности кипятильника вообще может не хватить

на нагрев воды до кипения; при этом электроэнергии будет уходить много, а толку — никакого!

8. Самая длинная сторона прямоугольного треугольника — гипотенуза. А врач зафиксировал у Васи гипотензию — пониженное кровяное давление. В этих словах греческие корни *huro* — внизу, под и *teinein* — растягивать (отсюда лат. *tensio* — напряжение, перешедшее в западноевропейские языки). Если прямоугольный треугольник нарисовать прямым углом вверх, то гипотенуза «растянется» под ним. В русском языке много слов с корнем «гипо»: в химии — гипохлориды, гипосульфит и др., в медицине — гиповитаминоз (недостаток витаминов), гипокинезия (заболевания из-за малоподвижного образа жизни), гипоксия (недостаток кислорода), гипоталамус (расположен под зрительными буграми — таламусом) и гипофиз (нижний мозговой придаток), гипотермия (охлаждение тела) и т.д. Второй корень — в словах тензиметр (прибор для измерения давления паров), тензометр (прибор для измерения деформаций, вызванных механическим напряжением) и др.

Из «интересных» ответов: «Это была гипатинуза».

9.

1) Дуалистический принцип использования сельскохозяйственных орудий на гидроповерхности. (Вилами по воде писано.)

2) Бинарный характер высказывания индивида женского пола, утратившего социальную активность. (Бабушка надвое сказала.)

3) Проблема транспортировки жидкости в сосуде переменной плотности. (Носить воду в решете.)

4) Способ повышения дисперсности жидкости механическим путем. (Толочь воду в ступе.)

5) Случай выгоды низкого IQ для осуществления трудовой деятельности. (Работа дураков любит.)

6) Случай отрицательного отношения людей с низким IQ к юридическим актам. (Дуракам закон не писан)

7) Отрицательное отношение домашней птицы с нежвачным парнокопытным. (Гусь свинье не товарищ.)

8) Нежелательность появления в отделе хлебобулочных изделий нежвачного парнокопытного. (Со свиным рылом в калашный ряд. Интересный вариант у Даля: «С мякинным рылом — в калачный ряд».)

9) Констатация одинаковой интенсивности воздействия на вкусовые соочки языка некоторых растений семейства крестоцветных, произрастающих в средней полосе России. (Хрен редьки не слаще.)

10) Правильный выбор места насекомых на длинном деревянном цилиндре. (Всяк сверчок знай свой шесток.)

11) Удвоение личностной ценности субъекта после получения им травматического опыта. (За одного битого двух небитых дают.)

На четвертую загадку была такая отгадка: «Начхать на кого-нибудь!» (следовало только добавить — «очень мелкими капельками».)

10.

а) Пламя охватило (или огонь охватил) всё здание.

б) Это задание самое сложное. Возможные ответы: «Из искры возгорится пламя»; «Пламя свечи в центре более темное»; «Он не знает, из чего состоит пламя свечи и какие в нем зоны» и т. п. (Нельзя сказать «огонь в центре более темный» или «зоны огня»). Из ответов школьников: «Пламя революции» и неожиданный остроумный ответ: «В слове «пламя» первая буква — согласная».

в) «Огонь был известен человеку еще в доледниковый период»; «вечный огонь» и т. д. Из неожиданных (для автора задачи) ответов школьников: «Войска открыли огонь»; «Огонь, вода и медные трубы».

11.

1) Река — Северная Двина.

2) Таких названий много. В нашей стране — Солигалич в Костромской обл., расположенные рядом Соликамск и Усолье в Пермской обл., Сольцы в Новгородской обл., Соль-Илецк под Оренбургом, приток Енисея Усолка и Усолье-Сибирское близ Ангарска, на Украине — река Соленая и г. Соленое, в Белоруссии — Солигорск; река Зальцах и родина Моцарта Зальцбург в Австрии, в Шотландии — Солткотс (Saltcoats), в США — озера Солт-Лейк и Солтон-Си, город Солт-Лейк-Сити вблизи Большого Соленого озера — вряд ли какое-либо другое вещество способно соперничать в этом отношении с поваренной солью. И это неудивительно: без соли нет жизни!

3) Название притока Днепра — Десны имеет тот же корень, что и слова десница (устаревшее название правой руки), одесную (старое выражение, означающее справа, по правую сторону). А село Шуйское ведет свое название от устаревших слов ошуюю — по левую сторону, шуйца — левая рука. Следовательно, в старину левый и правый берега реки определяли не так, как сейчас (глядя по течению), а наоборот — смотря в сторону истока. Об этом же говорит еще одна река Десна в Московской области — левый (!) приток Пахры. Вероятно, это происходило потому, что при дальнейшем расселении вдоль реки люди двигались от уже освоенных участков, расположенных в более полноводных местах, вверх по течению реки. Тогда притоки этой реки, встречавшиеся им справа, являются левыми притоками — и наоборот.

Из ответов школьников: «Левый и правый берег реки славяне определяли по силе криолиса» (очевидно, имелась в виду сила Кориолиса); «Славяне вставали в место вливания реки куда-нибудь, задом к этому месту».

12.

1) Вот какие бывают люди, соответствующие условию (в алфавитном порядке).

Аналитик	Догматик	Логик	Политик	Статистик
Бионик	Зоотехник	Математик	Практик	Тактик
Ботаник	Истерик	Механик	Романтик	Тектоник
Генетик	Кибернетик	Мимик	Сантехник	Техник
Гидравлик	Кинетик	Мистик	Семантик	Фонетик
Грамматик	Классик	Оптик	Синоптик	Хроник
График	Критик	Органик	Синтетик	Эклектик
Диалектик	Лирик	Пневматик	Систематик	Энергетик

2) Пример не связанных по смыслу омоформ: «Хроника хроника увлекает» (значит, не очень болен! ☺) Школьники нашли еще такие замечательные примеры: «опера опера увлекает», «Марка марка заинтересовала», «турка турка интересует».

3) Список составлен за несколько минут с помощью обратного словаря русского языка А. А. Зализняка (изданного в 1974 г., т. е. без использования компьютера!). Но школьники расширили список подходящих слов, включив в него такие: баллистик, иудей (!!). В первом случае омоформы связаны по смыслу так же, как в предложении «Физика физика увлекает», во втором — нет: иудей — человек, исповедующий иудаизм, а Иудея — название древнего государства.

4) Аналитик — занимается аналитической химией; кинетик — занимается кинетикой, наукой о скоростях химических реакций; органик — занимается органической химией; неорганик (слово отсутствует в словаре) — занимается неорганической химией.

Некоторые школьники написали пары слов, не проверив, существуют ли такие понятия в именительном падеже, например: «Сатирика сатирика очень увлекает»; «Циника циника очень увлекает». То же с «арифметиком», «пластиком», «лингвистиком»...

А вот остроумный пример, навеянный кинофильмом «Приключения Электроника»: «Электроника электроника очень увлекает».

Было и такое интересное предложение по поиску указанных омонимов: «Нужно хорошо подумать и аккуратно записать».

13. В химической лаборатории плохо пахло, а «buenos aires» по-испански — «хороший воздух». Именно так дословно переводится название столицы Аргентины.

Из забавных ответов:

«Не буэнос-айрес» означает: «что-то у вас сегодня нет полета фантазии».

«Буэнос-Айрес» — это хороший вид, т. е. коллега сказал: «Вы сегодня плохо выглядите».

«Буэнос-Айрес славится своими карнавалами. Значит, в лаборатории были уныние и сонная обстановка».

«Буэнос-Айрес — место жары и карнавала, а в химической лаборатории — холодно, противно, грустно и скучно» (для автора такое толкование было самым обидным ☺).

«Буэнос-Айрес — это Бу! — Ай! Значит, в лаборатории был взрыв».

14.

1) Дизайн — проектирование эстетического облика промышленных изделий, художественное конструирование. Дизайнер — художник-конструктор, специалист по дизайну.

2) Лат. «signum» — знак. Слова: «сигнатура» — копия рецепта, прилагаемая аптекой к лекарству; «сигнал» — условный знак; «сигнализация» — система знаков; «сигнифика» — теория, основанная на рассмотрении любых языков как знаковых систем; «ассигнация» и др.

15.

1) Автор — Редьярд Киплинг (1865–1936), это стихотворение появилось в сказке «Откуда взялись броненосцы».

2) Ошибка же состоит в том, что два судна (а происходило это, судя по дате создания произведения, в XIX веке) не могли обеспечить еженедельное сообщение между Англией и Бразилией. Действительно, морской путь от Лондона до Рио-де-Жанейро равен примерно 10000 км (четверть окружности земного шара), и этот путь каждое судно должно проходить не дольше, чем за 7 дней — и то, при условии, что в обоих портах оно не будет задерживаться и тут же возьмет путь назад, что нереально при регулярных рейсах. Такое не по силам даже современным судам. Действительно, даже двигаясь постоянно со скоростью 50 км/ч (что невероятно), пароход пройдет это расстояние примерно за $10000/50 = 200$ часов, т. е. больше, чем за неделю.

На эти вопросы тоже было немало забавных ответов. Вот некоторые из них.

«Из Ливерпуля нельзя попасть в Бразилию по морю».

«Киплинг ошибся, т. к. написал, что корабли “go rolling down to Rio”, но ведь они должны плыть по океану, а не вниз по течению!»

«Киплинг ошибся, т. к. корабль “Дон” назван в честь реки Дон, а она в Амазонку не впадает».

«Паровые суда не могли отправляться в плавание в четверг».

16.

1) Эквадор находится в Южной Америке, его пересекает экватор, отсюда и название. Испанский — язык романской группы, по-испански экватор — *ecuador*, слово это происходит от лат. *aequus* — равный: экватор делит земной шар на два равных полушария.

2) Помимо очевидного «экваториальный» тот же корень в словах «эквивалент» — нечто равное или равноценное чему-либо (химический эквивалент, механический эквивалент тепла, денежный эквивалент ценности товара и т. д.); «эквilibристика» — способность сохранять равновесие; «эквипотенциальный» — имеющий одинаковый потенциал, например, электрический; «эквидистантный» — находящийся на одинаковом расстоянии и т. д. Кстати, экватор по-испански можно назвать также *linea equinoccial* — линия, делящая земной шар пополам.

Из ответов школьников:

«В русском языке слово, имеющее тот же корень — Средиземноморье».

«Однокоренные слова — квадрат, квадрига, квадрант, эквалент».

«Эквадор происходит от *Aqua d’Or*, что значит «золотая вода» и однокоренное слово — это помидор».

«Однокоренные с Эквадором слова: приморский, прибрежный, присмертный, потому что Эквадор находится при экваторе».

17. Перевод нужно делать с испанского. Этот язык является государственным, конечно, в самой Испании. Другие испаноязычные страны находятся в так называемой Латинской Америке. Это прежде всего Мексика, Аргентина, Чили, Перу и др.

Из ответов школьников:

«По-испански говорят в Испании, но Испания — маленькая страна».

18.

1) Sic transit gloria mundi (лат.) — Так проходит слава мира. Однокоренные слова с «transit» — транзит, транзистор, транзитивность (переходность глагола, то есть его способность иметь при себе прямое дополнение). Отсюда следует, что «Мундо» в Митад-дель-Мундо как-то связано с «миром» (по-испански мир — mundo).

2) Das Mittelspiel (нем.) — дословно «середина игры», в шахматах и шашках средняя часть партии. Однокоренные слова: эндшпиль — окончание партии, миттель — типографский «средний» шрифт (14 пунктов).

3) Итак, «Митад» — середина (по-испански mitad). Теперь несложно перевести: Митад-дель-Мундо — дословно «середина мира».

Из ответов школьников:

«Так проходит мировая фраза».

«Mundi — это мундир».

«Разрешен транзит по всему миру».

19. Город Монтевидео (Montevideo, читаем римские цифры как буквы), столица Уругвая.

Из ответов школьников:

«Монтевидео находится в Венесуэле» (вариант — в Бразилии).

«Монтевидео — это гора имени 6-го октября».

«Митад-дель-Монтевидео находится в середине».

«Сейчас Сан-Фелипе-дель-Фуэрте — это город Окταν, где-нибудь во Франции».

«Monte video находится в стране электротехники».

20.

1) Вид спорта — ориентирование, от лат. oriens (род. падеж orientis) — восток. Тот же корень в слове «Ориental» (музыкальное произведение в восточном стиле русского композитора Цезаря Кюи, а также танец). Итак, «О.» в надписи — это сокращение слова «восток» (на испанском Oriente).

2) Монблан находится на границе Франции и Италии, недалеко от границы со Швейцарией. В переводе с французского — «белая гора», поскольку его вершина покрыта вечными снегами; по-французски mont («мон») — гора, blanc («блан») — белый цвет, белая краска, а также пропуск, пробел; прилагательное blanc (в женском роде — blanche «бланш») — белый, седой, чистый, а также невиновный. Однокоренные слова: монтаньяры — группа депутатов в революционном конвенте Франции (1789–1794), занимавшая верхние скамьи в зале заседаний; бланк — незаполненный («чистый») лист бумаги с напечатанным названием учреждения; бланманже — желе из сливок (белого цвета!); бланшировка — обработка кипятком растительных продуктов (буквально — отбеливание); карт-бланш — чистый бланк, а также неограниченные полномочия и др.

Итак, «монт» — гора (по-испански monte, montaña); по легенде испанская надпись означала место, расположенное в VI (шести) милях к востоку от некоей «горы».

Из ответов школьников:

«Спортивные соревнования на «о» — остолоп» (частый вариант — Олимпийские игры).

«В Монтевидео это была шестая гора для проведения соревнований».

«Корень «бланк» в слове облако.

21. Трудно в точности сказать, что такое «нелысый» человек. Будем считать таковым человека, у которого есть на голове хотя бы один волос. Оценим теперь максимальное число волос на голове человека. Будем для простоты считать голову шаром, у которого волосами покрыта примерно половина поверхности. Радиус шара примем равным 1 дм, тогда его площадь равна 12 дм^2 , а половина площади (где растут волосы) — $6 \text{ дм}^2 = 60000 \text{ мм}^2$. С помощью зеркала (или товарища) можно убедиться, что на 1 мм^2 вряд ли растет больше пяти даже самых густых волос. Значит, на голове не больше 300 тысяч волос (и даже если считать бороду, усы и густые брови — не больше 500 тысяч). Таким образом, может быть не больше 500 тысяч человек с разным числом волос на голове — от одного до максимально возможного. В Москве же около 10 млн жителей. Таким образом, в Москве живут тысячи людей с абсолютно одинаковым числом волос на голове!

Здесь тоже фантазия школьников не знала границ:

«В Москве живет около 300 000 человек, а волос на голове много миллионов».

«Волос на голове около 120 000, это намного больше, чем жителей в Москве (около 10 млн.). Поэтому в Москве нет людей с одинаковым числом волос».

«Примерный радиус моей головы — 10 см, и у меня волосы занимают 50% головы, потому что я не Пушкин, и у меня нет бороды и бакенбардов».

«Допустим, что радиус головы у него 20 см...»

«У человека на голове 5 333 331 волос (вариант — 7 643 312 волос)».

«Это крайне маловероятно, т. к. есть еще брови, ресницы и т. п.».

«Каждую секунду с головы человека выпадает от одного до 37 волос (в зависимости от силы, с которой трясут голову человека)». Примечание автора задачи: у человека примерно 200 000 волос, а 200 000 секунд это всего двое суток. И если бы в секунду выпадало по 10 волос, то человек лишился бы всех волос всего за несколько часов.

Интеллектуальный фейерверк — 2008

И. А. Леенсон

1. Существует множество устойчивых словосочетаний, в которых фигурируют числа 2, 3, 5, 7, 10 («два сапога — пара», «Трое в одной лодке», «как свои пять пальцев», «семеро одного не ждут», «не робкого десятка» и т. п.). А какие ещё общеизвестные «магические числа» можно встретить среди первой двадцатки?

2. В письме Н. А. Лейкину от 10 декабря 1863 г. А. П. Чехов, в частности, написал: «Вообще не клеится мой фельетон... Пригласите другого фельетониста. Ищите его и обрящите».

На каком языке написано последнее предложение в приведённом отрывке? Откуда оно позаимствовано?

Переведите его на современный русский язык. Переведите также выражение «ищите и обрящите» (даже если его и не использовали в старину).

Вспомните слова современного русского языка (существительные и глаголы), исторически родственные слову «обрящите» (глаголы достаточно привести только в инфинитиве).

3. «Детский вопрос»: напишите по возможности все глаголы с разными русскими приставками перед словом «ехать». А с какими приставками глаголы «не получаются»? И с какими из последних получаются, если к исходному глаголу добавить частицу «ся»?

4. Вспомните, в каких пословицах, поговорках, устойчивых выражениях в русском языке упоминаются какие-либо собаки — большие и маленькие. Поясните кратко, что эти выражения означают.

5. Почему когда-то на Руси детей начинали учить сначала буквам (при обучении грамоте), а потом уже цифрам (при обучении счёту), а не наоборот?

6. Прочитайте следующие утверждения (одно из них можно встретить в печати):

- 1) Этот учёный достаточно велик, чтобы приписывать ему чужие открытия.
- 2) Этот учёный достаточно велик, чтобы не приписывать ему чужие открытия.
- 3) Этот учёный недостаточно велик, чтобы приписывать ему чужие открытия.
- 4) Этот учёный недостаточно велик, чтобы не приписывать ему чужие открытия.

Есть ли среди этих утверждений правильные с точки зрения грамматики, логики и здравого смысла? Какое из них могло быть напечатано?

7. Молодая сотрудница, корректор, увидела такую фразу в рукописи: «На этой конференции я обсудил с Бардиным интересующие меня научные вопросы», а на следующей странице — «При беседе с Бардином всё же выяснилось, что моя гипотеза неверна». Корректор исправила, как ей показалось, очевидную ошибку. Но её коллега, редактор с большим стажем, сказала, что никакой ошибки в рукописи нет. Как это могло случиться?

8. По случаю присуждения Нобелевской премии по физике за 1999 год член Королевской Шведской академии наук профессор Сесилия Ярлског (см. фото) начала свою вступительную речь такими словами: *Your Majesties, Your Royal Highness, Ladies and Gentlemen, "Everything is made up of water", Thales told us 2,600 years ago*. Переведите эту фразу на русский язык.

Перевод должен быть не подстрочным, а литературным.

9. Как называется город, который древние греки называли Трёхградьем (конечно, по-гречески)? Где он находится? Какие слова в русском языке происходят от второго корня греческого названия этого города?

10. Много лет назад между Эразмом Роттердамским (1469–1536) и Иоганном Рейхлином (1455–1522) возник спор о способе чтения некоторых букв в древнегреческом языке. Рейхлин считал, что букву Β, β в древнегреческих текстах нужно называть так же, как её называют современные ему греки, то есть «вита» и произносить как «в». А букву Η, η — соответственно называть «ита» и произносить как «и», как в новогреческом языке. Поэтому приверженцев Рейхлина стали называть «итацистами». Эразм же считал, что эти буквы следует называть «бетой» и «этой» и читать как «б» и «э». Соответственно, последователей Эразма стали называть «этацистами». Доказать ту или иную точку зрения в те времена, когда лингвистика как наука ещё не появилась, было непросто. По преданию, Эразм смог доказать свою правоту на основании одного фрагмента произведения древнегреческого поэта Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.). Как вы думаете, какое место в древнем сочинении он мог использовать в качестве доказательства?

11. На рисунке — вырезанная часть картонного пакета:

Что было в пакете? В какой стране его могли произвести? Сопоставьте каждому слову: ΚΡΑΣΙ, ΕΡΥΘΡΟ и ΗΜΙΓΛΥΚΟ соответствующее слово из русского языка и объясните ваш выбор. Попробуйте найти известные вам однокоренные слова в русском языке — это облегчит задачу. В виде подсказки — некоторые греческие слова (без перевода): Ἥλιος, Ὀμηρος, ἡγεμόνας, ἡμισέληνος, ἡρωισμός, ἡμισφαίριο.

12. Переведите на русский язык словосочетание Εθνική τράπεζα.

Подсказки: 1) в новогреческом языке τραπεζί — стол (родственные слова есть и в русском языке: «трапеза», и «трапеция» — геометрическая фигура с четырьмя сторонами); 2) до введения евро слово τράπεζα можно было видеть

на всех греческих купюрах; в качестве примера приведена достоинством 100 драхм.

13. 15 символов химических элементов (Al, Ar, Ca, Co, Ga, In, La, Md, Mn, Mo, Ne, Nd, Pa, Pr, Sr) по своему написанию совпадают с общепринятыми в США сокращениями названий штатов и подчинённых США территорий, если вторые буквы в символах элементов сделать прописными. Напишите (на русском языке) рядом с этими символами названия соответствующих элементов и штатов — какие знаете.

Примечание: раньше встречались разные сокращения штатов; в настоящее время они стандартизированы.

14. За этот вопрос ведущий телевизионной передачи Леонид Ярмольник некогда предложил килограммовый слиток золота! Но его так никто и не получил. Вопрос был такой: какие химических элементы названы в честь исследователей? Сейчас их целая дюжина, вспомните хотя бы некоторые.

15. В 2008 г. стоимость одной унции (около 31 г) золота достигла рекордного значения — почти 1000 долларов (при курсе обмена \$1 = 25 руб.). Оцените, сколько приблизительно атомов золота вы смогли бы купить при такой стоимости на одну нашу копеечку? Сможете ли вы назвать это число?

Точность в расчётах не требуется. Атомная масса золота 197. Постоянная Авогадро $6 \cdot 10^{23}$.

Для тех, кто не знает (не любит, забыл, ещё не изучал) химию: постоянная Авогадро — число частиц (в данном случае – атомов) в одном моле, 1 моль золота равен 197 г.

16. Один из тех, кто отвечает за сохранность и уничтожение химического оружия в России, привёл интересные статистические данные. Оказывается, рост заболеваемости, в том числе детской, в тех районах, где находятся склады с химическим оружием, в среднем несколько ниже, чем в районах, где химическое оружие не хранится. Как вы сможете объяснить этот факт? Выберите правильное, на ваш взгляд, объяснение из приведённых ниже:

а) в регионах, где есть склады химического оружия, всем жителям платят повышенную зарплату, а детям дают бесплатное молоко;

б) при длительном хранении реактивов всегда есть небольшая их утечка, и, попадая в атмосферу в исключительно малых дозах, они благотворно действуют на здоровье людей;

в) склады химического оружия по соображениям безопасности никогда не располагают в промышленно развитых зонах, где заболеваемость выше из-за загрязнения окружающей среды;

г) военные-химики дают заведомо ложные статистические сведения, выгодные им.

17. Прочитайте заметку из одной американской газеты.

«Учитель математики подал в суд на отца одного из своих учеников, который, по словам учителя, «оскорбил его действием». В суде отец, простой фермер, заявил: «Ваша милость, послушайте только, какие задачи даёт этот изверг нашим детям: «Две трети курицы за две трети дня могут снести две трети яйца. Сколько яиц снесут шесть кур за шесть дней?» Судья посмеялся и не стал строго наказывать фермера».

Попробуйте решить задачу, придуманную «извергом-учителем» (наверное, он всё же имел в виду средние значения, потому что две трети яйца, а тем более курицы, которая его снесла, не может себе представить даже автор этой задачи).

18. Человек прошёл 1 км на юг, 1 км на восток и 1 км на север, после чего оказался в том же месте, откуда вышел. Где может быть это место? Задача не такая простая, как это может показаться на первый взгляд.

19. Пассажир подошёл к капитану большого океанского лайнера, который собирался отплыть, и спросил:

— Сколько узлов вы можете сделать?

— Обычно 10, но если очень постараться, то не меньше 30, ответил капитан.

— Ну, я думаю, вы сильно преувеличиваете, сказал пассажир.

Вопросы.

а) Почему капитан не сказал, за какое время он может сделать 10 или 30 узлов?

б) С какой скоростью обычно плавает этот пароход?

в) Почему пассажир не поверил капитану?

20. Вы, конечно, слышали про различные каши (а многие, наверное, даже ели их): пшённую, перловую, ячневую, геркулесовую, манную, «Артек». Назовите растения, из которых делают эти каши.

21. Маленький Петя внимательно наблюдал, как дед заготавливает сено для их коровы на зиму.

— Говорят, зима в этом году будет долгой, — сказал дед, — сена нашей Бурёнке много понадобится.

— А нам учительница сказала, — вдруг заявил Петя, — что у древних людей сначала не было домашних животных, а потом уже они приручили лошадей, собак, коров, коз...

— Раз учительница сказала, значит, так оно и было, — строго ответил дед.

— А кто же тогда заготавливал коровам и козам сено на зиму, когда они были ещё дикими?

Дед не знал ответа. А вы знаете?

Ответы на вопросы «Интеллектуального фейерверка – 2008»

1. Вот некоторые примеры:

ноль без палочки, как дважды два — *четыре*; на все *четыре* стороны и *четыре* стороны света; пропадай, моя телега, все *четыре* колеса; *шестое* чувство; «*шестёрка*» (воровской жаргон); *шестидневная* война; *шестикрылый* серафим; Большая *восьмёрка* (в политике); сделать *восьмёрку* (погнуть велосипедное колесо); *восьмое* чудо света; *девять* муз; *девять* чинов ангельских; попасть в «*девятку*» (в футбольных воротах); *девять* кругов ада; *девятая* печать (в Апокалипсисе); *девятый* вал; ехать на *одинадцатом* номере (то есть идти пешком); «*Двенадцать*» (поэма А. Блока и *двенадцать* апостолов); *тринадцатая* зарплата; «*Пятнадцать* человек на сундук мертвеца» (пиратская песня); ещё одна песня «*Шестнадцать* тонн»; *семнадцать* мгновений... — и не только весны; «*Восемнадцать* лет», которые бывают в жизни один раз (песня); *тридевятое* царство (но на самом-то деле это 27-е!).

Из ответов участников: «*семнадцать* пятниц на неделе», «сигареты не продаются детям до 18 лет».

2.

1) Выражение «Ищите и обрящите» — церковнославянский язык (поздний вариант старославянского), оно присутствует в старом переводе текста Евангелия (Матф., 7:7; Лука, 11:9).

2) Ищите и найдёте. Ищите и найдите!

3) В словах, однокоренных слову «обрящите», раньше писалась буква «ять»: обрѣтати, обрѣсти (в смысле «найти, отыскать, раздобыть»), и эти слова отличались от тех, в которых писалась буква «е»: обрѣкати, обрѣчь (в смысле «посвящать, предназначать, определять»: обрѣчь на страдания и т. п.).

Существительные: приобретение, приобретатель, изобретатель.

Глаголы: обрести (что-либо), приобрести, изобрести, набрести (на что-либо), обретаться (где-либо) и т. п.

Более дальние «родственники»: встреча (и производные — встречать, повстречать, встретиться и др.), сретение (и улица Сретенка). Кстати, по-болгарски встреча — среща.

3. Всего таких слов, вероятно, 16: въехать, выехать, доехать, заехать, наехать, объехать, отъехать, переехать, повыехать (все жители дома на снос давно повыехали), подъехать, поехать, понаехать (используется в основном в прошедшем времени и неодобрительно: «понаехали тут!»), приехать, проехать, съехать, уехать.

Нет слов «безъехать», «възехать», «воззехать», «иззехать» (но есть «изъездить»!), «надзехать», «низзехать», «предзехать», «раззехать», «череззехать» и др.

Возвратный глагол получается с приставкой «раз-»: раззехаться.

4.

Русский язык на удивление богат «собачьими» выражениями, в которых отражены и положительные, и отрицательные черты этого домашнего животного. Можно, наверное, написать диссертацию на тему «Образ собаки в пословицах и поговорках»! Вот некоторые из них.

- Собака — друг человека.
- Вот где собака зарыта! (Вот в чём суть дела! Кстати, точно такое же выражение есть и в немецком языке: *Da liegt der Hund begraben.*)
- Не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой.
- Собачий вальс.
- Как кошка с собакой (быть в ссоре).
- Спустить всех собак (сильно отругать, наказать).
- Вешать (всех) собак на кого-либо (клеветать, наговаривать, необоснованно обвинять в чём-либо).
- Как собак нерезаных (очень много).
- Собаку съесть (приобрести большой навык, быть специалистом в чём-либо).
- Собака на сене (ни себе, ни другим).
- Нужен, как собаке пятая нога (совершенно не нужен).
- Собаке (псу) под хвост (зря, напрасно, бесполезно — о работе, деле, потерянном времени и т.п.).
- Любит, как собака палку.
- Присобачить (приделать что-то).
- Не пришей собаке хвост.
- Дама с собачкой.
- Собака лает — караван идёт (вариант — ветер носит).
- Собака бывает кусачей только от жизни собачей.
- Путешествовать «на собаках» (на электричках с пересадками).
- Чёрного кобеля не отмоешь добела.
- Собаке — собачья смерть.
- Чушь собачья.
- Бред собачий.
- Собачья жизнь (плохая жизнь).
- «Собачье сердце».
- К чертям собачьим (прогонять кого-либо, а также о неудачном деле).
- Собачья радость (дешёвая, плохая еда; обычно о колбасе).
- В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выведет.

- Собачий холод (очень холодно).
- Маленькая собака до старости щенок.
- Плавать по-собачьи.
- Как собака... (устал, замёрз, злой, измучился, хочу есть и т. п.).
- Ни одна собака... (абсолютно никто).
- Собаке — собачья смерть.
- (Его) каждая собака здесь знает (известный человек в данной местности).
- Собачка (в охотничьем ружье — спусковой крючок, в часах и других механизмах — пластика, зубец, не дающий зубчатому колесу вращаться в противоположную сторону).

И не забудем «собаку» @ в электронном адресе!

А также:

- Созвездие Пса.
- Верный пёс, собачья верность (преданность).
- На кой пёс, пёс с ним, пёс его знает и т. п. (где «пёс» заменяет «чёрта»).
- Псы-рыцари.
- Пёсья морда.
- Сукин сын.
- Слон и моська.
- Щенячий восторг.
- Брать борзыми щенками и др.

5. Потому что числа обозначались буквами (например, на русских монетах конца XVII–XVIII вв.). При этом А = 1 (буква «аз»), В = 2 (буква «веди»; греческая буква «бета», от которой произошла русская В, была второй в алфавите), Г = 3 (буква «глаголь»), Д = 4 (буква «добро»), Е = 5 (буква «есть»), **З** = 6 (буква «зело», которая окончательно исчезла из русского алфавита в 1735 году), 3 = 7 (буква «земля»), И = 8 (буква «иже»), Θ = 9 (буква «фита» в русском алфавите была на предпоследнем месте, а в греческом буква «тета» была в первой десятке), I = 10, К = 20 (буква «како») и т. д.

6. Разберём возможный смысл каждой фразы.

1) *Этот учёный достаточно велик, чтобы приписывать ему чужие открытия.*

Смысл. Действительно, почему бы этого не сделать? Почему бы не приписать? Мы же считаем, что он велик, так давайте сделаем его ещё более великим! Давайте припишем к списку его открытий ещё и чужие! Побольше!

2) *Этот учёный достаточно велик, чтобы не приписывать ему чужие открытия.*

Смысл. Этот учёный достаточно велик, чтобы мы **ещё** приписывали ему чужое. Ему это не нужно, он и без этого великий. Именно эта фраза имеет реальный смысл и может быть использована в биографии великого учёного. И она действительно появлялась в печати. Её смысл был такой: учёный, о котором шла речь (это мог быть, например, Ломоносов или Менделеев), великий, это общепризнанно. Известно, что у него масса своих собственных заслуг, и

не нужно приписывать ему чужое, как это пытались делать в СССР в конце 40-х — начале 50-х гг., в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом», когда запрещалось ссылаться, даже в диссертациях и научных статьях, на иностранных учёных (ну, кроме Дарвина-Ньютона и, конечно, классиков марксизма-ленинизма). Ломоносов, например, в те годы объявлялся автором чуть ли не всех законов физики, открытых в XIX веке. Именно в те времена появилась шутка «Россия — родина слонов».

3) *Этот учёный недостаточно велик, чтобы приписывать ему чужие открытия.* Смысл. Такую фразу мог бы произнести разве что коллега учёного на каком-нибудь заседании небольшого коллектива (например, кафедры), в котором этические принципы научной работы часто, грубо и открыто нарушаются. То есть мы все знаем, что он учёный посредственный, что не нужно делать из него гения. Так что давайте не будем приписывать ему чужое. Вот если бы он действительно был великий (как, например, наш уважаемый заведующий), тогда другое дело, тогда мы все с удовольствием проголосовали бы за то, чтобы к его характеристике на государственную премию приписать под шумок парочку чужих открытий...

4) *Этот учёный недостаточно велик, чтобы не приписывать ему чужие открытия.* Возможный смысл. Такая фраза может быть произнесена на том же самом заседании кафедры с «антинаучным климатом», в отсутствие посторонних. Да, мы знаем, что он посредственный учёный. Если бы он был великим, ему не нужны были бы никакие приписки. К сожалению, это не так. Но ведь он прекрасный человек, мы все давно и хорошо его знаем. Так давайте же припишем ему несколько чужих открытий, чтобы и ему помочь, и кафедру нашу сделать ещё более дружной. А в будущем и он отплатит нам той же монетой...

Подведём итоги разбора этих предложений. С точки зрения грамматики правильны все четыре. То же — с точки зрения формальной логики. Но с точки зрения того, какое из них могло появиться в печатном тексте, правильно только второе. Это легко проверить, заменив абстрактного учёного на самого себя и рассмотрев следующие ситуации.

1. Я достаточно аккуратен, чтобы посадить пятно на брюки во время еды.
2. Я достаточно аккуратен, чтобы не посадить пятно на брюки во время еды.
3. Я недостаточно аккуратен, чтобы посадить пятно на брюки во время еды.
4. Я недостаточно аккуратен, чтобы не посадить пятно на брюки во время еды.

Очевидно, что реальный смысл имеет только второе утверждение. Самокритичный неряха может сделать четвёртое утверждение (то есть пятно он посадит). Остальные утверждения *достаточно* анекдотичны.

7. Речь идёт о разных учёных с русской и иностранной фамилиями. Один из них — Иван Павлович Бардин (1883–1960), отечественный металлург, академик. Его именем названа улица в Москве (между Ленинским проспектом и ул. Вавилова), на которой расположен Институт металлургии и материаловедения РАН, основателем и директором которого с 1938 года и до своей кончины был И. П. Бардин.

Второй учёный — Джон Бардин (John Bardeen, 1908–1991), американский физик, открывший в 1948 г. первый полупроводниковый транзистор, а в 1957 г. создавший теорию сверхпроводимости. За эти работы Дж. Бардину были присуждены две Нобелевские премии по физике — за 1956 и 1972 гг. (редчайший случай в истории науки и единственный — в области физики). И не исключено, что автор рукописи мог в разные годы встречаться с обоими учёными.

8. Ваши Величества!¹ Ваше Королевское Высочество! Дамы и господа!² «Всё — из воды», сказал 2600³ лет назад Фалес.⁴

Примечания.

¹ На церемонии присутствовали шведский король и его жена, поэтому обращение во множественном числе.

² Поскольку обращение не к англичанам, а к людям разной национальности, недопустимо «Леди и джентльмены».

³ В США принято разряды в больших числах отделять запятыми, а у нас запятыми отделяются десятичные дроби (в США они отделяются точкой, например, 3.600 означает «три и шестьсот тысячных», т. е. 3,6 с высокой степенью точности).

⁴ Фалес Милетский (Φαλῆς ο Μιλήσιος¹) — древнегреческий философ, считавший воду первичной стихией, первоматерией, из которой возникла природа. Поэтому буквальный перевод «Всё состоит из воды» не вполне точно передаёт смысл его теории (слишком современно, «химически»). Греческая буква «тета» в имени философа перешла в английском (и ряде других западноевропейских языков) в сочетание th, а старом русском алфавите — в «фиту» (раньше писали Фалесь). По современной орфографии «фита» передаётся, в зависимости от традиции, либо через Ф (Афина → Афина, мифъ → миф, Фаддей → Фаддей), либо через Т (каволикось → католикос, Θεοφραστῆς → Теофраст).

9. Город Триполи — столица Ливии. Основан финикийцами в 470 г. до н.э. Интересно, что в Ливане тоже есть город Триполи. Есть Триполи (Τρίπολη) и в Греции: этот небольшой город — столица Аркадии. Кроме того, в Польше на берегу Балтийского моря расположена городская агломерация, состоящая из Гданьска, Гдыни и Сопота, которая по-польски называется Труджмясто (Trójmiasto), что также можно перевести как Трёхградье. А с 1105 года по 1289 год существовало графство Триполи, созданное крестоносцами.

Теперь о синонимах и омонимах от «Триполи» в русском языке. В новогреческом языке πόλη, πολιτεία — город, πολίτης — гражданин (а πολίτισσα — гражданка ☺), πολιτική — политика, политический курс, πολιτισμός — культура, а также цивилизация. Этот же корень в названиях ряда городов, например: Севастополь (греч. σεβαστός — уважаемый, почтенный, раньше это слово было эквивалентом латинского «Август», т. е. Севастополь можно «перевести» и как «величественный город»), Симферополь (греч. συμφέρον — польза), Мелитополь (греч. μέλι — мёд, μέλισσα — пчела, т. е. это «медовый город», и недаром на его гербе — цветок с медовыми сота-

¹ Здесь и далее греческие слова приводятся в их новогреческом виде.

ми), Константинополь (город, названный, вернее, переименованный, в честь императора Константина I Великого).

От греческого корня «поли» (в смысле «город» — πόλις, а не «много» — πολύ) в русский язык, обычно опосредованно, попали многие слова: политика и его производные (политический, аполитичный, политикан, политология и т.д.); полиция и его производные (полицейский, полисмен, полицмейстер); метрополия, монополия, метрополитен, митрополит, акрополь, некрополь, космополит, неаполитанец (житель Неаполя, дословно — «нового города»); у Неаполя есть иноязычные «тёзки» — города Нойбург и Нойербург в Германии, Ньютаун в Англии), Петрополь («город Петра», поэтическое название Петербурга), наконец, сам «полис» (в смысле «город», например, «мегаполис»; а слово «полис» в смысле «страховое свидетельство» произошло от итальянского polizza — расписка, квитанция).

Слово же «политура» (и его производные) другого происхождения — от латинского polio — делать гладким, полировать, отделывать. Не является однокоренным с «городом» и слово «полиомиелит», происходящее от греч. πολίος — серый и μυελός — костный мозг.

10. По преданию, Эразм нашёл в тексте место, где эти буквы передают бляение баранов: спускаясь с горы, они говорили βηη-βηη. Очевидно, что бараны, в отличие от людей, не изменили за прошедшие столетия своего «произношения», и во времена Гесиода, так же, как и сейчас, «говорили» «бээ-бээ», но никак не «вии-вии». Трудно найти другой пример такого рода.

Кстати, новогреческий язык, в котором β читается как [в], использует для звука [б] сочетание согласных μπ: μπλέτο — балет, μπάλρινα — балерина, μπάλκονι — балкон, μπανάνα — банан, μπάνιο — баня, μπάσκετ-μπολ — баскетбол, μπάσος — бас, μπαταρία — батарея, μπετόν — бетон, μπιλιάρδο — бильярд, μπιφτέκι — бифштекс, μπλοκ — блок, μπλούζα — блузка, μποξ — бокс, μποξέρ — боксёр, и т. д. Видите, какой греческий язык лёгкий! Теперь вы, конечно, без труда переведёте слово μπεκρής (посмотрев предварительно примечание к ответу задачи №11). Если не догадались — посмотрите ссылку <http://translate/reference/com/browse/drunkard> (знатоки английского могут не смотреть).

Из «перлов»: Эразм догадался по тому месту, где у Гесиода встречается имя Эразм, начинающееся с буквы Η.

11. Язык — греческий, поэтому страна-изготовитель — Греция или Кипр (его южная греческая часть). Из картинки видно, что в пакете было, скорее всего, вино. Но какое? Попробуем расшифровать надпись ΚΡΑΣΙ, ΕΡΥΘΡΟ и ΗΜΙΓΛΥΚΟ.

В греческом языке много букв, сходных по начертанию и читающихся так же, как в русском. «Каппа» (Κ, κ) читается как «к», «ро» (Ρ, ρ) — как «р», «альфа» (Α, α) — как «а», «сигма» (Σ, σ, в конце слова — ς) — как «с», «иота» (Ι, ι) идентична нашей дореволюционной букве «и-десятеричное», читается как «и», «эпсилон» (Ε, ε) — как «э», «ипсилон» (Υ, υ) — как «и», от «теты» (Θ, θ) произошла наша дореволюционная «фита», она читается как английское глухое «th», но традиционно транскрибируется как «т», «омикрон» (Ο,

ο) — как «ο», «ита» (Η, η) — как «и», «мю» («ми» Μ, μ) читается как «м», «гамма» (Γ, γ) — как «украинское г», «лямбда» (Λ, λ) — как «л».

Так что такое краси эритро имиглико? Прежде всего, ясно, что пакет изготовлен в новое время, поэтому язык новогреческий. В нём немало корней древнегреческого, которые довольно часто встречаются и в русском языке. Попробуем использовать это. На первый взгляд, «краси» — это красный. Но что такое тогда «эритро»? Однокоренное слово эритроцит (красная кровяная клетка) составлено из этого самого «эритро» и греч. «китос» (клетка). А есть ещё эритема — покраснение кожи (например, при загаре), эритродермия (воспаление кожи с резкой краснотой). Значит, красный — это «эритро»!

Оставим пока непонятный «краси» и посмотрим на «имиглико». Второй корень этого слова содержится в таких словах русского языка как глюкоза, глицин (аминокислота), глицерин, гликоген и др. Все эти вещества сладкие на вкус или являются производными глюкозы (звук «ю» появляется иногда потому, что в древнегреческом буква Υ, υ читалась примерно как немецкая ü). Так что «глико» — что-то сладкое. Этот же корень и в имени Лукерья (Гликерия), и в названии растения лакрица (солодка — сладкая!). А «ими» (в древнегреческом «эми»)? В виде подсказки были приведены греческие слова, значение которых почти очевидно: Ἥλιος — Гелиос (бог Солнца), ἡγεμόνας — правитель, вождь (ср. гегемон), ἡμισέληνος — полумесяц (Селена — богиня Луны), ἥρωϊσμός — героизм, ἡμισφαίριον — гемисфера, полусфера, полушарие (земное, небесное или головное мозга). Наконец, Ὀμηρος — Гомер:

Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гезиод или Омир...

А. С. Пушкин (1828)

Греческая монета с "Омиром"

Действительно, многие греческие слова, начинающиеся с гласного, попав в русский язык, приобрели начальный «г» — это следы древнегреческого произношения (с придыханием). Ещё примеры появления в русском языке начального «г»: ἡδονή (наслаждение, удовольствие) — в слове гедонизм; ὅλος (целый) — в словах голография, голограмма, голоцен; ὅμος (равный) — в словах гомогенный, гомолог и др.; ὑπέρ (над, сверх) — в словах гипербола, гипертония и др.; ὑπό (внизу, под) — в словах гипоксия, гиподинамия и многие другие. И если мы прочитаем «НМ» как «геми», то получим корень, встречающийся в таких словах как «гемикрания» — то же, что мигрень (когда болит половина головы, от κρανίον — череп), гемикрания была у булгаков-

ского прокуратора Понтия Пилата; в химии гемиоксиды — старое название «полуоксидов», гемицеллюлоза — углевод, «наполовину целлюлоза, наполовину крахмал», гемицианиновые красители по строению как бы «наполовину цианиновые»; в биологии гемизиготность — наличие половины набора генов у гаплоидных организмов. Итак, НМГЛУКО — полусладкий.

Методом исключения получаем, что «краси» — это вино. Ну, а созвучие с нашим «красный» — чисто случайное. Таких случаев масса (например, «кулак» по-турецки — «ухо», и «объяснить это невозможно»). Как сказал на одной из своих популярных лекций Андрей Анатольевич Зализняк, из-за ограниченного числа фонем по теории вероятности обязательно должны быть такие совпадения в разных языках).

Окончательно: надпись на пакете означает «Вино красное полусладкое».

Примечание: чрезмерное употребление алкоголя наносит вред здоровью!

Из «перлов». «Эритро» означает эритрейский, то есть из Эфиопии, то есть это вино красное сладкое из Эфиопии. Другие варианты: «вино крепкое хмельное», «вино европейское неплохое», «вино красное игристое тёмное, потому что имиглико — это мгла».

12. Трудно представить себе, чтобы на деньгах было написано что-то, относящееся к столу, трапедии, трапезе, тем более — этнической. Но как раз последнее слово даёт «зацепку»: ведь этнос (ἔθνος) — это народ, нация. Что же может быть «народного» или «национального» на бумажных деньгах? Учреждение, которое их выпускает — банк! Но при чём тут стол и тем более трапеза (еда)? Последнее как раз понятно: едят на столе. В древнерусском «трапеза» — и еда, и стол. И по-болгарски «трапеза» — стол. Когда И. А. Крылов говорил о стрекозе, что ей под каждым листком «был готов и стол, и дом», он имел в виду именно еду. Врачи нередко назначают людям «стол номер такой-то» — это тоже не о фасоне доски на четырёх ножках, а о специально подобранной диете. Перейдём теперь к банку. Когда-то менялы (от которых и пошли банкиры) сидели за конторками, столиками. В древнегреческом τράπεζα — стол, особенно обеденный, а также стол менялы, меняльная лавка. В карточных играх банк — деньги, поставленные на кон — а их кладут на тот же стол. Так что от стола до банка не так далеко (по-гречески банкир — τραπεζίτης). Можно вспомнить также наш паспортный стол (как учреждение, хотя и не банк) и до-революционных столоначальников.

Итак, выражение Εθνική τράπεζα можно перевести как «Народный банк». Но более правильный перевод — «Национальный банк» (ведь Греция никогда не была социалистической страной, «страной народной демократии»).

А надпись на купюрах (ΤΡΑΠΕΖΑ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ) означает Греческий банк, или Банк Греции (θης — артикль женского рода родительного падежа единственного числа). Кстати, именно эта купюра выбрана в качестве иллюстрации не случайно. На ней изображён Адамантиос Кораис (1748–1833). Вот что написано о нём в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: А. Кораис — один из учёнейших эллинистов Нового времени. Его глав-

Фрагмент бронзовой статуи Афины Парейской с её атрибутами — совой (на шлеме) и змеёй.

ная заслуга — очищение греческого языка от массы чуждых примесей, вошедших в этот язык за времена политического рабства Греции. Кораис издал многих древних классиков (Βιβλιοθήκη ἑλληνική) с ценными филологическими введениями, писал и отдельные статьи по греческому языку и литературе, не чужд был и политической борьбы за свободу родины; его брошюра: «О современном положении образования в Греции» — горячая защита его отечества, которое Кораис считал законным наследником Древней Греции. А на обратной стороне той же купюры изображена богиня Афина Парейская. Её бронзовая статуя была обнаружена в г. Пирее (сейчас он слился с Афинами) в 1959 г. и сейчас находится в археологическом музее.

Из «перлов»: «национальная кухня», «афинская столица».

13.

Символ элемента	Название элемента	Символ штата	Название штата	английское	русское
Al	алюминий	AL	Alabama	Алабама	Алабама
Ar	аргон	AR	Arizona	Аризона	Аризона
Ca	кальций	CA	California	Калифорния	Калифорния
Co	кобальт	CO	Colorado	Колорадо	Колорадо
Ga	галлий	GA	Georgia	Джорджия	Джорджия
In	индий	IN	Indiana	Индиана	Индиана
La	лантан	LA	Luisiana	Луизиана	Луизиана
Md	менделевий	MD	Maryland	Мэриленд	Мэриленд
Mn	марганец	MN	Minnesota	Миннесота	Миннесота
Mo	молибден	MO	Missouri	Миссури	Миссури
Ne	неон	NE	Nebraska	Небраска*	Небраска*
Nd	неодим	ND	North Dakota	Северная Дакота	Северная Дакота
Pa	протактиний	PA	Pennsylvania	Пенсильвания	Пенсильвания
Pr	празеодим	PR	Puerto Rico	Пуэрто-Рико	Пуэрто-Рико
Sc	скандий	SC	South Carolina	Южная Каролина	Южная Каролина

* А Невада теперь — NV.

Из «перлов». Школьники значительно расширили географию США, присоединив к этой стране Мак-Дональдс (!), а также множество городов

(в ранге штатов), стран и других географических объектов, среди которых Лос-Анджелес, Монреаль, Париж, Манхэттен, Шри-Ланка, Манчестер, Американская Грузия (вероятно, это просто шутка). Были открыты также новые химические элементы — латунь и лактоза (La), изменены символы имеющих — серебро и мышьяк (Ar), а символ протактиния (Pa) они расшифровали как «Prosto America».

14.

Номер и символ элемента	Название элемента	В честь кого назван
64 Gd	гадолиний	финский химик Юхан Гадолин
96 Cm	кюрий	французские физики Мария и Пьер Кюри
99 Es	эйнштейний	Альберт Эйнштейн
100 Fm	фермий	итальянский физик Энрико Ферми
101 Md	менделевий	Дмитрий Иванович Менделеев
102 No	нобелий	учёный и промышленник Альфред Нобель
103 Lr	лоуренсий	американский физик Эрнест Лоуренс
104 Rf*	резерфордий	английский физик Эрнест Резерфорд
106 Sg	сиборгий	американский физик Гленн Сиборг
107 Bh	борий	датский физик Нильс Бор
109 Mt	мейтнерий	австрийский физик Лизе Майтнер
111 Rg	рентгений	немецкий физик Вильгельм Рентген

* Раньше в этой клетке был символ курчатовия (Ku), но теперь этого названия в периодической таблице нет.

Из «перлов». Школьники открыли новые элементы, названные в честь учёных: ньютоний, палладий, хассий (в действительности этот элемент назван по латинскому названию старинного немецкого княжества, а сейчас земли в ФРГ, Гессен), дармштадтий и т. п. А также не могли удержаться от шутки: зализняций, иткиний, бурлакк, кронгаузий и т. п.

15. 1 г золота стоит около 30 долларов или примерно 750 руб. (точность здесь по условию не требуется); 1 моль золота (примерно 200 г, $6 \cdot 10^{23}$ атомов) стоит 150000 рублей или 15 млн. ($15 \cdot 10^6 = 1,5 \cdot 10^7$) копеек. Следовательно, на одну копейку можно было, несмотря на высокую стоимость золота, купить астрономическое число его атомов: примерно $40 \cdot 10^{15}$ (сорок квадриллионов).

16. Правильная версия «в»: склады расположены, как правило, в «глухих местах», где и воздух чище, и вода лучше, и образ жизни у людей более здоровый по сравнению с урбанизованными регионами.

17. «Целая» курица за $2/3$ дня снесёт в полтора раза больше яиц, чем $2/3$ курицы (потому что 1 в 1,5 раза больше, чем $2/3$), то есть 1 яйцо. Далее проще: за один день одна курица снесёт ещё в 1,5 раза больше яиц, то есть 1,5 яйца, а 6 кур за всю рабочую неделю (6 дней) — в 36 раз больше, а именно, 54 яйца.

Из «перлов». Куры неслись $2/3$ дня, так как $1/3$ дня (то есть ночь) куры спят.

18. Самый простой и очевидный ответ — на Северном полюсе. Но есть и другое решение — в центре Антарктиды! И таких мест там бесконечное множество: они находятся недалеко от Южного полюса. При этом человек, пройдя 1 км на юг, должен оказаться на таком расстоянии от полюса, чтобы, пройдя 1 км на восток, сделать целое число кругов. Тогда он очутится в той же точке, откуда начал круговое движение. Далее он пойдёт по собственным следам на север и, конечно, вернётся в исходную точку. Всё это легко продемонстрировать с помощью глобуса или даже обычного мяча. Нетрудно найти и расстояние от всех этих точек до полюса; пусть оно равно $(1 + x)$ км, где x — расстояние до полюса после того, как человек прошёл 1 км на юг. Условие целого числа кругов записывается так: $n(2\pi \cdot 14x) = 1$ км (длина окружности равна $2\pi x$, n — любое натуральное число). Конечно, n не может быть любым: человек не может пройти 1 км по кругу, если его радиус равен, например, 10 см! Но число исходных точек всё равно бесконечно; например, при $n = 1$ (один круг вокруг полюса) $x = 159$ м, и на окружности радиусом 1,159 км существует бесконечное множество точек, откуда можно начать движение к полюсу, и при этом выполнить условие задачи.

Из «перлов». «Это было в Бермудском треугольнике», «человек находился в 1 км от запада», «это могло быть только во сне», «ТАКОЕ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ВНУТРИ Земли».

19.

а) У моряков узел — это единица скорости, поэтому время здесь ни при чём. Такое же совпадение обычного узла и единицы скорости можно найти и в других европейских языках: по-английски морской узел — knot, по-немецки Schiffer-knoten, дословно «капитанский узел» (от голландского schipper, читается «схипер», происходит наш «шкипер»), по-голландски кпоор, по-испански nudo, по-французски noeud. Очевидно, что такое совпадение показывает, что это не случайные омонимы. Почему же моряки для единицы скорости избрали это слово?

В старину скорость судна в открытом море можно было измерить единственным способом: с помощью длинной верёвки — лаглиня (англ. log line), на которой были завязаны узелки через определённые промежутки — 50 футов (около 15 м), что почти в точности равно $1/120$ морской мили (1,85 км). К верёвке, намотанной на вертушку, привязывали поплавки, который бросали в воду и смотрели, сколько узелков «убежит» за борт за полминуты (время отсчитывали по песочным часам — склянке). Так как 0,5 мин = $1/120$ от часа, то один узелок за одну склянку соответствовал скорости 1 миль в час.

б) 1 узел = 1,85 км/ч. Поэтому обычная скорость парохода — чуть меньше 20 км/ч.

в) 30 узлов соответствует скорости более 55 км/ч, что доступно только военным кораблям. Поэтому пассажир и не поверил хвастливому капитану.

Из «перлов». «Капитаны не вяжут морские узлы! Поэтому пассажир ему и не поверил», «пассажир был вообще хитрый и никому не верил!».

20. Пшено для пшённой каши — это крупа из проса; перловая крупа — крупа в виде крупных зёрен из ячменя, сваренная блестит, как жемчуг (ср. фр. *perle*, англ. *pearl*, нем. *Perle* «жемчужина»); ячневая крупа тоже из ячменя, только мелко раздробленного; геркулес — сорт овсяной крупы; манка, «Артек» — крупно помолотая пшеница.

Из «перлов». Геркулесовая каша — это овсо! Кашу «Артек» делают из вафлей «Артек». «Артек» — таинственная каша из вымерших злаков, которую ели во времена детства И. А. Леенсона. Манная каша — из манны небесной. Перловая крупа — из чечевицы.

21. До своего приручения предки коров и коз не жили там, где зимой нельзя самостоятельно добыть себе корм.

Из «перлов». Коровы и козы ели низкие ветви деревьев или улетали на зиму на юг. Коровы улетали на юг, а козы запасались жиром и залегали спать в берлогу. До приручения коровы и козы не были так чувствительны к холоду, и от них не требовалось столько молока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Программа IX Летней лингвистической школы.....	5
Программа X Летней лингвистической школы.....	7
Список преподавателей IX и X Летних лингвистических школ.....	10

Лекции и семинары

<i>Абелюк Е. С.</i> Из опыта коллективного чтения «Оды на победу» М. Тарловского (Вокруг одной записи М.Л. Гаспарова).....	15
<i>Алпатов В. М.</i> Фердинанд де Соссюр.....	42
<i>Алпатов В. М.</i> Как говорят женщины и мужчины.....	52
<i>Аркадьев П. М.</i> Падежи в языках мира.....	59
<i>Бешенкова Е. В.</i> Лаборатория орфографии.....	72
<i>Брагина Н. Г.</i> Воображаемый словарь: культурный комментарий к фразеологизмам.....	94
<i>Бронников Г. К.</i> Что значит иметь мнение?.....	104
<i>Держанский И. А.</i> Системы письма.....	108
<i>Держанский И. А.</i> Турнир по языкам мира в Венгрии.....	119
<i>Зализняк А. А.</i> О Велесовой книге.....	122
<i>Иомдин Б. Л.</i> Корпус текстов как лингвистический Клондайк. Разработка семантических приисков. Конспект семинаров.....	142
<i>Крейдлиן Г. Е.</i> Невербальный этикет: этикетные ситуации приветствия и прощания.....	159
<i>Крейдлиן Г. Е., Переверзева С. А.</i> Части тела в русском языке и русской культуре: проект Института лингвистики РГГУ.....	173
<i>Крейдлиן Г. Е.</i> Слухи, сплетни и молва — гармония и беспорядок..	184
<i>Крейдлиן Г. Е., Переверзева С. А.</i> Язык тела: единицы и их словарное описание.....	207
<i>Кузнецова Ю. Л., Рубинштейн М. Л.</i> Что такое конструкции и как их выделять.....	223
<i>Муравенко Е. В.</i> Послелогои в русском языке.....	228
<i>Падучева Е. В.</i> Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность.....	234

<i>Е. В. Падучева.</i> Метонимия и смежные явления	247
<i>В. И. Подлеская.</i> «Если бы да кабы...» или «не умеешь — научим» (О слове <i>ЕСЛИ</i> и других способах выражения условия на письме и в устной речи).....	258
<i>Рахилина Е. В.</i> Лексическая типология: зона звуков	264
<i>Руководельникова М. Б.</i> Магия чисел в языковой картине мира китайцев	278
<i>Файер В. В.</i> Античность на Летней школе	284
<i>Фрид М. Е.</i> Многозначность слов и их сочетаемость: формальное представление при автоматической обработке текста	288
<i>Шабат Г. Б.</i> О языке стрелок	297
<i>Шабат Г. Б.</i> О естественном языке в математике и физике	305
<i>Шапиро Н. А.</i> Стилистический анализ стихотворения	312
<i>Шапиро Н. А.</i> О стилях и художественности	315
<i>Шаронов И. А.</i> Ирония и антонимия	323
<i>Щербакова Е. Ю.</i> Что можно узнать из сказки?	329
<i>Янко Т. Е.</i> В цветочках или в цветочек? В чем разница?	340
<i>Янко Т. Е.</i> Разрешите обратиться!	345

Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры

Олимпиада Летней лингвистической школы — 2007	357
Олимпиада Летней лингвистической школы — 2008.....	377
<i>Русакова М. В.</i> Задачи по русскому языку	403
<i>Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева</i> Как купорандались привычные нырялы, или Игры в словарь Даля на ЛЛШ	405
<i>Б. Л. Иомдин, О. Ю. Шеманаева</i> Литературная игра «Травести, или литературный маскарад»	408
<i>И. Б. Иткин</i> Что? Где? Когда? IX ЛЛШ	433
<i>И. Б. Иткин</i> Что? Где? Когда? X ЛЛШ.....	440
<i>О. И. Виноградова, О. Ю. Шеманаева</i> Английские игры на Летней лингвистической школе	445
<i>И. А. Леенсон</i> Интеллектуальный фейерверк — 2007	455
<i>И. А. Леенсон</i> Интеллектуальный фейерверк — 2008	468

**Лингвистика для всех.
Летние лингвистические школы 2007 и 2008**

Технический редактор Морозова О. Н.
Лицензия ИД № 01335 от 24.03.2000 г. Подписано к печати 02.07.2009.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Объём 30,5 печатных листов.
Заказ 153. Тираж 1500 эк .

Издательство Московского центра непрерывного математического образования.

119002, Москва, Большой Власьевский переулок, дом 11.

Тел. (7-499) 241-74-83, (7-499) 241-72-85. <http://www.mccme.ru>

Отпечатано в

ООО «Издательство МБА» 121099, Москва,

ул. Рубцовско-Дворцовая, д. 2

Тел.: 726-31-69; 608-47-15, 625-38-13.